

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

108
Издание О. Н. Поповой.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Александра Третьякова
КЛУБОВИ

М. Мугань-Барановскій.

ИТХ. 372
РУССКАЯ ФАБРИКА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Историко-экономическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ.

Второе, значительно дополненное изданіе.

Цѣна 3 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство и книжный магазинъ О. Н. Поповой.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСП., 54.

1900.

Digitized by Google

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

*ам
его и саре
дуги
М. А. Попов
наве*

33

М. Муганъ-Барановскій.

RUSSKAIA FABRIKA
РУССКАЯ ФАБРИКА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Историко-экономическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ.

Второе, значительно дополненное изданіе.

Цѣна 3 р. 50 к.

Гос. Публ. Библ.
имени
Свѣтлицкаго-Щадринскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
О. Н. ПОПОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСКІЙ ПРОСП., 54.

1900.

HD 2356
R8785
1900

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги вызвало въ Россіи и за границей довольно много газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ разбору выдвинутыхъ мною положеній. На нѣкоторыя изъ этихъ статей я отвѣтилъ въ прекратившемся теперь журналѣ „Начало“, на другія совсѣмъ не отвѣчалъ. Не думаю, чтобы на мнѣ лежала нравственная обязанность отвѣчать на нихъ въ настоящее время—не думаю потому, что считаю весьма сомнительнымъ, чтобы полемизировавшіе со мною авторы держались и теперь тѣхъ-же взглядовъ, съ которыми они выступали столь недавно. Не думаю, напр., чтобы гг. Николай—онъ, Каблуковъ, Карышевъ и пр. рѣшились и нынѣ поддерживать излюбленный тезисъ своей школы; будто число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, не растетъ, а по отношенію ко всему населенію Россіи падаетъ. Не думаю далѣе, чтобы кто-либо сталъ теперь отрицать возможность для Россіи переживать промышленные кризисы, въ зависимости не отъ неурожаевъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла. И вообще не думаю, чтобы теперь можно было серьезно спорить—„предстоитъ“ или „не предстоитъ“ Россіи пойти по пути капиталистическаго развитія. Можно-ли полемизировать о вещахъ ясныхъ и очевидныхъ для всѣхъ? И если можно, то представляетъ-ли какой-либо интересъ такая полемика? Во всякомъ случаѣ не для меня—и, вѣроятно, не для читателя.

Эти соображенія побуждаютъ меня отступить отъ довольно распространеннаго обычая—отвѣчать въ послѣдующихъ изданіяхъ книги на сдѣланныя противъ нея возраженія.

Отвѣтъ за меня дала сама русская жизнь. Въ 1898 г. я писалъ, что мы идемъ къ промышленному кризису, и указалъ на поворотный пунктъ въ развитіи нашихъ промышленныхъ отношеній—именно, на 1896 г., съ какого года на биржѣ стала чувствоваться реакція противъ повышательнаго движенія предшествовавшихъ лѣтъ. И будущее вполнѣ оправдало мое теоретическое предвидѣніе. Въ настоящій моментъ мы переживаемъ тяжелый промышленный кризисъ, который закончится еще не скоро; кризисъ этотъ начался въ годъ хорошаго урожая (1899 г.). Развитіе кризиса совершалось и совершается въ полномъ согласіи съ теоріей кризисовъ, данной мною въ другой моей работѣ „Промышленные кризисы“. Столь же оправдались и другія мои ожиданія—напр., относительно быстрого роста числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи. Полемизировать теперь по поводу всего этого—значило-бы поистинѣ ломиться въ открытую дверь.

Но недавно еще эта дверь была въ общественномъ сознаніи захлопнута весьма плотно,—и отворить ее было не легко. Хотя со времени выхода перваго изданія „Русской фабрики“ прошло немного болѣе двухъ лѣтъ, но уже теперь странно представить, какую бурю возраженій встрѣтили мои, казалось-бы, самыя скромныя, самыя несомнѣнныя утвержденія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ—и не будутъ вѣрить, чтобы можно было серьезно относиться къ тому, что проповѣдывалось подъ флагомъ науки экономистами и публицистами школы гг. В. В. и Николая—она...

Настоящее изданіе выходитъ въ значительно дополненномъ видѣ. Почти всѣ дополненія относятся ко II части, главамъ I, III, IV и V, и имѣютъ своимъ содержаніемъ общую теорію промышленнаго развитія Россіи, исторію современнаго промышленнаго кризиса, связь фабричныхъ рабочихъ съ землей, положеніе кустарной промышленности, новѣйшія направленія нашей общественной мысли по отношенію къ вопросу о русскомъ капитализмѣ. Всѣ эти дополненія занимаютъ около 6 печатныхъ листовъ. Въ то же время я удалилъ изъ новаго изданія около 2 листовъ прежняго текста—главнымъ образомъ, полемику съ гг. Николаемъ — ономъ и Карышевымъ, не представляющую уже теперь прежняго интереса.

Первое изданіе настоящей работы переведено на нѣмецкій языкъ г. Минцесомъ и вышло, какъ приложение къ „Zeit-

schrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“ подъ заглавіемъ „Geschichte der russischen Fabrik“ (Berlin. 1900).

Второй томъ „Русской фабрики“ я постараюсь выпустить въ возможно скорѣйшемъ времени.

М. Туганъ-Барановскій.

22 октября 1900 года,
С.-Петербургъ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Читатель не найдетъ въ этой книгѣ исторіи различныхъ отраслей нашей фабрично-заводской промышленности—ихъ возникновенія, постепеннаго роста, измѣненія техники производства и пр. Я не только не гнался за фактической полнотой такого рода, но и вообще не хотѣлъ писать фактической исторіи. О многихъ фактахъ, приводимыхъ въ каждой книгѣ, такъ или иначе касающейся нашей промышленности, я совсѣмъ не упоминаю; напротивъ, на другихъ фактахъ, рѣдко или совсѣмъ не приводимыхъ въ подобныхъ книгахъ, я останавливаюсь иногда очень подробно.

Моя задача заключалась въ достаточно отчетливомъ, но безъ излишнихъ деталей, изображеніи постепеннаго измѣненія внутренняго строя русской фабрики подъ вліяніемъ измѣненія общественно-экономической среды. Мнѣ хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникающая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась въ теченіе XVIII в. въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя постепенно отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ. Я старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крепостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала

машины, и въ наше время—время господства машины. При-знавая, что „не сознание людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія“, я разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ. Касаясь законодательной дѣятельности государства, я поставилъ себѣ задачей не столько критику тѣхъ или иныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Вообще эта книга преслѣдуетъ лишь чисто научную цѣль—объясненія реально существующихъ фактовъ.

Такова была моя цѣль; другой вопросъ, насколько она была достигнута. Оговорюсь, во избѣжаніе недоразумѣній, что настоящая книга отнюдь не претендуетъ на изображеніе развитія всей нашей крупной промышленности въ ея цѣломъ. Горнозаводской промышленности я совсѣмъ почти не касался; исторія горныхъ заводовъ такъ отлична во многихъ отношеніяхъ отъ исторіи фабрики (укажу, хотя-бы, на отсутствіе серьезной конкуренціи кустарной промышленности съ горными заводами), что я считалъ возможнымъ совсѣмъ обойти этотъ вопросъ въ предлагаемой вниманію читателя книгѣ.

Далѣе я ограничилъ свое изслѣдованіе собственно Россіей и, какъ общее правило, совсѣмъ не затрогивалъ исторіи польской промышленности. По очень многимъ вопросамъ мнѣ пришлось еще болѣе сузить область изслѣдованія: такъ какъ моя цѣль заключалась въ выясненіи типическихъ чертъ развитія русской фабрики, то я считалъ себя въ правѣ ограничиться изученіемъ этого развитія въ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что такое ограниченіе нерѣдко требовалось и свойствомъ матеріала, которымъ я располагалъ.

Наконецъ я долженъ обратить вниманіе читателя, что выпускаемая книга только первый томъ задуманнаго мною труда. Въ этомъ первомъ томѣ я хочу обрисовать въ общихъ чертахъ исторію русской фабрики. Современное состояніе фабрики и фабричнаго рабочаго, географическое размѣщеніе нашей фабричной промышленности, условія конкуренціи фабрики съ кустаремъ (значеніе связи кустаря съ землей), продолжительность работы въ разныхъ отрасляхъ труда, работа

женщинъ и дѣтей, экономическое положеніе современнаго фабричнаго рабочаго и многое другое—все это должно войти во второй томъ. Тамъ же я предполагаю теоретически разобрать вопросъ о значеніи фабрики въ строѣ русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросѣ о „судьбахъ нашего капитализма“. Первый томъ имѣетъ своимъ предметомъ лишь исторію, правда, доводимую до самаго новѣйшаго времени.

17 марта 1898 г.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

СТРАН.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ. Важность торговаго капитала въ экономическомъ и общественномъ строе Москвитинской Руси.—Торговый капитализмъ и петровскія фабрики.—Фабриканты изъ купеческаго класса.—Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра.—Невозможность капиталистической фабрики въ петровскую эпоху.—Трудность доставать рабочія руки.—Закрѣпощеніе фабричнаго рабочаго.—Послѣдствія этого.—Сокращеніе привилегій фабрикантовъ по мѣрѣ роста дворянскаго вліянія.—Лишеніе фабрикантовъ права покупки крестьянъ къ фабрикамъ.—Измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса.—Противоположность интересовъ дворянства и купечества въ Екатерининской комиссіи.—Враждебное отношеніе къ купцамъ-фабрикантамъ дворянства и средняго купечества.—Домогательства купечества.—Отношеніе къ фабрикантамъ правительства.—Усиленіе враждебнаго фабрикантамъ теченія при Екатеринѣ.—Защита дворянствомъ свободы крестьянскихъ промысловъ.—Быстрый ростъ фабричной и кустарной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка.—Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустаремъ въ это время. . . . 1

ЧАСТЬ I.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

Глава I.

Развитіе промышленности въ дореформенной Россіи. Возникновеніе у насъ хлопчатобумажнаго производства.—Его необыкновенно быстрый ростъ.—Причины этого.—Капиталистическій характеръ нашего хлопчатобумажнаго производства и его связь съ бумагопрядильнымъ производствомъ Англіи.—Слабость правительственной поддержки.—Промышленный кризисъ конца 30-хъ годовъ.—Кризисъ полотноткацкаго производства 30—40 годовъ.—Размѣры этого кризиса.—Освобожденіе суконной промышленности отъ подчиненія государству.—Ростъ числа

фабричныхъ рабочихъ и концентрація производства до 40-хъ годовъ; измѣненіе направленія развитія послѣ этого времени.—Желѣзодѣлательная промышленность и ея застой.—Связь съ крѣпостнымъ правомъ.

59

Глава II.

Фабрика съ наемнымъ трудомъ. Разрѣшеніе императоромъ Павломъ покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Ничтожныя послѣдствія этой мѣры.—Значеніе вольнонаемнаго труда въ различныхъ отрасляхъ фабричнаго производства дореформенной Россіи.—Преобладаніе свободнаго труда въ новыхъ фабрикахъ и принудительнаго труда въ старыхъ.—Окончательное запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Развитіе новой, капиталистической фабрики.—Относительное сокращеніе числа дворянскихъ фабрикъ.—Составъ фабричныхъ рабочихъ.—Кабальные рабочіе.—Фабричная работа питомцевъ Воспитательнаго дома.—Измѣненіе состава фабрикантскаго класса.—Новый капиталистъ—крестьянскій выходецъ.—Фабриканты и кустари.—Крѣпостные фабриканты.—Отношеніе правительства къ развитію капитализма въ крестьянской средѣ.

84

Глава III.

Вотчинная и посессионная фабрика. Вотчинная фабрика.—Уменьшеніе числа фабрикъ съ принудительнымъ трудомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.—Рабочіе изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.—Отношеніе правительства къ вотчиннымъ фабрикамъ.—Посессионная фабрика.—Элементы, изъ которыхъ образовался классъ посессионныхъ фабричныхъ рабочихъ.—Положеніе рабочихъ на различныхъ посессионныхъ фабрикахъ.—Мѣропріятія правительства по отношенію къ посессионнымъ фабрикамъ.—Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1811 г.—„Положенія“ важнѣйшихъ посессионныхъ фабрикъ.—Измѣненіе взглядовъ правительства на желательность сохраненія посессионныхъ фабрикъ.—Неудобства посессионнаго владѣнія.—Упадокъ посессионной фабрики.—Законодательныя мѣры.—Ликвидация посессионнаго фабричнаго владѣнія.—Положеніе бывшихъ фабричныхъ крестьянъ при переходѣ въ свободное состояніе.

104

Глава IV.

Волненія посессионныхъ фабричныхъ рабочихъ. Волненія рабочихъ на разныхъ фабрикахъ.—Большая Ярославская мануфактура.—Частичные успѣхи рабочихъ.—Фабрика Осокина.—Упорство рабочихъ.—Жестокія наказанія рабочихъ.—Волненія на Фрянновской и Купавинской фабрикахъ.—Красносельская фабрика.—Попытка устройства производительной ассоціаціи.—Другіе примѣры волненій.—Отношеніе къ нимъ центральныхъ и мѣстныхъ властей.

141

Глава V.

Дореформенное фабричное законодательство. Проект 1811 г. учреждения особаго сословія фабричныхъ мастеровыхъ.—Жалобы фабрикантовъ на оставленіе крѣпостными работъ.—Проектъ 1832 г. кн. Голицына.—Сочувственное отношеніе Голицына къ рабочимъ.—Оппозиція проекту московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ.—Законъ 1835 г.—Мѣры министерства финансовъ къ улучшенію положенія фабричныхъ рабочихъ.—Оппозиція фабрикантовъ.—Полный неуспѣхъ этихъ мѣръ.—Первый законъ, ограничивавшій работу малолѣтнихъ, 1845 г.—Его странная судьба.—Проектъ кн. Щербатова.—Проектъ гр. Закревскаго.—Правила Закревскаго для фабричной работы въ Москвѣ.—Отношенія къ этимъ правиламъ мануфактурнаго совѣта и министерства финансовъ.—Дальнѣйшая судьба этихъ правилъ.

167

Глава VI.

Заработная плата. Заработная плата на посессионныхъ текстильныхъ фабрикахъ въ Московской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ въ 1803 г.—Фрянковская фабрика.—Купавинская фабрика.—Большая Ярославская Мануфактура.—Плата рабочимъ на владимірскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50-хъ годахъ.—Повышеніе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ труда, кромѣ хлопчатобумажнаго производства.—Мнѣніе Гакстгаузена о заработной платѣ въ Россіи.—Причины высокаго уровня платы фабричныхъ рабочихъ въ николаевской Россіи

185

Глава VII.

Фабрика и кустарная изба. Связь между фабричной и кустарной промышленностью.—Возникновеніе кустарной промышленности подъ влияніемъ фабрики.—Кустарная набойка и ткачество въ селѣ Ивановѣ.—Превращеніе фабрики въ фабричную контору.—Ростъ „самостоятельнаго“ кустарнаго производства.—Значеніе въ этомъ отношеніи фабрики.—„Самостоятельные“ ткачи-кустари въ Ивановѣ.—Базарная торговля миткалемъ.—Жалобы фабрикантовъ на „недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей.—Попытки фабрикантовъ задержать развитіе домашняго ткачества.—Отношеніе министерства финансовъ къ кустарной промышленности.—Законъ 1846 года относительно раздачи работы на домъ.—Развитіе кустарнаго ткачества въ Николаевскую эпоху.—Распаденіе полотняныхъ фабрикъ.—Жалобы полотняныхъ фабрикъ на конкуренцію кустарей.—Распаденіе суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ.—Кустарная обработка пеньки.—Роль фабрики въ развитіи кустарныхъ промысловъ, по обработкѣ металловъ.—Наблюдаемое во многихъ промыслахъ раздробленіе производства.—Развитіе кустарныхъ промысловъ Московской губерніи.—Роль крѣ-

постного права въ развитіи кустарныхъ промысловъ.—Эволюція отдѣльныхъ отраслей промышленности—бумаготкацкой и ситцепечатной.—Общая характеристика состоянія кустарнаго производства и его внутренняго строя въ Николаевскую эпоху

210

Глава VIII.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ. Протекціонисты и фритредеры Александровской эпохи.—Книга Мордвинова.—„Духъ журналовъ“.—Восхваленіе преимуществъ земледѣлія передъ фабричною промышленностью.—Распространеніе фритредерскихъ взглядовъ въ обществѣ.—Отношенія къ фабрикѣ славянофиловъ.—Ихъ симпатіи къ кустарному производству.—Книга Гакстгаузена.—Идеализація русскаго промышленнаго строя.—Невѣрное представленіе о строѣ кустарныхъ промысловъ.—Сочувствіе крѣпостному праву и посессионной фабрикѣ.—Своеобразный севъ-симонизмъ.—Взгляды на фабрику западниковъ.—Отношеніе къ фабрикѣ гр. Канкринна, и вообще Николаевской бюрократіи.—Фабричная идиллія 40-хъ годовъ.—Различіе между теоретическими взглядами и практическимъ отношеніемъ власти къ фабрикантамъ въ Николаевскую эпоху

265

ЧАСТЬ II.

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

Глава I.

Развитіе фабричной промышленности въ новѣйшее время. Вліяніе реформы 19 февраля на различныя отрасли фабричной промышленности.—Вызванный этой реформой рабочій кризисъ.—Періодическія колебанія нашей промышленности.—Упадокъ ярмарочной торговли.—Промышленные кризисы.—Мнѣніе г-на—она о связи кризисовъ съ неурожаями.—Ростъ чугуноплавильнаго производства.—Отчего зависитъ промышленный подъемъ новѣйшаго времени.—Современный промышленный кризисъ.—Его причины.—Движеніе курсовъ биржевыхъ бумагъ.—Дисконтный процентъ.—Откуда явилась нужда въ деньгахъ.—Застой въ разныхъ отрасляхъ промышленности зимой 1899—1900 года.—Состояніе желѣзодѣлательной промышленности.—Вопросъ о рынкѣ для русской промышленности.—Рынокъ въ странѣ съ развивающимся денежнымъ хозяйствомъ.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи.—Концентрація производства.—Что тормозитъ въ Россіи успѣхи капиталистическаго производства.

307

Глава II.

Новѣйшее фабричное законодательство. Проекты комиссій при с.-петербургскомъ генераль-губернаторѣ и при министерствѣ

финансовъ подъ предсѣдательствомъ Штакельберга.—Отношеніе фабрикантовъ петербургскихъ и центрального района къ законодательной охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ.—Отзывы разныхъ лицъ: Хлудовыхъ, графа Баранова и другихъ.—Проекты 70-хъ годовъ.—Постановленіе съѣзда машиностроителей 1875 года. Законъ 1882 года.—Послѣдующіе законы.—Связь ихъ съ промышленнымъ кризисомъ 80-хъ годовъ.—Почему московскіе фабриканты противятся законодательному ограниченію времени работы, а петербургскіе настаиваютъ на таковомъ.—Ходатайство лодзинскихъ фабрикантовъ 1894 года.—Отношеніе московскаго общества содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности къ нормировкѣ рабочаго дня.—Законъ 2 іюня 1897 года. . . .

385

Глава III.

Заработная плата. Вліяніе реформы 19 февраля на заработную плату.—Повышеніе платы и послѣдующее паденіе ея.—Рабочіе на ивановскихъ фабрикахъ по отзыву Я. Гарелина.—Сравненіе заработной платы въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 50-хъ и 80-хъ годахъ. — Паденіе реальной заработной платы. Заработная плата на московскихъ фабрикахъ.—Измѣненіе заработной платы въ новѣйшее время.—Современный фабричный рабочій по изслѣдованіямъ г. Дементьева и другихъ московскихъ земскихъ статистиковъ.—Обособленіе фабричныхъ рабочихъ въ особый общественный классъ.—Обслѣдованіе г. Шестаковымъ рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.—Связь съ землей.—Въ чемъ эта связь заключается у различныхъ группъ рабочихъ. Значеніе этой связи съ землей. . . .

431

Глава IV.

Борьба фабрики съ кустаремъ. Измѣненіе условій конкуренціи фабричной и домашней промышленности въ новѣйшее время.—Сокращеніе числа домашнихъ рабочихъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ.—Паденіе ручного ткачества въ разныхъ отрасляхъ труда.—Раздробленіе производства—чѣмъ оно вызывается.—Металлическіе кустарные промыслы.—Гвоздарный промыселъ.—Павловскіе замочки.—Почему въ Павловѣ кустарная мастерская становится мельче, а въ Загарѣ крупнѣе.—Упадокъ лѣсныхъ промысловъ.—Значеніе вздорожанія сырья.—Гончарничество.—Щеточный промыселъ Московской губ. — Развитие новыхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики.—Экскурсія въ область англійскихъ экономическихъ отношеній.—Англійскіе кустарные промыслы.—Сходство положенія англійскаго и русскаго кустаря.—Взгляды англичанъ на способы борьбы со зломъ домашней системы.—Бѣгство мужика изъ деревни въ городъ.—Чѣмъ оно вызывается, по отзывамъ мѣстныхъ наблюдателей.—Вліяніе отхода на экономическое положеніе населенія въ Костромской губ.—

Отходъ и грамотность въ Костромской и Ярославской губер-
ніяхъ 452

Глава V.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикъ въ новѣйшее время.

Фритредеры 60-хъ годовъ.—Отличіе ихъ отъ фритредеровъ
крѣпостной эпохи.—Отношеніе къ фабрикъ.—Симпатіи къ ка-
питализму.—Взгляды „Современника“ на фабрику и кустар-
ное производство.—Книги Корсака и Флеровскаго.—Артель-
ныя увлеченія.—Обсужденіе фабричныхъ вопросовъ на 1-мъ
Всероссійскомъ торгово-промышленномъ съездѣ.—Взгляды
„Отечественныхъ Записокъ“ 70-хъ годовъ.—Отношеніе къ
фабрикъ г. Михайловскаго.—Книга г. В. В. „Судьбы капита-
лизма въ Россіи“.—Народничество.—Г. Николай—онъ и г.
В. В.—Почему народничество не имѣетъ у насъ успѣха.—
Отношеніе къ капитализму различныхъ направленій русской
жизни.—Классовое представительство аграрныхъ интере-
совъ.—На чемъ основывается промышленная политика но-
вѣйшаго времени 517

ВВЕДЕНИЕ.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ.

Важность торговаго капитала въ экономическомъ и общественномъ строе Москвитинской Руси.—Торговый капитализмъ и петровскія фабрики.—Фабриканты изъ купеческаго класса.—Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра.—Невозможность капиталистической фабрики въ петровскую эпоху.—Трудность доставать рабочія руки.—Закрѣпощеніе фабричнаго рабочаго.—Послѣдствія этого.—Сокращеніе привилегій фабрикантовъ по мѣрѣ роста дворянскаго вліянія.—Лишеніе фабрикантовъ права покупки крестьянъ къ фабрикамъ.—Измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса.—Противоположность интересовъ дворянства и купечества въ Екатерининской комиссіи.—Враждебное отношеніе къ купцамъ-фабрикантамъ дворянства и средняго купечества.—Домогательства купечества.—Отношеніе къ фабрикантамъ правительства.—Усиленіе враждебнаго фабрикантамъ теченія при Екатеринѣ.—Защита дворянствомъ свободы крестьянскихъ промысловъ.—Быстрый ростъ фабричной и кустарной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка.—Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустаремъ въ это время.

Одинъ тонкій наблюдатель русской жизни конца XVIII и начала XIX вѣка слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ коренную особенность русскаго промышленнаго строя той эпохи и его основное отличіе отъ западно-европейскаго: „Небрежность, съ которой работаютъ (русскіе) ремесленники, — говоритъ онъ, — отчасти зависитъ отъ крайне страннаго устройства, не наблюдающагося, быть можетъ, въ такомъ же родѣ, ни въ какой другой странѣ. Русскіе ремесленники, за исключеніемъ большихъ городовъ, ничего не принимаютъ на заказъ, но все изготовляютъ для продажи — башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другіе предметы одѣянія, шубы, постели, одѣяла, столы, стулья — короче, всевозможные предметы. Всѣ эти вещи ремесленники поставляютъ за опредѣленную плату купцамъ, которые ихъ и продаютъ въ своихъ магазинахъ.

Внутри Россіи очень рѣдко можно что-нибудь сдѣлать на заказѣ, въ случаѣ какой-нибудь надобности, нужно идти въ лавки или магазины, помѣщающіеся, обыкновенно, въ одномъ мѣстѣ. Но зато въ этихъ лавкахъ можно купить все, что угодно; и къ тому же на треть дешевле, чѣмъ у ремесленниковъ, берущихъ работу на заказъ“¹⁾.

Шторхъ былъ, въ свое время, лучшимъ знатокомъ экономической жизни Россіи и не менѣе знакомъ съ хозяйственнымъ строемъ Западной Европы. Поэтому его наблюденіе весьма характерно. Очевидно, въ организациі русскаго мелкаго производства была особенность, не встрѣчавшаяся на Западѣ, и потому бросавшаяся въ глаза западно-европейцу. Этой особенностью являлась выдающаяся роль въ нашемъ мелкомъ производствѣ торговца, купца. Я не буду останавливаться на огромномъ значеніи торговаго капитала какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ и общественномъ строѣ допетровской Россіи. Этотъ вопросъ достаточно разъясненъ нашими историками — Соловьевымъ, Костомаровымъ, Ключевскимъ и др. Корсакъ, въ своей превосходной книгѣ „О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Россіи“ отмѣтилъ этотъ фактъ и далъ ему вполне вѣрное объясненіе и оцѣнку. При рѣдкости населенія и ничтожномъ количествѣ городовъ въ Московской Руси, торговецъ являлся необходимымъ посредникомъ между производителемъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ деревенскимъ кустаремъ) и потребителемъ. Торговецъ не могъ не быть крупной фигурой въ общественной и экономической жизни Россіи стараго времени. Уже въ XVII вѣкѣ кустарь былъ въ рукахъ торговца, владѣвшаго рынкомъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія о Московской Руси, какъ о государствѣ исключительно земледѣльческомъ, почти не имѣвшемъ торговли. Наоборотъ, всѣхъ иностранцевъ, приѣзжавшихъ въ XVII вѣкѣ въ Москву, поражало развитіе торговли въ этомъ городѣ и вообще склонность русскихъ къ торговлѣ²⁾.

Можно было бы привести сколько угодно цитатъ изъ ино-

1) Heinrich Storch. „Historisch-Statistische Gemälde des Russischen Reichs“. 1799, III, 178—179.

2) Объ этомъ подробно говоритъ Костомаровъ: „По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изыятія... занимаются торговлей“. Костомаровъ. „Очерки торговли Московскаго государства“. Спб. 1862 г., стр. 136.

станныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ, выражавшихъ удивленіе предъ энергичной торговой жизнью Москвы. Ограничусь отзывами двухъ путешественниковъ, сочиненія которыхъ являются главнымъ иностраннымъ источникомъ для изученія русской торговли временъ Алексѣя Михайловича—де-Родеса и Кильбургера. Де-Родесь, посѣтившій Москву въ 1653 г., пишетъ: „Достаточно всемъ извѣстно, что все постановленія этой страны направлены на коммерцію и на торгъ, въ чемъ удостовѣряетъ ежедневный опытъ, потому что все здѣсь, отъ высшаго до низшаго, только и думаютъ, только и стараются, какъ бы чѣмъ-либо нажитъ.. Въ этомъ отношеніи русская нація гораздо дѣятельнѣе всехъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ“¹⁾. То же говоритъ и Кильбургеръ: „Все жители Москвы, начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю; въ Москвѣ болѣе лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ или даже въ какомъ иномъ государствѣ... Болѣе всего замѣчательно и похвально въ Москвѣ то, что для каждаго рода товаровъ, отъ самыхъ лучшихъ до худшихъ, есть особые улицы и рынки. Торгующіе шелкомъ имѣютъ свои особые ряды, равно какъ и продающіе пряные коренья, лакъ, шапочники, оловянщики, мѣдники, скорняки, сапожники и пр.“²⁾.

Крупные торговцы (Гостиная и Суконная сотни и особенно „гости“) являлись однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ общественныхъ элементовъ Московской Руси. Особенно усилилось политическое значеніе представителей крупнаго торговаго капитала въ эпоху Алексѣя Михайловича. „Новоторговый Уставъ“, изданный, какъ указано въ самомъ Уставѣ, „по челобитью Московскаго государства гостей и гостиныхъ сотенъ и черныхъ слободъ торговыхъ людей“³⁾, былъ яркимъ выраженіемъ вліянія купеческаго капитала на законодательную дѣятельность Московскаго государства.

Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. По словамъ Котошихина, торговые обороты гостей достигали отъ 20—100 тысячъ рублей въ годъ⁴⁾. Если принять въ

1) Де-Родесь. „Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г.“. Пер. И. Бабста. „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій“, т. V, 1858 г., стр. 234.

2) I. Ф. Кильбургеръ. „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ“. Пер. Языкова. Спб. 1820 г., стр. 10, 188.

3) П. С. З. I собр., т. I, 408.

4) „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, соч. Григорія Котошихина. Изд. 3. Спб. 1884 г., стр. 157.

соображеніе цѣнность денегъ тогда и теперь, то эти обороты слѣдуетъ признать миллионными; отсюда можно заключить о степени концентрации торговаго капитала въ Москвѣ задолго до Петровской эпохи. Какимъ экономическимъ и политическимъ вліяніемъ пользовались гости, можно судить по слѣдующей характеристикѣ ихъ, данной современникомъ: „Гости неограниченно управляютъ торговлей во всемъ государствѣ. Это корыстолюбивое и вредное сословіе... Во всѣхъ большихъ городахъ опредѣляютъ они цѣны одному, по два и по три человѣка изъ живущихъ тамъ лучшихъ купцовъ, которымъ, подъ видомъ царскихъ факторовъ, даютъ привилегіи гостей. По корыстолюбію своему стѣсняють они вездѣ большей частью, торговлю. Простые купцы замѣчаютъ и знаютъ это очень хорошо, почему и говорятъ дурно о гостяхъ. Въ случаѣ какого возмущенія, опасаться надобно, чтобы народъ не сломилъ шеи всѣмъ гостямъ... Они безпрестанно стараются... чтобы имъ только однимъ быть господами и набивать свои карманы“¹⁾).

Итакъ въ торговлѣ крупный капиталъ игралъ очень большую роль уже въ Московской Руси. Напротивъ, въ промышленности неограниченно царило мелкое производство. Если не считать нѣкоторыхъ единичныхъ попытокъ устройства фабрикъ и заводовъ въ XVI и XVII вѣкѣ иностранцами и изрѣдка богатыми боярами при поддержкѣ правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсѣмъ не знала фабричнаго производства. Торговый капитализмъ у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, предшествовалъ промышленному капитализму.

Нашъ старинный капиталистическій классъ—купечество—не обнаруживалъ никакой наклонности захватить въ свои руки производство. Купецъ предпочиталъ скупать, владея рынкомъ, продукты труда мелкаго производителя и держать послѣдняго въ полной зависимости отъ себя, не обращая его въ наемнаго рабочаго. И эта характерная особенность допетровскаго капитализма ярко выразилась въ томъ, что московское купечество въ XVI и XVII вѣкѣ упорно добивалось возможно болѣе широкой свободы привоза иностранныхъ товаровъ. „Новоторговый Уставъ“ проникнуть духомъ свободной торговли. Капиталистъ-торговецъ не стремился сдѣлаться промышленникомъ и предпочиталъ свободно покупать товаръ на самомъ дешевомъ рынкѣ.

При Петрѣ, при непосредственномъ участіи правительства, въ

¹⁾ Кильбургеръ, 156. Также отзывается о гостяхъ и де-Родесъ, 248.

Россіи возникаетъ крупное производство. У насъ любятъ говорить объ „искусственномъ“ происхожденіи нашей фабричной промышленности. По мнѣнію Корсака, самымъ естественнымъ въ положеніи Петра была „организація тѣхъ мѣстныхъ и наиболѣе распространенныхъ промысловъ, издѣлія которыхъ и прежде имѣли довольно обширный сбытъ. Тѣ же ссуды, тѣ же жертвы правительства, которыя оно дѣлало для обогащенія отдѣльныхъ лицъ... оно могло бы обратить на цѣлыя села, деревни и города... Вмѣсто того чтобы простыхъ ремесленниковъ... дѣлать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сдѣлать ихъ самихъ фабричными предпринимателями...—и вмѣсто того, чтобы строить на счетъ казны фабрики и отдавать ихъ потомъ купцамъ и помѣщикамъ, не лучше ли было бы отдавать ихъ цѣлымъ мѣстностямъ, которыя были заняты тѣмъ же промысломъ; слѣдовало бы обратиться къ живымъ народнымъ силамъ и имъ дать возможность къ дальнѣйшему развитію, а не давить ихъ монополіей... Искусственно воздвигнутыя фабрики не находили рабочихъ... Новая форма промышленности была рѣшительно противоположна всѣмъ народнымъ привычкамъ и формамъ жизни“¹⁾.

Эта мысль—что Петръ направилъ развитіе нашей промышленности по ложному пути, придавъ ей „искусственный“ характеръ насажденіемъ крупнаго производства—стала общимъ мѣстомъ въ нашей литературѣ. Обыкновенно исторія русской промышленности изображается въ слѣдующемъ видѣ. До Петра у насъ господствовало мелкое производство, и не было элементовъ для капиталическаго хозяйства. Со времени Петра правительство, жертвуя интересами мелкой промышленности, „искусственными“ мѣрами насаждаетъ у насъ капитализмъ, всячески поддерживая и поощряя капиталистическія предпріятія, хотя они и не соотвѣтствуютъ нашимъ экономическимъ условіямъ. Если бы правительство держалось иной торгово-промышленной политики, то и результаты нашего экономического развитія были бы совершенно иные, къ выгодѣ огромнаго большинства нашего народа. На Петра падаетъ вина перваго шага по тому гибельному пути, которымъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно шествуетъ русское правительство, поощряя капитализмъ.

Итакъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ нашего капитализма является его „искусственность“. Послѣ Корсака аргументъ этотъ повторялся сотни разъ (объ „искусственности“ на-

¹⁾ Корсакъ. „О формахъ промышленности“. Москва, 1861 г., стр. 128, 129.

шего капитализма говорить, между прочимъ, и г. Милюковъ в своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“), но отъ этого онъ отнюдь не сдѣлался сильнѣе. Однако его неизмѣнно выдвигаютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: очевидно, на что то онъ дѣйствуетъ, кому-то кажется убѣдительнымъ.

Разберемъ же смыслъ этого аргумента. Противоположеніе естественнаго порядка искусственному ведетъ свое начало въ экономическихъ „построеніяхъ съ XVIII вѣка, отъ физиократовъ. Физиократы вѣрили, что существуетъ естественный порядокъ вещей совершенный во всѣхъ отношеніяхъ; этотъ естественный порядокъ будетъ достигнутъ, когда государство откажется отъ руководства частной жизнью гражданъ и предоставитъ имъ полную свободу въ частной дѣятельности. Отсюда знаменитая формула „laissez faire, laissez passer“. Буржуазная экономическая наука первой половины нашего вѣка, отстаивавшая формулу „laissez faire“, часто рассуждала объ „искусственности“ и „естественности“. Всѣ эти рассужденія прикрывали собою стремленіе освободить капитализмъ отъ средневѣковыхъ узъ, стѣснявшихъ его развитіе. Защитники „естественности“ были вмѣстѣ съ тѣмъ горячими сторонниками капитализма, его апологетами и дирирамбистами. Объ этихъ господахъ Марксъ замѣтилъ очень мѣтко и справедливо: „Экономисты рассуждаютъ весьма своеобразно. У нихъ есть два рода учрежденій — искусственныя и естественныя. Учрежденія феодализма суть искусственныя учрежденія, учрежденія буржуазіи — естественныя... Когда экономисты говорятъ, что существующія отношенія — отношенія буржуазнаго производства — естественны, то этимъ они даютъ понять, что это такія отношенія, при которыхъ производство богатства и развитіе производительныхъ силъ совершается согласно естественнымъ законамъ. Эти отношенія, по ихъ мнѣнію, суть независимыя отъ вліянія времени законы природы. Это — вѣчные законы, которые всегда будутъ управлять обществомъ. Иными словами, раньше была исторія, теперь же ея нѣтъ“.

У насъ, благодаря иной общественной обстановкѣ, о „естественности“ и „искусственности“ разговариваютъ не друзья, а именно „враги“ капитализма. Для нашихъ самобытныхъ экономистовъ, такъ же, какъ для экономистовъ Запада, есть два рода учрежденій — естественныя и искусственныя. Естественныя учрежденія — это остатки нашего ancien régime — община, артель, кустарные промыслы; искусственныя учрежденія — категоріи буржуазнаго

проя, капитализмъ. Роли перемѣнились. То, что отсталые экономисты Запада называли искусственнымъ, отсталые экономисты Востока называютъ естественнымъ, и обратно.

И тѣ, и другіе одинаково неправы. Отношенія капиталистическаго производства столь же естественны, какъ и отношенія крѣпостнаго производства; отношенія капиталистическаго производства столь же искусственны, какъ и крѣпостныя отношенія производства.

Все дѣло въ томъ, что отсталые экономисты не могутъ понять очень простой вещи: раздѣленіе общественныхъ учрежденій на естественныя и искусственныя ровно ничего не выражаетъ, и споръ объ „естественности“ и „искусственности“ есть споръ совершенно праздный. На Западѣ, впрочемъ, это уже давно поняли, и такихъ экономистовъ, о какихъ говоритъ Марксъ, тамъ больше не существуетъ. А вотъ у насъ никакъ понять не могутъ...

Къ сожалѣнію, приходится признать, что наша экономическая наука въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошла назадъ со времени Чернышевскаго. Его ученики умѣли только повторять слова учителя, ничему новому не научились и очень многое изъ стараго успѣли основательнѣйшимъ образомъ забыть. Забыта, между прочимъ, и превосходная статья Чернышевскаго въ „Современникѣ“ за 1860 годъ — „Капиталь и трудъ“. Въ этой статьѣ современные отсталые экономисты могли бы найти для себя много поучительнаго.

Статья посвящена доказательству нелѣпости раздѣленія общественныхъ явленій на естественныя и искусственныя. „Почитатель Бастіа,—говоритъ Чернышевскій,—который особенно много разыгрывалъ варіацій на слово „искусственность“, г. Горловъ забылъ, что искусственнымъ образомъ не производится въ общественной жизни ровно ничего, а все создается естественнымъ образомъ. Дѣло не въ томъ, чтобы сказать: „это естественно“, а въ томъ, чтобы разобрать, ко вреду или пользѣ общества это служить. Вѣдь и протекціонная система—явленіе совершенно естественное въ извѣстныхъ обстоятельствахъ... Обыкновенно называютъ естественнымъ экономическимъ порядкомъ такой, который входитъ въ общество самъ собою, незамѣтно, безъ помощи законодательной власти, и держится точно такъ же. Опредѣленіе прекрасное—только жаль, что ни одно важное экономическое учрежденіе не подходитъ подъ него. Напримѣръ, введеніе свободной торговли вмѣсто протекціонной системы, конечно, представляетъ, по мнѣ-

нію всѣхъ отсталыхъ экономистовъ, возвращеніе къ естественному порядку отъ искусственнаго. Какимъ же образомъ оно происходитъ?“ И Чернышевскій доказываетъ, что для этого требуется вмѣшательство государственной власти, т.-е., что и это есть явленіе искусственное.

Спрашивается, далеко ли ушли отсталые экономисты нашего времени (ученики Чернышевскаго) отъ отсталыхъ экономистовъ 60-хъ годовъ? И не обнаружили ли ученики самаго постыднаго забвенія словъ учителя?

Когда экономистъ 60-хъ годовъ Горловъ защищалъ естественный порядокъ,—это имѣло смыслъ. Взгляды Горлова опирались на своеобразное теологически-натуралистическое міровоззрѣніе, унаслѣдованное отъ XVIII вѣка. По словамъ Горлова, „естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляетъ цѣлымъ міромъ; слѣдовательно, по натурѣ своей они не могутъ быть бѣдственны и разрушительны, и разсмотрѣніе ихъ всегда можетъ сдѣлаться достойнымъ предметомъ весьма важной науки“. Но для тѣхъ, кто не вѣритъ въ провиденціальныи смыслъ формулы *laissez faire*, рѣшительно непонятно, почему „естественныя учрежденія“ предпочтительнѣе „искусственныхъ“.

Въ чемъ же заключается смыслъ глубокомысленныхъ разсужденій объ искусственномъ происхожденіи нашего капитализма? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что безъ дѣятельной поддержки правительства наша промышленность не могла бы развиваться. Но развѣ это доказываетъ, что въ Россіи капиталистическое производство встрѣчало менѣе благоприятныя условія для своего развитія, чѣмъ въ другихъ странахъ? Повидимому, въ этомъ и заключается сила разсматриваемаго аргумента. На Западѣ капитализмъ развивался „естественно“, самъ собою, у насъ же онъ—чужеземное растеніе, отвергаемое русской почвой и поддерживаемое лишь „искусственными“ мѣрами правительства. Такъ, повидимому, думаютъ наши отсталые экономисты.

Они забываютъ при этомъ самую малость: то, чего не существуетъ ни одной страны въ мірѣ, на Западѣ или на Востокѣ—все равно, гдѣ капитализмъ развился бы безъ дѣятельной поддержки правительства. Съ этой точки зрѣнія капитализмъ развился „искусственно“ повсюду, гдѣ онъ процвѣтаетъ—въ Англии, Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ и т. д. Остается одно изъ двухъ: или признать, что капитализмъ во всемъ мірѣ есть явленіе „искусственное“, или оставить праздный разговоръ объ искусственности

ли естественности. Впрочемъ, иные изъ нашихъ „враговъ капитализма“ не отступяютъ передъ первой альтернативой. Утверждалъ же г. Л. Оболенскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что вообще капитализмъ въ міровой исторіи есть нѣчто въ родѣ несчастной случайности. Впрочемъ, съ г. Оболенскаго и требовать нечего...

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что крупное производство возникло въ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства. До Петра у насъ почти не существовало крупныхъ промышленныхъ предпріятій, а послѣ него насчитывалось уже 233 казенныхъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ ¹⁾. Какъ я говорилъ, несмотря на развитіе торговли въ Московскомъ государствѣ, производство въ допетровской Руси оставалось мелкимъ. Мелкій производитель былъ въ полной зависимости отъ торговца, но торговецъ отнюдь не обнаруживалъ наклонности дѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ и обращать своего поставщика-кустара въ наемнаго рабочаго, работающаго въ мастерской хозяина. Превращеніе кустарнаго производства въ фабричное было невозможно по той простой причинѣ, что, при примитивности техники производства, грубости и дешевизнѣ изготовляемыхъ издѣлій, мелкое производство оказывалось болѣе выгоднымъ. Кильбургеръ говоритъ, что крупные желѣзные заводы, устроенные въ Московскомъ государствѣ иностранцами, не могли конкурировать съ кустарями въ выдѣлкѣ гвоздей и другихъ желѣзныхъ издѣлій ²⁾. Что же касается до тѣхъ товаровъ, которые не выдѣлывались кустарями, какъ, напр., тонкія сукна, полотна, шелковыя матеріи и пр., то устройству для изготовленія ихъ особыхъ заведеній препятствовали двѣ причины: отсутствіе подготовленныхъ, искусныхъ рабочихъ и трудность сбыта такихъ товаровъ, такъ какъ иностранные товары ввозились съ небольшою пошлиною и по своимъ достоинствамъ стояли внѣ туземной конкуренціи. Поэтому въ Московской Руси, несмотря на развитіе торговли, промышленность имѣла примитивный характеръ и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступилъ новый факторъ—государство.

Извѣстны энергичныя усилія Петра завести въ Россіи фабричное производство, извѣстны и средства, которыя употреблялъ

¹⁾ Кирилловъ. „Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства“. 1831 г. II, 133.

²⁾ Кильбургеръ, 169.

Петръ для этой цѣли. Тѣ заводы и фабрики, которые Петръ признавалъ особенно нужными—горные и оружейные заводы, суконыя, полотняныя и парусныя фабрики—устраивались самой казною и затѣмъ передавались частнымъ лицамъ. Въ другихъ случаяхъ казна ссужала значительные капиталы безъ процентовъ, снабжала инструментами и рабочими частныхъ лицъ, устраивавшихъ фабрики на свой собственный страхъ и рискъ; изъ-за границы выписывались искусные мастера, фабриканты получали значительныя привилегіи: какъ они сами, такъ и ихъ дѣти и мастера освобождались отъ всякой государственной службы, были подсудны особому суду, избавлялись на нѣкоторое время отъ податей и внутреннихъ пошлинъ, получали право беспошлиннаго привоза изъ-за границы нужныхъ имъ инструментовъ и матеріаловъ, дома ихъ освобождались отъ постоя и пр.

Сбытъ изготовленныхъ издѣлій обезпечивался, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніемъ ихъ казною. Самые крупныя заводы и фабрики—оружейныя, пушечныя, литейныя заводы, суконныя, парусно-полотняныя, писчебумажныя фабрики—поставляли свои издѣлія исключительно или главнымъ образомъ въ казну. Въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ не требовался казною, сбытъ фабричныхъ издѣлій обезпечивался высокой привозной пошлиной, а иногда прямымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ того же рода или даже монополіей производства, предоставленной отдѣльнымъ фабрикантамъ. Такъ, компанія подканцлера Шафирова и Толстоу получила въ 1717 г. полную монополію изготовленія шелковыхъ матеріи, бархата, парчей, штофовъ и пр. ¹⁾ Въ 1718 г. былъ запрещенъ ввозъ изъ-за границы каразеи (родъ шерстяной матеріи) ¹⁾. Тарифомъ 1724 всѣ товары, производство которыхъ въ Россіи къ этому времени достигло уже значительнаго развитія, были обложены высокой пошлиной, 50—75% своей цѣнности. Этой пошлиной, напр., были обложены скатерти, салфетки, полотна, парусина, шелковыя ткани, иглы, желѣзо не въ дѣлѣ; писчая бумага, кожаный товаръ, чулки, шерстяныя ткани (кромя сукна) обложены были болѣе умѣренной покровительственной пошлиной—въ 25%.

Изъ числа фабрикъ и заводовъ, возникшихъ при Петрѣ, были и очень крупныя. Казенныя горныя заводы въ особенности отличались огромными размѣрами. Объ этомъ можно судить по тому, что къ 9 пермскимъ заводамъ было приписано 25 тысячъ кре-

¹⁾ П. С. З., т. V, 3089, 3162.

тъянъ мужского пола. На Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ работало 688 человекъ. Къ казенному оружейному заводу въ Тулѣ было приписано 508 крестьянскихъ дворовъ. На казенной парусной фабрикѣ въ Москвѣ было 1162 рабочихъ ¹⁾. Но и на частныхъ фабрикахъ производство велось въ крупныхъ размѣрахъ. На московской суконной фабрикѣ компанейщиковъ купеческихъ людей Щеголина „съ товарищи“ въ 1729 г. работало 730 рабочихъ на 130 станахъ; на казанской суконной фабрикѣ Микляева работало 742 человекъ; московская полотняная фабрика Тамеса съ компаніей имѣла 443 стана и 841 раб.; ярославская фабрика Тамеса и Затрапезнаго—172 стана и 180 раб.; на московской ленточной и позументной фабрикѣ Милютина было 280 раб. ²⁾; на шелковыхъ мануфактурахъ компаніи Евреиннова въ 1728 г. работало до 1500 мужчинъ и женщинъ ³⁾.

Такимъ образомъ, Петру, несомнѣнно, удалось вызвать у насъ крупное производство. Но слѣдуетъ ли отсюда, что случайныя личныя воззрѣнія Петра и его преемниковъ играли рѣшающую роль въ исторіи нашей промышленности? Можно ли согласиться съ Корсакомъ, что Петръ могъ выбрать другой путь — покровительства кустарной промышленности, и тогда наше экономическое развитіе пошло бы совершенно иначе?

Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно вспомнить объ экономическомъ положеніи Россіи до Петра. Въ допетровской Руси не существовало промышленнаго капитализма, но былъ вполнѣ развитъ торговый капитализмъ. Концентрація торговаго капитала, наблюдавшаяся въ допетровской Руси, была вызвана не правительственными мѣропріятіями, а естественной эволюціей торговли, преимуществами крупной торговли передъ мелкой. *Этотъ-то торговый капиталъ и явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра.*

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ именнымъ

¹⁾ Кирилловъ. „Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства“. I, стр. 22, 95.

²⁾ Всѣ эти данныя взяты изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Дѣла Комиссіи о коммерціи, № 502. Арх. д-та там. сб.

³⁾ Чулковъ. „Историческое описаніе российской коммерціи“, т. VI, кн. III, стр. 221. Шторхъ говоритъ, что на нѣкоторыхъ петровскихъ фабрикахъ работало до 3 тыс. рабочихъ (Historisch-Statistische Gemälde, III, 32). Это можетъ быть вѣрно только по отношенію къ казеннымъ горнымъ заводамъ; частныя фабрики не достигали такихъ размѣровъ.

спискамъ петровскихъ фабрикантовъ. Нерѣдко думаютъ, что петровскія фабрики устраивались, главнымъ образомъ, иностранцами ¹⁾

Однако на самомъ дѣлѣ значительно бѣльшая часть фабрикантовъ петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали къ торговому сословію. Первыми суконными фабрикантами были купцы Сѣриковъ и Дубровскій, фабрика которыхъ возникла еще въ 1698 г. Крупнѣйшая суконная фабрика — „Большой Суконный Дворъ“ въ Москвѣ принадлежала русской купеческой компаніи Щеголина съ товарищами—Гостиной сотни Иваномъ Култыгинимъ, Болотинимъ, Пушниковымъ, Твердышовымъ, Сѣриковымъ и др. Другая крупная суконная фабрика въ Казани принадлежала также купеческой компаніи казанца Гостиной сотни, Микляева. Компанія Шафирова, Толстого и Апраксина, монополизировавшая производство шелковыхъ матерій въ Россіи, продержалась только нѣсколько лѣтъ: съ 1721 г. вельможные члены компаніи пригласили въ свою среду 8 человекъ изъ купечества, а въ 1724 г. шелковыя мануфактуры окончательно перешли въ руки купеческихъ компанейщиковъ, вернувшихъ Апраксину и Толстому внесенный ими капиталъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ возникло 5 шелковыхъ фабрикъ, изъ которыхъ 4 принадлежали купцамъ Евреинову, Старцову, Павлову, Мыльникову и 1 армянину Францову. Игольный заводъ, единственный во всей Россіи, принадлежалъ также купеческой компаніи Томилина и Рюминыхъ.

Первая частная полотняная фабрика въ Россіи принадлежала компаніи русскихъ торговыхъ людей — Андрею Туркѣ (или Турчанинову) и Цымбальщикову съ товарищами. Этой компаніи правительство передало въ 1711 году полотняные, скатертные и салфеточные заводы въ Новонѣмецкой слободѣ, которые раньше были въ вѣдѣніи Посольскаго приказа.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ петровскихъ фабрикантовъ былъ ярославецъ Гостиной сотни Затрапезный. Ему принадлежали, кромѣ полотняной, также писчебумажная, коломяночная и масляная фабрики. Крупнымъ полотнянымъ и писчебумажнымъ фабрикантомъ былъ также купецъ Аѳанасій Гончаровъ.

Изъ менѣе крупныхъ фабрикантовъ можно упомянуть о купцахъ Волковѣ (коломяночная фабрика), Филатовѣ (полотняная фабрика), Корниловѣ (писчебумажная фабрика), Скобельниковѣ (кожевенный заводъ), Павловѣ и Никифоровѣ (платочная фабрика),

¹⁾ Это говорилъ, напр., В. Лешковъ. „Русскій народъ и государство“. 1858 г., 373.

Данфиловъ (платочная фабрика), Бабушкинъ съ компаніей (суконная фабрика), Собольниковъ (суконная фабрика), Никитъ Ворогинъ (каразейная фабрика), Кузнецовъ (каразейная фабрика), Кирилловъ (трубочная фабрика) и проч.

Изъ числа иностранцевъ, кромѣ Тамеса, Тиммермана и Вестова, послѣдній, впрочемъ, былъ московскимъ купцомъ; онъ стоялъ во главѣ компаніи, имѣвшей сахарный заводъ), мы не встрѣчаемъ въ петровское время крупныхъ фабрикантовъ. Но и Тамесь былъ только главой обширной компаніи русскихъ торговцевъ (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышева, Попова, Неврева, Затрапезнаго и др.). Самъ Тамесь внесъ только десятую часть всего компанейскаго капитала.

Суконныя фабрики иноземцевъ Фибиха, Пранга и Литхена были небольшими заведеніями. Первая работала на 15-ти, 2-я на 19-ти станахъ, 3-я была еще меньше. Точно такъ же чулочная фабрика Монбриона не была, повидимому, крупной.

Фабрикантовъ изъ разночинцевъ мы встрѣчаемъ въ петровское время также немного. Крупнымъ шелковымъ фабрикантомъ былъ Милютинъ — бывший царскій истопникъ. Но этотъ истопникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ капиталистомъ, такъ какъ фабрику онъ „завелъ своимъ коштомъ“, безъ всякаго пособія казны. Одна шелковая фабрика принадлежала ямщику Суханову, небольшая шпалерная и коломяночная фабрика въ Новгородѣ принадлежала бывшему мастеру казенной коломяночной фабрики Шаблыкину. Мастеру Исаеву принадлежалъ въ С.-Петербургѣ кожевенный заводъ, мастеръ Лаховъ стоялъ во главѣ компанейскаго кожевеннаго завода въ Воронежѣ, бывший царскій служитель Родіонъ Ворогинъ (повидимому, крупный капиталистъ) имѣлъ нѣсколько небольшихъ фабрикъ въ Москвѣ (чулочную, каразейную и ленточную).

Еще рѣже мы встрѣчаемъ среди петровскихъ фабрикантовъ дворянъ. Компанія Шафирова, Апраксина и Толстого просуществовала, какъ сказано, недолго. Воронежская казенная суконная фабрика была передана дворянамъ Веневитиновымъ, но въ компанію съ ними вошли и люди изъ мѣстнаго купечества. Мы знаемъ о парусныхъ и иныхъ заводахъ князя Меншикова, скипидарныхъ заводахъ ландрата Савелова и купеческихъ сыновей Томилиныхъ, суконной фабрикѣ камеръ-мейстера Дубровскаго, суконной фабрикѣ тайнаго совѣтника Макарова и еще о двухъ-трехъ небольшихъ дворянскихъ фабрикахъ — и это почти все. Иностранцамъ и дворянамъ принадлежала ничтожная доля петровскихъ фабрикъ;

фабрикантовъ изъ разночинцевъ было также немного; въ большинствѣ же случаевъ фабрикантами явились старинные московскіе капиталисты — купцы ¹⁾).

Итакъ личный составъ петровскихъ фабрикантовъ доказываетъ, что крупная промышленность развилась въ соответствующей средѣ, которая была создана всей предшествовавшей исторіей Московскаго государства — именно, въ средѣ крупныхъ торговцевъ. Эта среда не была дѣломъ рукъ Петра, но если бы ея не существовало, то и возникновеніе у насъ крупнаго производства въ мало-мальски широкихъ размѣрахъ было бы невозможнымъ. И это по той простой причинѣ, что возникавшія фабрики, несмотря на пособія правительства, требовали крупныхъ денежныхъ затратъ со стороны частныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ фабрикъ. Мы имѣемъ по этому вопросу кой-какія отрывочныя данныя. Не нужно преувеличивать размѣровъ непосредственной денежной помощи казны вновь устраивавшимся частнымъ фабрикамъ. Въ особой вѣдомости, специально составленной въ 1727 г. Мануфактурной Конторой, упоминается только о 8 пособіяхъ фабрикантамъ изъ средствъ государственнаго казначейства, при чемъ сумма этихъ пособій опредѣлена въ 89,672 р. ²⁾.

Эта вѣдомость не полна, такъ какъ въ ней не упоминается о нѣкоторыхъ денежныхъ пособіяхъ фабрикантамъ, несомнѣнно имѣвшихъ мѣсто. Всего такихъ неупомянутыхъ пособій я могъ насчитать на сумму въ 6,040 р.

Отсюда видно, что бѣльшая часть денежныхъ пособій казны фабрикантамъ указана въ этой вѣдомости. Слѣдовательно, эти пособія играли весьма небольшую роль. Ими воспользовался, быть можетъ, десятокъ-другой частныхъ фабрикъ, а всего ихъ было учреждено въ петровское время, вѣроятно, гораздо болѣе сотни. Иными словами, значительно бѣльшая часть петровскихъ фабрикъ, устраивавшихся частными лицами, обходилась безъ денежной помощи со стороны казны. Между тѣмъ устройство фабрики требовало крупныхъ денежныхъ затратъ. По нѣкоторымъ фабрикамъ мы имѣемъ

¹⁾ Всѣ приведенныя данныя заимствованы изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Арх. д-та тамож. сбор.

²⁾ „Выписка о мануфактурахъ и заводахъ“ 1727 г. Дѣла Комиссіи о коммерціи, № 501. Арх. д-та там. сб. Въ этой вѣдомости не упоминается о 20 тыс. рублей, выданныхъ правительствомъ Тиммерману при назначеніи его директоромъ московской парусной фабрики. Но, повидимому, фабрика эта не перешла въ частное владѣніе, а осталась казенной, почему и денежная затрата казны не была пособіемъ частному фабриканту.

точные свѣдѣнія относительно этого пункта. Такъ, напр., на шелковые мануфактуры компаніи Шафирова, перешедшія затѣмъ къ купеческой компаніи, былъ затраченъ тремя учредителями, Апраксинимъ, Толстымъ и Шафировымъ (кромѣ денегъ, полученныхъ изъ казны), капиталъ въ 57,838 р., да, кромѣ того, лица изъ купечества, приглашенныя въ компанію, внесли 23,500 руб. Такимъ образомъ, на эти мануфактуры всего затрачено частныхъ капиталовъ 81,338 руб., да казна внесла деньгами (кромѣ построекъ, матеріаловъ и пр.) 36,672 руб. ¹⁾ Если перевести эти суммы на современные деньги, то мы увидимъ (принимая въ соображеніе измѣненіе цѣнности денегъ), что устройство шелковыхъ мануфактуръ компаніи Шафирова потребовало, на наши деньги, болѣе милліона руб.

На устройство полотняной мануфактуры Тамеса затраченъ денежный капиталъ въ 46,700 руб. (кромѣ 5,000 р., полученныхъ въ ссуду отъ казны). Изъ этихъ денегъ только 4,500 руб. были внесены самимъ Тамесомъ, а остальные—компанейцами изъ купечества, при чемъ самый большой взносъ былъ сдѣланъ Микляевымъ, вложившимъ въ дѣло 12,000 р. ²⁾ Этотъ самый Микляевъ получилъ въ послѣдствіи суконную фабрику въ Казани,—очевидно, это былъ крупный капиталистъ.

На устройство игольного завода компанія Томилина и Рюминыхъ затратила денежный капиталъ въ 33 тыс. руб. ³⁾

Наконецъ, по словамъ Шторха ⁴⁾, на полотняную фабрику Гончарова былъ затраченъ капиталъ въ 142 тыс. руб.

По этимъ немногимъ примѣрамъ можно видѣть, что даже въ томъ случаѣ, когда фабриканты получали денежные и иныя пособія отъ казны (фабричныя строенія, матеріалы, мастеровыхъ и пр.), приходилось приплачивать крупныя суммы на веденіе фабричнаго дѣла. А такъ какъ большая часть фабрикъ устраивалась безъ всякаго содѣйствія казны („заведена своимъ коштомъ“—обычная отмѣтка въ вѣдомостяхъ о петровскихъ фабрикахъ), то

¹⁾ Эти данныя взяты изъ „Вѣдомости о фабрикахъ и мануфактурахъ“ 1729 г. Арх. д-та там. сбор.

²⁾ Выписка о мануфактурахъ и заводахъ. 1727 г. Д. К. о К., № 501. Арх. д-та тамож. сбор.

³⁾ Дѣло о заведеніи купецкими людьми Томилинымъ и Рюминымъ игольного завода 1726 г. Дѣло Коммерцъ-коллегіи, № 824. Арх. д-та там. сбор.

⁴⁾ Storch. „Historisch-Statistische Gemälde“. III, 232.

фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени—преимущественно купцы. Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса, Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей экономической эволюціей Московскаго государства.

Итакъ, хотя безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло никакихъ шансовъ развиваться въ тогдашней Россіи ¹⁾, эти мѣры имѣли успѣхъ лишь вслѣдствіе подготовленности русской экономической почвы къ новымъ формамъ промышленности. Этого мало. Не трудно доказать, что промышленная по-

1) Это мѣсто въ первомъ изданіи настоящей работы было признано многими критиками находящимся въ противорѣчій съ моимъ утвержденіемъ, что развитіе крупнаго производства въ Россіи было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ экономического и соціальнаго положенія Россіи. Въ своемъ отвѣтѣ („Начало“ 1899. № 1—2) я предлагалъ своимъ критикамъ указать мнѣ, въ чемъ заключается логическая неправильность такого силлогизма:

1-я посылка. Экономическія и соціальныя условія Россіи естественно и необходимо привели къ мѣрамъ, принятымъ Петромъ.

2-я посылка. Мѣры, принятыя Петромъ, вызвали крупное производство въ Россіи.

Заключеніе. Возникновеніе крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій Россіи.

Одинъ изъ критиковъ, уличавшихъ меня въ противорѣчійхъ, повидимому, призналъ правильность этого силлогизма (я имѣю въ виду г. Мякотина). Зато г. Милюковъ въ предисловіи къ 4-му изданію 1 части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“, поднимаетъ перчатку и берется доказать несостоятельность моего силлогизма. А именно, по мнѣнію г. Милюкова, я виновенъ въ *quaternio terminorum*—употребленіи одного изъ терминовъ силлогизма въ различныхъ смыслахъ. Оказывается, что въ первой посылкѣ я утверждаю, что „экономическія и соціальныя условія Россіи, въ силу своей неполной подготовленности (къ крупному производству), привели къ мѣрамъ Петра“, въ выводѣ же я говорю „о подготовленности Россіи къ крупному производству“. Нужно ли прибавлять, что толкованіе г. Милюкова доказываетъ лишь его непониманіе той историко-философской теоріи, изъ которой я исхожу? Въ первой посылкѣ я отнюдь не утверждаю того, что приписываетъ мнѣ г. Милюковъ, а говорю какъ разъ обратное: экономическія и соціальныя условія Россіи привели къ мѣрамъ Петра, въ силу полной *подготовленности* къ послѣднимъ Россіи. Стремленіе г. Милюкова находить противорѣчіе тамъ, гдѣ никакого противорѣчія нѣтъ, основывается однако не на его неспособности къ логическому мышленію, а на недостаточномъ знакомствѣ съ теоріей матеріалистическаго пониманія исторіи. Г. Милюковъ ни-

тика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономической необходимостью. Промышленное переустройство России по западно-европейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея армии на европейскій ладъ. Для того; чтобы успѣшно вести войну, требовались не только обученные вѣдаты, но такъ же и пушки, ядра, порохъ, оружіе, солдатское платье, полотно, вообще принадлежности воинскаго обмундирования и многое другое ¹⁾.

Петръ не могъ оставаться въ зависимости отъ иностранцевъ, въ которыми онъ велъ войну, въ такихъ нужныхъ ему предметахъ, какъ принадлежности военнаго снаряженія. Корсакъ говоритъ, что Петру слѣдовало бы обратиться къ „народной промышленности“ вмѣсто устройства крупныхъ монопольныхъ фабрикъ. Но „народная промышленность“ не изготовляла предметовъ, нужныхъ Петру; необходимо было завести новые роды производства, и завести немедленно, для удовлетворенія насущной, безотлагательной потребности. Врядъ ли можно серьезно говорить, что для Петра былъ открытъ и другой путь—организациі и развитія ку-

... не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что по этой теоріи все опредѣляется только экономическими причинами безъ всякаго посредства правовыхъ, политическихъ, этическихъ, интеллектуальныхъ и иныхъ моментовъ. Поэтому онъ и вкладываетъ въ мои послылки такой смыслъ, который онъ не заключаетъ. Но если г. Милюковъ усвоить, что материалистическое пониманіе исторіи отнюдь не отрицаетъ важной роли въ общественной эволюціи государственныхъ мѣропріятій и не противопоставляетъ этихъ мѣропріятій экономической эволюціи, а лишь признаетъ послѣднюю основой, на которой возникаютъ мѣропріятія государства, въ которыхъ общественно экономическая эволюція была бы немислима, то онъ пойметъ, что въ „четвереніи“ терминовъ виноватъ не я, а онъ самъ, и что никакого противорѣчія мой силлогизмъ въ себѣ не заключаетъ.

¹⁾ Еще Германъ даетъ слѣдующее объясненіе торгово-промышленной политики Петра, которое съ тѣхъ поръ повторялось всѣми, писавшими объ этомъ вопросѣ. „Петру Великому нужна была регулярная армія, артиллерія, флотъ; зависимость отъ ганзеатическихъ городовъ, Голландіи и Англіи въ солдатскихъ сукнахъ, огнестрѣльномъ оружіи, порохѣ, въ устройствѣ и снаряженіи судовъ его стѣсняла, и онъ рѣшился завести въ своемъ государствѣ всѣ фабрики и мануфактуры, необходимыя для арміи, артиллеріи и флота“. С. Hermap. „Coup d'oeil sur l'état des manufactures de Russie...“ Mémoires de l'Académie des Sciences“ 1822. Т. VIII, р. 438. Ранѣе упомина въ 1788 г. такимъ же образомъ объяснялъ политику Петра Шереръ. (Scherer. „L'histoire raisonnée du commerce de la Russie“. Paris, 1788. Т. II, р. 41—42).

старнаго производства. Эта задача оказывается не подъ силу нашему времени,—какимъ же образомъ могла съ нею справиться тогдашняя полудикая, варварская Россія? Единственное средство избавиться отъ' необходимости покупать воинскія принадлежности у иностранцевъ заключалось въ производствѣ этихъ принадлежностей у себя дома; а такъ какъ дома нужные товары не выдвигались, то оставалось устраивать для ихъ изготовленія казенные мастерскія, фабрики и заводы. Но у казны средствъ было крайне мало; при такомъ положеніи, что оставалось Петру, как не поощрять всѣми силами частную предприимчивость, частныя заводчиковъ и фабрикантовъ, которые на свой капиталъ заводи производства, до такой степени необходимы правительству?

Могутъ замѣтить, что Петръ устраивалъ и поддерживалъ только тѣ фабрики, на которыхъ выдѣлывались товары, требуемые казною, какъ солдатскія сукна, полотно, писчая бумага и пр., также и всякія другія фабрики, напр., шелковыя, чулочныя, ленточныя, производившія предметы роскоши, въ которыхъ казна не нуждалась. Но и въ этомъ отношеніи политика Петра была единственно возможной политикой, по условіямъ времени и мѣстности. Никто не будетъ спорить, что развитіе промышленности и поднятіе производительности народнаго труда было необходимо для тогдашней Россіи. Но легко понять, что новыя отрасли промышленности могли возникнуть только въ формѣ крупныхъ промышленныхъ заведеній. Мелкій производитель—кустарь—не обладалъ капиталомъ, ни знаніемъ, необходимыми для этого дѣла. Правитель купецъ, устраивавшій фабрику, былъ почти такъ же невѣжественъ, какъ и кустарь, но зато, обладая капиталомъ, онъ могъ выписать иноземныхъ мастеровъ, приносившихъ съ собою техническія знанія, которыхъ всего болѣе не хватало Россіи. Вообще можно признать правиломъ, что въ малокультурныхъ странахъ, какой, и сомнѣнно, являлась петровская Русь, перенесеніе или насажденіе новыхъ отраслей промышленности возможно только въ формѣ крупнаго производства. Не могъ же Петръ устраивать для кустарей техническія школы, промышленные музеи и пр. Сколько лѣтъ ему пришлось бы ждать возникновенія новыхъ производствъ въ Россіи, если бы онъ захотѣлъ идти путемъ, указываемымъ Корсакомъ?

Только поощреніемъ крупныхъ промышленныхъ предприятий Петръ могъ способствовать поднятію производительности народнаго труда, а это не могло не быть цѣлью политики Петра, та

какъ созданная имъ имперія еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Московская Русь, страдала хроническимъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ, въ которыхъ она испытывала величайшую нужду для военныхъ цѣлей.

Разумѣется, я отнюдь не хочу сказать, что всѣ мѣры Петра для поднятія нашей промышленности были безупречны и достигали цѣли: введенная имъ регламентация промышленности, какъ крупной, такъ и мелкой, была въ высшей степени стѣснительна и нерѣдко прямо разоряла населеніе. Такъ, напр., многочисленные указы Петра о запрещеніи крестьянамъ выдѣлывать узкій холстъ повели только къ разстройству кустарнаго ткачества, безъ всякой пользы кому бы то ни было. „Въ прежнее время у города (Архангельска) холстомъ большой торгъ былъ, много тысячъ крестьянъ кормились и немалая пошлина въ казну собиралась, а когда указъ состоялся, чтобы не ткать узкихъ холстовъ, но ткать холсты на широкія берда, то крестьянству прибыла немалая тягость, а въ казну убытокъ, потому что у иныхъ крестьянъ и въ избахъ столько мѣста нѣтъ, гдѣ такой широкій станъ поставить... Разорились отъ этого всѣ крестьяне сѣверные“ ¹⁾.

Такъ же неблагоприятно повліяли петровскіе указы на кустарное ткачество Псковской губ. „Петръ I нанесъ льняной промышленности значительные удары; при немъ въ 1702 г. ленъ во всей Россіи былъ отданъ въ монополію англійскому консулу Карлу Гутфелю. Потомъ, желая создать С.-Петербургскій портъ, Петръ запретилъ псковичамъ отправлять произведенія своей области въ Ригу, Ревель и Нарву, исключая Псковской и Великолуцкой провинцій. Вообще, до временъ Екатерины льняная промышленность подвергалась большимъ стѣсненіямъ, особенно отъ монополій“ ²⁾.

Но какъ бы мы ни оцѣнивали цѣлесообразность и практическую тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ мѣропріятій Петра, не можетъ быть сомнѣнія, что возникновеніе у насъ крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и социальныхъ условій тогдашней Россіи.

Петровскія фабрики въ такомъ же смыслѣ могутъ быть названы „искусственнымъ“ созданіемъ Петра, какъ и всѣ прочія петровскія реформы—преобразование внутренняго административнаго устройства государства, новая организація арміи, распространение

¹⁾ Соловьевъ. „Исторія Россіи“. Изд. 3-е, т. XVIII, стр. 291.

²⁾ „Памятная книжка Псковской губ. на 1863 г.“. Льняная промышленность Пск. губ., стр. 4.

началь европейской культуры въ высшихъ классахъ общества вообще европеизація Россіи. Какъ признають наши историки, въ эти реформы были въ связи съ экономическимъ положеніемъ тогдашней Россіи; этимъ же самымъ опредѣлилось и все направленіе промышленной политики Петра 1).

Эта политика повела къ возникновенію у насъ крупнаго производства. Тѣмъ не менѣе Петръ не можетъ считаться насадителемъ капиталистическаго производства въ Россіи по той простой причинѣ, что вызванная имъ крупная промышленность не была капиталистической. Соціальное и экономическое положеніе тогдашней Россіи было таково, что капиталистическое (т.-е. основанно на наемномъ трудѣ) производство у насъ было невозможно. Для послѣдняго не хватало въ Россіи самаго важнаго условія—класса свободныхъ рабочихъ. Вся масса сельскаго населенія была несвободна: часть была крѣпостными государства, часть—помѣщиковъ. Городское населеніе было немногочисленно и въ значительной степени слагалось изъ тѣхъ же крѣпостныхъ.

Въ допетровской Руси крѣпостными владѣли служилые люди 2). Между тѣмъ, первые петровскіе фабриканты выходили почти исключительно изъ рядовъ купечества, разночинцевъ или иностранцевъ. Сама жизнь поставила вопросъ: какимъ же образомъ фабрики будутъ получать нужныя имъ рабочія руки? При учрежденіи фабрики владѣльцу давалась обыкновенно привилегія, которой ему разрѣшалось свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ, „платя имъ за труды достойную плату“. Если фабрикантъ получалъ уже устроенную фабрику отъ казны, то ему нерѣдко передавались вмѣстѣ съ фабричными строеніями и фабричные мастеровые. Такъ, напр., компанія Турчанинова и

1) Естественность и необходимость важнѣйшихъ петровскихъ реформъ вполне доказана г. Милюковымъ, въ его превосходной книгѣ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка“. Спб. 1892 г. Нельзя не пожалѣть, что его новѣйшая работа („Очерки по исторіи русской культуры“) стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже первой и обнаруживаетъ значительную философскую неподготовленность автора къ обсужденію общихъ вопросовъ историческаго развитія.

2) Только при преемникахъ Петра владѣніе крѣпостными становится исключительной привилегіей дворянства (объ этомъ см. В. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Спб. 1881, глава I). Тѣмъ не менѣе, уже по Уложенію Алексѣя Михайловича право владѣнія населенными имѣніями было ограничено, за немногими исключеніями, служилымъ классомъ.

Шмальщикова получила въ 1711 г. отъ казны полотняные за-
казы вмѣстѣ съ мастерскими. Точно такъ же казенныхъ мастер-
скихъ получила и компанія Щеголина, къ которой перешла въ
1720 г. казенная суконная фабрика въ Москвѣ ¹⁾; казенные ма-
стерские были даны, далѣе, Ивану Тиммерману, назначенному въ
1720 г. директоромъ парусной фабрики ²⁾. Затрапезный получилъ
для своихъ фабрикъ въ Ярославлѣ мастерскихъ съ упраздненныхъ
казенныхъ заводовъ ³⁾. При учрежденіи коломяночной фабрики
Клюкова ему было дано 5 становъ и 58 мастерскихъ съ упразд-
ненной казенной фабрики въ С.-Петербургѣ ⁴⁾.

Иногда для снабженія фабрикъ рабочими руками къ фабри-
камъ приписывались цѣлыя села; такъ, напр., Тамесъ получилъ
къ своимъ полотнянымъ фабрикамъ село Кохму, въ Шуйскомъ
уѣздѣ, съ 641 крест. дворомъ ⁵⁾. Но, въ большинствѣ случаевъ,
фабриканты должны были сами приискывать себѣ рабочихъ путемъ
шайки. Это было въ высшей степени трудно. На фабрику прихо-
дилось набирать всякій сбродъ. Такъ, напр., въ привилегіи иголь-
нымъ компанейщикамъ Томилину съ товарищами указывается
брать для работы и для обученія на фабрики „изъ бѣдныхъ и
жалостливыхъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню“.
Шайковый фабрикантъ Милютинъ въ своемъ донесеніи изъясняетъ,
что онъ набираетъ учениковъ изъ „убогихъ людей“. Изъ Имен-
ного Высочайшаго указа 7 янв. 1736 г. видно, что фабриканты,
въ недостаткѣ рабочихъ, набирали учениковъ изъ солдатскихъ
детей ⁶⁾. Но главнымъ контингентомъ фабричныхъ рабочихъ были
бѣглые крѣпостные и казенные люди. Работа бѣглыхъ имѣла та-
кое значеніе для фабрикантовъ, что правительство Петра, несмо-
тря на то, что именно въ это время состоялось окончательное
закрѣпленіе населенія, должно было допустить очевидное нару-
шеніе закона. Указомъ 18 іюля 1722 г. Петръ воспретилъ воз-
вращать съ фабрикъ законнымъ владѣльцамъ мастеровъ и учени-
ковъ, „чьи бы они были, хотя и бѣглые явятся... понеже инто-

¹⁾ П. С. З. Т. IV, 2324; VI, 3526.

²⁾ П. С. З. Т. VI, 3590.

³⁾ Чулковъ, VI, книга III, 241.

⁴⁾ „Вѣдомость о фабрикахъ и мануфактурахъ“. 1729 г. Арх. д-та
там. сбор.

⁵⁾ Дѣло по Именному Высочайшему указу о собраніи въ Коммерцъ-
коллегіи свѣдѣній объ иглахъ и пр. Арх. д-та там. сбор.

⁶⁾ П. С. З. Т. VI, 4006; V, 3176; IX, 6858.

ресенты фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ ихъ чинится остановка“ 1).

Но, несмотря на такую снисходительность правительства и фабрикантамъ, рабочихъ рукъ на фабрикахъ все-таки не доставало. Изъ какихъ элементовъ восполнялся этотъ недостатокъ, видно изъ того, что указомъ 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняныя фабрики Андрея Турчанинова съ товарищами „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны“. Указомъ 1721 г. эта мѣра сдѣлана общей: женщины, виновныя въ разныхъ проступкахъ, отсылались, по усмотрѣнію Мануфактуръ- и Бергъ-коллегіи, для работы на компанейскихъ фабрикахъ на нѣкоторый срокъ или даже пожизненно. По слѣдующими указами велѣно отдавать на фабрики бродягъ и нищихъ (указы 7 янв. 1736 г., 29 марта 1753 г., 26 марта 1762 г. публичныхъ женщинъ (сенатскій указъ, сент. 1771 г.) 2). Какъ видно изъ указа 26 марта 1762 г., между с.-петербургскими и окрестными фабриками въ этомъ году были распределены забранныя полиціей праздноватающіяся и способныя къ работѣ солдатскія, матросскія и другихъ служилыхъ людей жены.

Но всѣ эти мѣры не могли снабдить фабрики рабочими руками въ требуемомъ количествѣ. Въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка не прекращаются жалобы фабрикантовъ на недостатокъ рабочихъ. Такъ, напр., въ 1744 г. московскіе суконные фабриканты—Болотинъ, Еремѣевъ, Третьяковъ и Сѣриковъ—представляли Мануфактуръ-коллегіи, что они крайне нуждаются въ рабочихъ и потому не могутъ своевременно поставлять сукна въ казну. Особенный недостатокъ чувствовался въ малолѣтнихъ рабочихъ 10—15 лѣтъ. На то же жаловались Мануфактуръ-коллегіи шелковыя и иные фабриканты, указывая, что главнымъ препятствіемъ къ развитію фабрики является невозможность находить рабочихъ 3).

Такимъ образомъ, контингентъ фабричныхъ рабочихъ слагался

1) П. С. З. Т. VI, 4055.

2) П. С. З. Т. V, 3313; VI, 3808; XV, 11485; XIX, 13664.

3) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, 3 изд. Т. XXI, стр. 301. Даже при Елизаветѣ Петровнѣ вольнонаемныхъ рабочихъ было такъ мало, что правительственныя учрежденія должны были иногда силой отбирать для себя рабочихъ у промышленниковъ. Къ такимъ мѣрамъ прибѣгалъ, напр., нижегородскій магистратъ (Соловьевъ, XXIII, 25).

въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементахъ: бѣглецы, бродяги, нищіе, даже преступники—изъ этой среды приходилось набирать рабочихъ. Не нужно притомъ забывать, что петровскія фабрики были, по терминологіи Маркса, мануфактурны—работа на нихъ производилась руками. Производительность труда на мануфактурахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ловкости и искусства рабочаго: составъ рабочаго персонала на мануфактурахъ имѣетъ особенное значеніе. Западно-европейскія мануфактуры возникли на развалинахъ ремесла; онѣ получили прекрасныхъ, обученныхъ рабочихъ изъ бывшихъ ремесленниковъ, въ которыхъ цеховая организація развила почти артистическое отношеніе къ своей работѣ¹⁾. Наши мануфактуры возникли при совершенно иныхъ условіяхъ. Не только обученныхъ, искусныхъ рабочихъ получить было неоткуда, но даже и необученныхъ рабочихъ доставать было крайне трудно.

При такихъ условіяхъ работа вольнонаемными рабочими оказывалась почти невозможной. Принудительный, крѣпостной трудъ былъ единственнымъ выходомъ изъ такого положенія. Малая производительность труда должна была возмѣщаться, для фабриканта, усиленной эксплуатаціей рабочаго—главнымъ образомъ, уменьшеніемъ расходовъ на содержаніе послѣдняго. Интересы фабрикантовъ требовали прикрѣпленія рабочаго также и по слѣдующей причинѣ: рабочій, проработавшій нѣкоторое время на фабрикѣ, обучался своему дѣлу, становился искуснымъ рабочимъ; на такихъ рабочихъ спросъ былъ очень великъ—фабриканты переманивали ихъ другъ отъ друга, и каждая фабрика подвергалась опасности лишиться своихъ обученныхъ рабочихъ. Чтобы обезпечить себя рабочими, фабриканты обыкновенно выговаривали себѣ право въ теченіе извѣстнаго времени пользоваться трудомъ обученныхъ ими рабочихъ; такъ, напримѣръ, въ привилегіи Тамесу ему указывается, что поступающіе на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менѣе 10 лѣтъ (7 лѣтъ въ качествѣ учениковъ и не менѣе 3 лѣтъ въ качествѣ подмастерьевъ),

1) Очень важно не упускать изъ виду различія между петровскими фабриками (мануфактурами) и новѣйшими фабриками въ строгомъ смыслѣ слова. Рабочіе на англійскихъ бумагопрядильняхъ набирались въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка также изъ всякаго сброда, при чемъ въ обширныхъ размѣрахъ практиковалась прямая закупка дѣтей пауперовъ, но эти рабочіе работали на машинахъ и почти не пужались въ предварительномъ обученіи и профессиональной ловкости.

и только тогда они могут перейти на другія фабрики (Имен. у 10 марта 1720 г.); ученики на игольномъ заводѣ Томила должны были оставаться на заводѣ до совершеннolтiя; ученики суконной фабрики Щеголина не имѣли права уйти съ фабрики до истеченiя 7-лѣтняго срока; 7-лѣтній срокъ ученiя былъ, повидимому, общимъ правиломъ. Регламентомъ Мануфактуръ-коллегии (§ 12) за „подзыватье работныхъ людей съ одной фабрики на другія“ до истеченiя урочнаго срока работы былъ назначенъ огромный штрафъ—100 руб. за каждаго рабочаго; этотъ штрафъ уплачивался виновнымъ фабрикантомъ, рабочій же возвращался на фабрику прежняго своего хозяина и подвергался тѣлесному наказанiю.

Всѣ эти ограниченiя свободы перехода рабочаго съ одной фабрики на другую указываютъ, какъ трудно было фабриканту набрать и сохранить необходимый рабочій персоналъ.

Иными словами, петровскiя фабрики не могли держаться вольнонаемнымъ трудомъ. Этимъ и объясняется знаменитый петровский указъ 18 января 1721 г., которымъ на „купецкихъ людей“ было распространено въ высшей степени важное право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни, „подъ такую кондицiей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“ ¹⁾.

Благодаря этому указу, петровскiя фабрики быстро перешли отъ свободнаго къ принудительному труду. Отношенiя труда къ капиталу въ нашемъ крупномъ производствѣ вылились въ совершенно другія формы, чѣмъ на Западѣ. Въмѣсто капиталистической промышленности, развивающейся въ это время на Западѣ, у насъ возникло крупное производство, основанное на принудительномъ трудѣ. Корсакъ называетъ приведенный петровский указъ „одною изъ самыхъ несчастныхъ мѣръ Петра“ ²⁾. Г. Семевскiй, повидимому, также считаетъ этотъ указъ ошибкой Петра („правительство при Петрѣ Великомъ,—говоритъ этотъ авторъ,—додумалось до того, чтобы фабричныя работы исполнялись такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскiя въ имѣнiяхъ частныхъ землевладѣльцевъ“ ³⁾). Само собой разумѣется, эта мѣра отнюдь не свидѣтельствуетъ о „безпредѣльной заботливости объ участи рабочихъ“, которая отличала, по мнѣнiю г. Нисселовича, правительство Петра ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, переходъ петровскихъ фабрикъ

¹⁾ П. С. З. Т. V, 3711.

²⁾ Корсакъ. „О формахъ промышленности“, 130.

³⁾ „Крестьяне въ царствованiе Екатерины II“, стр. 393.

⁴⁾ К. Нисселовичъ. „Исторiя фабрично-заводскаго законодательства Рос-

ть вольнонаемнаго къ крѣпостному труду вызывался, какъ я старался показать, экономическою необходимостью ¹⁾.

Въ странѣ съ такимъ первобытнымъ хозяйствомъ, какъ тогдашняя Россія, крупное производство не могло основываться на свободномъ трудѣ. Крѣпостной трудъ былъ гораздо выгоднѣе для фабриканта. А такъ какъ правительство Петра, если и проявляло къ кому-либо „безпредѣльную заботливость“, то уже никакъ не къ рабочимъ, а развѣ къ фабрикантамъ,—то вполнѣ естественно, что оно распространило и на фабрикантовъ право, которое раньше было привилегіей дворянства—право пользованія принудительнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, благодаря указу 18 января, вопросъ о снабженіи фабрикъ рабочими руками былъ рѣшенъ въ направленіи, опредѣлявшемся общими социальными условіями петровской Россіи. Вмѣсто капиталистическаго производства съ вольнонаемными рабочими у насъ водворилось крупное производство съ принудительнымъ трудомъ.

Но разрѣшеніе фабрикантамъ пользоваться принудительнымъ трудомъ еще не измѣняло юридическаго положенія всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые работали на фабрикахъ по вольному найму. Фабрики продолжали служить пріютомъ для бѣглыхъ, которые юридически ничѣмъ не были связаны съ фабрикантами. Убѣдившись въ выгодахъ принудительнаго труда, фабриканты стали стремиться къ закрѣпощенію и всѣхъ остальныхъ свободныхъ рабочихъ. Этого имъ удалось достигнуть не ранѣе 1736 г. Въ томъ году, по прошенію крупнѣйшихъ фабрикантовъ того времени—Загарапезнаго, Щеголина съ товарищами, Микляевой, Гончарова, Подсѣвальщикова, Тамеса съ товарищами, былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому всѣ тѣ мастеровые, которые во время изданія указа будутъ находиться на фабрикахъ и будутъ

сѣской Имперіи“. Спб. 1883 г. I, стр. 45. Эту „безпредѣльную заботливость“ Нисселовичъ усматриваетъ въ томъ, что въ привилегіяхъ разныхъ фабрикъ говорится о наймѣ мастеровъ „съ платежомъ за труды ихъ доплатой платы“. Но послѣднее было только формой выраженія; въ сущности же, правительство Петра для улучшенія положенія рабочихъ на фабрикахъ не сдѣлало ровно ничего, а для ухудшенія его—очень много.

¹⁾ Эта мысль вполнѣ точно выражена Струве: „разные способы закрѣпленія рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ, практиковавшіеся русскимъ правительствомъ въ XVIII вѣкѣ, наглядно свидѣтельствуютъ о невозможности создать въ обществѣ, основанномъ на натуральномъ хозяйствѣ, извѣстную организацію производства, иначе какъ опираясь на личную зависимость“ („Критическія Забѣтки“. Спб. 1894, стр. 83).

обучены мастерству, должны „вѣчно“ со всѣми своими семействамъ оставаться на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. За этихъ мастеровъ фабриканты должны были заплатить по извѣстной таксѣ прежнимъ владѣльцамъ — помѣщикамъ, дворцовому, синодальному вѣдомству, казнѣ. Мастерские, владѣльцы которыхъ неизвѣстны отдавались фабрикантамъ безъ всякой платы, а всѣ бѣглецы черныя рабочіе, которые окажутся на фабрикахъ, должны были быть возвращены законнымъ владѣльцамъ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фабрикантамъ предоставлено было право на казывать „домашнимъ порядкомъ“ вѣчно-отданныхъ имъ мастеровыхъ, „которые явятся невоздержные и ни къ какому учению и прилежные“, а также и отправлять ихъ въ Коммерцъ-коллегію „для ссылки въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобъ другимъ былъ страхъ“. Въ случаѣ бѣгства мастеровыхъ съ фабрики, воеводы должны были ихъ ловить и по учиненіи наказанія отсылать обратно на фабрику ²⁾.

Такимъ образомъ состоялось окончательное прикрѣпленіе мастеровыхъ къ фабрикамъ, и наша фабрика приняла характеръ рабочаго дома, въ которомъ порядокъ поддерживался суровой дисциплиной, а поощреніемъ къ труду служили тяжелыя наказанія ³⁾.

¹⁾ Благодаря этому указу въ число „вѣчно отданныхъ“ мастеровыхъ попадали даже купцы. См. любопытное „Дѣло по прошенію балахнинскаго посадскаго человѣка Герасима Федотова Половинкина“, 18 іюня 1765 г. Половинкинъ былъ записанъ въ балахнинское купечество, платилъ всегда безнедоимочно подушные и прочіе подати и сборы. Въ 1734 г. онъ по паспорту отлучился въ Москву, гдѣ занимался разной столярной работой. Въ томъ же году онъ поступилъ по договору для той же столярной работы на шелковую фабрику Милютина; этой работой онъ занимался 5 лѣтъ, ежегодно выправляя свой паспортъ. Затѣмъ оставилъ работу; Милютина, по въ 1763 г. его случайно увидѣлъ мастеръ фабрики наследниковъ Милютина, призналъ бѣглымъ, и Мануфактуръ-коллегія опредѣлила—отдать Половинкина на ту фабрику вѣчно. Половинкинъ подалъ жалобу въ Сенатъ. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно. („Дѣла Балахнинскаго городского магистрата“ № 537). Списокъ съ этого дѣла полученъ мною отъ В. Г. Короленко; пользуюсь случаемъ выразить ему за это свою глубокую благодарность.

²⁾ П. С. З. Т. IX, 6858.

³⁾ Какъ извѣстно, фабричныя рабочіе энергично протестовали противъ своего закрѣпощенія, но ничего не могли подѣлать. О волненіяхъ фабричныхъ рабочихъ въ XVIII вѣкѣ см. Семеvскій. „Крестяне при Екаторинѣ II“, Посессионныя крестяне, глава II, и Соловьевъ. „Исторія Россіи“ 3 изд. Т. XXIII. Соловьевъ рассказываетъ о возмущеніи въ 1752 г. фабричныхъ крестянь, приписанныхъ къ парусной и бумажной фабрикамъ.

Переходъ русскихъ фабрикъ отъ вольнонаемнаго къ крѣпостному труду былъ возможенъ лишь вслѣдствіе низкой производительности труда, благодаря чему принудительная работа оказывалась болѣе выгодной для фабриканта. Съ другой стороны, крѣпостныя отношенія дѣлали невозможнымъ поднятіе производительности труда. Пока работа на фабрикахъ имѣла принудительный характеръ, она должна была оставаться малоуспѣшной. Въ этомъ и заключалась основная причина медленности развитія нашей фабричной промышленности въ теченіе всего XVIII вѣка.

Товары, изготовлявшіеся на нашихъ фабрикахъ, отличались крайней дороговизной и низкимъ качествомъ; объ этомъ можно судить, между прочимъ, по любопытнымъ показаніямъ московскихъ торговцевъ въ 1727 г. По Высочайшему указу, отъ нихъ были отобраны отзывы, „которые изъ русскихъ компанейщиковъ и заводчиковъ товаровъ доброй работы противъ вывозныхъ“. Отвѣты оказались весьма неблагоприятны для нашихъ фабрикантовъ. Такъ, напр., староста Суровскаго ряда Калмыковъ заявилъ отъ имени суровскихъ торговцевъ, что шелковые товары и бархаты „противъ заморскихъ работою не придуть, а цѣною продаются изъ фабрикъ выше заморскихъ“. Если бы правительство разрѣшило свободный привозъ заморскихъ шелковыхъ матерій, то купечество было бы, по заявленію Калмыкова, много довольно. Староста Москательнаго ряда заявилъ, что „русскій купоросъ, краска бакань, вохра противъ заморскихъ ничто добротою не будетъ и весьма плоше и заморскаго цѣною вдвое дороже“; повторяется просьба о свободномъ привозѣ заморскихъ товаровъ. О ленточныхъ и полотняныхъ товарахъ купечество заявило, что они „работою противъ заморскихъ весьма плохи, а цѣною продаются свыше заморскихъ“. Такія же жалобы на неудовлетворительное качество и высокую цѣну русскихъ фабричныхъ товаровъ мы встрѣчаемъ и въ заявленіяхъ торговцевъ игольнаго ряда. Почти всѣ торговцы высказывались въ пользу облегченія ввоза заграничныхъ товаровъ ¹⁾.

Эти отзывы московскаго купечества интересны также и тѣмъ, что они характеризуютъ отношеніе массы русскихъ торговцевъ

Гончарова въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, при чемъ крестьяне разбили присланную воинскую команду, отняли пушки, и только вновь присланные 3 полка, употребивши въ дѣйствіе артиллерію, привели крестьянъ къ покорности (стр. 118).

¹⁾ Дѣло объ отобрании отъ торговцевъ свѣдѣній о здѣшнихъ мануфактурахъ 1727 г. Дѣла Комм.-кол. № 500. Арх. д-та г. сбор.

того времени къ вновь образовавшемуся классу фабрикантовъ. Какъ мы видимъ, московское купечество относилось къ фабрикантамъ недоброжелательно; фабриканты пользовались разными привилегіями, монополизировали внутренній рынокъ и, кромѣ того, стремились захватить въ свои руки и розничную торговлю своими произведеніями. Это послѣднее обстоятельство вызывало особенныя жалобы купечества. Правительство колебалось. 3 февраля 1722 г. Именнымъ указомъ фабрикантамъ запрещалась розничная продажа, „понеже въ рядахъ многія лавки запустѣли“ благодаря тому, что „интересенты фабрикъ, сдѣланныя свои фабрики, съ фабрическихъ дворовъ продаютъ врозь, а иные въ рядахъ и въ собственныхъ своихъ лавкахъ“. Но уже 18 іюля того же года вышелъ новый указъ, которымъ фабрикантамъ опять разрѣшается розничная торговля, такъ какъ „интересенты и компанейщики отъ всѣхъ мануфактуръ“ объявили, что, въ случаѣ запрещенія розничной торговли, „не можно имѣть надежды, чтобы оныя начатыя мануфактуры могли приходить въ лучшее состояніе“.

Въ этой борьбѣ массы купечества съ фабрикантами можно видѣть продолженіе старинной борьбы крупнаго и мелкаго купечества въ Московскомъ государствѣ. Крупное купечество, благодаря мѣрамъ Петра, завело фабрики и продолжало утѣснять свою братію.

Благодаря господству крѣпостного труда на русскихъ фабрикахъ, промышленная техника въ теченіе всего XVIII вѣка не дѣлала на нихъ никакихъ успѣховъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ той отрасли промышленности, которая пользовалась особеннымъ поощреніемъ правительства, а именно къ суконной (въ суконномъ производствѣ принудительный трудъ господствовалъ вплоть до XIX вѣка). Цѣлымъ рядомъ мѣръ правительство стремилось поднять технику суконнаго производства, но безуспѣшно. Изъ указа 1740 г. мы узнаемъ, что „сукна мундирныя, которыя на російскихъ фабрикахъ дѣлаются и на полки употребляются, весьма худы и къ носкѣ непрочны... Генеральфельдмаршалъ Минихъ прислалъ одинъ мундирный изъ російскихъ суконъ кафтанъ, который во время одной кампаніи такъ изнашивался, что и надѣть больше невозможно было“¹⁾. Жалоба на плохія сукна повторяется и въ извѣстныхъ „Работныхъ регулахъ на суконныя и каразейныя фабрики“, изданныхъ при Аннѣ Лео-

¹⁾ П. С. З. Т. VI, 3892, 4057; XI, 8220.

вѣдливѣ и не получившихъ поэтому законной силы въ послѣдующія царствованія. Эти правила были выработаны комиссіей, которой было велѣно „о донныѣ дѣланныхъ на російскихъ фабрикахъ плохихъ сукнахъ, и отчего оное происходитъ, обстоятельно изслѣдовать и виновныхъ фабрикантовъ безъ упущенія штрафовать“. Комиссія нашла, что важнѣйшая причина плохого состоянія суконнаго производства заключалась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи рабочихъ на фабрикахъ. Фабричныя строенія не ремонтировались, потолки протекали, „валящійся сквозъ щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ — людямъ работу въ рубахъ мараетъ и портитъ; а полы иные не досками, ниже кирпичами или камнемъ, не выстланы, а которые выстланы, то гнилы“, въ фабрикахъ не хватаетъ свѣта, „тквачи насилу денного свѣта имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, наименьше же сукну самовредительныя сублильныя худобы открывать“. Рабочіе такъ плохо одѣты, „что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ“. О продолжительности работы на суконныхъ фабрикахъ можно судить по тому, что „Работныя регулы“, имѣвшіе въ виду улучшить положеніе рабочихъ на фабрикахъ, устанавливали рабочій день около 14 часовъ въ сутки.

Эти „регулы“, какъ сказано, не получили законной силы и никакого практическаго значенія не имѣли. Жалобы на неудовлетворительность солдатскаго сукна все продолжались. Такъ, напр., въ 1745 г. Сенатомъ усмотрѣно, что „сукна весьма плохи и инныя бедовалены и шинковаты, за что Мануфактуръ-коллегія (за слабое смотрѣніе)... великому штрафу подлежитъ“¹⁾. Тѣмъ не менѣе, сукна оставались плохи, и вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія русскія суконныя фабрики производили исключительно низшіе сорта суконъ, и то дурного качества²⁾.

Эпоха послѣ Петра, какъ извѣстно, характеризуется чрезвычайнымъ возрастаніемъ политическаго вліянія дворянства. По словамъ проф. Ключевскаго, „въ древней Руси дворянство не правило, а только служило, и служило какъ въ центрѣ, такъ и въ

¹⁾ П. С. З. Т. XI, 8440; XII, 9168.

²⁾ См., напр., Дѣло о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по улучшенію разныхъ отраслей мануфактурной промышленности, 7 мая 1830 г. Арх. д-та г. и м. „Со времени Петра I по истеченіи перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка сукнодѣліе едва сдѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, и размноженіе, но не улучшеніе онаго относилось болѣе къ удовлетворенію умножившейся потребности арміи и флота, нежели къ народному потребленію“.

провинціи; въ первой половинѣ XVIII вѣка оно дѣлало централиныя правительства, продолжило служить въ центрѣ и едва начало править провинціей; во второй половинѣ вѣка, въ послѣдній разъ сдѣлавъ правительство, дворянство перестало обязательно служить въ центрѣ и окончательно стало править въ провинціи“¹ Новая дворянская эра не могла не отразиться и на привилегіяхъ фабрикантовъ. Самой существенной изъ этихъ привилегій было право приобрѣтать къ фабрикамъ населенныя имѣнія. Тѣмъ же указомъ Анны Іоанновны, которымъ мастеровые были прикрѣплены къ фабрикамъ, было ограничено это право, а именно было разрѣшено фабрикантамъ покупка крестьянъ, только безъ земли. Фабриканты, естественно, были недовольны, и въ 1744 г., въ просьбѣ фабриканта Аѳанасія Гребенщикова, было вновь разрѣшено покупать къ фабрикамъ населенныя деревни.

Но успѣхъ фабрикантовъ былъ непродолжительнымъ. Дворянство разсматривало владѣніе крѣпостными, какъ свою исключительную привилегію, какъ бы выраженіе своего политическаго главенства. Въ царствованіе Елизаветы Петровны право фабрикантовъ на крѣпостной трудъ подвергается существенному ограниченію. Сенатскимъ указомъ 1752 г. былъ опредѣленъ максимумъ рабочихъ (въ зависимости отъ числа становъ и другихъ орудій производства), которыхъ фабриканты имѣли право прикупать къ фабрикѣ. Фабрикантамъ было разрѣшено прикупать не болѣе 12—42 душъ м. п. (смотря по роду издѣлій) къ каждому стану. Указъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что „многіе заводы и фабриканты заводы и фабрики свои производятъ не столько покупными, какъ вольными людьми, изъ чего слѣдуетъ и впредъ слѣдовать можетъ немалая подлomu народу отъ найма оныхъ къ фабрикамъ и заводамъ польза“. Наконецъ, Петръ III 29 март. 1762 г. совсѣмъ запретилъ покупку къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, какъ съ землей, такъ и безъ земли. Въ томъ же году 8 августа это запрещеніе было подтверждено и Екатериной²⁾

Результатомъ всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣръ явилось значительное измѣненіе сословнаго состава фабрикантскаго класса. Я говорилъ выше, что среди петровскихъ фабрикантовъ дворянъ почти отсутствовали. Но если мы обратимся къ фабрикантамъ екатерининскаго времени, то среди нихъ мы найдемъ уже много

¹⁾ Ключевскій. „Курсъ лекцій по русской исторіи“. 1884—1885 г., ч. II стр. 249—250.

²⁾ П. С. З. Т. XII, 9004; т. XIII, 9954; т. XV, 11490; т. XVI, 11638.

дворянъ. Такъ, въ вѣдомостяхъ Мануфактуръ-коллегіи и конторы за 1773 г. приведено 328 фабрикъ; въ числѣ ихъ дворянамъ принадлежало 66, иностранцамъ 46 фабрикъ. Но одна общая цифра дворянскихъ фабрикъ еще говорить очень мало. Дворянскія фабрики были, вообще, очень крупными, и потому въ общей суммѣ фабричныхъ оборотовъ участіе дворянъ выражается болѣе значительной цифрой. По даннымъ Мануфактуръ-коллегіи и конторы на 305 фабрикахъ, о которыхъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, было сработано въ годъ товара на 3548 тыс. руб., а на 57 дворянскихъ—на 1041 тыс. руб., т.-е. обороты дворянскихъ фабрикъ немногимъ не достигали $\frac{1}{3}$ оборотовъ всѣхъ фабрикъ. Въ особенности много дворянскихъ фабрикъ было среди суконныхъ фабрикъ: по названной вѣдомости изъ 40 суконныхъ фабрикъ дворянамъ принадлежали 19 ¹⁾. Переходъ фабрикъ отъ купечества къ дворянству еще усилился въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Запрещеніе покушки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ было въ очевидныхъ интересахъ дворянства, такъ какъ дворянство сохраняло за собой право пользоваться въ фабричныхъ работахъ крѣпостнымъ трудомъ, а купечество, при заведеніи новыхъ фабрикъ, лишалось упомянутого права. Поэтому въ важнѣйшей отрасли фабричной промышленности того времени—суконной, число дворянскихъ фабрикъ такъ возросло, что къ началу XIX вѣка значительно болѣшая часть суконныхъ фабрикъ очутилась въ рукахъ дворянства. По крайней мѣрѣ, въ числѣ 98 суконныхъ фабрикантовъ, которые поставляли въ казну сукно въ 1809 г., мы встрѣчаемъ только 12 купцовъ. 19 фабрикъ принадлежали титулованному дворянству (князьямъ Барятинскому, Юсупову, Шаховскому, Хованскому, Урусову, Щербатову, Прозоровскому и др., графамъ Разумовскому, Безбородко, Салтыкову и др.), 55—нетитулованнымъ дворянамъ, остальные—иностранцамъ и разnochинцамъ ²⁾.

¹⁾ Приведенныя данныя взяты изъ вѣдомости, помѣщенной у Чулкова, VI, книга III, стр. 591—697. Но въ эту вѣдомость не включены мелкія дворянскія фабрики, на которыхъ работа производилась крѣпостными, а такихъ фабрикъ было очень много—особенно суконныхъ и полотняныхъ. Такъ, напр., по „Генеральнымъ соображеніямъ по Тверской губерніи 1783/4 гг.“, во всѣхъ уѣздахъ этой губерніи было множество мелкихъ дворянскихъ полотняныхъ фабрикъ. „Историко-Статистическое описаніе Тверской губерніи“ В. Покровскаго. Тверь, 1879, т. I, 132.

²⁾ Дѣло по Высочайше конфирмованному докладу о дозволеніи

Противоположность интересовъ дворянства и купечества очень рѣзко обнаружилась въ Екатерининской комиссіи по составленію Новаго Уложенія. Въ своихъ наказахъ депутаты-дворяне нерѣдко указывали на злоупотребленія фабрикантовъ изъ купечества своими привилегіями. Такъ, напр., въ наказѣ луховскаго дворянства заявляется, что „фабриканты, кои содержатъ въ разныхъ уѣздахъ фабрики, накупили великія деревни и пользуются, яко сущіе дворяне, непринадлежащими имъ преимуществами“. Въ виду этого Луховское дворянство просило повелѣть продать деревни при фабрикахъ, а фабрикантамъ-купцамъ предоставить пользоваться вольнонаемными рабочими ¹⁾. Еще болѣе рѣшительныхъ мѣръ противъ купцовъ-фабрикантовъ требуетъ крапивенское дворянство. „Содержатели изъ купечества разныхъ фабрикъ и заводовъ многочисленно имѣютъ за собой во владѣніи крестьянъ... живутъ они единственно въ увеселительныхъ своихъ роскошахъ и лѣности, а остальные свои деньги уповательно давно уже съ крестьянъ работою и доходами получили“; поэтому, если только купцы-фабриканты не будутъ дѣлать товаровъ „доброю противъ вывозныхъ“, то всѣ деревни слѣдуетъ у фабрикантовъ отнять и причислить къ дворцовымъ ²⁾. О томъ же просило и клинское. Ярославское дворянство указывало, что фабриканты изъ купечества притѣсняють крестьянъ, отчего часто и „бунты происходили“; фабриканты должны производить работу вольнонаемными людьми, отчего будетъ выгода и дворянству, такъ какъ ихъ крѣпостные получаютъ выгодный заработокъ. Дворянства тульское, кашинское, вяземское, шуйское и др. просили о сохраненіи въ силѣ запрещенія покупки къ фабрикамъ деревень и крестьянъ; фабричныя работы должны исполняться на купеческихъ фабрикахъ вольнонаемными ³⁾.

вольной продажи солдатскаго сукна, 21 окт. 1809 г. Связка 58, 2 экзп. М. В. Д. Арх. д-та торг. и ман.

¹⁾ „Сборникъ Истор. Общества“, т. VIII, 483.

²⁾ Ibid., 562.

³⁾ Сборникъ Истор. О-ва, т. IV, стр. 300, 395, 413, 465; т. XIV, 452. Въ наказѣ шуйскаго дворянства встрѣчается совсѣмъ необычная просьба, чтобы дворянству было запрещено имѣть фабрики. Воронежское дворянство просить даже совсѣмъ запретить устраивать въ Воронежской губерніи желѣзные и стеклянныя заводы, „кои никакой обществу полезности не дѣлають, и единственно есть вредительны истребленіемъ лѣсовъ“. Керенское дворянство просило объ отобраніи у фабрикантовъ изъ купцовъ вотчинъ, „потому что, кои не имѣютъ вотчинъ, у тѣхъ фабрики и заводы

Въ другихъ дворянскихъ наказахъ встрѣчаются жалобы на разныя привилегіи фабрикантовъ—въ особенности на то, что фабриканты по своимъ фабричнымъ дѣламъ подвѣдомственны не общему суду, а особому суду Мануфактуръ-коллегіи. Именно благодаря этому дворянамъ было трудно получать съ фабрикъ своихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, на что указывается въ наказахъ серпейскаго дворянства, мещовскаго, малоарославецкаго, пронскаго, воронежскаго, ряжскаго, керенскаго, шатскаго, бѣлевскаго и пр. 1).

Наказы купечества, естественно, носятъ совершенно иной характеръ. Почти во всѣхъ этихъ наказахъ повторяется просьба о разрѣшеніи покупать крѣпостныхъ—хотя бы въ самомъ ограниченномъ числѣ, для домашнихъ услугъ. Во многихъ наказахъ заявляется о необходимости разрѣшить покупку къ фабрикамъ крестьянъ. Нерѣдко высказывается также мысль, что заводами и фабриками должно владѣть одно купечество 2).

Но на ряду съ просьбами купечества о предоставленіи фабрикъ и заводовъ въ исключительное владѣніе купцовъ, въ тѣхъ же наказахъ звучитъ и совершенно иная нота—вражда къ крупнымъ фабрикантамъ и недовольство ихъ исключительными привилегіями. Такъ, напримѣръ, жители Москвы жалуются „на немалое отяго-

въ цвѣтущемъ состояніи, а кто имѣютъ вотчины, тѣ только единственно содержать оныя для славы и о размноженіи фабрикъ и заводовъ себѣмъ не радѣютъ“. Точно такъ же путивльское дворянство просило отобрать у Глушковской суконной фабрики (самой крупной частной фабрики въ концѣ XVIII вѣка) неправильно забранныя вотчины. („Сбор. Ист. О-ва“ т. 68, стр. 357, 439, 586).

1) „Сборникъ Ист. Общества“, т. VIII, стр. 513, 518; т. VI, 324, 387; т. 68; стр. 362, 378, 395, 439, 457, 613.

2) Такъ, напр., жители Костромы просятъ запретить дворянамъ имѣть фабрики и вести торговлю; костромскіе фабриканты заявляютъ, что „безъ собственныхъ крестьянъ привесть фабрики въ лучшее состояніе невозможно. Къ тому же,—прибавляютъ они,—за размноженіемъ полотняныхъ фабрикъ, и вольныхъ людей не достаетъ“. О томъ же просятъ и жители г. Нерехты и Гжатской пристани—„понеже безъ крѣпостныхъ людей никакимъ образомъ заводовъ и фабрикъ содержать не можно“. Углицкіе фабриканты заявляютъ, что „всѣхъ фабрикъ къ распространенію имѣется крайнее препятствіе и нужда оттого, что деревень къ онымъ покупать запрещено... Вольные люди такихъ трудовъ и попеченій понести не могутъ, какъ свои крѣпостные, и они же при наймѣ требуютъ большихъ весьма цѣнъ“. Любимское купечество просило запретить дворянамъ имѣть фабрики; эта же просьба повторилась въ наказахъ тульского купечества, алексинскаго, жителей городовъ Рузы, Зарайска, Буя и др., „Сборникъ Истор. О-ва“, т. 93, стр. 102, 174, 230, 378, 573.

щеніе отъ увольненія отъ всѣхъ службъ и гражданскихъ тягосте фабрикантовъ и заводчиковъ и компанейщиковъ“; просятъ о томъ чтобы всѣмъ городскимъ жителямъ состоять на одномъ правѣ нести равныя тягости. Жители г. Костромы, вслѣдъ за просьбою о запрещеніи дворянству заводить фабрики, а имѣть бы ихъ только одному купечеству, прибавляютъ: „точію отъ гражданскихъ службъ и податей тѣхъ заводчиковъ и фабрикантовъ не исключать, а бытъ имъ во всемъ съ купечествомъ на ряду“. Жители г. Ярославля жалуются, что не только фабриканты избавлены отъ всякихъ городскихъ повинностей, но даже и ихъ рабочіе, „которые домамъ своими живутъ, полицейскихъ тягостей и постоевъ не содержатъ. И затѣмъ ихъ отбывательствомъ всѣ тягости остаются на оставшихся купцовъ и самыхъ среднихъ и маломощныхъ людей, по чему купечество приходитъ въ упадокъ. А понеже оныя фабриканеры какъ есть первые капиталомъ люди, почему слѣдуетъ имъ безъ дальнѣйшаго отягощенія обще съ купцами быть на ряду во всѣхъ службахъ и платежахъ..., а за прошедшіе годы, что за нихъ плачено, то бѣ повелѣно было возвратить“.

Объ уничтоженіи привилегій фабрикантовъ просятъ въ своихъ наказахъ купечества городовъ Юрьева-Польскаго, Романова, Зарайска, Нерехты и др. Купечество г. Нерехты заявляетъ, что хотя въ Россіи „мануфактуръ и фабрикъ обстоитъ число немалое, но тѣми мануфактурами пользуются одни купцы-капиталисты, а среднестатейное купечество совсѣмъ онаго права не имѣетъ“; вслѣдствіе трудности выхлопотать разрѣшеніе на устройство фабрики.

Такимъ образомъ, крупные фабриканты изъ купечества не пользовались симпатіей ни дворянства, ни своей братіи купцовъ. Въ наказѣ высшаго правительственнаго учрежденія, вѣдаващаго фабрики — Мануфактуръ-коллегіи — прямо заявлялось, что „содержатели великихъ фабрикъ ненавистны сдѣлались обществу“¹⁾. О враждебности дворянства къ крупнымъ фабрикантамъ говоритъ и Германъ²⁾. Вражда мелкаго купечества была не опасна фабрикантамъ, но враждебное отношеніе дворянства, которое скоро поняло выгоды фабричнаго производства и старалось заводить фабрики въ собственныхъ деревняхъ, пользуясь своими крѣпостными

1) „Сборникъ И. Об.“, т. 93, стр. 132, 170, 340, 392, 404, 432, 522; т. 43, стр. 207.

2) „Mémoires de l'Académie des Sciences“, VIII, 1822 г. С. Т. Hermann „Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie“, p. 448.

стала невозможнымъ возстановленіе того привилегированнаго положенія, которое занимали фабриканты въ петровское время.

На умноженіе дворянскихъ фабрикъ указывалъ въ засѣданіяхъ комиссіи и депутатъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ. По его словамъ, лѣтъ двадцать тому назадъ дворяне, узнавъ, что парусные заводы приносятъ большую прибыль, стали устраивать ихъ сами и до такой степени увеличили выдѣлку парусныхъ полотень, что ихъ и дѣвать стало некуда. То же самое повторилось, по словамъ Меженинова, и съ суконными фабриками, которыхъ дворяне понастроили слишкомъ много, въ прямой убытокъ стариннымъ суконнымъ фабрикамъ. Изъ этого Межениновъ дѣлалъ выводъ, что „не надлежитъ позволить дворянамъ устраивать фабрики и заводы“. Но, разумѣется, такое мнѣніе не могло встрѣтить сочувствія ни въ тогдашнемъ обществѣ, слагавшемся почти исключительно изъ дворянства, ни въ дворянскихъ депутатахъ комиссіи. Главный боецъ за право дворянства въ этой комиссіи, представитель ярославскаго дворянства князь Щербатовъ, по поводу сходнаго мнѣнія, произнесъ слѣдующую краснорѣчивую тираду: „Сохрани меня Боже и подумай, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе царствуютъ на престолѣ, дворянство, вмѣсто приобрѣтенія какихъ-либо правъ, могло что-либо изъ оныхъ утратить“ 1).

Вообще вопросъ о правахъ купечества вызвалъ очень оживленные и продолжительныя пренія въ комиссіи. Согласно полученнымъ ими приказамъ, купеческіе депутаты просили для купечества право прибрѣтать крѣпостныхъ и свободно заводить фабрики, при чемъ нѣкоторые домогались даже совершеннаго запрещенія дворянству устраивать фабрики. Такъ, напримѣръ, депутатъ рыбнослободскаго купечества Алексѣй Поповъ заявилъ, что купцамъ не слѣдуетъ запрещать покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. Дворянству же, по его мнѣнію, не слѣдуетъ торговать: входить въ фабричныя заведенія и разные торговые промыслы не свойственно дворянамъ. Къ заявленію Попова присоединилось 69 городскихъ депутатовъ. Депутатъ г. Серпейска Глишковъ просилъ „разрѣшить заводить фабрики однимъ купцамъ“ и позволить покупку къ фабрикамъ крѣпостныхъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось 10 городскихъ депутатовъ. Депутатъ г. Тихвина Солодовни-

1) „Сборникъ И. О.“, т. VIII, стр. 51, 59. Депутаты отъ крестьянъ также высказывались въ пользу ограниченія права дворянства заводить фабрики. Вообще фабрики не пользовались сочувствіемъ крестьянъ.

ковъ просилъ, чтобы „производить торговлю, заводить фабрики заводы было предоставлено одному только купечеству“. Подобныя же заявленія дѣлали и многіе другіе городскіе депутаты ¹⁾.

Дворянскіе депутаты проявляли необыкновенный либерализмъ по отношенію къ вопросамъ фабричнаго труда. Почти всѣ они настаивали на томъ, что фабричныя работы могутъ съ успѣхомъ производиться вольнонаемными людьми. По словамъ Щербатова лучшія фабрики въ Россіи — тѣ, при которыхъ нѣтъ приписанныхъ деревень; но истинныя стремленія Щербатова, какъ и вообще дворянства, лучше всего выразились въ слѣдующемъ требованіи: „купцы должны употреблять вольныхъ людей или приписанныхъ (ранѣе) къ фабрикамъ, а дворяне вольныхъ и *своихъ по усмотрѣнію* ²⁾. Иными словами, такъ какъ тотъ же Щербатовъ настаивалъ, чтобы впредь крестьяне не приписывались къ фабрикамъ, купечеству предоставлялось пользоваться восхваляемыми преимуществами свободнаго труда, но за собой дворянство сохраняло право отказываться отъ этихъ преимуществъ и попрежнему вести дѣло крѣпостными.

Любопытно, что иные дворяне-депутаты заходили такъ далеко, что требовали совершеннаго запрещенія купечеству устраивать фабрики. Такъ, кашинскій депутатъ Кожинъ заявилъ, что купцамъ неудобно имѣть фабрики, такъ какъ фабрики „служатъ препятствіемъ къ правильному веденію коммерческаго дѣла“. Единственными фабрикантами, по его мнѣнію, должны быть не состоящіе на государственной службѣ дворяне ³⁾.

Итакъ общественное мнѣніе господствующаго сословія въ половинѣ XVIII вѣка было настроено крайне недоброжелательно къ фабрикантамъ изъ купечества и ихъ исключительнымъ привилегіямъ. Соответственно этому и торгово-промышленная политика правительства измѣнилась. Извѣстно, что Петръ, желая какъ можно скорѣе развить у насъ новыя отрасли промышленности, не останавливался передъ пожертвованіемъ интересами всего насе-

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, т. VIII, стр. 41, 94 и др.

²⁾ Что касается до числа крестьянъ, купленныхъ къ фабрикамъ за время 1721—1762 г., когда такія покупки были запрещены, то оно не было велико. По вѣдомости Мануфактуръ-коллегіи, за это время было куплено къ фабрикамъ 21.005 душъ м. п., изъ числа которыхъ 8332 были заняты на фабрикахъ, а прочіе оставались при сельскихъ работахъ. См. „Сбор. Истор. Общ.“, т. X, стр. 368.

³⁾ „Сбор. И. О-ва“, IV, 192.

ненія выгодамъ тѣхъ или иныхъ крупныхъ фабрикантовъ. Издаваемый въ концѣ его царствованія тарифъ имѣлъ строго покровительственный, отчасти даже запретительный характеръ. Но уже вскорѣ послѣ смерти Петра возникла агитація противъ этого тарифа. Иностранные купцы, англійскіе, голландскіе и гамбургскіе, торговавшіе въ Петербургѣ, жаловались на стѣсненіе этимъ тарифомъ иностранной торговли; я приводилъ выше отзывы московскаго купечества, рѣшительно высказавшагося за пониженіе пошлинъ. Запретительный тарифъ былъ убыточенъ также и для казны, такъ какъ при крайне слабомъ таможенномъ надзорѣ нельзя было бороться съ контрабандой; казна лишалась доходовъ, которые поступали частью таможеннымъ чиновникамъ, прославившимся своимъ взяточничествомъ (извѣстна поговорка того времени: „таможня—золотое дно“), частью купцамъ, торговавшимъ контрабанднымъ товаромъ. Неудивительно поэтому, что правительство стало склоняться въ пользу свободной торговли ¹⁾. Тарифомъ 1731 г. пошлины были сильно понижены: на товары, которые работались въ Россіи, была назначена пошлина въ 20% съ цѣны, а съ тѣхъ, „которые хотя и дѣлаются, но не много, или вовсе не дѣлаются, но государству не нужны“, пошлина назначена въ 10%. Большая часть товаровъ отнесена къ послѣдней категоріи ²⁾. Этотъ тарифъ оставался въ силѣ до послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны. Въ 1753 г. былъ установленъ добавочный сборъ со всѣхъ вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ въ 13% ad valorem, для возмѣщенія внутреннихъ пошлинъ, уничтоженныхъ въ этомъ году. Тарифъ 1757 г. еще болѣе возвысилъ пошлины. Но при повышеніи пошлинъ правительство руководилось не экономическими, а фискальными соображеніями—стремленіемъ увеличить государственные доходы.

Что касается до внутренней политики преемниковъ Петра по отношенію къ фабрикамъ, то она первое время шла по петровской колеѣ. Правительство поощряло устройство новыхъ фабрикъ — предоставленіемъ фабрикантамъ разныхъ привилегій, денежныхъ ссудъ (нерѣдко безпроцентныхъ), припиской къ фабрикамъ казенныхъ крестьянъ и мастеровыхъ. Попрежнему казен-

¹⁾ См. К. Ладыженскій „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, глава V. У Чулкова приводится любопытное мнѣніе Остермана, поданное въ Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ доказывается необходимость пониженія пошлинъ. Чулковъ, т. VI, кн. III, 231—238.

²⁾ Ладыженскій, 77.

ныя фабрики передавались частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ ставить въ казну извѣстное количество выдѣльваемыхъ товаровъ или же безъ всякаго обязательства. Но уже при Елизаветѣ нѣкоторыя привилегіи фабрикантовъ подвергаются сокращенію. Такъ весьма важной привилегіей была полная свобода отъ податей за мастеровыхъ, состоящихъ при фабрикахъ. Указами 1742, 1743 и 1747 гг. мастеровые, прикрѣпленные къ фабрикамъ, были обложены подушною податью, наравнѣ съ прочими крестьянами, но отъ платы оброчныхъ денегъ были избавлены ¹⁾. Точно такъ же въ 1754 г. фабричные мастеровые лишились прежней свободы отъ рекрутской повинности.

Одной изъ излюбленныхъ мѣръ поощренія фабрикантовъ при Елизаветѣ было предоставленіе отдѣльнымъ фабрикантамъ монополіи производства на извѣстное число лѣтъ ²⁾. Къ такимъ мѣрамъ.

¹⁾ Хотя подушную подать платили обыкновенно сами мастеровые за себя, а не ихъ владѣльцы, но, очевидно, она должна была, при ничтожности получавшейся мастеровыми заработной платы, перелagаться на владѣльца.

²⁾ Такъ, напр., въ 1753 г. было запрещено на 10 лѣтъ устройство въ имперіи ситцевыхъ фабрикъ по просьбѣ учредителей первой ситцевой фабрики въ С.-Петербургѣ Чемберлена и Козенса (П. С. З., XVI, 11630). Въ этомъ же году получилъ привилегію и купецъ Федотовъ, устроившій въ Москвѣ фабрику сусальнаго золота и серебра; производство издѣлій этого рода было запрещено въ Россіи подъ угрозой отобранія ихъ въ казну (П. С. З., XIII, 10144). Въ 1755 г. шпалерному фабриканту Ботлеру было предоставлено на 10 лѣтъ исключительное право производства извѣстнаго сорта шпалеръ. Въ 1760 г. привилегія Ботлера было продолжена еще на 10 лѣтъ, при чемъ просьба бумажнаго фабриканта Ольхина объ устройствѣ шпалерной фабрики была отклонена (П. С. З., XIV, 10376; XV, 11080). Въ 1752 г. фабриканты пуховыхъ шляпъ Сокольниковъ и Боткинъ получили монополію производства для С.-Петербургской губерніи (П. С. З., XIII, 10045); еще ранѣе, въ 1747 г., фабриканты пуховыхъ шляпъ въ Москвѣ Черниковъ и Сафьяниковъ получили такую же привилегію для Моск. губ. (П. С. З., XII, 9467). Даже въ 1762 г. графъ Ягужинскій, собственникъ фабрики шелковыхъ чулокъ, исхлопоталъ запрещеніе устраивать новыя чулочныя фабрики въ Россіи въ теченіе 5 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крупныя и вліятельныя фабриканты домогались даже уничтоженія ранѣе устроенныхъ фабрикъ, конкурировавшихъ съ ихъ собственными. Такъ, напр., при Елизаветѣ, баронъ Сиверсъ подалъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи бумажной фабрики Ольхина на томъ основаніи, что его собственная фабрика дѣлаетъ бумагу лучшаго качества и можетъ удовлетворять своими издѣліями всю С.-Петербургскую губернію. Сенатъ въ 1754 г. запретилъ Ольхину распространять его „безиолезную“ фабрику (Соловьевъ, XXIII, 3 изд., 288).

вызывавшимъ общее недовольство и задерживавшимъ развитіе новыхъ отраслей промышленности, въ интересахъ первыхъ пюеровъ, правительство прибѣгло потому, что не видѣло другого способа перенести новыя производства въ страну. Привилегіи такого рода получали нерѣдко иностранцы, соглашавшіеся на устройство фабрикъ лишь подъ условіемъ монополіи.

Но, конечно, такія монополіи не могли не вызывать раздраженія среди дворянства и купечества и настраивали общество противъ привилегированныхъ фабрикантовъ. Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны въ правительственныхъ сферахъ начинается проявляться совершенно противоположное теченіе—стремленіе къ освобожденію промышленности отъ гнета крупныхъ фабрикантовъ. Какъ видно изъ сенатскаго указа 1758 г., запрещеніе производства пестряди и шляпъ повело къ разоренію многихъ мелкихъ ремесленниковъ, которые изготовляли въ собственныхъ небольшихъ мастерскихъ эти товары; въ виду этого Сенатъ разъяснилъ, что запрещается только устройство крупныхъ промышленныхъ заведеній, но не мелкое самостоятельное производство, почему какъ набойки, такъ и шляпы, добротой противъ солдатскихъ и ниже, всякому, кто пожелаетъ, дѣлать безъ запрещенія, а въ заведеніи для того фабрикъ не дозволять¹⁾.

Этотъ указъ, покровительствовавшій мелкому, по всей вѣроятности, кустарному производству, показываетъ, что правительство склонялось къ новому направленію промышленной политики. Полное развитіе это направленіе получило при Екатеринѣ II. Какъ извѣстно, Екатерина неоднократно указывала устно и письменно на вредъ монополій и на преимущества мелкой промышленности передъ крупной. Въ „Наказѣ“ Екатерина заявляетъ, что „земледѣіе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять должно“. Машины, по ея словамъ, не всегда бываютъ полезны, такъ какъ могутъ сокращать рукодѣлія и уменьшать число рабочихъ. Мелкая промышленность имѣетъ преимущество передъ крупной, между прочимъ, и потому, что земледѣлецъ, занимаясь у себя дома разными промыслами, не остается празднымъ зимой, безъ всякой пользы для себя и для государства²⁾.

1) П. С. З., XV, 10910.

2) Объ этомъ см. „Наказъ“ и рукописныя замѣтки Екатерины о мануфактурахъ, цитир. у Ладыженскаго, 107—108. Любопытно, что уже Екатерина высказала главный аргументъ, который и понынѣ постоянно выдвигается защитниками кустарной промышленности.

Эти же самыя мысли, но въ еще болѣе категорической формѣ, повторяются и въ наказѣ Мануфактуръ-коллегіи своему депутату вице-президенту Сукину: „Великія мануфактурныя заведенія вмѣсто того, что должныствовали служить къ общему руководѣній распространенію и обогащенію государства, заключили все руководѣліе въ стѣнахъ своихъ, а случившіяся злоупотребленія и бывшая монополія лишили многихъ пропитанія... Со времени умноженія фабрикъ города въ унадокъ приходятъ начали... Содержатели великихъ фабрикъ ненавистны сдѣлались обществу“. Затѣмъ Мануфактуръ-коллегія задается въ своемъ наказѣ вопросомъ—какой же характеръ должна имѣть промышленность, чтобы удовлетворять интересамъ всѣхъ классовъ населенія, и даетъ на это такой отвѣтъ: „Если поселяне должны будутъ земель своихъ не покидать, но всемирно оныя обрабатывать, а къ сему прибавятся имъ руководѣлія, ихъ состоянію приличныя, какъ-то: пряжа шерсти, льна и пеньки, тканіе изъ того суконъ и полотень, кузнечная деревенская работа и т. п. ..., то, кажется, довольными имъ быть надлежитъ... Если равнымъ образомъ и мѣщане должны будутъ получать пропитаніе одними мѣщанскому званію приличными промыслами..., то они станутъ учиться и работать на фабрикахъ... Многія фабрики исправляются уже теперь одними наемными людьми. А когда исправляются многія, то могутъ и всѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, программа Мануфактуръ-коллегіи въ комиссіи заключалась въ поощреніи кустарной промышленности, уничтоженіи фабричныхъ монополій и переводѣ фабрикъ съ принудительнаго къ свободному труду. Эта программа была вмѣстѣ съ тѣмъ и программой дворянства, въ чемъ и заключалась ея сила. Я говорилъ, что купечество столкнулось съ дворянствомъ въ вопросѣ о томъ, кто долженъ владѣть фабриками и кто можетъ пользоваться принудительнымъ трудомъ. Но главнымъ предметомъ жалобъ купечества были не дворяне, а крестьяне. Почти всѣ купеческіе наказы полны жалобъ на торговлю крестьянъ и на развитіе мелкаго крестьянскаго производства. Такъ, напримѣръ, купечество г. Воротынска заявляетъ, что „крестьянство уѣздныя, ѣздя по уѣзду, покупаютъ пенку, имѣютъ въ своихъ домахъ трепальные мѣста и терезя, избираютъ пенки и передѣлываютъ въ домахъ своихъ... Не повелѣно ли будетъ тѣмъ торгующимъ пенкою крестьянамъ пенку покупать и обдѣлывать запретить“. То

1) „Сборн. Ист. Общества“, т. 43, стр. 209.

те самое повторяется и въ наказѣ жителей г. Перемышля. Жители г. Костромы жалуются на то, что крестьяне скупаютъ по деревнямъ большими партіями холстъ и отправляютъ его для продажи въ портовые города. По словамъ жителей г. Боровска, „иные крестьяне имѣютъ у себя солодовни, также масляные и кожевенные заводы“. Въ наказѣ жителей Норской слободы находимъ слѣдующее любопытное указаніе на столкновеніе купцовъ и кустарей: „Жительствующіе при самой нашей слободѣ, въ селѣ Норскомъ, и протчихъ деревняхъ... многіе крестьяне изъ покупного же желѣза, куютъ при своихъ домахъ гвозди и, по многому числу у своей братіи скупая, отвозятъ въ С.-Петербургъ и Москву... Мы, тому нашему промыслу видѣвъ отъ крестьянскаго тѣмъ же гвоздянымъ товаромъ торгу подрывъ... съ немалымъ числомъ накупленнаго гвоздяного и прочаго товара крестьянъ, везущихъ уже въ Петербургъ, черезъ посланнаго изъ Ярославля подъячаго съ командой арестовали и къ слѣдствію въ тое канцелярію отослали“. Но изъ канцеляріи крестьянамъ возвратили отобранный у нихъ товаръ, что, по словамъ наказа, ободрило ихъ къ „незаконной“ торговлѣ гвоздями. Козельское купечество также жалуется на распространеніе у крестьянъ „трепальныхъ домовъ“. По словамъ наказа шуйскаго купечества, „въ селахъ и деревняхъ заводы немалые заведены, а именно: юфотные, сальные, скорняжные, выбойчатые, свѣчные и платочные, съ которыхъ заводовъ товары свои продаютъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, а другіе подъ неизвѣстными именами отвозятъ къ портамъ въ Малую Россію, въ Сибирь... Крестьяне отваживаются покупать кожу сырую и сало розницею и, собирая перекушкою въ большія стаи, въ продажѣ возвышаютъ цѣну“. Въ виду этого шуйское купечество просило „запрещенные торги пресѣчь, заводы уничтожить“. Купечество г. Романова даже прямо заявляло въ своемъ наказѣ, что крестьяне „совсѣмъ сами дѣлаются купцами, а купцовъ лишеніемъ торговъ доводятъ, чтобы и совсѣмъ ихъ не было“ 1).

Въ самой комиссіи купеческіе и городскіе депутаты требовали рѣшительныхъ мѣръ для ограниченія крестьянской торговли и

1) Кромѣ перечисленныхъ, жалобы на крестьянскій торгъ и просьбы объ его прекращеніи и уничтоженіи крестьянскихъ промысловъ встрѣчаются въ наказахъ тульскаго купечества, углецкаго, буйскаго, серпуховскаго, любимскаго, жителей городовъ Вереи, Кадуя, Судиславля, Рузы, Можайска, Юрева-Польскаго и мн. др. Обо всемъ этомъ см. „Сборникъ Историч. Общества“, т. 93, стр. 102, 153, 161, 183, 300, 358, 399 и др.

промысловъ. Нѣкоторые депутаты приводили при этомъ интересныя данныя о развитіи кустарной промышленности ¹⁾.

Энергичными защитниками свободы крестьянскихъ промысловъ и торговли выступили дворяне. Такъ, напр., депутатъ переяславльскаго дворянства Реткинъ въ пространной рѣчи доказывалъ необходимость огражденія крестьянскихъ промысловъ отъ посягательства купцовъ. Къ мнѣнію Реткина присоединились 22 депутата изъ дворянъ. Даже въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ упоминается о желательности большей свободы крестьянскихъ промысловъ и торговли. Такъ, напр., въ наказахъ ярославскаго дворянства мы находимъ просьбу, чтобы крестьянамъ не препятствовали продавать свои издѣлія на сельскихъ базарахъ и покупать нужныя имъ вещи. Точно такъ же шуйское дворянство проситъ разрѣшить крестьянамъ свободно продавать свои издѣлія—холсты, сукна и пр. ²⁾. Такое сочувственное отношеніе дворянства къ развитію крестьянскихъ промысловъ вполне понятно. Главное богатство дворянства заключалось въ ихъ крѣпостныхъ крестьянахъ; во многихъ губерніяхъ центральной Россіи, гдѣ земля была плоха, а промыслы сильно развиты, бѣльшая часть крестьянъ была на оброкѣ (въ Ярославской губерніи оброчные составляли 78⁰/₀ всѣхъ крѣпостныхъ, въ Нижегородской губ. 82⁰/₀, въ Костромской губ. 85⁰/₀) ³⁾. А такъ какъ размѣръ оброка опредѣлялся зажиточностью крестьянъ, то естественно, что дворяне были непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы крестьянскіе промыслы развивались.

Измѣненіе промышленной политики нашего правительства при Екатеринѣ обыкновенно объясняютъ вліяніемъ ученія фیزیократовъ, якобы усвоеннаго Екатериной отъ ея французскихъ друзей ⁴⁾.

¹⁾ Такъ, напр., по заявленію депутата гор. Оренбурга Кочетова: „въ разныхъ уѣздахъ многіе крестьяне, особенно же татары, завели въ деревняхъ кожевенные, мыльные и салотопленные заводы и нѣкоторые изъ нихъ бумажныя и полотняныя фабрики, издѣлія которыхъ они окрашиваютъ въ китайку. Приѣзжая съ этими товарами въ разные города Оренбургской губерніи, продаютъ ихъ мѣстнымъ жителямъ и чрезъ то дѣлаютъ купечеству подрывъ“. („Сборникъ Ист. Общ.“, VIII, 291).

²⁾ „Сборникъ Ист. О-ва“, IV, 126. Въ томъ же смыслѣ высказались депутаты: суздальскаго дворянства графъ Толстой, ярославскаго князь Щербатовъ, казанскаго, псковскаго, ливенскаго, ростовскаго и др. („Сб. Ист. О-ва“, IV, 100, 122, 125, 309, 392; VIII, 218, 231, 243).

³⁾ Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.“, стр. 19—21.

⁴⁾ См., напр., Ивановъ, „Исторія управленія мануфактурной промышленностью въ Россіи“ („Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ“, 1844); „Труды комис-

Г. Нисселовичъ даетъ объясненіе, болѣе пріятное для нашего національнаго самолюбія. По его словамъ, „Екатерина пошла навстрѣчу всеобщимъ желаніямъ русскаго народа, понявшаго, помимо всякаго вліянія извнѣ, по собственному опыту, всѣ неудобства прежней системы“¹⁾. Что касается до вліянія фізіократовъ на политику Екатерины, то достаточно вспомнить, что именно при Екатеринѣ крѣпостное право достигло высшаго развитія. Между тѣмъ ученіе фізіократовъ требовало прежде всего свободы труда. При чемъ же тутъ фізіократы? Нельзя также согласиться и съ г. Нисселовичемъ, что Екатерина пошла навстрѣчу „всеобщимъ желаніямъ русскаго народа“. Фабриканты, напр., вовсе не желали уменьшенія своихъ привилегій; купечество и городское населеніе не только не сочувствовало развитію крестьянскихъ промысловъ, но всячески домогалось ихъ уничтоженія; „недозволенные торги пресѣчь, заводы (крестьянскіе) уничтожить“—вотъ о чемъ просило торговое сословіе. Тѣмъ не менѣе, правительство высказалось противъ монополій крупныхъ фабрикантовъ и въ пользу развитія крестьянскихъ промысловъ.

Я приводилъ выше выдержки изъ екатерининскаго „Наказа“ и наказа Мануфактуръ-коллегіи. Правительственныя сферы официально признали, что мелкая крестьянская промышленность заслуживаетъ большаго поощренія, чѣмъ крупная. Чѣмъ же объясняется такая измѣна традиціямъ нашей промышленной политики, направленной со временъ Петра на поддержаніе крупнаго производства? Не чѣмъ инымъ, какъ усиленіемъ вліянія *дворянства*. *Дворянскіе* интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ; *дворянскіе* указы просили о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ; *дворянскіе* депутаты отстаивали свободу крестьянскаго торга. Ученіе фізіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соотвѣтствовало интересамъ господствующаго класса²⁾.

сіи по пересмотру уставовъ фабричнаго и ремесленнаго“; ч. II, стр. 12; Корсакъ, 133; Ладыженскій, 100—108; S. Ordega. „Die Gewerbe Politik Russlands“, Tübingen, 1885, стр. 139.

1) Нисселовичъ, 87.

2) Не нужно упускать изъ вида, что крупныя фабрики XVIII вѣка (многія изъ которыхъ принадлежали дворянству) почти не конкурировали съ кустарнымъ производствомъ, такъ какъ кустари не производили тѣхъ товаровъ, которые выдѣлывались на этихъ фабрикахъ (солдатское сукно, тонкое полотно, парусина, дорогіе шелковые товары, пичая бу-

Практическимъ выраженіемъ новаго теченія явился цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, стремившихся освободить промышленность и внутреннюю торговлю отъ всякихъ стѣсненій; системъ покровительства крупнымъ фабрикамъ путемъ монополій и исключительныхъ привилегій была оставлена. Въ 1762 г. было отменено запрещеніе дѣланія набоекъ и, по истеченіи срока привилегіи ситцевой фабрики Чемберлена, устройство ситцевыхъ фабрикъ было объявлено свободнымъ. Въ слѣдующемъ году было уничтожено нѣсколько другихъ фабричныхъ монополій. Въ 1769 г. была предоставлена всеобщая свобода заводить въ своихъ домахъ станы для тканья разныхъ матерій, съ платежомъ определенныхъ сборовъ, при чемъ было изъявлено Высочайшее удовольствіе „о томъ что многіе городскіе и уѣздные жители начинаютъ въ домахъ своихъ вѣтъ фабрикъ ткать на станахъ такіе товары, которые всегда изъ другихъ государствъ прежде выписываемы были“. Рублевымъ сборомъ со стана (или, гдѣ работы не производились ткачествомъ, 1% съ капитала) были обложены и фабрики, но всѣ эти сборы были уничтожены манифестомъ 17 марта 1775 г., по которому устройство всякаго рода промышленныхъ заведеній было объявлено совершенно свободнымъ для всѣхъ ¹⁾.

Уничтоженіе Мануфактуръ-коллегіи въ 1779 г. прекратило и исключительное положеніе фабрикантовъ въ отношеніи подсудности. Привилегіи фабрикантовъ были ограничены, но никакихъ положительныхъ мѣръ къ развитію кустарнаго производства правительство не предприняло, несмотря на всѣ свои изъявленія сочувствія мелкой крестьянской промышленности. Дѣло ограничилось тѣмъ, что легальныя стѣсненія развитія крестьянскихъ промысловъ были устранены ²⁾.

мага и пр.). Кустари были опасны городскимъ ремесленникамъ и купцамъ, имѣвшимъ въ городахъ небольшіе мастерскія и заводы—сальные, мыльные, кожаные, гвоздарные и др.

¹⁾ П. С. З., XVIII, 13374; XX, 14275.

²⁾ Впрочемъ, если центральная власть и выражала сочувствіе крестьянскимъ промысламъ, то мѣстные городскіе органы держали руку купечества. См. Дѣло о крестьянинѣ Григорѣ Егоровѣ Харузинѣ съ крашенной пряжей, 7 мая 1768 г. Крестьянинъ села Козина Харузинъ, занимавшійся красильнымъ мастерствомъ, набиралъ въ г. Балахнѣ пряжу и холсты для крашенья. Дѣло возникло по случаю того, что нѣсколько мѣстныхъ посадскихъ напали на него въ городѣ, избіили, отобрали крашеную пряжу и представили въ полицію за незаконный промыселъ. Это такъ устрашило козинскихъ крестьянъ, что они „за самонужнѣйшими

Это освобожденіе промышленности отъ чрезмѣрной правительственной опеки было прежде всего выгодно самимъ фабрикантамъ. Наше крупное производство вплоть до Екатерины развивалось крайне медленно, и только съ этого времени развитіе пошло бы-стрѣе. При вступленіи на престолъ Екатерины (въ 1762 г.) считалось 984 фабрикъ и заводовъ (не считая горныхъ), въ годъ ея смерти—3161 ¹⁾. Въ 1773 г. производилось на русскихъ фабрикахъ, по далеко неполному расчету, товаровъ на 3548 тыс. р.; при этомъ суконныя и каразейныя фабрики выдѣлывали товаровъ за 1178 тыс. руб., полотняныя на 777 тыс. руб., шелковыя на 461 тыс. руб., писчебумажныя на 101 тыс. руб. (Чулковъ, т. VI, кн. III).

Такимъ образомъ, за 34 года царствованія Екатерины прибавилось болѣе 2 тысячъ новыхъ фабрикъ и заводовъ—болѣе, чѣмъ

домовыми потребностями ѣздить весьма опасны“, почему казначей духовныхъ вотчинъ Нижегород. губ. (село Козино было духовной вотчиной) обратился съ просьбой въ городовой магистратъ о разрѣшеніи крестьянамъ пріѣзжать въ г. Балахну „для взятія и отвозу крашенныхъ холстовъ и пряжи“. Магистратъ высказался противъ этого разрѣшенія. Дѣла балахнинскаго городского магистрата № 590. (Списокъ съ этого дѣла доставленъ мнѣ В. Г. Короленко).

¹⁾ Цифру частныхъ фабрикъ въ XVIII вѣкѣ установить очень трудно. Въ известномъ сочиненіи Семенова „Изученіе російской внѣшней торговли и промышленности“ показано для 1761 г. 201 фабрика, для 1776 г.—478 фабрикъ (томъ III, прил. № 4). Эти цифры перепечатаны въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“ и другихъ статистическихъ изданіяхъ. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что цифры Семенова совершенно ошибочны и въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительныхъ. Въ „Матеріалахъ для исторіи и статистики мануфактурной промышленности Россіи“ („Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ“, 1865 г., т. II), составленныхъ на основаніи подлинныхъ архивныхъ вѣдомостей прошлаго столѣтія, число фабрикъ въ годъ воцаренія Екатерины опредѣлено въ 984, а въ годъ вступленія Павла—въ 3129. Приводимыя въ текстѣ цифры взяты изъ „Очерка исторіи мануфактуръ въ Россіи“ В-ра Б-шева (В. Бурнашева). Спб. 1833, стр. 16 и 26, составленнаго также по архивному матеріалу. Цифры Бурнашева заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ цифры „Матеріаловъ“, такъ какъ въ послѣднемъ источникѣ при перечисленіи фабрикъ по отдѣльнымъ производствамъ встрѣчаются грубыя опечатки или ошибки. Такъ, напр., для 1796 г. кожевенныхъ заводовъ показано 84, вмѣсто 848 (по Бурнашеву), парусныхъ и полотняныхъ заводовъ—41, вмѣсто 412, и т. д. Въ общемъ итогѣ для 1762 г. сдѣлана грубая опечатка — показано 94 фабрики, вмѣсто 984.

вдвое того числа, которое Екатерина застала при вступленіи на престолъ. Успѣхи фабричной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка объясняются тѣмъ, что къ этому времени насъ уже успѣлъ образоваться контингентъ обученныхъ фабричныхъ рабочихъ. Первые фабрики явились какъ бы техническими школами для русскаго рабочаго; какъ я говорилъ, на нихъ поставалъ всякій сбродъ, не привыкшій ни къ какому, а тѣмъ менѣе къ фабричному дѣлу: иноземныхъ мастеровъ держать было трудно такъ какъ они требовали большихъ денегъ и рѣдко уживались съ русскими порядками ¹⁾. Къ тому же и изъ иноземцевъ, какъ видно изъ петровскихъ указовъ, нерѣдко пріѣзжали лица, совсѣмъ незнакомыя съ тѣмъ производствомъ, которымъ они должны были руководить. Еще при Аннѣ Иоанновнѣ обученныхъ рабочихъ было такъ мало, что, напр., въ 1736 г., при устройствѣ купцомъ Еремѣевымъ суконной фабрики въ Москвѣ, Высочайше повелѣно было другимъ суконнымъ фабрикантамъ—Щеголину, Полуярославцеву и Микляевой, отдать на 1 годъ на новую фабрику по 2 мастера— „одного лучшей статьи, одного средней статьи“—съ каждой фабрики ²⁾. Съ теченіемъ времени число обученныхъ рабочихъ, выучившихся своему дѣлу на самой фабрикѣ, возросло, и устройство фабрикъ стало менѣе затруднительно. Цифра вольнонаемныхъ рабочихъ на русскихъ фабрикахъ быстро росла въ теченіе второй половины XVIII вѣка и къ началу XIX, какъ увидимъ ниже, значительно превосходила цифру несвободныхъ.

Уже одно увеличеніе городского населенія съ 328 тыс. (въ 1724 г.) до 1301 т. (въ 1796 г.) ³⁾ должно было облегчить наемъ рабочихъ на городскія фабрики. Но наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло распространеніе въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оброчной системы, вмѣстѣ съ барщиной, и развитіе, благодаря этому, отхода крестьянъ изъ деревни на дальніе заработки. Оброчный крестьянинъ занимался по вольному найму на фабричныя работы, какъ и свободный чело-вѣкъ. Эти оброчные крестьяне и явились главнымъ контингентомъ

1) Такъ, напр., на суконной фабрикѣ Щеголина иноземные мастера пробыли только нѣсколько лѣтъ. См. „Вѣдомость о фабрикахъ и мануфактурахъ 1729 г.“ Арх. д-та тамож. сбор.

2) П. С. З., IX, 7060.

3) Миллюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Спб. 1896 г., ч. I, стр. 79.

многочисленныхъ фабричныхъ рабочихъ. Фабрикантъ получилъ возможность доставать рабочія руки безъ покупки крестьянъ и безъ кровки на фабрику разнаго сброда.

Распространенность дальняго отхода въ русской деревнѣ центрального района уже въ концѣ XVIII вѣка не подлежитъ сомнѣнію. На это указываютъ и иностранные писатели, посѣщавшіе Россію, и русскіе источники. По словамъ Зольтау, „въ нѣкоторыхъ частностяхъ (Россіи) мужчины оставляютъ земледѣіе почти исключительно женщинамъ, а сами уходятъ на разные заработки... Лѣтомъ изъ всевозможныхъ мѣстъ крестьяне стекаются въ города, чтобы заниматься мелкой торговлей, плотничествомъ, каменной работою и пр.“¹⁾ Авторъ обширнаго 3-томнаго труда о русской торговлѣ, земледѣліи и промышленности—Фрибе сравниваетъ правильное перемѣщеніе крестьянскаго населенія лѣтомъ въ города, а зимой въ деревню, съ осеннимъ и весеннимъ перелетомъ птицъ²⁾.

Впрочемъ, у насъ имѣются точныя статистическія данныя относительно распространенія отхожихъ промысловъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Такъ, напр., въ Ярославской губерніи было взято паспортовъ:

въ 1778 г.	53.656
„ 1788 „	70.144
„ 1798 „	73.663
„ 1802 „	69.539

Мужчинъ въ Ярославской губерніи по 5 ревизіи (1796 г.) было 385.008. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII в. около 20% всего мужского населенія Ярославской губ. уходило на заработки на сторону—иначе говоря, болѣе $\frac{1}{3}$ *взростаго* мужского населенія занималось неземледѣльческими отхожими промыслами³⁾.

Въ Московской губерніи отхожіе промыслы были менѣ развиты, но все же значительны.

1) D. W. Soltau. „Briefe über Russland und dessen Bewohner“. Berlin, 1811, стр. 23.

2) Wilhelm Friebe. „Ueber Russlands Handel, Landwirtschaftliche Kultur“ etc. Gotha und S.-Petersburg, 1797, Band II, стр. 277.

3) Эти данныя взяты изъ рукописнаго „Топографическаго описанія Ярославской губерніи въ 1802 г.“, таблицы № 1, 2 и 3. Арх. Имп. Вольно-Экономическаго Общества, № 407.

Число паспортовъ, взятыхъ сельскими жителями Моск. губ. ¹⁾.

Годы:

1799 — 48.932

1803 — 52.922

Такъ какъ по 5-ой ревизіи въ селахъ Московской губ. числилось 434.441 муж., то уходило по паспортамъ немного болѣе 10⁰/о муж.

Мы не имѣемъ общей цифры отхода по Костромской губерніи, а лишь по нѣкоторымъ уѣздамъ.

Ч и с л о п а с п о р т о в ъ .

Нерехотскій ²⁾		Галицкій ³⁾		Кологривскій ⁴⁾		Солигалицкій ⁵⁾	
Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.	Годы.	уѣздъ.
1790 —	2.273	1786	3.777	1786	2.275	—	—
1800 —	3.392	1796	2.972	1796	2.056	1790	2.428
1804 —	3.077	1805	4.314	1804	2.547	1800	4.006
Мужское население по 5-ой ревизіи.	60.853		37.575		24.948		18.510

Въ Солигалицкомъ у. уходило на сторону болѣе 20⁰/о мужского населенія, въ Кологривскомъ и Галицкомъ около 10⁰/о, въ Нерехотскомъ около 5⁰/о.

О распространеніи оброчной системы въ концѣ XVIII вѣка приведены данныя въ книгѣ г. Семева „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Въ нечерноземной полосѣ оброчныхъ крестьянъ было 55⁰/о всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Ярославской, Костромской, Нижегородской) оброчная система значительно преобладала надъ барщинной. Напротивъ, въ черноземныхъ великорусскихъ губерніяхъ барщинная система преобладала—оброчныхъ было только 26⁰/о. Это различіе объяснялось

¹⁾ „Таблицы по Московской губерніи за 1805 г.“ Арх. И. Вольно-Экономическаго Общества, № 468.

²⁾ „Описание Костромской губ. Нерехотскаго у. 1805 г.“, таблицы. Арх. И. В.-Э. О-ва.

³⁾ „Хозяйственное описаніе г. Галича и его уѣзда 1806 г.“, таблицы. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 451.

⁴⁾ „Экономическое описаніе Костромской губ. городовъ Кологрива и Ветлуги“. 1805 г., таблицы. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 492.

⁵⁾ „Хозяйственное описаніе о Солигалицкомъ у.“ Арх. И. В.-Э. О-ва, № 452.

въ значительной степени, бѣльшимъ развитіемъ неземледѣльческихъ промысловъ въ губерніяхъ перваго рода ¹⁾).

Нельзя сказать, чтобы ростъ русскихъ фабрикъ во вторую половину XVIII вѣка былъ вызванъ таможенной политикой Екатерины. При ней было издано 3 тарифа—въ 1766, 1782 и 1793 г.г. Два первые тарифа имѣли умѣренно-покровительственный характеръ. Большинство ввозныхъ товаровъ (бѣльшая часть тканей, желѣзныхъ издѣлій и др.) были обложены пошлиной въ 20—30%; на очень немногіе товары пошлина имѣла запретительный характеръ, еще меньше товаровъ было совсѣмъ запрещено къ привозу. Тарифомъ 1782 г. пошлины были въ общемъ повышены, но незначительно ²⁾. Эти два тарифа не находились въ рѣзкомъ проти-

¹⁾ Семейскій, стр. 44—52. Весьма любопытно, что кн. Щербатовъ, защищавшій крестьянскіе торги въ комиссіи, впоследствии измѣнилъ свое мнѣніе и признавалъ вредныя распространѣніе крестьянскихъ промысловъ. „Сіе, кажется, есть коренное зло въ Россіи, что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставляя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы! Прежде всѣ крестьяне принадлежали къ хлѣбопашеству, были сыты, но бѣдны“. Теперь же „крестьяне для удовлетворенія податями Государя и помѣщиковъ, оставляя земледѣліе, стали ходить на другія работы, и, дѣйствительно, они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе упало“ („Статистика въ разсужденіи Россіи“, 1776—77 г. „Чтенія И. О-ва Исторіи и Древностей“. 1859, кн. 3, стр. 21). „По мѣрѣ размноженія сластолюбія, пріумножились всѣ мастерства, рукодѣлія и промыслы, и самыя хотя нужныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ... отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи челоувѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, жившихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, какъ число ихъ пріумножилось. Двадцать лѣтъ тому не прошло, весь Каретный рядъ помѣщался за Петровскими воротами по Земляной городъ по Большой улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города..., но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ... Строенія были рѣдки, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строеніе не производилось. Всѣ сіи промыслы требуетъ людей“ („Чтенія И. Об-ва Исторіи и Древностей“. 1860 г., кн. I, стр. 82).

²⁾ По словамъ г. Ладыженскаго, „тарифъ 1782 г. былъ чрезвычайно умѣренъ... Тарифъ этотъ вполне соответствовалъ идеямъ фізіократизма и свободной торговли, которыя... достигли почти полнаго примѣненія въ 1782 г.“ (Ладыженскій. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, стр. 140). Это совершенно невѣрно. Тарифомъ 1782 г. пошлины по важнѣйшимъ товарамъ (шерстяныя издѣлія, желѣзныя, полотняныя, писчебумажныя) не только не были понижены, но даже повышены (правда, незначительно) сравнительно съ 1766 г. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить подлинныя пошлины по „Книгѣ Тарифовъ“ (Т. 46 Полн. Собр. Зак. Собр. I).

ворѣчій съ общимъ направленіемъ промышленной политики Ектерины—съ ея симпатіями къ свободной торговлѣ.

Только тарифъ 1793 г. имѣлъ строго покровительственный даже запретительный характеръ. Но изданіе этого тарифа бы вызвано соображеніями совсѣмъ особаго рода. Какъ извѣстно, въ Екатеринѣ Россія перешла къ бумажноденежному обращенію, въ которое съ тѣхъ поръ успѣло такъ прочно водвориться въ наше отечествѣ, что стало какъ бы одной изъ нашихъ національных особенностей. Вексельный курсъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія русскаго правительства, такъ какъ высотой курса определялся размѣръ заграничныхъ платежей нашего государственнаго казначейства. Но однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ вексельнаго курса является состояніе платежнаго баланса страны. Изъ этой причинѣ русское правительство со времени введенія у насъ бумажныхъ денегъ стало усиленно заботиться объ улучшеніи нашего платежнаго баланса. Неблагопріятный платежный балансъ очень невыгодно отзывался (черезъ посредство вексельнаго курса) на государственныхъ финансахъ, и вотъ по этой-то причинѣ правительство Екатерины въ 1793 г. признало нужнымъ принять мѣры для сокращенія привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ такъ какъ сокращеніе привоза товаровъ изъ-за границы гораздо легче достижимо, чѣмъ расширение вывоза туземныхъ произведеній за границу ¹⁾.

Такимъ образомъ, фабричная промышленность въ теченіе почти всего царствованія Екатерины не пользовалась покровительствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и, тѣмъ не менѣе, развивалась успѣшнѣе, чѣмъ раньше. Изъ этого ясно, что нельзя видѣть важнѣйшую причину развитія у насъ фабричнаго производства только въ мѣрахъ правительства или, еще уже, въ нашей таможенной политикѣ, а именно этимъ грѣшатъ почти всѣ наши экономисты—какъ протекціонисты, такъ и фритредеры. Въ теченіи XVIII вѣка наше крупное производство сдѣлало болѣе всего успѣховъ въ то время, когда правительство официально заявляло о

¹⁾ Вопросъ о причинахъ упадка курса и средствахъ поднятія его занимаетъ видное мѣсто въ официальной литературѣ того времени. Въ таможенномъ департаментѣ имѣется цѣлый рядъ записокъ разныхъ лицъ по этому предмету; большая часть этихъ записокъ относится къ 90 годамъ прошлаго столѣтія. См. объ этомъ также у Ладыженскаго, 127—136, 150, 153, и у Семенова, III, 43—50.

своемъ несочувствіи этой формѣ промышленности и менѣе, чѣмъ когда-либо, поддерживало ее „искусственными“ средствами.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что правительство Екатерины не принимало никакихъ мѣръ въ пользу крупной промышленности. Иностранные капиталисты и рабочіе попрежнему усиленно привлекались въ Россію, при чемъ имъ предоставлялись разныя льготы. Особенно важной привилегіей иностранныхъ капиталистовъ, устраивавшихъ въ Россіи фабрики и заводы, было правѣ покупать къ нимъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ, дарованное манифестомъ 1753 ¹⁾ (въ то время, какъ указомъ предшествовавшаго года русскіе капиталисты этого права были лишены). Точно такъ же казна нерѣдко оказывала денежные ссуды фабрикантамъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство на свой счетъ пробовало устраивать различныя фабрики, но фабрики этого рода, кромѣ тѣхъ, которыя доставляли свои товары въ казну (какъ, напр., огромная Екатеринославская суконная фабрика), существовали обыкновенно недолго, и Екатерина скоро убѣдилась въ невыгодности такихъ предприятий ²⁾. Фабрикамъ, изготовлявшимъ такіе товары, которые раньше не выдѣлывались въ Россіи, обезпечивалась на извѣстное число лѣтъ свобода отъ пошлинъ и налоговъ. Но, повторяю, развитіе фабричной промышленности при Екатеринѣ гораздо меньше основывалось на непосредственной поддержкѣ правительства, чѣмъ въ предыдущія царствованія. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ устройство фабрики разсматривалось почти какъ государственная служба; государство признавало поэтому своимъ долгомъ всѣми возможными средствами поощрять и награждать фабрикантовъ, исполнявшихъ дѣло первенствующей государственной важности. При Екатеринѣ отношеніе правительства къ фабрикантамъ измѣнилось; въ нихъ перестали видѣть служилыхъ людей, хотя правительство продолжало въ нихъ нуждаться, и потому не могло не покровительствовать имъ.

Остановимся теперь на одномъ любопытномъ пунктѣ. Жалобы купечества въ Екатерининской комиссіи на развитіе крестьянской торговли и промысловъ свидѣтельствуютъ о ростѣ кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII вѣка. Дѣйствительно, есть полное основаніе думать, что въ екатерининское время не только наша фабричная промышленность сдѣлала нѣкоторые успѣхи,

¹⁾ П. С. З., XVI, 11880.

²⁾ Storch. „Statistische Gemälde“. III, 35—42.

но въ еще большей мѣрѣ развилась крестьянская промышленность. Иностранныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка, поражала необыкновенная распространенность всевозможнаго рода промысловъ въ русской деревнѣ. Такъ, напр., по словамъ Петри, „нигдѣ не наблюдается такою крайняго смѣшенія городскихъ и сельскихъ промысловъ, какъ въ Россіи. Въ Россіи крестьянинъ занимается не только земледѣліемъ, но по большей части также и другими промыслами: очень часто земледѣліе играетъ даже въ крестьянскомъ хозяйствѣ второстепенную роль, а промыслы главную, такъ что встрѣчаются цѣлыя села, состоящія изъ однихъ ремесленниковъ“ ¹⁾. На то же указываетъ и Фрибе, по словамъ котораго русскій крестьянинъ чрезвычайно склоненъ къ промышленной дѣятельности ²⁾.

Крестьянская промышленность въ это время была направлена главнымъ образомъ на обработку тѣхъ продуктовъ, которые производились самими крестьянами. Особенное значеніе имѣло пряденье и ткачество льна. Но Петру не удалось заставить крестьянъ ткать широкія полотна—попрежнему кустари ткали крайне узкія холсты, болѣе похожія на ленту ³⁾. Это полотно нерѣдко красилось и уже въ такомъ видѣ, черезъ посредство скупщиковъ, державшихъ кустарей въ полномъ подчиненіи, поступало на рынокъ. Самая техника пряденья и тканья сдѣлала очень мало успѣховъ со времени Петра I. Самопрялка все еще не была въ употребленіи среди крестьянъ. Это констатируется всѣми „отвѣтами“, полученными Вольно-Экономическимъ Обществомъ, разосланнымъ въ 1766 г. черезъ губернаторовъ въ разныя губерніи рядъ вопросовъ, касавшихся экономическаго положенія населенія ⁴⁾. Самое лучшее по-

¹⁾ Johann Petri. „Russlands blühendste Handelstädte“. Leipzig, 1811, стр. 3. То же говоритъ и Schäffer, авторъ книги „Beschreibung des Russischen Reichs“. Berlin, 1812.

²⁾ Friebel. „Ueber Russlands Handel“ etc. Продукты кустарной промышленности характеризуются Фрибе тѣми же чертами, которыя составляютъ ихъ отличительную особенность и теперь—дешевизной и плохимъ качествомъ. „Изъ 6 тульскихъ замковъ нерѣдко оказывается годнымъ только одинъ“ (II, 407).

³⁾ Abel Burja. „Observations d'un voyageur sur la Russie“. Berlin, 1785, стр. 23.—Storch. „Statist. Gemälde“, III, 69—72.

⁴⁾ См. „Труды И. В.-Э. О-ва“, 1767 г., часть VII. Отвѣты Переяславской провинціи, Переяславля-Залѣскаго, Оренбургской провинціи; 1768 г., часть VIII. Отвѣты Слободско-Украинской провинціи; 1774 г., часть XXVI. Отвѣты по Кашинскому уѣзду и др.

отно, по словамъ Шторха, изготовлялось въ Архангельской губ., въ селѣ Лысковѣ на Волгѣ, въ менонитскихъ колоніяхъ въ Вишенкѣ и другихъ мѣстахъ.

Въ лѣсныхъ губерніяхъ были развиты разнообразныя промыслы, связанные съ обработкой дерева или древесныхъ продуктовъ—плетеніе рогожъ, ситъ, рѣшетъ, лаптей, дѣланіе колесъ, дугъ, саней, дровней, деревянной посуды, гонка смолы и дегтя¹⁾. Скорняжное, кожевенное, сыромятное производства были распространенными крестьянскими промыслами. Обработка желѣза давала занятіе цѣлымъ селамъ въ Нижегородской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ селѣ Работницкомъ на Волгѣ всѣ жители были кузнецами, въ Безводномъ на Волгѣ—тянули проволоку; но особенно выдѣлялось уже въ то время промыслами Павлово, въ которомъ было до „3000 крестьянъ, которые вмѣстѣ составляли какъ бы одну фабрику, хотя каждый работалъ на себя. Они выдѣлываютъ всякіе замки, ножницы, ножи, сабли, ружья, топоры и пр.“²⁾. Павловскія издѣлія были распространены по всей Россіи и вывозились даже за границу, особенно въ Персію.

Большая часть гвоздей, употреблявшихся въ Россіи, изготовлялась кустарями въ приволжскихъ губерніяхъ. Иногда въ деревняхъ развивалась даже обработка драгоценныхъ металловъ—изготовленіе издѣлій изъ золота и серебра. Такъ, въ селѣ Сидоровскомъ, Нерехотскаго у., было нѣсколько десятковъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, золотильщиковъ, серебряниковъ и чеканщиковъ³⁾.

По берегамъ судоходныхъ рѣкъ (Волги, Камы, Оки и др.) было сильно развито судостроеніе и составляло исключительный промыселъ многихъ деревень. Всѣ суда, ходившія по этимъ рѣкамъ, строились крестьянами⁴⁾.

Крестьяне сами выдѣлывали для себя грубое сукно, которое нерѣдко поступало и въ продажу. Нѣкоторыя деревни исключительно занимались изготовленіемъ шляпъ, другія—сапоговъ, трети—мебели и т. д. Такъ, уже въ это время села Кимры и Медвѣдицкое, Кашинскаго уѣзда, были населены почти исключи-

1) См., напр., „Экономическое описаніе Костромской губерніи городовъ Кологрива и Ветлуги“. 1805. Арх. И. В.-Э. О-ва, № 492.

2) Storch, III, 88.

3) „Описаніе Костромской губ. Нерехотскаго у.“, 1805 г., стр. 156. Арх. И. В.-Э. О-ва.

4) „Труды И. В.-Экономическаго О-ва“, 1783 г., часть 33. О побочныхъ крестьянскихъ работахъ, 126.

тельно сапожниками и башмачниками. Сапожный и башмачный промыслы вообще были особенно развиты въ Кашинскомъ уѣздѣ ¹⁾.

Однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ кустарной промышленности была Московская губернія, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ которой крестьяне, по словамъ Шторха, были почти исключительно ремесленниками (кустарями) или промышленниками. Въ деревняхъ одного Московскаго уѣзда считалось болѣе 300 ткацкихъ становъ для тканья шелковыхъ и бумажныхъ матерій, нѣсколько сотъ становъ для тканья лентъ и пр. Кустарное шелковое ткачество, возникшее не раньше половины XVIII вѣка, къ концу этого вѣка достигло уже такого развитія, что коломенскіе шелковые фабриканты не могли дѣлать легкой шелковой тафты и платковъ изъ-за конкуренціи кустарей ²⁾.

Въ Гжельской волости и окрестныхъ селеніяхъ почти всѣ жители занимались изготовленіемъ глиняной и фарфоровой посуды ³⁾.

О развитіи кустарнаго ткачества холста въ Тверской губерніи можно судить по тому, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Тверская губернія вывозила на продажу до 10 мил. арш. крестьянскаго холста, а въ 1879 г., по расчету г. Покровскаго, та же губернія отпускала холста только въ полтора раза болѣе—16 мил. арш.; при этомъ трудъ ткача и пряжи, судя по цѣнамъ холста прежде и теперь, вознаграждался столѣтіе тому назадъ почти вдвое лучше ⁴⁾.

Эти успѣхи кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII вѣка находились въ извѣстной связи съ увеличеніемъ числа фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ.

Фабрика въ XVIII вѣкѣ была почти единственной школой промышленнаго искусства, новыхъ приѣмовъ производства, техническихъ усовершенствованій. Въ прошломъ столѣтіи всѣ важнѣйшія новыя отрасли промышленности возникали первоначально въ видѣ крупныхъ фабрикъ, въ которыхъ иноземные мастера научали русскихъ рабочихъ. Но, какъ было указано выше, фабрики эти были, въ сущности, только мануфактурами, — работа на нихъ производилась

¹⁾ „Труды И. В.-Э. О-ва“, 1774, ч. XXVI. Отвѣты по Кашинскому у.

²⁾ Корсакъ, 135.

³⁾ С. Черновъ. „Статистическое описаніе Московской губ.“ 1811 г. стр. 72.

⁴⁾ В. Покровскій. „Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи“. Тверь, 1879, I, стр. 131.

пти исключительно руками, при самомъ ничтожномъ употребленіи машинъ. При такихъ условіяхъ нѣкоторыя новыя производства шли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и на фабрикахъ, исполняются теми крестьянами, въ ихъ собственныхъ избахъ. Крестьянамъ хватало только техническаго знанія, и вотъ фабрики сыграли громадную роль въ развитіи крестьянской промышленности, являясь распространителями этихъ знаній, практической школой для кузнецовъ. По мѣрѣ расширенія на фабрикахъ вольнонаемнаго труда, все большее число рабочихъ знакомясь съ усовершенствованными приемами производства, а такъ какъ большинство изъ этихъ рабочихъ были крестьянами, на время уходившими изъ деревни за заработкомъ, то естественно, что, возвращаясь домой, они разносили по всемъ деревенскимъ закоулкамъ новыя техническія навыки и приемы. Фабричные рабочіе обыкновенно были пионерами въ дѣлѣ введенія новыхъ отраслей крестьянскаго производства. Они устраивали собственныя небольшія мастерскія, стараясь эксплуатировать въ свою пользу пріобрѣтенное техническое искусство; но сосѣди быстро перенимали несложныя приемы производства, возникалъ новый промыселъ, отъ котораго начинала кормиться вся деревня.

Я не буду останавливаться надъ фактическимъ доказательствомъ возможности такого взаимодѣйствія между фабрикой и кустарной избой, такъ какъ объ этомъ вопросѣ мнѣ еще придется обстоятельно говорить ниже. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что конецъ XVIII вѣка характеризуется развитіемъ промышленности въ разныхъ формахъ—какъ фабричной, такъ и кустарной. Антагонизмъ этихъ двухъ формъ производства въ эту эпоху обнаруживался еще очень слабо. Только изрѣдка мы узнаемъ о конкуренціи кустаря съ фабрикой, при чемъ кустарь беретъ всегда верхъ. Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустарной избой всецѣло объясняется тѣмъ, что важнѣйшія и крупнѣйшія фабрики (суконныя, полотняныя, парусныя, фабрики тяжелыхъ шелковыхъ матерій, писчебумажныя, стеклянныя и другія) производили товары, почти не выдѣлывавшіеся кустарями; поэтому и случаевъ столкновенія фабрики съ кустаремъ не представлялось. Даже если на фабрикахъ и въ кустарныхъ заведеніяхъ выдѣлывались товары одного рода (напр., на ситцепечатныхъ фабрикахъ и у кустарей-набойщиковъ), качество фабричныхъ и кустарныхъ издѣлій было настолько различно, что исключало конкуренцію между ними. Фабрика XVIII вѣка выдѣлывала, главнымъ образомъ, или товары, поставляемые въ казну (напр., сукно, полотно, писчая бумага),

или предметы потребленія высшихъ классовъ населенія. Кустари же изготовляли грубые товары, расходившіеся преимущественно среди простого народа. По этой причинѣ фабрика и кустарная изба мирно уживались въ XVIII вѣкѣ другъ съ другомъ, почти не конкурируя между собой, при чемъ, какъ я сказалъ, фабрика являлась технической школой для кустаря.

ЧАСТЬ I.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

ГЛАВА I.

Развитіе промышленности въ дореформенной Россіи.

Возникновеніе у насъ хлопчатобумажнаго производства.—Его необыкновенно быстрый ростъ.—Причины этого. — Капиталистическій характеръ нашего хлопчатобумажнаго производства и его связь съ бумагопрядильнымъ производствомъ Англій.—Слабость правительственной поддержки.—Промышленный кризисъ конца 30-хъ годовъ.—Кризисъ полотнянскаго производства 30—40 годовъ.—Размѣры этого кризиса.—Освобожденіе суконной промышленности отъ подчиненія государству.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ и концентрація производства до 40-хъ годовъ; измѣненіе направленія развитія послѣ этого времени.—Жельзодѣлательная промышленность и ея застой.—Связь съ крѣпостнымъ правомъ.

Изъ предшествовавшаго очерка промышленнаго развитія Россіи въ XVIII вѣкѣ читатель могъ видѣть, что русская промышленность не стояла неподвижно и со времени Петра сдѣлала немалые успѣхи. Но успѣхи эти были невелики; промышленность развивалась количественно, но техника производства собою не прогрессировала, и главнымъ потребителемъ продуктовъ крупнаго производства оставалось государство. Важнѣйшей отраслью фабричной промышленности въ концѣ царствованія Екатерины, какъ и при Петрѣ, было суконное производство, работавшее почти исключительно для казны. Точно такъ же горные заводы, жельзные, мѣдные и др. преимущественно удовлетворяли спросу государства (многіе изъ этихъ заводовъ и принадлежали казнѣ). Большинство фабрикъ и заводовъ въ XVIII вѣкѣ основалось при прямой или косвенной помощи правительства; рабочія руки отчасти доставлялись также правительствомъ. Хотя въ концѣ XVIII столѣтія правительственная опека надъ частной фабрикой ослабѣ-

васть, тѣмъ не менѣ частная фабрика продолжаетъ пользоваться поддержкой казны въ формѣ денежныхъ ссудъ и разнаго рльготъ и привилегій. Какъ я старался показать, это ослабле правительственной опеки надъ промышленностью не только задержало количественнаго роста послѣдней, но скорѣе его улило. Въ царствованіе Екатерины число фабрикъ значительно увеличивается, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивается крестьянская промышленность. Петровскія фабрики испытывали крайнія затрудненія въ прінсканіи рабочихъ рукъ. Мануфактурное производство требовало искусныхъ рабочихъ, а таковыхъ въ Россіи, вслѣдствіе ея промышленной отсталости, въ это время не было. Но затрудненія такого рода ослабѣвали по мѣрѣ роста фабрикъ и расцѣпаненія вольнонаемнаго труда. Рабочіе обучались новымъ способамъ производства, промышленное искусство распространялось въ народѣ; выгодами такого распространенія пользовалось какъ крупное, такъ и мелкое производство. Вновь возникавшія фабрики получили возможность находить рабочихъ, а крестьяне обучались новымъ промысламъ, которые по своему техническому характеру съ успѣхомъ могли быть усвоены мелкимъ деревенскимъ производителемъ.

Такимъ образомъ, наша промышленность понемногу освобождалась отъ непосредственной зависимости отъ государства. Фабрика, которая вначалѣ была такимъ же чуждымъ (хотя и необходимымъ) элементомъ нашего хозяйственнаго строя, какъ были чужды московскому политическому строю новыя административныя формы, созданныя Петромъ, постепенно органически срастается съ этимъ строемъ. Будучи обязана своимъ возникновеніемъ непосредственному воздѣйствію государственной власти, крупная промышленность сама дѣлается однимъ изъ факторовъ, направляющихъ государственную политику. Но, повторяю, въ XVIII вѣкѣ наша крупная промышленность еще едва вышла изъ пеленокъ; только въ XIX вѣкѣ она стала социальнымъ факторомъ первой важности.

Если мы сравнимъ развитіе русской промышленности въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ настоящаго столѣтія, мы легко замѣтимъ между этими двумя эпохами слѣдующее основное различіе. Въ XVIII вѣкѣ развивались преимущественно тѣ отрасли промышленности, которыя удовлетворяли спросу государства (суконное, паруснополотняное, писчебумажное, горнозаводское производства). Напротивъ, въ дореформенной Россіи XIX вѣка доминирующимъ фактомъ является поразительно быстрый ростъ производства, ко-

рое было вполнѣ независимо отъ спроса государства, а именно— хлопчатобумажнаго.

Хлопчатобумажная промышленность появилась у насъ еще въ VIII вѣкѣ. Мнѣ придется ниже говорить объ исторіи возникновенія ситцепечатнаго и бумаготкацкаго производствъ въ селѣ (вановѣ). Но до начала XIX вѣка обработка хлопка у насъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, имѣла ничтожное значеніе.

Зато въ XIX вѣкѣ наша хлопчато-бумажная промышленность гала расти чрезвычайно быстро. Вотъ соотвѣтствующія данныя на первой половины этого вѣка.

Средній ежегодный ввозъ въ Россію
(въ десяткахъ тысячъ пудовъ)¹⁾.

Годы.	Хлопка сырца.	Бумажной пряжи.
1812 — 15	5	12
1816 — 20	5	19
1821 — 25	7	23
1826 — 30	10	43
1831 — 35	15	56
1836 — 40	32	59
1841 — 45	53	59
1846 — 50	112	35
1851 — 55	167	12
1856 — 60	262	21

За 50 лѣтъ количество перерабатываемаго въ Россіи хлопка возросло болѣе, чѣмъ въ 50 разъ. Раньше всего у насъ развилась завершительная операція хлопчатобумажнаго производства — ситцепечатаніе (ручная набойка), затѣмъ бумажное ткачество и только значительно позже бумагопряденье. Такая послѣдовательность развитія различныхъ отраслей хлопчатобумажной промышленности не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Набойка по холсту была распространена у насъ задолго до начала ситцепечатанія, и переходъ къ набойкѣ по миткалю, ввозимому изъ-за границы, не представлялъ никакихъ трудностей. Ткачество миткаля было почти совершенно незнакомо Московской Руси; но такъ какъ ручное ткачество бумажной пряжи представляетъ собой операцію очень простую, которую можно свободно изучить въ нѣсколько мѣсяцевъ, то неудивительно, что, по мѣрѣ развитія ситцепечатанія, стало распространяться и бумаготкацкое

¹⁾ Составлено по „Tableaux Statist. du Comm. Extér. de la Russie“.

производство. Бумагопряденье появилось у насъ всего позже тому, что въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка (когда бумажныя ткани стали входить у насъ въ общее употребленіе) ручное пряденье было совершенно невыгодно вслѣдствіе крайней дешевизны англійской машинной пряжи. Чтобы конкурировать съ англійскою пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами, которыя такъ сильно увеличили производительность труда англійскаго прядильщика. Но устройство бумагопрядильной фабрики требовало огромныхъ затратъ капитала; прядильныя машины приходилось вывозить изъ-за границы, а это было тѣмъ затруднительнѣе, что вывозъ машинъ изъ Англій до 1842 г. былъ запрещенъ. По этой причинѣ, вплоть до 40-хъ годовъ, наше бумаготкацкое [производство пользовалось преимущественно заграничною (главнымъ образомъ, англійскою) пряжею.

Ввозъ иностранной пряжи въ Россію растетъ до начала 40-хъ годовъ; съ этого времени ввозъ начинаетъ падать. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что быстрое расширеніе бумаготкацкой промышленности во второй половинѣ 20-хъ годовъ основывалось, главнымъ образомъ, на увеличеніи ввоза иностранной пряжи. Напротивъ, послѣ 40-хъ годовъ ростъ нашей бумаготкацкой промышленности сопровождается еще болѣе быстрымъ ростомъ бумагопрядильнаго производства въ самой Россіи, благодаря чему ввозъ иностранной пряжи падаетъ.

Чѣмъ же обусловливались успѣхи нашей хлопчатобумажной промышленности? Я говорилъ во Введеніи, какую крупную роль сыграло государство въ появленіи у насъ крупнаго производства. Хотя обычное объясненіе этого появленія далеко недостаточно, такъ какъ оно игнорируетъ основной фактъ—торговый капитализмъ въ допетровской Руси,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что безъ специальныхъ мѣръ, принятыхъ Петромъ по соображеніямъ общаго государственнаго значенія, крупное производство у насъ въ то время не могло бы развиваться. Печать „государственности“ лежитъ на всей крупной промышленности прошлаго вѣка. Государство нуждалось въ этой промышленности и усердно ее поддерживало всѣми способами; и тѣмъ не менѣе, наиболѣе поощряемыя отрасли промышленности (напр., суконная) развивались весьма туго.

Хлопчатобумажная промышленность выросла въ Россіи при совершенно иныхъ условіяхъ. Въ половинѣ XVIII вѣка ситцевое печатное производство было монополизировано крупными фабрикантами Чемберленомъ и Козенсомъ, англичанами, имѣвшими фабрики въ Петербургѣ. Правительство не только не принимало мѣръ къ распространенію новой отрасли промышленности, но даже задер-

ивало монополіей ея развитіе. Тѣмъ не менѣе, эта промышленность быстро росла. Главные успѣхи ея начинаются въ XIX вѣкѣ. Успѣхи эти являются разительнымъ контрастомъ съ застоємъ или даже упадкомъ другихъ отраслей производства (о чемъ я буду говорить ниже). И этотъ ростъ, по крайней мѣрѣ въ области качества, былъ достигнутъ безъ всякой непосредственной поддержки правительства. Къ бумаготкацкимъ фабрикамъ не приписывались крестьяне, имъ не давалось казенныхъ строеній и земельныхъ участковъ, онѣ почти не пользовались ссудами отъ правительства ¹⁾. Правительство не признавало нужнымъ заботиться о развитіи хлопчатобумажной промышленности такъ усиленно, какъ оно заботилось о развитіи суконнаго, чугуноплавильнаго, паруснаго и кожевеннаго производствъ по той простой причинѣ, что въ бумажныхъ тканяхъ военное министерство не нуждалось. И тѣмъ не менѣе, ростъ именно этой отрасли промышленности далеко оставилъ за собой ростъ всѣхъ другихъ отраслей, специально опекаемыхъ государствомъ.

Основная причина развитія хлопчатобумажной промышленности въ XIX вѣкѣ не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ заключалась въ томъ, что, благодаря приженію машинъ къ пряденію и ткачеству хлопка, бумажныя ткани сдѣлались самымъ дешевымъ предметомъ одежды. Чѣмъ бѣднѣе въ странѣ масса населенія, тѣмъ болѣшимъ распространеніемъ въ ней должны пользоваться бумажныя матеріи. Это достаточно извѣстно. Но вотъ на что въ русской литературѣ до сихъ поръ было обращено слишкомъ мало вниманія. Во всѣхъ книгахъ, такъ или иначе затрогивающихъ вопросъ о поразительномъ развитіи нашего бумажнаго ткачества во второй четверти этого вѣка, развитіе это приводится въ связь только съ одной причиной—изданіемъ въ 1822 г. новаго тарифа, составленнаго въ духѣ крайняго протекціонизма. Между тѣмъ, важнѣйшимъ факторомъ роста нашей бумаготкацкой промышленности въ рассматриваемое время, какъ и раньше, былъ не тарифъ, а нѣчто совсѣмъ иное. Обратимся къ цѣнамъ бумажной пряжи за этотъ періодъ.

¹⁾ Въ официальной „Вѣдомости о ссудахъ изъ Мануфактурнаго капитала“ (предназначеннаго для ссудъ фабрикамъ и заводамъ) за 1804—1810 г. значится только 3 ссуды на устройство фабрикъ бумажныхъ матерій, при чемъ весь капиталъ, выданный въ ссуду для этой цѣли, достигалъ только 1300 р. Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ. 3 ноября 1811 г. Св. № 42. Арх. д-та т. и м.

Продажные цѣны пуда англійской бумажной пряжи въ г. Шутъ.
№ 15—30 ¹⁾.

Годы:	Годы:
1822 106—112 р. асс.	1834 84—100 р. асс.
1823 110—118 „ „	1835 92—113 „ „
1824 112—125 „ „	1836 87— 97 „ „
1825 102—118 „ „	1837 73— 79 „ „
1826 105—110 „ „	1838 72— 81 „ „
1827 85— 90 „ „	1839 72— 76 „ „
1828 75— 85 „ „	1840 62— 71 „ „
1829 73— 84 „ „	1841 62— 71 „ „
1830 73— 86 „ „	1842 68— 70 „ „
1831 74— 80 „ „	1843 63— 68 „ „
1832 73— 82 „ „	1844 64— 69 „ „
1833 80— 87 „ „	1845 63— 68 „ „

Мы видимъ, что въ 1827 г. цѣна бумажной пряжи въ Шутъ сразу упала почти на 20% и впоследствии уже не поднималась прежней высоты. Точно такъ же значительное пониженіе цѣны пряжи замѣчаемъ въ 1837 и 1840 гг. Чѣмъ же оно было вызвано? Обратимся къ цѣнамъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ на англійскомъ рынкѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукою цѣнъ пряжи, но такъ какъ пряжа является главной составной частью цѣнности бумажной ткани, то я и приведу цѣны бумажной ткани въ Манчестерѣ

Средняя ежегодная цѣна бумажной ткани Reed Printing Cloth ²⁾.

Годы:	Годы:
1822 14 ш. 6 п.	1836 10 ш. — п.
1823 14 „ — „	1837 7 „ 9 „
1824 14 „ 6 „	1839 8 „ 7 ¹ / ₂ „
1825 16 „ 3 „	1840 7 „ 3 „
1826 10 „ 6 „	1842 6 „ 1 ¹ / ₂ „
1827 10 „ — „	1843 6 „ 6 ¹ / ₂ „
1835 10 „ 2 „	1844 6 „ 3 „

Такимъ образомъ, и въ Англии цѣна бумажныхъ фабрикатовъ сильно понизилась въ 1826, 1837 и 1840—42 гг., т.-е. приблизительно въ тѣ же годы, какъ и въ Россіи. Дѣло въ томъ, что 1825, 1836

¹⁾ По конторскимъ книгамъ крупнѣйшей фирмы того времени, тогдашней англійской пряжей—бр. Киселевыхъ. „Памятная книжка Вла. губ. на 1862 г.“ Очеркъ торговли хлопчатобумажной пряжей въ г. Шутъ Лядова.

²⁾ „Journal of the Statistical Society of London“. 1861. Neild. An Account of the Prices of Printing Cloth. Стр. 445.

и 1839—1840 г. были годами промышленныхъ кризисовъ; а кризисы всегда были въ Англии стимулами технического прогресса. Послѣ каждого кризиса фабриканты вводили усовершенствованныя машины, для удешевленія производства; по этой причинѣ кризисы въ Англии не только кратковременно понижали цѣны фабрикатовъ, но и вызывали паденіе обычной, нормальной цѣны послѣднихъ.

Вотъ въ этомъ-то удешевленіи пряжи, слѣдовавшемъ за англійскими промышленными кризисами, слѣдуетъ искать основную причину быстрого роста нашего бумаготкацкаго производства въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ. Несмотря на тарифъ 1822 г., цѣна пряжи въ Россіи быстро падала, параллельно этому падали цѣны миталея и ситца,—спросъ на бумажныя ткани возрасталъ, и производство ихъ расширялось. Основнымъ факторомъ всего этого процесса являлся техническій прогрессъ бумагопрядильнаго производства въ Англии. Очень интересно, что цѣна англійской пряжи въ Шуѣ сильно понизилась въ 40-хъ годахъ,—интересно потому, что какъ разъ въ 1841 году пошлина на привозную бумажную пряжу у насъ была сильно повышена; но, несмотря на повышение пошлины, англійская пряжа въ первую половину 40-хъ годовъ стояла въ Шуѣ на 15—20% ниже, чѣмъ въ предшествовавшее пятилѣтіе. А такъ какъ въ 40-хъ годахъ русская пряжа очень энергично вытѣсняла англійскую, то необходимо заключить, что и русская пряжа понизилась въ цѣнѣ и, безъ сомнѣнія, понизилась по той же причинѣ — вслѣдствіе улучшенія техники производства, выписки изъ Англии улучшенныхъ прядильныхъ машинъ (вывозъ которыхъ, какъ сказано выше, былъ дозволенъ въ 1842 г.).

Англійскій кризисъ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ очень сильно отразился на русской хлопчатобумажной промышленности. Въ одномъ донесеніи министру финансовъ 10 декабря 1838 г. мы читаемъ, что „непомѣрное пониженіе въ 1837 г. цѣнъ на бумажную пряжу и трудность сбыта оной, по причинѣ большого привоза изъ Англии и Бухаріи, значительной выпрядки домашнихъ мануфактуръ и уменьшенія, по случаю упадка внутренней торговли, ткачества нашихъ артикуловъ — имѣли послѣдствіемъ не только закрытіе 18 бумагопрядильныхъ заведеній въ Московской, Калужской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, но и несостоятельность многихъ владѣльцевъ сихъ заведеній... прочія бумагопрядильни, дѣйствующія менѣе, нежели 4000 веретенъ, никака не

избѣжать той же участи“¹⁾. Въ донесеніи 26-го ноября 1840 г. указывается, что „число торговыхъ несостоятельствъ увеличивается ежедневно. Отсрочки слѣдуютъ за отсрочками и влекутъ за собою добровольныя сдѣлки... Если не примутъ вскорѣ мѣры къ отвращенію этого зла, то нѣтъ надежды на восстановленіе въ Москвѣ кредита“. Изъ прошенія, поданнаго московскими фабрикантами министру финансовъ 6-го ноября 1840 г., видно, что русское бумагопрядильное производство переживало въ это время несомнѣнный кризисъ, который всей своей тяжестью обрушился на мелкія бумагопрядильни. Крупныя заведенія устояли, и потому послѣдствіемъ кризиса была (какъ и въ Западной Европѣ) концентрація производства. А такъ какъ въ бумагопряденьѣ крупное производство обладаетъ несомнѣнными и огромными техническими преимуществами передъ мелкимъ (по словамъ Самойлова, главнымъ преимуществомъ Англій передъ Россіей въ области бумагопряденья было то, что въ Англій бумагопрядильни отличались болѣе крупными размѣрами, — бумагопрядильни въ 25.000 веретенъ не считались тамъ въ 40-хъ годахъ крупными, а въ Россіи бумагопрядильни, работавшія на 10.000, 12.000 и 15.000 веретенъ, принадлежали къ первостепеннымъ заведеніямъ), — то несомнѣнно, что кризисъ конца 30-хъ годовъ долженъ былъ поднять наше бумагопряденье въ техническомъ отношеніи. Въ этомъ и заключалась причина пониженія цѣнъ пряжи и развитія нашего бумагопрядильнаго и ткацкаго производствъ въ 40-хъ годахъ²⁾.

Итакъ развитіе нашей хлопчатобумажной промышленности объясняется прежде всего общими міровыми условіями промышленной эволюціи. Россія была захвачена въ кругъ капиталистическаго развитія Англій и воспользовалась техническими успѣхами послѣдней. Но, разумѣется, это было возможно только благодаря существованію въ Россіи покровительственнаго тарифа: безъ него Англія ввозила бы въ Россію не пряжу, а миткаль или ситець, и вмѣсто производства бумажныхъ матерій у насъ въ еще болѣшихъ

1) Дѣло по донесенію чиновника Самойлова о запискѣ нѣкоторыхъ содержателей бумагопрядильныхъ заведеній о нынѣшнемъ положеніи ихъ заведеній въ Россіи 14 дек. 1838. Арх. д-та Т. и М.

2) Тѣмъ же кризисомъ было вызвано и повышеніе пошлины на ввозную пряжу въ 1841 г. Московскіе бумагопрядильные фабриканты просили объ этомъ министра финансовъ въ 1840 г., мотивируя свою просьбу пониженіемъ цѣнъ пряжи и „безвыгодностью производства“. Просьба ихъ была удовлетворена, но цѣна пряжи упала еще больше, — мелкія бумагопрядильни погибли, а крупныя расширили производство. (См. то же „Дѣло по донесенію чиновника Самойлова“).

въ размѣрахъ распространилось бы потребленіе этихъ матерій, которыя доставлялись бы Англіей. Нельзя объяснять ростъ нашего бумаготкацкаго производства однимъ вліяніемъ тарифа 1822 г.; въ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что безъ высокихъ пошлинъ эта промышленность не могла бы развиваться. Англійское бумажное ткачество стояло въ техническомъ отношеніи такъ высоко, что съ нимъ не могло выдержать конкуренціи даже индусское качество, хотя индусскій ткачъ былъ артистомъ своего дѣла, а бумаготкацкое производство въ Индіи было старинною отраслью промышленности, къ которой населеніе привыкло за многія сотни лѣтъ. Тѣмъ невозможнѣе была конкуренція съ англійскими фабриками для русскихъ бумажныхъ издѣлій, производство которыхъ было дѣломъ еще совершенно новымъ для русскаго населенія.

Какъ сказано, бумаготкацкое производство развилось у насъ гораздо раньше бумагопряденія, и притомъ развилось безъ непосредственной помощи государства (кромѣ, разумѣется, поддержки въ видѣ таможенныхъ пошлинъ). Что касается до бумагопрядильнаго производства, то оно появляется въ Россіи въ началѣ этого столѣтія. Въ 1808 г. купцомъ Пантелѣевымъ была устроена первая частная бумагопрядильная фабрика въ Москвѣ. Фабрика эта получила прядильныя машины съ образцовой прядильной и ткацкой правительственной фабрики—Александровской мануфактуры, вторая была устроена въ 1709 г., со спеціальной цѣлью распространить въ Россіи употребленіе прядильныхъ и ткацкихъ машинъ¹⁾. Континентальная система, затруднившая подвозъ англійской пряжи, вызвала устройство еще нѣсколькихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ (въ 1812 г. въ Москвѣ ихъ было 11)²⁾. Эти фабрики очень пострадали отъ разоренія 1812 г. и прекратили произ-

¹⁾ Александровская мануфактура играла очень видную роль въ исторіи нашей промышленности. На этой мануфактурѣ впервые было введено въ Россіи машинное пряденіе хлопка и льна. Она выдѣлывала въ огромныхъ размѣрахъ льняныя и пеньковыя полотна на продажу. Въ 1828 г. на мануфактурѣ было 4000 рабочихъ при 3 паровыхъ машинахъ силою въ 70 лошадей. См. „О Санктпетербургскихъ фабрикахъ“. „Журналъ Мануфактуръ и Торговли, 1828, № 5.

²⁾ См. Дѣло по отношенію московскаго гражд. губернатора и по просьбѣ тамошнихъ фабрикантовъ Пантелѣева и Александра. 16-го марта 1811 г.; Дѣло по просьбамъ московскихъ и другихъ фабрикантовъ 10-го апр. 1812 г. (Арх. д-та т. и м.). Бумагопрядильные фабриканты неоднократно обратились къ правительству съ просьбой о запрещеніи или уменьшеніи высокой пошлины на иностранную пряжу, но домогательства

водство. Вплоть до 20-х годовъ бумажная пряжа изготовлялась у насъ только на Александровской мануфактурѣ. Съ конца 20-хъ годовъ начинаютъ основываться частныя бумагопрядильни, и только съ 40-хъ годовъ бумагопрядильное производство въ Россіи устанавливается вполнѣ прочно, получивши возможность пользоваться прядильными машинами, выписываемыми непосредственно изъ Англій (раньше на нашихъ бумагопрядильняхъ употреблялись бельгійскія и французскія прядильныя машины, далеко уступавшія по своимъ достоинствамъ англійскимъ).

О развитіи въ Россіи бумагопрядильнаго производства можно судить по тому, что къ началу 50-хъ годовъ Россія занимала по числу бумагопрядильныхъ веретенъ (1.100 тысячъ) 5-е мѣсто и уступала только Англій (20.977 тысячъ), Франціи (4.200 тысячъ), Соединеннымъ Штатамъ (2.500 тысячъ) и Австріи (1.400 тысячъ) ¹⁾ и стояла впереди Германіи, хотя германское буматкацкое производство значительно превосходило русское. Различіе это всецѣло объяснялось различіемъ тарифной политики: въ Австріи и Россіи бумажная пряжа была обложена высокой пошлиной (послѣ 1842 г. ввозная пошлина на пряжу въ Россіи достигла 50% цѣнности товара), между тѣмъ какъ германскій тарифъ по отношенію къ бумажной пряжѣ былъ крайне умѣреннымъ.

Быстрый ростъ хлопчатобумажной промышленности у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, вызвалъ тяжелый кризисъ въ области обработки льна и пеньки. Этотъ старинный крестьянскій промыселъ достигъ значительнаго развитія еще въ Московской Русіи: русскій холстъ въ XVII столѣтіи въ большомъ количествѣ вывозился за границу. Въ XVIII вѣкѣ вывозъ льняныхъ и пеньковыхъ фабричныхъ издѣлій—парусныхъ и фламскихъ полотень, равендуковъ—возрасталъ. Въ XIX вѣкѣ положеніе измѣнилось—вывозъ началъ падать. Такъ, въ 1758—1762 гг. средней годовой вывозъ за границу фламскихъ, парусныхъ полотень и равендуковъ равнялся 77 тысячамъ кусковъ, въ 1793—95 гг.—251 тысячамъ, въ 1814—23 гг.—203 тысячамъ, въ 1834—43 гг.—195 тысячамъ, а въ 1844—46 гг.—121 тысячамъ ²⁾.

ихъ были отклонены. Въ 1812 г. московскіе фабриканты просили даже о запрещеніи ввоза всѣхъ иностранныхъ издѣлій“.

¹⁾ Tengoborsky. „Etudes sur les forces productives de la Russie“. Paris, 1852, III, 47.

²⁾ Неболсинъ. „Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи“. Спб., 1850, II, 410.

О значеніи заграничнаго рынка для русскихъ полотняныхъ и парусныхъ фабрикъ начала этого вѣка можно судить по тому, что, по официальнымъ расчетамъ (конечно, очень неточнымъ), около $\frac{1}{4}$ всего количества фабричныхъ полотенъ предназначалось для экспорта ¹⁾. Поэтому паденіе заграничнаго экспорта не могло не быть тяжелымъ ударомъ для нашихъ полотняныхъ фабрикъ; причины этого паденія коренились, главнымъ образомъ, въ области техники: наше полотняное производство въ техническомъ отношеніи совсѣмъ не прогрессировало, на Западѣ же техника льняного пряденія и ткачества быстро шла впередъ, и въ то же время бумажная ткань своей дешевизной вытѣсняла полотно. Всего болѣе пострадали при этомъ крупныя фабрики, работавшія для экспорта, число которыхъ за время 1804—61 гг. понизилось съ 285 до 100.

Между тѣмъ за 1762—1804 г. число полотняныхъ фабрикъ возросло съ 135 до 285 ²⁾. Такимъ образомъ, число полотняныхъ фабрикъ измѣняется такъ же, какъ и экспортъ русскаго полотна за границу: до начала XIX вѣка число фабрикъ растетъ, затѣмъ начинаетъ падать. Объясняется это тѣмъ, что, какъ указано, экспортъ за границу игралъ очень большую роль въ нашемъ крупномъ полотняномъ производствѣ первой половины этого вѣка. Полотняныя фабрики были единственными фабриками въ Россіи, издѣлія которыхъ, вслѣдствіе дешевизны сырого матеріала, завоевали въ концѣ прошлаго вѣка заграничный рынокъ. Еще въ 1818 г. Арсеньевъ называлъ полотняныя фабрики „многочислѣннѣйшими и прибыльнѣйшими въ Россіи“ ³⁾. Особенно развилось у насъ фабричное производство парусныхъ полотенъ. Это производство концентрировалось, главнымъ образомъ, въ Калужской губерніи и Серпуховскомъ уѣздѣ Московск. губ. Парусное полотно экспортировалось преимущественно въ Америку, и одна русская фирма (Брюзгиныхъ) приобрѣла такую репутацію на заграничномъ

¹⁾ См. „Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи“. Спб. 1886 г., т. II. Пряжа и тканье изъ льна и пеньки, стр. 12.

²⁾ Цифра 1762 г. взята изъ „Матеріаловъ для исторіи и статистики мануфактурной промышленности въ Россіи“ („Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству м-ва фин.“, 1865 г., т. II); цифра 1804 г. изъ „Отчета министра В. Д.“ за соотвѣтствующій годъ (приведена у Семенова); цифра 1861 г.—изъ „Отчетовъ д-та мануфактуръ и внутренней торговли“ (Арх. д-та торг. и ман.).

³⁾ К. Арсеньевъ. „Начертаніе статистики Россійскаго государства“. Спб. 1818 г., ч. I, 142.

рынкѣ, что клеймо ея нерѣдко поддѣлывалось англійскими фабрикантами.

Болѣе $\frac{2}{3}$ всего парусноткацкаго производства Калужской губерніи предназначалось для экспорта. Ткачество парусныхъ полотенъ было исключительно фабричнымъ производствомъ. Начиная съ 30-хъ годовъ, цѣны на парусныя полотна на заграничныхъ рынкахъ стали быстро падать, еще болѣе онѣ упали въ 40-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ этого, число парусныхъ фабрикъ въ Калужской губерніи сократилось съ 17 (1832 г.) до 4 (1849 г.), число станковъ на нихъ — съ 3500 до 696, а размѣръ производства — съ 50 тыс. кусковъ до 2 т. Такъ же пострадало и парусноткацкое производство Серпуховскаго уѣзда. Въ началѣ 30-хъ годовъ на Серпуховскихъ фабрикахъ выдѣлывалось около 25 тыс. кусковъ ежегодно, а въ 1849 г. — только 6 т. кусковъ ¹⁾.

Не въ такой степени, какъ парусныя фабрики, но все-таки сильно пострадали и полотняныя фабрики, изготовлявшія льняныя полотна. Цѣны льняныхъ издѣлій понижались въ теченіе всей второй четверти этого вѣка ²⁾. Правда, не менѣе сильно понижалась за то же время и цѣна бумажныхъ тканей. Но послѣднее сопровождалось прогрессомъ техники — удешевленіемъ производства. Производство же полотна въ техническомъ отношеніи у насъ не прогрессировало, — какъ пряжа, такъ и полотно продолжали изгото-

¹⁾ О причинахъ упадка паруснополотнянаго производства см. „Состояніе фабрикъ и заводовъ въ Калужской губерніи“. „Журналъ Мануф. и Торговли“, 1830 г. № 1; „О пеньковомъ производствѣ въ Калужской, Орловской и смежныхъ губерніяхъ“. Журналъ М. и Торговли 1858 г., ч. 3; „О козельской промышленности, обрабатывающей сырые материалы“. „Калужск. Губернскія Вѣдомости“, 1871 г., № 6. Калужскіе фабриканты особенно жаловались на конкуренцію Александровской мануфактуры, экспортировавшей въ значительныхъ размѣрахъ парусное полотно. Вопросъ о размѣрахъ помощи паруснополотняному производству неоднократно разсматривался министерствомъ финансовъ, при чемъ выяснилось, что основная причина упадка нашего паруснаго экспорта заключалась въ прогрессѣ техники ткацкаго и прядильнаго производствъ на Западѣ, въ то время, какъ наши фабрики „со временъ ихъ основанія при Петрѣ Великомъ все еще употребляютъ прежніе способы“. См. Дѣло по просьбѣ полотнопарусныхъ фабрикантовъ Калужской губ. 21 іюля 1837; Дѣло по отчету московскаго гражданскаго губернатора объ упадкѣ паруснополотняныхъ фабрикъ въ г. Серпуховѣ. 18 марта 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

²⁾ „Исслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи“. Спб. 1847 г. Изд. м-ва госуд. имущ., стр. 91.

няться руками,—а потому пониженіе цѣны фабрикаата приводило къ убыточности производства и сокращенію послѣдняго.

Въ началѣ этого столѣтія полотняное ткачество были преобладающей промышленностью во многихъ уѣздахъ Владимірской губ.—напр., въ Шуйскомъ, Суздальскомъ, Муромскомъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ крупныя полотняныя фабрики возникли вскорѣ послѣ окончанія войны 1812 г.; полотно съ этихъ фабрикъ сбывалось преимущественно на внутренніе рынки, главнымъ образомъ, въ Сибирь и Малороссію. Къ концу 30-хъ годовъ сбытъ полотна сталъ затруднителенъ, и въ 1851 г. изъ 6 крупныхъ полотняныхъ фабрикъ въ городѣ Суздаль осталось только 2, и тѣ сильно сократили производство. Причина уменьшенія сбыта заключалась въ распространеніи бумажныхъ тканей. Украина и Сибирь, покупавшія раньше льняную пестрядь и тики, стали покупать ткани изъ хлопчатой бумаги. Въ Суздальскомъ уѣздѣ вмѣсто полотняной фабрикаціи распространились ткачество и набивка миткаля ¹⁾. То же самое констатировалось и въ Муромскомъ и Шуйскомъ уѣздахъ—полотняное ткачество замѣщалось бумажнымъ ²⁾. Но такъ какъ во Владимірской губерніи бумаготкацкое производство развивалось очень быстро, а по характеру производства полотняныя фабрики легко могли быть приспособлены къ ткачеству бумажныхъ матерій, то фабриканты переходили къ новому роду производства и не несли большихъ потерь ³⁾.

Напротивъ, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, гдѣ въ большихъ количествахъ выдѣлывалось полотно для заграничнаго сбыта (фламскія полотна и равендукъ), кризисъ имѣлъ болѣе тяжелый характеръ. Бумаготкацкое производство слабо развивалось въ тѣхъ уѣздахъ этихъ губерній, гдѣ раньше процвѣтало полотняное ткачество. Это послѣднее производство было стариннымъ промысломъ крестьянъ, а фабричное ткачество полотна прочно воцарилось въ этихъ мѣстахъ еще со времени Петра I. Фабри-

¹⁾ См. Несытовъ. „Обозрѣніе промышленности города Суздаля и его уѣзда“. „Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1853 г., часть 8; Комлевъ. „Историческій взглядъ на промышленность города Суздаля“. „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1867, № 15.

²⁾ Отчетъ владимірскаго губернскаго механика Несытова. „Журналъ Мануф. и Тор.“, 1853 г., ч. 2.

³⁾ „Очеркъ XXV-лѣтняго развитія мануфактурной промышленности Владимірской губерніи“, стр. 13.

канты упорно держались привычнаго производства, но крайнее пониженіе цѣны всѣхъ родовъ полотна, вывозившагося за границу (въ 1823 г. кусокъ фламскаго полотна продавался за 52 р., равендука за 25 р.; въ сороковыхъ годахъ полотно продавалось за 25 р., равендукъ за 17 р.) ¹⁾, принудило ббольшую часть фабрикъ Костромской и Ярославской губерній прекратить производство. Въ Костромской губерніи въ концѣ 20-хъ годовъ выдѣлывалось до 70 т. кусковъ фламскаго полотна, въ концѣ 40-хъ годовъ—только 20 т. кусковъ ²⁾.

Кризисъ полотнянаго производства былъ тяжелѣе всего для фабрикантовъ-помѣщиковъ, изготовлявшихъ тонкія полотна трудомъ собственныхъ крѣпостныхъ. Въ виду этого правительство проявило въ данномъ случаѣ особенную заботливость: въ 40-хъ годахъ была образована особая комиссія изъ представителей министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ для разслѣдованія дѣла и изысканія средствъ помочь падающему производству. Комиссія выяснила, что основная причина кризиса заключалась въ технической отсталости нашего полотнянаго производства и въ развитіи ткачества бумажныхъ матерій, но, само собою разумѣется, никакихъ практическихъ мѣръ помочь горю не придумала ³⁾.

Экономисты 60-хъ годовъ фритредерскаго напавленія любили противопоставлять успѣхамъ хлопчатобумажной промышленности упадокъ нашего полотнянаго производства. Полотняное производство, какъ основанное на обработкѣ туземнаго матеріала, признавалось ими „естественно“ развившимся, а хлопчатобумажная промышленность—„искусственно“ вызваннымъ производствомъ. Но если придерживаться ничего не выражающаго раздѣленія хозяйственныхъ явленій на „естественныя“ и „искусственныя“, то нельзя не признать, что именно развитіе хлопчатобумажной промышленности и упадокъ полотнянаго производства были вполне естественнымъ и необходимымъ результатомъ хозяйственнаго положенія Россіи того времени. Наша промышленность должна была все болѣе и болѣе

1) „Ислѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи“. Спб., 1847, стр. 92.

2) Такъ же пало полотняное ткачество и въ Тверской губ., см. „Состояніе мануфактурнаго производства въ Тверской губерніи въ 1845 г.“ Тверь, 1846 г., стр. 13.

3) Результатомъ работъ комиссіи явилось цитированное выше „Ислѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи“ и „Ислѣдованіе о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи“.

развиваться на внутреннемъ рынкѣ, такъ какъ въ техническомъ отношеніи Россія слишкомъ отставала отъ Западной Европы, чтобы въ нею конкурировать. Въ связи съ этимъ, только тѣ отрасли промышленности могли широко развиваться, которыя изготовляли дешевыя издѣлія, доступныя по цѣнѣ такому бѣдному населенію, какъ масса русскаго крестьянства. Бумажная ткань дешевле полотняной благодаря, главнымъ образомъ, физическимъ свойствамъ допковаго волокна, дѣлающимъ его болѣе пригоднымъ для машинной обработки, чѣмъ льняное волокно, почему бумажныя ткани важны были вытѣснить полотняныя изъ народнаго употребленія. Если бы у насъ не существовало покровительственной системы, полотняное производство пострадало бы еще больше, такъ какъ английскій миткаль и ситцы, по своей большей дешевизнѣ, являлись еще болѣе опасными конкурентами полотна, чѣмъ наши отечественныя хлопчатобумажныя фабрикаты.

Перейдемъ къ другимъ отраслямъ текстильной промышленности и прежде всего къ суконному производству. Съ самаго своего возникновенія суконное производство было излюбленнымъ дѣтищемъ русскаго правительства; правительство дѣлало все возможное для его поддержанія и развитія, и тѣмъ не менѣе оно развивалось въ теченіе XVIII столѣтія очень туго. Даже въ началѣ того столѣтія русскія фабрики не могли удовлетворить потребности арміи въ сукнахъ, несмотря на всѣ усилія правительства расширить суконное производство въ Россіи ¹⁾. Сукна выдѣлывались крайне низкаго качества и въ недостаточномъ количествѣ, такъ что приходилось покупать иногда мундирное сукно за границей, чаще всего въ Англіи ²⁾. Дальнѣйшіе успѣхи нашего суконнаго производства въ техническомъ отношеніи были невелики, но количественно оно развивалось, и въ 1822 г. въ первый разъ предложенія фабрикантовъ превысили заявленную казною потребность въ армейскихъ сукнахъ ³⁾.

Ростъ суконнаго производства вызвалъ и измѣненіе покровительственной политики по отношенію къ суконнымъ фабрикамъ. Въ

¹⁾ Высочайше конфирмованные доклады о снабженіи арміи сукномъ. Спб. 1808 г.

²⁾ В. Пелчинскій. „Мануфактурная Россія“. „Журналъ Мануф. и Торговли“. 1827 г., № 10.

³⁾ „Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи“. Спб. 1862 г., т. I, 153.

прошломъ вѣкъ правительство видѣло въ суконныхъ фабрикахъ учрежденія государственной важности, почему, съ одной стороны всячески старалось поддержать и развить ихъ, съ другой—принимало понудительныя мѣры къ тому, чтобы фабрики удовлетворяли своимъ обязанностямъ по отношенію къ государству—доставляли требуемое количество сукна. Указами 25-го ноября 1790 г. и 20-го ноября 1791 г. былъ установленъ слѣдующій порядокъ снабженія войскъ сукнами. Всѣ суконныя фабрики раздѣлены на два разряда: 1) получившія при своемъ учрежденіи какое-либо пособіе отъ казны, а также имѣвшія купленныхъ къ фабрикамъ крестьянъ, и 2) не получившія никакого пособія отъ казны и не имѣвшія покупныхъ крестьянъ на фабрикантскомъ правѣ. Между фабриками перваго рода (обязанныя фабрики) разверстывалось и количество сукна, требуемаго казною, фабрики 2-го рода могли продавать сукно совершенно свободно и въ частныя руки ¹⁾. Обязанныя суконныя фабрики поставляли сукно крайне неисправно и за большинствомъ ихъ числились огромныя недоимки, наплавышіяся изъ года въ годъ. Въ виду этого правительство было принуждено въ 1797 году запретить не только обязаннымъ, но и вольнымъ фабрикантамъ продажу мундирнаго сукна въ частныя руки. Въ 1808 г. правительство подтвердило это запрещеніе и даже усилило строгость взысканія за непозволенную продажу сукна. Не только продавецъ, но и покупатель долженъ былъ платить штрафъ за каждый аршинъ проданнаго сукна (которое конфисковалось въ пользу казны). Предписывалось окрашивать грубая сукна въ опредѣленные цвѣта, употребляемые въ войскахъ, подъ угрозой секвестраціи фабрики. Обязанныя фабрики не имѣли права дѣлать иныхъ суконъ, кромѣ солдатскихъ.

Нечего и говорить, до какой степени подобныя мѣры были стѣснительны для суконнаго производства, продукты котораго правительство хотѣло монополизировать исключительно въ свою пользу. Пока эта отрасль промышленности не получила свободы, до тѣхъ поръ она и не могла развиваться, несмотря на всѣ поощренія правительства. Поощренія же эти (кромѣ мѣръ тарифной политики) выражались, главнымъ образомъ, въ щедрой раздачѣ казенныхъ денегъ въ ссуду для устройства новыхъ суконныхъ фабрикъ. Въ 1809 г. для такихъ ссудъ былъ назначенъ особый капиталъ въ 2 милл. руб. Всѣмъ, желавшимъ устроить новую суконную фабрику

¹⁾ П. С. З., XXIII, 16924 и 16998.

ни расширить существующую, правительство предлагало опредѣленную денежную ссуду на каждый станъ. Охотниковъ получать ссуды отъ казны находилось не мало, но суконное производство продолжало оставаться въ застоѣ, и казна терпѣла недостатокъ въ деньгахъ.

Въ виду полной безуспѣшности такихъ мѣръ ¹⁾ правительство должно было отъ нихъ отказаться, и уже въ 1809 г. суконнымъ фабрикантамъ была предоставлена, съ нѣкоторыми ограниченіями, свобода продажи сукна въ частныя руки. Но только въ 1816 г. обязанныя суконныя фабрики были избавлены отъ обязательства тавить сукно въ казну и сравнены по своимъ правамъ съ вольными фабриками. Только съ этого времени суконное производство получило возможность развиваться. Государственное происхожденіе этой отрасли промышленности было главнѣйшей причиною медленности ея роста.

Освободившіяся отъ правительственной регламентаціи суконныя фабрики стали быстро увеличиваться въ числѣ. Какъ я говорилъ, въ 1822 г. (т.-е. до введенія въ дѣйствіе запретительнаго тарифа) предложеніе солдатскихъ суконъ превысило спросъ. За время 1814—1850 гг. число суконныхъ фабрикъ возросло съ 235 до 492.

Во всеподданнѣйшей запискѣ министра финансовъ въ 1823 г. являлось, что наше сукнодѣліе весьма медленно развивалось до 1816 г.; съ этого же года „производство солдатскихъ суконъ столь множилось во всей Россіи, что, при заключеніи торговъ на снабженіе арміи и флота сукнами на 1823 г., м-во финансовъ имѣло въ виду 2—3 милліона аршинъ сверхъ требованной пропорціи“ ²⁾.

Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться, что въ количественномъ отношеніи наше суконное производство, освободившись отъ правительственной опеки, стало быстро прогрессировать.

Развитіе это совершалось притомъ не за счетъ потребностей казны. Спросъ на солдатскія сукна увеличивался медленно и въ 30—40-хъ годахъ колебался около 4 милл. аршинъ. Весь этотъ спросъ удовлетворялся старинными фабриками, поставлявшими и

¹⁾ На это указывается во всеподданнѣйшемъ докладѣ м-ра внутр. дѣлъ. См. Дѣло по Высочайше подтвержденному докладу о дозволении вольной продажи солдатскихъ суконъ 21 окт. 1809 г. Св. 58, 2 экс. М. В. Д. Арх. д-та г. и м.

²⁾ Дѣло о состояніи мануфактурной промышленности въ началѣ 1823 г. 24 марта 1823 г. Арх. д-та торг. и ман.

ранѣ сукно въ казну. Новыя фабрики работали исключительно для вольной продажи; сумма производства этихъ новыхъ фабрикъ въ 50-хъ годахъ превышала въ 3—4 раза производство фабрикъ солдатскаго сукна. Такимъ образомъ, суконная промышленность, достигавшая государственнаго спроса въ XVIII вѣкѣ, въ первой половинѣ XIX вѣка значительно переросла этотъ спросъ; суконное производство потеряло государственный характеръ—появились новые потребители, сравнительно съ которыми государство отощало совершенно на задній планъ.

Что касается до техническаго прогресса, то онъ былъ въ суконномъ производствѣ невеликъ. Жалобы на низкое качество сукна слышатся въ теченіе всей дореформенной эпохи. Такъ, въ официальномъ „Описаніи первой публичной выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій“ за 1829 г., въ которомъ мы находимъ настоящій гимнъ успѣхамъ хлопчатобумажной промышленности, отзывы о суконномъ производствѣ совершенно иного, даже минорнаго тона: „Невозможно ожидать..., чтобы наши фабриканты столько хорошо выработывали сукна, какъ въ Англіи, Франціи и Голландіи... Недостатокъ механическихъ и химическихъ свѣдѣній хорошихъ машинъ много препятствуетъ успѣхамъ по сей части (стр. 121). Точно такъ же въ „Обозрѣніи выставки различныхъ мануфактурныхъ издѣлій“ въ 1849 г. пространно говорится не объ успѣхахъ, а о причинахъ технической отсталости нашего суконнаго производства и низкаго качества суконъ (см. стр. 98 и слѣд.)¹⁾

Общее представленіе о развитіи фабричной промышленности въ дореформенной Россіи можно получить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Фабрики и заводы Россійской имперіи ²⁾ (безъ Царства Польскаго и Финляндіи).

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.	Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.
1815	4189	172.882	41	1819	4531	176.635	39
1816	4484	187.061	42	1820	4578	179.610	39
1817	4385	187.337	43	1825	5261	210.568	40
1818	4457	178.419	40	1826	5128	206.480	40

¹⁾ На то же указывали и экономисты 40—50 годовъ—Гагемейстеръ Горловъ, Тенгоборскій и др.

²⁾ Отъ 1815—20 гг.—по „Статистическимъ Вѣдомостямъ о состояніи Россійскихъ мануфактуръ“, за соответствующіе годы, отъ 1825—61 гг.—по официальнымъ рукописнымъ „Отчетамъ Департамента Мануфактуръ“

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ	Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	На 1 фаб. рабочихъ.
1827	5122	209.547	41	1844	7399	469.211	63
1828	5244	225.414	43	1845	8302	507.577	61
1829	5260	231.624	44	1846	8333	508.607	61
1830	5450	253.893	47	1847	9029	532.056	59
1831	5599	264.358	47	1848	8928	483.542	54
1832	5636	272.490	48	1849	9172	495.364	54
1833	5664	273.969	48	1850	9848	501.639	51
1836	6332	324.203	51	1851	10.126	465.016	46
1837	6450	376.838	58	1852	10.388	470.914	45
1838	6855	412.931	60	1853	10.087	481.018	47
1839	6894	454.980	66	1854	9944	459.637	46
1840	6863	435.788	63	1856	11.556	518.661	45
1841	6831	429.638	63	1857	10.856	513.324	47
1842	6939	455.827	66	1858	12.259	548.921	45
1843	6813	466.579	68	1861	14.148	522.500	37

Легко замѣтить, что число фабричныхъ рабочихъ почти до конца 40-хъ годовъ (1847 г.) быстро растетъ, затѣмъ начинаетъ съ колебаніями падать. Размѣръ фабрики (среднее число рабочихъ на 1 фабрику) возрастаетъ до начала 40-хъ годовъ (1843 г.), затѣмъ слѣдуетъ также паденіе. До 40-хъ годовъ фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнѣе: съ конца 40-хъ годовъ ростъ фабричнаго производства пріостановился, и фабрики стали раздробляться.

Объясненіе всего этого слѣдуетъ искать въ ростъ мелкой, кустарной промышленности, о чемъ я буду подробно говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Сороковые годы были временемъ наиболѣе энергичнаго развитія кустарной промышленности. Кустарь сталъ по всѣмъ пунктамъ бить фабриканта — вотъ почему число рабочихъ на фабрикахъ стало сокращаться и сами фабрики мельчать.

Остановимся теперь на производствѣ, являющемся лучшимъ показателемъ технического прогресса страны вообще — добычѣ жельза, важнѣйшаго матеріала машинъ, орудій и инструментовъ. Въ концѣ XVIII вѣка, по расчетамъ Шторха, въ Россіи вышла

и Внутренней Торговли“ (Арх. д-та торг. и ман.). Приведенныя цифры относятся ко всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, кромѣ горныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ. Свеклосахарные заводы и табачныя фабрики сюда включены.

влялось около 8 мил. пуд. чугуна ¹⁾. Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка чугуноплавильное производство оставалось въ Россіи почти стаціонарнымъ и вплоть до 40-хъ годовъ не достигалъ 11 мил. пудовъ. Затѣмъ оно стало слабо возрастать и къ концу 50-хъ годовъ достигло 16 мил. пудовъ ²⁾.

Если принять въ соображеніе ростъ населенія, то слѣдуетъ заключить, что въ теченіе всей первой половины XIX вѣка Россія не только не шла впередъ въ добычѣ желѣза, но даже регрессировала и черезъ 50 лѣтъ стояла ниже, чѣмъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Поразительный застой нашего чугуноплавильнаго дѣла особенно бросается въ глаза, если сопоставить его съ развитіемъ этой отрасли промышленности въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, которая въ концѣ прошлаго вѣка выплавляла столько же чугуна, сколько Россія (8 мил. пудовъ), а въ 1859 г. довела свою выплавку до 234 мил. пудовъ ³⁾.

Еще въ 30-хъ годахъ Россія выплавляла около 12% общей міровой добычи чугуна (90 мил. пуд.) и стояла впереди Бельгіи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1859 г. на долю Россіи приходилось лишь около 4% міровой выплавки чугуна (460 мил. пуд.) ⁴⁾

Въ половинѣ прошлаго столѣтія желѣзо было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашего отпуска. Въ 1760 г. было вывезено желѣза изъ Россіи за границу 820 тысячъ пудовъ, въ 1793—95 гг. ежегодный вывозъ достигалъ уже 2.966 тысячъ пудовъ. Съ этого времени вывозъ желѣза начинаетъ быстро падать (особенно съ времени 40-хъ годовъ) и спускается къ 1851—60 гг. до 747 тысячъ пудовъ ежегодно.

Отчего же зависѣло такое печальное положеніе нашей желѣзодѣлательной промышленности? Во всякомъ случаѣ, не отъ недостатка правительственной помощи и опеки. Желѣзо было однимъ изъ наиболѣе необходимыхъ продуктовъ для государства. Поэтому правительство не жалѣло средствъ для развитія этой отрасли промышленности. Нечего и говорить, что привозъ чугуна и желѣза былъ запрещенъ. Даже по самому либеральному русскому тарифу 1819 г. пошлина на желѣзо и чугунъ была назна-

¹⁾ Storch. „Historisch-Statistische Gemälde“, II, 507.

²⁾ Лодыженскій, 309.

³⁾ Чевкинъ и Озерскій. „Обзоръ горной промышленности Россіи“. Спб., 1851 г., стр. 9.—В. Полетика. „О желѣзной промышленности въ Россіи“. Спб., 1864 г., стр. 49.

⁴⁾ Полетика, 49.

а въ такомъ высокомъ размѣрѣ, что была равносильна запрещенію. По расчету В. Безобразова, частные горные заводы Уральскаго округа получили не менѣе 15 милл. деньгами въ ссуду отъ правительства. Кромѣ того, къ этимъ заводамъ были приписаны помѣстные площади казенной земли и лѣсовъ, сотни тысячъ крестьянъ, — все это безъ малѣйшей платы владѣльцевъ заводовъ. Почему же добыча желѣза въ Россіи не только не возрастала, сравнительно съ населеніемъ даже падала?

А именно вслѣдствіе избытка правительственной опеки и поддержки. Вплоть до реформы 1861 г. горнозаводская промышленность сдѣлала основывалась на *принудительномъ трудѣ*. Главнымъ центромъ чугуноплавильнаго производства былъ Уральскій горный рудъ — Пермская и смежныя съ ней губерніи. На уральскихъ рудныхъ заводахъ выплавлялось около $\frac{4}{5}$ всего русскаго желѣза. Главнымъ контингентомъ рабочихъ на этихъ заводахъ были крестьяне и мастеровые, приписанные къ заводамъ. Поссессионныхъ заводовъ въ Уральскомъ горномъ округѣ было въ 1847 г. 37, и изъ нихъ было приписано 178 тысячъ крестьянъ м. п. 1) На казенныхъ заводахъ работы производились также не по вольному выбору, а состоящими при заводахъ мастеровыми и крестьянами, которые набирались, въ случаѣ недостатка рабочихъ, изъ рекрутъ и лицъ, ссылаемыхъ на каторжныя работы.

Закрѣпощеніе за горными заводами сотенъ тысячъ лицъ было вызвано желаніемъ правительства поддержать эти заводы и обезпечить имъ рабочія руки. И дѣйствительно, благодаря этой мѣрѣ, наша желѣзодѣлательная промышленность быстро развилась, и въ концѣ XVIII вѣка Россія не уступала въ этомъ отношеніи Англіи. Но та же самая причина, которая содѣйствовала росту горнозаводской промышленности въ XVIII вѣкѣ, въ XIX вѣкѣ явилась самымъ большимъ тормозомъ ея развитія. Писатели 50-хъ и 60-хъ годовъ, занимавшіеся вопросомъ о причинахъ застоя нашей желѣзодѣлательной промышленности, приходили къ одному заключенію — что этотъ застой вызывался технической отсталостью чугуноплавильнаго дѣла, неупотребленіемъ новыхъ улучшенныхъ способовъ плавленія чугуна и желѣза, благодаря которымъ желѣзодѣлательная промышленность въ Западной Европѣ сдѣлала такіе быстрые успѣхи 2).

1) Чевкинъ и Озерскій. „Обзоръ горн. промыш.“ Приложение.

2) Въ этомъ смыслѣ высказывались Чевкинъ и Озерскій, Полетика, Яковоборскій и др.

Этимъ техническимъ застоємъ вызывалась неподвижность цѣн на желѣзо въ Россіи, въ то время какъ, напр., цѣна желѣза въ Англіи быстро падала. Такъ, пудъ желѣза въ С.-Петербургѣ въ 1824—26 гг. стоилъ 1 р. 26 к. сер., а въ 1848—50 гг.—1 р. 27 коп. ¹⁾ Въ Англіи же за это время цѣна желѣза понизилась на 60% ²⁾.

За четверть столѣтія русское желѣзо совсѣмъ не понизилось въ цѣнѣ, а англійское упало, какъ сказано, на 60%. Понятно, что при такихъ условіяхъ вывозъ русскаго желѣза за границу долженъ былъ сократиться, а внутри страны сбытъ желѣза не возрастать.

Отчего же зависѣла техническая отсталость русской желѣзодѣлательной промышленности? Не можетъ быть сомнѣнія, что основной причиной этой отсталости была *система принудительнаго труда*. Это прекрасно сознавали многіе современники. Заблоцкій-Десятовскій, въ своей извѣстной запискѣ 1841 г. „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, объясняетъ вліяніемъ крѣпостнаго права „дороговизну нашего желѣза въ сравненіи, напр., съ англійскимъ“ ³⁾. Пока рабочій на желѣзныхъ заводахъ работалъ изъ-подъ палки, до тѣхъ поръ и производительность его труда не могла прогрессировать. Никакія льготы не могли замѣнить основнаго условія промышленнаго прогресса — свободы труда ⁴⁾.

¹⁾ Tengoborsky, III, 188.

²⁾ S. Jevons „Investigations in Currency and Finance“. London. 1893. Стр. 146—147. Tables of Prices.

³⁾ Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. (См. 1882, II, 245.

⁴⁾ Другой причиной технической отсталости нашей желѣзной промышленности было монопольное положеніе уральскихъ заводовъ. Довозъ иностраннаго желѣза русскій рынокъ былъ закрытъ, а внутри страны конкуренція была совершенно ничтожна, по незначительному числу заводовъ. По расчетамъ П. Мельникова, въ половинѣ 40-хъ годовъ уральскіе заводчики, при всей примитивности своихъ приѣмовъ производства, выручали весьма крупныя барыши. Такъ, средняя стоимость выдѣлки пуда рѣзаннаго желѣза была приблизительно 2 р. 40 к., а продавалось оно на Нижегородской ярмаркѣ за 3 р. 45 к. (44% прибыли), шиннаго желѣза—2 р. 36 к., продавалось за 3 р. 47 к. (46% прибыли), листового—3 р. 97 к., продавалось за 7 р. 51 к. (89% прибыли). Въ этотъ расчетъ включена стоимость доставки желѣза до Нижняго; но такъ какъ желѣзо сплавлялось водой, то, по словамъ Мельникова, эта стоимость была ничтожна. Для чего же было уральскимъ заводамъ улучшать приемы производства при такомъ положеніи дѣла? П. Мельниковъ. „Нижегородская ярмарка въ 1843—45 гг.“ Нижній-Новгородъ, 1846, стр. 43.

Трудно повѣрить, до какой степени строго регламентированъ весь производственный механизмъ на уральскихъ посессионныхъ заводахъ. Рабочій былъ, по замѣчанію В. Безобразова, въ состояніи почти полнаго рабства ¹⁾. Съ самаго дѣтства рабочій ступалъ на попеченіе заводскаго начальства, бравшаго на себя полное содержаніе рабочей семьи и зато требовавшего постоянной работы, исполнявшейся, естественно, крайне плохо. Весь процессъ выплавки желѣза, начиная съ рубки лѣса для доменныхъ печей, перевозки матеріаловъ, добычи руды и кончая литьемъ желѣзныхъ чугунныхъ издѣлій, исполнялся рабочимъ подъ угрозой суровыхъ наказаній, безъ всякой надежды на улучшеніе своего матеріальнаго положенія.

Отнюдь не простая случайность, что въ той отрасли производства, которая такъ быстро развивалась въ дореформенной Россіи—въ хлопчатобумажной, крѣпостной трудъ (какъ мы увидимъ ниже) почти отсутствовалъ. Именно благодаря свободѣ труда бумагомакое и ситцепечатное производства сдѣлали въ крѣпостной Россіи, среди общаго застоя, такіе быстрые успѣхи.

Господство крѣпостнаго труда въ нашей горнозаводской промышленности находилось въ непосредственной связи съ усиленными заботами о ней правительства. Признавая чугуноплавильное производство необходимымъ для государства, правительство щедро надѣляло заводчиковъ даровыми рабочими руками, и въ результатъ получился полный застой производства. То же самое мы видимъ и въ суконномъ производствѣ. Пока правительство особенно сердчно „поощряло“ эту отрасль промышленности, она почти не прогрессировала въ техническомъ отношеніи, и, только освободившись отъ правительственной опеки, начавъ работать не на государство, а на частныхъ потребителей, суконное производство начало дѣлать въ Россіи успѣхи, при чемъ, какъ увидимъ ниже, успѣхи эти были прямо пропорціональны распространенію въ сукнодѣліи свободнаго труда.

Итакъ изученіе развитія промышленности въ дореформенной Россіи приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка важнѣйшимъ потребителемъ продуктовъ фабричнаго производства было государство; этимъ опредѣлялся и весь строй тогдашней крупной промышленности.

¹⁾ В. Безобразовъ. „Отчетъ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г.“, стр. 211.

Крупное производство возникло при непосредственной поддержке правительства и первое время не могло обойтись без такой держки. Соціальныя условія того времени дѣлали необходимымъ закрѣпощеніе рабочихъ за фабриками и заводами, такъ какъ свободныхъ рабочихъ, по вольному найму, неоткуда было взять. Принудительный трудъ былъ выгоднѣе свободнаго вследствие низкаго уровня техники. Поэтому тѣ отрасли промышленности которыхъ исключительно или преимущественно употреблялся трудъ несвободныхъ рабочихъ, достигли въ XVIII вѣкѣ значительнаго развитія и къ концу вѣка могли не только удовлетворять потребности внутренняго рынка, но даже работать для заграничнаго сбыта. Обработанныя издѣлія въ это время играли значительную роль въ нашемъ отпускѣ, чѣмъ когда-либо впоследствии

Общая ежегодная цѣнность русскаго экспорта (по европейской торговлѣ) ¹⁾ .	Въ томъ числѣ		Въ числѣ Полныхъ же-лѣза.	и холста.
	обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій.	Въ милліонахъ рублей серебромъ.		
1790—92 гг.	26,0	8,4	3,3	2,

Такимъ образомъ, около $\frac{1}{3}$ отпуска приходилось на продукцию русской обрабатывающей промышленности. Отпускъ желѣза цѣнности равнялся почти 13% всего русскаго экспорта.

Въ XIX вѣкѣ положеніе мѣняется. Промышленность рѣшительно перерастаетъ государственный спросъ. Возникаетъ новая отрасль производства—хлопчатобумажная (безъ всякой поддержки правительства, кромѣ таможеннаго покровительства) и необыкновенно быстро завладѣваетъ внутреннимъ русскимъ рынкомъ, и оттѣсняя продукты старинной полотняной промышленности. Въ западной Европѣ происходитъ глубокое измѣненіе техники производства, и машина замѣняетъ ручной трудъ. Крѣпостной трудъ, несомнѣнимый съ новыми техническими условіями, становится рѣшительнымъ тормозомъ промышленности. Тѣ отрасли производства, въ которыхъ крѣпостной трудъ продолжаетъ господствовать, перестаютъ развиваться. Европа быстро перегоняетъ насъ въ техническомъ отношеніи; вывозъ обработанныхъ издѣлій изъ Россіи абсолютно сокращается, а относительно нисходитъ до совершенно ничтожной величины.

¹⁾ Семеновъ, III, стр. 220 и прилож. № 1.

Ежегодная цѣнность русскаго вывоза (по европейской торговлѣ) ¹⁾ .	Въ томъ числѣ обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій.	Въ числѣ ихъ железа.	Полотна и холста.
--	--	----------------------	-------------------

Въ милліонахъ рублей серебромъ.

1848—50 гг. 80,8	7,4	0,8	1,4
------------------	-----	-----	-----

Продукты обрабатывающей промышленности составляютъ около общей цѣнности русскаго экспорта въ 1848—50 гг. Крѣпостное право стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на общее экономическое и въ частности промышленное развитіе страны—и это отмѣнено.

¹⁾ По Семенову, III, стр. 220 и прил. № 1.

ГЛАВА II.

Фабрика съ наемнымъ трудомъ.

Разрѣшеніе императоромъ Павломъ покупки къ фабрикамъ крестьянъ. Ничтожныя послѣдствія этой мѣры.—Значеніе вольнонаемнаго труда различныхъ отрасляхъ фабричнаго производства дореформенной Россіи. Преобладаніе свободнаго труда въ новыхъ фабрикахъ и принудительнаго труда въ старыхъ.—Окончательное запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ.—Развитіе новой, капиталистической фабрики.—Относительное сокращеніе числа дворянскихъ фабрикъ.—Составъ фабричныхъ рабочихъ.—Кабальные рабочіе.—Фабричная работа питомцевъ Воспитательнаго дома.—Измѣненіе состава фабрикантскаго класса.—Новый капиталистъ—крестьянскій выходець.—Фабриканты и кустари.—Крѣпостные фабриканты.—Отношеніе правительства къ развитію капитализма крестьянской средѣ.

Я говорилъ во Введеніи, что, благодаря усиленію политическаго вліянія дворянства, самая существенная привилегія фабрикантовъ изъ купечества—право покупать къ фабрикамъ крестьянъ была уничтожена Петромъ III и Екатериной. При Екатеринѣ вліяніе дворянства достигло апогея. Обстоятельства, при которыхъ императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, были таковы, что новый государь долженъ былъ относиться съ недоверіемъ къ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые возвели на престолъ его мать. Реакція противъ дворянскаго преобладанія выразилась и цѣломъ рядѣ мѣръ новаго царствованія. Такъ, императоръ Павелъ сдѣлалъ шаги къ восстановленію обязательной службы дворянства, официально называлъ тунеядцами неслужившихъ дворянъ, вводилъ для дворянъ тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ дворяне были освобождены Екатериной, установилъ закономъ число барщинныхъ дней крѣпостныхъ крестьянъ. Дворянство ожидало полного возвращенія къ доекатерининскимъ порядкамъ и, по словамъ г. Р.

Романовича-Славатинскаго, „переносило съ глухимъ, сдержаннымъ тономъ нарушенія его свободы и вольностей“¹⁾).

Неудивительно, что и въ области привилегій фабрикантовъ ствованіе Павла явилось возвращеніемъ къ старому. Въ 1798 г. оно разрѣшено какъ дворянамъ, такъ и купечеству покупать къ брикамъ и заводамъ крестьянъ, при чемъ количество прикупаемыхъ крестьянъ не должно было превосходить опредѣленнаго изаветинскимъ указомъ 1752 г. Купечество вновь получило возможность пользоваться на фабрикахъ принудительнымъ трудомъ. Это право имѣло очень большое значеніе въ началѣ и серединѣ XVIII вѣка, и, какъ мы видѣли, купечество усиленно достигло его въ Екатерининской комиссіи; благодаря лишенію купечества права покупки крестьянъ, самыя важныя фабрики—конныя—почти цѣликомъ перешли въ руки землевладѣльческаго класса—дворянства.

Въ XIX вѣкѣ хозяйственное положеніе Россіи было уже иное. То, что составляло необходимое условіе фабричнаго производства въ началѣ XVIII столѣтія, важное преимущество въ половинѣ XVIII вѣка, — потеряло свое прежнее значеніе въ началѣ XIX столѣтія. Какъ я говорилъ, капиталистическое производство было невозможно въ Петровской Россіи вслѣдствіе отсутствія перваго условія такового—свободнаго рабочаго. Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но, силою вещей, создалась крепостная фабрика. По мѣрѣ роста городского населенія, распространенія отхожихъ промысловъ, вытѣсненія въ промышленномъ районѣ барщинной системы оброчной, пользованіе свободнымъ трудомъ на фабрикахъ возрастало. Въ началѣ XIX вѣка количество вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ равнялось приблизительно 48% всѣхъ рабочихъ:

Число фабрикъ.	На нихъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.
1804 г. 2) — 2423	95.202	45.625

По отдѣльнымъ родамъ производства вольнонаемные и обязательные рабочіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ³⁾:

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“. Спб. 1870 г., стр. 200.

²⁾ Семеновъ, III, 262.

³⁾ Е. Зябловскій. „Статистическое описаніе Россійской Имперіи“. 1808 г. Спб. Часть V, стр. 9—73.

	Число фабрикъ.	Всѣхъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.	Среднее число рабочихъ на 1 фабрику
Суконныя и шерстяныя фабрики.	155	28.689	2.788	185
Полотняныя . . .	285	23.711	14.327	83
Ситцевыя и миткалевыя . . .	199	6566	5436	33
Шелковыя . . .	328	8953	6625	27
Писчей бумаги .	64	6957	1533	109
Стальные, игольные и желѣзные.	26	4121	1144	159
Кожевенныя . .	850	6304	6115	7
Канатныя	58	1520	1295	26
Стеклянныя и хрустальные . . .	114	3937	1685	35

Мы видимъ, что въ началѣ XIX вѣка нѣкоторыя отрасли производства основывались почти исключительно на принудительный трудъ, въ другихъ же рѣшительно преобладалъ свободный трудъ. Къ числу первыхъ принадлежали суконныя фабрики, писчей бумаги, желѣзные, игольные и стальные заводы; къ числу послѣднихъ — ситцевыя и миткалевыя фабрики, шелковыя, кожевенныя и канатныя заводы. Полотняныя фабрики и стеклянныя заводы занимали среднее мѣсто — процентъ несвободныхъ рабочихъ въ нихъ близокъ къ 50. вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что фабрики первой группы принадлежали къ числу крупныхъ; среднее число рабочихъ на 1 фабрику превосходило 100; фабрики 2-й группы — мелкія — число рабочихъ на 1 фабрику колеблется отъ 27 до 33; и, наконецъ, фабрики 3-й группы и въ этомъ отношеніи занимаютъ промежуточное мѣсто.

Итакъ принудительный трудъ въ началѣ XIX вѣка въ нѣкоторыхъ производствахъ господствовалъ, въ другихъ же игралъ совершенно ничтожную роль. Отчего это зависѣло?

Я сказалъ, что фабрики съ преобладаніемъ принудительнаго труда принадлежали къ числу крупныхъ, а съ преобладаніемъ свободнаго труда — къ мелкимъ. Въ этомъ отразилось различіе условій, вызвавшихъ къ жизни фабрики того и другого рода. На фабричную промышленность, какъ я говорилъ въ предшествовавшей главѣ, имѣла, такъ сказать, два корня — съ одной стороны

была вызвана правительствомъ для удовлетворенія нуждъ государства, а съ другой — она постепенно развилась въ народной дѣ, удовлетворяя потребностямъ широкихъ классовъ населенія. Фабрики, возникшія подъ непосредственнымъ вліяніемъ государства, основались на принудительномъ трудѣ. При ихъ устройствѣ цѣлѣпы нерѣдко получали значительныя пособія отъ казны — тройки, земли и рабочія руки. Такъ какъ фабрики этого рода имѣли непосредственной связи съ мелкою крестьянскою пролетариатомъ, а устраивались крупными капиталистами — купцами и дворянами, то естественно, что и размѣры ихъ были крупные. Такой характеръ имѣли старинныя фабрики XVIII вѣка — юнныя, писчебумажныя, желѣзныя, отчасти полотняныя. Прямой трудъ въ нихъ продолжалъ преобладать и въ началѣ XIX вѣка, хотя условія производства и рабочаго рынка измѣнились. Напротивъ, ситцевое, бумаготкацкое, канатное и кожевенное производство развивались при совершенно иныхъ условіяхъ. Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Онѣ непосредственно сливались съ крестьянскою пролетариатомъ; производство на фабрикахъ этого рода было болѣе мелкимъ, дворянство ихъ почти не устраивало, и по этой причинѣ онѣ не пользовались крепостнымъ трудомъ. Шелкоткацкое производство первоначально возникло въ видѣ крупныхъ фабрикъ, но уже въ XVIII вѣкѣ оно начинаетъ распространяться въ крестьянской средѣ и переходитъ въ руки мелкихъ капиталистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число вольнонаемныхъ рабочихъ на шелковыхъ фабрикахъ.

Но именно фабрики съ вольнонаемными рабочими быстро развились въ XIX вѣкѣ. Поэтому возстановленіе императоромъ владѣнія права покупки къ фабрикамъ крестьянъ далеко не имѣло того значенія, какое имѣлъ въ свое время знаменитый петровскій указъ, впервые узаконившій этотъ своеобразный порядокъ снабженія фабрикъ рабочими руками. Общія экономическія и социальные условія новаго времени благоприятствовали развитію не только крепостнаго, но капиталистическаго производства, основаннаго на свободномъ, а не на принудительномъ трудѣ. Поэтому и указъ императора не оказалъ никакого вліянія на строй нашей фабрики. Крестьянство пользовалось предоставленнымъ ему правомъ покупать рабочихъ къ фабрикамъ не столько для снабженія фабрикъ рабочими, сколько въ обходъ закону, для пріобрѣтенія дворовыхъ помѣстій.

Непродолжительное царствованіе Павла смѣнилось новой дрянской эпохой: на престолъ вступилъ „Екатерининъ внукъ Возстановленіе дворянскихъ правъ было однимъ изъ первыхъ актовъ царствованія Александра I ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже 1802 г. указомъ 3 іюля право покупки крестьянъ къ фабрикамъ было ограничено условіемъ, чтобы при этомъ крестьяне не бы переселяемы на другое мѣсто. Въ 1808 г. правительство Александра, нуждаясь въ сукнѣ, котораго не хватало для потребностей войска, сдѣлало попытку расширить область примѣне принудительнаго труда, выработало особыя правила, на основа которыхъ покупка крестьянъ къ суконнымъ фабрикамъ была ррѣшена и на сводѣ, съ переселеніемъ ихъ на другое мѣсто; крестьяне черезъ 20 лѣтъ получали свободу. Этими правилами однако никто не пожелалъ воспользоваться. Въ 1816 г., указомъ 6 ноября, покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ вновь, на этотъ разъ уже окончательно, была запрещена ²⁾.

Извѣстно, что со времени Александра I правительство начинаетъ стремиться къ ликвидаціи крѣпостнаго права, тщательно остерегаясь въ то же время нарушить интересы помѣщиковъ. Вначалѣ XIX вѣка въ наше общество проникла новая идея, что крѣпостное право не только тяжело для крѣпостныхъ, но и невыгодно для помѣщиковъ. Идея эта выразилась и въ задачахъ, поставленныхъ въ 1812 г. Вольно-Экономическимъ Обществомъ. Общество объявило конкурсъ на двѣ задачи: „Что выгоднѣе для хозяина — обрабатывать землю частными людьми, или собственными крестьянами?“ — и другую задачу — какъ отдѣлить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ.

Мысль о невыгодности крѣпостнаго права была навѣяна знаменитымъ сочиненіемъ Адама Смита, которое быстро приобрѣло популярность въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ. По приказанію м-ра финансовъ графа Васильева, сочиненіе Смита было переведено на русскій языкъ; въ официальномъ изданіи м-ва внутреннихъ дѣлъ — „Санктпетербургскомъ Журналѣ“ ученіе Смита неоднократно излагалось, при чемъ Смитъ назывался „великимъ человѣкомъ, достигнувшимъ великія истины“ ³⁾. Но въ области земледѣлія крѣ-

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, 236.

²⁾ П. С. З., XXVII, 20352; XXX, 23132 и 23679; XXXIII, 26504.

³⁾ „Санктпетербургскій Журналъ, 1804 г.“, августъ, стр. 133. Адм. Монархъ виновъ въ своихъ рѣчахъ въ Государств. Совѣтѣ называлъ Ад. Смита „писателемъ знаменитымъ въ наши времена по изложенію истинны

крѣпостной трудъ упорно держался, и всѣ попытки правительства пробудить помѣщиковъ добровольно освободить своихъ крестьянъ кончились полной неудачей: на основаніи закона о свободныхъ крѣпостныхъ крестьянахъ 1803 г. въ царствованіе Александра I было освобождено только 33.782 д. м. п., а въ царствованіе Николая I—на основаніи того же закона—66.109 д. м. п. и, кромѣ того, на основаніи закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ—24.708 д. м. п.¹⁾, т.-е. въ общей сложности менѣе 1% крѣпостного населенія Россіи. Очевидно, въ области земледѣлія помѣщики находили для себя болѣе выгоднымъ крѣпостной трудъ. Крѣпостное право могло быть ликвидировано только непосредственнымъ актомъ государственной власти.

Какъ же обстояло дѣло въ фабричной промышленности? Я говорилъ, что уже въ началѣ XIX вѣка около половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Къ сожалѣнію, цифровыхъ данныхъ о распредѣленіи фабричныхъ рабочихъ на вольнонаемныхъ и несвободныхъ послѣ 1825 г. не имѣется. Въ 1825 г. всѣхъ фабрикъ было 5261, рабочихъ на нихъ—210.568, въ томъ числѣ вольнонаемныхъ—114.515. По отдѣльнымъ производствамъ вольнонаемные рабочіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Родъ производства.	Число фабрикъ.	Число всѣхъ рабочихъ.	Въ томъ числѣ вольнонаемныхъ.
Суконное	324	63.603	11.705
Бумажныхъ матерій.	484	47.021	44.535
Плотняное	196	26.832	18.720
Шелковое	184	10.204	8.481
Писчебумажное	87	8.272	2.019
Стальное, игольное, чугунное	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	2.303
Кожевенное	1.784	8.001	7.460

Сравнительно съ 1804 г. общее число рабочихъ на фабрикахъ возросло болѣе, чѣмъ вдвое, но распредѣленіе рабочихъ измѣнилось не очень значительно—въ 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всѣхъ рабочихъ, а въ 1825 г.—54%. Въ тѣхъ родахъ

начать государственнаго хозяйства“ и ссылался на его мнѣніе, какъ на высшій научный авторитетъ. „Чтенія О-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ“. 1854. книга 4. Мнѣніе адмирала Мордвинова о новыхъ налогахъ.

¹⁾ Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ I, 266; II, 569.

промышленности, въ которыхъ раньше преобладалъ крѣпостной трудъ (суконныя, писчебумажныя, стальные и желѣзныя фабрики). Онъ остался преобладающимъ и въ 1825 г.

Я сказалъ, что цифровыхъ данныхъ о числѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ послѣ 1825 г. нѣтъ (по крайней мѣрѣ, съ этого года соответствующія цифры не помѣщались въ вѣдомостяхъ о числѣ фабрикъ и рабочихъ, прилагавшихся къ ежегоднымъ отчетамъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли). Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что относительное число несвободныхъ рабочихъ на фабрикахъ быстро падало въ теченіе 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что за это время особенно развилась та отрасль промышленности, въ которой вольнонаемный трудъ преобладалъ съ самаго ея возникновенія — хлопчатобумажная. Число рабочихъ на бумаготкальничьихъ, бумагопрядильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ въ 1836 г. было уже 105.878 (при общей цифрѣ фабричныхъ рабочихъ 324.203). Въ 1804 г. на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ было занято 7% всего числа фабричныхъ рабочихъ, въ 1825 г.—21%, въ 1836 г.—32%.

Вмѣстѣ съ ростомъ хлопчатобумажной промышленности должно было возрасти и число вольнонаемныхъ рабочихъ. Затѣмъ, въ суконномъ производствѣ, въ которомъ крѣпостной трудъ имѣлъ наибольшее примѣненіе, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ особенно усилилась выработка тонкихъ и среднихъ суконъ, для которыхъ употреблялся преимущественно свободный трудъ. Въ 40-хъ годахъ для вольной продажи изготовлялось около 9 милл. арш. сукна, а для казны — около 4 милл. арш. Крѣпостной же трудъ употреблялся почти исключительно на фабрикахъ, работавшихъ солдатскія сукна. Фабрики, работавшія сукна для вольной продажи, принадлежали преимущественно купцамъ и уже потому не могли пользоваться принудительнымъ трудомъ.

Сокращеніе числа фабрикъ, работавшихъ крѣпостными, непосредственно доказывается паденіемъ относительной численности дворянскихъ фабрикъ. Такъ, для 1832 г. я насчиталъ 862 дворянскихъ фабрики¹⁾; всѣхъ фабрикъ значилось по списку 5.599. Дворянскія фабрики, слѣдовательно, составляли не болѣе 15% общаго числа. Въ концѣ 40-хъ годовъ, по словамъ Гакстгаузена, только

¹⁾ Сосчитано по „Списку фабрикантовъ и заводчиковъ Россійской имперіи въ 1832 г.“, Спб. 1833 г.

500 фабрикъ принадлежало дворянамъ ¹⁾, всего же фабрикъ въ это время было около 10.000—процентъ дворянскихъ фабрикъ понизился до 5. Правда, дворянскія фабрики вообще отличались болѣе крупными размѣрами, но все же изъ сравнительно ничтожнаго числа ихъ въ концѣ 40-хъ годовъ слѣдуетъ заключить, что въ это время крѣпостной трудъ на фабрикахъ рѣшительно отступилъ на задній планъ передъ вольнонаемнымъ. На это определенно указываетъ и Гакстгаузенъ. „Въ настоящее время, — говорить этотъ компетентный авторъ, — на большинствѣ фабрикъ употребляются не собственные крѣпостные, но рабочіе, добровольно нанимающіеся за опредѣленную плату“ ²⁾.

Наконецъ, намъ несомнѣнно извѣстно, что въ 40-хъ годахъ цѣлый рядъ фабрикъ разнаго рода перешелъ отъ принудительнаго къ свободному труду, въ виду того, что работа по вольному найму оказалась выгоднѣе обязательной. Объ этомъ я буду подробнѣе говорить ниже, здѣсь же ограничусь простой ссылкой на этотъ фактъ.

Въ виду сказаннаго, несмотря на отсутствіе цифровыхъ данныхъ, можно положительно утверждать, что работа по вольному найму быстро распространялась на фабрикахъ дореформенной Россіи, хотя прискивать рабочихъ попрежнему было не легко. Даже въ концѣ 30-хъ годовъ фабриканты (бумагопрядильщики) заявляли правительству, что они не могутъ сокращать производства въ случаѣ кризиса по той причинѣ, что каждый фабрикантъ употребляетъ долгое время на пріученіе своихъ рабочихъ къ фабричной работѣ, и распустить ихъ—„значило бы прекратить производство навсегда“ ³⁾.

Фабричные рабочіе вербовались въ первой половинѣ этого вѣка, какъ и теперь, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ. Такъ, по одному расчету конца 30-хъ годовъ, на московскихъ фабрикахъ работало не болѣе 4—5 тысячъ постоянныхъ московскихъ жителей—преимущественно мѣщанъ; всѣ же остальные фабричные рабочіе (которыхъ на московскихъ фабрикахъ считалось болѣе 40 тысячъ) приходили изъ деревень ⁴⁾. На фабрикахъ работали

¹⁾ Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands“. Berlin, 1852, III, 593.

²⁾ Haxthausen, I, 190.

³⁾ Дѣло по донесенію чиновника Самойлова и пр. 14 дек. 1838 г., Арх. д-та т. и м.

⁴⁾ О состояніи рабочихъ въ Россіи. „Журналъ Мануфактуръ и Торговли.“ 1837 г., № XII.

по вольному найму какъ государственные крестьяне, такъ и помѣщичьи; характерно, что, несмотря на многія неудобства найма помѣщичьихъ крестьянъ, которые могли быть потребованы обратно помѣщиками, фабриканты предпочитали ихъ государственнымъ крестьянамъ. Я. Гарелинъ, авторъ многихъ сочиненій по фабричному вопросу, бывшій однимъ изъ крупнѣйшихъ ивановскихъ фабрикантовъ, довольно наивно замѣчалъ по этому поводу, что „лучшими работниками на фабрикахъ считаются помѣщичьи крестьяне по ихъ трудолюбію и необходимости заработать болѣе для своихъ домашнихъ нуждъ“¹⁾

Иными словами, рабочіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ были болѣе покорными и покладистыми, чѣмъ рабочіе изъ государственныхъ крестьянъ, а это имѣло большое значеніе для фабрикантовъ, такъ какъ тотъ же Гарелинъ признаетъ, хотя и „съ грустью“, что „мало существуетъ симпатіи между фабрикантами и рабочими“.

Предпочтеніе рабочихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ вольнымъ иногда основывалось на томъ, что помѣщичьихъ крестьянъ фабриканты держали въ полной зависимости отъ себя, уплачивая оброкъ за нихъ помѣщику. Это были такъ называемые кабальные рабочіе. Помѣщики иногда прямо отдавали на постороннія фабрики своихъ крѣпостныхъ за опредѣленную плату въ свою собственную пользу. Само собою разумѣется, эти рабочіе работали очень плохо,—но кабальный трудъ обходился такъ дешево, что въ томъ случаѣ, когда отъ рабочаго не требовалось особеннаго искусства, фабриканты, за отсутствіемъ свободныхъ рабочихъ, охотно къ нему прибѣгали.

„Самый дурной родъ работниковъ,—читаемъ у экономиста 40-хъ годовъ Бутовскаго,—составляли крестьяне, отдаваемые внаймы помѣщиками на чужіе фабрики и заводы. Сколько ни умѣренна иногда плата, взимаемая за подобную ссуду, одна только крайность можетъ побудить предпринимателя къ употребленію столь нерадивыхъ и часто развращенныхъ работниковъ. Отъ нихъ нельзя ожидать никакого старанія, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, часто гуртомъ оставляли заведенія и оставляли работы въ самыя дорогія минуты“²⁾.

1) Я. Гарелинъ. „Вознесенскій посадъ“. „Владимірскія Губернскія Вѣдомости,“ 1861 г., № 15.

2) А. Бутовскій. „Опытъ о народномъ богатствѣ“. Спб., 1847 г., стр. 482.

Объ отдачѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ работники говорить и Николай Тургеневъ: „Одно изъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій замѣчается въ бѣлорусскихъ провинціяхъ (Витебской, Могилевской), гдѣ крестьяне такъ несчастны, что вызывали состраданіе даже русскихъ крѣпостныхъ. Въ этихъ провинціяхъ помѣщики отдавали своихъ крѣпостныхъ сотнями и тысячами подрядчикамъ, которые исполняли землекопныя работы во всѣхъ концахъ имперіи. Эти бѣдные люди употребляются главнымъ образомъ на постройку большихъ дорогъ и каналовъ. Помѣщикъ беретъ обязательство поставить такое-то количество людей по условленной платѣ, а подрядчикъ обязуется кормить ихъ во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающіе за работами, не требуютъ отъ подрядчика въ пользу этихъ несчастныхъ ничего сверхъ того, что требуется для поддержанія ихъ жизни. Что же касается до денегъ, которыя получаетъ за нихъ помѣщикъ, то правительство не вмѣшивается въ это. Эти несчастные провели дороги въ окрестностяхъ Царскаго Села“¹⁾.

По словамъ г. Погожева, отдача на фабрики такихъ „кабальныхъ“ рабочихъ широко практиковалась въ Можайскомъ уѣздѣ, при чемъ помѣщикъ получалъ за каждого отдаваемого имъ рабочаго по 25 р. въ годъ. На суконныхъ фабрикахъ Пушкина-Орфана, кн. Гагарина и другихъ работало много кабальныхъ рабочихъ изъ окрестныхъ помѣщичьихъ деревень. По показанію нѣкоего Щедрина, бывшаго владѣльца бумагопрядильни въ Клинскомъ уѣздѣ, въ дореформенное время первоначально всѣ рабочіе на его фабрикахъ были кабальными крестьянами Можайскаго уѣзда, и только впоследствии они были замѣнены мѣстными клинскими рабочими²⁾. Г. Погожевъ дѣлаетъ интересное указаніе, что на Вознесенской мануфактурѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, которая еще въ 40-хъ годахъ имѣла нѣсколько тысячъ рабочихъ и до настоящаго времени остается одной изъ крупнѣйшихъ бумагопрядильнь Московскаго губ., до сихъ поръ сохранились семь каменныхъ корпусовъ, которые носятъ названіе „кабальныхъ спаленъ“. Каждый корпусъ называется по фамилии того помѣщика, которому принадлежали кабальные рабочіе, помѣщавшіеся въ этомъ корпусѣ³⁾;

¹⁾ N. Tourgueneff. „La Russie et les Russes“. Paris, 1847 г. II, стр. 137, 138.

²⁾ „Сб. ст. свѣд. по Москов. губ.“ Сан. отд., т. III, вып. VI, Можайскій уѣздъ.

³⁾ „Сб. ст. свѣд. по Моск. губ.“ С. о., т. III, вып. VII, Дмитровскій уѣздъ, стр. 94.

указаніе это интересно потому, что оно уясняет намъ причинъ крупныхъ волненій на этой фабрикѣ въ 1844 г., усмирённыхъ лишь съ помощью вооружённой силы.

Объ этихъ волненіяхъ упоминаетъ министръ финансовъ въ своемъ отношеніи 5 апр. 1849 г. гр. Закревскому, но въ очень неясныхъ выраженіяхъ: „учрежденіе порядка на счетъ невыдачи фабричнымъ рабочимъ всей заработной платы съ оставленіемъ части для врученія семейнымъ начальникамъ или обществамъ едва ли удобоисполнимо. Опытомъ на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ дознано въ недавнемъ еще времени, что фабричные изъ помѣщичьихъ крестьянъ сопротивляются цѣлыми массами подобнымъ распоряженіямъ, и что усмирёніе ихъ, какъ, напр., въ 1844 г., на Вознесенской бумагопрядильнѣ въ Дмитровск. уѣздѣ требовало внимательства полицейской и военной силы“¹⁾. Приводя въ связь съ этими словами указаніе г. Погожева на „кабальные спальни“ при Вознесенской бумагопрядильнѣ, можно заключить, что въ данномъ случаѣ сопротивлялись именно закабаленные рабочіе,—сопротивлялись тому, чтобы плата поступала не имъ, а помѣщику; если же министръ финансовъ говоритъ о „семейныхъ начальникахъ и обществахъ“, то это объясняется, вѣроятно, слѣдующимъ: какъ сейчасъ увидимъ, закабаленіе рабочихъ было въ это время запрещено закономъ, и помѣщики, желая закабалить рабочаго за фабрикантомъ, должны были прибѣгать къ окольнымъ путямъ, напр., требовать плату не на свое имя, а на имя сельскаго общества или семьи рабочаго.

Ивановскіе фабриканты закабалляли за собой рабочихъ другимъ способомъ—уплачивая помѣщику Шереметеву оброкъ за своихъ недоимщиковъ-односельчанъ. Оброкъ въ селѣ Ивановѣ достигалъ значительной суммы отъ 75 до 87 р. ассигнаціями въ годъ съ тягла (со всѣми добавочными расходами)²⁾. При этомъ одному крестьянину приходилось иногда платить по нѣсколькимъ тягламъ.

Во всякомъ случаѣ, употребленіе на русскихъ фабрикахъ 40-хъ годовъ кабальныхъ рабочихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Между тѣмъ, отдача помѣщикомъ своихъ крѣпостныхъ въ наемъ недворянамъ была запрещена закономъ. Такъ какъ сдѣлки такого рода могли прикрывать собой приобрѣтеніе крѣпостныхъ лицами,

¹⁾ Дѣло по предлож. московскаго военнаго генераль-губернатора гр. Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики и заводы въ Москвѣ. 22 окт. 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Часть I, стр. 210.

не имѣвшими на то права, то отдача крѣпостныхъ въ наемъ разночинцамъ была запрещена указами 10 апр. 1823 г. и 28 авг. 1824 г. ¹⁾ Повидимому, закабаленіе крестьянъ фабрикантами и заводчиками особенно распространилось въ началѣ 20-хъ годовъ.

Въ виду этого, Комитетъ Министровъ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 16 июня 1825 г., призналъ нужнымъ совершенно воспретить помѣщикамъ отдачу крѣпостныхъ на заводскія работы, съ заключеніемъ условія отъ имени помѣщика; въ случаѣ нарушенія этого закона помѣщикомъ, крѣпостной, отданный въ работу, получалъ свободу ²⁾. Но, какъ видно изъ предыдущаго, помѣщики легко обходили законъ.

По словамъ Гакстгаузена, въ 40-хъ годахъ практиковалась отдача въ кабалу на фабрики преимущественно дѣтей, на 7-лѣтній срокъ въ качествѣ учениковъ ³⁾. Нерѣдко фабриканты доставали нужныхъ имъ дѣтей и изъ Воспитательнаго дома, подобно тому, какъ ихъ англійскіе собратья получали малолѣтнихъ рабочихъ изъ приходскихъ домовъ для бѣдныхъ. Извѣстны возмутительныя жестокости, которыя при этомъ практиковались въ Англии. Фабриканты посылали въ дома для бѣдныхъ своихъ агентовъ, которые набирали живой товаръ, не справляясь съ желаніями дѣтей, и доставляли ихъ по назначенію, гдѣ съ ними обращались хуже, чѣмъ съ домашними животными. Въ другихъ случаяхъ агенты приходскихъ домовъ, стремившихся поскорѣе избавиться отъ расходовъ по содержанію своихъ питомцевъ, вывозили дѣтей цѣлыми партіями въ крупныя промышленныя центры и тамъ распродавали ихъ фабрикантамъ. Въ газетахъ нерѣдко помѣщались объявленія, что тамъ-то можно получить на такихъ-то условіяхъ столько-то маленькихъ „бѣлыхъ рабовъ“ ⁴⁾.

Какимъ образомъ практиковалась отдача питомцевъ Воспитательнаго дома въ Россіи, какъ ихъ содержали на фабрикахъ и проч.,—этого мы не знаемъ. Объ ужасахъ англійскихъ фабричныхъ порядковъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка намъ извѣстно потому, что ужасы эти вызывали негодованіе значительной части англій-

¹⁾ П. С. З., XXXVIII, 29416, и XXXIX, 30040.

²⁾ П. С. З. XL, 30385.

³⁾ Haxthausen, III, 579.

⁴⁾ См. крайне интересную книгу: Alfred. „The History of the Factory Movement“. London, 1857. Главнымъ образомъ по этой книгѣ составлена статья Л. Давыдовой: „Ричардъ Остлеръ, король фабричныхъ дѣтей“. „Міръ Божій“. 1895 г. Мартъ.

скаго общества, и литература того времени служила яркимъ выраженіемъ этого негодованія. Русское общество имѣло болѣе грубыя нервы, а литература, подъ игомъ цензуры, должна была тщательно обходить всякіе щекотливые вопросы. Поэтому и въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ, намъ извѣстно очень немного.

Воспитанники Воспитательнаго дома отдавались на фабрики до совершеннолѣтія, съ возраста около 12 лѣтъ, при чемъ фабрикантъ обязывался содержать ихъ на свой счетъ и по истеченіи извѣстнаго срока по ихъ поступленіи давать имъ опредѣленную (впрочемъ, очень ничтожную—1 р. въ мѣсяцъ) плату. По достиженіи совершеннолѣтія воспитанники получали отъ фабриканта пару платья и 100 р. денегъ ¹⁾. Какое значеніе для фабриканта имѣла возможность полученія даровыхъ (или почти даровыхъ) работниковъ изъ Воспитательнаго дома, видно изъ того, что иногда при самомъ учрежденіи фабрики заранѣе выговаривалось условіе, что на фабрику будутъ опредѣляться питомцы Воспитательнаго дома ²⁾.

До сихъ поръ мы говорили о фабричныхъ рабочихъ. Изъ какихъ-же общественныхъ элементовъ слагался въ дореформенной Россіи классъ фабрикантовъ? Мы видѣли, что въ теченіе XVII вѣка замѣчалось постепенное измѣненіе состава этого класса первыми фабрикантами были старинные капиталисты Московской Руси—купцы. Затѣмъ, по мѣрѣ роста политическаго вліянія дворянства и ограниченія привилегій фабрикантовъ изъ купеческаго званія (при чемъ наибольшее значеніе имѣло запрещеніе покупокъ къ фабрикамъ крестьянъ), фабрики стали переходить въ руки дворянства. Въ началѣ XIX вѣка самыя важныя фабрики—суконныя—принадлежали почти исключительно дворянамъ. Такимъ образомъ, къ этому времени классъ фабрикантовъ слагался изъ двухъ общественныхъ элементовъ: торговаго сословія и землевладѣльцевъ—купечества и дворянства. Въ послѣдующее время къ этимъ элементамъ предпринимательнаго класса присоединяется еще третій—выходцы изъ среды крестьянства.

Я неоднократно указывалъ, что самой характерной чертой промышленной исторіи разсматриваемой эпохи было появленіе и необыкновенно быстрое развитіе новой отрасли производства—

¹⁾ Дѣло объ опредѣленіи на фабрику Баннистера питомцевъ Воспитательнаго дома. 27 августа 1817 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Дѣло о предполагаемой къ учрежденію въ г. Ямбургъ ситцевой фабрики, 2 апр. 1814 (Арх. д-та т. и м.).

хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность развивалась безъ непосредственной поддержки правительства и притомъ при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ особо покровительствуемая производствa, какъ, напр., суконное и чугуноплавильное. Благодаря простотѣ техническихъ приемовъ набойки ситцевъ и качества бумажныхъ матерій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и легкости сбыта, о дешевизнѣ товара, хлопчатобумажная промышленность быстро распространилась въ крестьянскомъ населеніи. Важнѣйшимъ центромъ ея былъ Шуйскій уѣздъ и, въ особенности, село Иваново. Это село, какъ и всѣ его жители, принадлежало графу Шереметеву. Въ 1825 г. въ Ивановѣ считалось 125 крупныхъ ситцевчатныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были огромныхъ размѣровъ. Такъ, напр., въ 1817 г. на фабрикѣ Гравой было 900 становъ и 103 набивныхъ стола, на фабрикѣ Ивановскаго 1000 становъ и 110 набивныхъ столовъ (рабочихъ около 1500 чел.), у Гарелина—1021 станъ и 85 набивныхъ столовъ (рабочихъ 1407 чел.)¹⁾. Всѣ эти фабрики принадлежали или крѣпостнымъ, или бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева.

Въ концѣ XVIII вѣка главнымъ промысломъ населенія Иванова была набойка бумажныхъ и полотняныхъ матерій. Прибыльность этого промысла особенно возросла послѣ московскаго пожара 1812 г., во время котораго погибли почти всѣ московскія фабрики. Временное устраненіе такого опаснаго конкурента, какъ Москва, естественнымъ образомъ способствовало оживленію ивановской промышленности. Въ это время фабрикація бумажныхъ тканей давала такіе выходы, что промышленники наживали, по нѣкоторымъ показаніямъ, „упятеренный рубль на рубль“²⁾—500% прибыли. Особенно выиграли отъ такого положенія вещей набойщики, среди которыхъ многіе работали не на фабрикантовъ, а за свой собственный счетъ, при помощи своей семьи. По словамъ Гарелина, спросъ на набойщиковъ въ селѣ Ивановѣ послѣ московскаго пожара до такой степени усилился, что они безъ труда зарабатывали до 100 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Около этого времени совершился переходъ многихъ кустарей-набойщиковъ въ крупные фабриканты.

Скопить небольшой капиталъ для открытія собственной фабрики

¹⁾ „Статистическое обозрѣніе состоянія Владимірской губ. въ 1817 г.“ Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1857, № 13.

²⁾ „Мануфактурный очеркъ мѣстечка Ново-Зуева“. „Журналъ Мануфактуръ и Торговли“, 1854, часть 1, стр. 203.

для набойщика-кустаря въ это время было дѣломъ нетруднымъ Миткаль можно было всегда получить въ кредитъ. Капиталь оброчивался необыкновенно быстро. За нѣсколько дней набойщикъ успѣвалъ набить миткаль и придать ему окончательную отдѣлку а въ первый базарный день въ селѣ Ивановѣ онъ могъ безъ труда продать изготовленный ситецъ купцамъ, пріѣзжавшимъ для закупки товара. Такимъ путемъ кустарь, при нѣкоторой изворотливости и предприимчивости, могъ сдѣлаться сначала мелкимъ затѣмъ и крупнымъ капиталистомъ ¹⁾.

Такое счастливое время для набойщиковъ продолжалось, правда, недолго, и уже съ 20-хъ годовъ плата за набойку и цѣна того товара ситца падаютъ подѣ вліяніемъ быстрого увеличенія числа набойщиковъ, а затѣмъ и введенія ситцепечатныхъ машинъ. Переходъ изъ кустарей въ фабриканты сдѣлался затруднительнымъ. Но достаточно было непродолжительнаго процвѣтанія набоечнаго промысла, чтобы образовались небольшіе капиталы, которые по томъ безпрепятственно могли расти и расти ²⁾. Около этого времени было положено основаніе огромному состоянію Морозовыхъ. Основатель этой фирмы, Савва Морозовъ, былъ простымъ ткачомъ и крѣпостнымъ крестьяниномъ помѣщика Рюмина. Въ 1797 г. онъ устроилъ небольшую фабрику шелковыхъ лентъ, затѣмъ болѣе крупную—нанки и шелковыхъ матерій въ мѣстечкѣ Зуево. Въ 1820 г. онъ выкупился на волю со всей своей семьей (за 17.000 р.) записался въ купечество и сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Россіи ³⁾.

Какъ сказано, всѣ ивановскіе фабриканты (многіе изъ которыхъ были милліонерами) вышли изъ крестьянъ. Большинство ихъ, какъ и шуйскихъ фабрикантовъ, первоначально были мелкими самостоя-

¹⁾ Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, стр. 204—205. „Это время для набойщика было золотымъ, и только лѣнивый да разгульный не составили себѣ капитала исключительно набивнымъ мастерствомъ“.

²⁾ Англійская бумаготкацкая промышленность переживала совершенно такую же эпоху въ концѣ XVIII вѣка. Въ это время, подѣ вліяніемъ удешевленія пряжи, спросъ на ткани чрезвычайно возросъ, заработная плата ткачей увеличилась въ нѣсколько разъ, и многимъ изъ нихъ удалось выбиться въ фабриканты. Но затѣмъ послѣдовалъ упадокъ заработной платы, и ткачамъ пришлось оставить всякія мечты о превращеніи въ капиталистовъ.

³⁾ „Мануфактурный очеркъ мѣстечка Ново-Зуева“. „Журн. М. и Т.“, 1834 ч. I; также „Мануфактура и фабрика торговаго дома Савва Морозовъ съ омыновьями“. Москва; 1870 г.

льными производителями—кустарями или фабричными рабочими¹⁾. село Иваново представляло собою въ началѣ этого вѣка оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имѣвшіе болѣе 1000 человекъ рабочихъ, юридически были такими же безправными людьми, какъ и послѣдніе голыши изъ ихъ рабочихъ. Всѣ они были крѣпостными Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только свободно владѣли движимымъ и недвижимымъ имуществомъ (хотя послѣднее и записывалось на имя помещика), но даже имѣли своихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., Ивану Гарелину, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, принадлежало село Спасское со всеми жившими въ немъ крестьянами. Точно такъ же имѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ и другой ивановскій капиталистъ—Грачевъ.

У многихъ фабрикантовъ были крѣпостные дворовые люди. Само собою разумѣется, что юридически всѣ эти крѣпостные принадлежали единственному владѣльцу Иванова—Шереметеву, но такъ какъ вотчинная контора Шереметева признавала имущественныя сдѣлки подвѣдомственныхъ ей крѣпостныхъ, при чемъ въ пользу графа поступалъ извѣстный % стоимости приобретеннаго или проданнаго имущества, то крѣпостные капиталисты могли свободно приобретать земли и даже крестьянъ въ свое полное пользованіе и владѣніе²⁾.

Нечего и говорить, что такіе капиталисты—крѣпостные помещика—стремились выкупиться на волю. Но владѣлецъ села Иванова соглашался на это крайне неохотно; до реформы 19 февраля выкупилось на волю въ Ивановѣ всего около 50 крестьянскихъ семействъ, при чемъ средняя выкупная плата за семейство достигала 20.000 р.³⁾ Выкупившіеся крестьяне,—какъ видно изъ вы-

1) „Большая часть фабрикантовъ села Иванова и вообще Шуйскаго гѣзда возвысилась въ капиталахъ своихъ отъ счастливаго перехода изъ набойщиковъ въ фабриканты-капиталисты“. „Колеристы и набойщики Владимірской губерніи“ П. Несытова. „Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г.“, стр. 51.—„Большая часть значительныхъ фабрикъ, принадлежащихъ теперь къ Вознесенскому посаду, основана людьми, начинавшими свои дѣла съ мелочного производства въ Ивановѣ“. „Село Иваново“. Васильева. „Вѣстникъ Промышленности“. 1859 г., т. III.

2) Я. Гарелинъ. „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Ч. I, 110, 211. По словамъ Гакстгаузена, нѣкоторые крѣпостные Шереметева въ 40-хъ годахъ имѣли по 600, 700 крѣпостныхъ. Haxthausen, II, 72. Объ этомъ же упоминаетъ и Николай Тургеневъ, „La Russie et les Russes“, II, 128.

3) Гарелинъ, 114.

сокой стоимости выкупа, крупные капиталисты, — записывались въ купечество.

Такимъ же путемъ крупныя фабрики возникали изъ мелко крестьянской промышленности и въ другихъ мѣстахъ. Московскіе земскіе статистики констатируютъ для Московскаго района, что „большинство нынѣ существующихъ фабрикъ средней величины возникли изъ кустарныхъ избъ; владѣльцы кисейныхъ, гардинныхъ и одѣяльныхъ фабрикъ Волоколамскаго уѣзда (оборотъ нѣкоторыхъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей) и до настоящаго времени крестьяне; предки ихъ работали за станами, дѣды завѣдвали свѣтелку... а отцы основывали небольшую фабрику. Громадныя механическія заведенія Горской волости, Коломенскаго уѣзда также ведутъ свое начало отъ кустарной избы... Шерстяная фабрика Егорова въ Клинскомъ уѣздѣ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія представляла собой небольшую свѣтелку, въ которой владѣлецъ ея работалъ за станкомъ наравнѣ съ другими ткачами“ Основатель одной изъ крупнѣйшихъ шелковыхъ фабрикъ—Аондрашевъ—былъ крѣпостнымъ Бибикова, работавшимъ на шелковой фабрикѣ Лазарева въ Москвѣ. Онъ скоро сдѣлался крупнымъ фабрикантомъ, но, несмотря на это, оставался крѣпостнымъ вплоть до 1861 г. ¹⁾.

Подобные крѣпостные фабриканты были характерной особенностью разсматриваемой эпохи. Въ селѣ Вачи, Муромскаго уѣзда фабрика стальныхъ издѣлій была устроена въ 1831 г. крѣпостнымъ крестьяниномъ князя Голицына—Кондратовымъ ²⁾. Шереметеву, владѣльцу села Иванова, принадлежали также и замѣчательныя промышленныя села въ Нижегородской губерніи—Павлово и Ворсма. Уже въ 40-хъ годахъ въ этихъ селахъ появились мелкіе фабриканты изъ крестьянской среды. Энгельгардъ, бывшій въ Павловѣ въ 1830 г., говорить, что въ этомъ селѣ многіе богатые мастера имѣютъ особыя мастерскія, въ которыхъ работы производятся наемными людьми. Такіе мастера живутъ въ каменныхъ домахъ ³⁾. Въ 40-хъ годахъ академикъ Кеппенъ сообщаетъ, что мѣстный

1) Въ „Сборникъ стат. свѣд. по Московской губерніи“, т. VII, вып. III, стр. 27—28, подобныхъ примѣровъ приведено очень много.

2) „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, 1853 г., № 42. Фабричное заведеніе стальныхъ издѣлій въ Муромскомъ уѣздѣ.

3) Engelhard. „Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg nach dem Ural“. 1830 г., стр. 176—178.

абрикантъ Завьяловъ употребляетъ на своей фабрикѣ перочинныхъ ножей машины, приводимыя въ движеніе лошадьми ¹⁾.

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Павловѣ насчитывалось уже нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ мастеровъ-фабрикантовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись Завьяловъ, Калякинъ и Горшковъ, державшіе, по словамъ Мельникова, въ своихъ рукахъ всю павловскую промышленность ²⁾.

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ насчитывалось уже болѣе 30 болѣе или менѣе крупныхъ стальнo-слесарныхъ заведеній, на которыхъ изготовлялись столовые и перочинные ножи, кинжалы, бритвы, ножницы и замки ³⁾. Всѣ эти заведенія возникли изъ крестьянскихъ кустарныхъ мастерскихъ. По характеру отношеній богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ другъ къ другу Павлово совершенно напоминало Иваново. Масса рабочаго люда находилась въ совершенной зависимости отъ богатыхъ фабрикантовъ. „Явленіе то же самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ Шуйскихъ и Ивановскихъ“, замѣчаетъ по этому поводу Мельниковъ ⁴⁾.

Въ Костромской губерніи основатели всѣхъ бумаготкацкихъ фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ 50-хъ годовъ, были, за весьма немногими исключеніями, помѣщичьими крестьянами, начавшими дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній ⁵⁾.

Въ селѣ Висенемъ, Арзамасскаго уѣзда, принадлежавшемъ кн. Салтыкову, населеніе занималось преимущественно изготовленіемъ сапогъ; въ немъ также замѣчались огромныя различія въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ хозяевъ. Около 15 крестьянъ производили торговые обороты каждый въ 20—50 тыс. р. въ годъ; другіе же были совершенными бѣдняками ⁶⁾.

Фактъ возникновенія крестьянскихъ фабрикъ констатируется и пакетгаузенoмъ: „Значительная часть современныхъ русскихъ фаб-

¹⁾ Köppen. „Kurzer Bericht über einer Reise von S.-Petersburg nach Kaluga“. S.-Petersburg, 1847 г., стр. 6.

²⁾ П. Мельниковъ. „Павловская промышленность“. „Москвитянинъ“, 1851 г., ч. IV, стр. 104.

³⁾ „Нижегородская губернія въ хозяйственно-статистическомъ отношеніи“. „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, 1857, часть 28, стр. 44.

⁴⁾ „Москвитянинъ“, 1851, ч. IV, стр. 104.

⁵⁾ „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго штаба“. Крживоблоцкій. Костромская губернія. Спб. 1861 г., стр. 338.

⁶⁾ Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands“, I, 328.

рикъ устроена крестьянами, которые не умѣютъ ни читать, и писать и достигли своего теперешняго положенія только собственными силами. Нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ и богатыхъ фабрикантовъ Россіи относятся къ этой категоріи,—напр., ситцевый фабрикантъ Гучковъ въ Москвѣ и табачный фабрикантъ Жуковъ въ Петербургѣ“ 1).

Такимъ образомъ, въ XIX вѣкѣ къ дворянскимъ и купеческимъ фабрикамъ стали присоединяться еще крестьянскія. Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ онъ характеризуетъ новую эпоху въ развитіи нашей крупной промышленности. Крестьянская фабрика была органическимъ продуктомъ народной жизни и никоимъ образомъ не можетъ быть названа „искусственнымъ“ явленіемъ, подобно крупнымъ фабрикамъ прошлаго вѣка. Появленіе на промышленной аренѣ новаго типа фабрики знаменовало собой, въ условія русской промышленности созрѣли уже до промышленнаго а не только торговаго капитализма. Крепостная фабрика, по ходу промышленной эволюціи, отживала свое время; ея мѣсто заняла новая, капиталистическая фабрика, основанная на свободномъ договорѣ предпринимателя-капиталиста съ рабочими.

Я говорилъ во Введеніи, что въ XVIII вѣкѣ купечество домогалось ограниченія крестьянской торговли и промышленности. Особенно ярко выразились эти домогательства въ купеческихъ городскихъ наказахъ и преніяхъ въ Екатерининской комиссіи и составленію Новаго Уложения. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ развитіе крестьянской промышленности во второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ XIX вѣкѣ въ крестьянской средѣ появляются крупные капиталисты-фабриканты. Правительство не имѣло никакого интереса задерживать развитіе капиталистическаго производства среди крестьянства, такъ какъ, съ одной стороны, ростъ промышленности увеличивалъ платежную способность населенія, съ другой, — дворянскіе интересы, дававшіе тонъ всей нашей внутренней политикѣ, требовали того же. Крестьянскія фабрики почти не конкурировали съ дворянскими: въ дворянскихъ рукахъ оставались фабрики и заводы, работавшіе преимущественно или въ значительной степени на казну, каковы фабрики солдатскихъ суконъ, солдатскаго и паруснаго полотна, писчебумажныя горныя заводы. Крестьянскія фабрики выдѣлывали почти исключительно дешевый товаръ, расходившійся въ массѣ населенія—

1) Haxthausen, I, 185.

тцы, кумачи, платки, дешевыя шелковыя и шерстяныя ткани, лѣзя стальныя и желѣзныя издѣлія, коженныя издѣлія и пр. рѣдко крестьянскія фабрики устраивались въ помѣщичьихъ селѣхъ (самыя замѣчательныя промышленныя села принадлежали юрянамъ). Какъ и въ прошломъ столѣтіи, дворянство въ александровскую и николаевскую эпоху не только не сочувствовало призваніямъ купечества монополизировать крупную торговлю и промышленность въ свою пользу, но по собственнымъ интересамъ можно было отстаивать свободу развитія крестьянскаго промышленнаго и торговаго капитала,—свободу, отъ которой оно только интриговало. Я указывалъ, какой оброкъ платили ивановскіе крестьяне Шереметеву; въ селѣ Павловѣ крестьяне платили также рупный оброкъ: вмѣстѣ съ подушною податью онъ равнялся въ началѣ 30-хъ годовъ 46 р. съ души м. п. ¹⁾); въ промышленномъ селѣ Великомъ, Ярославскаго уѣзда, принадлежавшемъ помѣщикамъ Ковлевымъ, крестьяне платили въ 50-хъ годахъ оброка 10 р. сер. съ души м. п. ²⁾).

По этимъ причинамъ правительство не обнаруживало никакой склонности задерживать развитіе крупнаго производства въ крестьянской средѣ и заботилось только объ одномъ—о своевременномъ обложеніи налогомъ возникавшихъ крестьянскихъ капиталовъ наравнѣ съ купеческимъ капиталомъ. Въ 1812 г. крестьянамъ была дозволена какъ оптовая, такъ и розничная торговля, а также содержаніе фабрикъ и заводовъ, но не иначе, какъ по взятіи особыхъ свидѣтельствъ, плата за которыя была назначена такая же, какъ и за соотвѣтствующія гильдейскія свидѣтельства купечества.

Такимъ образомъ, первая половина XIX вѣка характеризуется ростомъ у насъ промышленнаго капитализма и преобразованіемъ прежней крѣпостной фабрики въ фабрику капиталистическую.

¹⁾ Engelhard, IV, 178.

²⁾ „Das Dorf Welikoye“. „Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands“, XV, 1856.

Г Л А В А Ш.

Вотчинная и посессионная фабрика.

Вотчинная фабрика.—Уменьшеніе числа фабрикъ съ принудительнымъ трудомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.—Рабочіе изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.—Отношеніе правительства къ вотчиннымъ фабрикамъ.—Посессионная фабрика. — Элементы, изъ которыхъ образовался классъ посессионныхъ фабричныхъ рабочихъ.—Положеніе рабочихъ на различныхъ посессионныхъ фабрикахъ.—Мѣропріятія правительства по отношенію къ посессионнымъ фабрикамъ.—Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1811 г.—„Положенія“ важнѣйшихъ посессионныхъ фабрикъ.—Измѣненіе взглядовъ правительства на желательность сохраненія посессионныхъ фабрикъ.—Неудобства посессионнаго владѣнія.—Упадокъ посессионной фабрики.—Законодательныя мѣры.—Ликвидация посессионнаго фабричнаго владѣнія.—Положеніе бывшихъ фабричныхъ крестьянъ при переходѣ въ свободное состояніе.

Русская фабрика, возникшая подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства, первоначально основалась на принудительномъ трудѣ. Я уже говорилъ, что даже въ началѣ XIX вѣка число несвободныхъ рабочихъ на фабрикахъ превосходило число вольнонаемныхъ. По даннымъ 1804 г., изъ 95.202 всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ вольнонаемныхъ было 45.625, т.-е. меньше половины. Что же такое представляла изъ себя фабрика, пользовавшаяся принудительнымъ трудомъ?

Прежде всего нужно замѣтить, что фабрики этого рода распались на двѣ совершенно особыя группы—вотчинныя и посессионныя. Первыя принадлежали только дворянамъ; такъ какъ крѣпостное право предоставляло помѣщику свободу распоряжаться тру-

мъ своихъ крѣпостныхъ, то, понятно, помѣщикъ могъ употреблять крѣпостныхъ и на фабричныя работы. Поссессионными фабриками назывались такія, которыя получили отъ правительства въ пособіе земель, строениями, рабочими людьми или были устроены въ счетъ денежныхъ суммъ, отпущенныхъ казной въ пособіе безъ возврата, или же получили дозволеніе на покупку крестьянъ, если надѣльцы ихъ по званію своему не имѣли на это права ¹⁾. Какъ будетъ выяснено ниже, юридическое положеніе фабричныхъ на поссессионныхъ фабрикахъ было совершенно инымъ, чѣмъ на вотчинныхъ.

Вотчинныя фабрики появились въ большомъ числѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда дворянство поняло выгоду фабричной промышленности и стало устраивать фабрики въ своихъ помѣстьяхъ. Это приводило выше жалобы купечества въ Екатерининской комиссіи на то, что дворяне устраивали фабрики, на которыхъ работы производились крѣпостными. Въ первой четверти XIX вѣка число такихъ фабрикъ было очень велико.

1) Ст. 7 Устава о Промышленности, изд. 1842 г. Самый терминъ „поссессионныя“ фабрики вошелъ въ употребленіе въ нашемъ официальном языкѣ только въ началѣ XIX в., хотя фабрики этого рода возникли со времени петровскаго указа 1721 г. По этому указу была разрѣшена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, „какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ“, и наше законодательство вначалѣ строго различало крестьянъ, купленныхъ дворянами на фабрикантскомъ правѣ, отъ купленныхъ на дворянскомъ правѣ. Мотивомъ же для дворянъ покупать крестьянъ на фабрикантскомъ правѣ (а не въ полную крѣпостную собственность) являлась то, что такіе крестьяне вмѣстѣ съ фабрикой могли быть перепродаваемы не только дворянамъ, но и купцамъ. Въ XIX вѣкѣ различіе между крестьянами, купленными дворянами на фабрикантскомъ правѣ, и крѣпостными сглаживается, и поссессионными фабричными признаются, кромѣ приписныхъ, только тѣ покупные крестьяне, которые были куплены недворянами. Само собою разумѣется, что поссессионныя фабричныя, при переходѣ фабрики къ дворянину, оставались поссессионными и не дѣлались его крѣпостными.

Г. Нисселовичъ въ своей книгѣ „Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской имперіи“ (ч. II, стр. 52), говоря о поссессионныхъ фабрикахъ, совершенно неправильно отождествляетъ ихъ съ обязанными фабриками. Обязанными фабриками назывались тѣ изъ поссессионныхъ, которыя обязаны были поставлять въ казну извѣстное количество своихъ издѣлій. Большая часть поссессионныхъ фабрикъ никогда не принадлежала къ числу обязанныхъ. Въ началѣ XIX вѣка только суконныя поссессионныя фабрики были обязаны поставкой своихъ товаровъ въ казну. Это обязательство съ нихъ было снято въ 1816 г.

Число рабочихъ на фабрикахъ въ 1825 г. ¹⁾

Въ томъ числѣ:

Главнѣйшіе роды произ- водства:	Всѣхъ рабо- чихъ.	Помѣщичьихъ (крѣпостныхъ).	Приписны и покупны (посессио- ныхъ).
Суконное	63.608	38.583	13.315
Бумажныхъ матерій . .	47.021	247	2239
Полотняное	26.832	1483	6629
Шелковое.	10.204	658	1065
Писчей бумаги.	8272	3350	2903
Стальное, игольное, чу- гунное	22.440	14.820	2650
Канатное	2503	167	33
Кожевенное	8001	539	2
На всѣхъ фабрикахъ. .	210.568	66.725	29.328

Мы видимъ, что весьма значительная часть фабричныхъ рабочихъ были крѣпостными фабрикантовъ. Число крѣпостныхъ рабочихъ было особенно велико на суконныхъ фабрикахъ, гдѣ крѣпостныхъ было значительно болѣе половины всѣхъ рабочихъ. Какъ я говорилъ выше, суконныя фабрики, самыя старинныя въ Россіи, были по преимуществу дворянскими фабриками. Число мелкихъ полотняныхъ фабрикъ въ дворянскихъ имѣніяхъ также было очень велико, но эти фабрики, по большей части, не попадали въ официальные отчеты, и по этой причинѣ на полотняныхъ фабрикахъ значится сравнительно немного крѣпостныхъ. На стальныхъ и чугунныхъ заводахъ, какъ и на суконныхъ фабрикахъ, крѣпостные превышаютъ половину всѣхъ рабочихъ. На фабрикахъ пис-

¹⁾ Отчетъ д-та Мануфактуръ и Внутренней Торговли за 1826 г. (Архивъ д-та торг. и ман.). Нечего и говорить, что эти цифры очень неточны имѣютъ лишь приблизительный характеръ. Число посессионныхъ рабочихъ было показываемо меньше дѣйствительнаго также и по той причинѣ, что рабочіе этой категоріи нерѣдко причислялись владѣльцами къ крѣпостнымъ; такъ, напр., въ „Вѣдомости“ 1820 г. по Казанск. губ. со всѣмъ не показано посессионныхъ крестьянъ при суконныхъ фабрикахъ а только крѣпостные, между тѣмъ какъ при одной суконной фабрикт Осокина въ Казани было болѣе 1000 посессионныхъ рабочихъ. Въ „Отчетѣ“ за 1825 г. показаны только фабрики и заводы, подвѣдомственныя департаменту, т.-е. горныя заводы, а также винокуренныя и пивоваренныя не показаны.

ей бумаги крѣпостные составляли менѣ половины всѣхъ рабочихъ, а на хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ, канатныхъ, кожевенныхъ фабрикахъ и заводахъ крѣпостныхъ рабочихъ было очень мало: это были купеческія и крестьянскія фабрики.

Что же такое представляли собою вотчинныя фабрики? Къ сожалѣнію, объ этихъ фабрикахъ мы знаемъ очень немного. Въ 803 г. правительство собирало подробныя свѣдѣнія о посессионныхъ фабрикахъ, числѣ рабочихъ на нихъ, заработной платѣ, времени работы и проч. При этомъ случайно были доставлены и свѣдѣнія по нѣкоторымъ вотчиннымъ фабрикамъ съ крѣпостными рабочими. Изъ этихъ случайныхъ данныхъ видно, что на нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ рабочіе работали безъ всякой платы — „братъ на брата“, т.-е. раздѣлялись на 2 смѣны, каждая изъ которыхъ поочередно работала на фабрикѣ, въ то время, какъ другая оставалась дома. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, фабричная работа исполнялась такъ же, какъ и всякая другая барщина. Такимъ образомъ были распределены рабочіе, напр., на суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго въ Рязанской губерніи, Пронской округи; на фабрикѣ работало 292 муж., и 264 женщ., при чемъ рабочіе увольнялись на 2 мѣсяца въ году отъ фабричныхъ работъ для сѣнокоса и уборки хлѣба. Такъ же была организована работа и на суконной фабрикѣ, Скопинскаго уѣзда, оберъ-провіантмейстера Окулова ¹⁾; но въ большинствѣ случаевъ крѣпостные фабричные получали заработную плату — иногда только деньгами, иногда же деньгами и предметами потребленія; нечего и говорить, что заработная плата крѣпостныхъ рабочихъ была значительно ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ рабочихъ.

Въ своей извѣстной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ Заблоцкій-Десятовскій приводитъ примѣръ суконной фабрики, устроенной въ Нижегородской губерніи помѣщикомъ П., на которой работали „мѣсячники“ — крестьяне безъ всякой платы.

¹⁾ См. Дѣло о присылкѣ содержателями фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей, свѣдѣній о числѣ состоящихъ по 5 ревизіи душъ и о платежѣ имъ заработныхъ денегъ. 1803 г. (Арх. д-та г. и м.). Этого крайне интереснаго дѣла я не могъ найти въ означенномъ архивѣ (повидимому, оно затеряно), почему всѣ ссылки на него сдѣланы мною по списку, доставленному мнѣ В. И. Семевскимъ, которому я приношу за это мою искреннюю благодарность. О вотчинныхъ фабрикахъ см. также А. Погожевъ. „Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные,“ „Вѣстникъ, Европы“, 1889, июль.

Устроивъ въ своемъ имѣннѣ фабрику, помѣщикъ уничтожилъ болѣешую часть крестьянской запашки. „Мужики не привыкли къ работѣ, — замѣчаетъ Заблоцкій: — дѣло отправляется худо, ихъ наказываютъ, не выполнишаго урока сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье на работу. По отзывамъ сосѣдей, всѣ эти люди точно вышедшіе изъ тюрьмы. Многіе изъ нихъ находятся въ бѣгахъ“¹. На другихъ вотчинныхъ фабрикахъ, которыя перечисляетъ Заблоцкій, рабочіе получали плату.

При изслѣдованіи фабричной промышленности, Московской губерніи земскіе статистики обратили вниманіе, между прочимъ, на бывшія раньше вотчинныя фабрики. По словамъ проф. Эрисмана, существованіе въ крѣпостную эпоху такихъ фабрикъ называется и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Россіи — образованіемъ безземельнаго фабричнаго пролетаріата. Типичной вотчинной фабрикой Московскаго уѣзда г. Эрисманъ считаетъ устроенную помѣщикомъ Волковымъ въ 1828 г. при сельцѣ Горенкахъ. Волковъ купилъ для фабрики заброшенный дворецъ Разумовскихъ и перевелъ туда крѣпостныхъ, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, изъ своихъ деревень въ 7 окрестныхъ губерніяхъ часть этихъ подневольныхъ поселенцевъ была помѣщена въ самомъ фабричномъ зданіи, а остальнымъ былъ отведенъ для поселенія небольшой участокъ земли при фабрикѣ²).

Точно такъ же Воскресенская бумагопрядильная и ткацкая фабрика была основана въ 1840 г. помѣщикомъ Скуратовымъ, который вывезъ для работы на этой фабрикѣ крестьянъ изъ другихъ губерній. Таково же происхожденіе деревни близъ Моуринской суконной фабрики и вблизи фабрики Лысенковыхъ въ Рузскомъ уѣздѣ. Эти деревни возникли изъ поселеній крѣпостныхъ рабочихъ, переселенныхъ владѣльцемъ для работы на фабрикѣ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ въ 20-хъ годахъ была устроена кн. Гагаринымъ бумагопрядильня, на которой работало болѣе 1000 чел. крѣпостныхъ изъ 12—15 окрестныхъ деревень. Въ томъ же уѣздѣ была основана въ 40-хъ годахъ гр. Уваровымъ суконная фабрика съ 1000 чел. крѣпостныхъ рабочихъ. Крупная суконная фабрика кн. Хованскаго въ сельцѣ Ваулино работала также крѣпостными.

Въ Рузскомъ уѣздѣ было довольно много вотчинныхъ сукон-

1) Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. Спб. 1882 г., IV, 294.

2) „Сборникъ стат. свѣд. по Московской губ.“. Санитарный отдѣлъ. т. III, выпускъ IV, Московскій уѣздъ. 1882 г., стр. 106.

хъ фабрикъ (Бѣлавина, кн. Хованскаго, Воейковой и др.) На брикъ Воейковой работало до 300 крѣпостныхъ, „надъ которыми помѣщица тиранствовала съ такимъ изувѣрствомъ и жестокостью“, а старый рабочій, рассказывавшій объ этомъ земскому статисту г. Погожеву, „даже теперь не могъ вспомнить безъ ужаса содроганія объ этой барынѣ, за малѣйшій проступокъ подвершей нещадной поркѣ по 10—15 рабочихъ ежедневно“¹⁾.

Въ Богородскомъ, Дмитровскомъ, Серпуховскомъ и др. уѣздахъ московской губерніи земскіе статистики также констатировали существованіе въ прежнее время вотчинныхъ фабрикъ съ крѣпостными рабочими²⁾.

Писатель 30-хъ годовъ, Шелеховъ, рассказываетъ о вотчинной фабрицѣ, работавшей холстинку и кисею близъ г. Клина. Рабочіе этой фабрицѣ прокармливались хлѣбомъ съ собственныхъ полей помѣщика. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ Шелеховъ называетъ вотчинную фабрику, на которой ткачество производилось барщинными крестьянами „братъ на брата“³⁾.

Понятно, крестьяне съ крайней неохотой соглашались работать на помѣщичьихъ фабрикахъ, особенно въ томъ случаѣ, когда они не получали никакой платы. Развитіе нашей фабричной промышленности въ 30-хъ и 40-хъ годахъ повело къ тому, что и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ число вотчинныхъ фабрикъ стало увеличиваться (мелкихъ, не попадавшихъ въ официальные списки), а въ это время принудительный трудъ на фабрицѣ быстро вытѣснялся вольнонаемнымъ⁴⁾. По словамъ Гакстгаузена, во второй

¹⁾ „Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.“, Санит. Отд. т. III, вып. VI, Можайскій и Рузскій уѣзды, стр. 11 (также 6—8, 9 и др.).

²⁾ Въ статьѣ г. Погожева „Вотчинныя фабрики“ („Вѣстникъ Европы“, 189 г., июль) содержится сводка всѣхъ данныхъ этого рода, собранныхъ московскими земскими статистиками.

³⁾ Д. Шелеховъ. „О пользѣ и средствахъ улучшенія въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ“. „Библиотека для Чтенія“, 1838 г., книга 4-я. Въ этой статьѣ перечисляется и нѣсколько другихъ вотчинныхъ фабрикъ.

⁴⁾ Одной изъ причинъ распространенія фабрикъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ сильный упадокъ цѣнъ на хлѣба и другія сельско-хозяйственные произведенія, обнаружившійся въ началѣ 20-хъ годовъ. Пониженіе цѣнъ вызвало въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ тяжелый кризисъ всего крупнаго сельскаго хозяйства, подобный переживаемому нами въ настоящее время. Въ концѣ 20-хъ годовъ Академія Наукъ назначила особую премію для конкурснаго сочиненія на слѣдующую тему: „Извѣстно ли ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній въ Россіи, по-прежнему возвышавшаяся съ половины XVII столѣтія, въ продолженіе по-

четверти этого вѣка дворянство стало усиленно заботиться об устройствѣ фабрикъ. Рабочими на этихъ фабрикахъ сначала были дворовые, но они работали плохо; затѣмъ помѣщики стали брать на фабрику крестьянъ, которые были излишни для земледѣльческихъ работъ, а подъ конецъ нерѣдко и отрывать крестьянъ от земледѣлія, такъ какъ фабричное дѣло оказалось гораздо выгоднѣе земледѣлія.

Но, по словамъ того же Гакстгаузена, помѣщики не замедлили убѣдиться, что русскій крестьянинъ работаетъ на фабрикѣ очень плохо, если трудится изъ-подъ палки, но можетъ быть превосходнымъ работникомъ по вольному найму, почему въ концѣ 40-х годовъ работа крѣпостными на фабрикахъ стала практиковаться уже значительно рѣже ¹⁾. Это подтверждаетъ и Бутовскій ²⁾ „Опыты, сдѣланные нѣкоторыми помѣщиками, — пишетъ онъ, — замѣнить барщину фабричнымъ и заводскимъ трудомъ почти всегда мало удавались: содержаніе, выдаваемое помѣщикомъ-фабрикантомъ барщинному крестьянину, вмѣсто свободныхъ дней

слѣднихъ лѣтъ понизилась. Определить.., какія причины сего явленія Премію получило сочиненіе А. Фомина „О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія Россіи“ (Спб. 1829). Интересенъ отвѣтъ Фомина, в потерявшій своего значенія и понынѣ: „Не есть ли настоящее излишество хлѣба слѣдствіе несправедливаго распредѣленія народнаго дохода? Основательны ли жалобы на дешевизну нашихъ земледѣльческихъ произведеній, когда они для многочисленнаго класса жителей дороги, т. е. превышаютъ доходъ потребителей... Пища и домашній бытъ земледѣльч. и сельскаго и даже иного городского ремесленника не подтверждаетъ сего?.. Одни жалуются, что хлѣба дѣвать некуда, а другіе — напротивъ что они не имѣютъ его въ достаточномъ количествѣ... Отъ лѣности и или неспособности сихъ людей происходитъ такая бѣдность, или от того, что произведенія ихъ работы, часть ихъ дохода отдается другимъ безъ полученія отъ нихъ соответствующихъ цѣнностей въ другихъ видахъ, и такимъ образомъ происходитъ у однихъ чрезмѣрное накопленіе и у другихъ недостатковъ“ (стр. 16). Это паденіе цѣнъ продуктовъ земледѣлія вызвало стремленіе дворянства устраивать у себя фабрики. „Повсемѣстный упадокъ цѣнъ на хлѣба и на всѣ безъ исключенія произведенія сельской промышленности, — говорится въ одномъ официальном представленіи въ мануфактурный совѣтъ, 24 авг. 1829 г., — заставило всѣ почти сословія народа обращаться на промышленность, руководящую искать занятія и способовъ жизни на станахъ мануфактурныхъ и пока дать истощенныя поля и неблагодарное орало“. (Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работникамъ. 24 авг. 1829 г. Арх. д-та т. и м.).

¹⁾ Haxthausen, I, 116.

²⁾ Бутовскій. „Опытъ о народномъ богатствѣ“. Спб. 1847 г., стр. 481

юдилось ему дорого, но всего болѣе подобныя заведенія тер-
шъ ущербъ отъ труда вялаго и неудовлетворительнаго“.

На обращеніе дворовыхъ въ фабричныхъ указываетъ и Ше-
товъ.

„Въ наше время, — говоритъ онъ, — наступила новая эпоха
гнѣщичьяго быта, а именно эпоха промышленная“. Онъ совѣ-
тъ обращать дворовыхъ въ фабричныхъ „съ безобидною пла-
то за трудъ“ и приводитъ примѣры дворянскихъ фабрикъ —
магопрядильной и ткацкой, основанныхъ одной помѣщицей, при
къ около 400 дворовыхъ были обращены въ фабричныя ¹⁾.

О крѣпостныхъ рабочихъ на вотчинныхъ фабрикахъ говорить
же Николай Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ „La Russie
les Russes“. По его словамъ, возвышеніе цѣнъ на армейское
вно вызвало распространеніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ сукон-
къ фабрикъ. „Въ послѣдніе годы появилось новое несчастіе для
днаго русскаго мужика — суконныя и другія фабрики... Помѣ-
шки помѣщали сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ
вѣшекъ и мужчинъ, въ жалкія лачуги и силой заставляли рабо-
тъ... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ
ихъ заведеніяхъ; они говорили: „въ этой деревнѣ есть фабрика“
съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: въ
той деревнѣ чума“ ²⁾.

Вполнѣ естественно, что, какъ общее правило, положеніе крѣ-
постныхъ рабочихъ на фабрикахъ было гораздо хуже, чѣмъ вольно-
земныхъ; крестьяне очень тяготились фабричной работой и вся-
чески старались отъ нея уклониться.

Интересна попытка улучшить положеніе крѣпостныхъ фабрич-
ныхъ рабочихъ, принадлежащая извѣстному московскому генераль-
убернатору 30-хъ годовъ, князю Голицыну. Въ началѣ 30-хъ го-
довъ крестьяне помѣщика Груздева въ Рузскомъ уѣздѣ отказались
работать на бумагопрядильной фабрикѣ своего владѣльца и подали
жалобу начальству на притѣсненія Груздева и въ особенности на
принужденіе ихъ работать на фабрикѣ, къ чему они, по ихъ сло-
вамъ, не привыкли. Кн. Голицынъ призналъ нужнымъ выработать
особыя правила, которыми должны были бы руководствоваться по-
мѣщики при учрежденіи въ своихъ имѣніяхъ фабрикъ. Проектъ
Голицына поступилъ на разсмотрѣніе м-въ финансовъ и внутрен-

¹⁾ Шелеховъ. „О дворовыхъ людяхъ“. „Библіотека для Чтенія“, 1842 г., т. 52.

²⁾ N. Tourgueneff, II, 143—44.

нихъ дѣль. Московскій губернскій предводитель дворянства, мнѣніе котораго было спрошено, заявилъ, что такъ какъ помѣщичьи имѣють право употреблять своихъ крѣпостныхъ на всякія работы то „явное и непосредственное прикосновеніе къ симъ правамъ и обязанностямъ можетъ обратиться къ тому, что выведетъ многихъ изъ границъ послушанія“.

Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ. Комитетъ призналъ неудобнымъ непосредственное вмѣшательство правительства въ отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ и остановился на слѣдующемъ (Высочайше утвержд. 23 декабря 1834 г.): „поручить губернскимъ предводителямъ дворянства, дабы они сами и чрезъ уѣздныхъ предводителей обращали особое и постоянное вниманіе на состояніе помѣщичьихъ людей и въ особенности крестьянъ употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ, наблюдая: 1) чтобы при учрежденіи новыхъ фабрикъ и заводовъ помѣщики, по возможности, избѣгали обращенія пахотныхъ крестьянъ, особенно изъ цѣлыми селеніями, къ фабричнымъ работамъ...; 2) чтобы на фабрикахъ и заводахъ наблюдать общее правило, не требовать работъ болѣе 3 дней въ недѣлю, или же чтобы работали брать на брать такъ, чтобы половину мѣсяца оставались всегда при своемъ собственномъ хозяйствѣ; тамъ же, гдѣ работающіе не имѣють своей земледѣлія, полагаема была, вмѣсто сего, соразмѣрная трудамъ за дѣльная плата; 3) чтобы помѣщики печлись о содержаніи и благосостояніи людей на ихъ фабрикахъ, не принуждая ихъ къ работамъ въ воскресные дни, двунадесятые и храмовые праздники 1).

Эти правила, имѣвшія необязательный характеръ, такъ какъ предводители дворянства должны были „внушать“ ихъ дворянамъ, а не требовать по нимъ исполненія, были единственнымъ законодательнымъ актомъ, направленнымъ къ регулированію отношеній помѣщиковъ къ рабочимъ на крѣпостныхъ фабрикахъ. Правительство не признавало возможнымъ ограничить власть помѣщика надъ его крѣпостными и потому совершенно воздерживалось отъ какаго бы то ни было вмѣшательства въ порядокъ работы на вотчинныхъ фабрикахъ.

Перейдемъ теперь къ другой группѣ фабрикъ, пользовавшихся также принудительнымъ трудомъ, именно къ посессионнымъ. Извѣстно, какъ образовался особый классъ посессионныхъ кре-

1) Дѣло о составленіи правилъ для фабрикъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, 19 іюля 1833 г. Арх. д-та т. и м.

янь ¹⁾. Указомъ Петра была разрѣшена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы прикупаемые крестьяне уже навсегда состояли при фабрикѣ или заводѣ, къ которымъ они были куплены. Кромѣ того, правительство само приписывало къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ. Эти посессионные крестьяне назывались приписными. Группа приписныхъ крестьянъ сложилась изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Во-первыхъ, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ нерѣдко прикрѣплялись по особымъ указамъ казенные крестьяне. Во-вторыхъ, правительство приписывало къ казеннымъ заводамъ солдатъ, бродягъ, преступниковъ и др., и когда эти заводы передавались частнымъ лицамъ (что нерѣдко имѣло мѣсто), то вмѣстѣ съ ними переходили къ частнымъ владѣльцамъ и прикрѣпленные рабочіе; въ-третьихъ, по указу 1736 года всѣ (кромѣ чернорабочихъ) рабочіе на фабрикахъ въ моментъ изданія указа были навсегда прикрѣплены къ фабрикамъ („вѣчно отданные мастерские“); въ-четвертыхъ, бродяги и нищіе иногда приписывались правительствомъ къ частнымъ фабрикамъ; въ-пятыхъ, люди разнаго званія когда добровольно приписывались къ фабрикамъ (были и такіе ²⁾). Изъ этихъ разнообразныхъ элементовъ (я перечислилъ только главнѣйшія группы) сложился классъ посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ. Можно думать, что значительная часть этихъ крестьянъ вѣроятно порывала связи съ земледѣліемъ. Къ сожалѣнію, общихъ данныхъ о числѣ фабричныхъ крестьянъ, безземельныхъ и имѣвшихъ собственныя надѣлы, не имѣется. При суконныхъ фабрикахъ по 6-й ревизіи числилось посессионныхъ крестьянъ съ землею 15.729, а безземельныхъ 2198 ³⁾. Мы знаемъ, что и на многихъ другихъ фабрикахъ (шелковыхъ, полотняныхъ, стеклянныхъ и пр.) посессионные мастерские нерѣдко земледѣліемъ не занимались, но все-таки, повидимому, въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне

¹⁾ См. объ этомъ В. Семеvскій. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.“ Отдѣлъ „Посессионные крестьяне“.

²⁾ См. Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ, 3 ноября 1810 г. Арх. д-та торг. и ман.).

³⁾ Дѣло о положеніи по предмету взиманія рекрутъ съ состоящихъ на фабрикахъ и заводахъ приписныхъ, апрѣля 30-го 1817 г. (Арх. д-та торг. и м.). Въ отчетѣ м-ра внутр. дѣлъ за 1803 г. безземельныхъ посессионныхъ крестьянъ при суконныхъ фабрикахъ показано больше—2459, а съ землею меньше—14. 189. (Эти данныя относятся къ 5-й ревизіи). Отчетъ м-ра внутр. дѣлъ за 1803 г. Спб. 1804 г. Табель о обязанныхъ суконныхъ фабрикахъ.

имѣли, хотя и небольшіе, надѣлы—по большей части приусадебные участки земли, огороды, луга, сѣнокосы, лѣса. Пахотные земли принадлежали имъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ.

Общее число посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ установить трудно. Въ 1797 г. сенатъ поручилъ мануфактуръ-коллегіи брать свѣдѣнія о посессионныхъ фабрикахъ. Эти свѣдѣнія собраны нѣсколько лѣтъ. Собираніе ихъ было закончено только въ 1807 г.; оказалось, что при 127 посессионныхъ фабрикахъ и водахъ (кромя горныхъ), которые доставили требуемыя свѣдѣнія, числилось по 5-й ревизіи 34.066 покушныхъ и приписныхъ крестьянъ м. п., а отъ 28 фабрикъ отзывовъ не было получено. Но, повидимому, въ дѣйствительности посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ было гораздо больше, такъ какъ въ официальныхъ „Вѣдомостяхъ о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 г. посессионныхъ рабочихъ показано 35.581 ²⁾; эта послѣдняя цифра не могла быть выше дѣйствительной, а только ниже, и хотя во многихъ фабрикахъ работали не одни мужчины, но и женщины все же слѣдуетъ думать, что посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ м. п. было много больше 35.000, такъ какъ далеко не все посессионные фабричные крестьяне работали на фабрикахъ ³⁾.

Что же такое были посессионные фабричные крестьяне? Чѣмъ отличались они отъ крѣпостныхъ?

Существенное отличіе заключалось въ слѣдующемъ. По терминологіи того времени, они были „крѣпки фабрикъ“, а не владѣльцы. Власть фабриканта надъ ними была ограничена, и правительство оставляло за собой право регулировать взаимныя отношенія владѣльца посессионной фабрики къ рабочимъ. Посессионная фабрика признавалась вмѣстѣ со всѣми находящимися на ней рабочими нераздѣльнымъ цѣлымъ; владѣлецъ не имѣлъ пра-

1) Дѣло о зависимыхъ отъ казны фабрикахъ (Арх. д-та т. и м.).

2) См. „Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 и 1814 гг. Спб.

3) Согласно елизаветинскому закону 1752 г., на шелковыхъ фабрикахъ только $\frac{1}{4}$ купленныхъ крестьянъ должна была работать на самой фабрикѣ, а $\frac{3}{4}$ заниматься полевыми работами, а на прочихъ фабрикахъ фабричную работу могла употребляться только $\frac{1}{3}$ крестьянъ; законъ этотъ не соблюдался, по все же число фабричныхъ крестьянъ, не работавшихъ на фабрикѣ, должно было быть значительнымъ. Сверхъ того, не нужно забывать, что на фабрикахъ не могли работать маленькія дѣти. Поэтому если число посессионныхъ рабочихъ на фабрикахъ превосходило 35 тысячъ, то общее число посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ м. п. должно было значительно превышать эту цифру.

раздроблять фабрику, продавать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики, или переводить ихъ на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Со времени учрежденія департамента мануфактуръ и внутренней торговли, никакіе имущественные акты на посессионныя фабрики не могли совершаться безъ утвержденія того департамента. Состоящихъ при фабрикахъ рабочихъ владѣлецъ имѣлъ право употреблять только на фабричныя работы, выдавая имъ „достаточную“ заработную плату; размѣръ этой платы, продолжительность рабочаго дня, высота уроковъ (при поштучной работѣ) могли быть устанавливаемы фабрикантомъ, но правительство признавало за рабочими право обжаловать постановленія фабриканта, и въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось правительственной властью, а именно министерствомъ финансовъ (съ 1819 г.,—до этого времени м-вомъ внутр. дѣлъ) по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, въ вѣдѣніи котораго были посессионныя фабрики. Правительство могло, по своему усмотрѣнію, устанавливать весь внутренній распорядокъ фабричныхъ работъ, опредѣлять всѣ отношенія рабочихъ къ владѣльцу.

За неисполненіе содержаниемъ посессионной фабрики его обязанностей (напр., въ случаѣ прекращенія фабричнаго производства) фабрика могла отбираться въ казну. Точно такъ же за притѣсненіе рабочихъ, за неправильное употребленіе ихъ—напр., вмѣсто фабричной работы, въ домашнія услуги—фабриканту грозило освобожденіе рабочихъ ¹⁾.

Съ другой стороны, и фабрикантъ имѣлъ разнообразныя средства заставить рабочихъ повиноваться себѣ. Достаточно сказать, что, помимо такъ назыв. „домашнихъ наказаній“, фабрикантъ могъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отправить непослушнаго рабочаго въ Сибирь, но только съ разрѣшенія высшаго правительственнаго органа, вѣдавшаго посессионныя фабрики.

Таково было, въ общихъ чертахъ, юридическое положеніе посессионныхъ крестьянъ. Какимъ же образомъ сложились, въ дѣйствительности, взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ на этихъ своеобразныхъ фабрикахъ, остаткъ XVIII вѣка, упорно держав-

¹⁾ Законъ 30 іюня 1803 г. II. С. З. XXVII, 20826. Если рабочіе были изъ числа казенныхъ мастеровыхъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ по указу 1736 г. съ уплатой денегъ, то при освобожденіи ихъ фабриканту уплачивалась такая же сумма денегъ; въ другихъ же случаяхъ рабочіе освобождались безъ всякаго вознагражденія.

шемся и въ XIX вѣкѣ, несмотря на полное несоотвѣтствіе хозяйственнымъ условіямъ новаго времени?

Болѣе всего посессионныхъ фабрикъ было въ Московской губерніи (почти $\frac{1}{4}$ всего числа), затѣмъ въ сосѣднихъ промышленныхъ губерніяхъ—Ярославской, Владимірской, Костромской, Калужской. По числу рабочихъ впереди стояли суконныя фабрики. Въ 1813 г. на нихъ числилось 14.679 посс. рабочихъ—немногимъ менѣе половины всѣхъ значащихся по спискамъ посессионныхъ фабричныхъ рабочихъ. Въ томъ же году на полотняныхъ фабрикахъ было 7522 посс. рабочихъ, на чугунныхъ, стальныхъ и желѣзныхъ заводахъ (кромѣ горныхъ)—6610, на писчебумажныхъ—2107, на шелковыхъ—1908 ¹⁾. Число посессионныхъ рабочихъ на стеклянныхъ и фарфоровыхъ заводахъ, ситцепечатныхъ, позументныхъ, минеральныхъ и др. фабрикахъ было не велико.

Нѣкоторыя посессионныя фабрики были огромныхъ размѣровъ. При Глушковской суконной фабрикѣ графини Потемкиной (въ Курской губерніи) состояло (по 5-й ревизіи) 9121 душ. м. п. На полотняной и писчебумажной фабрикахъ Яковлева въ Ярославлѣ (Большая Ярославская Мануфактура) работало въ началѣ этого вѣка 1625 мужч. и 2250 женщ., главнымъ образомъ, приписныхъ. На полотняной и писчебумажной фабрикахъ Гончарова (въ Медынскомъ уѣздѣ) работало 962 посессионныхъ фабричныхъ ²⁾. На суконной фабрикѣ Осокина было около 1000 рабочихъ.

Рабочій день на огромномъ большинствѣ поссесс. фабрикъ продолжался 12 часовъ. Менѣе продолжительный рабочій день мы встрѣчаемъ на 1 суконной фабрикѣ, 1 шелковой, 3 полотняныхъ, 5 писчебумажныхъ и 2 стеклянныхъ ³⁾.

¹⁾ „Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи“ за 1813 и 1814. Спб. 1816 г.

²⁾ „Дѣло о присылкѣ содержателями фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей, свѣдѣній о числѣ состоящихъ по 5-й ревизіи душъ“. 1803 г. (Арх. д-та т. и м.).

³⁾ А именно: на суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго близъ Москвы рабочій день зимой продолжался 11 часовъ, а лѣтомъ—отъ восхода до захода солнца; на шелковой фабрикѣ Дудышкина—9 часовъ; на полотняныхъ фабрикахъ: Крапивникова (Владимірской губ.)—8—12 часовъ, Тимирязевой (Калужской губ.)—9 ч., Грязнова (въ г. Кинешмѣ)—10 ч.; на бумажныхъ фабрикахъ: Туронтаевского (въ Вологодск. губ.)—лѣтомъ 10—12 ч., зимой—6 ч., Хлѣбникова (въ Красномъ Селѣ)—4—12 ч., Попова (въ г. Угличѣ)—10—12 ч., Панаева (въ Туринск. у.)—8—12 ч., Ртищевой (Калужск. губ.)—11 ч.; на стеклянныхъ заводахъ: Гусевскомъ (Владимірской губ.), Мальцевой—11—12 ч., на заводѣ Оомы Мальцева лѣтомъ—12 ч., зимой—10 ч.

Болѣе 12 часовъ рабочій день продолжался на 5 суконныхъ фабрикахъ, 7 полотняныхъ и 1 стеклянной ¹⁾.

Почти на всѣхъ фабрикахъ, доставившихъ требуемыя свѣдѣнія, рабочіе получали денежную плату; только на 3 суконныхъ фабрикахъ, 7 полотняныхъ, 1 бумажной, 1 кожевенномъ и 1 минеральномъ заводѣ рабочіе не получали денежной платы ²⁾. Фабрики послѣдняго рода были или небольшія, или же на нихъ работа производилась „братъ на брата“, т.-е. крестьяне полгода работали на владѣльца, полгода на себя. На другихъ фабрикахъ плата производилась рабочимъ и въ томъ случаѣ, когда они работали только

1) Суконныя фабрики: Калинина въ Москвѣ—14 ч., Кознова—15 ч., Кузнецова (Рязанск. губ.)—зимой 17 ч. съ перерывами, лѣтомъ 19 ч. съ перерывами, Окулова (Рязанск. губ.) 14 ч., Толубѣевой (Орловской губ.)—13 ч.; полотняныя: Ашастина (Костр. губ.)—съ утра до 10 часовъ вечера, Стригалева (Костр. губ.)—18 ч. съ перерывами, Лугинина (Тульск. губ.)—14 ч., Щепочкина (Калужск. губ.)—6—15 ч., ткачи 14—15 ч., Таланова (Костр. губ.)—14 ч., Свѣтзарова (Тверск. губ.) 13—14 ч., Большая Ярославская мануфактура—10—14 ч., стеклянный заводъ Баташова (Касимовскаго у.)—15 ч. и болѣе.

2) Суконныя фабрики: Перемышлева (17 м. п. поссессіонн.) Рязан. губ.—„полденной имъ денежной платы или жалованья не производится, а содержатся на моемъ пропитаніи, платьѣ и обуви“; Окулова, Рязанск. губ. (55 поссессіонныхъ—или крѣпостныхъ?)—„за работу имъ платы болѣе никакой не производится, какъ дается на каждую мужск. и ж. пола душу довольно положенная земля, мужскимъ по 1½ дес., женскимъ по 1 десятинѣ въ одномъ полѣ. Работаютъ они въ недѣлю 3 дня на означенной фабрикѣ, а 3 дня на себя въ своихъ домахъ“; кн. Барятинскаго въ Рязанской губ. (802 м. п. поссессіонныхъ—или крѣпостныхъ?)—„за работу жалованья никому не производится, потому что крестьяне употребляютъ въ фабричной работѣ братъ на брата, т.-е. одна половина при фабрикѣ, а другая въ домѣ“; полотняныя фабрики: В. и Н. Стригалевыхъ, Костр. губ. (7 м. п. посс.)—рабочіе на полномъ содержаніи владѣльца; Самбурова (17 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; В. Стигалева, Костр. губ. (39 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; Масловыхъ, Тульск. губ. (512 м. п. посс.)—„купленнымъ нами крестьянамъ никакой платы не производится и работаетъ изъ количества годныхъ половина“; Большаковыхъ въ г. Боровскѣ (16 м. п. посс.)—на содержаніи владѣльца; Свѣтзарова, Тверск. губ. (70 м. п. посс.)—„своимъ крѣпостнымъ, какъ мужск., такъ и женск. пола, особеннаго платежа не производится, поелику они, находясь жителствомъ при домѣ моемъ, какъ пропитаніе, такъ и обувь и одежду имѣютъ отъ меня собственно“. Также на полномъ содержаніи владѣльца рабочіе состояли на полотняной фабрикѣ Сѣрикова въ г. Тулѣ (6 м. п. посс.), на бумажной фабрикѣ Большакова, Боровск. у. (10 м. п.), кожевенномъ заводѣ Кожевникова Костр. губ. (10 м. п.), минеральномъ заводѣ Свѣшникова въ г. Ярославлѣ (10 м. п.).

полгода на владѣльца,—такой порядокъ практиковался на 3 суконныхъ фабрикахъ и 5 полотняныхъ. Но обыкновенно работа на фабрикахъ шла круглый годъ, за исключеніемъ праздниковъ и воскресныхъ дней (работали около 260 дней въ году), и только на немногихъ фабрикахъ рабочіе увольнялись на 1 или 2 лѣтнихъ мѣсяца для полевыхъ работъ.

Ночная работа, какъ общее правило, не практиковалась на посессионныхъ фабрикахъ. Женщины, въ большинствѣ случаевъ, принимали участіе въ фабричной работѣ точно такъ же, какъ и малолѣтніе. Только на писчебумажныхъ и стеклянныхъ фабрикахъ работали преимущественно взрослые мужчины.

Повидимому, рабочіе по большей части имѣли свои собственные дома съ огородами и сѣнокосами (если фабрика была не въ городѣ). Иногда они жили при фабрикахъ въ помѣщеніи владѣльца, или же нанимали квартиры на сторонѣ (на городскихъ фабрикахъ).

Какъ я сказалъ, посессионные рабочіе были прикрѣплены къ фабрикѣ, но не были крѣпостными фабриканта. Правительство сохраняло за собой право регулировать весь фабричный распорядокъ и всѣ частности отношеній хозяевамъ къ рабочимъ. Высота заработной платы, продолжительность рабочаго дня, размѣръ уроковъ, условія фабричной работы и многое другое подлежало контролю правительственной власти. Правда, фактически этотъ контроль осуществлялся очень не полно, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ правительство совершенно не вмѣшивалось въ отношенія фабрикантовъ къ посессионнымъ рабочимъ и даже не знало точнаго числа посессионныхъ фабрикъ; но все же, юридически, посессионный рабочій не былъ такимъ безправнымъ существомъ, какъ крѣпостной; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе посессионнаго рабочаго представляло извѣстныя выгоды (правда, болѣе номинальнаго свойства) даже передъ положеніемъ вольнонаемнаго.

Вольнонаемный рабочій предоставленъ только самому себѣ, его положеніе на фабрикѣ опредѣляется экономическими силами, устанавливающими цѣну рабочихъ рукъ, какъ и всякаго другого товара, игрой спроса и предложенія. Расширяется производство—спросъ на рабочія руки растетъ, заработная плата повышается, и рабочему на фабрикѣ живется легче; наступаетъ затишье въ сбытѣ товаровъ—производство сокращается, и рабочій выбрасывается изъ фабрики на улицу. Посессионному рабочему ничего подобнаго не грозило. Каково бы ни было состояніе рынка, онъ получалъ одинъ и тотъ же заработокъ на фабрикѣ. Фабрикантъ

тъ, разумѣется, сокращать производство, но онъ обязанъ былъ вать занятіе своимъ рабочимъ и выплачивать имъ заработную плату, хотя бы, по состоянію рынка, ему выгоднѣе было распустить рабочихъ. Высота заработной платы не опредѣлялась условіями рабочаго рынка; правительство признавало за рабочими право требовать отъ фабриканта такой заработной платы, которая обеспечивала бы ихъ существованіе.

Нечего и говорить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти „права“ были мертвой буквой; мы видѣли, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ (преимущественно небольшихъ) рабочіе со-бъ не получали денежной платы. Но зато на крупныхъ фабрикахъ рабочіе иногда съ успѣхомъ отстаивали свои интересы.

Я старался показать во введеніи, что возникновеніе поссессионныхъ фабрикъ въ прошломъ вѣкѣ отнюдь не было дѣломъ случая или ошибочной политики правительства Петра и его ближайшихъ преемниковъ. Въ петровской Россіи фабричная промышленность югла основаться только на принудительномъ трудѣ, а такъ какъ оподствуюющій классъ—дворянство—очень ревниво оберегало свои прерогативы, то результатомъ компромисса между необходимостью принудительнаго труда и невозможностью распространения на фабрикантовъ изъ купечества права владѣнія крѣпостными явился юбовый социальный институтъ—прикрѣпленіе крестьянъ къ фабрикѣ или заводу. Уже въ концѣ прошлаго вѣка положеніе измѣнилось. Число фабрикантовъ-недворянъ сильно увеличилось. Фабриканты - дворяне не нуждались въ поссессионныхъ рабочихъ для обезпеченія своихъ фабрикъ принудительнымъ трудомъ. Съ другой стороны, фабриканты изъ купцовъ были мало заинтересованы въ сохраненіи за собой права покупки крестьянъ, ибо, благодаря увеличенію числа вольнонаемныхъ рабочихъ, явилась возможность нанимать рабочихъ, а трудъ вольнонаемнаго рабочаго былъ гораздо производительнѣе работы изъ-подъ палки. Поэтому поссессионная фабрика, бывшая раньше естественной и необходимой формой крупнаго фабричнаго производства, въ XIX вѣкѣ стала пережиткомъ прошлаго, потерявшимъ *raison d'être*. Изъ стимула промышленнаго развитія она сдѣлалась тормозомъ его.

Въ первые годы царствованія Александра I отношенія правительства къ поссессионнымъ фабрикамъ еще не установились. Слѣдую екатерининскимъ традиціямъ, правительство въ 1802 г. существенно ограничиваетъ право покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, но не рѣшается совершенно его отмѣнить. Въ 1808 г.

издаются новыя правила покупки крестьянъ купцами и разночниками къ суконнымъ фабрикамъ. Какъ я говорилъ выше, самое существенное въ этихъ правилахъ было то, что покупаемые крестьяне прикрѣплялись къ фабрикѣ не навсегда, а только на опредѣленный срокъ (не болѣе, какъ на 20 лѣтъ), а затѣмъ становились вольными ¹⁾. Въ слѣдующемъ году эти правила были распространены и на другія фабрики. Но такъ какъ на такихъ условияхъ никто не изъявлялъ желанія покупать крестьянъ, то въ 1811 г. министръ внутреннихъ дѣлъ (въ вѣдѣніи котораго былъ фабрики и мануфактуры) представилъ въ государственный совѣтъ новый проектъ „Положенія, на основаніи коего лица, дворянскаго достоинства не имѣющія, могутъ къ суконнымъ фабрикамъ приобрѣтать деревни“.

Въ объяснительной запискѣ къ этому проекту министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ говоритъ, что фабрики, имѣющія вольнонаемныхъ рабочихъ, не могутъ выдержать конкуренціи дворянскихъ вотчинныхъ фабрикъ и „должны упасть непременно“. Въ виду этого, онъ считаетъ необходимымъ дозволить и недворянамъ приобрѣтать навсегда крестьянъ къ суконнымъ фабрикамъ какъ особенно важнымъ для государства. Проектъ Козодавлева интересенъ тѣмъ, что въ немъ видна попытка точнѣе опредѣлить закономъ взаимныя отношенія фабрикантовъ и посессионныхъ рабочихъ. Работа на фабрикахъ по буднямъ должна продолжаться 12 часовъ въ сутки, кромѣ субботы, когда фабричныя работаютъ только 6 часовъ. Въ воскресные и праздничные дни работа прекращается. Жены и дѣти фабричныхъ не могутъ быть принуждаемы къ работамъ. Фабричныя должны получать такую же плату, какъ и вольнонаемныя рабочіе на окрестныхъ фабрикахъ. Только $\frac{1}{3}$ фабричныхъ крестьянъ должна находиться въ фабричной работѣ, а остальные—заниматься земледѣліемъ ²⁾.

Этотъ проектъ не былъ утвержденъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1816 году) покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ была совершенно запрещена. Такъ какъ приписка казенныхъ крестьянъ къ фабрикамъ частныхъ владѣльцевъ перестала практиковаться

¹⁾ П. С. З. I, XXX, 23132.

²⁾ Дѣло по письму министра внутреннихъ дѣлъ государственному секретарю о проектѣ положенія касательно приобрѣтенія недворянами къ суконнымъ фабрикамъ деревень, 21 янв. 1811 г. (Арх. д-та т. и м.). Извлечения изъ этого проекта напечатаны въ книгѣ Ниссоловича „Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской имперіи“, II, 78.

же ранѣе, то съ этого времени, слѣдовательно, число поссессионныхъ фабричныхъ рабочихъ могло увеличиваться только путемъ естественнаго размноженія.

Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, отношенія между сожителями поссессионныхъ фабрикъ и ихъ рабочими были далеко не дружелюбны. Постоянныя жалобы поссессионныхъ фабричныхъ настоятельно требовали какихъ-либо мѣръ къ улучшенію положенія. Пока фабрики находились въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ (до 1819 г.), правительственная политика по отношенію къ поссессионнымъ фабричнымъ характеризовалась стремленіемъ установить ясныя и опредѣленныя права, регулирующія возможно полнѣе весь строй фабричной жизни и всѣ отношенія фабриканта къ рабочимъ. Съ этой цѣлью въ некоторыхъ болѣе крупныхъ поссессионныхъ фабрикахъ были введены особыя „Положенія“, о которыхъ мнѣ еще придется говорить въ слѣдующей главѣ.

Первое изъ такихъ „Положеній“ въ этомъ вѣкѣ — Положеніе Главинской шелковой фабрики—было Высочайше утверждено 1 декабря 1803 г. при передачѣ фабрики, принадлежавшей раньше казнѣ, князю Юсупову. Положеніе устанавливаетъ размѣръ заработной платы, при чемъ плата должна была быть увеличена черезъ каждыя 10 лѣтъ, соответственно повышенію цѣны на лѣсъ и другихъ предметовъ продовольствія рабочихъ. Фабричная работа должна была продолжаться 12 часовъ въ сутки. Содержатель фабрики не имѣлъ права сокращать или приостанавливать производство, и если рабочіе по его винѣ оставались безъ работы, то онъ долженъ былъ платить имъ по опредѣленному расчету за каждый прогульный день. Малолѣтнимъ, а также больнымъ и престарѣлымъ рабочимъ, неспособнымъ къ работѣ, содержатель обязывался производить „пристойное богадѣльное содержаніе“ ¹⁾.

Я только что говорилъ о проектѣ Козодавлева 1811 г., не принятомъ государственнымъ совѣтомъ. Этотъ проектъ долженъ былъ регулировать отношенія содержателей фабрикъ къ рабочимъ на всѣхъ вновь учреждаемыхъ поссессионныхъ суконныхъ фабрикахъ, но, какъ сказано, проектъ не получилъ силы закона. Тѣмъ не менѣе, министерство внутреннихъ дѣлъ продолжало держаться въ взглядѣ, что государственное регулированіе положенія рабочихъ на поссессионныхъ фабрикахъ является лучшимъ средствомъ пред-

¹⁾ П. С. З. XXV^{II}, 21076.

отвратить неудовольствія и волненія рабочихъ. Въ 1818 г. департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли представилъ обширный докладъ по этому вопросу министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву. Департаментъ докладывалъ, „что неудовольствіе фабричныхъ людей на содержателей фабрикъ существуетъ на многихъ посессионныхъ фабрикахъ“, указывая при этомъ на жалобы рабочихъ Кознова, Лазарева, Яковлева и Осокина. „Всѣ сіи и многія другія, симъ подобныя дѣла по министерству внутреннихъ дѣлъ, — заключалъ департаментъ, — главнѣйше получили начало свое отъ того, что со стороны правительства понынѣ еще не сдѣлано никакого положительнаго постановленія, какъ въ разсужденіи взаимныхъ отношеній и обязанностей владѣльцевъ посессионныхъ фабрикъ мастеровыхъ, такъ и насчетъ производимой задѣльной платы. Понынѣ назначеніе задѣльной платы зависитъ отъ произвола хозяина фабрики, который, не бывъ обязанъ давать по сему предмету отчетъ правительству, естественно дѣйствуетъ болѣе въ свою пользу... Сіе дѣлаетъ мастеровыхъ къ работѣ небрежными, штрафы и наказанія, за то на нихъ возлагаемые, приводятъ ихъ въ необходимость вопіять о таковой несправедливости передъ правительствомъ..., почему и настоятъ крайняя и необходимая нужда въ сочиненіи для всѣхъ посессионныхъ фабрикъ общаго Положенія..., и чѣмъ скорѣе намѣреніе таковое будетъ приведено въ исполненіе, тѣмъ скорѣе будутъ пресѣчены существующіе на фабрикахъ раздоры“.

Козодавлевъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ департамента и 4 мая того же года представилъ комитету министровъ о необходимости командировать для этой цѣли на различныя посессионныя фабрики начальника отдѣленія департамента мануфактуръ и внутренней торговли Бурнашева. Въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ буквально повторяются цитированныя соображенія департамента, и изданіе Положенія для всѣхъ посессионныхъ фабрикъ признается единственнымъ средствомъ предупредить неудовольствіе рабочихъ ¹⁾).

Бурнашевъ объѣхалъ фабрики Яковлевыхъ, Осокина и Лазарева и составилъ для нихъ Положенія. Всѣ 3 Положенія, имѣвшія обязательную силу какъ для фабриканта, такъ и для рабочихъ, точно опредѣляли заработную плату за каждый родъ труда;

¹⁾ Дѣло о порученіи коллежскому совѣтнику Бурнашеву собрать свѣдѣнія на посессионныхъ фабрикахъ Лазарева, Кознова, Яковлева, Осокина и другихъ. Апрѣля 30-го 1818 г. (Арх. д-та т. и м.).

та не подлежала пониженію въ теченіе 5 лѣтъ, по прошеніи же этого времени должна была вновь устанавливаться мѣтерствомъ внутреннихъ дѣлъ, примѣнительно къ новымъ цѣнѣмъ предметовъ потребленія рабочаго. Расцѣнка труда была заимована изъ ранѣ существовавшихъ платъ на каждой фабриктѣ, но общемъ была нѣсколько повышена; престарѣлымъ и малолѣтнѣмъ было опредѣлено содержаніе хлѣбомъ и деньгами. Продолжительность рабочаго дня на 3 фабрикахъ установлена различная: на славской мануфактурѣ—14 часовъ, а у Осокина и Лазарева—12 човъ. Число праздничныхъ дней на всѣхъ фабрикахъ опредѣлено наковое—100 дней въ году; за прогульные дни по винѣ фабрианта рабочіе получали такую же плату, какъ и за рабочіе дни. Ярославское Положеніе, кромѣ того, требуетъ содержанія при фабриктѣ больницы и доктора. По Положенію Фрянновской фабрики Ларева, изъ среды рабочихъ выбираются особые старосты, для взора за правильностью расчетовъ съ фабричными (см. ниже, г. 154). Положеніе фабрики Осокина опредѣляло штрафы за дурное качество работы и за неявку къ работѣ. Всѣ 3 Положенія были утверждены сенатомъ.

Подобныя Положенія министерство внутреннихъ дѣлъ предполагало мало-по-малу ввести и на другихъ фабрикахъ. Но въ 19 г. департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, завѣдавшій фабриками, былъ переданъ въ министерство финансовъ, которое держалось совершенно иныхъ взглядовъ на задачи фабричного законодательства.

Въ 1823 г. безпорядки на шелковой поссессіонной фабриктѣ Краульникова побудили ярославскаго губернатора составить для этой фабрики Положеніе. Но министерство финансовъ не признало это жнымъ и не утвердило Положенія¹⁾. Въ 1826 г., по поводу истенія срока дѣйствія Положенія фабрики Осокина относительно заработной платы (заработная плата, какъ выше указано, подлежала пемсмотру черезъ каждыя 5 лѣтъ), департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли въ докладѣ министру финансовъ Канкрину высказался вообще относительно полезности такихъ Положеній. Со времени 18 г. взгляды департамента діаметрально измѣнились. По словмъ доклада (декабрь 1826 г.), Положенія введены правительствомъ „на нѣкоторыхъ только многолюдныхъ поссессіонныхъ фаб-

¹⁾ См. Дѣло по отношенію ярославскаго гражданскаго губернатора о ставленіи Положенія для шелковой фабрики купца Красильникова, марта 1823 г. (Арх. д-та т. и м.).

рикахъ потому единственно, что не было другихъ средствъ и кратить взаимныя претензіи держателей на крестьянъ фабричныхъ и сихъ послѣднихъ на держателей... Но дробность предметовъ, входящихъ въ составъ Положеній, и непостоянство цѣн на сѣбственные припасы дѣлають означенныя Положенія непроджительными; назначаемая по онимъ задѣльная плата либо превышаетъ настоящую цѣну, какую бы держатель долженъ дать за издѣлія, либо для мастеровыхъ дѣлается недостаточной... Сими невыгодамъ нельзя не присовокупить и того, что такое Положеніе, предписывая держателямъ посессионныхъ фабрикъ правила управленія мастеровыми, даютъ поводъ симъ послѣднимъ считать себя независимыми, такъ что владѣлецъ въ каждомъ пріятіи своемъ встрѣчаетъ упорство въ крестьянахъ". Въ частности, о Положеніи фабрики Осокина департаментъ высказалъ еще рѣзче: „Положеніе сіе не только не полезно, но даже вредно для мануфактуры, ибо чрезъ оное дается фабричнымъ поводъ думать, что, кромѣ изложеннаго въ Положеніи, никакимъ юридическимъ содѣйствіемъ не обязаны они фабриканту, отчего власть фабриканта теряетъ въ ихъ глазахъ всякій вѣсъ... Всѣ выгоды его сторонѣ фабричныхъ, фабриканту же остаются одни убытки“¹

Въ виду этого, департаментъ рѣшительно высказался противъ возобновленія Положенія для фабрики Осокина и полагалъ совѣшенно его отмѣнить, „какъ распоряженіе, оказавшееся на опытъ несообразнымъ цѣли и намѣреніямъ правительства, и предоставивъ Осокину распоряжаться на фабрикѣ своей на томъ основаніи какое было прежде введенія сего Положенія“.

Докладъ департамента былъ внесенъ на разсмотрѣніе совѣта министра финансовъ; совѣтъ хотя и согласился съ мнѣніемъ департамента, что „Положеніе не только не способствуетъ благосостоянію фабрики Осокина, но даже и препятствуетъ оному тѣмъ не менѣе не счелъ удобнымъ отмѣнить его, такъ какъ „Положеніе сіе существуетъ 5 лѣтъ, фабричные къ нему привыкли и измѣненіе его можетъ, по извѣстной буйности фабричныхъ Осокина, послужить къ вящимъ безпорядкамъ“.

Съ мнѣніемъ совѣта согласился и Канкринъ; для фабрики Осокина было выработано и утверждено въ 1834 г. новое Положеніе съ сокращеніемъ заработной платы; но такъ какъ по новому Поло-

¹) Дѣло о Положеніи Казанской суконной фабрики прапорщика Осокина, часть 3 (Арх. д-та т. и м.).

ню рабочіе должны были получать плату ассигнаціями безъ выкупа, то фактически ихъ заработокъ остался прежнимъ. Выше указано, что по Положеніямъ фабрикъ Яковлевыхъ и Лавина заработная плата должна была пересматриваться черезъ каждыя 5 лѣтъ, а по Положенію Купавинской фабрики—черезъ каждыя 10 лѣтъ. Но такъ какъ министерство финансовъ не раздѣляло взглядовъ министерства внутреннихъ дѣлъ на полезность такихъ Положеній, то и правило о періодическомъ пересмотрѣ заработной платы фактически не соблюдалось, и всѣ три названныя фабрики такъ и не получили новыхъ Положеній, хотя вопросъ объ ихъ составленіи возбуждался неоднократно. Волненія рабочихъ на Купавинской и Фряновской фабрикахъ въ 30-хъ годахъ побудили Голицына назначить особую комиссію для выработки новыхъ Положеній для этихъ фабрикъ, но Канкринъ не утвердилъ ихъ. Еще раньше, въ 1824 г., былъ составленъ проектъ новаго Положенія и на Ярославской мануфактурѣ (подъ вліяніемъ всеподданнѣйшей жалобы рабочихъ), но не получилъ утвержденія министра финансовъ. Въ царствованіе Николая I убѣжденіе въ неприспособленности посессионныхъ фабрикъ къ новымъ условіямъ промышленности быстро распространилось въ правительственныхъ сферахъ. Еще въ 1804 г. Шторхъ замѣтилъ, что „при самомъ поверхностномъ взглядѣ бросается въ глаза, какъ мало соотвѣтствуютъ такія фабрики требованіямъ промышленности“¹⁾. Но пока промышленность еще развивалась слабо, несостоятельность посессионныхъ фабрикъ была не настолько очевидна.

Однимъ изъ условій посессионнаго владѣнія фабрикой было, какъ извѣстно, лишеніе владѣльца фабрики права сокращать или измѣнять, по своему усмотрѣнію, родъ производства. Это требованіе не было особенно стѣснительно для фабриканта въ XVIII-мъ вѣкѣ, пока промышленность удовлетворяла изъ года въ годъ одному и тому же постоянному и неизмѣнному спросу. Но, когда съ начала XIX вѣка въ Россіи стали возникать новыя отрасли производства—напр., хлопчатобумажная,—вытѣснявшія старинныя производства; когда стали измѣнять сортъ и качество продуктовъ, изготовляемыхъ на фабрикахъ (напр., выдѣлывать на фабрикахъ тонкія сукна, а не только толстыя солдатскія, какъ прежде); когда техника производства стала прогрессировать (вводились новыя машины) и пр.,—тогда посессионное владѣніе фабрикой стало крайне неудобнымъ

¹⁾ Н. Storch. „Russland unter Alexander dem Ersten“. V Band. 1804. Manufactur und Fabrikindustrie. Стр. 61.

для фабриканта. Фабрикантъ долженъ былъ изготовлять въ одинъ и томъ же количествѣ изъ года въ годъ одни и тѣ же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались рынкомъ, онъ обязанъ былъ давать разъ навсегда опредѣленную работу своимъ рабочимъ и оплачивать ее, каковъ бы ни былъ сбытъ его товаровъ; онъ не могъ ввести новыхъ машинъ, какъ бы онѣ ни были выгодны, такъ какъ не въ его власти было сократить число рабочихъ ручныхъ на фабрикѣ, а рабочіе, кромѣ того, не обязаны были обучаться новымъ приемамъ работы. На это жаловался, напр., въ 1833 г. фабрикантъ Осокинъ чиновнику министерства финансовъ, командированному для разбора его споровъ съ рабочими; по словамъ Осокина введеніе прядильныхъ и трещальныхъ машинъ, употреблявшихся въ то время на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлось 33 машины, готовыхъ къ употребленію, онъ можетъ пускать ихъ въ дѣйствіе не болѣе 7, такъ какъ, если бы употреблялись для работы большее число машинъ, то многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю ¹⁾.

Поэтому интересы самихъ фабрикантовъ требовали преобразования устарѣвшаго соціального института посессионныхъ фабрикъ. Не рѣшаясь приступить къ коренной реформѣ посессионныхъ отношений, правительство шагъ за шагомъ измѣняло этотъ институтъ и приспособляло его къ новымъ условіямъ производства. Многимъ фабрикамъ правительство разрѣшило оставить прежнее производство и перейти къ новому ²⁾. Но для такой перемены

¹⁾ Дѣло о Положеніи Казанской суконной фабрики Осокина. Часъ 3-й. Рапортъ чиновника Афросимова м-ру финансовъ въ 1833 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Такъ, напр., въ 1814 г. надворной совѣтницѣ Бѣлавиной было разрѣшено обратить шелковую посессионную фабрику въ полотняную; въ 1816 г. купцу Кирыкову позволено обратить ситцевую фабрику въ шелковую, въ 1819 г. графу Потемкину разрѣшено купить Фрянковскую шелковую фабрику, съ обращеніемъ на ней половины становъ на суконное производство (эта покупка не состоялась), а кн. Юсупову разрѣшено то же самое для Купавинской фабрики; въ 1826 г. купцу Куманину разрѣшено часть становъ на своей полотняной фабрикѣ обратить на бумажное ткачество и сукнодѣліе. См. Дѣло по письму кн. Юсупова о дозволеніи ему обратить половинное число становъ Купавинской шелковой фабрики его на сукнодѣліе. 25 іюля 1818 г.; Дѣло о дозволеніи коммерціи совѣтнику Куманину учредить отдѣлку разныхъ суконъ и бумажныхъ матерій при полотняной фабрикѣ. 12 іюля 1818 г. (Арх. д-та т. и м.).

производства требовалось каждый разъ особое разрѣшеніе правительства, причѣмъ дѣло рѣшалось комитетомъ министровъ и тяглось очень долго. Болѣе важное значеніе имѣлъ законъ 20 дек. 1824 г., который существенно измѣнилъ характеръ прикрѣпленія крестьянъ къ фабрикѣ. Этими закономъ было разрѣшено увольненіе фабричныхъ крестьянъ въ другія званія, въ случаѣ просьбы въ этомъ фабриканта, но только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и особаго разрѣшенія комитета министровъ ¹⁾. Законъ этотъ былъ вызванъ просьбами нѣкоторыхъ посессионныхъ фабрикантовъ дать свободу ихъ рабочимъ. Очевидно, право на принудительный трудъ перестало имѣть въ глазахъ фабрикантовъ такую цѣнность, какъ прежде.

Значеніе закона 1824 г. заключалось въ томъ, что со времени изданія фабричные крестьяне перестали быть нераздѣльнымъ членомъ съ фабрикой. Въ 1831 г. м-ру финансовъ предоставлено было входить въ сенатъ съ представленіями объ увольненіи посессионныхъ фабричныхъ для записки въ купечество или мѣщанство ²⁾. Наконецъ, въ 1835 г. владѣльцамъ посессионныхъ фабрикъ было дано очень важное право отпускать по паспортамъ своихъ посессионныхъ крестьянъ и мастеровыхъ. При этомъ должны были соблюдать слѣдующія условія: 1) чтобы отъ такого увольненія не уменьшались дѣйствія фабрики; 2) чтобы оброкъ съ уходящихъ фабричныхъ поступалъ не въ пользу владѣльца, но въ пользу общественныхъ мірскихъ доходовъ, о которыхъ 3) владѣлецъ долженъ давать отчеты мѣстному начальству въ случаѣ жалобы фабричныхъ ³⁾.

Законъ 1835 г. былъ изданъ вслѣдствіе прошеній нѣсколькихъ фабрикантовъ о разрѣшеніи имъ распустить по паспортамъ рабочихъ. Это неоднократно разрѣшалось и раньше, но только по особымъ указамъ сената ⁴⁾. Такъ какъ отпускаемые рабочіе не

¹⁾ П. С. З. XXXIX, 30166.—²⁾ То же, II изд., т. VI, 4687.—³⁾ То же, II изд., т. X, 7816.

⁴⁾ Такъ, напр., въ 1823 г. Лазаревъ обратился съ просьбой къ министру финансовъ о разрѣшеніи ему распустить рабочихъ по паспортамъ безъ оброка, въ виду убыточности шелкового производства. Просьба Лазарева была удовлетворена сенатомъ. См. Дѣло по прошенію коллежскаго советника Ив. Лазарева о дозволеніи распустить по паспортамъ мастеровыхъ Фряновской шелковой фабрики, 27 янв. 1823 г. Арх. д-та т. и м. Въ другихъ случаяхъ рабочіе увольнялись съ платежемъ оброка безъ всякаго разрѣшенія начальства. Такъ, напр., рабочіе полотняной и бумажныхъ фабрикъ Церевитиновыхъ (въ Медынскомъ у., Калужск. губ.) въ концѣ 20-хъ годовъ, отпускались владѣльцемъ съ платежемъ оброка

платили никакого оброка содержателю фабрики, то удаление их съ фабрики доказывало полнѣйшую ненужность ихъ для фабричныхъ работъ. Очевидно, право пользоваться принудительнымъ трудомъ уже сдѣлалось къ этому времени для посессионнаго владѣльца тяжелой обязанностью давать содержаніе обязаннымъ рабочимъ и владѣльцы предпочитали отказываться отъ этого права вмѣстѣ съ сопутствующими ему обязательствами.

Хотя законъ 1835 г. и разрѣшалъ владѣльцу посессионной фабрики отпускать по паспортамъ ненужныхъ ему рабочихъ, и лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы производство фабрики не былъ сокращаемо. Законъ этотъ нисколько не измѣнялъ взаимныхъ отношеній владѣльца къ его посессионнымъ рабочимъ, остающимся на фабрикѣ. Между тѣмъ, въ 30-хъ годахъ вольнонаемный трудъ сталъ быстро распространяться на фабрикахъ, и фабриканты не замедлили убѣдиться, что свободныя отношенія не только заманчивы для работника, но выгодны и для хозяина. На большинствѣ посессионныхъ фабрикъ работали не только посессионные, но и вольнонаемные рабочіе. Заработная плата посессионныхъ рабочихъ была, какъ общее правило, значительно ниже, чѣмъ вольнонаемныхъ, но зато и трудъ ихъ былъ менѣ производителенъ ¹⁾. Между тѣмъ, какъ будетъ указано ниже, однимъ изъ важныхъ поводовъ къ волненіямъ посессионныхъ рабочихъ было требованіе, чтобы имъ выдавали плату одинаковую съ вольнонаемными. И хотя эти волненія, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли успѣха, тѣмъ не менѣ они причиняли большіе убытки хозяевамъ и крайне затрудняли фабричное производство. Хозяинъ посессионной фабрики видѣлъ постоянную враждебность своихъ рабочихъ, которыхъ онъ не могъ уволить,—враждебность, при первомъ удобномъ случаѣ приводящую къ открытому сопротивленію и буйству. Поэтому-то *право поль-*

отъ 5 до 50 р. См. Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ людей Шанскихъ фабрикъ купцовъ Церевитиновыхъ на своихъ содержателей. 20 апр. 1822 г. Часть 3-я. Арх. д-та т. и м.

¹⁾ Такъ, напр., на Купавинской фабрикѣ вольные ткачи вырабатывали въ мѣсяцъ около 3 половинокъ „масловыхъ“ суконъ и около 7 половинокъ „мизерицкихъ“ и русскихъ суконъ; посессионные же ткачи на той же фабрикѣ вырабатывали „масловыхъ“ только 2 половинки, а „мизерицкихъ“ и русскихъ 4, рѣдко 5 половинокъ въ мѣсяцъ. Естественно, что и заработокъ вольныхъ ткачей былъ гораздо выше, чѣмъ посессионныхъ, хотя задѣльную плату они получали одинаковую. См. Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ кн. Юсупова о взятіи его фабрики въ казну. Часть 2-я. (Арх. д-та т. и м.).

ванія принудительнымъ трудомъ обратилось для хозяевъ въ стоящее *бремя*, отъ котораго они искали средствъ избавиться.

Въ концѣ 30-хъ годовъ въ министерство финансовъ начинаютъ поступать жалобы многихъ владѣльцевъ поссессионныхъ фабрикъ (особенно изъ Московской губерніи, гдѣ промышленность была болѣе развита) на стѣснительность условій поссессионнаго владѣнія. Къ этому времени и въ правительственныхъ сферахъ окончательно укрѣпилась мысль о необходимости такъ или иначе ликвидировать поссессионное фабричное владѣніе. Въ 1839 г. Канкринъ пошелъ въ государственный совѣтъ съ проектомъ правилъ постепенной ликвидаціи поссессионнаго владѣнія фабриками. Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, нашелъ, что „установленныя закономъ правила о поссессионныхъ заведеніяхъ не отвѣтствуютъ настоящему положенію мануфактурной промышленности и сопряжены съ различными неудобствами, изъ коихъ главнѣйшія: 1) обязанность не уменьшать дѣйствія фабрики и не мѣнять рода издѣлій; 2) воспрещеніе переводить поссессионныхъ крестьянъ на другую фабрику; 3) ограниченіе занятій однѣми фабричными работами и неопредѣленность отношеній поссессионныхъ людей къ фабрикантамъ; 4) условіе со стороны новыхъ пощипчиковъ содержать заведенія на томъ основаніи и въ томъ же видѣ, какъ находились они у прежнихъ владѣльцевъ; 5) строгость законеній насчетъ фабрикантовъ, пришедшихъ въ невозможность или не желающихъ содержать фабрику; 6) краткость опредѣленнаго для продажи фабрики 6-мѣсячнаго срока, препятствующая выгодному переходу заведенія изъ однѣхъ рукъ въ другія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ нашелъ, что „уваженій, по которымъ казна жертвовала своимъ достояніемъ въ пользу частныхъ фабрикантовъ и допустила косвенное изъятіе изъ кореннаго закона о правѣ владѣнія крѣпостными людьми, теперь уже совершенно не существуетъ... и что нынѣ, когда и въ простомъ народѣ распространился духъ фабричной промышленности и число юльных рабочихъ и мастеровъ быстро увеличивается, удобнѣе и даже ли не выйднѣе для фабриканта имѣть сихъ людей по найму, нежели держать собственныхъ и приписныхъ“ ¹⁾.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ государственный совѣтъ приналь, „что въ мѣрахъ законодательныхъ слѣдуетъ держаться того

¹⁾ Отчетъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1838 г. (Арх. д-та т. и м.).

правила, чтобы постепенно прийти, наконецъ, къ рѣшительному уничтоженію въ государствѣ заведеній посессионныхъ¹⁾, и выработалъ особыя правила увольненія посессионныхъ фабричныхъ въ свободное состояніе и перехода посессионныхъ фабрикъ въ полную собственность владѣльцевъ; правила эти получили Высочайшее утвержденіе 18 іюня 1840 года.

Законъ 18 іюня 1840 года имѣетъ выдающееся значеніе въ исторію фабричнаго посессионнаго права. Онъ долженъ былъ облегчить въ степенную ликвидацію посессионнаго владѣнія и, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени достигъ своей цѣли. Тѣмъ не мѣнѣе, какъ это ни странно, законъ этотъ совсѣмъ не былъ опубликованъ,—его нѣтъ ни въ Сводѣ Законовъ, изданія 1842 года, ни въ Полномъ Собраніи Законовъ,—по всей вѣроятности, въ видѣ известной „буинности“ посессионныхъ фабричныхъ, правительство признавало неудобнымъ его оглашеніе²⁾.

1) Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 октября 1844 г. Представленіе министру финансовъ въ государственный совѣтъ. (Арх. д-та т. и м.).

2) Въ виду этого приведу текстъ закона 18 іюня:

„Государственный Совѣтъ, въ Высочайше утвержденномъ 18 іюня 1840 г. мѣншіи, постановилъ: 1) относительно посессионныхъ фабрикъ оставляемыхъ въ дѣйствиіи: -

„Если фабрикантъ, имѣющій при заведеніи своемъ посессионныхъ людей, приписанныхъ къ оному отъ казны, либо добровольно въ прежнее время приписавшихся, или купленныхъ имъ на посессионномъ правѣ, пожелаетъ по собственнымъ видамъ или расчетамъ удалить такихъ людей съ фабрики, частью ли только именно ему ненужныхъ или излишнихъ, либо всѣхъ вообще, съ замѣной оныхъ вольнонаемными или купленными на крѣпостномъ помѣщичьемъ правѣ, когда фабрикантъ по состоянію своему имѣетъ оное, то сіе ему дозволяется съ тѣмъ: а) чтобы увольняемые были обращены въ свободное сословіе, съ предоставленіемъ имъ самимъ по волѣ вступать въ городское званіе или въ государственные крестьяне, независимо отъ того, состоитъ ли фабрика въ городѣ, или находится въ селеніи; б) чтобы при увольненіи по частямъ не были раздробляемы семейства и въ числѣ сихъ послѣднихъ не входило такихъ, въ которыхъ или вовсе нѣтъ работниковъ, или, хотя есть, но не могущіе по продолжительной болѣзни, тѣлеснымъ недостаткамъ или преклонности лѣтъ доставить семействамъ пропитаніе. Изъясненіе изъ сего правила можетъ быть допускаемо только въ случаѣ собственнаго согласія увольняемыхъ; в) чтобы до новой ревизіи казенныя подати и повинности за увольняемыхъ были вносимы самими же фабрикантами, а остающееся на прежнемъ мѣстѣ водворенія ихъ движимое имущество и дома, если оныя построены собственными ихъ средствами, предоставляемы были въ ихъ пользу; г) чтобы за увольняемыхъ посесе

По этому закону увольнение фабричных предоставлялось усмотрению фабриканта (въ случаѣ, если фабрика находится въ дѣйствіи); фабрикантъ получаетъ вознагражденіе отъ казны—36 р. с. въ ревизской души мужского пола за увольняемыхъ рабочихъ, если они были приобретены имъ покупкой или приписаны съ уплатой денегъ въ казну; если же рабочіе были приписаны безъ всякой платы, то и при освобожденіи ихъ владѣлецъ не получалъ никакого денежнаго вознагражденія. Увольняемымъ рабочимъ предоставлено на выборъ—приписаться въ городскія сословія или въ государственные крестьяне.

ионныхъ людей, отъ казны приписанныхъ къ фабрикамъ съ платежомъ, равно за купленныхъ фабрикантомъ на поссессионномъ правѣ, производимо было изъ казны, въ вознагражденіе фабриканта, по 36 руб. сер. въ ревизскую мужского пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя известной суммы вслѣдствіе обоюднаго соглашения; д) чтобы о такомъ увольненіи фабрикантъ каждый разъ доводилъ предварительно до свѣдѣнія начальника губерніи для надлежащаго съ его стороны наблюденія и увѣдомленія министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, по принадлежности, отъ которыхъ зависѣтъ будетъ распорядиться какъ по предмету исключенія увольняемыхъ изъ поссессій и приписки ихъ къ городамъ или причисленія въ сословіе государственныхъ крестьянъ, такъ и насчетъ самаго переселенія въ казенныя имѣнія.

„2) Относительно фабрикъ, прекращающихъ свои дѣйствія и уничтожаемыхъ:

„Если фабрикантъ, къ какому бы онъ званію ни принадлежалъ, по обстоятельствамъ придетъ въ невозможность или не пожелаетъ далѣе продолжать фабричное производство, то въ семъ случаѣ поступать на слѣдующемъ основаніи: а) фабричныя строенія, земли, лѣса, мельницы и другія угодія, данныя фабриканту отъ казны, отбираются отъ него безвозмездно; но тѣ изъ сихъ поссессій, равно машины, инструменты и проч., кои приобретены собственнымъ иждивеніемъ фабриканта, оставляются въ свободномъ его распоряженіи, съ правомъ казны всѣ тѣ собственныя земли, на которыхъ водворены поссессионные люди, приобрести покупкой по добровольной цѣнѣ, а въ случаѣ несоразмѣрнаго требованія владѣльца — по узаконенной оцѣнкѣ. Но когда и сія послѣдняя признается для казны невыгодной, въ такомъ случаѣ люди переселяются на казенныя земли, или дается желающимъ дозволеніе записаться въ мѣщане, и затѣмъ земля и заведенія предоставляются фабриканту, который и располагаетъ ими на правѣ полной собственности; б) поссессионные люди всѣ безъ изъятія, водворены ли они при самой фабрикѣ, или отдѣльно отъ оной на особыхъ земляхъ, если они только къ ней причислены, обращаются въ свободныя сословія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ выше постановлено о фабрикахъ, остающихся въ дѣйствіи; в) какъ въ числѣ поссессионныхъ людей находятся и такіе, кои вовсе не зани-

Въ случаѣ желанія поступить въ государственные крестьяне фабричные должны были согласиться на переселеніе. Переселяемымъ фабричнымъ крестьянамъ владѣлецъ долженъ былъ предоставить на обзаведеніе по 50 р. ассигн. на душу мужского пола и по 20 р. ассигн. на душу женскаго пола, безъ различія возрастовъ и, кромѣ того, на перевозку по 20 р. ассигн. на душу обоего пола ¹⁾.

Такимъ образомъ, увольненіе рабочихъ, приписанныхъ къ фабрикѣ безъ всякой платы, могло потребовать отъ владѣльца значительныхъ денежныхъ затратъ на пособіе переселяемымъ фабричнымъ и, во всякомъ случаѣ, не давало ему никакой денежной выгоды.

Если же за увольняемыхъ рабочихъ владѣлецъ и получалъ плату то очень небольшую, которая могла и не покрыть суммы, выдаваемой владѣльцемъ при переселеніи фабричныхъ. Поэтому единственнымъ побудительнымъ мотивомъ къ увольненію рабочихъ могла быть невыгодность посессионнаго владѣнія—неприспособленность посессионной фабрики, основанной на принудительномъ трудѣ, къ новымъ условіямъ хозяйства ²⁾.

маются фабричными работами, а упражняются въ хлѣбопашествѣ и другихъ промыслахъ, то съ таковыми людьми, равно какъ и съ тѣми, владѣльцевъ коихъ фабрики болѣе не существуютъ, нынѣ же поступаемъ на основаніи предыдущаго пункта". (Текстъ этого закона приводился въ представленіяхъ министра финансовъ въ государственный совѣтъ объ увольненіи посессионныхъ крестьянъ разныхъ фабрикъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. См., напримѣръ, дѣло объ увольненіи посессионныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 октября 1844 года. (Арх. д-та т. и м.).

¹⁾ Законъ 16 дек. 1840 г., П. С. З., II изд., т. XVI, 140586.

²⁾ Непосредственнымъ поводомъ къ изданію закона 18 іюня 1840 года явились просьбы фабрикантовъ объ освобожденіи ихъ рабочихъ. Приведемъ одну изъ такихъ просьбъ купца Колокольцева, владѣльца шелковой фабрики въ Москвѣ. Въ этой просьбѣ очень ясно указаны неудобства посессионнаго владѣнія, вызвавшія переходъ многихъ посессионныхъ фабрикъ отъ принудительнаго къ свободному труду. При фабрикѣ было 63 души мужского пола. „Приобрѣтеніе сихъ людей,—пишетъ Колокольцевъ въ прошеніи министру финансовъ въ 1839 году,—сдѣлано родителемъ моимъ, подобно тому, какъ и многими другими, по затруднительности въ то время имѣть опытныхъ и постоянныхъ мастеровыхъ, и потому, что самое ткачество и другія фабричныя работы, по несовершенству ткацкой машины и другихъ производствъ, требовало большого числа рукъ. Впослѣдствіи же, въ теченіе 35 лѣтъ, при общемъ распространеніи у насъ фабричной промышленности, образовалось достаточное количество вольнонаемныхъ мастеровыхъ для всѣхъ родовъ фабрикаціи. Ткацкое производство... поставлено въ зависимость болѣе отъ машинъ

Законъ 18 іюня 1840 года не обязывалъ фабрикантовъ перенести отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду, но давалъ имъ на это право. Какъ же воспользовались фабриканты этимъ правомъ? Мы видѣли, что въ XVIII вѣкѣ купцы упорно домогались права покупать къ фабрикамъ крестьянъ. Еще въ 1811 году правительство признавало расширеніе этого права важнымъ стимуломъ развитія фабричной промышленности. Но въ 30-хъ и 40-хъ годахъ экономическія условія Россіи глубоко измѣнились. Промышленность сдѣлала быстрые успѣхи, и принудительный трудъ, безъ котораго она не могла существовать въ прошломъ вѣкѣ, сдѣлался для нея излишнимъ. И лучшимъ доказательствомъ наступленія въ 40-хъ годахъ новой промышленной эпохи для Россіи является успѣхъ закона 1840 года.

Мнѣ извѣстны 42 посессионныхъ фабрики, рабочіе которыхъ получили свободу на основаніи этого закона. Всего получило свободу, такимъ образомъ, болѣе 15.000 душъ мужского пола ¹⁾.

На 16 фабрикахъ ²⁾ рабочіе были уволены потому, что фабричное

нежели отъ мастеровыхъ. Отсега произошло, что владѣніе посессионными фабричными... обратилось, вмѣсто бывшаго прежде пособія, въ большое неудобство сравнительно съ вольными фабриками, не стѣсняемыми ни числомъ рабочихъ, ни поведеніемъ ихъ, ни искусствомъ, ибо отъ воли хозяина зависитъ, занимать ли работой то или иное число рукъ, содержать изъ нихъ, по вольной цѣнѣ, однихъ лучшихъ и, при несообразности ихъ поведенія, удалять ихъ изъ заведенія"... Въ виду этого, Колокольцевъ проситъ уволить въ свободное состояніе его посессионныхъ рабочихъ безъ всякаго для себя вознагражденія, хотя отецъ его приобрѣлъ этихъ рабочихъ за 15 т. р. Крестьяне были уволены 27 марта 1840 года согласно просьбѣ владѣльца. (Дѣло по просьбѣ купца 2-й гильдіи Колокольцева о дозволеніи крестьянамъ, состоящимъ при посессионной его фабрикѣ, приписаться въ податное состояніе. Іюня 6, 1839 г. Арх. д-та т. н. м.).

¹⁾ Точная цифра освобожденныхъ рабочихъ не можетъ быть установлена, такъ какъ по фабрикѣ Осокина въ Казани и Баташева мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ уволенныхъ рабочихъ.

²⁾ Это были фабрики, по большей части, небольшихъ: 2 суконныхъ — князя Салтыкова въ г. Москвѣ (бывшій Большой Суконный дворъ) и Толубѣва въ г. Орлѣ; 7 полотняныхъ — Богданова, Зюзиныхъ и Губина въ Калужской губерніи, Грязнова и Угличанинова въ Костромской губерніи, Большакова въ г. Боровскѣ, Кожевникова въ Ярославской губерніи; 3 шелковыхъ — Кетцлера въ С.-Петербургской губерніи, Чешихина въ Смоленской губерніи и Баташева, шелковая фабрика князя Гагарина въ Московской губерніи, пороховой заводъ Беренсовыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ, бумажная фабрика Мартяновой въ Вологодской губерніи, фабрика Титова въ Владимірской губерніи.

производство совсѣмъ прекратилось, а на остальныхъ 26—вслѣдствіе прошеній владѣльцевъ, находившихъ болѣе выгоднымъ для себя работу вольнонаемными ¹⁾).

Но закономъ 1840 года воспользовалось, навѣрное, значительно болѣе 42 фабрикъ, такъ какъ дѣла по многимъ фабрикамъ утрачены ²⁾. По словамъ г. Вешнякова, за время 1840—50 годовъ было освобождено, на основаніи закона 1840 года, около 20 тысячъ м. п. посессионныхъ фабричныхъ крестьянъ ³⁾. Но, кромѣ того, фабричные многихъ владѣльцевъ, подавшихъ въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ просьбы объ увольненіи крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикѣ въ свободное состояніе, не получили свободы на основаніи закона 1840 года только потому, что дѣла объ освобожденіи ихъ затянулись до общей крестьянской реформы, 19-го февраля 1861 года ⁴⁾.

¹⁾ А именно, на 4 суконныхъ: Осокина въ г. Казани, Купавинской Бабкиныхъ, Рыбникова въ Богородскомъ уѣздѣ, графини Толстой въ Воронежскомъ уѣздѣ; 7 писчебумажныхъ: Торубаева въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Ивановъ въ Вологодскомъ уѣздѣ, Куманина въ Переяславскомъ уѣздѣ, Церевтиновыхъ въ Медынскомъ уѣздѣ, 3 фабрикахъ Поповыхъ въ Углицкомъ уѣздѣ; 7 полотняныхъ: Хлѣбниковыхъ въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Куманина въ г. Переяславѣ, Брюзгиныхъ въ Козельскомъ уѣздѣ, Гончаровыхъ въ Медынскомъ уѣздѣ, Темерина въ Переяславскомъ уѣздѣ Ярославской Большой мануфактурѣ въ г. Ярославлѣ, Масловыхъ въ г. Алексинѣ; 4 миткалевыхъ и плисовыхъ: Гусятникова въ Зарайскомъ уѣздѣ, Темерина въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Носовыхъ въ г. Шуѣ, Пантелѣева въ Московскомъ уѣздѣ; 1 шелковой Фряновской фабрикѣ Ефимовыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ; 1 стеклянной Орловыхъ въ Мосальскомъ уѣздѣ; 1 игольной Полторацкаго въ Пронскомъ уѣздѣ и фабрикѣ Зеленцовыхъ въ Пермской губерніи.

²⁾ Такъ, напримѣръ, я не могъ найти дѣла объ увольненіи рабочихъ такой крупной фабрики, какъ фабрика Осокина въ г. Казани, хотя изъ другихъ дѣлъ видно, что осокинскіе суконщики получили въ 1849 г. свободу, которой они страстно добивались въ теченіе многихъ десятиковъ лѣтъ.

³⁾ Вешняковъ. „Русская промышленность и ея нужды“. „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. Октябрь. Эта статья является единственнымъ известнымъ мнѣ печатнымъ источникомъ, гдѣ вскользь упоминается о законѣ 1840 года. По словамъ г. Вешнякова, этимъ закономъ воспользовались 103 фабрики.

⁴⁾ По этой причинѣ не получили свободы до 19-го февраля фабричные крестьяне Лугининыхъ (суконная фабрика въ Александровскомъ уѣздѣ), Бистромъ (парусная фабрика въ Медынскомъ уѣздѣ), Гарденинъ (суконная фабрика въ Тамбовскомъ уѣздѣ), Вигеля (въ Воронежскомъ уѣздѣ), Кознова (въ Егорьевскомъ уѣздѣ), князя Салтыкова (въ Спаскомъ уѣздѣ) и др. Всѣ названные фабриканты подавали прошенія объ увольненіи ихъ крестьянъ.

Если мы припомнимъ, что посессионные рабочіе увольнялись до 1840 г., то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что болѣе половины всѣхъ посессионныхъ фабрикъ по желанію самихъ владѣльцевъ перешли отъ принудительнаго къ вольнонаемному виду—потому, что экономическая эволюція, вызвавшая къ жизни въ XVIII вѣкѣ институтъ посессионныхъ фабричныхъ, сдѣлала въ XIX вѣкѣ излишнимъ. Мотивы, побуждавшіе фабрикантовъ просить объ освобожденіи ихъ рабочихъ, лучше всего выражаются въ прошеніяхъ, подававшихся ими по этому поводу м-ру финансовъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ прошеній.

„По совершенной невыгодности производить работы посредствомъ посессионныхъ фабричныхъ“, пишутъ, напр., м-ру финансовъ 31 іюля 1846 г. купцы Ефимовы, владѣльцы Фряновской шелковой фабрики, „коихъ содержаніе сравнительно съ вольнонаемными обходится слишкомъ дорого и падаетъ на цѣну издѣлій, делаемъ мы ихъ уволить отъ фабрики“¹⁾. Купцы Хлѣбниковы, вѣдшіе парусноплотняную фабрику въ Перемышльскомъ у., заявляютъ въ своемъ прошеніи, отъ 12 окт. 1844 г., что „какъ ужомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ на нихъ механизмъ, замѣняющій ручныя работы..., то и производство на фабрикахъ работъ посессионными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самыя при нихъ посессионные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца. А потому,—добавляютъ Хлѣбниковы,—мы, предлагая парусноплотняную нашу фабрику устроить болѣе на коммерческихъ правахъ и выдѣлывать издѣлія машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанныхъ къ фабрикѣ крестьянъ предоставить въ казну“²⁾.

¹⁾ Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе людей Фряновской фабрики купцовъ Ефимовыхъ. 1 іюля 1845 г. Прошеніе Ефимовыхъ министру финансовъ (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Дѣло объ увольненіи посессионныхъ людей купцовъ Хлѣбниковыхъ. 12 окт. 1844 г. Почти также мотивируетъ свое рѣшеніе уволить посессионныхъ рабочихъ и Торубаевъ (владѣлецъ писчебумажной фабрики въ Трубчевск. у.). „Писчебумажныя ручныя фабрики, по умножающемуся числу машинныхъ, приходятъ въ упадокъ; устройству же машинъ на фабрикахъ, гдѣ есть приписные фабричные люди, сопряжено съ невыгодами, ибо фабричные тогда не будутъ имѣть достаточно занятій... Обстоятельство это вынуждаетъ меня всѣхъ фабричныхъ людей представить въ распоряженіе правительства“. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ людей Торубаева и Поньырко. 5 янв.

Фабрикантъ Куманинъ (2 фабрики—полотняная и писчебумажная во Влад. губ.) заявляетъ въ прошеніи 29 ноября 1843 „По причинамъ измѣнившася хода мануфактурной промышленности, нахожу важныя неудобства и постоянныя убытки продолжать производство работъ на фабрикахъ посессионными людьми и просить ихъ уволить въ свободное состояніе ¹⁾).

Купцы Поповы (писчебумажныя фабрики въ Ярославской губ.) также находятъ, что „при настоящемъ положеніи фабричныхъ торговыхъ дѣлъ встрѣчаются разныя неудобства въ содержаніи посессионныхъ крестьянъ и въ производствѣ посредствомъ ихъ фабричныхъ работъ“ ²⁾. То же самое заявляетъ дворянинъ Темеринъ (миткалевая и полотняная фабрики во Влад. и Костр. губ.) ³⁾ Пантелѣевъ ⁴⁾ (плицовая фабрика Моск. у.) и др.

Итакъ введеніе новыхъ машинъ, измѣненіе общаго хода промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, невыгодность работать посессионными людьми—вотъ на что указываютъ фабриканты въ просьбахъ объ освобожденіи рабочихъ. Нерѣдко при этомъ приводится и другой мотивъ—неповиновеніе посессионныхъ фабричныхъ и ихъ постоянныя жалобы на владѣльцевъ. Такъ, купеческая дочь Гусятникова (миткалевая фабрика въ Зарайскомъ у.) проситъ министра финансовъ 29 янв. 1847 г. освободить рабочихъ, ибо это „единственное средство привести въ тихое положеніе фабричныхъ людей и избавить владѣльца отъ тяжелой обязанности утруждать

1844 г. Арх. д-та т. и м. На введеніе машинъ, какъ на побудительный мотивъ къ освобожденію рабочихъ, указываетъ и Полторацкій, владѣлецъ игольной фабрики въ Пронскомъ у. Дѣло по просьбѣ отставнаго поручика Полторацкаго объ увольненіи въ свободное состояніе фабричныхъ людей при его фабрикѣ. 13 іюня 1849 г. (Арх. д-та т. и м.).

¹⁾ Дѣло по просьбѣ дворянина Куманина объ обращеніи посессионныхъ его людей въ свободное состояніе. 2 дек. 1843 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Дѣло по просьбѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ о принятіи въ казну состоящихъ при ихъ писчебумажныхъ фабрикахъ посессионныхъ людей, 4 марта 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

³⁾ „Съ измѣненіемъ въ настоящее время хода фабричной промышленности, стѣсняюсь въ дальнѣйшемъ содержаніи фабрики на правѣ посессионномъ, обременительномъ для владѣльца“. Дѣло по просьбѣ дворянина Темерина объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ его людей. 23 фев. 1849 г. Прошеніе владѣльца на имя министра финансовъ (Арх. д-та т. и м.).

⁴⁾ „По измѣнившемуся ходу мануфактурной промышленности, находя постоянныя убытки продолжать дѣйствіе находящимися при фабрикѣ посессионными людьми, желаю продолжать дѣйствіе фабрики посред-

стное начальство жалобами о приведеніи ихъ въ повиновеніе“¹⁾. По заявленію купца Губина (миткалевая фабрика Малоюрсл. у.), въ слѣдствіе поступковъ самовольно отлучившагося крестьянина Кузкова, клонящихся къ возмущенію всѣхъ фабричныхъ, онъ не найдетъ водворить между крестьянами совершенное спокойствіе и вже страшится быть въ имѣніи, а потому, будучи не въ силахъ править фабрикой, вошелъ къ министру финансовъ съ прошеньемъ о принятіи крестьянъ его въ казенное вѣдомство“²⁾. На жалобы рабочихъ и ихъ неповиновеніе указываетъ въ своемъ рошеніи министру финансовъ и купчиха Маслова (паруснопол. фабрика въ г. Алексинѣ)³⁾, Козновъ (суконная фабрика въ Горьевск. у.)⁴⁾ и др. Невыгодность посессионнаго владѣнія лучше всего иллюстрируется тѣмъ, что въ 40-хъ годахъ фабрика въ прикрѣпленныхъ рабочими имѣла значительно меньшую цѣнность, чѣмъ фабрика безъ всякихъ обязательныхъ рабочихъ. Такъ, освобожденіе посессионныхъ фабричныхъ Купавинской фабрики Бабкиныхъ состоялось по той причинѣ, что по смерти владѣльцевъ наслѣдники хотѣли продать фабрику, но это оказалось невозможнымъ, „по неохотности капиталистовъ брать на себя тягость посессионныхъ обязанностей“, и наслѣдники освободили всѣхъ рабочихъ, хотя имъ и не слѣдовало никакого вознагражденія отъ казны (купавинскіе фабричныя были приписныя)⁵⁾.

ствомъ машинъ и содержать ее на коммерческомъ правѣ“. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ людей Пантелѣева. 7 фев. 1850 г. (Арх. д-та т. и м.).

1) Дѣло по просьбѣ куп. дочери Гусятниковой объ обращеніи въ свободное состояніе посессионныхъ ея людей. 29 янв. 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

2) Дѣло по отношенію калужскаго гражд. губернатора о притѣсненіяхъ фабричныхъ крестьянъ Губина управляющимъ его фабрики. 20 февр. 1843 г. (Арх. д-та т. и м.).

3) Дѣло по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ людей купчихи Масловой. 20 марта 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

4) Козновъ заявляетъ въ прошеніи министру финансовъ въ 1858 г.: „Не благоугодно ли будетъ Вашему Высокопревосходительству, для прекращенія дальнѣйшаго со стороны фабричныхъ неповиновенія, взять моихъ фабричныхъ въ казну“. Дѣло о неповиновеніи фабричныхъ посессионной суконной фабрики Кознова. 20 февр. 1858 г. (Арх. д-та т. и м.).

5) Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе крестьянъ, состоящихъ при Купавинской фабрикѣ Бабкиныхъ. 14 января 1847 г. (Арх. д-та т. и м.).

Итакъ посессионныя фабрики переходили отъ принудительнаго къ свободному труду исключительно вслѣдствіе выгоды такой перемены для фабрикантовъ. Что же дѣлалось съ освобождаемыми фабричными? Закономъ 1840 г. имъ было предоставлено на выборъ— поступать въ городскія сословія или государственные крестьяне. Мы имѣемъ по 39 фабрикамъ данныя о дальнѣйшей участи рабочихъ послѣ освобожденія; при этихъ фабрикахъ состояло 14.441 посессионныхъ людей м. п. Изъ числа послѣднихъ только 6329 чел. пожелали поступить въ государственные крестьяне, прочіе же поступили въ городскія сословія (мѣщане и очень немногіе въ купцы). Изъ фабричныхъ, поступившихъ въ государственные крестьяне, 144 д. м. п. были переселены въ Западную Сибирь или губерніи Европейской Россіи, а 4882—были надѣлены землей (отъ 3—4 дес. на душу), выкупленной отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Несмотря на то, что отъ посессионныхъ фабричныхъ, изъявившихъ желаніе поступить въ государственные крестьяне, требовалось согласіе на переселеніе, фабричные въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорно противились переселенію. Такъ, напр., посессионныя фабричныя купчихи Масловой изъявили желаніе поступить въ государственные крестьяне и получили свободу 2 іюля 1848 г. Но когда ихъ захотѣли переселить въ Томскую губернію, они рѣшительно отказались отъ этого и болѣе 7 лѣтъ оставались въ имѣніи Масловой, подавая просьбы объ оставленіи ихъ на мѣстѣ министру финансовъ, губернатору и наконецъ государю. Дѣло кончилось тѣмъ, что ихъ переселили при помощи военной силы по этапу ¹⁾. Поступающіе въ мѣщане, по закону, должны были продать свои дома и выселиться съ земли владѣльца. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда земля была отведена фабрику казною безъ платежа денегъ, фабричные, перешедшіе въ мѣщане, сохраняли за собой свои усадебныя участки, а иногда и другія земли. Такъ, напр., купавинскіе фабричные (944 д. м. п.) получили въ свою пользу не только дома и усадебныя земли, но и огороды и сѣнокосы. Фабричные Беренсовыхъ (556 д. м. п.) также получили безъ всякаго платежа всю землю, которой они раньше владѣли. Фабричные Яковлевыхъ (1432 д. м. п.) ²⁾ и Осокина получили

¹⁾ Дѣло по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи въ свободное состояніе посессионныхъ людей купчихи Масловой 20 марта 1848 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Освобожденіе рабочихъ Большой Ярославской мануфактуры въ 1843 г. не улучшило ихъ положенія. По донесенію чиновника министер-

въ всякаго платежа въ свою собственность дома, приусадебные огороды. Если земля была приобретена владельцем за плату, то фабричные, увольняемые въ мѣщане, иногда оставались въ своихъ домахъ и получали подъ усадебную землю путемъ выкупа отъ владельца. Такимъ образомъ были надѣлены землей фабричные Фрейтиновыхъ (274 д. м. п.) и, повидимому, Угличанинова (335 д. м. п.). Въ другихъ случаяхъ, фабричные, получившіе свободу, переселялись на близлежащія пригородныя земли, при чемъ имъ выдана была даромъ земля для построекъ, выдавалось денежное пособие и ссуда. Такимъ образомъ были переселены фабричные Рыбковскихъ (73 д. м. п.) въ Купавинскую слободу (у г. Богородска), Мичарова (682 д. м. п.) въ г. Медынь, кн. Гагарина (133 д. м. п.) въ г. Богородскъ ¹⁾.

Переселеніе это совершалось иногда съ большими затрудненіями. Фабричные, поссессионные люди кн. Гагарина, на запросъ начальства, въ 1842 г. заявили, что они не желаютъ ни поступать въ государственные крестьяне, такъ какъ отвыкли отъ хлѣбопашества и извѣстна занимаютъ фабричными работами, ни записываться въ мѣ-

щанства финансовъ Сѣрова отъ 1 мая 1843 г., свобода произвела потрясающее дѣйствіе на рабочихъ. „Они совершенно обезумѣли при словѣ „свобода“ и не имѣя куска хлѣба, сдѣлали заговоръ, чтобы не работать на мануфактурѣ и тѣмъ заставить управляющаго платить имъ, что они требуютъ; самые благонамѣренные люди боятся работать, чтобы не заслужить упрековъ безумной толпы; многіе начали уже искать работы по окрестностямъ, да почти все нищенствуютъ по городу и окрестнымъ деревнямъ“. Но „заговоръ“ рабочихъ не привелъ ни къ чему, такъ какъ фабрика сократила производство, и въ 1845 г. рабочіе въ своей жалобѣ заявили ярославскому губернатору, что „со времени увольненія ихъ отъ мануфактуры Яковлевыхъ, по уменьшенію производства на оной противъ прежняго, почти все они лишились, кромѣ самаго малаго числа, средствъ привычныхъ, прежнихъ работъ... и доведены до крайности по отношенію работъ на мануфактурѣ и неотысканію таковыхъ на сторонѣ около Ярославля“. Такъ-то воля обманула ожиданія яковлевскихъ рабочихъ, и имъ пришлось жалѣть о прежней неволѣ! См. дѣло о бывшихъ поссессионныхъ людяхъ Ярославской мануфактуры Яковлевыхъ. 4 іюля 1842 г., въ 4-хъ частяхъ (Арх. д-та т. и м.).

¹⁾ Фряновскіе фабричные (728 д. м. п.) неоднократно просили министра финансовъ о выдачѣ имъ ссуды для выкупа участка земли, на которомъ были построены ихъ дома въ селѣ Фряновѣ, но министерство финансовъ предполагало переселить ихъ въ г. Богородскъ, выдавши имъ пособие и ссуду для постройки домовъ; состоялось ли ихъ переселеніе—изъ дѣла не видно. См. Дѣло объ увольненіи въ свободное состояніе людей Фряновской фабрики (Арх. д-та т. и м.).

щане, чтобы не переселяться съ своего мѣстожительства. Въ увѣщанія мѣстнаго начальства не привели ни къ чему. Рабочіе твердо стояли на томъ, что ни въ мѣщане, ни въ государстве ные крестьяне они не желаютъ поступать. Въ виду этого, фабричные рабочіе, по положенію комитета министровъ, въ 1844 г. бы. причислены, безъ ихъ согласія, въ мѣщане г. Богородска, при чемъ былъ назначенъ 8-мѣсячный срокъ для выселенія ихъ изъ имѣнн. Гагарина. Но рабочіе продолжали упорствовать ¹⁾.

Тогда въ село была поставлена экзекуція—команда казаковъ въ домахъ упорствующихъ фабричныхъ были сломаны трубы, выствлены рамы и сняты двери, а сами фабричные „подвергнуты полицескому наказанію“. „Послѣ сего“, по донесенію московскаго губернатора 19 іюля 1845 г., „и самые упорные изъ крестьянъ убѣдились, что дальнѣйшее сопротивленіе распоряженіямъ правительства невозможно“, и согласились переселиться. Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ отношеній московскаго губернатора министру финансовъ, крестьяне имѣли основаніе держаться своего насиженнаго мѣста. Несмотря на денежныя пособія и отводъ земельныхъ участковъ для постройки домовъ въ г. Богородскѣ, только 10 семействъ выстроили себѣ дома, „а остальные разошлись по сосѣднимъ фабрикамъ, не устроивши себя къ осѣдлой жизни, по бѣдномъ своему положенію“.

Въ указанныхъ случаяхъ поссессіонные фабричные, перешедшіе въ мѣщане, получали подьусадебныя земли или на мѣстѣ своего прежняго жительства, или въ другихъ мѣстахъ; но въ другихъ случаяхъ фабричные, поступая въ городскія сословія, продавали съ публичнаго торга свои дома и не получали подьусадебной земли. Нечетко и говорить, что при такихъ условіяхъ свобода для многихъ фабричныхъ была равносильна разоренію, и отъ прекращенія поссессіонныхъ отношеній гораздо больше выигрывали фабриканты, чѣмъ рабочіе ²⁾.

¹⁾ Въ прошеніи на имя министра финансовъ 3 марта 1844 г. они пишутъ: „Нынѣ по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ пріѣхавшіе въ село наше какіе-то чиновники, какого вѣдомства—не знаемъ, объявили намъ, что будто мы поступили въ мѣщане г. Богородска и посему должны оставить свое мѣстожительство, и понуждали къ оному подпиской“, но рабочіе подписки не дали. Дѣло по просьбѣ гофмейстера князя Гагарина. 10 дек. 1839 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Тѣмъ не менѣе, намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда фабричные не соглашались на освобожденіе, изъ опасенія лишиться земли и домовъ. Это относится къ фряновскимъ рабочимъ, которые въ началѣ сто-

ГЛАВА IV.

Волненія посессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ.

Волненія рабочихъ на разныхъ фабрикахъ.—Большая Ярославская мануфактура.—Частичные успѣхи рабочихъ.—Фабрика Осокина.—Упорство рабочихъ.—Жестокія наказанія рабочихъ.—Волненія на Фряновской и Павинской фабрикахъ.—Красносельская фабрика.—Попытка устройства производительной ассоціаціи.—Другіе примѣры волненій.—Отношеніе къ нимъ центральныхъ и мѣстныхъ властей.

Волненія среди посессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ представляютъ собою одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ соціальной исторіи Россіи первой половины этого вѣка. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ описывались неоднократно. Что касается до волненій фабричныхъ рабочихъ (имѣвшихъ, какъ мы убѣдимся ниже, несравненно болѣе упорный характеръ, чѣмъ крестьянскія волненія), то о нихъ имѣлись до сихъ поръ только скудныя отрывочныя данныя—главнымъ образомъ въ работахъ г.г. Семевского и Нисселовича. Въ настоящей главѣ я сгруппировалъ всѣ извѣстные мнѣ случаи волненій посессіонныхъ фабричныхъ въ XIX вѣкѣ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ дѣлахъ архива бывшаго департамента торговли и мануфактуръ.

Однимъ изъ самыхъ частыхъ поводовъ къ волненіямъ посессіонныхъ рабочихъ были неудовольствія на фабрикантовъ по случаю низкой заработной платы. Изъ 27 фабрикъ, на которыхъ

дѣтя неоднократно домогались и просили свободы. Когда въ 1846 г. владѣлецъ купецъ Ефимовъ собралъ мастеровыхъ и объявилъ имъ, что онъ намѣренъ ихъ освободить, а землю оставить за собой, то рабочіе отказались дать подписку въ своемъ согласіи на увольненіе, „боясь быть доведенными до совершеннаго разоренія“. См. дѣло объ увольненіи людей Фряновской фабрики. Ч. I (Арх. д-та т. и м.).

мнѣ извѣстны случаи волненій, низкая заработная плата б главнымъ или однимъ изъ главныхъ поводовъ къ волненіямъ 16 фабрикахъ ¹⁾. Во многихъ случаяхъ неудовольствіе поссессныхъ рабочихъ вызывалось тѣмъ, что вольнонаемные рабочіе, ботавшіе на тѣхъ же фабрикахъ, получали большую плату (обыкновенно, вдвое большую, иногда на $\frac{1}{3}$).

Почти во всѣхъ случаяхъ жалобы на малую заработную плату сопровождаются жалобами и на разнаго рода штрафы и вычѣты къ которымъ фабриканты прибѣгали по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Иногда фабриканты принуждали при этомъ рабочихъ брать предметы потребленія изъ фабричныхъ лавокъ (напр., Михневской суконной фабрикѣ Соколова, на Фрянновской шелковой фабрикѣ Рогожиныхъ).

На 8 фабрикахъ рабочіе жалуются на чрезмѣрную продолжительность или трудность работы. На суконной фабрикѣ Я. Гарденина однимъ изъ поводовъ къ волненію было принужденіе работѣ престарѣлыхъ фабричныхъ; рабочіе суконныхъ фабрикъ Осокина, Кознова и Титова жаловались на работу въ празднич-

¹⁾ На 6 суконныхъ фабрикахъ: Я. Гарденина въ Тамбовск. губерніи въ 1811 г.—рабочіе жалуются на неплатежъ платы; Осокина въ Казан. губерніи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, начиная съ 1796 г., рабочіе жалуются по случаю низкой заработной платы; на Большомъ Суконномъ дворѣ въ Москвѣ кн. Долгорукова—въ 1797 г. и слѣдующихъ годахъ рабочіе жалуются на низкую плату; Титова въ Воронежск. губ. въ 1821 г. тоже; Михневской суконной фабрикѣ Соколова вблизи Москвы въ 1835 г. тоже; Вигеля въ г. Воронежѣ въ 1857 г.—тоже. На 5 парусныхъ и полотняныхъ фабрикахъ: Большой Ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, г. Ярославль (полотняная и писчебумажная фабрика); волненія и жалоба на низкую заработную плату продолжаются, начиная съ 1798 вплоть до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; Угличанинова въ г. Ярославль (Малая Ярославская мануфактура) въ 1817 г.—волненія по случаю низкой платы Церевитиновыхъ (бумажная и полотняная фабрика) въ Калужской губерніи тоже въ 1821 и слѣд.; Носова въ Шуйск. уѣздѣ—тоже въ 1823; Бровиныхъ въ Тульск. губ.—тоже въ 1837. На 3 шелковыхъ фабрикахъ: Фриновской Лазарева, затѣмъ Рогожиныхъ, въ Моск. губ.—съ 1771 и до 40-хъ годовъ этого столѣтія рабочіе жалуются и волнуются въ слѣдствіе низкой заработной платы; Купавинской кн. Юсупова, затѣмъ Бабкиныхъ—волненія по той же причинѣ продолжаются съ 1834 по 1843 г.; Красильниковъ въ г. Ярославль—тоже въ 1815 г. На 2 писчебумажныхъ фабрикахъ: Кривосельской, помѣщицы Полторацкой въ С.-Петербур. губ.—жалобы на вычѣты изъ заработной платы въ 1816 и слѣд. годахъ; Гончарова въ Могилевск. уѣздѣ, Калужской губ.— волненія по случаю низкой платы въ 1814 г.

ни и слишкомъ большіе уроки; на суконной фабрикѣ Вигеля главнымъ предметомъ жалобъ рабочихъ была слишкомъ продолжительная работа малолѣтнихъ, которые поступали на фабрику въ 10 лѣтъ, получали крайне ничтожную плату и работали, по оказанію самого приказчика фабрики, „по понедѣльникамъ съ ч. пополудни, а въ прочіе дни въ 2 и 3 часа, а кончали въ часовъ пополудни“. На завтракъ, обѣдъ и „полудникъ“ имъ олагалось зимой 3 часа, лѣтомъ 4 часа. Такимъ образомъ, десятилѣтніа дѣти на этой фабрикѣ работали зимой 15—17 часовъ, лѣтомъ 14—16 час.! Трудно привести примѣры такой продолжительной дѣтской работы даже изъ англійской фабричной жизни.

Точно такъ же на чрезмѣрные уроки жаловались рабочіе полотняной фабрики Угличанинова; рабочіе фабрики Яковлева (Большая Ярославская мануфактура) указывали въ своихъ жалобахъ на крайнюю продолжительность рабочаго дня (до 16 часовъ въ сутки); праздничная работа была предметомъ жалобъ рабочихъ на Фряновской шелковой фабрикѣ.

На 4 фабрикахъ (Вигеля, Красильникова, Купавинской и Фряновской) одинъ изъ поводовъ къ волненіямъ была невыдача содержанія престарѣлымъ рабочимъ.

Жестокое обращеніе фабрикантовъ, побои, истязанія вызывали жалобы рабочихъ на 6 фабрикахъ (Осокина, Кознова, Фряновской Лазарева, Углечанинова, Носова и парусинной фабрикѣ Докумаевой въ г. Рязани).

На 3 фабрикахъ рабочіе жалуются на неправильную отдачу фабричныхъ въ рекруты вмѣсто крѣпостныхъ владѣльца (фабрики Осокина, Лазарева, Гончарова). Рабочіе Гончарова жаловались также и на то, что ихъ владѣлецъ продалъ нѣсколько семей фабричныхъ, обучивъ ихъ музыкѣ, сосѣднимъ помѣщикамъ.

На фабрикахъ Я. Гарденина и Бровкиныхъ неудовольствіа рабочихъ вызывались тѣмъ, что владѣлецъ отнялъ у нихъ пахотную землю при фабрикѣ и обрабатывалъ ее въ свою пользу; на Купавинской фабрикѣ Бабкиныхъ, гдѣ рабочіе не занимались хлѣбопашествомъ, однимъ изъ поводовъ къ жалобамъ фабричныхъ было лишеніе ихъ выпаса.

Частымъ поводомъ къ жалобамъ было принужденіе фабричныхъ заниматься не фабричной, а какой-либо иной работой (въ полѣ, во дворѣ хозяина и пр.). На это жалуются рабочіе 8 фабрикъ—Осокина, суконной фабрики Кривошейной въ Воронежск. губ. (1806 г.), Титова (миткалевая фабрика Калужск. губ.), Губина

(1843 г.), полотняной—Толмачевой, въ Тамбовск. губ. (1808 г.), полотняной—Масловыхъ въ Тульск. губ., Докучаевой, суконной—Онуфрія Гарденина, въ Тамбовск. губ. (1816 г.).

Изъ болѣе рѣдкихъ поводовъ къ волненіямъ и жалобамъ можно указать на принужденіе рабочихъ жить въ фабричныхъ казармахъ а не на вольныхъ квартирахъ (суконная фабрика Долгорукова въ Москвѣ), запрещеніе выдавать въ замужество вдовъ и дочерей фабричныхъ за постороннихъ (фабр. Осокина), неудовлетворительно помѣщеніе (фабр. Красильникова), невыдачу паспортовъ для отлучекъ за предѣлы губерніи (фабр. Церевитиновыхъ), растленіе фабричныхъ дѣвушекъ (фабр. Носова), самовольное измѣненіе производства (фабр. Бровкиныхъ—парусное производство было замѣнено миткалевымъ).

Почти всегда столкновенія посессионныхъ фабричныхъ съ хозяевами осложнялись и тѣмъ, что рабочіе признавали себя свободными людьми и не соглашались подчиняться хозяину. Главнымъ образомъ на этой почвѣ велась упорная борьба въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между рабочими казанской суконной фабрики Осокина и ихъ владѣльцемъ.

Такимъ образомъ, поводы къ волненіямъ были весьма разнообразны. Какой же характеръ имѣли эти волненія? Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе важныхъ по своимъ результатамъ или по числу рабочихъ, принимавшихъ въ нихъ участіе.

Фабрика Яковлевыхъ въ г. Ярославль—Большая Ярославская мануфактура—была основана еще при Петрѣ I Затрапезнымъ и въ началѣ XIX вѣка была самой крупной полотняной фабрикой Россіи. На ней выдѣлывалось тонкое полотно, поступавшее даже къ императорскому двору; кромѣ полотна, на фабрикѣ выдѣлывалась также и писчая бумага. Въ 1810 г. цѣнность всѣхъ товаровъ, изготовляемыхъ на фабрикахъ, превысила 1 милліонъ руб.¹⁾ При фабрикѣ состояло 1319 мужчинъ и 1599 женщинъ. Фабричными работами въ 1817 г. было занято посессионныхъ 1048 мужчинъ и 1323 женщины (кромѣ вольнонаемныхъ). Главнымъ поводомъ къ жалобамъ рабочихъ была низкая заработная плата. Въ 1803 г. рабочіе подавали нѣсколько жалобъ въ этомъ смыслѣ въ Ярославское губернское правленіе.

Губернское правленіе отвѣтило повѣреннымъ рабочимъ, чтобы они „съ должнымъ повиновеніемъ пребывали спокойными, ожидая

¹⁾ Дѣло о Ярославской Большой мануфактурѣ Яковлевыхъ 21 февраля 1811 г. Арх. д-та г. и м.

содержателей немедленнаго разсмотрѣнія показуемаго ими“, и требовало, чтобы повѣренныя рабочихъ, Алексѣевъ и Езоповъ, ни подписку въ этомъ. Повѣренныя отказались дать подписку и ни наказаны плетьюми. Въ слѣдующемъ году рабочіе посылали къ своихъ повѣренныхъ, Москвина и Маркелова, въ С.-Петербургъ для подачи самому Александру I просьбы о прибавкѣ заработной платы. И эти повѣренныя арестовываются и наказываются плетьюми, при чемъ „для внушенія повинности прочимъ рабочимъ дѣямъ“ имъ производится наказаніе на фабрикѣ публично, въ присутствіи отряда солдатъ.

Несмотря на это, рабочіе отправляютъ новыхъ повѣренныхъ и подачи жалобы государю. Дѣло доходить до сената, который выдаетъ резолюцію—объявить мастеровымъ-просителямъ, „чтобы предъ неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребывали въ положеніи своемъ спокойными и въ должномъ у содержателей мануфактуры повинности, въ противномъ же случаѣ подвергнуть себя неослабному по закону наказанію“.

Это не мѣшаетъ рабочимъ въ 1806 г. опять подать просьбу Александру I съ жалобой на жестокія наказанія ихъ повѣренныхъ и низкую заработную плату. Но и эта просьба имѣла успѣхъ не больше предыдущихъ. Повѣренныя рабочіе были наказаны розгами и отправлены обратно въ Ярославль.

Послѣ этого въ теченіе 11 лѣтъ рабочіе остаются спокойными; въ 1817 г. они возобновляютъ прежнія жалобы. Въ этомъ году повѣренный подалъ просьбы министру внутреннихъ дѣлъ Вязовскому и министру юстиціи Трошинскому о понужденіи ержателя фабрики повысить заработную плату. Для разсмотрѣнія была назначается коммиссія изъ частнаго пристава г. Ярославля, городского головы и одного мѣстнаго фабриканта. Коммиссія находитъ, что недовольство фабричныхъ происходитъ „не столько отъ жады, сколько отъ подстрекательства къ неповинности и своевольству просителей фабричныхъ“. По показанію коммиссіи, рабочіе устраиваютъ „въ работное время сходбища и возмущенія“; имъ не менѣе, коммиссія признаетъ, что слѣдуетъ повысить плату дневнымъ рабочимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удалить съ фабрики вредныхъ людей, возмущающихъ остальныхъ.

Ярославскій губернаторъ потребовалъ отъ рабочихъ подписку о повинности владѣльцу. Рабочіе отказались ее дать, несмотря на всѣ мѣры понужденія губернатора.

Въ слѣдующемъ году рабочіе подаютъ просьбу министру юстиціи кн. Лобанову-Ростовскому, о томъ, чтобы ихъ признали свободными, такъ какъ владѣлецъ продолжалъ ихъ притѣснять.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ командируетъ для рѣшенія положенія рабочихъ на фабрикѣ Яковлева чиновникъ министерства Бурнашева. Бурнашевъ признаетъ, что претезы мастеровыхъ Ярославской Большой мануфактуры и жалобы ихъ на недостаточность заработной платы совершенно ложны и неосновательны. Главная причина волненія— „пьянство и распутство мастеровыхъ, усилившееся среди мастеровыхъ въ высокой степени.... Праздность, въ которой люди сіи пребываютъ ¹⁾, ведетъ ихъ къ своевольнымъ мыслямъ,—отъ сего бываютъ у нихъ беспрестанныя сходки, совѣщанія, на которыхъ сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хожденія по дѣламъ“.

Для успокоенія рабочихъ, министерство рѣшило выработать и ввести на фабрикахъ особое „Положеніе“, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ; въ этомъ Положеніи была точно установлена плата, которую слѣдуетъ получать рабочимъ, число рабочихъ часовъ и пр. Поштучная плата оставлена прежней, а поденная плата была немного повышена. Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ назначена небольшая денежная пенсія. Рабочій день установленъ въ 14 час.

Но введеніе на фабрикѣ Положенія не успокоило рабочихъ. Они продолжаютъ подавать жалобы министру внутреннихъ дѣлъ особенно на то, что владѣлецъ не выдаетъ содержанія престарѣлымъ и малолѣтнимъ.

Наконецъ, въ 1823 г. двое повѣренныхъ мастеровыхъ, Русновъ и Журавлевъ, подаютъ лично просьбу Александру I во время его путешествія по Россіи на „притѣсненія фабриканта и недостаточность рабочей платы“. Графъ Аракчеевъ препровождаетъ эту просьбу министру финансовъ Канкрину съ приказаніемъ государю, чтобы для разсмотрѣнія дѣла были вытребованы въ С.-Петербурѣ депутаты рабочихъ.

Канкринъ входитъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указываетъ, что имъ получены дополнителныя свѣдѣнія отъ ярославскаго губернатора, рѣшительно заявляющаго, что „мастеровые г.г. Яковлевыхъ состоятъ на положеніи весьма выгодномъ и что жалобы ихъ на скудную плату совершенно не справедливы“.

1) Работа на мануфактурѣ продолжалась до 16 часовъ въ сутки.

редливы и показываютъ склонность ихъ къ буйству и неповиновенію. По случаю сего,—прибавляетъ Канкринъ,—долгомъ считаю спросить В. И. Величества разрѣшенія, должно ли и теперь требовать депутатовъ отъ мастеровыхъ Ярославской мануфактуры, или не повелите ли, Ваше Величество, безъ нихъ привести къ окончанію разсмотрѣніе Положенія“.

Государь не соглашается съ этимъ,—депутаты должны быть выданы, чтобы узнать точныя требованія мастеровыхъ.

Канкринъ долженъ былъ уступить. Депутаты рабочихъ были потребованы. Въ то же время ярославскій губернаторъ послалъ докладъ Канкрину, въ которомъ сообщаетъ о „вредномъ“ дѣйствіи на рабочихъ извѣстія о вызовѣ депутатовъ; это побудило губернатора немедленно принять строжайшія полицейскія мѣры (какія именно—объ этомъ губернаторъ умалчиваетъ) для „возстановленія порядка“. Рабочіе выбрали своими депутатами тѣхъ самыхъ рабочихъ, которые подавали просьбу государю—Русинова и Журавлева.

Въ слѣдующемъ году депутаты рабочихъ прибыли въ С.-Петербургъ и были опрошены въ особомъ засѣданіи подъ предѣтельствомъ директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Предѣдатель сдѣлалъ все возможное, чтобы побудить рабочихъ отказаться отъ ихъ показаній, но они стояли крѣпко на своемъ и доказывали, что заработная плата слишкомъ низка и должна быть повышена.

Отвѣты ихъ были сообщены государю, и Канкринъ увѣдомилъ владѣльца фабрики, что необходимо возвысить плату на 10⁰/. Владѣлецъ согласился на повышение въ 7⁰/. Было составлено новое Положеніе, по которому рабочій день былъ сокращенъ съ 14 до 13 часовъ (лѣтомъ) и 12 (зимой), но вмѣстѣ съ тѣмъ фабричной конторѣ было предоставлено право „самыхъ неисправныхъ и буйныхъ, а также главныхъ зачинщиковъ внутреннихъ безпорядковъ и уредителей скопищъ представлять во всякое время въ рекруты“.

Такимъ образомъ, упорная борьба рабочихъ въ концѣ концовъ привела къ нѣкоторому результату—рабочая плата была повышена, а рабочій день сокращенъ ¹⁾.

¹⁾ Всѣ эти данныя взяты изъ 3 дѣлъ: Дѣло по отношенію ярославскаго гражданскаго губернатора съ изложеніемъ отъ рабочихъ людей жалобы на содержателей ихъ Яковлевыхъ, 18 января 1804 г.; Дѣло по указу правительствующаго сената, чтобы мастеровые Ярославской Большой мануфактуры производимой за работу платой были довольны, 3 марта

На другой крупной посессионной фабрике—Осокина въ г. Казани—столкновенія рабочихъ съ хозяиномъ были хроническимъ явленіемъ еще въ прошломъ вѣкѣ ¹⁾. При этой фабрике по ревизіи значилось 1414 д. м. п., изъ которыхъ работало въ фабрике 984 (женщины не работали).

Въ 1796 г. рабочіе подавали ревизовавшему Казанскую губернію сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату и Мавринъ призналъ справедливость заявленій рабочихъ, вслѣдствіе чего плата была увеличена. Въ 1798 г. рабочіе подавали жалобу императору Павлу на жестокости владѣльца и малую плату. Жалоба была признана неосновательной. Въ 1800 г. рабочіе подали жалобу о томъ же министру юстиціи. Жалоба поступила на разсмотрѣніе мануфактуръ-коллегіи, которая предшала сообщить мастерамъ, что за дальнѣйшія столь же неосновательныя жалобы съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ и виновные будутъ сосланы въ Сибирь на работы. вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ рабочихъ была потребована подписка въ томъ, что они будутъ повиноваться хозяину. Почти всѣ рабочіе отказались дать такую подписку.

Столкновенія рабочихъ съ фабричною администраціей не прекращались. Въ 1806 г., по просьбѣ владѣльца, его власть надъ рабочими была значительно расширена—указомъ сената разрѣшено какъ владѣльцу фабрики, такъ и управляющему, назначенному владѣльцемъ, наказывать фабричныхъ за уклоненіе отъ работы и другія вины. Осокинъ старался заставить работать въ фабрике и женщинъ, но рабочіе упорно противились этому, и съ полнымъ успѣхомъ—женщины не принимали никакого участія въ фабричной работѣ.

Въ 1817 г. рабочіе подали просьбу великому князю Михаилу Павловичу. Повторяя свои прежнія жалобы на владѣльца, они въ то же время просили даровать имъ свободу, ссылаясь на то, что они происходятъ отъ свободныхъ людей и не были куплены содержателемъ фабрики. Просьба была признана неосновательной, наряжено слѣдствіе, и отъ рабочихъ вновь потребовали подписку

1806 г.; Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ людей Большой Ярославской мануфактуры на владѣльцевъ оной Яковлевыхъ въ произведеніи имъ малой заработной платы 16 марта 1817 г., 4 части. (Арх. д-та т. и м.).

¹⁾ О жалобахъ рабочихъ Осокина въ XVIII столѣтіи, какъ и вообще о волненіяхъ прошлаго вѣка, смотри г. Семевского „Крестьяне при Екатеринѣ II“.

повиновеніи фабриканту. Но рабочіе подписки не дали и тайно правили повѣренныхъ Соколова и Ефремова въ Петербургъ для подачи жалобы самому государю. Оба повѣренные были арестованы и отправлены обратно въ Казань въ кандалахъ. По дорогѣ Ефремовъ, „претерпѣвши въ пути неограниченное мученіе, не могши снести сего, умеръ“, а Соколовъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ въ Казань для изслѣдованія дѣла того же Бурнашева, который составилъ положеніе для фабрики Яковлева. Бурнашевъ донесъ, что нельзя считать на успокоеніе рабочихъ, „доколѣ фабричныя не будутъ обращены къ повиновенію своему владѣльцу, доколѣ они не оставятъ ложнаго мнѣнія, въ умѣ ихъ поселившагося, о пободѣ и доколѣ не истребленъ будетъ въ нихъ духъ своевольства“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бурнашевъ составилъ Положеніе и для фабрики Осокина. Этимъ Положеніемъ заработная плата была повышена, но были повышены и уроки. Рабочій день былъ уменьшенъ съ 14 до 12 часовъ. Рабочіе остались однако недовольны въ 1818 г. вновь подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ на „безчеловѣчное надъ нами Осокина обращеніе, употребленіе насъ въ другую работу, малое за работу довольствіе“. Приведемъ нѣсколько мѣстъ этой краснорѣчивой жалобы: „Осокинъ усугубилъ надъ нами свои жестокости и чрезъ побойства многимъ причинилъ насильственную смерть... Горестныя восклицанія о безчеловѣчномъ мученіи всѣ отринуты отъ разныхъ лицъ подъ разными видами—то неужели послѣ сего никто не хочетъ обратить вниманія на неистовства и жестокости и неужели никого нѣтъ, кто бы въ точности исполнить могъ права, закономъ установленныя!.. Мы терпимъ неограниченную во всемъ нужду и жестокое обращеніе слишкомъ 23 года, съ коего времени жалобы наши простираются въ разныя мѣста, и въ столь долгое время по установленнымъ правиламъ не можемъ получить той цѣли, каковая предположена въ указахъ 1801 г. августа 18, а за онымъ 1803 г. июня 30 и 1817 г. апрѣля 4... Въ зимнее время мы производимъ работу въ промерзшихъ мѣстахъ, и въ жестокіе морозы, по неимѣнію у многихъ теплаго одѣянія, не только нельзя производить работу, но и рукъ обогрѣть негдѣ“. Положеніе, составленное Бурнашевымъ, рабочіе называли „безсмысленнымъ, превратнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ“, такъ какъ „при самомъ бдительномъ

прилежаніи... нѣтъ способностей и средствъ урокъ выполнить „Прибытіе Бурнашева,—заканчиваютъ рабочіе,—состояло въ томъ единственно, чтобы насъ обезсилѣть, а Осокину дать способъ къ произведенію надъ нами безчеловѣчнаго мученія“.

Въ виду всего этого, рабочіе просили министра даровать имъ свободу, а до освобожденія учредить надъ фабрикой Осокина опеку.

Въ 1819 г. Казанскую губернію ревизовали сенаторы Кушниковъ и гр. Санти. Сенаторы пытались увѣрить рабочихъ въ неосновательности ихъ мнѣнія, что они люди свободные, но рабочіе говорили, что „государь людей не продаетъ“. Когда же сенаторы начали доказывать, „что воля государя была отдать предковъ ихъ даромъ или за деньги..., то рабочіе отзывались тѣмъ, что уже съ того времени деньги, заплаченные за нихъ, давно зарыты въ ботаны“¹⁾.

Болѣе 100 фабричныхъ съ женами и дѣтьми явились въ домъ гдѣ остановились сенаторы, съ жалобами на Осокина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе отказывались работать на фабрикѣ и значительная часть ихъ (около 200) совсѣмъ не являлась на фабрику.

Въ 1820 г. рабочіе явились большой толпой къ губернатору съ жалобами на Осокина. Подписку, требуемую губернаторомъ въ томъ, что они будутъ повиноваться содержателю фабрики, рабочіе наотрѣзъ отказались дать, „ибо они Осокину никогда не принадлежали и не принадлежать“.

Все это побудило начальство прибѣгнуть къ „мѣрамъ строгости“. На фабрику была поставлена воинская команда. 4 окт. 1820 сенатъ утвердилъ Положеніе, составленное Бурнашевымъ, и предписалъ губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочихъ, внушающихъ имъ „ложныя мечтанія о свободѣ“, и отправить ихъ навсегда на Иркутскую суконную фабрику. Губернаторъ лично прибылъ на фабрику и прочелъ имъ сенатскій указъ, но рабочіе „съ грубостью объявили, что хотя они все то, о чемъ имъ было внушаемо, а равно и относящіяся къ сему документы и поняли совершенно, но все оное почитаютъ за обманъ, повторяя прежніе свои отзывы о непринадлежности Осокину, и добавляя, что одному только Именному указу, самимъ Государемъ Императоромъ подписанному, могутъ они дать вѣроятіе“.

¹⁾ По словамъ сенаторовъ, главное домогательство рабочихъ заключалось въ томъ, чтобы ихъ плата была сравнена съ платой вольнонаемныхъ, ипритомъ плата производилась бы не съ издѣлья, а поденная.

Губернаторъ приказалъ 10 человекъ фабричныхъ взять подъ руку и 8 изъ нихъ немедленно отправилъ на Иркутскую фабрику. Вслѣдъ затѣмъ были сосланы еще 3 фабричныхъ, а прочіе двергнуты „полицейскимъ наказаніямъ“.

Несмотря на это, рабочіе не только отказались дать подписку въ повиновеніи, но даже заключили между собой тайнымъ образомъ письменное соглашеніе, которымъ обязывались ни въ какомъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства. Это вызвало особое судебное разслѣдованіе, и 14 дек. 1823 г. 10 рабочихъ были приговорены казанской палатой уголовнаго суда къ наказанію плетьюми, а 11-го рабочаго, нѣкоего Михайлу Мясникова, судъ приговорилъ къ двухнедѣльному аресту, въ виду того, что означенный боочій не принималъ участія въ соглашеніи, а только передалъ ему отцу бумагу, на которой было написано это соглашеніе. Приговоръ казанскаго суда поступилъ на разсмотрѣніе сената, затѣмъ комитета министровъ, которому было сообщено Высочайшее повелѣніе отъ 25 ноября 1824 г., измѣнившее приговоръ въ слѣдующемъ смыслѣ: приговоръ относительно 10 рабочихъ былъ утверждёнъ, но что касается Михайлы Мясникова, то онъ долженъ былъ присутствовать при наказаніи плетьюми и товарищей, при чемъ ему должно было быть объявлено, что если онъ выдастъ лицо, составившее соглашеніе, то будетъ избавленъ отъ наказанія, если же нѣтъ, то будетъ наказанъ тяжёлыми плетьюми. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; Михайло Мясниковъ присутствовалъ при наказаніи плетьюми его товарищей, и чемъ его отецъ былъ засѣченъ до смерти, но товарищей своихъ онъ не выдалъ...

18 іюля 1829 г. повѣренный рабочихъ Бабинъ подалъ императору Николаю I жалобу на Осокина. Въ февралѣ 1832 г. трое повѣренныхъ рабочихъ, Поповъ, Чудинъ и Сметановъ, отъ имени всѣхъ остальныхъ прислали новую жалобу государю на угнетенія и жестокости Осокина, а также и на неудовлетвореніе ихъ просьбъ казанскимъ губернаторомъ. Въ Казань былъ командированъ чиновникъ министерства финансовъ Афросимовъ, который нашелъ, что жалобы фабричныхъ, „имѣющія главнымъ основаніемъ мнимую свою вольность, суть безъ всякаго основанія и происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ буйной ихъ нравственности“.

Въ 1834 г. рядовой изъ фабричныхъ Осокина, Сапожниковъ, во время Высочайшаго смотра войскамъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, лично подалъ жалобу императору Николаю на притѣсненія ма-

стеровыхъ Осокинымъ и неправильную отдачу его самого въ рекруты. Для разслѣдованія дѣла была назначена особая коммиссія изъ представителей министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и корпуса жандармовъ. Коммиссія прежде всего постаралась убѣдить рабочихъ, что они по закону прикрѣплены къ фабрикѣ Осокина. „Нѣ таковое истолкованіе и вразумленіе фабричныхъ мастеровыхъ и только не имѣло желаемого успѣха..., но по укоренившемуся въ нихъ духу своевольства они рѣшительно объявили членамъ коммиссіи, что не перестанутъ отыскивать избавленія отъ работы на Осокина до тѣхъ поръ, пока не получатъ удовлетворенія! Подписку въ повиновеніи владѣльцу дали 32 фабричныхъ, а прочіе отказались.

Рабочіе показывали коммиссіи, что Осокинъ засѣкъ до смерти 3 фабричныхъ, одного въ 1814 г., двухъ въ 1826 г.; 55 рабочихъ, со времени 7-й ревизіи, было сослано въ Сибирь и поселеніе, 14 на Иркутскую суконную фабрику и 76 отдано въ рекруты.

Наконецъ, въ 1836 г. во время пребыванія императора Николая I въ Казани, рабочіе всей толпой отправились къ мѣсту, гдѣ проѣзжалъ государь, и подали ему новую просьбу, повторявшу прежнія жалобы на Осокина. Для усмиренія рабочихъ были приняты крайне строгія мѣры—большинство изъ нихъ было жестоко наказано розгами, а 51 человекъ удалены съ фабрики, изъ числа которыхъ годные были отданы на военную службу, а прочіе сосланы въ Сибирь ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ разрѣшилъ Осокину употреблять на фабричныя работы женщинъ и дѣтей мастеровыхъ. Но, несмотря на строгость наказанія, несмотря на то, что значительная часть рабочихъ была удалена съ фабрики, прочіе отказались дать подписку въ повиновеніи фабриканту. Когда полиціймейстеръ прибылъ на фабрику для объявленія приказа министра финансовъ—обязать работать на фабрикѣ женщинъ и дѣтей, то „при объявленіи сего мастеровымъ, только 64 человека дали подписку, а прочіе, при всѣхъ его убѣжденіяхъ, отказались“. Губернаторъ лично явился убѣждать мастеровыхъ, „но люди сіи закоснѣвши въ упорствѣ..., оказали себя и противъ его убѣжденій непреклонными, не оказывая, впрочемъ, сопротивленія въ исполненіи извѣстныхъ распоряженій“ ¹⁾.

¹⁾ О волненіяхъ на фабрикѣ Осокина см. Дѣло по жалобѣ мастеровыхъ суконной фабрики Осокина въ чинимыхъ имъ притѣсненіяхъ, 16 дек.

Въ концѣ концовъ непоколебимое „упорство“ казанскихъ су-
щниковъ не осталось безъ результата: въ 1849 г. они полу-
чили свободу, за которую такъ отчаянно боролись.

Такой же хроническій характеръ имѣли безпорядки рабочихъ
на Фряновской посессионной шелковой фабрикѣ (въ селѣ Фря-
новѣ, Богородскаго у.).

При этой фабрикѣ по 5-й ревизіи числилось 533 д. м. п.;
въ работѣ участвовали женщины и дѣти. Начиная съ 1771 г.,
работчіе подавали жалобы въ разныя присутственныя мѣста на
владельца фабрики Лазарева на недостаточность заработной
платы, а также и на то, что ихъ неправильно прикрѣпили къ
фабрикѣ, такъ какъ они—люди казенные.

Попытка подать жалобу императрицѣ Екатеринѣ II повела къ
строгому наказанію рабочихъ, наиболѣе виновные изъ которыхъ
были биты плетью и сосланы въ Сибирь.

Несмотря на это, въ 1800 г. работчіе опять подали просьбу
императору Павлу во время пребыванія его въ Москвѣ. Въ ожи-
даніи отвѣта, работчіе отказались работать на фабрикѣ, „сами
собою отлучились отъ фабрики и отъ домовъ своихъ и, скитаясь
толпами въ развращенномъ видѣ по разнымъ мѣстамъ, позволяли
себѣ многія неустройства“. За непокорство и буйный духъ мно-
гихъ неоднократно подвергали наказанію плетью, но работчіе
обнаруживали такое упорство, что богородскій земскій судъ офи-
ціально высказалъ о нихъ 2 сент. 1802 г. слѣдующее мнѣніе:
„Фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повинове-
нію впредь владѣльцу признаются безнадежными“.

Тѣмъ не менѣе, требованія рабочихъ увеличенія имъ платы,
не были, повидимому, неосновательны, такъ какъ въ томъ же
1802 г. мануфактуръ-коллегія, „усмотрѣвъ, что у Лазарева произ-
водится фабричнымъ его мастеровымъ людямъ плата недостаточ-
ная въ сравненіи съ таковою же на фабрикахъ Купавинской,
Кирьякова, Секериной и Колосовой, положила предписать Лаза-
реву, чтобы онъ сдѣлалъ соразмѣрную его мастеровымъ прибавку“.

Это обстоятельство, въ связи съ непрерывными волненіями
рабочихъ, побудило Лазарева въ 1809 г. обратиться къ министру
внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о приобрѣтеніи фабрики въ казну.

1803 г.; Дѣло по представленію казанскаго гражданскаго губернатора о
разстроеномъ положеніи Осокиныхъ фабрики, 9 ф. 1808 г.; и Дѣло о По-
ложеніи Казанской суконной фабрики Осокина, 4 части, 22 марта 1818 г.
(Арх. д-та т. и м.).

„Вмѣсто того, чтобы быть обеспеченному въ правахъ моихъ,— писалъ онъ,—и въ оборотахъ къ выгодѣ моей и поддержанію въ блистательномъ существованіи столь отличной въ государствѣ мануфактуры, вовлеченъ я въ апелляціонныя тяжбы съ крѣпостными людьми, къ фабрикѣ принадлежащими, которые, не прерывая буйствъ своихъ, простерли дерзость свою до того, что осмѣлились утруждать правительствующій сенатъ нелѣпою просьбою, чтобы поступлено было со мной по силѣ указа 1803 г.“

Комитетъ министровъ отказалъ Лазареву въ его просьбѣ. Въ 1815 г. рабочіе опять подали жалобы министру юстиціи на пристѣсненія владѣльца. Въ этой жалобѣ указывалось, что Лазаревъ не выполнилъ постановленій мануфактуръ-коллегіи объ увеличеніи заработной платы; рабочіе рассчитали, что Лазаревъ не доплатилъ имъ, сравнительно съ платой на Купавинской фабрикѣ, 538 тыс. рублей, которые они и просили взыскать въ ихъ пользу съ Лазарева. Кромѣ того, они просили, чтобы за порядками на фабрикѣ и за платежомъ имъ денегъ смотрѣли 6 человекъ, выбранныхъ ими самими изъ своей среды, а фабрика была отобрана отъ Лазарева и передана въ казну.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ во Фряново для составленія Положенія все того же Бурнашева, который не замедлилъ усмотрѣть, что фабрика очень терпитъ „отъ господствующаго между фабричными духа своеволія и безначалія“. Пока составлялось Положеніе, рабочіе вновь подали просьбу на Высочайшее имя.

Это подѣйствовало. По приказанію Александра I просьба фряновскихъ рабочихъ была разсмотрѣна комитетомъ министровъ. Указомъ 2 марта 1820 г. сенатъ призналъ просьбу рабочихъ о возмѣщеніи имъ недоплаченныхъ Лазаревымъ денегъ справедливой, но такъ какъ фабричныхъ книгъ за цѣлый рядъ лѣтъ совсѣмъ не имѣлось, то Лазаревъ былъ присужденъ къ уплатѣ рабочимъ не 538 т. руб., какъ они просили, а только 33.769 р. Составленное Бурнашевымъ Положеніе было утверждено сенатомъ; § 15 Положенія вполнѣ удовлетворялъ просьбѣ фабричныхъ о выборныхъ¹⁾.

1) Фабричные выбираютъ изъ своей среды 6 старость для подписыванія и свидѣтельствванія книгъ по задѣльной платѣ. „Должность старосты заключается въ слѣдующемъ: 1) онъ обязанъ наблюдать, чтобы контора при выдачѣ мастеровымъ задѣльныхъ денегъ не производила несправедливыхъ вычетовъ; 2) каждый день долженъ быть при фабрикѣ дневальный староста, который и обязанъ—3) своеручно свидѣтельствовать

Вслѣдъ за введеніемъ новаго Положенія 43 фабричныхъ, наибѣ замѣченныхъ въ буйствѣ, были, по просьбѣ Лазарева, удалены съ фабрики и переведены на Екатеринославскую казенную суконную фабрику.

Потерявши своихъ вожаковъ, фряновскіе рабочіе нѣкоторое время оставались спокойными. Но уже въ 1823 г. вновь начинаются жалобы рабочихъ на владѣльца, отославшаго всѣхъ выранныхъ старость, какъ возмутителей, на казенную Екатеринославскую суконную фабрику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе подали жалобу государю на министра финансовъ, жалуясь на то, что министръ финансовъ не удовлетворяетъ ихъ просьбъ и всегда стоитъ въ сторонѣ Лазарева. На эту жалобу не послѣдовало отвѣта. Завѣдывающая фабрика перешла къ купцамъ Рогожинымъ. Въ 1837 г. рабочіе подаютъ жалобу московскому генералу-губернатору князю Голицыну, министру финансовъ и въ земскій судъ на то, что Рогожины не позволяютъ имъ выбирать старость и даютъ слишкомъ низкую плату (на фабрикѣ работало до 800 человекъ вольнонаемныхъ, получавшихъ вдвое бѣльшую плату). Такъ какъ кн. Голицынъ относился вообще очень внимательно къ жалобамъ рабочихъ, то на этотъ разъ просьбы рабочихъ оказали быстрое дѣйствіе. Кн. Голицынъ предписалъ Рогожинымъ не препятствовать мастеровымъ выбрать старость и въ то же время назначилъ комиссію для составленія новаго Положенія для фабрики. Комиссія признала необходимость повысить плату рабочимъ на 20, 30 и болѣе % (смотря по роду труда), но такъ какъ въ это время министерство финансовъ уже измѣнило свой взглядъ на полезность такихъ Положеній, то составленное комиссіей Положеніе не было утверждено. Тѣмъ не менѣе, заработная плата рабочимъ, повидимому, была нѣсколько повышена ¹⁾).

на ярлыкѣ, что вписанныя въ нихъ количества матеріаловъ суть тѣ самыя, кои мастеровымъ, дѣйствительно, выданы, и что выдача мастеровому задѣльной платы произведена исправно и несправедливыхъ вычетовъ за хлѣбъ, дрова и пр. не сдѣлано; 4) въ выборѣ старосты должно участвовать все общество". (§ 15 Положенія Фряновской фабрики, утвержденного въ 1820 г. сенатомъ).

¹⁾ См. Дѣло по прошенію содержателя Фряновской шелковой фабрики Лазарева о покупкѣ у него оной въ казну, 15 сентября 1809 г.; Дѣло о притѣсненіяхъ содержателя шелковой фабрики, дворянина Лазарева, мастеровымъ чинамъ, 9 февр. 1815 г.; Дѣло по прошенію коллежскаго содѣлника Ив. Лазарева о дозволеніи распустить по паспортамъ мастеровыхъ Фряновской шелковой фабрики, 27 янв. 1823 г.; Дѣло по просьбѣ

На другой крупной шелковой фабрикѣ Богородскаго уѣзда, въ селѣ Купавнѣ, которая до 1803 г. была казенной, въ этомъ годѣ передана кн. Юсупову, а затѣмъ перешла купцамъ Бабкинымъ. Были крупныя волненія рабочихъ въ 30-хъ годахъ. При этой фабрикѣ по 7-й ревизіи числилось 680 д. м. п. Въ 1834 г. былъ какъ извѣстно, сильный неурожай, и цѣна хлѣба чрезвычайнѣе поднялась. Въ августѣ этого года рабочіе подали жалобу министру финансовъ. Предметомъ жалобы была, главнымъ образомъ, недостаточность заработной платы. Рабочіе просили, чтобы ихъ плата была сравнена съ платою вольныхъ рабочихъ.

Вскорѣ послѣ подачи жалобы на фабрикѣ произошли крупныя беспорядки. Многіе рабочіе бросили работу, и толпа мастеровыхъ явилась къ фабричной конторѣ, требуя немедленной выдачи хлѣба, который обыкновенно выдавался позже, и вмѣстѣ съ тѣмъ „съ дерзостью спрашивая, почему Бабкины ихъ имѣютъ и чтобы показали имъ указъ на право владѣнія“. Одинъ рабочій былъ арестованъ и отправленъ въ г. Богородскъ, но товарищи по дороге его освободили.

Прибыла полиція и хотѣла арестовать трехъ рабочихъ, но безуспѣшно, „такъ какъ прочіе фабричныя, собравшись большою толпою, рѣшительно и съ азартомъ кричали, что людей сихъ не дадутъ“, и въ заключеніе самовольно смѣнили голову и выбрали новаго.

Въ виду этого, по распоряженіи кн. Голицына, въ Купавну были отправлены 2 роты солдатъ и 30 казаковъ. 5 рабочихъ были наказаны плетью, а съ прочихъ была потребована губернаторомъ, лично прибывшимъ въ Купавну, подписка въ повиновеніи Бабкинымъ.

Рабочіе, хотя и не сопротивлялись солдатамъ, подписки не дали ¹⁾.

фабричныхъ мастеровыхъ купцовъ Рогожиныхъ Фряновской шелковой фабрики о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ имъ фабрикантомъ, 10 апр. 1837 г. (Арх. д-та т. и. м.).

¹⁾ Вотъ какъ описываютъ сами рабочіе въ прошеніи министру финансовъ 28 ноября 1834 г. жестокое наказаніе своихъ товарищей. „Когда троихъ наказали, а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ вида, что все понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ не читали, бросить плети и не стали наказывать и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: самъ наказывай, а солдаты также преклонили ружья, а капитанъ-исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни“.

Министерство финансовъ и кн. Голицынъ отнеслись къ этимъ безпорядкамъ очень различно. Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли увидѣлъ въ волненіяхъ рабочихъ только „склонность къ безначалію, которая была искони отличительной чертой посессионныхъ фабричныхъ, но у купавинскихъ мастеровыхъ вышла же изъ предѣловъ терпимости, со времени ихъ поступленія во владѣніе купцовъ Бабуиныхъ, коихъ они всемирно хотятъ принудить къ повышенію заработной платы“. Между тѣмъ, слѣдственная комиссія, назначенная кн. Голицынымъ, выяснила, что плата посессионнымъ рабочимъ на фабрикѣ Бабуиныхъ гораздо ниже, чѣмъ на сосѣднихъ фабрикахъ, почему и „сумма, вырабатываемая фабричными, дѣйствительно слишкомъ недостаточна“. Точно такъ же, по мнѣнію комиссіи, пенсія престарѣлымъ и малолѣтнимъ сиротамъ „недостаточна для одного пропитанія“.

Въ виду этого, кн. Голицынъ призналъ нужнымъ уменьшить оказаніе мастеровымъ, виновнымъ въ неповиновеніи властямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился съ просьбой къ министру финансовъ „установить правила, въ которыхъ бы права и обязанности какъ мастеровыхъ, такъ и владѣльцевъ, опредѣлены были со всею точностью и съ соблюденіемъ взаимныхъ выгодъ, ибо симъ единственнымъ средствомъ можетъ быть устраненъ всякій поводъ къ руганіямъ какъ владѣльцами мастеровыхъ, такъ и сихъ послѣднихъ къ безпорядкамъ“.

Для выработки Положенія была назначена комиссія, въ которую вошли чиновники министерства финансовъ и лица по назначенію кн. Голицына. Рабочіе продолжали волноваться, подали цѣлый рядъ жалобъ Канкрину, кн. Голицыну и одно прошеніе на Высочайшее имя. Главный поводъ къ жалобамъ рабочихъ, выражаясь въ словахъ, заключался „болѣе въ томъ единственно, что вольнымъ людямъ Бабуины полагаютъ платы вдвое, нежели своимъ фабричнымъ“. Члены въ комиссіи отъ кн. Голицына такъ энергично выступили въ защиту рабочихъ, что Бабуины обратились къ Канкрину съ жалобой на московскаго генералъ-губернатора, говоря, что его чиновники часто посѣщаютъ фабрику, разспрашивая рабочихъ о разныхъ вещахъ, и вызываютъ этимъ волненія среди фабричныхъ. „Рабочіе дѣлаютъ противъ насъ ослушанія, воруютъ нарочно наши товары и машины, выходятъ совершенно изъ повиновенія законной власти, уклоняются отъ работъ... ходятъ толпами, собираютъ деньги и, бѣгая отъ фабрики, нанимаютъ по-

вѣрнныхъ, пишутъ безпрестанно на насъ ложныя просьбы, твердя, что скоро они всѣ сдѣлаются вольными“.

Но, несмотря на такого сильнаго заступника, какъ московскій генералъ-губернаторъ (настаивавшаго на утвержденіи Положенія выработаннаго его чиновниками, по которому плата посессионнымъ рабочимъ Купавинской фабрики была сравнена съ платой вольныхъ наемныхъ), рабочіе не достигли своей цѣли. Канкринъ не призналъ возможнымъ утвердить новое Положеніе для Купавинской фабрики, и все осталось по старому. Въ началѣ 40-хъ годовъ рабочіе лично подавали нѣсколько просьбъ министру финансовъ, повторяя свои прежнія жалобы, но безъ всякаго для себя результата ¹⁾.

Я говорилъ о жалобахъ рабочихъ Большой Ярославской мануфактуры на низкую плату. Рабочіе Малой Ярославской мануфактуры, принадлежавшей купцу Угличанинову, имѣли еще болѣе поводовъ къ жалобамъ, такъ какъ у нихъ плата была еще ниже чѣмъ на фабрикѣ Яковлевыхъ. Въ 1817 г. они подали ярославскому губернатору просьбу объ увеличеніи платы, при чемъ жаловались также и на жестокости владѣльца. Губернаторъ приказалъ Угличанинову увеличить плату, и, дѣйствительно, плата была увеличена, но не надолго. При помощи вычетовъ и штрафовъ фабрикантъ вернулъ плату къ прежнему уровню, и рабочіе снова начали подавать жалобы. Весьма любопытно, что мѣстная и центральная власть относилась къ этимъ жалобамъ очень различно. Ярославское губернское правленіе въ 1824 г. признало просьбы фабричныхъ основательными и предписало, „чтобы фабричная задѣльная плата производилась не въ меньшемъ отнюдь количествѣ противъ платимой на Яковлевской фабрикѣ... и какъ всѣхъ вообще дровами и свѣчами, такъ и малолѣтнихъ и престарѣлыхъ къ работѣ уже неспособныхъ, хлѣбомъ и денежными пособіями довольствоваться по примѣру той фабрики“. Между тѣмъ, департаментъ мануфактуръ и торговли нашелъ, что распоряженіе ярославскаго губернскаго правленія, настаивавшаго, чтобы рабочіе Угличанинова получали такую же плату, какъ и на фабрикѣ Яковлева, „ни съ чѣмъ не сообразно“, и потому полагалъ „по

¹⁾ См. Дѣло объ отдачѣ кв. Юсупову въ потомственное содержаніе Купавинской шелковой фабрики, 9 сент. 1803 г.; Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ кв. Юсупова о взятіи въ казну Купавинской фабрики и передаче кол. сов. Ліону, а напоследокъ купцамъ Бабкинымъ, 11 ноября 1831 г. (Арх. д-та т. и м.)

вѣнѣйшимъ предписать гражданскому губернатору, не приводя въ исполненіе постановленія губернскаго правленія, употребить неослабое наблюденіе, чтобы Угличаниновъ старался о благосостояніи мастеровыхъ“; съ этимъ мнѣніемъ согласился и Канкринъ, и дальнѣйшія жалобы рабочихъ Угличанинова не имѣли никакого результата ¹⁾.

Довольно крупныя безпорядки произошли въ 1811 г. на суконной фабрикѣ Якова Гарденина въ селѣ Бондаряхъ, Тамбовскаго уѣзда. Рабочіе принесли жалобу тамбовскому губернатору, что содержатель фабрики совсѣмъ пересталъ имъ выдавать плату за работу и отобралъ въ свою пользу пашенную землю. Губернаторъ командировалъ на фабрику земскаго исправника и другихъ чиновниковъ, которые донесли ему, что рабочіе совсѣмъ „отрекались отъ работы“ и послѣ увѣщанія „съ грубостью объявили, что работать на фабрикѣ не будутъ“. Исправникъ попробовалъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости—арестовать главныхъ буяновъ, но фабричныя ударилъ въ набатъ и, „стекшись во множествѣ, окружили квартиру чиновниковъ и домъ Гарденина, угрожая первыхъ убить и отбить ворота у послѣдняго“. Чиновники губернатора съ большимъ трудомъ спаслись отъ раздраженной толпы и поспѣшно выѣхали изъ села. Губернаторъ отправилъ въ село воинскую команду и назначилъ слѣдственную комиссію, по мнѣнію которой, главнѣйшей причиной безпорядковъ было то, что рабочіе Якова Гарденина, видя, что на сосѣдней фабрикѣ Онуфрія Гарденина фабричное производство прекратилось, „возомнили, что и они могутъ удалиться отъ работы“.

Конецъ этого волненія, по донесенію губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, былъ таковъ: „четверо изъ главныхъ зачинщиковъ наказаны кнутомъ, трое плетью. Всѣ прочіе затѣмъ рас-

¹⁾ См. Дѣло о притѣсненіяхъ, чинимыхъ фабрикантомъ Угличаниновымъ мастеровымъ людямъ. 2 части. 1817 г. (Арх. д-та т. и. м.). Неодинаковое отношеніе центральной и мѣстной власти къ жалобамъ рабочихъ было явленіемъ весьма частымъ; я говорилъ выше, что кн. Голицынъ обнаруживалъ большое вниманіе къ этимъ жалобамъ. Точно такъ же о предшественникѣ его, гр. Тормасовѣ, Бурнашевѣ, командированный въ 1818 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ для осмотра фабрики, пишетъ въ своемъ донесеніи министру отъ 3 іюня 1818 г.: „Гр. Тормасовъ, къ сожалѣнію, всегда благосклонно принимаетъ вздорныя просьбы фабричныхъ и, общающа имъ всякое покровительство, неумышленно поощряетъ ихъ къ своевольству“. Дѣло о притѣсненіяхъ Лазарева мастеровымъ чинамъ, 9 февраля 1815 г.

калялись въ своемъ заблужденіи, вступили въ фабричныя работы и дали подписку впредь повиноваться неуклонно, почему и оставлены безъ наказанія, дабы чрезъ дальнѣйшую строгость не ожесточить ихъ снова. Симъ дѣйствіемъ удержаны отъ подобныхъ безпорядковъ крестьяне и прочихъ фабрикантовъ, коихъ до 3 тысячъ душъ обоого пола выжидали только, чѣмъ кончится мятежъ первыхъ¹⁾.

Приведемъ еще одинъ изъ многихъ случаевъ фабричныхъ волненій, которыя были усмирены только съ помощью военной силы. Въ 1837 г. фабричныя крестьяне при полотняной и миткалевой фабрикахъ Бровкиныхъ, Алексинск. уѣзда, Тульск. губ., отъ имени всего общества въ 337 д. м. п. подали жалобу Канкрину на разные притѣсненія хозяина и, главнымъ образомъ, на неплатежъ денегъ за работу. По произведенному разслѣдованію выяснилось, что на фабрикахъ Бровкиныхъ работаетъ 111 муж., изъ которыхъ только 44 получаютъ плату; прочіе же, вмѣсто платы, пользуются землей которую обрабатываютъ на себя. Несмотря на всѣ мѣры владѣльцевъ и мѣстныхъ властей, крестьяне рѣшительно отказались работать на фабрикахъ безъ платы. Нѣсколько человекъ изъ нихъ были арестовано, другіе наказаны розгами. Тѣмъ не менѣе, рабочіе стояли на своемъ.

Тогда въ село была послана воинская команда, и 8 человекъ возмутителей, „въ страхъ другимъ“, было наказано плетьюми въ самомъ селеніи, а затѣмъ сослано въ Сибирь. Прочіе наказаны „полицейскимъ исправленіемъ розгами“. Въ село была ноставлена экзекуція—команда солдатъ, которая въ одинъ мѣсяць совершенно разорила село. Крестьяне были усмирены и принялись за работу при чемъ уѣздный судъ обязалъ Бровкиныхъ подпиской, чтобы они „употребляли на фабричныя работы изъ крестьянъ только половинное число“²⁾.

Приведемъ довольно исключительный примѣръ посессионной фабрики, которой управляли сами рабочіе, почти безъ всякаго контроля содержателя. Красносельская бумажная фабрика близъ Петербурга была прежде казенной, но затѣмъ была передана гр. Сиверсу, отъ котораго переходила къ другимъ владѣльцамъ въ началѣ этого вѣка принадлежала Хлѣбникову. У рабочихъ не

¹⁾ Дѣло о возникшемъ непослушаніи между фабричными городового секретаря Якова Гарденина. 26 июня 1811 г. (Арх. д-та т. и м.).

²⁾ Дѣло по жалобѣ крестьянъ посессионной фабрики Бровкиныхъ на притѣсненія отъ владѣльцевъ, 3 дек. 1837 г. (Арх. д-та т. и м.).

гой фабриктъ возникали безпрестанныя столкновѣнія съ фабриантами еще въ прошломъ вѣкѣ ¹⁾). Въ 1803 г. имъ удалось заключить съ Хлѣбниковымъ крайне любопытный договоръ, утвержденный въ софійскомъ уѣздномъ судѣ. По этому договору между фабрикантомъ и мастеровыми установились слѣдующія отношенія. Рабочіе получаютъ въ свою пользу $\frac{1}{5}$ часть цѣны всей продаваемой бумаги. Сверхъ того, они получаютъ отъ хозяина даромъ прова. Мастеровые обязываются сами за свой счетъ производить необходимый ремонтъ фабричныхъ зданій и машинъ, кромѣ „знатныхъ въ машинахъ перемѣнъ“. Цѣна продаваемой бумаги должна опредѣляться разъ въ годъ представителями хозяина и мастеровыхъ. Хозяинъ обязуется исправно поставлять тряпье (причемъ, если тряпье не будетъ доставлено, то мастеровые получаютъ отъ мадѣльца опредѣленную плату за каждый прогульный день), а рабочіе обязуются выдѣлывать изъ доставляемаго тряпья не менѣе опредѣленнаго количества бумаги и притомъ хорошаго качества (въ противномъ случаѣ, бумага не принимается фабричной конторой).

Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всѣмъ ходомъ работъ на фабриктъ завѣдывалъ мастеръ, выбранный самими рабочими (на фабриктъ числились по 5-ой (?) ревизіи 181 д. м. п.). Распределеніе суммы, слѣдующей рабочимъ, производилось ихъ собственными выборными. Продолжительность рабочаго дня на фабриктъ устанавливалась всѣмъ обществомъ.

Отъ Хлѣбникова фабрика перешла къ помѣщицѣ Полторацкой, при которой начинаются непрерывныя жалобы содержательницы фабрики на рабочихъ, и обратно, причемъ главнымъ поводомъ къ раздорамъ былъ названный договоръ.

Полторацкая жаловалась министру внутреннихъ дѣлъ, что „мастеровые отпали отъ всякаго повиновенія, составили между собой общество, которое ими управляетъ, отклоняя всякое надъ собою начальство и никому не отдавая отчета какъ въ прогулахъ, такъ и въ хорошей отдѣлкѣ бумаги. Въ сутки болѣе они не работаютъ 4-хъ часовъ, имѣютъ, кромѣ табельныхъ, множество праздниковъ и предаются пьянству“. Въ виду этого Полторацкая просила о совершенномъ уничтоженіи договора 1803 г. или же объ утвержденіи новаго Положенія для фабрики.

Съ другой стороны, рабочіе жаловались на то, что Полто-

¹⁾ Объ этомъ см. Семеvскій. „Крестьяне при Екатеринѣ II“. Стр. 423—429.

рацкая не исполняетъ договора, не допускаетъ къ исправленію своихъ обязанностей выбранныхъ рабочими мастеровъ и проч.

Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ для осмотра фабрики особаго чиновника, который не замедлилъ обнаружить многія „неправильности“ рабочихъ. Такъ, по донесенію этого чиновника нѣкоего Прилуцкаго, имъ „примѣчено, что въ сей фабрикѣ иныя мальчишки и до 15 лѣтъ не ходятъ на работу“. Женщины совсѣмъ на ней не работали. Рабочій день, по показаніямъ самихъ рабочихъ, не превышалъ 10 ч. въ сутки.

Въ виду этихъ „неправильностей“, сенатъ въ 1813 г. утвердилъ новое Положеніе Красносельской фабрики, которое сохранило въ силѣ договоръ 1803 г. съ тѣмъ измѣненіемъ, что: 1) мастеръ и подмастерье должны не выбираться рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа должна продолжаться не менѣе 12 ч. въ сутки, и 3) дѣти должны работать на фабрикѣ съ 12-лѣтняго возраста. Прочіе пункты измѣненія были несущественны.

Новое Положеніе вызвало цѣлый рядъ жалобъ рабочихъ. Въ 1814 и 1816 гг. рабочіе подали жалобы Александру I, указывая на несправедливые вычеты изъ ихъ заработной платы и прося о принятіи фабрики въ казну и выдачѣ имъ въ ссуду 100 т. р., съ тѣмъ, чтобы они сами завѣдывали фабрикой и платили бы въ казну по 15 к. съ каждой выработанной стопы бумаги.

Иными словами, рабочіе мечтали не болѣе, не менѣе, какъ объ устройствѣ собственной кооперативной фабрики — и это въ крѣпостной Россіи!

Само собою разумѣется, что просьба рабочихъ объ отдачѣ имъ фабрики въ полное пользованіе не была уважена; но жалобы на несправедливые вычеты оказали дѣйствіе. По приказанію императора, вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, который въ засѣданіи 23 янв. 1817 г. призналъ, что Полторацкая, дѣйствительно, дѣлала значительные вычеты изъ платы рабочихъ, и постановилъ, чтобы содержательница фабрики вернула рабочимъ всю недоплаченную имъ сумму. вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ не согласился съ предложеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ — обязать мастеровыхъ подпиской о неподачѣ жалобъ, „считая сіе излишнимъ, ибо несправедливо было бы заграждать мастеровымъ путь къ жалобамъ, въ случаѣ какого-либо имъ притѣсненія“.

Рѣшеніе комитета министровъ было утверждено Александромъ I,

второй приказалъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ ему лично о выполненіи постановленія комитета министровъ — о возвратѣ рабочимъ неуплаченной Полторацкой суммы 5715 р. 17 к.; эти деньги были получены рабочими въ маѣ того же года.

Естественно, что рѣшеніе комитета министровъ не понравилось Полторацкой, которая вслѣдъ затѣмъ подала нѣсколько просьбъ министру внутреннихъ дѣлъ о покупкѣ ея фабрики въ казну, отказываясь вести дѣло при томъ духѣ „независимости“, который укоренился среди рабочихъ. Въ концѣ концовъ, столкновенія владѣлицы фабрики и рабочихъ привели къ разстройству фабрики и приостановкѣ производства. Въ 1825 г. Красносельская фабрика была приобретена удѣльнымъ вѣдомствомъ; фабричное производство было прекращено, а мастерские были признаны удѣльными ¹⁾.

Изъ изложеннаго видно, что неповиновеніе рабочихъ владѣльцамъ было обычнымъ явленіемъ на посессионныхъ фабрикахъ. Это повлияло и на наше уголовное законодательство. Жалоба владѣльца полотняной и суконной фабрики Кознова на рабочаго Кулемина повела въ 1833 г. къ распространенію на владѣльцевъ фабричныхъ имѣній права ссылать въ Сибирь тѣхъ фабричныхъ крестьянъ, которые окажутся „порочными и развращеннаго поведенія“ ²⁾. Въ Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. была включена статья, приравнивающая возстанію противъ правительственной власти неповиновеніе фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему фабрикой или заводомъ, оказанное цѣлою артелью или толпою ³⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ликвидація фабричнаго посессионнаго права совершилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ рабочихъ волненій; эти волненія были такимъ же симптомомъ

1) См. Дѣло по жалобѣ приписныхъ къ бывшей генераль-аудитора-лейтенанта Хлѣбникова мастеровыхъ на чинимыя имъ нынѣшней помѣщицей Полторацкой притѣсненія, 1 дек. 1805 г.; Дѣло по жалобѣ Красносельской бумажной Хлѣбникова фабрики мастерового Ладыгина, 22 мая 1805 г.; Дѣло о неповиновеніи мастеровыхъ Красносельской бумажной фабрики Полторацкой, 19 іюня 1811 г.; Дѣло о желаніи статской совѣтницы Полторацкой продать въ казенное вѣдомство принадлежащую ей Красносельскую бумажную фабрику, 29 марта 1817 г. (Арх. д-та Т. и М.).

2) Высочайше утв. мнѣніе госуд. совѣта 7 окт. 1833 г. II. С. З., II изд., т. VIII, 6475.

3) Ст. 1791 Уложенія о наказаніяхъ, изд. 1845 г. Виновные по этой статьѣ наказывались отъ тюремнаго заключенія до наказанія плетью и ссылки въ Сибирь на каторжные работы.

новыхъ общественныхъ запросовъ и новыхъ общественныхъ отношений, какъ и распространение новыхъ способовъ производства сдѣлавшее работу свободными рабочими болѣе выгодной, съ точки капиталистической точки зрѣнія, чѣмъ работа принудительнымъ трудомъ. И рабочія волненія на посессионныхъ фабрикахъ, и переходъ къ новымъ формамъ производства были только различными формами выраженія одного и того же эволюціоннаго процесса.

Весьма поучительно отношеніе къ этимъ волненіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ. Весьма нерѣдкимъ мѣстная губернская власть, бывшая въ дореформенное время подъ доминирующимъ вліяніемъ дворянства, относилась съ извѣстнымъ вниманіемъ къ жалобамъ рабочихъ. Дворянство всегда смотрѣло съ извѣстнымъ недоброжелательствомъ на успѣхи торгово-промышленнаго сословія. Напротивъ, министерство финансовъ всегда горячо отстаивало интересы фабрикантовъ. Выше уже было приведено нѣсколько случаевъ столкновеній органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ финансовъ по поводу волненій рабочихъ. Такъ, московскій генераль-губернаторъ, князь Голицынъ нерѣдко горячо вступался за интересы рабочихъ и долженъ былъ вести изъ-за нихъ упорную борьбу съ министерствомъ финансовъ. Такое же положеніе занималъ по отношенію къ департаменту мануфактуръ и внутренней торговли и предшественникъ Голицына—Тормасовъ. Въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ Бунашева министру внутреннихъ дѣлъ отъ 3 іюля 1818 года Тормасовъ характеризуется, какъ постоянный защитникъ рабочихъ противъ хозяевъ, всегда готовый обнадеживать первыхъ въ ихъ жалобахъ на послѣднихъ. Въ столкновеніяхъ фряновскихъ рабочихъ съ Лазаревымъ Тормасовъ, дѣйствительно, стоялъ на сторонѣ рабочихъ и даже превысилъ свою власть, приказавши Лазареву въ 1815 г. платить своимъ рабочимъ такую же плату, которую получали купавинскіе рабочіе. Въ тоже время Тормасовъ собственною властью смѣнилъ управляющаго фабрикой Лазарева, Казакевича, на жестокости котораго жаловались рабочіе. Лазаревъ подавалъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли жалобы на незаконныя дѣйствія генераль-губернатора. Голицынъ также неоднократно выступалъ защитникомъ фряновскихъ рабочихъ. Такъ, въ отношеніи министру финансовъ отъ 24 іюня 1820 года Голицынъ указывалъ на необходимость увеличенія заработковъ фряновскихъ рабочихъ и признавалъ полезнымъ пред-

ставитъ выборнымъ рабочимъ право назначать штрафы за дурную работу. Тѣ же выборные, по мысли Голицына, должны были блюсти и за отдачей рабочихъ въ рекруты.

Если бы предложенія Голицына были исполнены, то рабочіе, въ лицѣ своихъ выборныхъ, получили бы власть до извѣстной степени независимую отъ фабриканта. Министръ финансовъ Гурьевъ энергично воспротивился этимъ предложеніямъ, которыя поступили на разсмотрѣніе комитета министровъ, согласившагося съ министромъ финансовъ. Предложенія Голицына были отклонены.

Столкновенія Голицына съ министерствомъ финансовъ по поводу рабочихъ были вообще нерѣдки. Такъ, напримѣръ, въ половинѣ 30-хъ годовъ произошли волненія посессионныхъ рабочихъ въ суконной фабрикѣ Соколова (въ Московской губерніи). Соколовъ пожаловался въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, который распорядился отправить въ Сибирь зачинщика волненій Ушаткина, а жалобы рабочихъ оставить безъ послѣдствій. Министръ финансовъ Канкринъ одобрилъ это рѣшеніе. Напротивъ, Голицынъ вступился за рабочихъ. Въ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 дек. 1836 г. онъ выражаетъ мнѣніе, что Ушаткинъ ни въ чемъ не виновенъ, такъ какъ жалобу на своего владѣльца онъ подалъ по просьбѣ всѣхъ своихъ товарищей. Въ виду этого Голицынъ полагалъ, что Ушаткинъ не долженъ быть ссылаемъ въ Сибирь, тѣмъ болѣе, что его ссылка раздражала бы рабочихъ. Дѣйствія департамента мануфактуръ и внутренней торговли признавались Голицынымъ поспѣшными и неблагоразумными. Дѣло дошло до сената, одобвившаго дѣйствія департамента.

Весьма характерно, что даже такой крайній реакціонеръ, какъ Московскій генераль-губернаторъ конца 40-хъ годовъ гр. Закревскій весьма сурово относился къ фабрикантамъ и выступалъ иногда въ роли защитника рабочихъ. Такъ, Закревскій пишетъ въ отношеніи министру финансовъ Вронченко отъ 27 апрѣля 1849 г. «Владѣльцы посессионныхъ фабрикъ купцы ни по образованію, ни по нравственнымъ качествамъ своимъ не представляютъ ручательства въ неупотребленіи во зло посессионнаго владѣнія; отсюда безпрерывныя жалобы фабричныхъ на притѣсненія хозяевъ фабрикъ“ 1).

1) Дѣло по предположенію гр. Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики въ Москвѣ. 22 окт. 1848. (Арх. деп. Т. и М.).

Это различіе отношенія къ рабочимъ волненіямъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ объясняется слѣдующимъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, во-первыхъ, ближе стояло къ интересамъ дворянства, по преимуществу, аграрнаго класса, для котораго интересы фабрикантовъ были чужими интересами; во-вторыхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ руководствовалось полицейскими и общеполитическими соображеніями—стремленіемъ устранить поводы къ нарушеніямъ государственнаго порядка, а рабочія волненія являлись такимъ нарушеніемъ порядка. Какъ мы увидимъ ниже, вплоть до новѣйшаго времени полицейскія и политическія соображенія играютъ первенствующую роль въ созданіи нашего фабричнаго законодательства, почему министерству внутреннихъ дѣлъ принадлежала инициатива многихъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ защитѣ интересовъ рабочихъ. Напротивъ, министерство финансовъ, какъ органъ, представляющій интересы промышленности, отождествляло эти интересы съ интересами крупныхъ предпринимателей и выступало защитникомъ фабрикантовъ въ ихъ столкновеніяхъ съ рабочими.

ГЛАВА V.

Дореформенное фабричное законодательство.

Проектъ 1811 г. учрежденія особаго сословія фабричныхъ мастеровыхъ.— Жалобы фабрикантовъ на оставленіе крѣпостными работъ.— Проектъ 1832 г. кн. Голицына.— Сочувственное отношеніе Голицына къ рабочимъ.— Оппозиція проекту московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ.— Законъ 1835 г.— Мѣры министерства финансовъ къ улучшенію положенія фабричныхъ рабочихъ.— Оппозиція фабрикантовъ.— Полный неуспѣхъ этихъ мѣръ.— Первый законъ, ограничивавшій работу малолѣтнихъ, 1845 г.— Его странная судьба.— Проектъ кн. Щербатова.— Проектъ гр. Закревскаго.— Правила Закревскаго для фабричной работы въ Москвѣ.— Отношенія къ этимъ правиламъ мануфактурнаго совѣта и министерства финансовъ.— Дальнѣйшая судьба этихъ правилъ.

Вольнонаемные рабочіе уже въ началѣ XIX вѣка составляли около половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ, а во второй четверти нашего вѣка число ихъ должно было сильно увеличиться. Несмотря на это, юридическое положеніе этихъ рабочихъ, вплоть до 30-хъ годовъ, оставалось крайне неопредѣленнымъ. Какъ мы видѣли, въ прошломъ столѣтіи фабрика была мѣстомъ пристанища по преимуществу бѣглыхъ крестьянъ и разнаго сброда, не находившаго себѣ другого заработка. Въ XIX вѣка крестьяне попрежнему составляли главный контингентъ фабричныхъ рабочихъ,—лѣтомъ они возвращались въ деревню, а зимой работали на фабрикѣ. Хотя въ это время присканіе рабочихъ для фабрикъ и не представляло такихъ непреодолимыхъ трудностей, какъ въ прошломъ столѣтіи, тѣмъ не менѣе однимъ изъ существенныхъ тормазовъ развитія нашей фабрики было отсутствіе подготовленнаго рабочаго персонала.

Извѣстно, что уже съ начала этого столѣтія наше правительство начинаетъ стремиться къ уничтоженію крѣпостнаго права. Учитель великихъ князей Константина и Николая Павловичей

извѣстный экономистъ Шторхъ прямо заявлялъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи, что „если, несмотря на всѣ поощренія промышленности въ теченіе полутора столѣтій, она до сихъ поръ сдѣлала такъ мало успѣховъ, то виной является преимущественно рабство. Вотъ основная причина, задерживающая ростъ русской промышленности... Въ промышленности превосходство свободнаго рабочаго надъ рабомъ еще болѣе очевидно, чѣмъ въ земледѣліи“¹⁾.

Признавая необходимость распространенія вольнонаемной работы на фабрикахъ, правительство попыталось въ 1811 г. помочь затрудненіямъ фабрикантовъ въ пріисканіи свободныхъ рабочихъ путемъ созданія особаго класса фабричныхъ рабочихъ. Съ этою цѣлью министерство внутреннихъ дѣлъ выработало интересный проектъ „Положенія объ учрежденіи особаго состоянія свободныхъ мастеровъ“, который разсматривался въ государственномъ совѣтѣ, но не получилъ силы закона.

Проектъ этотъ интересенъ тѣмъ, что онъ характеризуетъ отношеніе правительства къ вопросу о вольнонаемныхъ фабричныхъ рабочихъ. Сословіе свободныхъ мастеровъ должно составиться, согласно проекту, изъ свободныхъ людей, обучившихся какому-либо мастерству (§ 1 проекта), причемъ чернорабочіе не могутъ входить въ составъ этого сословія. Свободные мастеровые пользуются нѣкоторыми привилегіями (дома ихъ освобождаются отъ налоговъ городскихъ повинностей и пр., §§ 10—12), но вмѣстѣ съ тѣмъ они находятся въ полной зависимости отъ фабрикантовъ; имъ выдаются паспорта лишь по предьявленіи отъ тѣхъ фабрикантовъ, у которыхъ они работали раньше, особыхъ аттестатовъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ искусствѣ и поведеніи на фабрикѣ (§§ 15—17)²⁾.

Этотъ пунктъ достаточно характеренъ. Проектъ, какъ сказано, не имѣлъ успѣха, и вопросъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ оставался, говоря канцелярскимъ языкомъ, „неупорядоченнымъ“. Эта „неупорядоченность“ была крайне неудобна для фабрикантовъ. Главнымъ предметомъ жалобъ фабрикантовъ былъ

¹⁾ Н. Storch, „Cours d'Economie Politique. St.-Petersbourg, 1815. Томъ IV стр. 307, 319.

²⁾ Дѣло по письму министра внутреннихъ дѣлъ государственному секретарю о проектѣ положенія касательно пріобрѣтенія недворянами кутуконымъ фабрикамъ деревень, 21 января 1811 г. Арх. д-та Торг. и Мануф. Этотъ проектъ приведенъ у Нисселовича. „Исторія фабрично-заводскаго законодательства“, II, 80—81.

что крѣпостные крестьяне, нанимавшіеся на извѣстный срокъ фабрики, сплошь и рядомъ покидали работу до срока подъ предло- жемъ приказанія своего помѣщика вернуться въ деревню. С.-Петер- буржская мануфактурная выставка 1829 г., на которую собралось много фабрикантовъ, дала поводъ московскимъ и владимѣрскимъ фабрикантамъ обратиться съ жалобой по этому поводу къ мини- стру финансовъ. Министръ запросилъ мануфактурный совѣтъ, ко- рый призналъ, что, пока помѣщикамъ не будетъ запрещено тре- бовать до истеченія срока паспорта своихъ крестьянъ обратно въ деревню, „до тѣхъ поръ всѣ мѣры, предпринимаемыя къ отврѣ- щенію сего неудобства, будутъ недѣйствительны“.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ ограниченіе власти помѣщика за- рогивало интересы дворянскаго сословія, правительство дѣйстви- тельно съ крайней осторожностью и не принимало никакихъ рѣши- тельныхъ мѣръ для удовлетвореній желанія фабрикантовъ. Фабри- канты продолжали жаловаться на самовольныя отлучки рабочихъ¹⁾. Изъ сообщенія московскаго генераль-губернатора князя Голицына отъ 1832 г. видно, что на московскихъ фабрикахъ какъ хозяева, такъ и рабочіе „подавали безпрестанные жалобы другъ на друга мѣстному начальству“. Такъ какъ рабочіе работали на фабрикахъ безъ письменныхъ условій, то мѣстныя власти были поставлены въ крайнее затрудненіе при разборѣ этихъ жалобъ. Въ виду этого кн. Голицынъ предложилъ московскому отдѣленію мануфактурнаго совѣта обсудить выработанный имъ проектъ мѣръ для прекраще- ній взаимныхъ жалобъ хозяевъ и рабочихъ.

Этотъ проектъ представляетъ большой интересъ. Въ немъ ярко отразилось то отношеніе къ рабочему вопросу министерства внутреннихъ дѣлъ, о которомъ Я только что говорилъ. Въ проектѣ кн. Голицына хотя и удовлетворяется желаніе фабрикантовъ, чтобы помѣщикъ не имѣлъ права требовать къ себѣ крѣпостного, работаю- щаго на фабрикѣ, до истеченія срока паспорта (§ 1), но вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляется цѣлый рядъ требованій къ фабрикантамъ, ко- торыя должны были очень не понравиться послѣднимъ. Такъ, вла- дѣльцамъ фабрикъ поставляется въ непремѣнную обязанность за- вести особыя книги для записыванія какъ условій найма рабо- чихъ, такъ и всѣхъ расчетовъ съ послѣдними; рабочіе должны получать особыя „рядные листы“ — выписки изъ книги (§ 2).

¹⁾ См., напр. прошеніе шуйскаго градскаго головы Балашова въ ма- нуфактурный совѣтъ. Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работ- никамъ, 24 августа 1829 г. Часть I. Арх. д-та Т. и М.

Смысл этого требованія расъясняется слѣдующимъ параграфомъ „Мѣры, постановленныя въ предыдущихъ статьяхъ, тѣмъ болѣе нужны, что частыя жалобы рабочихъ на хозяевъ и обратно болшей частью происходятъ отъ безпорядка въ веденіи счетовъ на заведеніяхъ и несправедливостей самихъ хозяевъ. А у аккуратныхъ и честныхъ хозяевъ и нынѣ рабочіе весьма рѣдко входятъ къ начальству съ жалобами“ (§ 4). Въ случаѣ несоблюденія фабрикантомъ § 2-го, полиція расчитываетъ рабочаго и удовлетворяетъ его по его собственнымъ показаніямъ (§ 3). Въ каждомъ заведеніи должно быть вывѣшено на стѣнѣ печатное или писанное объявленіе, „какимъ обязанностямъ подвергается рабочій при вступленіи на фабрику“ (§ 5). „Преращеніе перехода рабочихъ отъ одного хозяина къ другому, безъ расчета, предоставляется предусмотрительности самихъ хозяевъ, которые имѣютъ для того всѣ средства“ (§ 6). Весь проектъ состоялъ изъ 7 параграфовъ (§ 7 имѣетъ чисто формальный характеръ и не представляетъ интереса) ¹⁾.

¹⁾ Дѣло объ отношеніяхъ фабрикантовъ къ ихъ работникамъ. Часть I. Пожалуй, иной читатель увидитъ въ проектѣ Голицына подтвержденіи теоріи нѣкоторыхъ русскихъ экономистовъ о вліяніи „дружелюбія“ на фабричное законодательство. Такому читателю я позволю себѣ напомнить слѣдующее: кн. Голицынъ, вельможа и представитель богатаго барства, насколько мнѣ извѣстно, не былъ фабрикантомъ, и потому съ его стороны не требовалось большого самоотреченія для составленія подобныхъ проектовъ; если бы такой проектъ исходилъ отъ фабрикантовъ, тогда, дѣйствительно, можно было бы заговорить о „дружелюбіи“. Но фабриканты (у насъ, какъ и въ Западной Европѣ) не только не занимались сочинительствомъ подобнаго рода, но, въ большинствѣ случаевъ, очень упорно боролись противъ всякой законодательной регламентаціи фабричной работы. Проектъ Голицына интересенъ въ особенности тѣмъ, что указываетъ на извѣстную аналогичность развитія фабричнаго законодательства у насъ и на Западѣ. И въ Англіи однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей партіи 10-часоваго рабочаго дня былъ крупный землевладѣлецъ, аристократъ лордъ Эшли (впослѣдствіи графъ Шефтсбюри)... Всѣ фабричныя законы въ Англіи прошли въ парламентъ только благодаря поддержкѣ консерваторовъ—землевладѣльческаго класса, при рѣзкой оппозиціи либераловъ—буржуазіи. Само собою разумѣется, что у насъ не наблюдалось ничего подобнаго борьбѣ англійскихъ политическихъ партій, но классовые интересы дѣйствовали и у насъ, и потому вполне понятно, что наша земельная аристократія, поскольку она не принимала участія въ промышленныхъ предпріятіяхъ, обнаруживала склонность вступить за интересы рабочихъ въ той сферѣ, которая стояла внѣ ея собственныхъ интересовъ. Къ крѣпостному праву отношеніе нашего дворянства было иное.

Таковъ былъ проектъ кн. Голицына—проектъ, нужно признаться довольно необыкновенный. Голицынъ препроводилъ его въ Московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта для обсужденія.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство членовъ отдѣленія изъ представителей купечества энергично высказались противъ всѣхъ параграфовъ проекта, кромѣ перваго. Особенно возражали противъ §§ 3, 4 и 5. Такъ, относительно § 4 четверо представителей купечества, Куманинъ, Урусовъ, Веретенниковъ и Бессъ, объяснили, что по извѣстности имъ лицъ, имѣющихъ мануфактурныя заведенія, не было имъ даже случая узнать, чтобы мастера не приносили жалобы на невѣрный расчетъ“. По поводу § 5 же члены находили, что „государство и промышленность больше приобрѣтаютъ пользы, когда фабриканты будутъ болѣе трудиться для самого дѣла. Достигнувшій желаемыхъ успѣховъ по сламъ своимъ самъ, произвольно, введетъ лучший порядокъ, не нуждѣ“. Вообще же, все отдѣленіе въ совокупности пришло къ заключенію, что „исполненіе предположенныхъ мѣръ... не принесетъ фабрикантамъ той пользы, которую имѣло въ виду начальство, и затруднитъ мелкія фабрики, которыя составляютъ значительную промышленность“.

Болѣе рѣзкому осужденію подвергся проектъ Голицына со стороны членовъ с.-петербургскаго мануфактурнаго совѣта. Такъ, членъ совѣта Метлевъ призналъ § 4 „прямо оскорбительнымъ для точнаго сословія хозяевъ мануфактуръ“.

Такимъ образомъ, купечество и фабриканты, въ лицѣ своихъ представителей (мануфактурнаго совѣта и московскаго отдѣленія совѣта), выступили противъ проекта князя Голицына. Судьба этого проекта очень поучительна. Мануфактурный совѣтъ, по предложенію министра финансовъ, пересмотрѣлъ этотъ проектъ, исправилъ его въ желательномъ для фабрикантовъ смыслѣ и въ этомъ видѣ проектъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ и Высочайше утверждёнъ 24 мая 1835 г.

Такимъ образомъ возникло „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму“. Положеніе это было первымъ нашимъ фабричнымъ закономъ, регулировавшимъ отношенія хозяевъ фабрикъ къ ихъ вольнонаемнымъ рабочимъ. Оно состоитъ изъ 10 статей. Всѣмъ лицамъ податнаго состоянія предоставлено право наниматься на фабрику по полученіи узаконеннаго паспорта, на срокъ не выше срока паспорта (ст. 1). До истеченія договорнаго срока ра-

бочій не имѣтъ права оставлять работу или требовать прибавки задѣльной платы; точно также начальство, выдавшее паспорт или владѣлец не имѣютъ права требовать обратно рабочаго до истечения срока договора (ст. 2). Хозяину же предоставляется право отпустить рабочаго и до срока договора „по причинѣ невыполненія имъ обязанностей или дурного поведенія“, причѣмъ хозяинъ долженъ объявить рабочему объ увольненіи за 2 недѣли (ст. 3). Хозяевамъ предоставлено на ихъ усмотрѣніе заключать при наймѣ рабочаго письменныя условія или выдавать имъ особыя расчетныя листы. Во всякомъ случаѣ, они обязаны имѣть особую книгу для записыванія расчетовъ съ рабочими (ст. 5). Правила о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ на фабрикѣ, должны быть вывѣшены въ ней (ст. 6). При разборѣ споровъ между хозяевами фабрикъ и рабочими принимаются въ основаніе означенныя правила для фабрикъ, расчетныя листы и книги (ст. 7) ¹⁾

Это положеніе первоначально было введено въ дѣйствіе только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но затѣмъ его дѣйствіе было распространено на большинство промышленныхъ губерній Россіи. Если сравнить его съ первоначальнымъ проектомъ Голицына, то легко замѣтить, что интересы фабрикантовъ получили рѣшительный перевѣсъ. По закону 1835 г., рабочій лишается права оставлять хозяина до срока договора, даже если хозяинъ и не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ рабочему, а хозяину предоставляется во всякое время удалить рабочаго, не только за неисполненіе обязанностей, но даже и за „дурное поведеніе“. Отъ хозяина требуется, чтобы онъ имѣлъ расчетную книгу, но выдача расчетныхъ листовъ или заключеніе письменныхъ условій съ рабочими для него не обязательны. Требованіе расчетной книги, такъ же какъ и требованіе вывѣшиванія правилъ о порядкѣ работъ на фабрикѣ очевидно, должны были остаться мертвой буквой, такъ какъ за неисполненіе этихъ статей закона хозяину не грозило никакое наказаніе и въ законѣ не указывалось, чѣмъ должны руководствоваться власти при разборѣ жалобъ рабочихъ на хозяевъ, если послѣднихъ не имѣется расчетныхъ книгъ и правилъ. Зато законъ 1835 г. совершенно обезпечилъ фабриканта отъ преждевременнаго ухода рабочаго по вызову его владѣльца или власти, выдавшей паспортъ,—и такимъ образомъ главное требованіе фабрикантовъ было вполнѣ удовлетворено.

¹⁾ П. С. З. II изд., т. X, 8157.

Таковъ былъ первый шагъ нашего правительства въ области фабричнаго законодательства. Мы видимъ, что этотъ шагъ былъ вызванъ взаимными жалобами фабрикантовъ и рабочихъ другъ на друга. Жалобы и недовольство рабочихъ не прекращались и послѣ изданія закона 1835 г.—что и понятно, ибо законъ этотъ отнюдь не устранилъ поводовъ къ жалобамъ. Въ виду этого, министръ финансовъ Канкринъ, въ концѣ 1835 г., представилъ всеподданнѣйшую записку Николаю Павловичу по вопросу о мѣрахъ къ улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ. Эта записка начиналась слѣдующими словами: „Ваше Императорское Величество неоднократно изволили отзываться, сколько желательно дать лучшее направленіе нравственному образованію рабочаго класса людей на фабрикахъ и оградить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своевольнаго иногда обращенія хозяевъ, не ослабляя, впрочемъ, власти ихъ, необходимой для порядка и благоустройства заведеній“. Съ этой цѣлью Канкринъ предлагаетъ въ своей запискѣ предложить московскому отдѣленію мануфактурнаго совѣта внушить московскимъ фабрикантамъ, чтобы они приняли мѣры къ улучшенію условій работы на фабрикахъ¹⁾. Никакихъ опредѣленныхъ требованій къ фабрикантамъ не предъявлялось, но Канкринъ до такой степени опасался вызвать неудовольствіе фабрикантовъ, что въ своей за-

1) Вотъ что должно было „внушить“ московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта:

1) „Чтобы содержатели фабрикъ въ Москвѣ пеклись о чистотѣ воздуха въ мастерскихъ и рабочихъ палатахъ, не позволяли въ оныхъ оставаться рабочимъ по ночамъ и имѣли бы для сего отдѣльные покои.

2) „Чтобы мужчины и женщины имѣли для ночлега отдѣльные и не слишкомъ тѣсныя помѣщенія.

3) „Чтобы на заведеніяхъ, гдѣ рабочихъ до 50 человѣкъ, былъ особый покой съ двумя кроватями и нужнымъ приборомъ, до 100 человѣкъ—съ 4-ми и т. д.

4) „Чтобы малолѣтнія дѣти не подвергаемы были изнуренію слишкомъ продолжительной дневной работой, чтобы ихъ хозяева, по мѣрѣ удобства, пеклись объ ученіи, состояніи ихъ собственномъ.

5) „Чтобы фабриканты имѣли попеченіе, дабы артели работниковъ получали свѣжую и добротную пищу.

6) „Чтобы хозяева старались удерживать рабочихъ отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, изыскивая притомъ способы, чтобы заработанные ими деньги доходили до семействъ сихъ рабочихъ, наблюдая равномѣрно за нравственностью между рабочими на самыхъ фабрикахъ, и особенно тамъ, гдѣ занимаются многія жены нижнихъ воинскихъ чиновъ“. (Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ, 5 сент. 1835. Арх. д-та Т. и М.).

пискѣ онъ съ особеннымъ удареніемъ говорить о томъ, что „внѣшнія сїи члены московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта обязаны производить съ кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить въ работникахъ преждевременныхъ притязаній духа неповиновенія и ропота“. Записка заканчивается слѣдующими довольно-таки наивными словами: „Министръ финансовъ остается въ пріятной увѣренности, что всѣ фабриканты, зная волю своего государя и чувствуя сами благодѣтельную цѣль сихъ распоряженій, употребятъ всѣ усилія соответствовать симъ Высочайшимъ предположеніямъ“ 1).

На этой запискѣ императоръ Николай сдѣлалъ собственноручную надпись: „Прекрасная мысль; стоитъ повсемѣстнаго введенія“. Какъ же исполнили фабриканты „волю своего государя? Оправдалась ли увѣренность министра финансовъ?

Записка Канкринна поступила прежде всего на обсужденіе московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Отдѣленіе рѣшительно высказалось противъ того пункта записки, по которому фабрикантамъ предлагается не оставлять рабочихъ ночевать на фабрикахъ. По словамъ отдѣленія, на всѣхъ московскихъ фабрикахъ, кромѣ очень немногихъ, рабочіе ночуютъ въ самыхъ рабочихъ помѣщеніяхъ, и, по мнѣнію отдѣленія, это только полезно для рабочихъ, такъ какъ „наблюденіе за чистотою воздуха въ мастерскихъ комнатахъ, гдѣ каждый рабочій отдѣленъ отъ другого станомъ, столомъ или другимъ какимъ-либо снарядомъ, гораздо легче, чѣмъ въ особыхъ казармахъ, гдѣ воздухъ отъ массы людей неминуемо долженъ портиться“ 2).

Тѣмъ не менѣе, московское отдѣленіе, во исполненіе Высочайшей воли, выбрало 3 своихъ членовъ для обозрѣнія фабрикъ... и этимъ ограничило свою дѣятельность. Черезъ 4 года предсѣдатель отдѣленія запрашиваетъ министра финансовъ, „слѣдуетъ ли отдѣленію привести въ исполненіе предпріятыя имъ прежде мѣры, или все сіе оставить въ настоящемъ положеніи“. Все осталось по старому. Наконецъ, уже въ 1844 г., новый предсѣдатель

1) Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ, 5 сентября 1835 г. Арх. д-та Т. и М.

2) Въ 30-хъ годахъ въ англійской литературѣ часто цитировалось, какъ доказательство ужаснаго положенія рабочихъ на фабрикахъ, показаніе одного рабочаго, что ихъ постели на фабрикѣ никогда не остывали—работа шла круглыя сутки, и пока работала одна смѣна, другая спала въ тѣхъ же постеляхъ. Насколько хуже положеніе русскаго рабочаго, который совсѣмъ не имѣлъ, да и теперь часто не имѣетъ постели!

дѣленія, баронъ Мейендорфъ сообщаетъ министру финансовъ же не Канкрину, а его преемнику, Вронченко), что „въ результатъ двухлѣтнихъ его усилій не болѣе 20 самыхъ благонамѣренныхъ въ Москвѣ фабрикантовъ послѣдовало внушеніямъ отдѣленія, ринувъ, по возможности, къ исполненію Высочайшую волю. Дѣйствія мои въ семь дѣлъ всегда были самыя осторожныя. При личномъ обзорѣ фабрикъ первую обязанностью вмѣняю себѣ внушать фабричнымъ повиновеніе хозяевамъ“. Мѣры, принятыя Мейендорфомъ, удостоились полного одобренія Вронченко, еще въ рекомендовавшаго „дѣйствовать съ крайней осторожностью, предупрежденіе какъ неудовольствія фабрикантовъ, такъ и итязаній рабочихъ, которые по необразованности и неразумнью могутъ придать положительному вмѣшательству ложный толкъ“.

Въ нашей экономической литературѣ обыкновенно начинаютъ исторію фабричнаго законодательства, регулирующаго работу на фабрикахъ и продолжительность рабочаго дня, съ закона 1882 г. Однако, первый законъ о малолѣтнихъ рабочихъ вышелъ гораздо ранѣе—еще николаевскую эпоху,—въ 1845 г. Правда, когда въ 1840 г. англійскій посоль обратился къ русскому правительству съ официальнымъ просомъ — какія существуютъ въ Россіи постановленія относительно занятій на фабрикѣ дѣтей, наше правительство отвѣчало на этотъ запросъ слѣдующей уклончивой фразой: „Какъ въ Россіи производство фабричное еще не приняло весьма большого развитія, на нашихъ заведеніяхъ еще не очень много работающихъ дѣтей, и въ положительныхъ законахъ о мѣрѣ работы и другихъ стоятельствахъ еще не было настоятельной надобности“¹⁾.

Однако, необходимость въ такихъ законахъ почувствовалась очень скоро. Въ 1844 г. на огромной Вознесенской бумагопрядильнѣ въ истровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Москвы, произошли очень крупныя волненія рабочихъ, потребовавшія вмѣшательства вооруженной силы. Волненія эти вызвали особое правительственное разслѣдованіе, обнаружившее, что всѣ московскія фабрики широко пользуются дѣтскимъ трудомъ. На 23-хъ московскихъ бумагопрядильняхъ работало 2100 дѣтей; работа на всѣхъ этихъ фабрикахъ шла углыя сутки—днемъ и ночью, причемъ ночью работали какъ рослые, такъ и дѣти. Обнаруженные факты крайняго злоупотребленія дѣтской работой повели къ изданію 7 августа 1845 г. икочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, за-

1) Дѣло о мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ фабрикахъ, 5 сент. 1835 г. (Арх. д-та Т. и М.).

претившаго ночную работу на фабриках малолѣтнимъ до 12-лѣтняго возраста ¹⁾).

Судьба этого закона была какая-то странная. Никакихъ карательныхъ мѣръ за нарушеніе его опредѣлено не было, правилъ надзора за исполненіемъ его также не были указаны. Не удивительно поэтому, что законъ никакого практическаго значенія не имѣлъ, но странно, что онъ совсѣмъ не попалъ въ „Сводъ законовъ“ былъ необыкновенно скоро совершенно забытъ; правительственныя коммисіи 60-хъ годовъ и послѣдующія, разрабатывавшія вопросъ о запрещеніи ночной работы малолѣтнихъ, и не вспоминаютъ о этомъ законѣ, какъ будто бы его совсѣмъ не было. Также не вешель я указанія на этотъ законъ въ книгахъ и статьяхъ, посвященныхъ исторіи нашего фабричнаго законодательства. Его нѣтъ въ „Систематическомъ Указателѣ русскихъ фабричныхъ законовъ“ изданномъ въ 1886 г. комиссіей, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ. Повидимому, хотя законъ этотъ не былъ отмененъ послѣдующими законоположеніями, онъ никогда не соблюдался на практикѣ и былъ совершенно неизвѣстенъ правительственной власти въ періодъ выработки новѣйшаго фабричнаго законодательства. Законъ этотъ остался погребеннымъ въ „Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи“, пока я не извлекъ его и мрака забвенія въ первомъ изданіи настоящей работы.

Въ томъ же 1845 году были изданы другія постановленія, близкасающіяся фабричныхъ рабочихъ и имѣвшія вполне реальное практическое значеніе. Я имѣю въ виду нѣкоторыя статьи „Уложенія о Наказаніяхъ“ 1845 г. (мнѣ уже случалось о нихъ упомянуть), значительно усилившихъ наказаніе за рабочія волненія. По ст. 1791-ой новаго Уложенія „въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему заводомъ, оказаннаго цѣлой артелью или толпой, виновные по вергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за возстаніе противъ вѣстей, правительствомъ установленныхъ“ (т. е. отъ ареста до каторжной работы). Ст. 1792-я того же Уложенія впервые установила у насъ наказанія за стачки рабочихъ (зачинщики—арестъ отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, прочіе—отъ 7 дней до 3 недѣль).

Коммиссія, составившая проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, дѣлаетъ относительно статьи 1792-ой (по проекту ст. 173) слѣдующее лаконическое, но весьма выразительное замѣчаніе: „Постановленіе сей статьи заимствовано изъ законодательства

¹⁾ П. С. З. XX, 19262.

иностраннаго. Необходимость или, по крайней мѣрѣ, пользу онаго, вѣтъся, не нужно доказывать. Взысканіе здѣсь полагается довольно умѣренное, потому что умышенное или приводимое въ дѣйствіе принужденіе хозяевъ не соединено съ буйствомъ“¹⁾. Когда же слѣдуетъ буйство, то рабочіе подвергаются наказанію по предыдущей статьѣ, т.-е. вплоть до каторжныхъ работъ.

Введеніе этихъ двухъ статей въ Уложеніе о наказаніяхъ весьма характерно: уже изъ одного факта крайней строгости наказанія по ст. 1791 можно было бы съ увѣренностью заключить, что вѣдочія волненія были нерѣдкимъ явленіемъ въ Николаевской Россіи и внушали большія опасенія правящимъ сферамъ. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, 30-ые и 40-е годы отличаются частыми волненіями фабричныхъ рабочихъ, возникавшими, главнымъ образомъ, на почвѣ принудительныхъ отношеній рабочихъ къ хозяевамъ посессионныхъ и вотчинныхъ фабрикъ. Правительство Николая I привыкло видѣть въ фабричныхъ рабочихъ крайне неблагоприятную въ политическомъ смыслѣ общественную группу, которую можно держать въ порядкѣ лишь мѣрами строгости.

Я говорилъ выше о жалобахъ рабочихъ, подавшихъ поводъ Голицыну составить свой проектъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ жалобы стали особенно часты. Поводы къ нимъ, по словамъ мануфактурнаго совѣта, были слѣдующіе: 1) платежъ со стороны нѣкоторыхъ фабрикантовъ рабочимъ не деньгами, но фабричными дѣліями; 2) негодность харчей; 3) штрафы и разные произвольные вычеты изъ заработной платы (за станы, снаряды, свѣчи, репрадныя мѣста, чистку мостовой и пр.)²⁾. Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ, московскій генераль-губернаторъ князь Щербатовъ составилъ въ 1847 году проектъ расчетной тетради по найму рабочихъ и письменнаго условія, которое рабочіе обязательно должны были заключать съ хозяиномъ. Хотя по этому проекту почти за всякое дѣйствіе рабочаго, непріятное хозяину, грозило наказаніе въ полицію“, тѣмъ не менѣе мануфактурный совѣтъ, въ разсмотрѣніе котораго поступилъ проектъ, высказался противъ него: требованіе письменныхъ условій определенной формы совѣтъ признавалъ крайне стѣснительнымъ для фабрикантовъ.

¹⁾ Проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, стр. 1127.

²⁾ Дѣло по отношенію московскаго военнаго генераль-губернатора объ опредѣленіи правилъ объ отношеніяхъ между фабричными рабочими и орядчиками, 23 декабря 1847 г. Арх. д-та Т. и М.

Между тѣмъ наступилъ знаменательный 1848 годъ. Хотя Россія осталась совершенно незатронутой революціоннымъ движеніемъ тѣмъ не менѣе правительственныя сферы стали относиться с крайней подозрительностью ко всему, что такъ или иначе казалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи.

Уже съ 30-хъ годовъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ появляется мысль, что фабричныя рабочіе являются элементомъ внушающимъ опасенія съ политической точки зрѣнія; отсюда естественно получался выводъ, что увеличеніе числа фабрикъ, особенно въ столицахъ, отнюдь не желательно. Министерство финансовъ было, однако, другого мнѣнія. „Въ Западной Европѣ,—читаемъ во всеподданнѣйшей запискѣ Канкринна императору Николаю, от 1 ноября 1834 года,—въ рабочихъ вкоренился и усиливается духъ неудовольствія, отчасти и наклонность къ внезапнымъ порывамъ. Такъ мы видимъ, что Ліонъ, принеся толикія пожертвованія димонархіи, въ послѣднее время совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался городомъ совсѣмъ безпокойнымъ... Мы видѣли въ Англіи извѣстныя возмущенія въ Бирмингамѣ и другихъ фабричныхъ городахъ особливо при томъ сосредоточіи въ немногихъ рукахъ сельскія собственности, существующемъ въ семь государствъ. Наконецъ отъ сего же происходитъ примѣчаемый во многихъ мѣстахъ духъ коалиціи рабочихъ... У насъ, однако, положеніе дѣла въ семъ отношеніи совсѣмъ другое, ибо работники на городскихъ фабрикахъ почти исключительно состоятъ изъ приходящихъ крестьянъ, и имѣютъ у себя дома хлѣбопашество... и при остановкѣ работъ возвращаются домой... Обстоятельство сіе доказываетъ, что умноженіе у насъ фабрикъ гораздо выгоднѣе и безопаснѣе, нежели въ другихъ государствахъ, что хозяева фабрики, съ одной стороны не могутъ имѣть столько вліянія на своихъ рабочихъ, а съ другой стороны—сіи послѣдніе не составляютъ опаснаго цѣлага; первыя же по собственному интересу привязаны вездѣ къ существующему порядку... Посему нѣтъ причины противодѣйствовать у насъ сосредоточію фабрикъ“¹⁾.

Но взгляды министерства финансовъ раздѣлялись далеко не всемія. Въ 1848 году, когда правительство Николая I было встревожено революціоннымъ движеніемъ за границей, вопросъ о политической опасности скопленія фабричныхъ рабочихъ въ Москвѣ выдвинулся

¹⁾ Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усилению мануфактурной промышленности въ городахъ, 1 янв. 1835 г. Арх. д-та Т. и М.

а первый планъ. Московскій генераль-губернаторъ гр. Закревскій представилъ по этому вопросу обширную записку государю. „Большая часть московскихъ фабрикъ,— говоритъ Закревскій въ этой запискѣ—устроена самовольно, безъ надлежащаго дозволенія со стороны начальства... Кромѣ 36 тысячъ фабричныхъ, въ Москвѣ считается временныхъ цеховыхъ, вольноопущенниковъ и дворовыхъ 7 тысячъ человекъ. Всѣ эти люди состоятъ въ знакомствѣ, пріязни и даже родствѣ съ фабричными людьми. Для охраненія тишины и благоденствія, коими въ настоящее время наслаждается ина Россія, правительство не должно допускать скопленія безранныхъ и безправственныхъ людей, которые легко пристають къ каждому движенію, нарушающему общественное или частное спокойствіе“. Въ виду этого Закревскій, ссылаясь на одну старинную статью закона¹⁾, полагалъ нужнымъ совершенно запретить устройство въ Москвѣ новыхъ фабрикъ и заводовъ, а уже существующимъ заведеніямъ не позволять расширенія производства—увеличенія числа становъ, печей и рабочихъ.

Записка Закревскаго удостоилась Высочайшаго одобренія, и Николай сдѣлалъ на ней собственноручную надпись: „Весьма важно, сообразить въ комитетѣ министровъ“. Такимъ образомъ, ю совершенно особымъ мотивамъ, наше правительство было готово ступить отъ своей традиціонной политики—поддержанія крупнаго производства и перейти къ мѣрамъ не „умноженія“, а „сращенія“ числа фабрикъ. Проектъ Закревскаго, естественно, вызвалъ крайнее смятеніе среди московскихъ фабрикантовъ. Министерство финансовъ энергично выступило на защиту фабрикантовъ, приводя прежній аргументъ, что наши фабричные рабочіе, благодаря своей связи съ деревней, не составляютъ особаго рабочаго класса, и потому увеличеніе числа ихъ въ Москвѣ не угрожаетъ опасностью государственному строю²⁾. Проектъ Закревскаго послужилъ поводомъ къ изданію 28 іюня 1849 года закона, долженствовав-

¹⁾ Эта статья, кстати сказать, и до сихъ поръ сохранилась въ намѣ „Уставѣ о промышленности“ и имѣетъ силу закона, хотя фактически совершенно игнорируется. Согласно этой статьѣ, „устраивать вновь въ столицахъ и губерніяхъ столичныхъ заведенія, предполагающія въ дѣйствиіи своемъ великое число рукъ или употребленіе въ знатномъ количествѣ дровъ, запрещается“. Уставъ о промышленности (1893 г.) I, п. 73.

²⁾ См. Дѣло по предложенію московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго о недозволеніи учреждать вновь фабрики и заводы въ Москвѣ, 22 октября 1848 г. Арх. д-та Т. и М.

шаго затруднить устройство въ Москвѣ новыхъ фабрикъ, но остав- шагося, подобно предшествовавшимъ, мертвой буквой ¹⁾).

Не менѣ радикально Закревскій дѣйствовалъ и въ рабочемъ вопросѣ. Въ 1849 году онъ выработалъ новый проектъ правилъ для фабричныхъ рабочихъ.

Наиболѣе существенны въ проектѣ Закревскаго слѣдующіе пункты. Хозяевамъ фабрикъ разрѣшается принимать рабочихъ и иначе, какъ по особымъ билетамъ, выдаваемымъ мѣстнымъ начальствомъ или вотчинными правленіями (ст. 1). Въ билетахъ должно быть указано, кто будетъ получать плату,—самъ рабочій, или же глава семейства, волостное или вотчинное начальство (ст. 2). Плата рабочимъ должна производиться деньгами, а не товаромъ (ст. 5). Въ случаѣ какихъ-либо непослушаній, рабочіе должны быть отсылаемы для наказанія при полиціи (ст. 7). Входъ фабричнымъ рабочимъ въ трактиры, рестораны и харчевни запрещается (ст. 9). Полиція должна смотрѣть за немедленнымъ удаленіемъ изъ города всѣхъ рабочихъ, отпускаемыхъ въ деревню (ст. 10).

Самымъ важнымъ въ этомъ проектѣ было то, что рабочій могъ поступать на фабрику только съ особаго разрѣшенія начальства или помѣщика, а платежъ заработанныхъ имъ денегъ могъ производиться не самому рабочему, а главѣ семейства или лицамъ выдавшимъ такое разрѣшеніе.

Мануфактурный совѣтъ высказался противъ проекта Закревскаго еще рѣзче, чѣмъ противъ проектовъ его предшественниковъ. Всѣ предположенія Закревскаго совѣтъ призналъ излишними „и даже вредными“. Ст. 1 проекта, по мнѣнію совѣта поведетъ къ тому, что „теперь работникъ ищетъ хозяина, а тогда хозяинъ будетъ искать работника“. Противъ ст. 5 совѣтъ возражаетъ: „возникаетъ вопросъ, добровольно или съ принужденіемъ принимаютъ рабочіе товаръ вмѣсто денегъ? Если добровольно, то нѣтъ причины препятствовать частной сдѣлкѣ, если же недобровольно, то никто не запрещаетъ рабочимъ приносить жалобу куда слѣдуетъ“. Очень скептически отнесся совѣтъ и къ стремленію Закревскаго поднять нравственность рабочихъ полицейскими мѣрами. „Въ вопросѣ объ улучшеніи нравственности народной нельзя ожидать успѣха отъ нѣсколькихъ параграфовъ полицейскаго постановленія. Этимъ пред-

1) П. С. З. Изв. II, т. XXIV, 23358.

етомъ уже занимались правительства другихъ государствъ, но, къ сожалѣнію, большая часть усилій оставались не только безплодными, но... болѣе служили къ стѣсненію рабочаго класса людей, нежели къ улучшенію ихъ нравственности“. Въ концѣ же совѣтъ высказывается совершенно въ духъ западно-европейской буржуазіи, что огражденіе обоюдныхъ правъ фабриканта и его работниковъ зависитъ не столько отъ постановленій, сколько отъ личныхъ интересовъ каждой стороны, полицейское же посредничество едва ли можетъ имѣть желаемый успѣхъ“¹⁾.

Министерство финансовъ приняло сторону совѣта и признало проектъ Закревскаго неудовлетворительнымъ, въ особенности по первымъ пунктамъ, ссылаясь на то, что рабочіе сопротивляются платѣ заработанныхъ ими денегъ третьимъ лицамъ. Дѣло затянулось, и проектъ Закревскаго не получилъ законодательнаго утвержденія.

Оппозиція мануфактурнаго совѣта — органа, представлявшаго интересы фабрикантовъ, и на этотъ разъ оказалась достаточно сильна, чтобы затормозить исполненіе проектовъ московскаго генералъ-губернатора. Изложенная нами исторія проектовъ Голицына, Щерятова и Закревскаго очень характерна. Наше фабричное законодательство создавалось не совсѣмъ такъ, какъ въ Западной Европѣ при развитіи его у насъ особенно видную роль играли политическія и полицейскія соображенія), но въ одномъ отношеніи замѣчается полное сходство—въ упорной оппозиціи большинства фабрикантовъ всякому вмѣшательству правительства въ фабричныя орядки. Эта оппозиція въ Россіи была даже успѣшнѣе, чѣмъ, напр., въ Англій—классической странѣ господства буржуазіи, такъ какъ въ англійскомъ парламентѣ уже въ 1847 г. прошелъ законъ 10-часовомъ рабочемъ днѣ, а въ дореформенной Россіи законодательства, регулирующаго трудъ на фабрикахъ, можно сказать, не существовало (законъ 1845 г. остался, по отсутствію надзора, мертвой буквой).

Я сказалъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ, подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ (опасность скопленія въ столицахъ фабричныхъ рабочихъ), въ высшихъ правительственныхъ сферахъ повилось теченіе, крайне неблагопріятное для нашихъ фабрикъ вообще. Самымъ вліятельнымъ представителемъ этого теченія былъ

¹⁾ Дѣло по предложенію московскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 22 окт. 1848 г. Арх. д-та Т. и М.

вышеназванный московскій генераль-губернаторъ графъ Закревскій. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ законодательныхъ проектахъ, направленныхъ къ регулированію условій фабричнаго труда, Закревскій собственной властью установилъ правила для рабочихъ въ Москвѣ и образецъ расчетной тетради. На этихъ правилахъ нельзя не остановиться—до такой степени они типичны по своему бюрократически-полицейскому характеру, совершенно игнорирующему человѣческую личность рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мало считающемуся съ интересами хозяевъ.

Прежде всего, правила эти строжайшимъ образомъ регулируютъ всю жизнь рабочаго. Рабочіе въ праздничные дни не имѣютъ права отлучаться изъ своихъ квартиръ (если онѣ помѣщаются въ фабричномъ зданіи) позже извѣстнаго часа (пунктъ г). Имъ запрещается принимать у себя на квартирѣ знакомыхъ и родныхъ „ни для ночлега, ни въ какое время, которое превосходитъ краткость обыкновеннаго свиданія“ (пк. е). Точно также рабочимъ запрещено „храненіе чужого имущества, денегъ и пр.“ (пк. ж). Далѣе, рабочимъ не дозволяется „курить сигары и папиросы ни во время работъ, ни въ застольныхъ помѣщеніяхъ и на дворѣ фабрики“; не дозволяется „заводить кулачные бои и всякаго рода вредныя для другихъ игры и шутки, игру въ орлянку и въ карты на деньги“ и даже не дозволяется „употребленіе бранныхъ и неприличныхъ словъ, подѣ опасеніемъ взысканія, въ пользу доказчика, пятидесяти копѣекъ серебромъ и наказанія исправительнаго со стороны полиціи“ (пк. з). По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ рабочіе должны ходить въ церковь, подѣ опасеніемъ штрафа въ пользу доказчика, 5 коп. серебромъ. (пк. и).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правила Закревскаго стѣсняли и фабрикантовъ. Хозяину запрещалось нанимать рабочихъ, даже поденныхъ иначе, какъ по паспортамъ. Хозяевамъ запрещалось выдавать впередъ денегъ рабочимъ болѣе 10 р. сер. (пк. а) (очевидно, изъ опасенія, чтобы рабочій не былъ въ неоплатномъ долгу у фабриканта). Хозяинъ обязывался отпускать свѣжія харчи, хорошаго качества— „въ противномъ случаѣ фабричные и мастеровые имѣютъ право принести жалобу мѣстному начальству, которое подвергаетъ хозяина отвѣтственности, по своему усмотрѣнію“ (пк. о). Хозяевамъ запрещалось дѣлать вычеты изъ рабочей платы на нѣкоторые расходы и работы по содержанію фабрики (пк. р.). Запрещалась также выдача платы не деньгами, а товаромъ. Хозяева обязаны были выдавать нанимаемымъ рабочимъ расчетныя тетради, установлен-

го Закревскимъ образца, въ которыхъ были пропечатаны утвержденныя имъ правила ¹⁾).

Какъ ни чужды нашему времени правила Закревскаго, они отъ не представляли собой курьеза, имѣющаго лишь историче- ской интересъ. Еще въ 80-хъ годахъ нѣкоторыя изъ этихъ пра- виль признавались имѣющими силу на иныхъ московскихъ фабри- ахъ. Проф. Янжулъ, въ своемъ отчетѣ фабричнаго инспектора а 1882—83 гг., отмѣчаетъ, напр., что правило объ обязательномъ ощеніи рабочими воскресной и праздничной церковной службы, одъ угрозой штрафа въ пользу доносчика, вывѣшено на стѣнахъ ногихъ фабрикъ ²⁾).

Для повсемѣстнаго распространенія этихъ правилъ Закревскій редставилъ ихъ въ министерство финансовъ; отсюда они посту- или на разсмотрѣніе мануфактурнаго совѣта, органа петербург- кихъ фабрикантовъ. Совѣтъ энергичнаго высказался противъ шогихъ пунктовъ этихъ правилъ; требованіе найма поденныхъ рабочихъ по паспортамъ совѣтъ находилъ стѣснительнымъ и не- исполнимымъ.

Далѣе, по мнѣнію совѣта, „по необразованности рабочаго класса, невозможно удержать рабочихъ отъ произнесенія бранныхъ словъ, безъ всякаго, впрочемъ, намѣренія браниться, и если бы за ка- кое такое слово съ нихъ взыскивался штрафъ, то у иныхъ вышла бы на это вся задѣльная плата; слѣдственно, статью эту невоз- можно было бы приводить въ исполненіе... Во-вторыхъ, совѣтъ не можетъ согласиться на установленіе взысканій въ пользу доказ- ника, находя, что это можетъ поселить духъ ябеды между рабо- чими“.

Точно также совѣтъ представилъ возраженія и противъ -зы- сканій съ рабочихъ за нехождение въ церковь, а также противъ другой курьезной статьи Закревскаго—„Совѣтъ не усматриваетъ основанія воспрещать рабочимъ принимать на сбереженіе вещи своихъ родныхъ или знакомыхъ..., почему совѣтъ полагаетъ статью сію исключить“.

Представляя интересы фабрикантовъ, совѣтъ высказался и про- тивъ запрещенія платы рабочимъ товаромъ, а не деньгами, равно какъ и противъ ограниченія 10 руб. сер. денегъ, впередъ выда-

¹⁾ Обо всемъ этомъ—Труды комиссіи, учрежденной для пересмотра Уставовъ фабричнаго и ремесленнаго Спб. 1863, часть II, Приложе- ніе VIII.

²⁾ „Фабричный бытъ Московской губерніи“. 1884 г. Стр. 89.

6 ваемыхъ фабрикантомъ рабочему. Точно также совѣтъ призналъ
4 нужнымъ измѣнить статью закона, по которой хозяину предоста
5 вляется право уволить рабочаго до срока договора, съ предупре
3 жденіемъ рабочаго за двѣ недѣли до увольненія. вмѣсто этого, со
6 вѣтъ предлагалъ предоставить хозяевамъ право увольнять рабо
1 чихъ, „по причинѣ невыполненія ими своихъ обязанностей ил
4 за дурное поведеніе“, до срока договора безъ всякаго предупре
- жденія ¹⁾).

7 Переработанныя въ такомъ смыслѣ правила Закревскаго нѣ
2 сколько теряли свой чрезмѣрно полицейскій характеръ и въ т
4 же время не затрогивали интересовъ фабрикантовъ, представите
3 лемъ которыхъ являлся мануфактурный совѣтъ. Совѣтъ министр
7 финансовъ одобрилъ исправленія мануфактурнаго совѣта. Самъ
7 Закревскій, когда ему были сообщены замѣчанія мануфактурнаго
3 совѣта, соглашался съ тѣми измѣненіями, которыя имѣли въ видѣ
3 огражденіе интересовъ хозяевъ—съ предоставленіемъ хозяевамъ
6 права немедленнаго увольненія рабочихъ до срока договора безъ
3 всякаго предупрежденія, съ измѣненіемъ редакціи статей отно
5 сительно неплатежа рабочимъ товаромъ и невыдачи имъ впередъ
6 заработной платы въ размѣрѣ болѣе 10 р. с. Зато онъ категори
3 чески отказался отъ измѣненія въ своемъ проектѣ статей чисто
7 полицейскаго характера—особенно относительно найма рабочихъ
2 лишь по предьявленіи паспорта.

6 Переработанныя министерствомъ финансовъ правила Закрев
5 скаго поступили въ 1854 г. на разсмотрѣніе государственнаго со
2 вѣта, но, въ виду военнаго времени, утверждены не были. Этою
5 неудачной попыткой законодательнаго регулированія отношеній
9 фабрикантовъ къ рабочимъ и заканчивается николаевская эпоха.

¹⁾ Труды комиссіи по пересмотру Уст. Фабр. II, прил. IX.

ГЛАВА V.

Заработная плата.

Заработная плата на possessionsныхъ текстильныхъ фабрикахъ въ Московской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ въ 1803 г.—Фрянская фабрика.—Купавинская фабрика.—Большая Ярославская Мануфактура.—Плата рабочимъ на владимірскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50-хъ годахъ.—Повышеніе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ руда, кромѣ хлопчатобумажнаго производства.—Мнѣніе Гакстауэна о заработной платѣ въ Россіи.—Причины высокаго уровня платы фабричныхъ рабочихъ въ николаевской Россіи.

Я уже касался въ III главѣ положенія рабочаго класса на possessionsныхъ фабрикахъ. Теперь намъ нужно остановиться болѣе подробно на заработной платѣ фабричнаго рабочаго въ дореформенной Россіи.

Дать сколько-нибудь полное статистическое выраженіе измѣненія заработной платы въ какой-либо странѣ за длинный періодъ времени—очень не легко. Главная трудность статистики такого рода (помимо скудости статистическаго матеріала) заключается въ крайнемъ разнообразіи рабочей платы за разные роды труда и за день и тотъ же родъ труда въ разныхъ мѣстностяхъ. Даже на близлежащихъ фабрикахъ плата рабочимъ, исполняющимъ, казаться бы, одну и ту же работу, бываетъ весьма различна. При сравненіи платы за разные періоды легко принять за повышеніе или пониженіе средней платы то различіе, которое всецѣло объясняется различіемъ фабрикъ, взятыхъ для сравненія.

Къ этому присоединяется скудость и ненадежность матеріала для статистической обработки. Цифры заработной платы, сообщаемыя фабрикантами, естественно внушаютъ недоувѣріе. Еще меньше можно довѣрять среднимъ цифрамъ заработной платы въ разныхъ официальныхъ изданіяхъ, въ виду крайняго произвола при выводѣ такихъ среднихъ. Поэтому, несмотря на то, что я собралъ огромный матеріалъ по исторіи заработной платы въ Рос-

сіи въ XIX вѣкѣ, (который я быть можетъ, выпущу отдѣльнымъ изданіемъ) я могъ воспользоваться для цѣлей сравнительнаго изученія только ничтожной долей этого матеріала, приводимой въ нижеслѣдующемъ изложеніи; мнѣ пришлось совершенно отказаться отъ мысли изслѣдовать измѣненіе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда и на болѣе или менѣе широкой площади русской территоріи. Я рѣшилъ ограничиться изученіемъ заработной платы только въ текстильной промышленности и при томъ только по тремъ губерніямъ центрального промышленнаго района—Московской, Владимірской и Ярославской. Эти губерніи являются главнымъ сосредоточіемъ нашей фабричной промышленности; относительно ихъ имѣется въ моемъ распоряженіи, по данному вопросу, матеріалъ хотя и не обширный, но, по крайней мѣрѣ, надежный и сравнимый.

Я упоминалъ о томъ, что въ 1803 г. мануфактуръ-коллежъ рѣшила предпринять обслѣдованіе посессионныхъ фабрикъ, причемъ въ циркулярѣ, разосланномъ фабрикантамъ по этому поводу въ числѣ многихъ другихъ пунктовъ, былъ и пунктъ относительно заработной платы. Отвѣты были получены отъ 107 владѣльцевъ посессионныхъ фабрикъ. Сообщаемыя въ этихъ отвѣтахъ цифры заработной платы исходятъ отъ фабрикантовъ, поэтому онѣ, безъ сомнѣнія, преувеличены—въ нихъ слѣдуетъ видѣть не столько дѣйствительную плату рабочимъ, сколько максимальную норму выше которой заработная плата не подымалась. Но именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ эти данныя и интересны. Въ приводимой таблицѣ сгруппированы цифры заработной платы посессионныхъ рабочихъ на всѣхъ текстильныхъ фабрикахъ Московской, Ярославской и Владимірской губерній, относительно которыхъ я могъ найти требуемыя свѣдѣнія въ упомянутыхъ отвѣтахъ фабрикантовъ.

При бѣгломъ взглядѣ на прилагаемую таблицу бросается въ глаза различіе платы. На однихъ фабрикахъ плата за всѣ рода труда значительно выше, чѣмъ на другихъ. Такъ, очень низкой платой отличается суконная фабрика князя Бярятинскаго, напротивъ, фабрика Москвина (шелковая) и особенно Ефима и Дмитрія Грачевыхъ выдѣляются высокой платой. Это различіе платы отчасти объясняется тѣмъ, что въ таблицѣ показана только денежная плата, а на большинствѣ фабрикъ къ денежной платѣ присоединялась еще натуральная. Такъ, напр., на фабрикѣ князя Бярятинскаго, какъ и на многихъ другихъ, рабочіе имѣли свои дома, неспособные къ работѣ получали содержаніе отъ владѣльца, всѣ по-

Средняя мѣсячная заработная

(Въ ру

РОДЫ ТРУДА.		Суконное производство.						РОДЫ ТРУДА.			II		
		Московская г.									Моско		
		Кв. Бярятинскаго.	Калинина.	Кв. Долгорукова.							Дудыш-	кина.	Колосо-
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
Суконный мастеръ			7				Главный мастеръ						
Ткачи	3	4		6	60		Ученикъ					10	
Ткачихи			2	60			Рисовальный маст.						
Сновальщики			3	50			Подмастерье						
Пряхи			2	67			Красильн. мастеръ	4					
Красильщики	2	50					Красильщикъ	3					
Скребальщики	2	60	4				Подмастерье						
Прессовщики	2	50					Ученикъ						
Кардошники	2	60	4				Наборный мастеръ						
Караульщики			3	50			Ученикъ						
							Маст. при машин.						
							Мельничный маст.					5	
							Подмастерье						
							Надсмотрщикъ	3					
							Прядильный маст.	3	50				
							Ткачи	3	75				
							Переборщики						
							Сновальщики						
							Кардошники						
							Мотальщицы	1	38	2			
							Тростильщицы	3	50	1	38		
							Шпульники	2	90				
							Узольщики			4			
							Вердовщики						
							Столяры	3	25				
							Вертящие машину	2					
							Вязальщики	2					
							Разборщики шелка	3					
							Разборщики основъ						
							Караульщики	3	50	3	50		

Эта таблица составлена на основаніи данныхъ о заработной платѣ работниковъ фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ приписныхъ и покупныхъ людей* и платящихъ за нихъ плату на 23, такъ какъ такимъ образомъ выводили мѣсячную плату

вѣдѣніями).

РОДЫ ТРУДА.	Полотняное производ.				РОДЫ ТРУДА.	Ситцевое производ.			
	Яросл. г.					Дм. Грачева, Московской г.			
	Б. Ярослав. Мануфакт.		Угличанинова.			Еф. Грачева, Владимірск. г.			
	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.
Скат. и салф. маст.	8	90	—	—	Набойщики . . .	10	—	10	—
Подмастерье . . .	3	50	—	—	Подмастерье . . .	8	—	8	—
Полотняный маст.	7	50	—	—	Ученики	6	—	6	—
Подмастерье . . .	4	—	—	—	Штрифовальщ, ,	3	—	4	—
Рисовальный маст.	6	50	—	—	Ткачи	10	—	10	—
Подмастерье . . .	4	—	—	—	Разматывальщ . .	3	—	—	—
Ученики	1	63	—	—	Мотальщицы . . .	3	—	3	—
Малолѣтніе	1	44	—	—	Подм. ткачи . . .	—	—	8	—
Гравировальн. маст.	6	50	—	—	Ученики	—	—	6	—
Ткачи	4	15	—	—	Столяры	—	—	4	—
Ткачихи	2	52	—	—	Бѣлильщики . ,	—	—	4	—
Сновальщики	—	—	3	80	Красильщики . . .	—	—	4	—
Катальщики . ,	—	—	2	88					
Столяры	—	—	4	—					
Кузнецы	—	—	4	—					
Мотальщицы	—	—	1	90					
Шпульники	1	62	1	30					
Бѣлильщицы , . . .	—	—	4	90					
Переборщики	2	84	—	—					

неоднократно цитированномъ „Дѣлѣ о присылкѣ содержателями фаб- (М.). При переводѣ поденной платы въ мѣсячную я умножалъ дневную фабриканты, доставлявшіе свѣдѣнія.

ни платились владельцемъ. На Большой Ярославской Мануфактурѣ отпускалась ржаная и пшеничная мука по цѣнамъ значительно низшимъ противъ рыночныхъ. Выдавалось содержаніе стадамъ и дѣтямъ, отпускались въ разсрочку дрова по покупной цѣнѣ и проч.

На фабрикахъ съ высшей платой натуральныя прибавки къ мѣсячной платѣ были меньше. Но, главнымъ образомъ, высокая рабочая плата на фабрикахъ Грачевыхъ зависѣла отъ того, вообщемъ плата на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ была гораздо выше, чѣмъ на всѣхъ другихъ; объ этомъ мнѣ еще придется говорить ниже. Высокая плата на фабрику Москвина вызывалась тѣмъ, что на этой фабрику посессионнымъ рабочимъ давалась та же плата, какъ и вольнонаемнымъ, получавшимъ обыкновенно значительно бѣльшую плату.

Но въ общемъ, какъ видитъ читатель, плата была очень низка. Въ Московской губерніи ткачи на суконныхъ фабрикахъ зарабатывали въ мѣсяцъ отъ трехъ руб. до 6 руб. 60 коп. — въ среднемъ около 4 р. 50 к. На шелковыхъ фабрикахъ заработокъ ткачей былъ значительно выше — отъ 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к. Въ Ярославской губ. шелковые ткачи зарабатывали около 6 р. въ мѣсяцъ. Заработокъ полотняныхъ ткачей на Ярославской Большой мануфактурѣ составлялъ въ среднемъ 4 руб. 15 коп. въ мѣсяцъ. На ситцевыхъ фабрикахъ Дмитрія и Ефима Грачевыхъ бумажные ткачи получали гораздо больше — до 10 руб. въ мѣсяцъ. Такую же плату получали на этихъ фабрикахъ и набойщики. Другіе рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, оплачивались гораздо хуже ткачей. Такъ, сновальщики на суконной фабрику Калинина и шелковой Лазарева получали только 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ; на фабрику Угличанинова полотняные сновальщики зарабатывали 3 р. 80 к. въ мѣсяцъ. Гораздо бѣльшую плату получали сновальщики на шелковой фабрику Колосовыхъ—до 6 р. въ мѣсяцъ.

Кардошники, скребальщики, катальщики получали приблизительно столько же, сколько и сновальщики. Заработокъ столяровъ, бѣльцовъ, слесарей, состоявшихъ при фабрикахъ, колебался между 3—4 р. въ мѣсяцъ.

Плата женщинамъ была гораздо ниже мужской. Трудъ ткачихъ и пряжи оплачивался еще не такъ низко — ткачихи получали на суконной фабрику Калинина 2 р. 60 к., пряжи — 2 р. 67 к.; но за болѣе простой трудъ—мотаніе, витье основъ, трощенье шелка—

плата женщинамъ была совершенно ничтожна и обыкновенно не достигала и 2 р. въ мѣсяцъ.

Еще ниже оплачивался трудъ малолѣтнихъ, исполнявшихъ тѣ же работы (взрослыя женщины получали за мотанье, трощенье тому подобную работу обыкновенно 7 к. въ день, дѣти 5—6 к.).

Чтобы оцѣнить значеніе приведенныхъ цифръ, надо превратить денежную плату въ реальную. Приведенная плата выражена въ ассигнаціяхъ; о реальной цѣнности ассигнаціоннаго рубля въ началѣ этого столѣтія можно составить нѣкоторое представленіе по цѣнѣ хлѣба. Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ за лѣтъ отъ 1799 до 1803 г. была 66 к. ¹⁾. За 5 лѣтъ 1890—1894 пудъ обыкновенной ржаной муки въ Москвѣ продавался за 93 к. ²⁾. Такимъ образомъ цѣна хлѣба въ Москвѣ поднялась за 90 л. на 41⁰/₁₀₀. Средній заработокъ посессионнаго фабричнаго рабочаго въ началѣ этого вѣка можно опредѣлить примѣрно въ 4 рубля въ мѣсяцъ; принимая въ соображеніе повышеніе цѣны хлѣба, это составитъ на современныя деньги 5 р. 64 к. въ мѣсяцъ — заработная плата крайне ничтожная. Правда, доходъ посессионнаго рабочаго не ограничивался его денежной платой: рабочій получалъ отъ владѣльца, кромѣ того, разныя натуральныя пособія — даровое помѣщеніе, дрова, иногда рабочіе пользовались сѣнокосами, неспособные къ труду и малолѣтніе содержались владѣльцемъ и пр.

Но на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ слѣдуетъ думать, что всѣ такія натуральныя пособія по своей цѣнности далеко не достигали размѣра денежной платы, получавшейся рабочимъ; денежная плата оставалась главной составной частью дохода рабочаго.

А такъ какъ всѣ приведенныя данныя исходятъ отъ фабрикантовъ, которые прямо были заинтересованы въ томъ, чтобы представить положеніе рабочихъ въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно дѣйствительно было, то можно принять, съ значительной вѣроятностью, дѣйствительный заработокъ рабочихъ не превышающимъ приведенныхъ цифръ денежной платы.

Какъ я сказалъ, этотъ заработокъ оказывается въ большинствѣ случаевъ очень низкимъ. Только на ситцевыхъ и бумаготкацкихъ фабрикахъ заработокъ былъ значительно выше и то лишь для

¹⁾ „Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ“. Изд. Моск. городск. управы. Москва, 1894. Прилож. 4.

²⁾ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства“. 1897 г. Спб. Томъ II, стр. 151.

бойщиковъ и ткачей. Кузнецы, бѣлильщики, красильщики получаютъ на этихъ фабрикахъ обычную плату—4 руб. въ мѣсяцъ. Качи и набойщики вырабатывали гораздо больше. Это объясняется, въ сомнѣннѣя, тѣмъ, что въ началѣ XIX вѣка во Владимірской и Московской губерніяхъ быстро развивается ситцепечатное и бумаготкацкое производства,—спросъ на набойщиковъ и миткалевыхъ ткачей былъ очень великъ, почему и плата имъ должна была значительно подняться надъ среднимъ уровнемъ.

О платѣ вольнымъ рабочимъ въ началѣ этого вѣка данныя скуднѣе. Въ своихъ отвѣтахъ мануфактуръ-коллегіи нѣкоторые фабриканты приводятъ плату вольнонаемныхъ: такъ, на фабрикѣ Удышкина посессионные ткачи вырабатывали 3 р. 75 к., а вольные 7 р. 33 к. въ мѣсяцъ. На фабрикѣ Москвина вольные ткачи получали такую же плату, что и посессионные — 7 р. 80 к. въ мѣсяцъ. На фабрикѣ Красильникова плата вольнонаемнымъ и посессионнымъ была одинакова. На полотняной фабрикѣ Водовозова въ Вязник. уѣздѣ, Влад. губ.) работали только вольнонаемные, получавшіе: ткачи—6 р. въ мѣсяцъ, бѣлильщики—4 руб. 58 коп. На полотняной фабрикѣ Грибанова (Ярославск. у.) рабочіе (кроме ткачей) получали, по его заявленію, отъ 5 р. 83 к. до 10 р. въ мѣсяцъ.

Заработокъ вольнаго ткача былъ не ниже 6 р. и, вѣроятно, нередко достигалъ 10 р. При переводѣ на современные деньги это оставляло отъ 8 р. 46 к. до 14 р. 10 к.

Какъ же измѣнялась плата фабричныхъ рабочихъ во времени—повышалась она или понижалась? Отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ и говорилъ выше, не легко. Къ счастью, мы имѣемъ по этому предмету хотя и необширный, но весьма цѣнный статистическій матеріалъ; а именно мы можемъ прослѣдить измѣненіе заработной платы на нѣкоторыхъ крупныхъ посессионныхъ фабрикахъ съ начала вѣка до 40-хъ годовъ по *выпискамъ изъ подлинныхъ конторскихъ книгъ фабрикъ и показаніямъ самихъ рабочихъ*. Кроме того, мы располагаемъ кое-какими отрывочными данными о заработной платѣ и вольныхъ рабочихъ.

Фрянковская и Купавинская шелковыя фабрики (при селѣхъ Фрянковѣ и Купавнѣ, Богородск. уѣзда) принадлежали къ весьма крупнымъ. На Фрянковской фабрикѣ по 5-й ревизіи числилось 533 д. м. п., а на Купавинской—по 7-й ревизіи 680 д. м. п. По объѣмамъ фабрикъ мы имѣемъ весьма детальныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ за цѣлый рядъ лѣтъ.

Фрянковская фабрика въ началѣ этого столѣтія принадлежала дворянину Лазареву. Рабочіе жили въ своихъ избахъ; при каждомъ дворѣ были небольшіе огороды (на каждый огородъ приходилось въ среднемъ 144 кв. саж.). Кромѣ того, рабочіе имѣли выгонъ пахотной земли у нихъ не было, такъ же, какъ и сѣнокосовъ. Земледѣіемъ изъ нихъ никто не занимался. Дрова и лѣсъ на постройку избъ они получали отъ владѣльца. Единственнымъ источникомъ дохода для нихъ являлась фабричная работа.

Въ вышеприведенной таблицѣ указаны платы фрянковскимъ рабочимъ. Кромѣ этихъ платъ, владѣлецъ оказывалъ слѣдующія по себѣ своимъ рабочимъ: 1) престарѣлые и неспособные къ работѣ получали денежное содержаніе отъ 75 к. до 3 р. на человѣка; 2) въ началѣ этого столѣтія для покупки дровъ на каждую избу въ давалось 3 р. въ годъ, впослѣдствіе дрова и лѣсъ отпускались на турой; 3) хлѣбъ отпускался фабричной конторой рабочимъ по покупной цѣнѣ владѣльца; 4) всѣ подати платились содержателемъ фабрики безъ вычетовъ изъ заработной платы.

Какъ я говорилъ въ главѣ IV, рабочіе Фрянковской фабрики непрерывно жаловались на Лазарева высшей власти. Главнымъ поводомъ къ жалобамъ была низкая заработная плата. Эти жалобы оказывали извѣстное дѣйствіе, и нѣкоторыя требованія рабочихъ были удовлетворены хозяиномъ. Что касается до заработной платы, то она подверглась въ теченіе перваго двадцатилѣтія этого вѣка значительнымъ перемѣнамъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

Средняя мѣсячная заработная плата на Фрянковской фабрицѣ:

	1802 г.		1818 г.		1820 г.		Увеличеніе сравнительно съ 1802 г.
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	
Ткачи	5	6	14	—	15	50	206%
Переборщики.	3	38	8	42	9	92	193 „
Шпильники	—	—	3	25	3	33	— „
Мотальщицы и тростильщицы (до 15-ти лѣтъ).	1	8	3	9	3	53	227 „
(старше 15-ти лѣтъ)	1	50	3	53	4	42	195 „
Узольщики	2	25	4	50	5	—	122 „
Разборщики основъ	3	25	5	—	6	25	92 „

По всемъ отраслямъ труда по обработкѣ шелка наблюдается огромное повышеніе денежной платы. Приведенныя цифры за 1818

1820 гг. основаны на выпискахъ изъ конторскихъ книгъ фабрики, и имъ можно вполне довѣрять, такъ какъ сами рабочіе, въ прошеніи, поданномъ въ 1818 г. Александру I, заявили, что противъ правильности цифръ заработной платы въ конторскихъ книгахъ у нихъ „спора нѣтъ“. Плата ткачамъ и переборщикамъ была очень различна, смотря по роду матерій. Приведенныя цифры заработка ткачей и переборщиковъ получены мною путемъ суммированія заработка каждаго ткача и переборщика въ отдѣльности дѣленія полученной суммы на число ткачей и переборщиковъ. Такимъ образомъ, эти цифры выражаютъ собой *дѣйствительный* средній заработокъ этихъ рабочихъ, а не фиктивный, который могъ бы быть полученъ путемъ вывода арифметической средней изъ платъ ткачей и переборщиковъ, не принимая въ соображеніе числа рабочихъ, получающихъ ту или иную плату.

Итакъ, на Фряновской фабрикѣ 2 первыхъ десятилѣтія этого вѣка принесли съ собой огромное увеличеніе денежной заработной платы. Какъ же измѣнилась реальная плата? Обратимся къ хлѣбамъ хлѣба.

	Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ.	Увеличеніе.
1799—1803 г.	— р. 66 к.	139 ⁰ / ₁₀₀ .
1816—1820 г.	1 р. 58 к.	

Денежная плата большинства рабочихъ возросла гораздо больше, чѣмъ цѣна хлѣба. (На Фряновской фабрикѣ въ 1818 г. работало 801 мужч. и женщ., причемъ ткачей было 187, переборщиковъ 90, мотальщицъ и тростильщицъ 388; разборщиковъ основъ и узольщиковъ, плата которыхъ повысилась менѣе цѣны хлѣба, было: первыхъ 4, а вторыхъ 15).

Итакъ, слѣдуетъ признать важный фактъ повышенія втеченіе двухъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка *реальной* заработной платы на Фряновской фабрикѣ, по крайней мѣрѣ, на 25⁰/₁₀₀.

Во второй половинѣ 30-хъ годовъ положеніе рабочихъ на Фряновской фабрикѣ было обследовано особой правительственной комиссіей, въ виду жалобъ рабочихъ на разныя притѣсненія новыми ихъ владѣльцами, купцами Рогожиными, купившими фабрику у Лазарева. Комиссія эта составила по подлиннымъ конторскимъ книгамъ слѣдующую любопытную таблицу, относящуюся къ 1836 г.

Дворы, получающіе	Число дворовъ.	На нихъ рабочихъ:		Полученіи въ 1836 г.
		мужч.	женщ.	
до 300 р. въ годъ	104	124	185	22.337
„ 400 „ „ „	49	82	117	16.876
„ 500 „ „ „	33	89	75	14.978
„ 600 „ „ „	23	61	64	12.458
„ 700 „ „ „	24	69	58	15.333
„ 800 „ „ „	14	44	36	10.511
„ 900 „ „ „	8	30	23	6835
„ 1000 „ „ „	6	25	20	5670
выше 1000 р. въ годъ . .	9	27	26	13734
Итого	270	551	604	118.732

На эту таблицу можно безусловно полагаться, такъ какъ она была проверена въ канцеляріи московскаго генераль-губернатора настаивавшаго на необходимости повысить плату фряновскимъ рабочимъ. Высокая сумма доходовъ нѣкоторыхъ дворовъ, по объясненію генераль-губернатора, зависѣла отъ того, что въ числѣ рабочихъ включены всѣ посессионные служащіе на фабрикѣ, въ томъ числѣ и приказчики, конторщики, надсмотрщики и др., получавшіе крупныя жалованья.

Но если даже откинуть такіе дворы, все-таки слѣдуетъ признать, что въ среднемъ фряновскіе рабочіе вырабатывали около 400 р. на дворъ, имѣя избы, огороды, лѣсъ на постройку домовъ и отопленіе и получая хлѣбъ отъ владѣльца по покупной цѣнѣ. Пудъ ржаной муки въ Москвѣ въ 1836 г. стоилъ 1 р. 12 к., въ 1837—39 гг. — 1 р. 35 к. Такимъ образомъ цѣна хлѣба сравнительно съ 1816—20 гг. понизилась, а такъ какъ денежная плата фряновскихъ рабочихъ во всякомъ случаѣ не сократилась (номинально все это время оставалось въ силѣ прежнее „Положеніе“ 1820 г., но рабочіе домогались прибавки къ платѣ), то, слѣдовательно, реальная плата возросла.

Правительственная комиссія выработала проектъ новаго Положенія, по которому плата рабочимъ была возвышена на 20—30%. Московскій генераль-губернаторъ не согласился съ этимъ проектомъ, признавая эту прибавку слишкомъ незначительной. По этой причинѣ новаго Положенія для Фряновской фабрики составлено не было, и размѣръ платы не былъ установленъ правительствомъ.

Въ одномъ отношеніи московскаго генераль-губернатора мини-

гру финансовъ содержатся любопытныя данныя относительно паты вольнымъ рабочимъ на Фряновской фабрикѣ. По словамъ Г. Голицына, „касательно держанія большаго числа вольнаго на-да слѣдуетъ замѣтить, что понынѣ однимъ изъ главныхъ пово-въ къ неудовольствіямъ приписныхъ мастеровыхъ было то об-оятельство, что симъ приписнымъ платилось гораздо менѣе, жели работающимъ съ ними вмѣстѣ вольнымъ людямъ. Такъ, шр., приписные ткачи кругомъ заработали въ годъ около 185 р. ждый, а сидящіе съ ними вмѣстѣ и работающіе тѣ же самыя цѣлія вольные ткачи заработали кругомъ около 350 р. каждый. риписнымъ набойщикамъ было положено отъ 8 до 22 р. въ мѣ-ць жалованья, а вольнымъ идетъ, большею частью, 420—600 р. въ годъ... не меньше какъ 58 человекъ получили по 480 р. годо-го жалованья“.

Такимъ образомъ, заработная плата вольнымъ рабочимъ на елковыхъ фабрикахъ въ концѣ 30-хъ годовъ была очень висока ¹⁾).

Перейдемъ теперь къ другой крупной посессионной фабрикѣ огородскаго уѣзда—Купавинской. Основанная купцомъ Земскимъ, за перешла затѣмъ къ князѣ, передавшей ее въ 1803 г. князю Лупову.

На этой фабрикѣ рабочіе имѣли свои избы съ огородами. Хлѣбо-ашествомъ они не занимались. Дрова и лѣсъ на постройку избъ и попленіе получали отъ владѣльца даромъ. Хлѣбъ получали по по-упной цѣнѣ владѣльца. Рабочіе имѣли право пользоваться сѣно-осомъ на лугахъ при фабрикѣ, а также выгонами для своегоkota. Въ отличіе отъ Фряновской фабрики, подушная подать пла-влась самими фабричными и вычиталась изъ ихъ заработной латы. Престарѣлые получали содержаніе отъ владѣльца.

По Положенію 1802 г., мужчины получали на фабрикѣ плату гь 4 р. 17 к. до 6 р. 70 к. въ мѣсяць (причемъ ткачи полу-али среднимъ числомъ 6 р. 70 к.), а женщины—отъ 1 р. 50 к. до р. 85 к. въ мѣсяць. Къ 1817 г. заработная плата на Купавин-кой фабрикѣ сильно увеличилась:

¹⁾ Всѣ данныя о заработной платѣ фряновскихъ рабочихъ послѣ 303 г. взяты изъ двухъ дѣлъ: Дѣло о притѣсненіяхъ содержателемъ шел-овой фабрики дворяниномъ Лазаревымъ мастеровымъ чинамъ, 9 февр. 815 г., и Дѣло по просьбѣ фабричныхъ мастеровыхъ Фряновской шел-овой фабрики купцовъ Рогожиныхъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ имъ фабрикантами, 10 апрѣля 1837 г. (Арх. д-та Т. и М.).

Мѣсячная плата.

Ткачи	15 р. 42 к.
Переборщики	11 „ 66 „
Размотчицы	5 „ — „
Строгальщицы.	5 „ — „
Чистильщицы	5 „ — „

Плата ткачей такая же, какъ и установленная Положеніемъ 1820 г. для Фряновской фабрики. Плата переборщиковъ и жещинъ на Купавинской фабрикѣ была выше. Въ общемъ же въ первыя два десятилѣтія этого вѣка заработная плата на Купавинской фабрикѣ измѣнялась приблизительно такъ же, какъ и въ Фряновской, т. е. денежная плата возвысилась, примѣрно, въ 3 раза, а реальная—на 25⁰/₀.

Въ 1833 г. Юсуповъ продалъ Купавинскую фабрику купцамъ Бабкинымъ. Бабкины перемѣнили производство на фабрикѣ, обратили ее изъ шелковой въ суконную. Благодаря этому, непосредственное сравненіе платъ на Купавинской фабрикѣ до и послѣ 1833 г. невозможно.

И на Купавинской, какъ и на Фряновской фабрикѣ, вольныя рабочіе получали гораздо большую плату, чѣмъ посессионные. По показанію самихъ Бабкиныхъ, вольнымъ рабочимъ платили вдвое противъ посессионныхъ. Это и вызвало неудовольствіе посессионныхъ рабочихъ. Въ прошеніи министру финансовъ 5 августа 1834 г. рабочіе особенно настаиваютъ на несправедливости такого различія. „Мѣсячный народъ“, пишутъ рабочіе, „какъ-то кузнецы, слесаря, токари, столяры и проч., получаютъ отъ 10 р. до 15 р., а по вольной цѣнѣ по 40 р., равенщики при машинахъ въ мѣсяць по 8 р., а по вольной цѣнѣ 25 р., на чесальныхъ машинахъ мальчики 15 и 16 лѣтъ по 7 р., а по вольной цѣнѣ по 17 р., при сновальнѣ дѣвки получаютъ по 3 р. 50 к., а по вольной цѣнѣ по 8 р.“

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ началѣ 40-хъ годовъ фабричною конторою, купавинскіе посессионные рабочіе получали слѣдующую плату:

	Мѣсячная плата рабочимъ Купавинской фабрики.	
	1834 г.	1843 г.
Ткачи (суконъ).	23 р. — к.	26 р. — к.
Сновальщики	13 „ 50 „	24 „ 25 „
Равенщики	11 „ — „	— „ — „

	Средняя мѣсячная плата рабочимъ Купавинской фабрики.	
	1834 г.	1843 г.
Присучальщики	4 " — "	— р. — к.
Щипальщики	8 " — "	9 " — "
Присукновальныхъ машинахъ чернор.	11 " 50 "	18 " — "
При паровой машинѣ	— " — "	17 " 50 "
Рабочіе при трепальныхъ машинахъ	10 " — "	15 " — "
При нихъ мальчики	7 " — "	8 " 50 "
При чесальныхъ машинахъ мальчики	7 " — "	8 " 50 "
Присучальщики (дѣти)	3 " 50 "	5 " 50 "
Сортировщики шерсти	7 " 50 "	15 " — "
Слесаря	11 " 50 "	16 " — "
Кузнецы	11 " — "	20 " 50 "
Вердочники	12 " — "	15 " — "
Столяры	12 " 50 "	20 " — "
Востопники	11 " — "	17 " — "
Сторожа	9 " 50 "	10 " — "
При чисткѣ аппаратовъ (мальчики).	7 " — "	10 " — "
Вдовамъ, сиротамъ и увѣчнымъ—отъ 75 к. до 3 р. отъ 75 к. до 4 р.		

Если сравнить эти данныя съ цитированнымъ показаніемъ рабочихъ, то оказывается, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе показываютъ ту же плату, которая значится и по конторскимъ книгамъ фабрики. Такъ, кузнецы, столяры, слесаря получаютъ отъ 10 до 15 р. и по показанію рабочихъ, и по конторскимъ книгамъ ¹⁾. То же слѣдуетъ сказать и о заработной платѣ чесальщиковъ. Плата равенщиковъ показывается рабочими болѣе низкой, но это объясняется тѣмъ, что равенщики получали неодинаковую плату, и рабочіе, естественно, привели самую низкую.

Въ виду такого совпаденія показаній рабочихъ съ цифрами заработной платы по конторскимъ книгамъ фабрики слѣдуетъ признать послѣднія выражающими дѣйствительное положеніе дѣла. Мы видимъ, что въ половинѣ 30-хъ годовъ заработная плата Купавинской фабрики была, въ среднемъ, значительно выше, чѣмъ на Фряновской фабрикѣ. Плата ткачамъ, столярамъ была выше на Купавинской фабрикѣ процентовъ на 50. Въ 1842 г. плата еще повысилась почти по всѣмъ родамъ труда. Заработокъ ткачей

¹⁾ Въ таблицѣ я привожу среднюю плату и потому цифры заработной платы оказываются иными, чѣмъ по показанію рабочихъ. Но въ подлинникѣ онѣ тождественны.

достигъ 26 р. въ мѣсяцъ; средній заработокъ обученнаго рабочаго (skilled labour) колеблется, примѣрно, отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ. Низшіе роды труда (напр., трудъ сторожа) оплачивались 10-ю рублями въ мѣсяцъ. Правда, одновременно съ этимъ поднялась и цѣна хлѣба:

	Цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ,
1831—35	1 р. 93 к.
1838—42	2 „ 31 „

Хлѣбъ вздорожалъ въ цѣнѣ почти на 20⁰/. Плата ткачей выросла слабѣе (на 13⁰/), но плата сновальщиковъ, рабочихъ при машинахъ, сортировщиковъ, слесарей, кузнецовъ, столяровъ увеличилась въ гораздо большей пропорціи—въ среднемъ значительно болѣе, чѣмъ на 50⁰/. Въ общемъ же слѣдуетъ признать, что на Купавинской фабрикѣ реальная заработная плата повышалась въ теченіе всѣхъ первыхъ четырехъ десятилѣтій этого вѣка.

Однако, вернемся назадъ—къ положенію Купавинскихъ рабочихъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, когда на этой фабрикѣ произошли извѣстные волненія, вызванныя, главнымъ образомъ, вздорожаніемъ хлѣба въ 1834 г. Для обследованія положенія рабочихъ была назначена и для Купавинской фабрики особая правительственная комиссія. Чиновникъ отъ московскаго генераль-губернатора въ этой комиссіи Соловьевъ составилъ таблицу заработныхъ платъ для Купавинской фабрики, которая не была утверждена вслѣдствіе отрицательнаго отношенія министерства финансовъ ко всякому регулированію платы посессионныхъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе табель Соловьева весьма любопытна тѣмъ, что она можетъ дать представленіе о платѣ вольнымъ рабочимъ на суконныхъ фабрикахъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, такъ какъ Соловьевъ признавалъ необходимымъ (какъ самъ объяснялъ въ донесеніи генераль-губернатору) уравнивать плату посессионнымъ и вольнымъ рабочимъ.

Табель мѣсячныхъ заработныхъ платъ для Купавинской фабрики, составленная Соловьевымъ ¹⁾.

Валка суконъ.

Мастеръ	60—70 р.
Рабочіе	21—35 „
Сушильщики и развѣшивальщики	20 „

¹⁾ За тканье и пряденіе шерсти въ табели Соловьева приведена только задѣльная плата, причемъ мѣсячная выработка рабочаго не указана.

Крашение суконь.

Мастеръ	•60—70 р.
Рабочіе	24 „
Мытьельщики	20 „
Нагонный мастеръ	34 „
Ворсовщики	24 „

Стрижка суконь.

Мастеръ	50 „
Рабочіе	20—22 „
Стригачи	24—29 „
Вязальщики	21 „
Бердовщики	35 „

Прессовка суконь.

Мастеръ	40 „
Рабочіе	25—30 „

Декатировка суконь.

Мастеръ	34 р.
Рабочіе	20 „

Кузница.

Кузнецы	25—45 „
-------------------	---------

Слесарня.

Мастеръ	35—40 „
Рабочіе	18—25 „

Токарня.

Мастеръ	45 „
Рабочіе	20—25 „
Сторожа при кладовыхъ	25 „
Сторожа при фабрикахъ	20 „

почему я и не могъ опредѣлиться платы ткачей, сновальщиковъ и вообще
всѣхъ издѣльныхъ рабочихъ.

Соловьевъ былъ членомъ комитета снабженія войскъ сукнами, слѣдовательно, близко зналъ суконное дѣло и для составленія этой таблицы объѣздилъ въ сосѣднія суконныя фабрики. Такъ какъ табель эта составлялась для опредѣленной практической цѣли и должна была установить дѣйствительную заработную плату на Бабкинской фабрикѣ, то она представляетъ очень большой интересъ, какъ показатель дѣйствительной платы вольнонаемнымъ рабочимъ на московскихъ суконныхъ фабрикахъ въ разсматриваемую эпоху. Высокая плата рабочимъ по этой таблицѣ насъ не должна удивлять, такъ какъ она сходится съ показаніями рабочихъ. Мы видѣли, что, по показаніямъ рабочихъ, вольнонаемные кузнецы, столяры, слесаря и др. получали въ мѣсяцъ по 40 рублей. Соловьевъ назначаетъ имъ плату отъ 20 до 45 р. Даже мальчики при чесальныхъ машинахъ, по словамъ рабочихъ, получали, по вольной цѣнѣ, 17 р. въ мѣсяцъ—неудивительно, что у Соловьева плата за самый простой чернорабочій трудъ опредѣляется не меньше 20 р. въ мѣсяцъ.

Показанія рабочихъ подтверждались и хозяевами фабрики. По словамъ Бабкиныхъ, вольные ткачи зарабатывали у нихъ около 36 р. въ мѣсяцъ, прядильщики—30—35 р. въ мѣсяцъ, равенщики 15—24 р.

У меня есть данныя о заработной платѣ на крупной посессионной суконной фабрикѣ Рыбникова (въ селѣ Чудино).

Мѣсячная плата рабочимъ на фабрикѣ Рыбникова.

Съ 1837 по 1842 гг.

Ткачи	30—50 р.
Прядильщики	35—40 „
Щипальщики	12—15 „
Трепальщики	12—18 „
Настилальщики	9 „
Присучальщики	8 „
Мюльщики	35—40 „
Прядильщики кромки	40 „
Сновальщики	18—25 „
Катушечницы	9 „
Сторожа	18 „

Данныя эти доставлены фабричною конторою по требованію богородскаго земскаго суда и, быть можетъ, нѣсколько преувели-

мены. Но вообще на фабрикѣ Рыбникова плата посессионнымъ рабочимъ была очень высока. Посессионные рабочіе, по показанію владѣльца, получали на ней такую же плату, какъ и вольнонаемные. Правительственная комиссія, составлявшая Положеніе Купавинской фабрики, приводитъ слѣдующую табель заработной платы въ 1834 г. на Чудинской фабрикѣ (которая въ то время принадлежала купцу Тулубову):

Ткачи	22—30 р.
Равенщики	24 „
Присучальщики	8 „
Щипальщики	11 „
Мотальщики	10—12 „
Сновальщики	21 „
При нихъ мальчики	9 „
Чистильщики суконъ	11—13 „
Поденщики	отъ 75 к. до 1 р. въ день
Красильщики	24 „
Чистильщики карбъ.	9 „
Стригачи	26 „
Трепальщики	15—25 „
Сукновалы	20—25 „
Сторожа	21 „

Мы видимъ, что купавинскіе рабочіе были совершенно правы, утверждая, что заработная плата взрослого вольнаго рабочаго на фабрикахъ превышала 20 рублей въ мѣсяцъ. Вольнонаемный ткачъ на суконной фабрикѣ зарабатывалъ не менѣе 30 рублей въ мѣсяцъ. Даже посессионные ткачи на Купавинской фабрикѣ зарабатывали въ 1834 году 23 рубля, а 1843 г.—26 р.

Если мы сравнимъ эту плату съ заработкомъ ткачей на суконныхъ фабрикахъ Московской губерніи въ началѣ вѣка, мы должны будемъ признать огромное повышеніе платы. И въ суконномъ, какъ и въ шелковомъ, и даже еще болѣе, чѣмъ въ шелковомъ, производствѣ, первая половина этого вѣка была временемъ почти непрерывнаго роста заработной платы, какъ денежной, такъ и реальной ¹⁾.

¹⁾ Все, касающееся Купавинской фабрики, а также Чудинской Рыбникова, взято мною изъ двухъ дѣлъ: Дѣло по всеподданнѣйшей просьбѣ князя Юсупова о взятіи въ казну Купавинской фабрики, о передачѣ оной

Перейдемъ теперь къ полотняному производству. Крупнѣйшей полотняной фабрикой въ Россіи въ началѣ этого вѣка была Ярославская Большая Мануфактура Яковлева. На ней работало въ 1817 г. 2371 посессионныхъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ. На этой фабрикѣ къ денежной платѣ присоединялись разнообразныя натуральныя пособія рабочимъ со стороны владѣльца. Такъ, каждый рабочій получалъ въ мѣсяцъ 1 п. 20 ф. ржаной муки и по 5-ти фунтовъ пшеничной муки, съ вычетомъ изъ денежной платы по 30-ти коп. за пудъ ржаной муки и по 50-ти коп. за пудъ пшеничной муки, въ то время какъ сами владѣльцы покупали муку по цѣнѣ въ нѣсколько разъ высшей. Точно также рабочіе получали по опредѣленной цѣнѣ и дрова, причемъ въ 1817 году цѣна эта далеко не достигала покупной. Престарѣлые получали пенсіи и содержаніе отъ владѣльца, малолѣтнимъ хлѣбъ отпускался даромъ. Рабочіе имѣли свои дома и огороды, всѣ повинности уплачивали за нихъ владѣльцы.

О денежной цѣнности натуральныхъ прибавокъ къ денежной платѣ можно судить по тому, что въ 1819 году владѣлецъ фабрики Яковлевъ подалъ просьбу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли объ избавленіи его отъ обязанности отпускать по вышеназванной цѣнѣ муку, а также и дрова фабричнымъ, съ одновременнымъ повышеніемъ денежной платы рабочимъ на 50%. При этомъ онъ представилъ расчетъ, по которому рабочимъ за 1813—1818 гг. выдавалось въ среднемъ ежегодно деньгами 108.589 руб., а уступка на цѣнѣ муки и дровъ ежегодно достигала 53.607 руб. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе признать, что дѣйствительная плата рабочимъ Ярославской Большой Мануфактуры, по крайней мѣрѣ, на 50% превышала денежную, ибо не могъ же фабрикантъ просить о вещи, для него убыточной.

Ежемесячная плата рабочимъ на Большой Ярославской Мануфактурѣ.

Ткачи	вырабатывали сред.	числомъ . .	8 р. 20 к.	—	13 р. 40 к.
Переборщики	„	„	5 „ 70	—	8 „ 95
Ткачихи	„	„	5 „ 30	—	7 „ 50

коммерціи-совѣтнику Лиону, а напостѣдокъ купцамъ Бабакинымъ, 11 ноября 1831 года; Дѣло объ отдачѣ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову въ потомственное содержаніе Кулавинской шелковой фабрики, 9 сентября 1803 г. (Арх. д-та Т. и М.).

Красильщики пряжи:

стера	12 р. 50 к.
мощникъ выработ. сред. числ.	10 „ 25 „
ботникъ „ „ „	7 „ 31 „
енщины (витье пряжи)	3 р. 23 к. — 7 „ 70 „

Такъ какъ число ткачей, получавшихъ высшую плату, повиному, было не велико, то средній заработокъ полотнянаго ткача Яковлевской фабрики въ 1817 г. можно принять въ 15 руб. въ мѣсь (10 руб. денежная плата и 50% уступка въ цѣнѣ хлѣба и овъ). Средній заработокъ ткачихи былъ не менѣе 10 руб. (погая денежную плату въ 6—7 рублей и 50% прибавки). Если сравнимъ эту плату съ платой на той же фабрикѣ въ 1803 г., замѣтимъ огромное возрастаніе какъ денежной, такъ и реальной платы. Въ 1803 г. ткачъ зарабатывалъ на Ярославской Большой Мануфактурѣ среднимъ числомъ 4 р. 15 к. въ мѣсяць, а ткачиха 2 р. 52 к. въ мѣсяць; правда, сюда слѣдуетъ прибавить тѣпку въ цѣнѣ муки, но въ 1803 г., благодаря болѣе низкимъ цѣнамъ хлѣба (ржаная мука покупалась владѣльцами по 50 к, а пеничная по 87 к.), уступка эта выражалась ничтожной прибавкою къ денежной платѣ, а дрова въ 1803 году уступались рабочимъ по покупной цѣнѣ.

При опросѣ рабочихъ Яковлевской мануфактуры чиновникомъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли Бурнашевымъ объ этомъ я говорилъ выше, въ главѣ IV), почти всѣ рабочіе показали, что свой заработокъ они признаютъ недостаточнымъ и требуютъ не меньше 150 рублей въ годъ (т.-е. 12 р. 50 коп. въ мѣсяць). Я уже упоминалъ, что волненія рабочихъ, въ концѣ концовъ, привели къ повышенію заработной платы на 7%.

На другихъ полотняныхъ посессионныхъ фабрикахъ рабочая плата мало отличалась отъ платы на Большой Ярославской Мануфактурѣ. На Малой Ярославской Мануфактурѣ, полотняной фабрицѣ въ городѣ Ярославлѣ, принадлежавшей купцу Угличанинову, рабочіе имѣли дома, подати за нихъ платились владѣльцами, мука покупалась рабочимъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и на фабрикѣ Яковлева, но денежная плата была ниже.

Мѣсячная плата на Малой Ярославск
Мануфактурѣ.

Въ 1817 г.

Ткачи	7 р. 50 к.—12 р.	3
Ткачихи.	4 " 17 " — 5 "	6
Сновальщики	5 " 83 " —10 "	8
Женщины (витье пряжи).	2 " 50 " — 3 "	3
Столяры	} 6 " — " — 8 "	P.
Бердники		
Кузнецы		

Игдеев Кувае
на 91 работѣ.

P.

29

На полотняной фабрикѣ Куманина въ Переяславской Владимірской губерніи, рабочіе имѣли не только избы, но также и свои покосы. Дрова отпускались хозяиномъ. Всѣ подати платилъ хозяинъ. Денежная плата была чѣмъ на Яковлевской фабрикѣ.

41

32

41

Мѣсячная плата на полотняной фабрикѣ Ку

Въ 1820 г.

Мастерь	15 р. — к.	10
Подмастерье	12 " 20 "	1
Котельщикъ	7 " — "	11
Ткачи	7 " 16 "	
Женщины (размотка пряжи)	5 " — "	
Сновальщики	10 " — "	5
Нитовщики (малолѣтн.)	4 " — "	
Браковщики	14 " — "	
Бердовщики	12 " — "	

На полотняной фабрикѣ Щербатова, въ Ярославскомъ посессионные ткачи выработывали въ мѣсяцъ около 12 р вольные ткачи получали на фабрикѣ Горбунова въ городѣ новѣ, Ярославской губерніи, болѣе 20 рублей въ мѣсяцъ. Москвѣ, около 1820 г., плата вольнонаемнымъ рабочимъ, казанію московскаго комитета снабженія войскъ сукнамъ не менѣе 300—400 руб. въ годъ для взрослыхъ мужчинъ

Средняя **нська въ 18**

№ 42—47).

Р.	Ситцевая Кувае- ва. 91 рабочій.		Р.
	Р.	К.	
Прика	29	17	40
Прист	—	—	15
Маши	—	—	64
Колер	41	66	170
Гравер	—	—	27
Конто	32	25	32
Рисов	41	67	36
Слеса	—	—	12
Кубов	—	—	14
Ръзчи	10	42	10
Кузне	—	—	9
Набой	10	—	9
Штри	1	4	—
Завая	11	67	12
Ракл	—	—	14
Стола	—	—	11
Черн	5	83	5
Пряд	—	—	14
Ткач	—	—	11
Ткач	—	—	6
Снов	—	—	6
Клее	—	—	7
Шпу	—	—	1
Мыл	7	8	7
Нак	—	—	18
Крас	—	—	19
Пер	—	—	16
Над	—	—	16

енщинъ и несовершеннолѣтнихъ—150—200 руб. въ годъ. Слѣ-
вательно, въ 20-хъ годахъ мѣсячная плата вольнонаемнаго фаб-
ричнаго рабочаго въ Москвѣ примѣрно достигала 25—30 руб. и
болѣе, а женщинъ—12—15 р. и болѣе ¹⁾.

Относительно заработной платы въ хлопчатобумажномъ произ-
водствѣ у меня нѣтъ такихъ же надежныхъ данныхъ, какъ выше-
приведенныя, допускающія повѣрку показаніями рабочихъ. При-
дется довольствоваться отрывочными цифрами заработной платы,
приводимыми въ литературѣ. Прилагаемая таблица можетъ позна-
комить съ рабочей платой на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Вла-
димиірской губерніи въ 50-хъ годахъ.

Изъ этой таблицы видно, что мѣсячный заработокъ ткача на
механическихъ станахъ въ 1856 г. былъ около 11 р. серебромъ,
на ручныхъ станахъ около 7 р. сер. Плата набойщику почти
достигала 10 р., прядильщикамъ—15 р. и болѣе. Столяры, куз-
ницы, слесаря выработывали 10—12 р. и болѣе, чернорабочіе—
около 5 р. Заработная плата дѣтей-шпульниковъ, штрифовальщи-
ковъ была ничтожна—едва превышала 1 р. Женщины выработы-
вали, по даннымъ Я. Гарелина, отъ 5 р. 50 к. до 9 р.; на бумаго-
прядильнѣ Борисовскаго почти всѣ платы значительно ниже—это
объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ 1854 году (годъ Крымской
войны), къ которому относятся приводимыя данныя, былъ силь-
ный застой въ хлопчатобумажной промышленности; во второй по-
ловинѣ 50-хъ годовъ заработная плата фабричныхъ рабочихъ
сравнительно съ 1854 г. значительно поднялась.

Сопоставимъ эти платы съ цѣнами хлѣба.

Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ ²⁾.

1852—56 гг. 47 к.

Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ (1890—94 г.) ржаная мука
(обыкновенная) продавалась въ Москвѣ за 93 к. ³⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Данныя о заработной платѣ рабочимъ на полотняныхъ фабрикахъ
взяты изъ двухъ дѣлъ: Дѣло по жалобамъ мастеровыхъ людей Большой
Прославской Мануфактуры на владѣльцевъ оной Яковлевыхъ въ произ-
водствѣ ими малой заработной платы, 16 марта 1817 г.; Дѣло о притѣс-
неніяхъ, чинимыхъ фабрикантомъ Угличаниновымъ мастеровымъ лю-
дямъ, 22 июня 1817 г. (Арх. д-та Т. и М.).

²⁾ „Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ“.

³⁾ „Вліяніе низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на разныя стороны народнаго
хозяйства.“ С.-Петербургъ, 1897 г., т. II, стр. 151.

зомъ, цѣна хлѣба со времени 50-хъ гг. поднялась почти вдвое. Можно признать, что на современные деньги механической ткачи въ Ивановѣ въ 1856 году получали около 22 р., ручной—14 р., набойщикъ—20 р., прядильщикъ—30 р. и т. д. Какъ увидимъ ниже, въ наше время рабочая плата значительно ниже.

Вообще не подлежитъ сомнѣнiю, что вторая четверть этого вѣка въ Россiи характеризовалась сравнительно высокой заработной платой фабричныхъ рабочихъ. Въ обширной статьѣ въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1837 г. (№ XII) „О состоянiи рабочихъ въ Россiи“ приводятся очень высокiя цифры заработной платы; такъ, по словамъ автора статьи, „хорошiй ткачъ шелковыхъ матерiй можетъ приобрести въ Москвѣ по 3, 4 и болѣе рублей въ день (ассигнацiями). Порядочный прядильщикъ получаетъ по 40 и 45 р. въ мѣсяцъ; печатникъ и набойщикъ отъ 400 до 500 р. въ годъ; наконецъ, красильщикъ и бѣлильщикъ получаютъ среднимъ числомъ, отъ 20 до 25 р. въ мѣсяцъ. Дѣтямъ и женщинамъ платятъ то въ положенные сроки, то за работу. Многи́и приобретаютъ по 150, 200 и 250 р. въ годъ“. Эти данныя, вѣроятно, значительно преувеличены. Но если даже, въ дѣйствительности, среднiй шелковый ткачъ получалъ вдвое меньше, чѣмъ утверждается въ цитируемой статьѣ, все же заработокъ его былъ весьма значителенъ.

Много данныхъ о заработной платѣ фабричныхъ рабочихъ въ Россiи въ 40-хъ годахъ сгруппировано въ извѣстномъ трудѣ Гакстгаузена, наблюдателя, въ большинствѣ случаевъ, очень точнаго и потому заслуживающаго довѣрiя. По его словамъ, рабочiе на Большой Ярославской Мануфактурѣ въ 40-хъ годахъ (послѣ своего освобожденiя) зарабатывали: ткачи—отъ 1 р. 30 к. до 2 р. (ассигн.) въ день, ткачихи отъ 60 до 80 к. въ день. На шелковой фабрикѣ Оловянишникова въ Ярославлѣ ткачъ легкихъ матерiй выработывалъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 40 к. въ день, ткачъ тяжелыхъ матерiй выработывалъ еще больше. Въ селѣ Великомъ, Ярославской губернiи, ткачиха выработывала около одного рубля въ день. Въ Нижегородской губернiи, Арзамасскомъ уѣздѣ, на кожевенномъ заводѣ Щетинина взрослый рабочiй получалъ въ годъ 160—170 р. серебромъ, т.-е. болѣе 500 р. ассигнацiями. Гакстгаузенъ принимаетъ, что заработокъ средняго фабричнаго рабочаго въ Россiи можно считать 1 р. ассигнацiями въ день; заработокъ прядильщика достигалъ 1 р. 50 к. въ день, ткача и набойщика—2 р.

Сравненiе заработной платы фабричныхъ рабочихъ въ Россiи

Германіи оказывается, по словамъ Гакстгаузена, крайне неблагопріятнымъ для Германіи. Такъ, ткачиха въ селѣ Великомъ зарабатывала вдвое противъ обычнаго заработка ткачихъ въ Билельдѣ. Гакстгаузенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги даже утверждаетъ, что „ни въ одной странѣ заработная плата (фабричныхъ рабочихъ) не достигаетъ такой высоты, какъ въ Россіи“. Даже денежная заработная плата въ Россіи, въ общемъ, выше, чѣмъ въ Германіи. Что же касается до реальной платы, то преимущество русскаго рабочаго передъ заграничнымъ въ этомъ отношеніи еще значительнѣе¹⁾.

Въ „Изслѣдованіи о состояніи льняной промышленности въ Россіи“, изданномъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1847 г., также приводятся, въ нѣсколькихъ случаяхъ, платы рабочимъ на полотняныхъ фабрикахъ. Плата эта оказывается очень высокою. Такъ, на фабрикѣ Кузьмина въ Москвѣ, по словамъ изслѣдованія, ткачи тонкихъ скатертей получали въ день по 3 р. ассигн., ткачи полотенецъ—по 2 р. Пряжа въ селѣ Великомъ выработывала 42—50 коп. въ день. Хорошіе ткачи тонкихъ полотенецъ въ селѣ Никольскомъ, Ярославской губ., среднимъ исходомъ получали около 1 р. 50 к. въ день (лѣтомъ, зимою нѣсколько меньше)²⁾.

Я считаю показанія Гакстгаузена относительно платы русскаго рабочаго преувеличенными. По моимъ даннымъ, заработная плата была значительно ниже; но если даже и не согласиться съ мнѣніемъ Гакстгаузена, что русскій рабочій получалъ въ 40-хъ годахъ значительно больше германскаго, все же слѣдуетъ признать равенство сравнительной высоты заработной платы въ николаевской Россіи.

Правда, изъ этой платы слѣдуетъ вычесть оброкъ, уплачивавшійся помѣщичьими крестьянами помѣщику. Но, во-первыхъ, это относится только къ помѣщичьимъ крестьянамъ, а не къ государственнымъ, а во-вторыхъ, хотя оброки помѣщичьихъ крестьянъ въ николаевскую эпоху и были очень высоки (оброкъ въ центрѣ ткацкенабивной промышленности—селѣ Ивановѣ—былъ около 80 р. ассигн. съ тягла—но такой высокой оброкъ, безъ сомнѣнія, былъ включеніемъ, какъ и само село Иваново) и на уплату оброка

¹⁾ Haxthausen. „Studien über die innern Zustände Russlands“, I — стр. XIII 170, 171, 326, III—стр. 584, 586 и др.

²⁾ „Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи.“ стр. 64, 80, 90.

шла довольно значительная доля заработной платы (но врядь больше $\frac{1}{10}$), зато въ пореформенную эпоху оброки были замѣнены гнетомъ податей, быть можетъ, еще болѣе тяжелымъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ нельзя не признать, что заработная плата фабричнаго рабочаго въ Россіи въ 40-хъ годахъ была несоко, сравнительно какъ съ предыдущимъ, такъ (объ этомъ я буду говорить ниже) съ послѣдующимъ временемъ.

Правда, въ хлопчатобумажной промышленности рабочая плата съ начала вѣка скорѣе понизилась, а не повысилась. Бумажный ткачъ (поссессионный) зарабатывалъ на фабрикѣ Грачева въ 1803 10 р. въ мѣсяць (ассигн.), при цѣнѣ муки 66 к. пудъ, а въ 1856 вольнонаемный ручной ткачъ получалъ меньше 7 р., при цѣнѣ муки 47 к. Слѣдовательно, реальная плата *вольнаго* ручного ткача въ 1856 была ниже, чѣмъ въ 1803 г. плата поссессионаго. Но это зависѣло отъ исключительно высокаго уровня заработной платы въ хлопчатобумажномъ производствѣ въ первые годы этого вѣка. Движеніе заработной платы набойщиковъ и бумажныхъ ткачей представляетъ почти непрерывное паденіе.

Лучшій знатокъ промышленной исторіи Владимірской губерніи Я. Гарелинъ, доставилъ въ 1873 г. въ Валугевскую комиссію слѣдующія данныя объ измѣненіи заработной платы на бумажныхъ фабрикахъ въ селѣ Ивановѣ, приводимыя въ таблицѣ на стр. 207.

Заработная плата набойщиковъ и ткачей, какъ денежная, такъ и еще болѣе реальная, быстро падаетъ. Денежная плата всѣхъ другихъ рабочихъ повышается, но слабѣе, чѣмъ повышается цѣна хлѣба—иначе говоря, реальная заработная плата ихъ также падаетъ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ вѣка заработная плата въ Ивановѣ, какъ центрѣ ситцепечатнаго производства, развившемся съ поразительной быстротой, была гораздо выше средняго уровня (не нужно забывать, что всѣ цѣны въ таблицѣ Гарелина выражены въ рубляхъ *серебромъ*, а не въ ассигнаціяхъ); этимъ и объясняется паденіе реальной платы въ Ивановѣ по мѣрѣ притока рабочихъ изъ другихъ мѣстностей.

Противоположность измѣненія заработной платы въ хлопчатобумажной промышленности и другихъ отрасляхъ труда объясняется очень просто. Хлопчатобумажное ткачество и набойка ситцевъ были сравнительно новымъ дѣломъ въ Россіи начала вѣка. Огром-

¹⁾ „Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи.“ Спб. 1873. Прил. Отдѣлъ II. Стр. 227.

Мѣсячная заработная плата въ селѣ Ивановѣ и окрестностяхъ.

(Въ рубляхъ и копейкахъ серебромъ).

	Около 1810 года.	Около 1830 года.	Около 1850 года.	Около 1860 года.
Набойщики	12—20 р.	8—15 р.	6—12 р.	5—8 р.
Ткачи ручные	6 р.	4 р. 50 к.	3 р. 50 к.—4 р. — к.	3 р. — к.—3 р. 50 к.
Ткачи механические	—	—	12—16 р.	10—13 р.
Мытильщики	3—4 р.	5 р.	7 р. — к.—7 р. 30 к.	7 р. 50 к.—9 р. — к.
Закотельщики	2—3 „	3 р. 25 к.	3 „ 50 „ —4 „ — „	4 „ 50 „ —4 „ 75 „
Рабочіе на цилиндр. ма- шинахъ	—	3 „ 75 „	4 р. 60 к.	5 „ — „ —6 „ 50 „
Рабочіе на голандрахъ	2 р. — к.—2 р. 50 к.	3 „ 15 „	3 „ 50 „	3 „ 75 „ —4 „ 15 „
Чернорабочіе	1 „ 50 „ —2 „ — „	3 р. 15 к.—3 р. 50 к.	3 р. 50 к.—4 р. 20 к.	3 „ 75 „ —4 „ 50 „
Мальчики	1 „ — „ —1 „ 25 „	1 „ 25 „ —2 „ — „	1 р. 80 к.	2 „ — „ —2 „ 50 „
Женщины (спивалки, пе- реборщцы и проч.)	1 „ 50 „ —1 „ 75 „	1 „ 75 „ —2 „ 50 „	2 р. 25 к.—2 р. 75 к.	2 „ 50 „ —3 „ — „
Цѣна пуда ржаной муки.	14—19 к.	28—33 к.	50—60 к.	60—65 к.

ное паденіе цѣны англійской пряжи, вызванное введеніемъ прядильной машины, не сопровождалось первое время пропорціональнымъ пониженіемъ цѣны готовой ткани въ Россіи. Поэтому бумажное ткачество и набойка миткалей сдѣлались чрезвычайно выгодной операціей, доступной къ тому же не только крупнымъ предпринимателямъ — фабрикантамъ, но, благодаря несложности производства, не требовавшего дорогихъ инструментовъ и машин и мелкимъ предпринимателямъ, даже одиночнымъ производителямъ—кустарямъ. Пока новое производство было мало распространено и составляло почти монополію первыхъ пионеровъ (напримѣръ, села Иванова во Владимірской губерніи), заработокъ набойщиковъ и бумажныхъ ткачей былъ чрезвычайно великъ, такъ какъ каждый ткачъ или набойщикъ имѣлъ полную возможность заниматься этимъ дѣломъ за свой собственный счетъ и, понятно, и сталъ бы работать на фабриканта за низкую плату; съ другой стороны, фабриканты, получая „упятеренный рубль на рубль (500% барыша въ годъ), могли давать высокую плату своимъ рабочимъ.

По этой причинѣ заработная плата хлопчатобумажныхъ ткачей и набойщиковъ въ началѣ этого столѣтія въ нѣсколько разъ превышала плату другихъ рабочихъ. Но такое различіе платы не могло удержаться долгое время. Чѣмъ энергичнѣе развивалась хлопчатобумажная промышленность, чѣмъ большія толпы рабочихъ она привлекала, тѣмъ болѣе теряла она монополичный характеръ. Прибыль хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ понижалась, и вмѣстѣ понижалась заработная плата набойщиковъ и ткачей. Разница между заработной платой въ хлопчатобумажной и другихъ отрасляхъ промышленности должна была сглаживаться. По мѣрѣ паденія заработка набойщиковъ и бумажныхъ ткачей, росъ заработокъ рабочихъ на суконныхъ, шелковыхъ, полотняныхъ и другихъ фабрикахъ, такъ какъ возможность заняться болѣе выгоднымъ бумажнымъ ткачествомъ, приливъ рабочихъ на хлопчатобумажныя фабрики, развитіе кустарнаго ткачества не могли не уменьшать предложенія рабочихъ рукъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ труда. Такимъ образомъ, одновременно заработокъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ падалъ, а всѣхъ другихъ—возрасталъ.

Въ 40-ые и 50-ые годы разница между заработной платой на хлопчатобумажныхъ и другихъ фабрикахъ совершенно сгладилась. Рабочіе на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ стали получать не больше, чѣмъ всѣ другіе.

Такимъ образомъ паденіе платы набойщиковъ и бумажныхъ машинъ отнюдь не колеблетъ нашего общаго вывода о повышеніи заработной платы во вторую четверть этого вѣка. Николаевская эпоха была временемъ сравнительно высокой рабочей платы—и это вполне понятно. Съ одной стороны, быстрый ростъ фабричной промышленности создавалъ огромный спросъ на рабочія руки, съ другой — предложеніе рабочихъ рукъ уменьшалось, во-первыхъ, крѣпощенностью населенія, а во-вторыхъ, развитіемъ кустарной промышленности, дававшей занятіе крестьянину у себя дома и убавлявшей его отъ фабрики. Этимъ и объясняется поразившій статистаузена фактъ высокой заработной платы фабричнаго рабочаго въ крѣпостной Россіи.

ГЛАВА VI.

Фабрика и кустарная изба.

Связь между фабричной и кустарной промышленностью.—Возникновение кустарной промышленности подъ влияніемъ фабрики.—Кустарная набойка и ткачество въ селѣ Ивановѣ.—Превращеніе фабрики въ фабричную контору.—Ростъ „самостоятельнаго“ кустарнаго производства.—Значеніе въ этомъ отношеніи фабрики.—„Самостоятельные“ ткачи-кустари въ Ивановѣ.—Базарная торговля миткалемъ.—Жалобы фабрикантовъ на „недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей.—Попытки фабрикантовъ задержать развитіе домашняго ткачества.—Отношеніе министерства финансовъ къ кустарной промышленности.—Законъ 1846 года относительно раздачи работъ на домъ.—Развитіе кустарнаго ткачества въ Николаевскую эпоху.—Распаденіе полотняныхъ фабрикъ.—Жалобы полотняныхъ фабрикъ на конкуренцію кустарей.—Распаденіе суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ.—Кустарная обработка пеньки.—Роль фабрики въ развитіи кустарныхъ промысловъ по обработкѣ металловъ.—Наблюдаемое во многихъ промыслахъ раздробленіе производства.—Развитіе кустарныхъ промысловъ Московской губерніи.—Роль крѣпостного права въ развитіи кустарныхъ промысловъ.—Эволюція отдѣльныхъ отраслей промышленности—бумаготкацкой и ситцепечатной.—Общая характеристика состоянія кустарнаго производства и его внутренняго строя въ Николаевскую эпоху.

Отношенія фабрики и кустарной промышленности въ XVII вѣкѣ, какъ я уже упоминалъ, никоимъ образомъ не укладываются въ обычную схему борьбы крупнаго и мелкаго производства. Крупное производство, промышленный капиталъ не только не дѣйствовали угнетающимъ образомъ на мелкую промышленность, но, наоборотъ, энергично помогали ея развитію. Въ настоящее время я долженъ болѣе обстоятельно остановиться на этомъ пунктѣ. Какимъ образомъ возникло кустарное производство—и готовленіе крестьянами разнаго рода издѣлій для рынка? Обыкновенно думаютъ, что кустарная промышленность произошла изъ

мейнаго или домашняго производства — изъ изготовленія предметовъ для нуждъ самой семьи. Специализація занятій и раздѣленіе труда приводятъ къ выдѣленію изъ среды сельской общины некоторыхъ крестьянъ, специально занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ, сначала по заказамъ односельчанъ, а затѣмъ и для рынка. Такимъ образомъ возникаетъ крестьянское производство на рынке — кустарная промышленность.

„Кустарная промышленность въ Россіи, — говоритъ, напр., В. В., — выросла изъ домашняго производства сельскаго населенія; на всѣхъ ступеняхъ превращенія домашняго производства въ кустарное главнѣйшими промышленными дѣятелями были крестьяне же“ 1).

Въ западно-европейской литературѣ мы встрѣчаемся съ такимъ же мнѣніемъ. Бюхеръ въ своей замѣчательной книгѣ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“ принимаетъ, что Hausindustrie восточно-европейскихъ странъ возникла изъ домашняго производства (Hausbiss); то же повторяетъ за Бюхеромъ и Зомбартъ въ статьѣ „Hausindustrie“ словаря Конрада.

И дѣйствительно, ближайшее изученіе исторіи нашихъ кустарныхъ промысловъ показываетъ, что многіе изъ нихъ, несомнѣнно, возникли изъ домашняго производства. Старинные промыслы Московскаго государства, о которыхъ я говорилъ раньше, возникли именно такъ. Ихъ происхожденіе теряется въ дали времени. Правда, крестьянская промышленность Московскаго государства далеко не была тѣмъ, о чемъ мечтаютъ наши поклонники патріархальной старины. Какъ я указывалъ, кустарные промыслы, ведущіе свое начало, дѣйствительно, отъ домашняго производства, уже въ XVII и XVIII вѣкѣ оказываются въ большей или меньшей степени подчиненными торговому капиталу. Потребитель былъ, какъ тѣмной, отгороженъ скупщикомъ отъ производителя-кустаря. Во всякомъ случаѣ, старинные крестьянскіе промыслы, которые существовали въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, несомнѣнно, не были продуктомъ капитализма. Поэтому противопоставленіе такихъ промысловъ капиталистическимъ формамъ промышленности имѣетъ своей *raison d'être*, хотя подчиненіе ихъ торговому капиталу началось гораздо раньше, чѣмъ у насъ обыкновенно думаютъ. Вообще, всякая крестьянская промышленность только до тѣхъ поръ можетъ сохранять характеръ самостоятельнаго производства, пока она ра-

1) Очерки кустарной промышленности, СПб. 1816 г. стр. 49.

ботаешь на близкій рынокъ или по заказамъ потребителя; но, какъ только мелкій производитель начинаетъ работать на отдаленномъ рынке, онъ неизбѣжно подчиняется посреднику-капиталисту, какъ болѣе сильному экономическому элементу; власть надъ рынкомъ всегда сопровождается и властью надъ производителемъ. Западная европейская наука не проводитъ принципиальнаго различія между двумя формами Hausindustrie—покупной системой (Kaufsystem) и наемной системой (Lohnsystem). Продаетъ ли мелкій производитель свой товаръ купцу за опредѣленную плату, или дѣлаетъ этотъ товаръ по заказу купца изъ матеріала заказчика—судьба не мѣняется. И въ томъ и другомъ случаѣ истиннымъ производителемъ предпріятія является не производитель, а купецъ или предприниматель, въ руки котораго попадаетъ продуктъ. По этому наша кустарная промышленность имѣла въ большей или меньшей степени капиталистическій характеръ уже въ допетровской Руси, была домашней системой капиталистическаго производства. Къ сожалѣнію, детальное выясненіе взаимныхъ отношеній кустарей и скупщиковъ въ XVII и XVIII вѣкѣ невозможно изъ скудости историческаго матеріала.

Итакъ, ко многимъ крестьянскимъ промысламъ вполне примѣнима обычная схема ихъ развитія. Это тѣ промыслы, время возникновения которыхъ крестьяне опредѣляютъ словомъ: „искобинѣ“ (искаженное „искони бѣ“). Къ числу такихъ промысловъ относятся, напр., плетенье лаптей, валянье войлоковъ, ткачество грубого холста и сукна, бондарный промыселъ, изготовленіе деревянныхъ издѣлій, скорняжничество, шубничество и пр. и пр. Все эти промыслы возникли изъ домашняго производства. Они были завоеваны капитализмомъ, но созданы не имъ.

Но все ли крестьянскіе промыслы развились такимъ же образомъ? Московскіе статистики, изслѣдовавшіе кустарную промышленность Московской губерніи, обратили вниманіе на тотъ фактъ, что большая часть крестьянскихъ промысловъ сравнительно недавняго происхожденія; большинство ихъ возникло или въ концѣ прошлаго, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. То же самое подтверждается и для другихъ промышленныхъ губерній—Владимирской, Ярославской, Костромской и пр. Цѣлый рядъ промысловъ въ губерніяхъ московской группы ведетъ свое начало съ „французскаго“—1812 года. Каково же происхожденіе этихъ болѣе новыхъ промысловъ? Находятся ли они въ генетической связи съ домашнимъ производствомъ?

Самымъ распространеннымъ ткацкимъ промысломъ въ центральномъ районѣ Россіи является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага—иноземный продуктъ, въ Россіи никогда не добывавшійся; итцы начали выдѣлываться въ Россіи въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII вѣка; вначалѣ они были дороги (бумажная пряжа по цѣнѣ почти равнялась шелковой) и употреблялись только высшими классами общества. То же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкомъ промыслѣ. И этотъ промыселъ возникаетъ въ центральной Россіи (преимущественно въ Московской губерніи) только въ XVIII вѣкѣ, и шелковыя ткани отнюдь не были предметомъ крестьянскаго потребленія. Если мы возьмемъ вѣсокъ различныхъ промысловъ, зарегистрированныхъ земскими статистиками, то во многихъ случаяхъ уже по самому характеру промысла вполне очевидно, что промыселъ этотъ не возникъ изъ домашняго производства. Возьмемъ, напр., патронный промыселъ (изготовленіе гильзъ для папирозъ), дающій занятіе въ Московской губерніи 8 тыс. работницъ. Вѣдь нельзя же думать, что крестьяне первоначально выдѣлывали папирозныя гильзы для собственнаго употребленія, а затѣмъ стали пускать ихъ въ продажу. То же можно сказать и о шитьѣ лайковыхъ перчатокъ (этимъ промысломъ занято въ Московской губерніи болѣе 3 тыс. работницъ). Когда же крестьяне носили лайковыя перчатки? Или, напр., позументное ткачество—выдѣлка офицерскихъ и солдатскихъ погонъ, серебряныхъ галуновъ и пр. Развѣ это предметы крестьянскаго употребленія? И не очевидно ли, что всѣ эти промыслы никоимъ образомъ не могли возникнуть изъ домашняго производства, и развитіе ихъ никакъ не можетъ быть уложено въ обычную схему? Всѣ эти промыслы (и многіе другіе), какъ я постараюсь показать, представляютъ собой законное дѣтище фабрики и крупной мастерской. У насъ обыкновенно представляютъ исторію кустарной промышленности въ слѣдующемъ видѣ: первоначально—домашнее производство для нуждъ семьи; затѣмъ (послѣ переходной стадіи ремесла) самостоятельная кустарная промышленность; еще далѣе—подчиненіе кустаря скупщику и превращеніе кустарной промышленности въ капиталистическую систему домашней промышленности и, наконецъ, въ отдаленіи, фабрика, какъ конечный пунктъ развитія. Эта схема болѣе или менѣе общепринята, и споръ идетъ только о послѣднемъ пунктѣ, т. е. о времени и самой возможности превращенія мелкаго крестьянскаго производства въ фабричное. Но я надѣюсь показать, что развитіе очень многихъ и важ-

ныхъ кустарныхъ промысловъ гораздо сложнѣе; что исторія этихъ промысловъ начинается не съ самостоятельнаго производства; что такъ называемое, самостоятельное крестьянское производство явилось во многихъ случаяхъ результатомъ длинной эволюціи, въ основаніи которой лежало крупное производство.

Возьмемъ, напр., ту отрасль промышленности, которая энергичнѣе всего развивалась въ дореформенной Россіи и которая въ настоящее время является однимъ изъ главныхъ источниковъ кустарныхъ заработковъ въ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи—хлопчатобумажную промышленность. Возникаетъ она въ формѣ крупныхъ фабрикъ, устроенныхъ иностранными капиталами въ концѣ XVIII вѣка. Крупныя фабрики преобладаютъ; затѣмъ наблюдается; съ точки зрѣнія обычной теоріи, странное явленіе. Фабрика порождаетъ кустаря: быстро развивается кустарная набойка (особенно въ Шуйскомъ уѣздѣ), и фабрика не только не поглощаетъ кустарной промышленности, но, напротивъ, поглощается ею. Вокругъ каждой крупной фабрики, какъ грибы послѣ дождя, выскакиваютъ мелкія кустарныя заведенія, съ такимъ успѣхомъ конкурирующія съ фабрикой, что послѣдней приходится плохо. На бумаготкацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка ткачество производилось въ самомъ фабричномъ зданіи. Но такъ какъ процессъ ручного ткачества очень простъ, то фабриканты не замедлили убѣдиться въ выгоду отдавать пряжу для тканья крестьянамъ на домъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ бумажныхъ фабрикантовъ, раздающихъ пряжу по домамъ ¹⁾.

Въ XIX вѣкѣ этотъ обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытѣсняетъ фабричное ²⁾. Во Владимірской гу-

¹⁾ „Около 56 семействъ (въ г. Ямбургѣ) находятъ себѣ занятіе въ обработкѣ хлопчатой бумаги (пряжи)... Владѣлецъ фабрики отпускаетъ имъ бумагу (пряжу) по вѣсу на домъ, гдѣ они имѣютъ небольшіе ткацкіе станы, изготовляемые въ самомъ же городѣ, и платитъ имъ за работу съ аршина. Въ самой фабрикѣ производится только тканье покрываль, требующихъ большихъ ткацкихъ станковъ“. Freiherr von Campenhausen. Nachricht von der Stadt Jamburg. St. Petersburg. 1796 г., стр. 20.

²⁾ Это было указано еще Корсакомъ въ его много разъ цитированной замѣчательной книгѣ. Но Корсакъ неправильно относитъ начало этого процесса къ 1825 г. Въ дѣйствительности, процессъ этотъ начался гораздо раньше. Я не знаю, чѣмъ руководствовался въ своемъ утвержденіи Корсакъ, но что раздача пряжи по домамъ практиковалась до 1825 г., доказывается уже тѣмъ, что около этого года система домашней промышленности во Владимірской губернии была въ полномъ расцвѣтѣ и рѣ-

рній раздача бумажной пряжи по домамъ распространилась, по словамъ одного полуофициальнаго источника, во второмъ десятилетіи этого вѣка. Возникновеніе этой формы промышленности исывается въ этомъ источникѣ слѣдующимъ образомъ: „Купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить небольшія фабрики преимущественно для бумажныхъ издѣлій. Они-то первые, не имѣя зданій и помѣщенія станковъ, начали отпускать основу по селеніямъ, отсюда возникъ до сихъ поръ существующій обычай раздавать новую по деревнямъ“¹⁾.

Такимъ образомъ фабрика разлагалась и возникала домашняя земная работа. Не домашняя промышленность порождаетъ фабрику, а, наоборотъ, фабрика порождаетъ домашнюю промышленность. Но этимъ дѣло не кончалось. Крестьянинъ, получавшій отъ фабриканта работу на домъ, осваивался съ производствомъ; пока промыселъ находился въ періодѣ усиленнаго роста, спросъ на рабочія руки и издѣлія былъ великъ, а число лицъ, знакомыхъ съ производствомъ, было ограничено. И вотъ нашъ домашній работникъ превращается въ, такъ называемаго, самостоятельнаго кустаря, за вой счетъ приобретающаго матеріаль и отъ себя продающаго товаръ на мѣстномъ базарѣ. Домашняя промышленность переходитъ

ительно преобладала надъ фабричной. Такъ, напр., около 1825 г. на фабрику Посылиныхъ въ Шуѣ было 200 станковъ, а по деревнямъ пряжи раздавалось на 2.000 станковъ; у Баранова въ селѣ Ивановѣ на фабрику овсѣмъ не было ткацкихъ станковъ, а по деревнямъ раздавалось пряжи на 400 станковъ; у Кубасова въ томъ же селѣ вся пряжа раздавалась по деревнямъ на 500 станковъ, а на фабрику только набивался миткаль; такихъ фабрикъ, совсѣмъ не имѣвшихъ ткацкихъ станковъ, а раздавшихъ пряжу, въ селѣ Ивановѣ было очень много. См. „О бумажныхъ фабрикахъ во Владимірской губерніи“. Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1828, № 2. „Многіе фабриканты имѣютъ при своихъ фабрикахъ малое только число станковъ, раздавая пряжу для тканья по деревнямъ крестьянамъ, работающимъ на собственныхъ своихъ станахъ, и получая отъ нихъ сотканныя издѣлія, даютъ окончательную отдѣлку при фабрикахъ“. (Состояніе фабрикъ и заводовъ во Владимірской губ. въ 1828 г. Журналъ Ман. и Торг. 1830 г. № 6). Вообще книга Корсака, которая до сихъ поръ была единственною научною обработкою нашей новѣйшей промышленной исторіи, основана на очень скудномъ историческомъ матеріалѣ, и потому въ ней нерѣдко встрѣчаются ошибки и неточности.

¹⁾ Записка Московскаго отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. Дѣло по проекту Зимина объ огражденіи фабрикантовъ отъ потерь при отдачѣ на домъ крестьянамъ пряжи, 12 сентября 1845 г. (Арх. Д. Т. и М.).

въ „самостоятельное“ кустарное производство — точнѣе говоря наемная система домашней промышленности переходить въ покупную систему. Цикль развитія, повидимому, завершается, причемъ, страннымъ образомъ, развитіе идетъ въ совершенно обратномъ направленіи, сравнительно съ предполагаемымъ обычнымъ развитіемъ идетъ не отъ „самостоятельнаго“ кустаря, черезъ наемную домашнюю промышленность, къ фабрикѣ, а, наоборотъ, отъ фабрики, чрезъ наемную домашнюю промышленность, къ самостоятельному кустарю.

Иллюстраціей этого процесса можетъ служить исторія хлопчатобумажной промышленности села Иванова. Объ этомъ селѣ существуетъ огромная литература и его исторія намъ извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Иваново и въ XVII вѣкѣ было промышленнымъ селомъ, но полотняное ткачество развивается въ немъ послѣ устройства въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка иностранцемъ Тамесомъ въ близлежащемъ селѣ Кохмѣ полотняной фабрики ¹⁾.

На фабрикѣ Тамеса ивановцы научились ткать тонкія полотна, и въ Ивановѣ образовалось нѣсколько крупныхъ полотняныхъ фабрикъ, устроенныхъ богатыми мѣстными крестьянами, занимавшимися торговлей. Въ половинѣ XVIII вѣка на этихъ фабрикахъ начинаютъ набивать холстъ разными красками. Такъ какъ набоечное искусство очень несложно, то со второй половины прошлаго вѣка въ Ивановѣ появляются, на ряду съ крупными набоечными фабриками, и мелкія кустарныя набоечныя избы. „Съ 1776 г.“, — говоритъ Гарелинъ, — „по Иванову распространились набоечныя заведенія у, такъ называемыхъ, горшечниковъ или кустарей. Это развитіе обяzano было началомъ своимъ большимъ фабрикамъ, которыя, не довольствуясь выдѣлкой полотна, ввели у себя существовавшую уже тогда набойку по холсту масляными красками“ (Городъ Иваново-Вознесенскъ. I, 143).

Переходъ отъ набойки по холсту къ набойкѣ по бумажнымъ

¹⁾ Въ 1720 г. въ Кохмѣ (въ 9-ти верстахъ отъ Иванова) появляется иностранецъ Тамесъ. Въ 1720 г. устроена была Тамесомъ фабрика, которая послужила основаніемъ и образцомъ для мѣстной льноткацкой промышленности. Примѣръ Тамеса подѣйствовалъ благоприятнымъ образомъ на окрестныхъ обывателей, и вскорѣ начали заводить здѣсь такія же фабрики“. Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ, стр. 139. „Тканье холстовъ и прочихъ льняныхъ произведеній было заимствовано ивановцами отъ фабриканта Тамеса“. (Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Вып. I, стр. 62).

каньямъ совершился въ концѣ XVIII вѣка. Нѣкій Соковъ, ивановскій крестьянинъ, работавшій на шлиссельбургской ситцепечатной фабрикѣ, вывѣдалъ у лаборанта фабрики секретъ составленія расокъ, вернулся въ родное село и устроилъ набивную фабрику на набойки миткалей. Около того же времени въ Ивановѣ распространяется ткачество миткалей—сначала на крупныхъ фабрикахъ, затѣмъ на дому ¹⁾.

1812-й годъ, уничтожившій московскія фабрики, далъ могущественный толчокъ ивановской промышленности. Съ этого времени въ Ивановѣ быстро распространяется кустарная набойка, а вокругъ Иванова.—кустарное ткачество бумажныхъ матерій. Я говорилъ выше, какимъ выгоднымъ промысломъ во второе десятилѣтiе этого вѣка была кустарная набойка ситца ²⁾. По словамъ одного изслѣдователя 50-хъ годовъ, „промышленность въ селѣ Ивановѣ развивалась совершенно своеобразно и выработала множество условій,

¹⁾ Такъ передаетъ исторію возникновенія ситцепечатнаго производства въ селѣ Ивановѣ Гарелинъ. Полушинъ, тоже мѣстный старожиль, излагаетъ ее иначе; по его словамъ, начало ситцепечатанья въ селѣ Ивановѣ относится къ 1751 году. Въ этомъ году крестьянинъ Григорій Бутимовъ, узнавъ у шлиссельбургскихъ фабрикантовъ секретъ крашенія миткалей, устроилъ миткалевую и ситцепечатную фабрику на 100 набивныхъ и ткацкихъ становъ. Вторымъ ситцевымъ фабрикантомъ былъ Иванъ Грачевъ, устроившій фабрику въ 300 становъ, какъ ткацкихъ, такъ и набивныхъ (Полушинъ. О ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ и посадѣ Вознесенскомъ. Вѣстникъ Промышленности. 1870 г., т. 7). Но Борисовъ, знатокъ Шуйской старины, оспариваетъ правильность разсказа Полушина (В. Борисовъ. Историческія свѣдѣнія о началѣ заводовъ и фабрикъ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Вып. IV, 1865 г.).

²⁾ „Знаменитую эпоху отъ 1812—1822 г. можно считать для ситценабивной фабрикаціи Владимірской губерніи самой счастливой и благодѣтельной, особенно для набойщиковъ. Въ то время набойщикъ занимался чуть ли не на вѣсь золота, такъ тогда цѣнно было его искусство. Прилежный и ловкій набойщикъ, при помощи своего небольшого семейства могъ приготовить въ день до 20 штукъ ситцевъ, прогаландировать ихъ у постороннихъ на машинѣ, гдѣ ему складывали ситець въ штуки, пресовали, и въ такомъ опрятномъ видѣ товаръ поступалъ въ полное распоряженіе набойщика, который получалъ уже названіе мелочника, кустарника или горшечника. Въ первый базарный день этотъ горшечникъ продавалъ свои товары въ селѣ Ивановѣ купцамъ, пріѣзжавшимъ изъ разныхъ мѣстъ для покупки ситцевъ“. Колеристы и набойщики Владимірской губерніи, И. Несытова. Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 г., стр. 51. Такъ же: Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ, стр. 204.

позволяющихъ принять участіе въ ней и воспользоваться выгодами ея почти всякому трудолюбивому и смѣтливому человѣку имѣеть ли онъ небольшой капиталъ, или даже вовсе не имѣеть. Всего болѣе способствуетъ этому чрезвычайное развитіе кредита, такъ сказать, раздробленность ситцевыхъ фабрикацій. Для каждой почти операціи этого производства существуетъ отдѣльное заведеніе, для нея именно предназначенное. Капиталъ, необходимый для устройства подобнаго заведенія, такъ, напр., для постройки избы для заварки и постановки въ ней котловъ, незначителенъ¹⁾.

Самостоятельная набойка, несомнѣнно, широко практиковалась въ Ивановѣ въ первую четверть этого вѣка; также несомнѣнно, что фабрика была технической школой для набойщика. Отношенія фабрики къ кустарю въ набойномъ производствѣ въ эту эпоху характеризовались отсутствіемъ соперничества: и фабричная и самостоятельная набойка быстро росли вслѣдствіе чрезвычайнаго спроса на ситцы. Вспомнимъ, что мы говорили раньше о значеніи этой эпохи въ исторіи нашего фабрикантскаго класса. Какъ я уже зывалъ, именно въ этотъ „золотой вѣкъ“ изъ среды кустарей вышло много крупныхъ фабрикантовъ. Дѣло обстояло такъ: изъ наемныхъ набойщиковъ, работавшихъ на фабрикахъ, болѣе предприимчивыя пріобрѣтали самостоятельность, наживались и затѣмъ сами начинали нанимать рабочихъ.

Въ области бумажнаго ткачества условія были иныя. Самостоятельная набойка могла процвѣтать въ ивановскомъ районѣ въ два первыхъ десятилѣтія нашего вѣка лишь потому, что набойка требуетъ значительнаго искусства—набойщики были аристократіей рабочаго класса; число ивановскихъ набойщиковъ не могло возрости такъ же быстро, какъ возросъ спросъ на ивановскіе ситцы²⁾. Напротивъ, ткачество бумажныхъ матерій является очень простой и несложной операціей, которой очень легко мо

¹⁾ Власевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. III стр. 16.

²⁾ „Набойщики—народъ этотъ проворенъ, изворотливъ, смышленъ. Бѣднѣйшій изъ нихъ не знаетъ грамоты и не пишетъ“. О фабричномъ и мастеровомъ классѣ Шуйскаго уѣзда. Владимірскія Губернскія Вѣдомости 1847 г., № 25. „Между рабочими классами на фабрикахъ первое мѣсто занимаютъ набойщики, какъ наиболѣе образованные. Они живутъ достаточно и съ избыткомъ, но, къ несчастью, слишкомъ тратятся на щегольство и разгульную жизнь. Самые же неопытные и необразованные—ткачи и шпульники“. В. Борисовъ. О мелочной промышленности въ Шуйскомъ уѣздѣ. Владимірскія Губернскія Вѣдомости, 1743 г., № 4.

еть научиться всякій крестьянинъ, издавна привыкшій, къ тому же, къ ткачеству для домашнихъ нуждъ. По этой причинѣ набойка миткаля сконцентрировалась преимущественно въ селѣ Ивановѣ, а бумажное ткачество распространилось по всѣмъ окрестнымъ селамъ и деревнямъ Владимірской губерніи. Въ бумаготкацкомъ производствѣ, поэтому-же, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго процвѣтанію ситценабивной промышленности послѣ „французскаго пода“.

Въ ткацкомъ производствѣ особенно ярко обнаружился процессъ разложенія фабрики, распадѣніе ея на болѣе мелкія производительныя единицы. Ситцевыя же фабрики не распадались, а выдѣлились изъ себя самостоятельныя промышленныя единицы, быстро разраставшіяся и нѣрѣдко опять принимавшія фабричную форму. Напротивъ, миткалевые фабрики несомнѣнно распадались—производство дѣлалось болѣе мелкимъ и имѣло тенденцію утрачивать фабричную форму.

Какъ я сказала, отдача бумажной пряжи на домъ (наемное домашнее ткачество) появилась у насъ только въ концѣ XVIII вѣка; раньше тканье производилось исключительно въ самомъ фабричномъ зданіи. Первая половина этого вѣка характеризуется борьбой домашняго ткачества съ фабричнымъ, закончившейся рѣшительной побѣдой мелкаго ткачества. Въ это время сильно размножились фабричныя конторы—заведенія, совсѣмъ не занимавшіяся фабричной работой, а лишь раздачей матеріала по деревнямъ. Такъ, напр., въ Шуйскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ было только 1.200 ткачей на фабрикахъ, а въ деревняхъ работало на фабрикантовъ до 20.000 ткачей ¹⁾. По расчету владимірскаго статистика Тихонравова, во Владимірской губерніи въ началѣ 60-хъ годовъ на бумажныхъ фабрикахъ было 18.000 становъ, а по деревнямъ до 80.000 становъ, на которыхъ производились бумажныя матеріи по заказамъ тѣхъ же фабрикантовъ ²⁾.

Что касается до „самостоятельнаго“ кустарнаго ткачества бумажныхъ матеріи, т. е. ткачества изъ собственнаго матеріала, то оно никогда не играло господствующей роли, но тѣмъ не менѣе въ 60-хъ и 40-хъ годахъ повсюду шло рядомъ съ домашнимъ ткачествомъ по заказамъ фабрикантовъ. Такъ, напр., въ интересномъ статистическомъ описаніи Богородскаго уѣзда, помѣщенномъ въ

¹⁾ О фабричномъ и мастеровомъ рабочемъ классѣ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г. № 20.

²⁾ К. Тихонравовъ. Владимірскій Сборникъ. Москва, 1857 г., стр. 18.

„Журналъ Мануфактуръ и Торговли“ за 1834 г., говорится, что кустарныя фабрики бывають двухъ родовъ: одиѣ получаютъ матеріаль отъ купцовъ или другихъ хозяевъ, другія же „получаютъ матеріаль въ цѣну и платятъ за оный выработанными товарами“ сохраняя за собой право продавать товаръ и на сторону ¹⁾. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что насъ называютъ „самостоятельнымъ“ кустарнымъ производствомъ.

Точно такъ же и во Владимірской губерніи въ дореформенное время, на ряду съ наемными ткачами бумажныхъ матерій, существовали самостоятельныя ткачи-мастерки, сами покупавшіе матеріаль и за свой счетъ продававшіе свои издѣлья. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ ихъ одинъ современникъ: „Къ особому разряду фабрикантовъ принадлежали фабриканты-ткачи или мастерки, которые выработываютъ миткаль иногда однимъ своимъ семействомъ, а иногда и съ помощью другихъ... Въ послѣднемъ случаѣ заведенія ихъ принимаютъ видъ фабричекъ. Эти мастера почти всегда крестьяне, торгующіе безъ всякихъ свидѣтельствъ и платящіе только за пріѣздъ становому... Миткаль, выработываемый этими фабриками, самага худшаго качества. Честность ихъ неудовлетворительна. Они не посовѣстятся купить у ткача или комиссіонера принадлежащій фабриканту товаръ за полцѣны и продать его тому же самому фабриканту, которому онъ принадлежитъ по праву. Точно также не посовѣстятся они взять у фабриканта бумажную пряжу на комиссію для обработки миткаля и не вернуть ее... Миткаль свой эти мастерки продаютъ въ селѣ Ивановѣ на базарѣ за деньги, а который получше—промышленники на бумагу миткалевымъ фабрикантамъ. Бумажную пряжу прѣобрѣтають за деньги, потому что никто имъ не вѣритъ. Фабричныя строенія у нихъ или бѣдны, или ихъ и совсѣмъ не существуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ они работаютъ только въ своихъ избахъ... Эти мастерки-фабриканты вмѣстѣ съ тѣмъ суть и рабочіе. Они клеютъ, снуютъ и разматываютъ пряжу по большей части сами съ женами и дѣтьми“ ²⁾.

¹⁾ Статистическія свѣдѣнія по Богородскому уѣзду въ промышленномъ отношеніи. Журналъ М. и Т. 1834 г., № 1, стр. 21.

²⁾ Ө. Журовъ. Миткалевыя фабриканты, ихъ ткачи и комиссіонеры въ Владимірской губ. Вѣстникъ Промышленности, 1858 г., т. I. О самостоятельныхъ ткачахъ см. также: И. Лядовъ. Руководѣльняя ремесла, промыслы и торговля жителей Шуи въ 1856 году, Владиміръ на Клязьмѣ 1876 г. Журовъ. О цѣнѣ за точку миткаля. Владимірск. Губернск. Вѣдомости, 1857 г., № 13

Существованіе самостоятельнаго ткачества въ Ивановѣ облегчилось развитіемъ въ этомъ селѣ базарной торговли миткалемъ. „Ивановскіе базары“,—говоритъ другой современный изслѣдователь,—можно сказать, замѣняютъ для этого края биржу; много торговцевъ, фабрикантовъ и промышленниковъ съѣзжается сюда только для того, чтобъ увидѣться между собой и окончить сдѣлки. Здѣсь, судя по ходу торговли, устанавливается, большей частью, цѣна на самыя важныя для мѣстной промышленности статьи—на миткаль, бумагу и проч. Здѣсь же запасаются ходячки ситцами. Главнѣйшій предметъ базарной торговли—миткаль... Часть базарнаго миткаля доставляется крестьянами, успѣвающими въ досужное время выткать, своей семьей, изъ купленной за свой счетъ пряжи, нѣсколько кусковъ миткаля... Кромѣ того, на базарахъ по мелочамъ продается пряденая бумага и красящее вещество для ситцевъ низшихъ сортовъ“¹⁾.

Въ приведенномъ ранѣе отзывѣ о мастерахъ характерна, между прочимъ, недоброжелательная нота, которая ясно звучитъ въ характеристикѣ, даваемой самостоятельнымъ ткачамъ. „Недобросовѣстность“ домашнихъ ткачей была обычнымъ предметомъ калобъ фабрикантовъ, при чемъ особенную ненависть фабрикантовъ вызывали „самостоятельные“ ткачи—мелкіе мастера, работавшіе изъ покупнаго матеріала. Объясняется это тѣмъ, что мелкіе производители были опасными конкурентами крупныхъ фабрикантовъ. Лучшимъ доказательствомъ разложенія крупной фабрики въ разсматриваемую эпоху являются жалобы фабрикантовъ на конкуренцію кустарей.

Но раньше, чѣмъ перейти къ этимъ жалобамъ, остановимся еще на самостоятельныхъ ткачахъ. Болѣе богатые изъ этихъ ткачей иногда достигали дѣйствительной самостоятельности. Такъ, напр., по словамъ Аксакова, на украинскихъ ярмаркахъ на ряду съ крупными фабрикантами продавали красный товаръ также и такіе, „которыхъ настоящіе фабриканты съ презрѣніемъ называли мастерами, или кустарниками, или самовозами... Крестьяне Московской и Владимірской губерніи, работая для фабрикантовъ на своихъ домашнихъ станкахъ, наконецъ сами покупаютъ пряжу на собственный счетъ и ткуть у себя дома разныя низшія бумажныя ткани—сарпинку, нанку, холстинку, миткаль, которыя отда-

1) Власевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. III, стр. 161.

ютъ потомъ въ краску одного цвѣта и сбываютъ это все или сами, или чрезъ посредство своихъ же крестьянъ на разныхъ ярмаркахъ, въ томъ числѣ на украинскихъ и преимущественно на Крещенской и Коренной“. Эти самостоятельные ткачи „сами возятъ продавать за 1000 верстъ и болѣе собственные свои домашнія издѣлія, большею частью на собственныхъ лошадахъ. Нѣкоторые мастера привозятъ на ярмарку не болѣе трехъ возовъ. Иногда какой-нибудь смышленный крестьянинъ, самъ фабрикующій, скупаютъ у своихъ односельчанъ, занимающихся съ нимъ однимъ дѣломъ, изготовленные ими товары и, вмѣстѣ со своимъ везетъ ихъ на Украину... Эти кустари возбуждаютъ негодованіе настоящихъ фабрикантовъ, потому что, имѣя у себя товаръ низкаго достоинства, но только на манеръ хорошаго, они продаютъ его низшей цѣной, слѣдовательно сбываютъ цѣны“¹⁾.

Такимъ образомъ мелкіе производители иногда занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлей — и только въ этомъ случаѣ они могли быть дѣйствительно, а не только номинально, самостоятельными предпринимателями. Такой кустарь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мелкимъ скупщикомъ, торговцемъ; изъ такихъ кустарей выходили впоследствии крупныя фабриканты.

Я сказалъ, что жалобы фабрикантовъ на кустарей составляли характерную черту николаевской эпохи. Кто бы могъ подумать, что борьба крупнаго и мелкаго производствъ въ дореформенной Россіи имѣла столь отличный характеръ отъ той же борьбы въ наше время? Фабриканты, вопіющіе къ правительству о защитѣ ихъ отъ натиска кустарей — не правда ли, это зрѣлище для насъ довольно непривычное?

Въ 1823 г. министръ финансовъ Гурьевъ предложилъ московскому купеческому обществу высказаться о нуждахъ купечества и о причинахъ разстройства промышленности. Общество представило обширную записку, въ которой много мѣста отведено жалобамъ на конкуренцію крестьянской промышленности и торговли. „Дозволеніе заводить каждому крестьянину, — читаемъ въ этой запискѣ, — фабрики и мануфактуры безъ платежа за промыселъ... служить ко вреду устроенныхъ большихъ фабрикъ и мануфактуръ и препятствуетъ улучшенію русскихъ издѣлій, поскольку первыя,

1) И. Аксаковъ. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. СПб. 1851 г. Стр. 20, 163.

производя работы свои безъ правилъ и соблюденія постановленій, уменьшаютъ вѣсь или мѣру и доброту своихъ издѣлій“¹⁾.

Намъ извѣстно нѣсколько проектовъ фабрикантовъ, направленныхъ противъ кустарей; на этихъ проектахъ стоитъ остано-
виться.

Цитированный выше авторъ (Журовъ) указываетъ, что мастерки нередко производятъ значительные торговые обороты безъ платежа гильдейскихъ пошлинъ; это не могло не вызывать у органовъ министерства финансовъ опасеній фискальнаго свойства. Въ 1825 г. владимірская казенная палата обратилась съ донесеніемъ въ департаментъ внутренней торговли, сообщая, что „нѣкоторые крестьяне, не имѣя фабрикъ и свидѣтельствъ на право торговли, имѣютъ галандренныя машины, дѣйствующія съ помощью двухъ лошадей, для отдѣлки только ситцевъ и миткалей другимъ (очевидно—мелкимъ самостоятельнымъ набойщикамъ. М. Т.-Б.) и за такую плату получаютъ плату довольно немаловажную“.

Палата спрашиваетъ департаментъ, можетъ ли это быть разрѣшено, а также „можно ли дозволить крестьянамъ... вырабатывать матеріи изъ бумажной пряжи и набивать ситцы и гдѣ должны они означенныя матеріи производить въ продажу, въ однихъ ли только своихъ селеніяхъ или по всему уѣзду“²⁾.

Департаментъ высказался вообще противъ стѣсненія крестьянской промышленности, но предложилъ палатѣ взимать съ крестьянъ

1) Сборникъ свѣдѣній по вѣдомству министерства финансовъ, 1865 г., т. III. Предположенія московскаго купечества о причинахъ упадка торговли, стр. 294. Въ этой запискѣ содержится много другихъ указаній на конкуренцію крестьянъ. § 39. „Торгующіе крестьяне, по великому количеству своему, овладѣли совершенно многими частями городскихъ промысловъ и торговли, коими прежде занимались купечество и посадскіе“. § 42... „Отъ распространенія разъѣздной торговли крестьянъ по уѣздамъ во многихъ городахъ торговля купцовъ вдвое упала или вовсе ослабла, и большая часть оныхъ принуждена выйти изъ гильдіи въ мѣщане“. § 45. „Торговля крестьянъ уничтожаетъ купеческое въ Россіи состояніе, лишаетъ оное силы... Торгующіе же крестьяне уничтожаемое ими купеческое состояніе замѣнить не могутъ, поелику большая часть ихъ принадлежитъ помѣщикамъ, а потому, будучи подвержены по капиталамъ своимъ и личности власти господъ, не могутъ составить настоящихъ городскихъ жителей и прочныхъ капиталистовъ... § 46. Отъ сего число жителей городскихъ не умножается и оныя бѣднѣютъ“. (Стр. 296, 297, 298).

2) Дѣло по отношенію департамента податей и сборовъ о доставленіи оному мнѣнія о числѣ крестьянскихъ становъ, 1 августа 1825 г. (Арх. Д-та Т. и М.).

имѣющихъ машины, приводимыя въ движеніе лошадьми, пошлинъ по второй гильдіи. Вообще, какъ я говорилъ выше, министерствъ финансовъ не обнаруживало наклонности мѣшать развитію крестьянской промышленности.

Въ 1845 году одинъ гжатскій купецъ, нѣкій Жуковъ, подалъ записку императору Николаю Павловичу о „неправильномъ ходѣ торговли и промышленности въ г. Гжатскѣ и другихъ мѣстахъ имперіи“. Записка эта была передана, по приказанію государя для разсмотрѣнія министру финансовъ.

„Неправильность хода торговли“, по объясненію Жукова, заключалась въ томъ, что „въ уѣздѣ образовались промышленники называемые прасолами, разносчиками, ходябщиками и мужиками фабрикантами, которые производятъ, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю, принадлежащую, по всѣмъ правамъ однимъ только городамъ... Сверхъ того въ уѣздѣ существуютъ крестьяне-подрядчики, которые берутъ въ Москвѣ основы и утокъ для выдѣлки миткаля и плисовъ... при дворахъ имѣютъ они рабочія свѣтлицы, а за недостаткомъ таковыхъ раздаютъ основу на деревнямъ... а потому фабриканты, старавшіеся объ улучшеніи издѣлій, производствомъ своимъ почти вовсе теперь не занимаются, ибо дѣло ихъ перешло въ руки крестьянъ, которые заботятся о томъ только, чтобы сработать выгодыѣ другого, наперерывъ низводятъ товары на самую низкую степень. Подобными же промышленниками занимаются и въ разныхъ уѣздахъ кругомъ Москвы и въ Владимірской губерніи, особенно въ Шуйскомъ уѣздѣ—тамъ почти всѣ крестьяне или фабриканты, или разносчики... Въ одномъ с. Ивановѣ крестьяне привозятъ на рынокъ до 50,000 штукъ миткалей... Теперь прибылыхъ торговцевъ, вышедшихъ изъ крестьянъ и мальчиковъ, гораздо больше $\frac{2}{3}$ противъ пригородныхъ московскихъ жителей и всѣ они по прежней привычкѣ, продолжаютъ руководствоваться обманомъ“.

Чтобы оградить фабрикантовъ отъ конкуренціи кустарей, Жуковъ предлагалъ установить строгій надзоръ за мелкимъ производствомъ, чтобы оно не избѣгало платежа казенныхъ сборовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить закономъ обязательную ширину и длину ткани, вѣсъ ея, качество окраски и проч. Такъ какъ крестьяне производили товары низшаго сорта, то такія мѣры должны были совершенно убить кустарную промышленность. Понятно, что министерство финансовъ энергично возстало противъ предложеній Жукова, направленныхъ одинаково какъ противъ самостоятельныхъ

мелких мастерковъ, такъ и противъ фабрикантовъ, раздававшихъ пряжу по домамъ ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году въ министерствѣ финансовъ возникаетъ новое дѣло того же рода—на этотъ разъ по запискѣ одного изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Владимірской губерніи, Я. Гарелина автора многочисленныхъ сочиненій по промышленности села Иванова). Приведемъ выдержки изъ этой записки:

„Незаконное производство мануфактурныхъ издѣлій крестьянами въ селѣ и около села Иванова служитъ къ большимъ злоупотребленіямъ... Фабриканты раздаютъ пряжу крестьянамъ, но крестьяне весьма часто злоупотребляютъ довѣренностью фабрикантовъ, и присваиваютъ себѣ пряжу, которую продаютъ на рынкахъ, или вырабатываютъ миткали для собственной продажи въ ущербъ фабрикантамъ“.

Предложенія Гарелина сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующему: запрещенію крестьянамъ, не имѣющимъ права торговли, продавать бумажную пряжу и бумажныя издѣлія; запрещенію крестьянамъ имѣть болѣе 4-хъ становъ въ каждомъ семействѣ, становленію обязательности клейменія товаровъ и „запрещенію крестьянамъ и мѣщанамъ, безъ права на фабричное и торговое производство, имѣть цилиндровыя машины и набивать на оныхъ кругимъ лицамъ, не имѣющимъ право на торговлю“.

Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, согласно мнѣнію мануфактурнаго совѣта, не одобрилъ этихъ предположеній, и они дальнѣйшаго хода не имѣли ²⁾.

Въ 1845 году владимірскій купецъ Зиминъ подалъ министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой жаловался на то, что крестьяне, получившіе матеріалъ для разматыванья или для тканья, не доставляютъ работы въ условленный срокъ... весьма часто дѣлаютъ значительные провѣски и порчи... нерѣдко бываетъ, что запираются въ полученіи данныхъ въ задатокъ имъ денегъ... ткачи увѣрены, что когда у нихъ въ рукахъ матеріалъ, фабрикантъ по необходимости долженъ сдѣлать имъ удовлетвореніе... предосудительнѣй же всего—проматываютъ матеріалъ и послѣ

1) Дѣло по отношенію канцеляріи министра финансовъ съ препровожденіемъ выписки изъ замѣчаній купца Жукова о злоупотребленіяхъ въ фабричной и торговой промышленности. 10 февраля 1845 г. Арх. Д-та Т. и М.

2) Дѣло по представленію барона Мейендорфа о предположеніи почетнаго гражданина Гарелина. 4 ноября 1846 г. Арх. Д-та Т. и М.

по приѣздѣ къ нимъ скрываютъ, не то объявляютъ, что они заложены... но необходимость заставляетъ фабриканта матеріаль въкупать. Все вышеизложенное, кромѣ упадка коммерческихъ дѣлъ фабрикантовъ, подвергаетъ самихъ крестьянъ въ совершенную безправственность“.

Зиминъ выработалъ очень курьезный проектъ закона, долженствовавшего регулировать отдачу работы на домъ. По этому проекту чтобы имѣть право брать работу на домъ, крестьянинъ долженъ представить свидѣтельство отъ начальства въ хорошемъ поведеніи въ этомъ свидѣтельствѣ должно быть показано число становъ крестьянина. „Свидѣтельство хранится у фабриканта, и онъ на немъ отмѣчаетъ всякую неисправность крестьянина, въ какомомъ случаѣ производится, на основаніи этихъ записей, взысканіе съ неисправнаго. За провъсъ и порчу матеріаловъ крестьянинъ долженъ платить вдвое. Крестьянину поставляется въ непрѣмную обязанность брать матеріаль не болѣе какъ на столько становъ, сколько у него имѣется въ своемъ домѣ или свѣтелкѣ, не передавая оный ни подъ какимъ видомъ другимъ... Воспретить крестьянамъ, имѣющимъ свои свѣтелки, допускать въ оныя постороннія работы... Продажа или залога взятаго матеріала должны разсматриваться, какъ уголовно преступленіе—воровство или мошенничество... Въ соблюденіе казеннаго интереса и въ отвращеніе фабрикантамъ подрыва, воспретитъ крестьянамъ, безъ выдачи на право торговли свидѣтельствъ, производить выработываніе миткала и прочаго въ домахъ и свѣтелкахъ для торговли оными“.

Владимірскій губернаторъ, которому этотъ проектъ былъ посланъ для отзыва, призналъ его стѣснительнымъ для крестьянъ и для самихъ фабрикантовъ, раздающихъ работу на дома.

Проектъ Зимина, очевидно, имѣлъ въ виду не огражденіе интересовъ этихъ послѣднихъ фабрикантовъ, а совершенное прекращеніе домашней работы. Самъ Зиминъ, вѣроятно, былъ фабрикантомъ, не практиковавшимъ этого способа работы, подрывавшаго въ 40-хъ годахъ старинныя фабрики. Какъ и слѣдовало думать, органъ московскихъ фабрикантовъ—московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта—высказался противъ всякихъ мѣръ, стѣсняющихъ развитіе домашней работы. „Со второго десятилѣтія этого вѣка,—заявляетъ отдѣленіе въ своемъ отзывѣ на названный проектъ,—купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить не большія фабрики собственно для бумажныхъ издѣлій“. Отдѣленіе

изнало проект Зимина стѣснительнымъ и выработало свой, который тоже не былъ утвержденъ министерствомъ финансовъ. Но окончилось изданіемъ 4 ноября 1846 г. закона, давшего возможность фабрикантамъ, раздающимъ работу на домъ, защищать домъ свои интересы—а именно, фабрикантамъ было разрѣшено заключать условія съ крестьянами на простой бумагѣ (а не на обовой), и эти условія могли быть представляемы въ судъ ¹⁾. Конкъ этотъ практическаго значенія не имѣлъ.

Всѣ эти проекты характерны въ томъ отношеніи, что они свидѣлствуютъ о сильномъ развитіи наемной и покупной домашней промышленности, вытѣснявшей фабричное производство. Проекты не получали хода, главнымъ образомъ, по той причинѣ, въ всякое ограниченіе домашней работы было бы невыгодно для фабрикантамъ, раздававшимъ основы на домъ, и авторы проектовъ, желая поразить кустарей, попадали въ свою же брань—брикантовъ.

Вопросу о мѣрахъ противъ усиливающейся конкуренціи кустарей посвящены многія статьи „Журнала Мануфактуръ и Торговли“ (официальнаго органа департамента мануфактуръ и внутренней торговли). Такъ, напримѣръ, въ 1830 г. (№ 10) въ статьѣ „крестьянскихъ фабрикахъ“ читаемъ: „Вопросъ о крестьянскихъ фабрикахъ, размножившихся въ Россіи, есть одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ къ разрѣшенію. Тѣ изъ фабрикантовъ, которые не стараются объ усовершенствованіи своихъ фабричныхъ дѣлъ, или же не довольствуются умѣреннымъ барышемъ, воюютъ противъ свободы, даруемой крестьянамъ заниматься фабричнымъ рукодѣліемъ, которые всѣ работаютъ дешевле, хоть и столь добротнo. Желая заключить деревенскую фабричную промышленность въ нѣкоторые предѣлы, несомѣстимые съ бырымъ ходомъ нашей промышленности, они хотѣли бы подчинить правительственному надзору, учредить цехи, бракъ, свидѣлствование и проч.; словомъ связать ее по рукамъ и ногамъ“. Авторъ статьи высказывается противъ такихъ мѣръ, ибо „кому мы обязаны первоначальнымъ образованіемъ и столь быстрыми и вѣдательными успѣхами нашей мануфактурной промышленности, или не крестьянамъ-фабрикантамъ?“ ²⁾.

¹⁾ Дѣло по проекту купца Зимина объ огражденіи фабрикантовъ отъ вѣтеръ. 12 сентября 1845 г. Арх. Д-га Т. и М.

²⁾ Происхожденіе слова „кустарь“ „кустарникъ“ до сихъ поръ остается спорнымъ. Авторъ цитированной статьи, между прочимъ, гово-

Въ отчетѣ министру финансовъ за 1832 годъ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли точно такъ же обращаетъ вниманіе на то, что „искусство въ обработкѣ издѣлій приобретаемое въ городахъ, на большихъ заведеніяхъ, переносится селеніе простыми работниками, которые начинаютъ работать домахъ своихъ, или за свой счетъ, или по заказамъ изъ чужихъ матеріаловъ“¹⁾.

Въ донесеніяхъ губернскихъ механиковъ этотъ вопросъ такъ неоднократно затрогивался. Такъ, владимірскій губернский механикъ Несытовъ въ донесеніи департаменту мануфактуръ и внутренней торговли въ 1850 году, сообщаетъ, что миткалевые фабрики Гавриловскаго посада находятся въ упадкѣ, и причина этого является „размноженіе тождественныхъ заведеній крестьянами Суздальскаго уѣзда, которые, имѣя на своей сторонѣ и выгоды сельскихъ обывателей, могутъ съ меньшимъ вознагражденіемъ за трудъ производить миткали, которыхъ цѣна черезъ обстоятельство уменьшается по крайней мѣрѣ на 10%“²⁾.

Точно такъ же, по словамъ Несытова, „въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ бумажное ткачество переходитъ въ руки крестьянъ и тѣ въ нѣкоторой степени даетъ этой мануфактурной промышленности менѣе правильный видъ“. На то же самое—разорительность и крупныхъ фабрикъ конкуренціи крестьянскихъ фабричекъ, указываетъ Несытовъ и въ донесеніи 1851 года³⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Несытовъ признаетъ очень вреднымъ разрѣшеніе крестьянамъ покупать по мелочамъ бумажную пряжу на сельскихъ рынкахъ⁴⁾.

речь, что „въ Москвѣ неизвѣстно, съ чего называютъ крестьянъ-фабрикантовъ кустарниками. Мы старались,—прибавляетъ онъ,—избѣгать снисходительнаго, чтобы не сказать ругательнаго названія, которое, къ сожалѣнію, сдѣлалось почти всеобщимъ“. Такимъ образомъ первоначальное съ этимъ названіемъ соединялся уничижительный смыслъ.

1) Отчетъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1832 Арх. Д-та Т. и М.

2) Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1851 г., ч. III. О дѣйствіяхъ губернскихъ механиковъ. Стр. 32, 58.

3) Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1852 г., ч. III, стр. 73.

4) Вѣстникъ И. Р. Географическаго Общества. 1858 г., ч. I. Мануфактурная и торговая промышленность города Шуи, И. Несытова. Мож привести и другія свидѣтельства современниковъ объ успѣшности борьбы кустарей съ фабрикантами въ Николаевскую эпоху. Вотъ что говорилъ по этому поводу извѣстный экономистъ и статистикъ того времени. И

Вообще развитіе нашей бумаготкацкой промышленности въ 40-хъ и 50-хъ годахъ выразалось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мелкаго ткачества. Районъ бумаготкацкаго производства широко распространялся изъ двухъ главныхъ центровъ—Москвы и Рязанскаго уѣзда. Въ концѣ 40-хъ годовъ бумажное ткачество новится преобладающимъ крестьянскимъ промысломъ въ большинства центральныхъ губерній: Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской и друг. Распространеніе промысла совершалось двумя способами: промыселъ или заносился въ новую мѣстность крестьянами, возвращавшимися съ ткацкихъ фабрикъ другихъ губерній, или же онъ возникалъ подъ вліяніемъ устройства данной мѣстности ткацкой или прядильной фабрики.

Такъ, на примѣръ, въ Малоярославецкомъ уѣздѣ Калужской губерніи бумаготкацкій промыселъ возникъ въ 30-хъ годахъ послѣ того, какъ въ 1830 году въ этомъ уѣздѣ была устроена первая бумаготкацкая фабрика Губина. Кустарное ткачество развилось въ этой мѣстности такъ энергично, что фабрика Губина, на которой работало около тысячи рабочихъ, не могла устоять: въ 50-хъ годахъ она прекратила производство и закрылась¹⁾. Точно такъ же тесемочное и ленточное кустарное ткачество возникло въ Малоярославецкомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ устройства въ 1840 году тесемочной фабрики Малютина. И эта фабрика не выдержала конкуренціи старей и закрылась въ 60-хъ годахъ²⁾.

Въ Калужской губерніи мѣстные изслѣдователи на ряду съ фабриками упоминаютъ и о самостоятельныхъ мастеркахъ. „Ткачествомъ миткалей занимаются въ зимнее время всѣ свободные отъ другихъ работъ крестьяне. Болѣе зажиточные изъ нихъ отправляются въ Москву за пряжею къ хозяевамъ, а весьма много есть

и мелкихъ: „Извѣстно, что кустарничество у насъ въ постоянной враждѣ съ фабриками, и фабрикантъ съ большимъ неудовольствіемъ слѣдитъ за оборотами фабриканта. Оно такъ и должно быть по ходу вещей... Фабрикантъ встрѣчаетъ сильное соперничество въ кустарникѣ, который, пріютившись въ свѣтлицѣ, безданно-безопасно, безъ машины и рабочихъ, при свѣтѣ одной лучины, трудится съ семьей своей надъ выработкой одного какого-нибудь товара... Прямой выводъ изъ этого тотъ, что если за товаръ фабрикантъ не можетъ взять меньше рубля, кустарникъ будетъ вполне удовлетворенъ шестью гривнами“ Вѣстникъ Географическаго Общества. 1852 г., т. IV, отд. V. Отчетъ о путешествіи въ Сибирскій край.

1) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г., стр. 194.

2) Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. 1873 г. Приложение I, стр. 158.

и такихъ, которые покупаютъ ее за деньги. Пряжу эту отдаю курчить (проквашивать въ мучныхъ отварахъ) потомъ разматываютъ снуютъ въ основы, которыя и отдаютъ по крестьянскимъ избамъ готовые миткали отвозятъ въ Москву“ 1).

Въ Егорьевскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ Рязанской губерни бумажное ткачество возникло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; промыселъ былъ занесенъ мѣстными крестьянами, работавшими на московскія фабрикахъ, которые, вернувшись на родину въ деревню, устроили ткацкія свѣтелки; пряжа, повидному, получалась отъ московскихъ фабрикантовъ. Но особенное развитіе ткацкій промыселъ Рязанской губернии получилъ со времени учрежденія въ горѣ Егорьевскѣ Хлудовской бумагопрядильни, вызвавшей устройствомъ множества большихъ и мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, а также и старныхъ заведеній, обрабатывавшихъ пряжу Хлудовской фабрики и сдѣлавшихся какъ-бы спутниками послѣдней 2).

Такимъ же образомъ возникъ бумаготкацкій промыселъ въ Тверской губернии; такъ, напримѣръ, въ Калязинскій уѣздъ промыселъ этотъ занесенъ крестьянами, уходившими ткать на московскія фабрики: „научившись ткать на фабрикахъ, нѣкоторые стали устраивать свои заведенія“ 3).

Въ Костромской губернии „промыселъ бумажнаго ткачества возникъ въ 20 годахъ этого вѣка, съ устройствомъ въ краѣ бумажныхъ мануфактуръ“ 4). Еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ Костромской губернии имѣлось не мало „самостоятельныхъ“ ткачей-кустарей, покупавшихъ пряжу за собственный счетъ у фабрикантовъ и сдѣлавшихъ миткаль на базарахъ ситцевымъ фабрикантамъ.

Разложеніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ крупнаго бумаготкацкого производства (превращавшагося преимущественно въ наемную стему домашней промышленности, отчасти же въ покупную систему

1) Мануфактурная и заводская промышленность Калужской губернии. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1858 г., т. 4.

2) Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губернии. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1847 г., ч. 3. Хлопчатобумажная промышленность въ Рязанской губернии. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1868 г., ч. 48.

3) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губернии, V, 15.

4) Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи. СПб. 1872 г., стр. 125. Примѣры занесенія бумажнаго ткачества въ различныя волости Костромской губ. изъ сосѣднихъ фабрикъ, въ „Трудахъ Кустарной Комиссіи“, вып. IX, XVII, XIV и XV.

ными словами, въ, такъ-называемое, самостоятельное кустарное производство), можно доказать и статистическими данными. Вотъ, на-
 примѣръ, цифры рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ и цифры
 привоза хлопка и бумажной пряжи въ Россію.

	Рабочихъ на бума- готкацкихъ фабри- кахъ ¹⁾ .	Ввозъ въ Россію хлопка и бумажной пряжи (въ тыся- чахъ пудовъ).
1836	94.751	865
1852	81.454	1.960
1857	75.517	2.765

Въ то время, какъ размѣръ бумаготкацкаго производства въ
 Россіи возросъ болѣе, чѣмъ въ 3 раза, число рабочихъ на ткац-
 кихъ фабрикахъ сократилось больше, чѣмъ на 20%. Такъ какъ
 техника ткачества въ это время не прогрессировала значительно
 (переходъ отъ ручного къ машинному ткачеству совершился позже),
 то сокращеніе числа рабочихъ на фабрикахъ, несомнѣнно, доказы-
 ваетъ раздробленіе производства, терявшаго фабричный характеръ
 и переходившаго въ кустарную избу и свѣтелку. Крупное капи-
 талистическое производство рѣшительно теряло свои позиціи, а
 „самостоятельное“ кустарное и домашнее ткачество, всецѣло соз-
 данное фабрикой, торжествовало побѣду.

Такимъ образомъ эволюція бумаготкацкой промышленности въ
 дореформенной Россіи имѣла обратный характеръ, сравнительно съ
 позднѣйшей эволюціей. Крупное производство породило мелкое, фаб-
 рика превратилась въ домашнюю промышленность, кустарное про-
 изводство. Такъ называемый самостоятельный кустарь явился по-
 слѣдней ступеню эволюціи фабричнаго рабочаго, освободившагося
 отъ подчиненія фабриканту. Но, можетъ быть, развитіе бумаго-
 ткацкой промышленности имѣло особый специфическій характеръ
 и не можетъ считаться типичнымъ для другихъ отраслей произ-
 водства? Обратимся къ фактамъ.

Тканье грубаго холста было исконнымъ занятіемъ русскаго кре-
 стьянина. Казалось бы, ужъ въ области кустарнаго льняного тка-
 чества фабрика не должна была играть роли. Но это только ка-
 жется. Въ дѣйствительности же исторія тонкаго льняного ткаче-
 ства представляется во всѣхъ отношеніяхъ аналогичной только-что

¹⁾ По „Отчетамъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли
 за соответствующіе годы (Арх. Д-та Торг. и Ман.).

разказанной исторіи бумажнаго ткачества. Кустарное ткачество тонких полотень въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ упомянуто, ведетъ свое начало отъ устройства Тамесомъ при Петрѣ I полотняной фабрики въ селѣ Кохмѣ ¹⁾. Въ важнѣйшемъ центрѣ кустарнаго льнянаго ткачества—селѣ Великомъ Ярославскаго уѣзда, возникновеніе кустарнаго ткачества тонкихъ новинъ также находится въ непосредственной связи съ устройствомъ, тоже при Петрѣ, фабрики Затрапезнаго ²⁾. На дальнѣйшее развитіе ткачества въ этомъ селѣ оказала крупное вліяніе фабрика помѣщиковъ села Великаго, Яковлевыхъ, закрывшаяся въ 1842 г. ³⁾. Въ другомъ центрѣ полотнянаго ткачества Ярославской губерніи—селѣ Никольскомъ, развитіе ткачества тонкихъ полотень также вызвано вотчинной фабрикой Салтыковыхъ. Эта фабрика закрылась въ началѣ этого вѣка, и съ этого времени въ крестьянскихъ избахъ всего окружающаго района быстро распространилось „самостоятельное кустарное ткачество“ ⁴⁾.

1) Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1856 г. № 12. Село Кохма В. Борисова. „По уничтоженіи въ Кохмѣ полотняной фабрики иностранца Тамеса, тамъ возникла у нѣкоторыхъ торговыхъ богатыхъ крестьянъ таковая фабрикація собственная“.

2) Матеріалы для исторіи полотнянаго производства въ Россіи. Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ 1867 г., т. III, стр. 285.

3) Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности. Выпускъ VI.

4) Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи. СПб. 1847 г. стр. 73. Точно такъ же описываетъ возникновеніе кустарнаго ткачества широкаго полотна въ Ярославской губерніи и Карновичъ, извѣстный знатокъ льняной промышленности и практической дѣятель 30—40-хъ годовъ. „Около 1800 года начали въ помѣщичьихъ усадьбахъ появляться небольшія ткацкія заведенія для пятичетвертнаго полотна; образцомъ для нихъ служили того же рода заведенія Ярославскаго уѣзда въ селѣ Никольскомъ, нынѣ господъ Мяглевыхъ, тогда графа Салтыкова. Почти въ то же время стали входить въ употребленіе для пряденія самопрялки съ колесами... Около 1822 г., когда по новому русскому тарифу иностранныя полотна были обложены высокой пошлиной по 1 р. 10 к. за фунтъ, замѣтнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ усадебъ начали перенимать крестьяне пряденіе на самопрялкахъ, а также тканіе на широкихъ ткацкихъ станахъ, поставленныхъ въ особыхъ свѣтелкахъ, пятичетвертныхъ полотень. Съ каждымъ годомъ мастерство совершенствовалось. Число занимавшихся пряденіемъ и тканьемъ полотень умножалось, а плата наемная за тканье и цѣна полотень понижалась. Теперь около Великаго Села на радіусѣ около 15 верстъ, а къ Ярославлю и Неректѣ гораздо болѣе, вся страна, имѣющая густое населеніе крестьянъ, содержитъ десятки тысячъ самопрялокъ и многія тысячи ткацкихъ становъ“.

То же самое наблюдалось и въ Костромской губерніи: полотняныя фабрики вызвали или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовали развитію кустарнаго ткачества ¹⁾.

Я сказалъ, что исторія полотноткацкаго производства вполне логична исторіи бумажнаго ткачества. Дѣйствительно, на нашихъ первыхъ огромныхъ полотняныхъ фабрикахъ вся работа производилась въ самомъ фабричномъ зданіи. Въ концѣ XVIII вѣка таринная фабрика начинаетъ распадаться: фабриканты переходятъ къ фабричному ткачеству къ раздачѣ пряжи по домамъ—домашней системѣ крупной промышленности. При нѣкоторыхъ медынскихъ вруснополотняныхъ фабрикахъ еще въ 1785 г. число рабочихъ, роставшихъ у себя на дому по заказамъ фабрикантовъ, превосхо-

дѣлательной работѣ, которые снабжаютъ тонкимъ крестьянскимъ полотномъ обѣ столицы и многія внутреннія губерніи на сумму около 1 м. руб. Ярославск. Губернск. Вѣдомости 1851 г. № 20. Е. Карновичъ. Историческій обзоръ льняной и полотняной промышленности въ Ярославской губерніи. Перепечатано въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“ 1858 г. Ч. 40.

¹⁾ Матеріалы для изученія кустарной промышленности. СПб. 1872 г. стр. 125, 126. „Надо полагать, что устройство въ Костромѣ полотняныхъ фабрикъ Угличаниновымъ, Стригалевыми и другими положило основаніе ткачеству и въ Шунгенской волости (Костромскаго уѣзда)“. Труды кустарной комиссіи. Выпускъ IX, стр. 2081. „Ткацкій промыселъ въ Новинской волости (Нерехотскаго уѣзда) существуетъ съ давнихъ временъ, перешелъ къ сельскимъ фабрикамъ“. Вып. XIII, 327. Ткачество полотна Облѣвской волости (Нерехотскаго уѣзда) „развивалось, благодаря сосѣдству фабрикъ“. Юпинская волость (Кинешемскаго уѣзда). „Ткутъ полотна и салфетки. Канье... занесено рабочими С.-Петербургскихъ фабрикъ“. Вып. XV, 205. Вичужская волость. „Ткутъ полотна и салфетки. Этотъ промыселъ... развитъ мѣстными фабрикантами“. Вып. XV, 196. Семеновская волость (Юрьевскаго уѣзда), „ткутъ полотна... промыселъ получилъ начало лѣтъ 44 тому назадъ со времени устройства прядильныхъ фабрикъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ“. Вып. XIV, 119 и т. д. и т. д. Вообще почти относительно всѣхъ волостей различныхъ уѣздовъ Костромской губерніи, гдѣ существуетъ устарѣлое полотняное ткачество, констатируется, что оно возникло подъ непосредственнымъ вліяніемъ фабрикъ. Большую роль сыграли вотчинныя фабрики. Такъ, напр., „Ткачество въ сельцѣ Апалихахъ (Костромскаго уѣзда) началось еще въ XVIII; въ то время сельцо это, принадлежавшее одному крупному вотчиннику, было мѣстомъ ссылки, куда свозились изъ разныхъ имѣній крестьяне, не платившіе оброка, для работъ на полотняной фабрицѣ. Крѣпостная работа этихъ поселенцевъ, жившихъ на наймѣ, продолжалась 40 лѣтъ, начиная съ 1752 г., въ концѣ же прошлаго столѣтія фабричныя постройки стали сдаваться въ аренду“. IX, 2150.

дило число рабочихъ въ самомъ фабричномъ зданіи ¹⁾. Мы встрѣчаемъ указанія на раздачу пряжи по деревнямъ костромскими полотноными фабрикантами въ интересномъ рукописномъ описаніи Костромской губерніи начала этого вѣка. По словамъ этого описанія „во многихъ мѣстахъ Нерехотскаго уѣзда находятся в. селеніяхъ, построенныя обывателями оныхъ, ткацкія свѣтлицы коихъ поселяне берутъ съ заводовъ пряжу и ткуть оную“. В городѣ Плессѣ мѣстный полотняный фабрикантъ Зубаревъ „отдаетъ дѣлать фламскія полотна и равендукъ сельскимъ жителямъ, которыя въ домахъ своихъ имѣютъ собственные свои станы и тамъ оно ткуть и тканье доставляютъ къ нему на фабрику“. То же само сообщается и о другомъ фабрикантѣ г. Плессы, Ермолинѣ ²⁾.

Въ Ярославской губерніи точно такъ же крупная фабрика начала разлагаться съ начала этого вѣка ³⁾.

1) Journal von Russland. 1794. Band I, Die Stadthalterschaft Kalug Str. 337.

2) Описаніе Костромской губерніи, Нерехотскаго уѣзда 1805. (Арх. Им. Вольн. Эк. Об-ва).

3) „Многія мануфактуры нѣкоторую часть своихъ становъ имѣютъ по деревнямъ, какъ-то Ростовская, на которой изъ числа 113 становъ 70 со стоитъ по деревнямъ“. Статистическое описаніе Ярославской губерніи, Карл Германа. С.-Петербургъ. 1808 г., стр. 119. „Нѣкоторые крестьяне (въ Ярославскомъ уѣздѣ) берутъ съ полотняныхъ фабрикъ ткацкія станы съ приналежностями и пряжей въ свои дома и ткуть фламскія и равендучныя полотна (Топографическое описаніе Ярославской губерніи 1802. Арх. П. В. Э. Общ.). Проф. Исаевъ излагаетъ исторію возникновенія наемнаго домашнего ткачества полотень въ Ярославской губерніи иначе: по его словамъ рѣшающую роль въ данномъ случаѣ сыграло введеніе машинной пряжи вмѣсто прежней ручной. Пока полотно ткали изъ ручной пряжи процвѣтало „самостоятельное ткачество“; введеніе покупной машинной пряжи (около 50-хъ годовъ этого столѣтія) повело къ подчиненію ткачей торговцамъ пряжей. „Техническія особенности промысла дѣлали излишнимъ устройство обширныхъ ткацкихъ заведеній. Тканье, какъ и прежде, производилось въ крестьянскихъ избахъ и свѣтелкахъ, но ткачи уже не сами покупали пряжу, а получали ее изъ конторъ торговцевъ“. (Труды кустарной комиссіи VI, 672). Но не подлежитъ сомнѣнію, что работа на дому въ Ярославской губерніи началась гораздо раньше 50-хъ годовъ. Въ „Материалахъ для изученія кустарной промышленности“ мы точно такъ же находимъ утвержденіе, что въ селѣ Великомъ ткачество полотень на дому по найму начинается лишь съ 50-хъ годовъ. Это не вѣрно. Наемное домашнее ткачество распространяется въ Ярославской губерніи уже съ начала этого вѣка; по словамъ „Исслѣдованія о состояніи льняной промышленности въ Россіи“, въ началѣ 40-хъ годовъ въ селѣ Великомъ, на ряду съ ткачами, работавшими изъ собственного покупнаго

По словамъ „Памятной книжки Ярославской губ.“ на 1862 г., „льняная промышленность прежде была сосредоточена въ рукахъ большихъ фабрикантовъ, въ послѣдствіи же она мало-по-малу перешла въ руки крестьянъ,“ ¹⁾.

Въ 30-хъ годахъ этого вѣка обычай раздавать льняную пряжу по домамъ сильно распространился и во Владимірской губерніи ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и кустарное ткачество тонкаго полотна изъ собственнаго матеріала. И въ данномъ случаѣ крупное производство породило мелкое, кустарная изба явилась заверше-ніемъ эволюціи фабрики ³⁾.

Такимъ образомъ возникло домашнее полотняное ткачество. Болѣе зажиточные ткачи покупали пряжу за свой счетъ и сами сбывали приготовленныя издѣлія, а болѣе бѣдные получали пряжу отъ фабрикантовъ. Такъ называемое, „самостоятельное“ ткачество было сильно распространено въ Ярославской губерніи, особенно вокругъ села Великаго. И для полотноткацкаго, какъ и для миткалеваго производства, вторая четверть этого вѣка была эпохой энергичнаго развитія кустарной промышленности. О степени разложенія прежней фабрики можно судить по тому, что въ 1852 г. на всѣхъ полотняныхъ и полотно-пестрядинныхъ фабрикахъ Владимірской губ. работало 2977 рабочихъ, а по деревнямъ на тѣ же фабрики работало 8579 рабочихъ ⁴⁾.

Не удивительно, что и полотняные фабриканты, подобно миткалевымъ, жаловались на конкуренцію кустарей. Въ 1835 г. мини-

матеріала, были и ткачи, бравшіе пряжу отъ заказчика въ моткахъ и работавшіе по найму, (стр. 80—82). Поэтому введеніе машинной пряжи могло только упрочить и распространить наемную форму домашней промышленности, но никоимъ образомъ не создать ея.

1) Цитировано по сводной работѣ кн. Мещерскаго и Модзалевскаго. Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи. СПб., 1874. Стр. 358.

2) Владимірскія Губернскія Вѣдомости. 1855 г. № 33. Несытовъ. „Полотняная фабрикація во Владимірской губерніи“. Также его же „Очеркъ XXV-лѣтія развитія мануфактурной промышленности Владимірск. губ.“ б. г.

3) По словамъ г. Харизомеова „раньше всего полотняное производство (въ Переяславскомъ у.) возникло въ видѣ ткачества пестряди... Матеріалъ для пестряди въ видѣ основы и утка ткачи получали отъ суздальскихъ, юрьевскихъ и ростовскихъ фабрикантовъ. По всей вѣроятности, пестрядь работали еще въ концѣ прошлаго столѣтія“. Промыслы Владимірской губерніи. Выпускъ V. стр. 104.

4) Очеркъ XXV-лѣтняго развитія мануфактурной промышленности Владимірской губерніи (Несытова). Стр. 46.

стерство финансовъ разослало циркуляръ всѣмъ губернаторамъ съ просьбой указать мѣры для развитія промышленности въ городахъ ¹⁾. Костромской губернаторъ предложилъ высказаться по этому вопросу мѣстному купечеству и фабрикантамъ. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ упадокъ полотняныхъ фабрикъ, фабриканты указывали на „распространеніе фабричныхъ заведеній въ маломъ видѣ между крестьянами, безъ всякаго платежа и браковки выработанныхъ тамъ издѣлій, почему издѣлія тѣхъ заведеній, хотя и далеко отстали въ качествѣ отъ таковыхъ же, вырабатываемыхъ на обширныхъ фабрикахъ, но имѣютъ на своей сторонѣ преимущества дешевизны, которая увлекаетъ большую часть покупателей... Издѣлія мелочныхъ заводчиковъ... по причинѣ дешевизны сходятъ съ рукъ безъ затрудненія“

Точно такъ же калужское купечество признало „первою причиною упадка городской промышленности и торговли чрезмѣрное увеличеніе числа ходящихъ и разносчиковъ, отчего купеческое сословіе въ городахъ разстраивается, капиталы истощаются, скудѣютъ средства къ устройству какихъ-либо фабричныхъ заведеній“ ²⁾.

Такимъ образомъ и въ области полотнянаго ткачества, какъ и миткалеваго, въ дореформенной Россіи кустарь билъ фабриканта. Я не буду останавливаться надъ исторіей другихъ отраслей ткацкой промышленности. Суконное ткачество (солдатскихъ и тонкихъ суконъ) прошло такой же кругъ развитія, какъ и миткалевое и полотняное. Солдатское сукно выдѣлывалось въ XVIII вѣкѣ только на крупныхъ фабрикахъ, но уже въ началѣ XIX вѣка вокругъ

1) Поводомъ къ этому циркуляру было выраженное императоромъ Николаемъ неудовольствіе по случаю слабаго развитія городской промышленности, замѣченнаго имъ во время его путешествія по Россіи. Въ числѣ губернаторскихъ отвѣтовъ нѣкоторые были очень курьезные—совершенно въ духъ Щедрина. Вотъ, на примѣръ, отвѣтъ Олонецкаго губернатора отъ 16-го марта 1835 года: „Согласно Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я склонялъ и убѣждалъ купечество къ учрежденію фабрикъ и ремеселъ, хотя бы на первый разъ для опыта въ ограниченномъ видѣ; но они рѣшительно отозвались, что, занимаясь коммерціей, свойственной для каждаго по оборотамъ самаго ограниченаго своего капитала, не находятъ никакихъ средствъ для отдѣленія онаго на заведеніе предполагаемыхъ фабрикъ“. (Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усиленію мануфактурной промышленности въ городахъ. 1-го января 1835 г. Арх. Д-та Т. и М.).

2) Дѣло по Высочайшему повелѣнію о мѣрахъ къ усиленію мануфактурной промышленности въ городахъ. Арх. Д-та Т. и М.

Москвы распространилось домашнее ткачество солдатскаго сукна, частью по заказамъ фабрикантовъ, частью за собственный счетъ крестьянъ. Въ 1809 г. въ числѣ поставщиковъ сукна для казны фигурируютъ на ряду съ крупными фабрикантами и московскіе и владимірскіе кустари ¹⁾.

По словамъ сенатора Аршеневскаго, большинство московскихъ суконныхъ фабрикъ занималось только крашеньемъ и отдѣлкой сукна, а суровье заготовлялось по окрестнымъ деревнямъ ²⁾. На суконныхъ фабрикахъ XVIII вѣка вся работа по обработкѣ шерсти въ сукно — кардованіе, пряденье шерсти, тканье, крашенье, валянье, ворсованіе и пр. — производилась на одной и той же фабрикѣ. Съ начала этого вѣка стали возникать особыя фабрики для пряденья шерсти, а также и для окончательной отдѣлки сукна. Это благоприятствовало развитію кустарнаго ткачества изъ фабричной шерстяной пряжи. Въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1830 г. мы читаемъ, что „ткачество драдедамовъ, драдедамовыхъ платковъ и нѣкоторыхъ родовъ средственныхъ суконъ производится уже въ большомъ количествѣ крестьянами деревень Черкизова, Преображенскаго, Семеновскаго и другихъ мѣстъ Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ. Сему щастливому (sic) обороту сукнодѣлія“, — прибавляетъ авторъ статьи, — „обязаны мы неизмѣрною дешевизной нашихъ драдедамовъ“.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ объясненій автора, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ наемной домашней системой, достигшей такой степени развитія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предприниматель-торговецъ совсѣмъ не имѣлъ фабричныхъ построекъ; такіе торговцы раздавали всю пряжу крестьянамъ для обработки, а заготовленное сукно отдавали красить и отдѣлывать въ спеціальныя красильни и апретурныя заведенія.

Любопытны комментаріи автора: „Нѣкоторые московскіе фабри-

¹⁾ Дѣло по Высочайше конфирмованному докладу о дозволеніи вольной продажи солдатскаго сукна. 21 окт. 1809 г. Арх. Д-та Т. и М. По словамъ одного официальнаго доклада того же времени, „выдѣлка суконъ лучшей противъ армейской доброты большею частью производится московскими фабрикантами... равно какъ и подмосковными крестьянами, число становъ у которыхъ правительству не извѣстно“. Докладъ Его Императорскому Величеству министровъ внутреннихъ дѣлъ и военныхъ сухопутныхъ силъ, „С.-Петербургскій журналъ“. 1808 г. Июль, стр. 55.

²⁾ О нынѣшнемъ состояніи мануфактуръ въ Россіи по свѣдѣніямъ сенатора Аршеневскаго. Сѣверная Почта. 1812 г., № 22.

канты вопіють противъ сего усиливающагося состязанія дѣятельности и происходящаго отъ онаго пониженія цѣнъ; но сочинитель радуется преуспѣянію самаго хода сей мануфактурности и постепенному раздробленію прежнихъ нажитковъ малаго числа лицъ на умѣренныя выгоды многихъ трудолюбивыхъ промышленниковъ¹⁾.

Московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта въ томъ же году обратилось съ официальнымъ „Объявленіемъ“ къ московскимъ фабрикантамъ, вызваннымъ, очевидно, все тѣмъ же — неудовольствіемъ фабрикантовъ на развитіе кустарнаго ткачества. По словамъ этого „Объявленія“, „хотя нѣкоторые капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато навывъ и искусство, прибрѣтенныя на нихъ, не только не погибли въ народѣ, а, напротивъ, болѣе распространились; смышленные мастеровые, оставивъ упавшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними... Такъ единожды водворившаяся промышленность никогда не погибаетъ въ народѣ, несмотря на упадокъ нѣкоторыхъ фабрикъ“²⁾.

Возникновеніе кустарнаго ткачества и вязанья шерсти иногда непосредственно можно приурочить къ фабрикамъ. Такъ, въ главномъ центрѣ кустарнаго шерстяного чулочнаго производства Владимірской губерніи, селѣ Пестякахъ, мѣстный изслѣдователь объясняетъ происхожденіе этого промысла „устройствомъ въ Пестякахъ въ концѣ прошлаго столѣтія суконной фабрики. По закрытіи ея осталось много шерсти, которая и была куплена по сходнымъ цѣнамъ мѣстными крестьянами“³⁾ (вѣроятно, торговцами, судя по тому, что въ этомъ промыслѣ рѣшительно преобладала наемная домашняя система). Въ Симбирской губерніи „развитіе сукнодѣлія (кустарнаго) вообще замѣтно въ селеніяхъ, находящихся близъ суконныхъ фабрикъ, потому что тамъ можно доставать съ фабрикъ шерсть и пользоваться на фабрикахъ же валкой сукна“⁴⁾. Но во-

1) О необходимости раздѣленія работъ по производству средственныхъ и легкихъ суконъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1830 г. № 6.

2) Объявленіе отъ Московскаго отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта гг. фабрикантамъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1830 г. № 5.

3) Н. Дубенскій. О промыслахъ Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1858 г. Часть 32.

4) Матеріалы для изученія кустарной промышленности. Стр. 62.

обще суконныя фабрики въ гораздо меньшей степени подверглись тому процессу раздробленія въ домашнюю промышленность, который былъ констатированъ нами относительно миткалевыхъ и полотняныхъ фабрикъ; соответственно этому, и кустарные промыслы по обработкѣ шерсти въ значительно меньшей степени могутъ быть приурочены къ фабрикамъ.

Шелковое кустарное ткачество было всецѣло созданиемъ фабрики. Какъ извѣстно, этотъ промыселъ сконцентрированъ въ очень небольшомъ районѣ, преимущественно, въ нѣсколькихъ уѣздахъ Московской губерніи и прилегающихъ уѣздахъ Владимірской. Имѣемъ же объясняется такая ограниченность распространенія промысла? А тѣмъ, что въ Московской губерніи были устроены еще при Петрѣ крупныя шелковыя фабрики, изъ которыхъ крупнѣйшія, Фряновская и Купавинская, были въ Богородскомъ уѣздѣ, и нынѣ остающемся центромъ кустарнаго шелковаго ткачества. При простотѣ техники ткачества шелковыхъ матерій, промыселъ этотъ, очень выгодный, не замедилъ переселиться въ деревню, вмѣстѣ съ возвращавшимися въ деревню рабочими шелковыхъ фабрикъ. Я уже говорилъ, что шелковыя кустарныя ткачи съ успѣхомъ конкурировали съ фабриками уже въ концѣ XVIII вѣка. Въ началѣ XIX вѣка кустарное ткачество было сильно распространено въ Московской губерніи. Я упоминалъ выше, что, по словамъ одного описанія Московской губерніи этого времени, въ одномъ Московскомъ уѣздѣ у государственныхъ крестьянъ было около 300 становъ для тканья тяжелыхъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій, да нѣсколько сотъ становъ для тканья флера и лентъ ¹⁾. Аршевскій также говоритъ о мелкихъ шелковыхъ фабрикахъ, имѣвшихъ по 1—10 становъ и наполнявшихъ въ Москвѣ Покровскую слободу и подь Москвой Преображенское и Измайловское села. Работа въ этихъ кустарныхъ заведеніяхъ производилась частью силами только семьи хозяина, частью при помощи наемныхъ рабочихъ, и притомъ какъ по заказамъ крупныхъ шелковыхъ фабрикантовъ, такъ и „для собственного торга“—за свой счетъ ²⁾. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ съ наемной домашней системой, такъ и съ „самостоятельнымъ“ кустарнымъ производствомъ.

¹⁾ С. Черновъ. Статистическое описаніе Московской губерніи 1811 г. Москва. 1812 г. Стр. 72.

²⁾ О нынѣшнемъ состояніи мануфактуръ въ Россіи. Сѣверная Почта. 1812 г. № 22.

Въ 1813 году, въ 30-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Гребенковѣ, около тысячи крестьянъ занималось выдѣлкой шелковыхъ и бумажныхъ матерій. Вахонская волость въ 80-ти верстахъ отъ Москвы, заключающая до 5-ти тысячъ душъ населенія, имѣла болѣе двухъ тысячъ становъ: во многихъ деревняхъ крестьянъ занимались выработкой разныхъ тканей для московскихъ фабрикантовъ ¹⁾. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда наша промышленность начала развиваться особенно энергично, возникло множество мелкихъ шелкоткацкихъ фабричекъ и кустарныхъ избъ, нѣкоторыя изъ которыхъ впоследствии превратились въ огромныя фабрики ²⁾.

Въ 30-хъ годахъ въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ очень распространилась ручная размотка и сученье шелка въ крестьянскихъ избахъ ³⁾. Въ Московскомъ и Богородскомъ уѣздахъ въ 30-хъ годахъ „не было избы, гдѣ бы у окна не вертѣлся карась или гдѣ бы подчасъ не выдѣлывали какую-нибудь тафетичку“ ⁴⁾.

Во Владимірскую губернію кустарное шелковое ткачество такъ же было занесено фабричными рабочими. На фабрикѣ Залоговыхъ (бывшей Лазаревыхъ) въ числѣ рабочихъ былъ нѣкій Каннинъ крестьянинъ Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи. Въ 30-хъ годахъ онъ завелъ ткачество шелковыхъ тканей у себя въ деревнѣ: „благодаря Канину и другимъ рабочимъ на шелковыхъ фабрикахъ получило развитіе кустарное производство шелковыхъ тканей“ ⁵⁾.

Въ области пеньковаго производства домашняя промышленность развивалась, главнымъ образомъ, въ первой стадіи обработки волокна—пряденія. Въ Калужской губерніи, старинномъ центрѣ фабричнаго парусно-полотнянаго ткачества, ткачество парусныхъ полотень производилось на самыхъ фабрикахъ, но пряжа заготов-

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ 1865 г. Т. III, стр. 78.

²⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. VII, вып. III, стр. 27—28.

³⁾ О жалобахъ фабрикантовъ на карасниковъ (сучильщиковъ-кустарей), которые утаивали шелкъ, спрыскивали его, чтобы онъ былъ тяжелѣе, медомъ и проч., см. „Вторая Московская выставка россійск. мануфактурныхъ произведеній въ 1855 г.“. Спб. 1856 г., стр. 196—198.

⁴⁾ Вторая Московская выставка. 209.

⁵⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности въ Россіи. Т. II, стр. 189.

ялась преимущественно по деревнямъ отчасти по заказамъ фабрикантовъ изъ ихъ матеріала, отчасти-же за собственный счетъ крестьянъ ¹⁾. Пряденіе канатной пряжи тоже производилось крестьянами на дому по заказамъ купцовъ ²⁾.

Въ городѣ Ржевѣ Тверской губерніи важнѣйшимъ зимнимъ промысломъ мѣстныхъ жителей было пряденіе канатной пряжи, главнымъ образомъ, по заказамъ мѣстныхъ канатныхъ торговцевъ ³⁾. Наемное домашнее пряденіе канатной пряжи въ 40-хъ годахъ сильно развилось въ Орловской губерніи. По словамъ современнаго изслѣдователя, „когда и какъ установилась здѣсь эта рѣчь значительной городской и сельской промышленности — неизвестно. Полагать надобно, что въ Орловскомъ краѣ канатныя заводы, точно такъ же, какъ въ Московскомъ и Рязанскомъ краѣ нанковья фабрики для ткачей, были основаніемъ тѣхъ прядильнь, которыя первоначально возникли въ городахъ средней и западной полосою Орловской губерніи, откуда потомъ перешли и въ селенія государственныхъ крестьянъ. Какъ тамъ вокругъ Москвы нанковья фабрики, раздавая бумагу сельскимъ ткачамъ на домъ, мало-по-малу ввели ткачество между крестьянскимъ населеніемъ даже въ Рязанской губерніи, такъ и здѣсь канатныя фабрики и значительныя городскія прядильни начали уже раздавать крестьянамъ прядильщикамъ за условленную плату извѣстное количество пеньки и пакли для приготовленія изъ нихъ пряжи“ ⁴⁾.

Точно такъ же въ Арзамасскій уѣздъ пенькопрядильный промыселъ былъ занесенъ мѣстными крестьянами, работавшими на канатныхъ заводахъ сосѣдняго уѣзда ⁵⁾.

Я говорилъ выше (въ главѣ I) о паденіи паруснополотняныхъ фабрикъ Калужской губерніи; но онѣ оставили послѣ себя слѣдъ. На мѣстѣ прежнихъ фабрикъ возникъ, хотя и не особенно цвѣтущій, новый кустарный промыселъ—пряденье и тканье пеньковыхъ тка-

1) О пеньковомъ производствѣ въ Калужской, Орловской и смежныхъ губерніяхъ. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1851 г., ч. III, стр. 183.

2) Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г., стр. 195.

3) Состояніе мануфактурной промышленности Тверской губерніи въ 1845 году. Тверь, 1846 г. Стр. 9—11. Перепечатано въ „Журналъ М-ва Внутрен. Дѣлъ“ 1847 г., ч. 18, подъ заглавіемъ: „Мануфактурная промышленность Тверской губерніи въ 1845 г.“.

4) Промышленность Орловской губерніи. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1848 г., ч. 29, стр. 206. Также Волковъ. „Промышленность Орловской губерніи“. Тотъ же журналъ, ч. 30.

5) Труды кустарной комиссіи, VI, стр. 548. Вып. II, стр. 49—60.

ней для парусовъ, мѣшковъ, брезентовъ и проч. Центромъ этого промысла въ Мединскомъ уѣздѣ явилось село Полотняный заводъ. Промыселъ этотъ развился въ 50-хъ годахъ нашего вѣка, при чемъ главнымъ дѣятелемъ былъ нѣкій Ерохинъ—лучшій ткачъ одной изъ закрывшихся парусныхъ фабрикъ. Ерохинъ основалъ небольшую фабрику и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ раздавать пенку для пряденья и тканья по домамъ. Промыселъ принялъ характеръ наемнаго домашняго производства.

До сихъ поръ я говорилъ только о текстильной промышленности: въ этой области своеобразная эволюція—отъ фабрики черезъ домашнюю промышленность къ „самостоятельному“ кустарю—или, точнѣе, отъ фабрики черезъ наемную систему домашней промышленности къ покупной системѣ—наиболѣе очевидна. Въ другихъ производствахъ вліяніе фабрики не такъ велико. Кустарная обработка металловъ, изготовленіе желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій въ гораздо меньшей степени могутъ быть приурочены къ фабрикѣ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь во многихъ случаяхъ можно констатировать вліяніе фабрики. Возьмемъ, на примѣръ, всемъ извѣстную павловскую промышленность. О павловцахъ, какъ объ искусныхъ замочникахъ и слесаряхъ, упоминается еще въ началѣ XVII вѣка. Но все изслѣдователи признаютъ, что на развитіе павловской промышленности оказалъ огромное вліяніе желѣзный заводъ, устроенный графомъ Шереметевымъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и прекратившій производство въ 1770 г. ¹⁾ Помѣщики села Павлова и послѣ уничтоженія завода содѣйствовали развитію павловской промышленности выпиской англійскихъ мастеровъ, обученіемъ рабочихъ и проч. Большую роль въ возникновеніи промысловъ всего павловскаго района играли и сосѣдніе старинные Балашевскіе заводы. Въ позднѣйшее время новые промыслы въ этомъ районѣ нерѣдко возникали подъ непосредственнымъ вліяніемъ фабрикан-

¹⁾ Первое упоминаніе объ этомъ я нашелъ въ статьѣ о Павловской промышленности въ „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ 1846 г. ч. 4. Это же извѣстіе повторяется и въ большинствѣ послѣдующихъ статей и книгъ, посвященныхъ селу Павлову, о которомъ существуетъ, какъ извѣстно, цѣлая литература. См., на примѣръ, „Описаніе промысловъ государственныхъ крестьянъ Нижегородской губерніи“ (Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые комиссіями и отрядами уравненій денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ). Вып. I, 1857, стр. 64; А. Смирновъ. Павлово и Ворема. Спб., 1864 г., стр. 26; Н. Лабзинъ. Изслѣдованіе промышленности ножевой, замочной и пр. Спб., 1870 г., стр. 5. и многія другія сочиненія о Павловской кустарной промышленности.

въ. Такъ отцомъ ножничнаго производства въ Павловѣ, по словамъ Лабзина, былъ петербургскій ножевой фабрикантъ Канаплъ, „который ѣздилъ въ Павлово и обучалъ ножничному дѣлу тамошнихъ уже смышленныхъ мастеровъ, чтобы, за дороговизной петербургской работы, имѣть возможность получать болѣе дешевыя издѣлія вѣстной выработки“. Этотъ же фабрикантъ значительно содѣйствовалъ также и улучшенію техники производства перочинныхъ ножей. Г. Лабзинъ прибавляетъ, что о Канаплѣ павловцы „вспоминаютъ не иначе, какъ съ почетомъ, а многіе чтутъ его рѣшительно своимъ благодѣтелемъ“ ¹⁾. Развитію муромскаго ножевого производства, центромъ котораго является село Вачи, также сильно содѣйствовала фабрика Кондратова, устроенная въ 1831 г. ²⁾. Кустарное производство проволочныхъ полотенеъ въ селѣ Безводномъ Нижегородской губерніи было занесено фабричными рабочими ³⁾. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи всѣ сталлическіе промыслы имѣютъ отношеніе къ крупной горнозаводской промышленности и къ существованію въ уѣздѣ чугуноплавильныхъ заводовъ ⁴⁾.

Важнѣйшимъ центромъ кустарнаго кузнечнаго и слесарнаго производства въ Ярославскомъ уѣздѣ является село Бурмакино. По словамъ проф. Исаева, до 30-хъ годовъ этого столѣтія издѣлія бурмакинскихъ кузнецовъ были очень грубы и незатѣйливы, „но въ это время началось ихъ усовершенствованіе. Вызвано оно было тѣмъ, что помѣщикъ Бурмакина, Варенцовъ, устроилъ новое заведеніе. Оно существовало недолго и не привило среди крестьянъ ножевого производства. Косвенно же оно оказало большое вліяніе: мастерами въ заведеніи были нѣмцы, искусные кузнецы и слесаря. Помѣщикъ набиралъ въ работу наиболѣе способныхъ мальчиковъ, которые и получали тамъ правильное ремесленное образованіе. Когда заведеніе было упразднено, то рабочіе разо-

¹⁾ Лабзинъ. Исслѣдованіе промышленности ножевой и пр. Стр. 48.

²⁾ Фабричное заведеніе стальныхъ издѣлій въ Муромскомъ уѣздѣ Тихонравова. Владимірскія Губернскія Вѣдомости 1853, № 42... „занимающее значительное число крестьянъ сосѣднихъ селеній производствомъ стальныхъ издѣлій на своей фабрикѣ, Кондратовъ несомнѣнно имѣлъ маловажное вліяніе на распространеніе и успѣхъ этого производства между крестьянами не только въ вотчинѣ князя Голицына, но и другія имѣнія Муромскаго уѣзда“.

³⁾ Труды кустарной комиссіи, IX, 2403.

⁴⁾ Всероссийская выставка 1896 года. Нижегородская губернія. II. стр. 28.

шлись по домамъ и принесли съ собой техническую ловкость. Одни изъ нихъ, сыновья и племянники кузнецовъ, усовершенствовали производство въ прародительскихъ кузницахъ, другіе сами построили кузницы“ 1). Съ этого времени въ Бурмакинѣ начинается производство многихъ стальныхъ издѣлій, которыя раньше не выдѣлывались вслѣдствіе недостатка знанія и искусства.

„Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзодѣлательные заводы способствовали развитію кузнечнаго промысла“ Слободскаго уѣзда Вятской губерніи 2). То же самое мы узнаемъ и относительно пермскихъ кустарныхъ металлическихъ промысловъ.

„Исторія возникновенія промысла въ томъ или другомъ заводѣ имѣетъ обыкновенно общій характеръ. Родоначальниками промысла являются лица, вывезенныя владѣльцами изъ среднихъ губерній Россіи съ цѣлью обученія ремеслу крѣпостныхъ людей. Въ Кыштымѣ, напримѣръ, была даже устроена заводоуправленіемъ небольшая гвоздарная фабрика, въ которой обучились многіе гвоздари“ 3).

Тульское желѣзодѣлательное производство, принадлежащее къ числу очень старинныхъ, точно такъ же развилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ желѣзныхъ заводовъ, устроенныхъ еще въ XVII вѣкѣ и просуществовавшихъ болѣе 100 лѣтъ. „Заводы исчезли,—говоритъ изслѣдователь тульской кустарной промышленности Борисовъ,—а знаніе ремесла осталось“ 4).

Многіе металлические промыслы этого района и въ настоящее время сохраняютъ непосредственную связь съ заводами и фабриками. Такъ, напримѣръ, наводильщики въ Сергіевской волости Тульскаго уѣзда занимаются своимъ промысломъ только по заказамъ тульскихъ самоварныхъ фабрикантовъ, дающихъ имъ въ только матеріалъ для обработки, но и самые инструменты. Точно такъ же кустари, занятые наклепнымъ промысломъ, работаютъ только по заказамъ гармонныхъ фабрикантовъ 5).

Уральскіе горные заводы создали вокругъ себя очень разную образную и цвѣтущую кустарную промышленность, обрабатывающую заводскій матеріалъ. „Нижнетагильское кустарное дѣло,—читаемъ въ трудахъ кустарной комиссіи,—обязано своимъ разви-

1) Труды кустарной комиссіи. VI, 709.

2) Труды кустарной комиссіи. XI, стр. 340.

3) Промыслы Екатеринбургскаго уѣзда. Екатеринбургъ. 1889 г.; стр. 61.

4) Труды кустарной комиссіи. IX, 2242.

5) Труды кустарной комиссіи. VII, 892—947.

немъ вниманію администраціи (заводовъ) въ старыя годы... Заводская администрація старалась направить избытокъ рабочей силы на это дѣло... и кустарный промыселъ буквально процвѣлъ". То же самое сообщается и о кустарномъ производствѣ разныхъ металлическихъ издѣлій вокругъ заводовъ Воткинскаго, Едвинскаго и др. ¹⁾

Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ мѣдный кустарный промыселъ возникъ, благодаря существовавшему въ прошломъ вѣкѣ, но затѣмъ закрывшемуся Суксунскому металлическому заводу. Этимъ же объясняется происхожденіе въ этомъ округѣ и кузнечно-слесарнаго промысла. „Прививка промысла принадлежитъ также заводу. Развитие его обусловливается тѣмъ, что Суксунъ, будучи главнымъ заводомъ въ округѣ, занималъ въ былыя времена большое число ремесленниковъ всякаго рода, въ томъ числѣ кузнецовъ и слесарей. ...По закрытіи механическаго производства въ Суксунѣ (фабрика сгорѣла и больше не возобновлялась), большинство работавшихъ на фабрикѣ было уволено за оброки на отхожія работы... Затѣмъ, по обнародованіи свободы и въ виду бездѣйствія завода... почти всѣ оставшіеся дома кузнецы открыли свои мастерскія“ ²⁾.

Гвоздорубный промыселъ вокругъ Бисертскаго завода возникъ, благодаря устроенной заводомъ гвоздорубной фабрикѣ, закрытой въ 60-хъ годахъ ³⁾.

Я могъ бы привести еще много примѣровъ эволюціи мелкаго производства изъ крупнаго, кустарной промышленности изъ фабричной, но и приведенныхъ достаточно. Этой эволюціей вполне объясняется фактъ, поражавшій многихъ изслѣдователей кустарнаго производства, а именно вытѣсненіе крупнаго производства мелкимъ, раздробленіе промышленности. Нерѣдко оказывается, что въ данномъ промыслѣ лѣтъ 40—50 тому назадъ господствовали болѣе или менѣе крупныя мастерскія, а теперь крупныхъ мастерскихъ совершенно не существуетъ, а мѣсто ихъ заняли кустарныя избы. Такъ, напримѣръ, „въ первое время послѣ возникновенія (въ Арзасскомъ уѣздѣ) кузнечный промыселъ принималъ характеръ маленькихъ кузнечныхъ фабрикъ, хозяева которыхъ держали работ-

¹⁾ Труды кустарной комиссіи. XVI. Кустарная промышленность въ связи съ Уральскимъ горнозаводскимъ дѣломъ. Стр. 13—17.

²⁾ Труды кустарной комиссіи. X, 2924, 2979.

³⁾ Сборникъ Пермскаго земства. 1890 г. № 4. Гвоздорубный промыселъ въ Бисертскомъ заводѣ.

никовъ и до извѣстной степени эксплуатировали ихъ трудъ. На кузницѣ каждаго хозяина работало 12—18 работниковъ... Но потомъ, когда промыселъ значительно распространился и когда кузнецы хорошо ознакомились съ частностями промысла, они стали понемногу выходить изъ подъ хозяйской опеки... и промыселъ сталъ вести каждый за свой страхъ“¹⁾.

Исторія скорняжнаго промысла въ Арзамасскомъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. „Въ началѣ скорняжества въ селеніяхъ, только немногіе умѣли работать скорняжный товаръ другіе, чтобы научиться этому дѣлу, должны были жить у нихъ въ работникахъ, за небольшую плату; такимъ образомъ скорняжный промыселъ въ деревняхъ имѣлъ нѣсколько фабричный характеръ. Хозяева маленькихъ фабрикъ были завалены работой, которую они выгодно исполняли при помощи дешевыхъ работниковъ. Затѣмъ, когда скорняжному дѣлу научились многіе, число маленькихъ фабрикъ стало уменьшаться, рабочіе стали дѣлаться самостоятельными хозяевами. Скорняжный промыселъ, имѣвшій первоначально фабричный видъ, сталъ принимать постепенно кустарный характеръ, какой онъ сохранилъ и до сихъ поръ“²⁾.

То же самое наблюдается въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ промысловъ Московской губерніи—щеточномъ, цвѣтильномъ, шляпномъ, мебельномъ и др. По словамъ профессора Исаева, изслѣдовавшаго мебельную промышленность Московской губерніи, „исторія этого промысла блистательно доказываетъ, что одиночка-столяръ не только съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ крупной мастерской, но что сама одиночная изба вышла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ объятій крупной мастерской“³⁾.

Совершенно вѣрно. Кустарная изба вышла изъ крупной мастерской, и не только въ мебельномъ промыслѣ, но, какъ я старался показать, и во многихъ и очень важныхъ другихъ промыслахъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой „блистательной побѣды“ кустарны мы не сдѣлаемъ того вывода, который дѣлаетъ профессоръ Исаевъ, и не заключимъ о преимуществахъ кустарной промышленности въ наше время, и возможности для нея при современныхъ условіяхъ техники успѣшно конкурировать съ фабрикой.

Итакъ, промышленный капиталъ сыгралъ огромную роль въ развитіи нашей кустарной промышленности. Происхождение на-

1) Труды кустарной комиссіи. IV, стр. 171—172.

2) Труды кустарной комиссіи. III, 82.

3) Промыслы Московской губерніи, т. I, стр. 30.

ших кустарных промысловъ, какъ я указывалъ, двойное: старинные промыслы возникли изъ домашняго производства, промыслы болѣе новые—главнымъ образомъ изъ фабрики и крупной мастерской.

Установить болѣе или менѣе точно, какую роль въ нашей кустарной промышленности играютъ промыслы того и другого происхожденія, совершенно невозможно, по отсутствію статистическихъ данныхъ. Только для очень немногихъ губерній такое сравненіе возможно. Наилучше изслѣдована въ промысловомъ отношеніи Московская губернія; ею мы и займемся.

Значительно большая часть кустарныхъ промысловъ Московской губерніи (эти промыслы въ главной своей массѣ являются не „самостоятельнымъ“ производствомъ, а работой по найму) происхожденія очень недавняго, нѣкоторые возникли въ концѣ прошлаго вѣка, другіе еще позже—въ 20, 30, 40-хъ годахъ нашего вѣка. Московскіе земскіе статистики обыкновенно весьма тщательно отмѣчали исторію каждаго промысла; посмотримъ же, о чемъ говорятъ ихъ наблюденія.

Изъ 141 т. крестьянъ, занятыхъ въ мелкомъ товарномъ неземледѣльческомъ производствѣ Московской губерніи, не менѣе 82 т. (т. е. около 59% работающихъ) заняты въ промыслахъ, непосредственно созданныхъ фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промыселъ, игрушечный, шитье перчатокъ, щеточный промыселъ, производство пуховыхъ шляпъ, канительный, золото-кружевной и другіе, болѣе мелкіе, промыслы).

О возникновеніи бумажнаго, шелковаго и шерстяного домашняго ткачества я уже говорилъ ¹⁾; что касается до другихъ промысловъ, то исторія ихъ въ общемъ одна и та же.

Возьмемъ, напр., игрушечный промыселъ (1400 кустарей, работаютъ изъ покупнаго матеріала; „самостоятельное“ производство).

„Исторія игрушечниковъ Московской губерніи, какъ первоначальныхъ производителей, была такова, что сначала они работали у хозяевъ въ Москвѣ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, потомъ... отходили отъ своихъ хозяевъ и заводили дѣло у себя на домахъ, въ деревнѣ. Почти всегда бывало такъ, что отошедшій отъ хозяина работникъ первое время сохра-

¹⁾ Замѣчу кстати, что исторія ткацкаго промысла изложена въ земскомъ сборникѣ не на основаніи новаго матеріала, а по Корсаку, и потому самостоятельнаго значенія не имѣетъ и не лишена ошибокъ.

вялъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ дѣловую связь, т. е. продолжать работать на него товаръ, такъ что положеніе новаго предпринимателя на первыхъ порахъ мало разнилось отъ положенія простаго рабочаго... Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ игрушечникъ знакомился съ коммерческой стороною своего дѣла... его отношенія къ бывшему хозяину мѣнялись къ большой для него, производителя, выгодѣ“. Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. II, стр. 5—6.

Схема развитія—крупная мастерская, наемная домашняя промышленность и, такъ называемое, самостоятельное производство—выступаетъ съ полной ясностью.

Щеточный промыселъ (880 работающихъ, большею частью сами покупаютъ матеріалы). Промыселъ былъ занесенъ въ концѣ XVIII вѣка крестьяниномъ, работавшимъ на одной щеточной мастерской въ Москвѣ. Первые основатели промысла имѣли довольно значительныя мастерскія. Въ настоящее время преобладаютъ мелкія заведенія ¹⁾.

Производство касторовыхъ шляпъ (480 работающихъ; преобладающій типъ—мелкія мастерскія съ наемными рабочими; работа изъ покупнаго матеріала). Промыселъ возникъ изъ шляпной фабрики Александрова въ 30-хъ годахъ этого вѣка. „Съ теченіемъ времени нѣкоторые мастера, обучившись шляпному производству, стали работать шляпы на дому, но вначалѣ работали исключительно на Иванова (Александрова), получая отъ него матеріалъ. Затѣмъ бывшіе мастера Иванова (Александрова) стали обращаться въ самостоятельныхъ производителей... Шляпное производство, сначала сконцентрированное въ обширной мастерской Иванова (Александрова), постепенно децентрализовалось по селеніямъ Кленовской волости“ ²⁾. Итакъ, опять то же развитіе — фабрика, домашняя промышленность, мелкое „самостоятельное“ производство.

Шитье лайковыхъ перчатокъ (3 тысячи работающихъ; работа по заказамъ торговцевъ изъ ихъ матеріала). „Лѣтъ сто назадъ помѣщикъ Шалашниковъ выстроилъ заводъ для выдѣлки тонкихъ кожъ для перчатокъ въ деревнѣ Языковѣ... Обученныя дѣвушки шили отчасти въ особомъ устроенномъ для этого помещеніи, или же, какъ впоследствии, получали работу на домъ. Мало-по-малу такимъ образомъ умѣнье шить перчатки распространилось по окрестностямъ“ ²⁾. Фабрика породила домашнюю промышленность.

Патронный промыселъ. Работающихъ около 9 тыс. (работа от-

¹⁾ Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. I, стр. 1—6.

²⁾ Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VI, вып. I, стр. 172—173, т. VII, вып. II, стр. 170.

сти на торговца, по заказамъ, отчасти „самостоятельное производство“).

„Разспрашивая крестьянъ о происхожденіи промысла,—читаемъ въ Сборникѣ, — мы получали однообразные отвѣты: пріѣхалъ въ какую-то деревню приказчикъ отъ такого-то купца, снялъ или купилъ бы и открылъ фабричку. Дѣвушекъ и женщинъ обучалъ даромъ, по-тѣ раздавалъ на домъ всѣ нужные матеріалы и орудія производства... бывали и такіе случаи. Крестьянинъ, занимавшійся нѣсколько лѣтъ на какой-нибудь патронной фабрикѣ въ Москвѣ, рѣшалъ ѣхать домой и тѣ въ деревнѣ. Онъ уговаривался со своимъ хозяиномъ, что будетъ у него работать патроны за известную цѣну... Самостоятельные производители появились въ деревнѣ только въ болѣе позднее время... Почти фабричная форма, появившаяся въ деревняхъ Московской губерніи, пошла и самостоятельное мелкое патронное производство“¹⁾.

Опять, слѣдовательно, то же—фабрика, домашняя промышленность, „самостоятельное“ кустарное производство. Кустарная изба называется результатомъ эволюціи фабрики.

Точно такимъ же образомъ были занесены въ селенія Московской губерніи пуговичный, золотокружевной, бахромный, золотой, позументный, сусальный и многіе другіе промыслы. Какъ сказали, промыслами капиталистическаго происхожденія занято было 59% всѣхъ московскихъ кустарей. Какимъ же образомъ возникли другіе промыслы Московской губерніи, дающіе занятіе остальнымъ 41% кустарей?

Значительная часть этихъ послѣднихъ промысловъ, если не прямо возникла изъ крупной мастерской, то во всякомъ случаѣ возникла подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Сюда относится, напр., мебельный промыселъ, изслѣдованный проф. Исаевымъ. Производство дорогой мебели до 50-хъ годовъ было сосредоточено въ Пачевскомъ районѣ въ крупной мастерской Зениныхъ, имѣвшихъ 70 рабочихъ. Въ этой мастерской научились работать дорогую мебель мастера, впоследствии начавшіе самостоятельное мебельное производство. Какъ я говорилъ выше, проф. Исаевъ отмѣчаетъ, что въ мебельномъ промыслѣ крупная мастерская породила мелкія промышленныя единицы. То же слѣдуетъ сказать и о металлических промыслахъ Московской губерніи—изготовленіи жестяныхъ и мѣдныхъ издѣлій, подносовъ, булавокъ, проволочныхъ сѣтокъ и пр. Эти промыслы въ большей или меньшей степени обязаны своимъ развитіемъ крупнымъ мастерскимъ. То же слѣдуетъ ска-

¹⁾ Сб. ст. св. т. VII, вып. II, стр. 204, 223, 230.

зять и о портняжномъ, гребенномъ, зеркальномъ, грохотопномъ и пр. промыслахъ.

Замѣтимъ, кстати, что развитію кустарныхъ промысловъ о зали огромное содѣйствіе и помѣщики, обучавшіе разнымъ ремламъ своихъ крѣпостныхъ. Это отмѣчается относительно мебнаго промысла ¹⁾, кружевного, перчаточнаго, плетенья изъ пруть и другихъ промысловъ Московской губерніи.

По словамъ г. Плотникова, „одной изъ причинъ развитія старныхъ промысловъ (въ Нижегород. губ.) было воздѣйствіе помещиковъ, старавшихся насаждать въ своихъ вотчинахъ, особе многолюдныхъ и малоземельныхъ, какіе-либо промыслы. Та крупныя владѣльцы, какъ Шереметевы, Салтыковы, Толстые, в дѣя въ разныхъ концахъ Россіи селами, уже отличившимися той или иной отрасли промышленности, нерѣдко переносили вмѣстѣ мастерами этихъ селеній и ихъ искусство въ свои болѣе бѣныя и непромысловыя селенія. Такъ, Салтыкову, владѣвшему од временно въ концѣ XVII вѣка селомъ Кимрами и селомъ Выѣной Слободой, Арзамасскаго уѣзда, приписываютъ начало сапа наго промысла въ этой послѣдней. Владѣлецъ села Богородск Шереметевъ не только содѣйствовалъ развитію въ своемъ имѣ кожаннаго производства, но и перенесъ его въ село Юри Васильскаго уѣзда, въ видѣ рукавичнаго промысла“ ²⁾.

То же сообщается и относительно промысловъ Ярославска губерніи. „Развитію кустарной промышленности немало способствовало крѣпостное право... Помѣщики отправляли мальчиковъ для обученія разнымъ мастерствамъ, на фабрики и заводы въ Птербургъ, Москву и другіе промышленные города Россіи. Опытность этихъ мастеровъ вліяла на кустарную промышленность“.

Такъ, напримѣръ, на Ухтомѣ, „если и существуютъ кустарніе промыслы, то потому лишь, что на Ухтомѣ много помѣщичьихъ усадебъ и усадебъ богатыхъ, а слѣдовательно въ средѣ населен найдется немало народу, обученнаго извѣстнымъ мастерствамъ бывшими ихъ помѣщиками“ ³⁾.

Вернемся, однако, къ Московской губерніи.

Какую же роль играютъ въ московской промышленности ст

¹⁾ „Крѣпостное право не мало способствовало его (мебельнаго прмысла) развитію“. А. Исаевъ, Промыслы Московской губерніи. I, 11.

²⁾ Всероссийская выставка 1896 г., Нижегородская губернія. II, стр. 3

³⁾ Вѣстникъ Ярославскаго Земства. 1875 г., июнь. Кустарная прмышленность въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

инные кустарные промыслы, промыслы чисто „народнаго“ происхожденія, не носящія на себѣ печати ни капитализма, ни крѣпостнаго права?—Довольно незначительную. Къ этой категоріи относятся такіе вполнѣ національные промыслы, какъ, напр., плетеніе вѣтей, пряденіе льна и шерсти, отчасти вязанье и плетенье чулокъ, сѣтей и проч., сапожный и башмачный промыселъ, скорняжничество, валянье шерсти, бондарный промыселъ, кожевенный, стельный и пр. Число лицъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ, врядъ ли превзойдетъ 30 тыс. чел., т. е. не достигнетъ и 25% всего числа московскихъ кустарей.

Итакъ, въ Московской губерніи (какъ и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ) промыслы болѣе новые, капиталистическаго происхожденія, рѣшительно преобладаютъ надъ „народными“ промыслами, начало которыхъ теряется въ дали времени. Разумѣется, если бы мы взяли для сравненія не промышленную, а какую-нибудь земледѣльческую, или сѣверную лѣсную губернію, то результатъ получился бы иной. Напр., въ Вятской губерніи промыслы „народнаго происхожденія“, несомнѣнно преобладаютъ надъ капиталистическими¹⁾. Но для насъ важно было не опредѣлять въ цифрахъ, какіе промыслы въ Россіи занимаютъ больше рабочихъ (такое опредѣленіе совершенно невозможно по отсутствію данныхъ), а доказать, что господствующее мнѣніе о происхожденіи кустарной промышленности изъ домашняго производства въ своей категорической формѣ совершенно невѣрно, такъ какъ оно игнорируетъ многіе весьма важные промыслы чисто-капиталистическаго происхожденія, преобладающіе не только въ Московской губерніи, но и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи. Московская же губернія должна была только иллюстрировать этотъ фактъ, и для такой иллюстраціи она вполнѣ годится.

Я отнюдь не утверждаю, что фактъ происхожденія отдѣльных промысловъ изъ фабрики не былъ отмѣченъ въ нашей литературѣ. Напротивъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, очень многіе изслѣдователи неоднократно его отмѣчали. В. Безобразовъ въ „Общемъ Обзорѣннн Выставки 1882 г.“ (С.-Пб. 1884 г., стр. 457) прямо заявляетъ: „весьма примѣчательно, что у насъ фабрики, въ извѣстной степени, содѣйствовали насажденію и развитію кустарныхъ промысловъ“. Но все же вышеприведенное мнѣніе г. В. В. о „народ-

¹⁾ См. Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи. Вятка 1889—93 гг. 5 выпусковъ.

номъ“ происхожденіи нашей кустарной промышленности можетъ считаться господствующимъ.

Корсакъ видѣлъ въ раздробленіи фабричной промышленности въ разсматриваемую эпоху доказательство неприложимости фабричной формы промышленности къ хозяйственнымъ условіямъ дореформенной Россіи. Фабрика XVIII вѣка, по его мнѣнію, была явленіемъ „искусственнымъ“, и потому она раздробилась.

Противъ этого мнѣнія, до сихъ поръ не потерявшаго кредитъ въ нашей литературѣ, я уже возражалъ во введеніи. Я доказывалъ, что Петровская фабрика была естественнымъ продуктомъ экономическихъ и социальныхъ условій тогдашней Россіи.

Послѣдующая эволюція фабрики вполне объяснима тѣмъ, что въ русскихъ фабрикахъ прошлаго вѣка работа производилась не машинами, а руками, техника производства была очень несложна и не требовала обязательно крупной мастерской. Необходимости послѣдней въ тогдашней Россіи основывалась не на техническихъ а на социальныхъ условіяхъ, и прежде всего на незнакомствѣ русскаго населенія съ новыми приемами производства и на невозможности перенести въ страну новыя производства иначе, какъ въ формѣ фабрикъ.

Отсюда ясно, что, какъ только населеніе освоилось съ новыми техническими приемами, мелкое производство стало вытѣснять крупное. Такъ какъ, по чисто техническимъ условіямъ, крупное производство не имѣло значительныхъ преимуществъ передъ мелкимъ (и на фабрикѣ, и въ кустарной избѣ работа производилась руками, безъ помощи дорогихъ приспособленій и инструментовъ; ручной ткацкій станокъ—даже станокъ—самолетъ,—стоилъ такъ мало, что былъ вполне доступенъ всякому крестьянину), то вполне понятно, что фабриканты скоро убѣдились въ невыгодности устройства огромныхъ и дорогихъ фабричныхъ зданій, когда та же работа могла быть исполнена съ такимъ же успѣхомъ обученнымъ рабочимъ у себя на дому. Такимъ образомъ фабрика раздробилась въ домашнюю промышленность. Мелкое производство оказалось сильнѣе крупнаго по той причинѣ, что состояніе техники не требовало крупнаго производства.

Что касается до перехода домашней промышленности въ „самостоятельное“ кустарное производство, то и этотъ переходъ вполне понятенъ: когда промыселъ находится въ первомъ періодѣ своего развитія и имъ занимается немного рукъ, цѣна за работу бываетъ высока, и сбытъ издѣлій совершается безъ затрудненій.

Въ этомъ періодѣ домашній рабочій, при удачѣ, легко можетъ начать работу изъ покушного матеріала, продавать издѣлія на рынкѣ, и такимъ образомъ наемный рабочій превращается въ самостоятельнаго“ производителя.

Итакъ, Николаевская эпоха можетъ быть по справедливости названа эпохой расцвѣта нашей кустарной промышленности. Это еще вовсе не значитъ, чтобы въ то время кустарь пользовался большей самостоятельностью, чѣмъ раньше или потомъ. Масса кустарей оставалась въ полномъ подчиненіи капиталисту. Именно въ это время выработались тѣ сложныя формы посредничества между потребителемъ и производителемъ—кустаремъ, которыя сохранились и понынѣ. Вотъ, на примѣръ, какимъ образомъ было организовано кустарное производство въ бумаготкацкой промышленности, въ которой наемная домашняя система достигла наибольшаго развитія.

Тканье производилось обыкновенно въ свѣтелкахъ на 5, 10, 20 и болѣе ткацкихъ становъ. Крестьяне обыкновенно не ткали бумажныхъ тканей въ самой избѣ вслѣдствіе тѣсноты и закопченности избъ, такъ какъ у большинства избъ были курныя. Въ избахъ съ трубами иногда помѣщались ткацкіе станки. Раньше чѣмъ выйти до ткача, матеріалъ—бумажная пряжа—проходилъ черезъ нѣсколько рукъ. Хозяинъ матеріала—ситцевый фабрикантъ или владѣлецъ раздаточной конторы отдавалъ пряжу особому комиссіонеру „производчику“ или подрядчику. Этотъ производчикъ, или подрядчикъ, какъ общее правило, самъ ткачествомъ не занимался и не имѣлъ ткацкихъ заведеній; но нерѣдко онъ имѣлъ свое собственное сновальное заведеніе. Въ такомъ случаѣ онъ получалъ отъ хозяина несомнѣнную бумажную [пряжу и сноваль ее самъ. Если же у него не было сновальнаго заведенія, то онъ получалъ отъ фабриканта уже готовую основу. Основу и утокъ подрядчикъ отдавалъ „мастерку“, занимавшемуся раздачей пряжи по свѣтелкамъ или по избамъ отдѣльныхъ ткачей. Владѣлецъ свѣтелки—„хозяинъ“ иногда самъ отъ себя нанималъ нѣсколько ткачей и вмѣстѣ съ ними приготавливалъ миткаль, иногда же мѣста въ свѣтелкѣ отдавались ткачамъ за плату, и тогда „мастерокъ“ непосредственно сносился съ ткачами. Изготавливаемый миткаль доставлялся „мастерку“, онъ же передавалъ его подрядчику, а подрядчикъ — фабриканту. Плата производилась съ вѣса; фабрикантъ выдавалъ бумажную пряжу по вѣсу подрядчику и отъ подрядчика же получалъ обратно соответствующее количество миткалю, при чемъ, разумѣется, произво-

дился вычетъ на „угаръ“—потерю пряжи при тканьи и пр. Фабрикантъ зналъ только подрядчика, подрядчикъ—только „мастерка“ „мастерокъ“ — только „хозяина“ (свѣтелочника) или ткачей, съ которыми онъ сносился лично.

Плата, выданная фабрикантомъ, распределялась между всѣми участниками производства, при чемъ подрядчикъ и „мастерокъ“ вычитали въ свою пользу опредѣленную коммисіонную плату, а остальное передавали „хозяину“ свѣтелки, если онъ отъ себя нанималъ ткачей, или самимъ ткачамъ, если они сами сносились съ „мастерками“.

Такимъ образомъ было организовано въ своей наиболѣе развитой формѣ посредничество между собственниками матеріала и домашними производителями. Иногда тотъ или другой посредствующій членъ этой цѣпи выпадалъ. Такъ, напримѣръ, нерѣдко подрядчикъ непосредственно сносился съ свѣтелочниками или ткачами; въ другихъ случаяхъ, хотя и рѣдко, подрядчикъ имѣлъ свои собственныя ткацкія свѣтелки и самъ ткалъ миткаль изъ хозяйскаго матеріала. Наконецъ, иногда фабрикантъ непосредственно сносился съ ткачами, а именно, съ тѣми изъ нихъ, которые жили по сосѣдству съ фабрикой. Ткачъ являлся на фабрику, бралъ у хозяина основу и утокъ и ему же обратно приносилъ миткаль¹⁾.

Въ такой формѣ сложилась организація наемнаго домашнего ткачества бумажныхъ и отчасти шелковыхъ и полотняныхъ матерій еще въ 30-хъ—40-хъ годахъ этого вѣка. Организація эта, при всей своей сложности, настолько удачно служила своимъ цѣлямъ, что удержалась почти въ неизмѣненномъ видѣ до настоящаго времени. Это сложное посредничество указываетъ на слабость и безпомощность непосредственнаго производителя, который не имѣетъ доступа не только къ рынку, но даже и къ руководителю предпріятія, собственнику матеріала.

Въ началѣ этого вѣка заработная плата бумажныхъ ткачей,

¹⁾ Организація домашнего наемнаго ткачества въ Николаевскую эпоху описывается, напримѣръ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Статистическія свѣдѣнія о Богородскомъ уѣздѣ. Журналъ М-ръ и Т. 1834 г., № 1; А. Заблоцкій. Обзорѣніе Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1840. Часть XXXVI; Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1847. Часть XXV; Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губерніи. Влад. Губ. Вѣд., 1854, № 28—30; О. Журовъ. Миткалевыя фабриканты, ихъ ткачи и коммисіонеры. Вѣстникъ Промышленности. 1858 г., т. I, и во многихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ этого времени.

дствие ограниченности ихъ числа, была высока, но съ двадцатыхъ годовъ, подъ влияніемъ быстрого распространенія бумажнаго чества въ странѣ и усиленія конкуренці ткачей, она начала падать.

довая выработка бумажнаго ткача во Владимірской губерніи ¹⁾.

(Въ ассигнаціяхъ).

	Миткаль низшаго сорта.	Миткаль среднего сорта.
1808 г.	432 р.	504 р.
1813 „	359 „	449 „
1829—58 г.	125 „	166 „

Золотой вѣкъ набойщиковъ—первыя десятилѣтія нашего столѣтія—былъ золотымъ вѣкомъ и ткачей, хотя заработокъ ткачей когда не поднимался такъ высоко, какъ заработокъ набойщиковъ. Въ 30, 40 и 50-хъ годахъ заработная плата бумажныхъ ткачей сильно колеблется, но не обнаруживаетъ наклонности къ ценію.

средняя цѣна, платимая ткачамъ въ Шуѣ и Суздалѣ за основу въ 850 зубьевъ ²⁾.

(Съ аршина основы въ копейкахъ ассигнаціями).

1829 г.	4,46	1839 г.	3,38	1849 г.	2,95
1830 „	4,43	1840 „	3,64	1850 „	2,90
1831 „	3,96	1841 „	2,78	1851 „	2,10
1832 „	3,09	1842 „	2,71	1852 „	3,27
1833 „	2,42	1843 „	2,92	1853 „	2,71
1834 „	2,01	1844 „	3,63	1854 „	2,25
1835 „	2,37	1845 „	3,63	1855 „	1,83
1836 „	3,34	1846 „	2,85	1856 „	3,11
1837 „	3,78	1847 „	2,43	1857 „	4,23
1838 „	3,62	1848 „	2,91	1858 „	4,36

¹⁾ О. Журовъ. Ходъ выработки ручного миткаля во Владимірской губерніи. Вѣстникъ Промышленности. 1861 г., т. XIV.

²⁾ О. Журовъ. Забѣтки на статью „Село Иваново“ Власьева. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. IV, стр. 26. Цѣны относятся къ главному сорту миткаля, вырабатывавшемуся въ наибольшемъ количествѣ.

Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ 20-ми годами, плата за б мажное ткачество сильно упала. Въ 40-хъ годахъ этотъ пр мыселъ считался мало выгоднымъ занятіемъ. „Крестьянинъ в еще производитъ миткаль изъ пряжи, данной фабричнымъ хозя номъ, на тѣхъ же станахъ, какъ и прежде, а между тѣмъ по чааетъ нынѣ только отъ 1¹/₄ до 1¹/₂ рублей ассигнаціями съ 5 аршиннаго куска или отъ 2¹/₂ до 3 к. за аршинъ, тогда ка прежде платили отъ 6 до 8 р. за кусокъ или отъ 12 до 16 к. аршинъ. При самомъ неутомимомъ прилежаніи ткачъ не сраб таетъ въ день болѣе 15 аршинъ, и то только лѣтомъ въ дол дни, зимой же скудная эта прибыль уменьшается еще издержкаи на освѣщеніе, потребное для работы... За всѣми вычетами, о едва-ли приобрѣтетъ для себя 20 к. въ день. Затѣмъ легко п нять, отчего въ фабричныхъ округахъ возлѣ зажиточнаго состо нія и даже значительнаго богатства господствуетъ нерѣдко кра няя нищета со всѣми жалкими послѣдствіями оной“ ¹⁾.

Другой современный авторъ выражается еще рѣшительнѣ „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что промыселъ тканья бумажныхъ и дѣлій принадлежитъ къ самымъ невыгоднымъ... Ткачество можетъ существовать, безъ обѣдненія крестьянъ, только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ земледѣліе доставляетъ достаточныя средства къ содержанію Суздальскій и Юрьевскій уѣзды имѣютъ эти средства. Нельз этого сказать о Шуйскомъ“ ²⁾.

Слабая сторона вышеописанной организаціи наемнаго домаи няго ткачества заключалась въ разобщенности хозяина матеріал и производителя, постоянно дававшей поводъ къ жалобамъ фабри кантовъ на ткачей, и обратно. Эти жалобы весьма характерны дл разсматриваемой эпохи.

Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуютъ домашнихъ ткачей мѣстный авторъ, державшій сторону фабрикантовъ: „Такіе ткачи пришедъ въ фабричную контору, просятъ обыкновенно — „не по жалуете ли основы?“ „не дадите ли основки?“ а иногда и такимъ тономъ, глядя въ потолокъ: „раздаете ли основы-то?“... Миткаль приносимый ими въ контору, всегда бываетъ тяжелѣе и сырѣе фабричнаго. Для того, чтобы сдѣлать его тяжелымъ, они приобѣ гають къ разнымъ хитростямъ; иногда просто напрыскиваютъ ег

¹⁾ А. Заблоцкій. Обзорніе Владимірской губерніи. Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ. 1840 г. Часть XXXVI, стр. 297.

²⁾ Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губерніи. Владимір. Губернск. Вѣд. 1854 г. № 30.

дой и приносятъ въ контору безъ всякаго стыда совершенно открытъ... Улика налицо, а сдѣлать ничего нельзя, потому что деньги всегда за ткачемъ, а не за хозяиномъ... Не давать же деньги впередъ невозможно... Нынѣшніе ткачи не довольствуются ниими злоупотребленіями, они уже прямо продаютъ весь товаръ, вновь и утокъ, безъ остатка, а деньги пропиваютъ. Взять съ нихъ нечего. Такихъ негодяевъ всегда довольно, и отъ нихъ не бережется ни одинъ фабрикантъ. Грустно увѣрять въ упадкъ равенности, но, къ несчастью, это правда“.

Не лучше оказываются и комиссіонеры... „Комиссіонеры часто роматываютъ фабрикантскаго товара на тысячи рублей. Никакое слово не помогаетъ. Грустно видѣть, когда окружной начальникъ отказываетъ въ искѣ фабриканту за 25 р., взятые съ мучика. Грустно видѣть, всѣ эти злоупотребленія, но помочь имъ ничтъ... Замѣчательно, что въ послѣднее время народъ, занимающійся миткалево-ткацкой промышленностью, становится все хуже и хуже“ 1).

По словамъ владимірскаго губернскаго механика Несытова, задача бумажной пряжи ткачамъ и мотальщикамъ въ дома и фабрики усилила противосовѣстные поступки первыхъ—ткачи и мотальщики... утаиваютъ на значительныя суммы матеріалъ... и потребляютъ разныя средства, увеличивающія вѣсь издѣлія“ 2).

Такъ говорили фабриканты и ихъ друзья. Съ другой стороны называлось на тяжелое экономическое положеніе ткачей. Комиссіонеры „понижаютъ цѣну на работу... Съ осени, когда начинается ткачество, они объявляютъ цѣны весьма высокія. Даютъ впередъ деньги крестьянамъ на уплату податей или оброка, отпускаютъ имъ въ домъ разную провизію, разумѣется, съ надбавкой противъ базарныхъ цѣнъ. Послѣ того, какъ крестьяне такимъ образомъ войдутъ въ долгъ, они понижаютъ задѣльную плату“ 3).

Что касается до фабрикантовъ, то о нихъ одинъ современный авторъ говоритъ слѣдующее: „Намъ не разъ приходилось слышать отъ ткачей, что и со стороны фабрикантовъ дѣло нечисто: на-

1) О. Журовъ. Миткалевыя фабриканты. Вѣстникъ Промышленности. 1858 г., т. I.

2) Обзоръ фабрикъ и заводовъ Владимірскаго губерніи. Влад. Губ. Вѣд. 1848 г. № 2.

3) Я. Соловьевъ. Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірскаго губ. Влад. Губ. Вѣд. 1854 г., № 30.

примѣръ, бумажная пряжа при фабрикахъ хранится всегда въ сырыхъ мѣстахъ, изъ которыхъ и раздается сыроватая, вытканная же миткаль, принимаемый, какъ и пряжа, по вѣсу, во всѣхъ хорошо устроенныхъ фабричныхъ конторахъ тщательно просушивается. Обманы, на которые жалуются фабриканты, не могутъ играть важной роли въ промышленномъ отношеніи и дѣлать фабрикантамъ значительный убытокъ... Бывали и такіе случаи, что фабриканты не уплачивали ткачамъ заработанныхъ денегъ и выдавали, вмѣсто денегъ, кульки гнилого ситца. И говорятъ это по преимуществу про болѣе богатыхъ фабрикантовъ, рассчитывающихъ на свои капиталы и вліяніе“¹⁾.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что къ концу 50-хъ годовъ, когда спросъ на ткачей быстро увеличился благодаря оживленію промышленности и рабочихъ рукъ, не стало хватать, система домашняго производства вызвала частыя жалобы фабрикантовъ... „Негодяи“—ткачи, по энергическому выраженію расхваливаемаго защитника фабрикантовъ, осмѣливались пользоваться выгоднымъ положеніемъ рабочаго рынка для увеличенія своей платы. „При развивающейся ситцевой фабрикаціи въ селѣ Ивановѣ,—читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1859 г., № 203).—...„цѣны на рабочія руки поднялись до невѣроятной степени, и въ послѣднее время рѣшительно нѣтъ никакой возможности найти рабочихъ людей за очень хорошую плату, какъ въ селѣ Ивановѣ такъ и въ Вознесенскомъ Посадѣ“.

Но фабриканты знали средство смирить ткачей и возстановить среди нихъ упавшую нравственность. Средство это—вѣрное и безошибочное, которымъ прекрасно умѣли пользоваться фабриканты на Западѣ, заключалось—въ введеніи механическаго ткацкаго станка. Цитированный авторъ, грустившій объ испорченности ткачей, въ концѣ статьи дѣлаетъ успокоительное замѣчаніе. „Одно средство избѣгать всѣхъ этихъ неприяностей—механическія ткацкія заведенія. Дай Богъ, чтобы все было къ лучшему“. Въ другой статьѣ тотъ же авторъ выражаетъ надежду на паденіе ручного ткачества, благодаря введенію ткацкой машины, и торжествующе восклицаетъ: „Тогда этотъ классъ промышленниковъ—ткачей и комиссіонеровъ—естественно будетъ сожалѣть, что своими нечестными и жестоко (sic) вѣроломными поступками накликалъ бѣду, потому что только чрезмѣрная нечестность тка-

¹⁾ Власьевъ. Село Иваново. Вѣстникъ Промышленности 1859 г., т. II.

ей побудила фабрикантовъ обратиться къ механическимъ станкамъ“ 1).

И дѣйствительно, механической ткацкой станокъ уже появлялся на горизонтѣ и грозилъ полнымъ преобразованиемъ ткацкой промышленности. Первая механическая ткацкая фабрика въ Шуѣ была устроена въ 1846 г. 2). Но вначалѣ ткацкая машина привилась у насъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ крайне туго. Въ „Обозрѣніи выставки мануфактурныхъ издѣлій въ 1849 г.“ читаемъ, что „машинное ткачество у насъ еще можно считать предметомъ рѣдкости“ (стр. 26). До конца 50-хъ годовъ ручной трудъ господствовалъ въ бумажномъ ткацествѣ, но машина уже надвигалась и въ скоромъ времени должна была вытѣснить доминирующаго ткача.

Въ суконномъ производствѣ паровые ткацкіе станки были введены на многихъ московскихъ фабрикахъ уже въ началѣ 50-хъ годовъ, 3) но такъ какъ суконное производство въ гораздо большей степени, чѣмъ бумажное, сохраняло все время фабричный характеръ, то введеніе машиннаго производства въ этой области почти не отразилось на положеніи кустарей.

Иной характеръ имѣла эволюція другой отрасли хлопчатобумажной промышленности — ситцепечатанья. Какъ я сказалъ, ситцепечатанье появилось въ Россіи раньше ткачества бумажныхъ матерій, и машина получила господство въ ситцепечатаньѣ раньше, чѣмъ въ ткацкомъ производствѣ.

По словамъ Несытова, исторію ситцепечатнаго производства въ селѣ Ивановѣ можно раздѣлить на 4 періода. Первый періодъ — до 1812 г., когда набойное мастерство только начало развиваться въ Ивановѣ. Второй періодъ — 1812—22 гг. — золотой вѣкъ набойщиковъ, о которомъ я уже говорилъ, когда набойщики безъ труда наживали цѣлыя состоянія и когда производилась самостоятельная набойка. Третій періодъ — 1822—36 гг., — характеризуется огромнымъ увеличеніемъ числа набойщиковъ; въ одномъ Ивановѣ ихъ считалось около 7 тысячъ. Подъ вліяніемъ этого задѣльная плата

1) О. Журовъ. Замѣчаніе на статью „Село Иваново“, Власьева. Вѣстникъ Промышленности. 1859 г., т. IV.

2) Первая прядильно-механическая ткацкая мануфактура въ г. Шуѣ. Владимірскія Губ. Вѣд. 1847 г., № 44.

3) Замѣчанія о нынѣшнемъ состояніи обработки волокнистыхъ веществъ въ Россіи. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1853 г. Часть 4, стр. 15.

ихъ сильно понизилась, но заработокъ набойщиковъ все еще оставался высокимъ, благодаря увеличенію производительности труда набойщика. Производство продолжало оставаться ручнымъ. Въ 1835 г. въ Ивановѣ появились первыя цилиндро-печатныя машины. „Онѣ какъ громомъ поразили набойщиковъ и дали имъ сильно почувствовать, что ихъ самоволіе должно быть ограничено этими бичами ручной набивки“,—замѣчаетъ вѣрный другъ фабрикантовъ, Несытовъ. Машины эти „дали другой тактъ ивановской ситцевой промышленности“.

„Своеволіе“ набойщиковъ прекратилось. Машина ихъ быстро усмирила, скрутила по рукамъ и ногамъ. Четвертый періодъ — 1836—55 гг.—характеризуется постепеннымъ вытѣсненіемъ ручного набойщика машиной. Въ первое десятилѣтіе этого періода число набойщиковъ не уменьшалось, благодаря огромному росту производства, но „прежде они составляли необходимость на фабрикѣ, а теперь являются подчиненными работѣ своей и машинамъ“. Задѣльная плата ихъ и заработокъ сильно понизились, и вмѣсто прежней сотни рублей ассигнаціями (во второмъ десятилѣтіи этого вѣка) набойщикъ сталъ выработать въ мѣсяцъ 10—15 р. сер. при постоянной работѣ. Во второе десятилѣтіе быстро распространились въ Ивановѣ паровыя машины и новыя усовершенствованныя ситцепечатныя машины—пирротины.

„Съ введеніемъ въ употребленіе пирротинъ положеніе набойщиковъ сдѣлалось незавидно“. Каждая пирротина съ помощью 2-хъ человекъ могла набить столько же, сколько набивали 30—50 набойщиковъ. На фабрикѣ Зубкова въ 1840 г. работало круглый годъ до 250 набойщиковъ; въ 1854 г. ихъ только было 50, несмотря на то, что производство значительно расширилось. Во всей Владимірской губерніи въ половинѣ 50-хъ годовъ осталось не болѣе 2000 набойщиковъ. Мѣсячный заработокъ набойщика спустился до 5—12 р. сер. Ручные набойщики удержались только въ такихъ операціяхъ, которыя требовали особаго искусства или почему-либо не могли исполняться машинами, а также на маленькихъ фабрикахъ, для которыхъ машины недоступны. Дѣти набойщиковъ стали изучать другія мастерства, и ручной набивной промыселъ, такъ блестяще развившійся въ началѣ этого вѣка, сталъ приближаться къ исчезновенію ¹⁾.

¹⁾ И. Несытовъ. Колеристы и набойщики Владимірской губерніи. Памятная книжка Владимірской губерніи на 1862 годъ. Также (главнымъ образомъ по Несытову) Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Стр.

Такимъ образомъ нѣкоторые промыслы несомнѣнно падали же въ Николаевскую эпоху подѣ влияніемъ измѣненія условій техники. Но, въ общемъ, эта эпоха можетъ считаться у насъ временемъ развитія кустарной промышленности. На смѣну падающимъ промысламъ появлялись и быстро росли новые. Такъ, на примѣръ, со времени 30-хъ годовъ этого столѣтія въ Шуйскомъ и другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи распространяется очень выгодный промыселъ — овчинно-шубный. „Производство это видимо усиливается и преуспѣваетъ“, — говоритъ мѣстный изслѣдователь Лядовъ, — „въ теченіе 5 лѣтъ овчинно-шубное производство почти удвоилось по суммѣ своего оборота“ ¹⁾. Въ короткое время этотъ промыселъ сдѣлался послѣ бумаготкацкаго самымъ распространеннымъ въ Шуйскомъ уѣздѣ ²⁾. Между овчинниками почти не встрѣчалось бѣдняковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣчалось и крупныхъ капиталистовъ. Въ другихъ промыслахъ, несмотря на сильное развитіе домашней системы и полную зависимость отъ скупщиковъ или торговцевъ-заказчиковъ, положеніе кустарей было, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, блестящимъ. Такъ, на примѣръ, въ Тверской губерніи въ 40—50-хъ годахъ самымъ важнымъ кустарнымъ промысломъ былаковка гвоздей. Промыселъ этотъ былъ организованъ совершенно капиталистически. Гвоздари бывали свои продукты почти исключительно крупнымъ торговцамъ, отъ которыхъ они получали и желѣзо. Номинально гвоздари работали изъ своего желѣза, но фактически матеріалъ принадлежалъ купцамъ, такъ какъ гвоздари не пользовались свободой продажи. Дѣло устраивалось такимъ образомъ: каждый гвоздарь зналъ своего хозяина, которому онъ сбывалъ гвозди; хозяинъ платилъ ему частью деньгами, частью желѣзомъ. Такимъ

204—207. Власевъ приводитъ слѣдующія цифры примѣрной выработки вабойщика:

1812—22 г.	1100—800 р. ассиг. въ годъ.
1822—32 „	800—650 „ „ „ „
1832—42 „	600—450 „ „ „ „
1842—52 „	550—300 „ „ „ „
1852—58 „	500—250 „ „ „ „

Но эти цифры подвержены сомнѣнію. Село Иваново. Вѣтникъ Промышленности. 1859 г., т. II.

¹⁾ Лядовъ. Овчинно-шубное производство въ г. Шуѣ и его уѣздѣ. Влад. Губ. Вѣд. 1860 г., № 12. Также Влад. Губ. Вѣд. 1855 г., № 30.

²⁾ Доброхотовъ. Красносельская волость, Вязниковскаго уѣзда. Влад. Губ. Вѣд. 1866 г., № 10.

же образомъ были организованы и другіе металлическіе промыслы Тверской губерніи ¹⁾).

Гвоздари находились въ полной зависимости отъ желѣзныхъ торговцевъ. „Весь барышъ отъ гвоздей“,—говоритъ современныи изслѣдователь,—„достается купцамъ. Интересно познакомиться съ этими своего рода факторами; они покупаютъ желѣзо въ Нижнемъ, дома раздають его кузнецамъ и у кузнецовъ берутъ гвозди. Вотъ и вся ихъ дѣятельность, которая весьма легка и производится лежа на боку. Кузнецамъ отпускается желѣзо большею частью на домъ съ тѣмъ, чтобы они доставляли гвозди хозяевамъ желѣза, которые сами за нихъ назначаютъ цѣну. Купецъ получаетъ барыша при покупкѣ гвоздей у кузнецовъ процентовъ 12, да при продажѣ имъ желѣза процентовъ 20“ ²⁾.

Точно такъ же о ярославскихъ гвоздаряхъ мы читаемъ слѣдующее сообщеніе въ официальномъ источникѣ: „Промыселъ этотъ находится въ полной зависимости отъ крупныхъ капиталистовъ-купцовъ, которые стѣсняють до послѣдней степени выручку кузнецовъ старей тѣмъ, что назначаютъ произвольно слишкомъ высокія цѣны на желѣзо. Въ особенности въ этомъ отношеніи стѣснены промышленники Ярославскаго уѣзда, принужденные работать на ярославскихъ купцовъ-монополистовъ Пастухова и Чапурина. Такъ, напримѣръ, пудъ лазаревскаго желѣза стоитъ по вольнымъ цѣнамъ 1 р. 70 к., а купцы кладутъ за него при расчетѣ съ кузнецами 2 р. 35 к.“ ³⁾.

Уломскіе гвоздари, которыхъ, по словамъ мѣстнаго изслѣдователя Носырина, насчитывалось въ Череповецкомъ районѣ въ 50-хъ годахъ до 20,000, не имѣли и тѣни самостоятельности и были въ полномъ смыслѣ слова наемными рабочими гвоздарныхъ торговцевъ ⁴⁾.

Судя по всему этому, читатель можетъ подумать, что гвоздарный промыселъ въ этотъ періодъ ужь никакъ не можетъ быть названъ цвѣтущимъ и что положеніе гвоздаря было очень плохо. Однако, по сравненію съ слѣдующимъ (да и съ предыдущимъ) временемъ, положеніе гвоздаря въ Николаевскую эпоху предста-

¹⁾ Обзорніе мануфактурной промышленности Тверской губерніи въ 1850 г. Журналъ Мануфактуръ и Торговли. 1851 г., часть 2-я.

²⁾ Алексѣй Забѣляинъ. Промышленное движеніе въ Твери. Вѣстникъ Промышленности. 1860 г., т. X.

³⁾ Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству М-ва Гос. Им. Выпускъ II, 1859 г., стр. 130.

⁴⁾ Объ этомъ любопытномъ образчикѣ наемной домашней промышленности см. интересную книгу Носырина: „Улома и ея металлическое производство“. Спб. 1858 г.

яется блестящимъ. „Золотымъ вѣкомъ ручного гвоздарнаго производства считаютъ второе, третье, четвертое и пятое десятилѣтїя нынѣшняго вѣка“,—сообщаетъ намъ г. Покровский 1).

Все дѣло въ томъ, что въ Николаевскую эпоху гвоздарный промыселъ быстро возрасталъ [по словамъ Носырина, въ 1820 г. Уломѣ выковывалось 100 тыс. пуд. гвоздей, а въ 1857 г. уже 400 тыс. 2], спросъ на кузнецовъ былъ, слѣдовательно, большой, производство оставалось ручнымъ. Поэтому, какъ ни тяжела была зависимость отъ скупщиковъ и торговцевъ, но все же гвоздю жилось сравнительно недурно. Онъ еще не зналъ своего самого опаснаго конкурента—машины.

Положеніе слесарей Павловскаго района рисуется совершенно въ томъ же видѣ. „Большинство павловскихъ мастеровъ не имѣетъ собственнаго капитала... Главные покупатели суть павловскіе торгавцы, единицы противъ массы мастеровъ; они же торгуютъ матеріаломъ, нужнымъ для изготовленія ножинокъ... Часто, или обыкновенно, мастеръ беретъ матеріалъ въ домъ у торговца, которому обязывается за это доставлять издѣлія за самую низкую цѣну... Крестьянинъ покупаетъ матеріалъ дорого, а продаетъ дешево“. Работающіе по заказамъ жалуются, „что плата ихъ вообще низка, даже непостоянна; за малѣйшую погрѣшность въ вымѣрѣ ножинокъ дѣлаютъ большіе вычеты изъ цѣны“.

Опять-таки, судя по этому описанію, кажется, что павловскимъ слесарямъ приходится совсѣмъ плохо. Но изъ того же источника мы узнаемъ, что „крестьяне, занимающіеся слесарствомъ, живутъ бѣдно, отправляютъ натуральныя повинности исправно и уплачиваютъ подати безнедоимочно. Но положеніе ихъ было бы цвѣтущимъ, если бы они не находились въ совершенной зависимости отъ павловскихъ торговцевъ“ 3).

И павловскіе слесари жили „не бѣдно“ потому, что производство оставалось ручнымъ.

Послѣ всего сказаннаго, насъ не должно удивлять, что мѣстности съ развитой кустарной промышленностью поражали въ Николаевскую эпоху видомъ довольства (разумѣется относительнаго), вѣско выдѣлявшагося на фонѣ общей бѣдности. Цитированный нами выше авторъ, Соловьевъ, указывавшій на зависимость тка-

1) Труды кустарной комиссіи. Выпускъ V, стр. 377.

2) Носыринъ, стр. 23.

3) Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые комиссіями и бригадами уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, 1857 г. Выпускъ I, стр. 64—67.

чей отъ комиссіонеровъ и торговцевъ, замѣчаетъ, что Владимірская губернія, если не самая богатая, то одна изъ самыхъ богатыхъ великорусскихъ губерній. „Назадъ тому года три, послѣ объѣзда Смоленской губерніи,—говоритъ онъ,—я писалъ: „надупотребить много времени, чтобы въ этой, съ перваго взгляда представляющейся общей бѣдности привыкнуть отличать относительную степень богатства“. То же самое я могу сказать о Владимірской губерніи въ противоположномъ смыслѣ. Здѣсь надпривыкнуть, чтобы при общемъ довольствѣ крестьянъ отличить относительную степень бѣдности“. Это „довольство“ Соловьевъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, „что фабричное производство вытѣняетъ, или, лучше сказать, вытѣснило, только два рода прежнихъ промысловъ—тканье полотна и пряденье льна. Тамъ же, гдѣ быводворены другіе промыслы, они остаются нетронутыми и въ настоящее время. Въ самомъ Шуйскомъ уѣздѣ существуютъ другіязанятія, недавно тамъ водворившіяся“, на примѣръ плотничество и овчино-шубничество ¹⁾.

Дѣйствительно, именно этимъ и объясняется развитіе кустарныхъ промысловъ въ Николаевской Россіи—тѣмъ, что съ ними конкурировала фабрика. Въ этомъ заключается характеристическая черта эпохи. Въ это время кустарные промыслы приобрѣли такое значеніе, что, на примѣръ, въ Рязанской губерніи „быть государственныхъ крестьянъ и домашнее благосостояніе ихъ въ малоземельныхъ округахъ видимо лучше, нежели въ многоземельныхъ. Избы у первыхъ въ большомъ порядкѣ; народъ населяющій бойчѣе, дѣятельнѣе, щеголеватѣе, что объясняется тѣмъ, что въ первыхъ округахъ сильнѣе развита промышленность“ ²⁾.

Развитіемъ крестьянскихъ промысловъ, несомнѣнно, объяснялся и замѣчавшійся въ Тверской губ. ростъ народнаго благосостоянія въ Николаевскую эпоху. „Въ періодъ времени между 1820—50 гг. матеріальное благосостояніе Тверской губерніи упало, а скорѣй возвысилось, что сказывалось въ увеличеніи населенія, особенно городского, въ расширеніи торговыхъ оборотовъ въ улучшеніи внѣшней обстановки быта населенія, особенно жителей городовъ и ближайшихъ къ нимъ селеній“ ³⁾.

¹⁾ Соловьевъ. Обзоръ хозяйства Владимірской губ. Влад. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 30 и 31.

²⁾ Промышленность государственныхъ крестьянъ Рязанской губ. Журналъ М-ва Госуд. Имущ. 1847 г. Часть 25.

³⁾ В. Покровский. Историко статистическое описаніе Тверской губ. Стр. 160.

ГЛАВА VIII.

Отношеніе общества и литературы къ фабрику.

Протекціонисты и фритредеры Александровской эпохи. — Книга Мордвилова. — „Духъ журналовъ“. — Восхваленіе преимуществъ земледѣлія передъ фабричною промышленностью. — Распространеніе фритредерскихъ взглядовъ въ обществѣ. — Отношенія къ фабрику славянофиловъ. — Ихъ симпатія къ кустарному производству. — Книга Гакстаузена. — Идеализація русскаго промышленнаго строя. — Невѣрное представленіе о строѣ кустарныхъ промысловъ. — Сочувствіе крѣпостному праву и посессионной фабрику. — Своеобразный сенъ-симоизмъ. — Взгляды на фабрику западни-
 ковъ. — Отношеніе къ фабрику гр. Канкринна, и вообще Николаевской бюрократіи. — Фабричная идиллія 40-хъ годовъ. — Различіе между теорети-
 ческими взглядами и практическимъ отношеніемъ власти къ фабрикан-
 тамъ въ Николаевскую эпоху.

Первые годы царствованія Александра I были временемъ уси- 1 48
 ленія вліянія дворянскаго класса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оживленія 57
 либеральнаго движенія въ нашемъ обществѣ. Общественное мнѣніе 54
 въ это время представлялось почти исключительно болѣе образо- 2 51
 ванной частью дворянства, и вполнѣ естественно, что, при аграр- 2 57
 номъ характерѣ большей части нашего дворянства, общественное 53
 мнѣніе было мало расположено къ такимъ мѣропріятіямъ въ пользу 3 53
 фабрикантовъ, которыя существенно затрогивали интересы земле- 59
 владѣльческаго класса. Тарифная политика послѣднихъ лѣтъ цар- 2 52
 ствованія Екатерины и ея преемника привела къ сильному вздоро- 2 53
 жанію мануфактурныхъ издѣлій, привозившихся изъ за-границы. 1 51
 Неудивительно, что новая либеральная эпоха, сопровождавшаяся 2 52
 усиленіемъ политическаго вліянія дворянства, немедленно вырази- 1 53
 лась въ оппозиціи покровительственной политикѣ предыдущаго 5 53
 царствованія.

Если мы будемъ просматривать оффиціальныи органъ мини- 1 54

52 1 стерства внутреннихъ дѣлъ начала этого вѣка. „С.-Петербургскій
 46 1 Журналъ“, то насъ поразить, какъ много мѣста отводится въ
 50 2 этомъ журналѣ проповѣди ученія Смита. Оффиціальныя авторы
 50 1 какъ мнѣ уже случалось упоминать, называютъ Смита „великимъ
 52 2 человекѣмъ“, признають, что Смитомъ „постигнута великая истина“
 45 1 „Обязанность правительства“,—читаемъ въ томъ же органѣ.
 51 „весьма легка. Оно не должно дѣйствовать, ему надлежитъ только
 55 1 не вредить, ему должно только покровительствовать естественной
 52 3 свободѣ промышленности... Пусть оставитъ правительство всѣ си-
 50 3 стемы запрещенія и одобренія; пусть не связываетъ оно промыш-
 51 1 ленности постановленіями своими и не думаетъ усилить ее на-
 гражденіемъ“ 1).

51 Въ своемъ „Отчетѣ“ за 1803 г., министръ внутреннихъ дѣлъ
 52 1 графъ Кочубей, слѣдующимъ образомъ формулировалъ задачи пра-
 50 2 вительства въ области промышленной политики: „Оставлятъ въ
 57 1 свободѣ частную промышленность; имѣть, сколь можно, достовѣр-
 51 1 ные о успѣхахъ ея свѣдѣнія; доставлять ей въ случаяхъ необхо-
 52 1 димыхъ нужныя пособія; особливо удалять отъ нея всякое стѣс-
 50 2 неніе: въ семъ состоятъ общія правила управленія сей частью...
 56 4 Россію природа и всѣ обстоятельства призываютъ предпочтительно
 51 1 къ земледѣлію... Пространство земли, несоразмѣрное числу жите-
 57 4 лей... запрещаетъ намъ думать о предпочтительномъ благопріят-
 47 2 ствѣ фабрикамъ надъ другими отраслями труда народнаго“ 2).

45 2 Первымъ шагомъ Александра I была отмѣна указовъ Павла,
 51 2 запрещавшихъ привозъ въ Россію большей части заграничныхъ
 50 1 издѣлій. Я не буду останавливаться на тарифной политикѣ Але-
 50 1 ксандра: какъ извѣстно, несмотря на свои фритредерскія симпатіи.
 50 1 Александръ, примкнувъ къ континентальной системѣ, былъ вы-
 50 1 нужденъ въ 1811 г. издать строго запретительный тарифъ. Та-
 51 1 рифъ этотъ былъ изданъ на одинъ годъ, но дѣйствіе его ежегодно
 46 1 возобновлялось въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ вплоть до 1816 г.
 52 1 Дѣло въ томъ, что фабриканты энергично отстаивали сохраненіе
 52 2 этого тарифа и домогались даже запрещенія привоза тѣхъ ино-
 51 1 странныхъ товаровъ, которые были обложены высокой пошлиной.
 47 2 Цѣлый рядъ петицій, поданныхъ въ это время и исходившихъ не
 50 1 только отъ купечества, но и отъ титулованныхъ дворянъ-фабри-

1) Санктпетербургскій Журналъ 1804 г. — августъ. Изложеніе ученія Адама Смита, стр. 133—136.

2) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 г. Спб. 1804 г., стр. 61.

итовъ, доказываетъ, что фабриканты отнюдь не относились пассивно къ начинаніямъ правительства и умѣли постоять за свои интересы ¹⁾. Въ самомъ правительствѣ Александра были двѣ партии. Министръ финансовъ Гурьевъ былъ противникомъ тарифа 11 г. Въ 1813 г. онъ выработалъ проектъ новаго тарифа, умѣнно-покровительственнаго. Въ представленіи государственному вѣту по этому поводу онъ высчитывалъ, какіе огромные убытки суть русскіе потребители и казна благодаря существующему тарифу, непомерно повышающему цѣны всѣхъ мануфактурныхъ дѣлій. „Запретительная система“,—заявлялъ Гурьевъ,—„оказываетъ вредъ и внутреннему производству, отнимая у промышленниковъ всякое побужденіе къ соревнованію и къ усовершенствованію издѣлій и возбуждая промышленную спекуляцію“ ²⁾.

Напротивъ, государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, который, повидимому, самъ былъ крупнымъ фабрикантомъ ³⁾, а также министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ были сторонниками запретительной системы. Румянцевъ представилъ императору записку нѣкоторыхъ фабрикантовъ, въ которой заявлялось: „Буде справедливо, что оныя запрещенные товары къ привозу позволятся, въ нынѣшнее несчастливое время разоренія отъ непріятеля набежомъ и огнемъ, отъ разрѣшенія товаровъ послѣдуетъ заводкамъ вторичное разореніе... Послѣдніе остатки нашихъ сорвищъ—серебро и золото изъ государства вытасать и остаться съ однѣми бумагами—за какія же вещи?—не за жизненные, а единственно за тряпки ничего незначащія!“ Румянцевъ полнѣ присоединился къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ этой запискѣ.

Козодавлевъ еще энергичнѣе высказался противъ всякаго обещанія привоза въ Россію иностранныхъ фабрикатовъ. По поводу проекта Гурьева онъ подалъ крайне рѣзкую записку императору. „По неперемѣняющемуся моему образу мыслей“,—писалъ онъ, „и по откровенности моей не могу я не признаться, что я

1) Объ этихъ петиціяхъ см. „Сборникъ свѣд. и матер. по вѣдомству министерства финансовъ“ 1865 г. Т. III. Ходагайтства московскихъ и другихъ русскихъ фабрикантовъ между 1811 и 1816 г.

2) Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа, стр. 172—174

3) Говорю „повидимому“ потому, что хотя фамиліи Румянцевыхъ неомынно принадлежали обширныя и разнообразныя фабрики въ Черниговской губерніи, я не могъ удостовѣриться, былъ ли собственникомъ ихъ государственный канцлеръ.

иного проекта новому тарифу и не ожидалъ, какъ клонящаго къ пользѣ иностранныхъ и къ потрясенію нашихъ фабрикъ, съ вомъ, основаннаго на внушеніяхъ чужеземныхъ торговцевъ... Мы тафизическія разсужденія нѣкоторыхъ экономистовъ и новыхъ политиковъ, ополчившихся противъ системы, принятой Англіей въ цѣли прещенія привозить иностранныя издѣлія, встрѣтилъ я и въ проектѣ новаго тарифа... Проектъ... полагаетъ обратить Россію въ хлѣбопашество, забывая, что и хлѣбопашество безъ фабрикъ процвѣтать не можетъ, и что народъ, занимающійся единственно земледѣліемъ, навсегда остается въ нищетѣ и невѣжествѣ... Если бы этотъ тарифъ могъ состояться, то Россія въ отношеніи къ фабрикамъ и промышленности возвратится назадъ къ тому состоянію изъ коего извлекла ее рука Петра Великаго... Фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданныхъ нашихъ разорятся и придутъ въ нищету; употребленные на разныя заведенія капиталы, выданные изъ казны ссуды и всѣ благотворныя мѣры наши обратятся въ ничто... Фабриканты солдатскаго сукна (Da liegt der Hund begraben! Эти фабриканты были почти исключительно дворяне, и многіе изъ нихъ принадлежали къ высшей аристократіи. Въ числѣ крупныхъ суконныхъ фабрикантовъ мы встрѣчаемъ имена князей Барятинскаго, Юсупова, Шаховскаго, Хованскаго, Урусова, Вяземскаго, Лобанова-Ростовскаго, графовъ Разумовскаго, Безбородко, Салтыкова и многихъ другихъ титулованныхъ особъ (М. Т.-Б.) обратятъ тогда капиталы свои на другіе промыслы, особливо же на винныя откупы и заводы, которые одни теперь у насъ токмо и покровительствуются всячески средними властями, когда же иностранцы увидятъ, что наши фабрики рушены, тогда обложатъ свои издѣлія цѣною по своему произволу, и мы будемъ совершенно въ ихъ рукахъ“¹⁾).

Такимъ образомъ среди самого правительства не было согласія по вопросу о тарифной политикѣ. Второе десятилѣтіе этого вѣка было любопытной эпохой въ исторіи нашего общественнаго развитія по спорамъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, которые чрезвычайно занимали общественное мнѣніе. Такъ какъ огромное большинство образованнаго общества въ это время такъ или иначе примыкало къ земледѣльческому классу, то вполне понятно, что протекціонисты, или, точнѣе, сторонники запретитель-

¹⁾ К. Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Прил., стр. 46—48.

ри системы, не могли пользоваться общественнымъ сочувствіемъ, число брошюръ, написанныхъ въ защиту дѣйствующаго тарифа, очень невелико сравнительно съ брошюрами и статьями въ пользу свободной торговли. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ протекціонистовъ былъ знаменитый либераль и государственный вѣстель Александровской эпохи, Мордвиновъ.

Въ 1815 г. онъ выпустилъ книгу „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи“. Книга эта выдержала 3 изданія и является, безъ сомнѣнія, выдающимся произведеніемъ для своего времени.

Въ началѣ книги Мордвиновъ указываетъ на жалобы публики на дороговизну многихъ товаровъ. „Угнетаясь дороговизною цѣнъ сукна и другія къ одѣянію и прочимъ удобствамъ нужныя издѣлія, многіе ропщутъ на сдѣланное правительствомъ воспрещеніе вывоза товаровъ сихъ въ Россію. Россія, по мнѣнію этихъ лицъ, должна быть земледѣльческою державой“.

Противъ этого мнѣнія Мордвиновъ выставляетъ совершенно иное положеніе, что земледѣльческая страна можетъ прокормить лишь ограниченное число жителей. Для того, чтобы населеніе могло размножаться, необходимо, чтобы трудъ находилъ себѣ приложеніе въ новыхъ занятіяхъ и промыслахъ. „Введеніе разнообразныхъ ремеселъ и искусствъ есть одинъ изъ благонадежныхъ способовъ къ умноженію общественнаго продовольствія и роскодному доставленію работъ и упражненій для каждаго пола, возраста“. Кромѣ того, прибавляетъ Мордвиновъ, для развитія сего земледѣлія необходимо распространеніе фабричнаго производства.

„Недостатокъ фабрикъ въ Россіи есть, можетъ быть, главная причина, что земледѣліе въ оной получило самое малѣйшее усовершенствованіе; да и можетъ ли оно быть совершенно, когда въ еще у поселянина порядочныхъ ни орудій, ни сбруи, ни прочихъ принадлежностей хозяйства?“.

Развитіе неземледѣльческихъ промысловъ, указываетъ далѣе авторъ, особенно важно для Россіи потому, что, благодаря климатическимъ условіямъ, нашъ крестьянинъ полгода долженъ оставаться безъ работы.

„Относительно приспособленія производства рукодѣлій къ жилью крестьянскому навѣрное предположить можно, что, чѣмъ дальше гаться сія могла бы получить усовершенствованіе, тѣмъ многозна-

чительнѣе открылась бы выработка внутри имперіи разныхъ фабричныхъ издѣлій“.

„Земледѣлецъ безъ ремесленника есть производитель грубый, неуспѣшный, обремененный игомъ трудовъ, по несовершенству орудій своихъ... Въ Англіи земледѣліе оттого въ цвѣтущемъ состояніи, что тамъ фабрики и ремесла въ совершенствѣ... Безъ ремесла и руководѣлій коснѣетъ и само просвѣщеніе, и слабы въ связи общежитія“.

Распространеніе фабрикъ, заимствуетъ Мордвиновъ, создастъ рынокъ для произведеній сельскаго хозяйства, которыя теперь находятъ сбыта: поэтому и землевладѣльцы заинтересованы въ ростѣ промышленности. Кромѣ того, земледѣліе выиграло бы оттого, что капиталы, наживаемые промышленниками, употребались бы частью и на сельское хозяйство.

„Въ цвѣтущемъ состояніи города нуженъ и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и фабрикантъ, и заводчикъ, и купецъ, но сравнимъ пользу, приносимую земледѣльцу каждымъ изъ послѣднихъ состояній, должно признать, что фабрикантъ и заводчикъ полезнѣе гораздо купца“.

„Народъ, имѣющій токмо земледѣльцевъ и купцовъ... коснѣетъ въ бѣдности и всякихъ недостаткахъ, и, что важнѣе всего, не можетъ быть народомъ свободнымъ, ибо зависитъ отъ другихъ дѣлавать, по удовлетворенію первѣйшимъ его нуждамъ; не пользуется политической свободой, нужною всякому народу, желающему быти властелиномъ и независимымъ на своей землѣ... Словомъ, таковъ народъ не можетъ быть ни просвѣщенъ, ни богатъ 1)“.

Тѣмъ не менѣе, Мордвиновъ вовсе не безусловный противникъ свободной торговли. Онъ соглашается съ желательностью такои свободы, но лишь съ однимъ условіемъ—чтобы „всѣ народы, участвующіе во внѣшней торговлѣ, единогласно между собою условились, уничтожить всѣ вообще воспретительныя по торговлѣ узаконенія“.

Въ томъ же году, какъ и книга Мордвинова, вышла брошюра

1) Мордвиновъ. Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи. Спб. 1815. Стр. 8, 22, 24, 36 и др. Кромѣ этихъ аргументовъ, Мордвиновъ выставляетъ въ защиту запретительной системы и соображенія иного рода, а именно вліяніе благоприятнаго платежнаго баланса на курсъ ассигнацій. Какъ извѣстно, однимъ изъ важныхъ поводовъ къ переходу русскаго правительства къ запретительной системѣ была забота о повышеніи курса бумажныхъ денегъ.

Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры“ (Москва, 1815 г). Въ предисловіи авторъ указываетъ на „повсемѣстное нынѣ преніе о пользѣ мануфактуръ“, при чемъ изъ послѣдующаго видно, что преніе“ это было, преимущественно, словеснаго характера и не выходило до печати.

„Большая часть публики“, — говоритъ авторъ, — „полагаетъ... то происшедшая съ недавняго времени на всѣ иноземныя произведенія дороговизна даетъ ей право гласно жаловаться“.

„Всѣ почти того мнѣнія, что должно бы непременно паки дозволить привозъ всѣхъ иностранныхъ издѣлій, потому что они сдѣлались слишкомъ дороги (стр. 8); что государство, имѣющее много земли и по соразмѣрности съ нею мало жителей, можетъ съ лучшимъ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ, нежели мануфактурами и ремеслами; что привозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій должно бы позволить и потому еще, дабы сохранить соревнованіе въ внутренней промышленности“ (стр. 8).

„Главное основаніе, на коемъ всѣ прочія мнѣнія утверждаются... есть то, что страна, которая не довольно населена въ отношеніи къ занимаемому ею пространству, должна единственно благопріятствовать земледѣлію, а не фабрикамъ и заводамъ, и еще еще тѣмъ изъ нихъ, коихъ первый матеріалъ не домашняго произведенія“ (стр. 11).

Авторъ замѣчаетъ далѣе, что всего болѣе неудовольствія вызываетъ непоумѣрное вздорожаніе сукна, благодаря чему суконные фабриканты стали очень непопулярны въ публикѣ. Недовольство публики на тарифъ 1811 г. напоминаетъ то „всеобщее негодованіе, съ какимъ былъ встрѣченъ указъ 1793 г.,“ запрещавшій привозъ въ Россію стеклянныхъ вещей, кожи, шляпъ, каретъ, мебели и пр. Противъ этихъ нападокъ на запретительную систему авторъ выражаетъ, что причина дороговизны заключается не въ тарифѣ, а въ „злосчастномъ періодѣ 1812 г., въ которомъ разрушены великія и прекрасныя произведенія“; разрѣшеніе ввоза иностранныхъ издѣлій, по мнѣнію автора, только увеличило бы дороговизну, благодаря паденію курса ассигнацій подъ вліяніемъ неблагопріятнаго платежнаго баланса.

„Государство никогда не можетъ быть счастливо, какъ въ то время, когда оно само собою придетъ въ состояніе почти совершенно удовлетворять своимъ потребностямъ“ (стр. 80).

Нападки на тарифъ 1811 г. приписываются авторомъ „моднымъ

возраженіямъ молодыхъ людей, начитавшихся Монтескье, Ад. Шмидта (sic) и пр., утверждающихъ: „въ Россіи не должны и не могутъ быть заводимы фабрики уже потому, что у насъ нѣтъ особеннаго для нихъ класса гражданъ, т. е. фабрикантовъ“. Противъ этого соображенія авторъ справедливо замѣчаетъ, что классъ фабрикантовъ образуется тогда, когда будетъ имѣться достаточнѣе фабрикъ.

Эти двѣ книжки являются важнѣйшими произведеніями русскихъ протекціонистовъ той эпохи ¹⁾. Оба автора признаютъ, что общество относится крайне враждебно къ запретительной системѣ и указываютъ причину этой враждебности—вздорожаніе иностранныхъ товаровъ, особенно сукна (надо сказать, что русскіе дворяне той эпохи любили щеголять въ костюмахъ англійскаго сукна). Оба они отмѣчаютъ и повсемѣстный интересъ къ тарифному вопросу. Безъ сомнѣнія, энергичное общественное движеніе въ пользу тарифной реформы, начавшееся послѣ отечественной войны, свидѣтельствовало объ оживленіи нашей общественной жизни вообще. Почему же это движеніе направилось противъ запретительной системы? Сторонники идеалистическаго пониманія исторіи объяснили бы это влияніемъ западно-европейскихъ идей: идея Ад. Смита, съ которыми познакомилось въ это время русское общество, заразили передовые умы нашего общества, и они, увлеченные модной доктриной, стали требовать приложенія ея и къ Россіи. Какъ мы видѣли, именно этимъ объясняетъ фритредерскіе увлеченія тогдашняго общества авторъ „Отвѣта русскаго гражданина“; но нетрудно понять классовую подкладку этихъ увлеченій. Дворянство, остававшееся въ массѣ аграрнымъ классомъ

¹⁾ „Краткое разсужденіе о торговлѣ“ Василевскаго, Спб. 1808 г., гораздо слабѣе двухъ вышеназванныхъ книгъ. Оно написано въ совершенно меркантилистическомъ духѣ. Въ немъ доказывается польза выгоднаго денежнаго баланса (приливъ денегъ въ страну), для чего и предлагается запрещеніе ввоза иностранныхъ предметовъ роскоши и обложеніе высокой пошлиной предметовъ необходимости. Для улучшенія ручейки авторъ предлагаетъ организовать надзоръ цеховъ за работами мастеровъ, наказывать дурныхъ мастеровъ, ввести бракъ и для фабричныхъ товаровъ и т. д. Запретительная система защищается и въ „Разсужденіи о тарифѣ“ (Спб. 1816 г.). Авторъ особенно настаиваетъ на влияніи благопріятнаго торговаго баланса на курсъ ассигнацій. Противъ распространенаго въ то время взгляда, что фабрики отнимаютъ рабочіи руки отъ земледѣлія, онъ указываетъ на тотъ фактъ, что огромное большинство фабричныхъ рабочихъ въ Россіи отнюдь не порываетъ связи съ земледѣліемъ и лѣтомъ возвращается въ деревню.

привыкшее пользоваться многими иностранными издѣліями, не могло сочувствовать запретительной системѣ, выгода отъ которой оставалась не ему, а невыгода ложилась всей своей тяжестью на потребителя—дворянина. Въ качествѣ аграрной партіи, дворянство, въ лицѣ своихъ болѣе образованныхъ представителей, съ влеченіемъ восприняло фритредерскія идеи западноевропейскихъ экономистовъ.

Литература фритредерскаго направленія того времени была неравномерно богаче и разнообразнѣе протекціонистской. Самымъ выдающимся писателемъ фритредерскаго направленія былъ Шторхъ, вѣстный экономистъ и преподаватель политической экономіи великимъ князьямъ — Константину и Николаю Павловичамъ. Шторхъ подробно доказывалъ въ своемъ курсѣ политической экономіи, вышедшемъ на французскомъ языкѣ, преимущества земледѣлія передъ фабричною промышленностью. Онъ предупреждалъ противъ всякаго ускоренія промышленнаго развитія страны путемъ тарифной политики. Промышленный строй вообще не пользовался его симпатіями, и по этому вопросу, несмотря на весь свой консерватизмъ, Шторхъ высказывалъ даже радикальныя мысли. „Въ исторіи наблюдается“—говоритъ Шторхъ,—„замѣчательное явленіе: прогрессъ общества по отношенію къ росту населенія, промышленности и просвѣщенію достигается всегда на счетъ здоровья, ловкости и понятливости массы народа“¹⁾.

Несочувствіе къ фабричной промышленности отразилось и на некоторыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ на тему, заданную Вольноэкономическимъ Обществомъ въ 1812 г.—о средствахъ отдѣленія помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ. По поводу этой темы одинъ авторъ, фонъ-Бекъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1814 г., рѣзко высказался противъ мысли о преимуществахъ обрабатывающей промышленности передъ земледѣліемъ. „Пусть въ другихъ странахъ“,—заявляетъ авторъ,—„которыя дѣйствительно или мнимо страдаютъ отъ избытка народонаселенія, запираютъ хилыя поколѣнія на фабрикахъ или отсылаютъ ихъ въ колоніи... пусть тамъ прядутъ изъ ваты, хлопка, шелка и даже льна такія тонкія нити, что онѣ получаютъ извѣстную цѣнность лишь пройдя черезъ сотни рабочихъ рукъ; въ Россіи ея здоровый народъ еще можетъ безпрепятственно бороздить мать сырую землю.

¹⁾ Henri Storch. Cours d'Economie Politique. Paris. 1823, III, 241.

чтобы добывать изъ нея нужные для свѣта продукты, оставаясь здоровымъ душевно и тѣлесно“ 1).

Такимъ же несочувствіемъ къ фабрикамъ проникнута и сама выдающаяся работа, написанная на тему Вольно - Экономическаго Общества, принадлежащая, по предположенію г. Семевскаго перу профессора Якоба. По мнѣнію Якоба, Россія — страна не промышленная, и нечего стремиться ускорять развитіе въ ней фабричной промышленности. Ничто не можетъ быть печальнѣе положенія фабричнаго рабочаго, приученнаго къ какой-либо прѣстѣйшей операціи, и вдругъ лишшающагося заработка, вслѣдствіе закрытія фабрики. Только такіе заводы, которые непосредственно связаны съ земледѣліемъ или вообще съ обладаніемъ землей, необходимы для Россіи 2).

Органомъ фритредеровъ былъ интересный еженедѣльный журналъ „Духъ Журналовъ“, издававшійся съ 1815 г. до 1820 г. Журналъ этотъ велъ въ теченіе всего времени своего существованія энергичную кампанію противъ запретительной системы, имѣвшую огромный успѣхъ въ публикѣ. Въ журналѣ помѣщались переводы изъ сочиненій Сея, Бентама, Сисмонди и др. современныхъ западно-европейскихъ писателей. Но главный интересъ его заключался въ оригинальныхъ статьяхъ по экономическимъ вопросамъ, написанныхъ очень живо и горячо.

Особенно много статей въ защиту свободной торговли мы находимъ въ „Духѣ Журналовъ“ за 1816 г.; въ началѣ этого года въ публикѣ распространился слухъ о намѣреніяхъ правительства приступить къ реформѣ тарифа. Вышедшая въ предыдущемъ году книга Мордвинова дала благодарный матеріалъ для полемики. Въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала мы находимъ интересную статью: „Разсмотрѣніе книги: „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи“. Книга Мордвинова подверглась рѣзкой критикѣ. Причина, почему у насъ мало фабрикъ, говорится въ этой статьѣ, заключается не въ недостаткѣ покровительства, а въ недостаткѣ капиталовъ. „Капиталы, капиталы, капиталы — вотъ тѣ волшебныя силы, которыя и самую дикую пустыню превращаютъ въ рай... Одинъ судоходный каналъ, соединяющій хлѣбородную губернію съ безхлѣбной, обогатитъ первую гораздо на-

1) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, I, стр. 335.

2) Тамъ же, стр. 338.

нѣе, нежели двадцать промышленныхъ мануфактуръ“ („Духъ журналовъ“, 1816 г., часть I, стр. 28).

Отсталость нашего земледѣлія зависить не отъ недостатка брикъ, а отъ недостатка капиталовъ.

„Если мы будемъ обрабатывать заграничные сырые продукты платя дорого за худой товаръ, народъ будетъ бѣднѣть годъ въ году; милліоны обнищаютъ для обогащенія нѣсколькихъ фабрикантовъ“ (стр. 41). Контрабанда усилится, и курсъ упадетъ.

„Что крестьяне не оставляютъ домовъ и не идутъ работать фабрики, за это должно благодарить Бога: отъ этого нравы праняются въ чистотѣ, разврата меньше, дѣтей больше, а рела тѣ же у нихъ въ избахъ, только не такъ видны, какъ въ ромныхъ фабрикахъ“ (стр. 26) ¹⁾.

Въ слѣдующей книжкѣ журнала помѣщенъ отвѣтъ и на другую шюру лагеря протекціонистовъ, „Отвѣтъ русскаго гражданина Г. Д.“. Эта статья „Сравненіе поселеннаго о пользѣ фабрикъ и родовъ съ пользою земледѣлія въ Россіи“ особенно ярко проводитъ ту мысль, что Россія—страна земледѣльческая и въ фабрикахъ не нуждается.

„Хлѣбопашество, скотоводство и овцеводство—вотъ наши промыслы! Они единственно могутъ доставить намъ изобиліе“ (стр. 5).

„Изобиліе процвѣтаетъ всегда въ такомъ государствѣ, гдѣ земледѣліе въ чести“ (стр. 7).

„Домашнія мелкія фабрики всегда существовать будутъ, какъ и одежды дому, такъ и для продажи излишества; но на нарядахъ фабрикахъ, скопляющихъ людей въ одно мѣсто, работникамъ не пахать земли, не косить сѣна, не насаждаетъ, не очищать рощи“ (стр. 16).

„Пусть двѣсти фабрикантовъ ошибутся въ своихъ монополическихъ расчетахъ; отъ этого не омрачится солнце, освѣщающее Россію, а милліоны будутъ благословлять царя“ (стр. 17).

Въ одной изъ позднѣйшихъ книжекъ журнала помѣщена об-

¹⁾ Противъ соображеній Мордвинова о средствахъ повысить курсъ, авторъ статьи выставляетъ цѣлую программу улучшенія денежнаго обращенія (прекращеніе новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, увеличеніе государственныхъ доходовъ, погашеніе государственнаго долга и т. д.). Авторъ отрицаетъ, что открытіе доступа иностраннымъ издѣліямъ повлечетъ къ увеличенію закупокъ этихъ товаровъ, такъ какъ будетъ куплено только то, на что имѣется спросъ и размѣръ закупокъ не можетъ не быть ограниченъ имѣющимися покупательными средствами.

ширная статья „Выгоды свободной торговли“, въ которой авторъ говорить о всеобщемъ сочувствіи публики къ полемическимъ статьямъ въ защиту свободной торговли, и массѣ благодарственныхъ писемъ, получаемыхъ издателями журнала за эти статьи. По мнѣнію редакціи, журналу удалось на-голову разбить столбиковъ запретительной системы, въ томъ числѣ и крупнѣйшій изъ нихъ, Мордвинова. Редакція прибавляетъ, что журналъ за эти статьи удостоился даже „благоволенія высочайшей особы“, которая соизволила объявить намъ, что желаетъ числиться между читателями сего журнала“.

Авторъ статьи „Выгоды свободной торговли“ дѣлаетъ расчетъ, сколько теряетъ Россія благодаря запретительной системѣ и приходитъ въ выводъ, что потери на одномъ тонкомъ сукнѣ достигаютъ въ годъ 35 мил. руб. (ассигн.). „Какая страшная потеря (замѣчаетъ авторъ), и для чего?— Единственно для общаго суконныхъ нашихъ фабрикантовъ“ (стр. 108).

Въ другой статьѣ, посвященной той же темѣ, „О мануфактурахъ въ Россіи“, мы читаемъ слѣдующую любопытную характеристику мужика и фабричнаго.

„Зайди въ избу мужика: тепло, обуто, одѣто, хотя и въ грязь. Посмотрите же на фабричнаго: блѣдно, бѣдно, босо, и холодно и голодно... Можетъ ли такой человѣкъ быть счастливымъ и сохранить ли нравственность? И поневолѣ предается разврату и злодѣянію... Кто изъ стариковъ московскихъ не помнитъ, у Каменнаго Моста (тамъ была крупная суконная фабрика, основанная еще при Петрѣ) ни днемъ, ни ночью прохода не было. Екатерина, истребя гнѣздо сіе, истребила и злодѣяніе“ (стр. 21).

Эта агитація противъ запретительной системы, которая, вторяю, велась необыкновенно энергично, съ большимъ полемическимъ жаромъ и успѣла заинтересовать даже высшія правительственныя сферы, достигла цѣли. Вторая мартовская книжка „Душъ Журналовъ“ оканчивается слѣдующимъ заявленіемъ редакціи: „Теперь можно прекратить всѣ споры о мануфактурахъ и тарифахъ. Правое дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены! „Душъ Журналовъ“, не вотще подвизался. Да здравствуетъ мудрое, благоудѣтельное правительство!“

31 марта 1816 г. былъ изданъ новый тарифъ, въ которомъ хотя также сохранились запретительныя статьи, но цѣлый рядъ важныхъ товаровъ (бумажныя, шерстяныя ткани средней доброты, сукна, большая часть шелковыхъ тканей и пр.), которые ранѣе

и запрещены къ привозу, теперь были допущены со сравнительно очень умѣренной пошлиной отъ 15—35% цѣнности.

Обыкновенно либеральную тарифную политику Александра списываютъ международнымъ отношеніямъ Россіи и обязательно, принятымъ ею на себя на вѣнскомъ конгрессѣ¹⁾. Но истинность этой эпохи доказываетъ, что въ русскомъ образномъ обществѣ въ это время возникло весьма энергичное претерское движеніе, основу котораго составляло недовольство дворянскаго класса—дворянства—дороговизной туземныхъ товаровъ. Безъ сомнѣнія, это движеніе, имѣвшее корни всею въ условіяхъ русской экономической жизни, сыграло видную роль въ перемѣнѣ тарифной политики правительства Александра.

Изданіе новаго тарифа могло, конечно, только поощрить въ „Журналовъ“ въ его агитаціи въ пользу свободной торговли. Въ одной изъ апрѣльскихъ книжекъ журнала за 1816 г. идетъ оцѣнка ожидаемаго вліянія новаго тарифа. По мнѣнію автора, „тѣ фабрики, которыя возникли во время запретительной системы, рушатся непремѣнно“. „Многіе спекулянты, или, говоря прямымъ русскимъ словомъ, грабители, на равнинахъ крестьянскаго благосостоянія создавшіе огромныя свои надежды богатства на счетъ бѣдности народной, падутъ въ прахъ, изъ чего имъ и выходить никогда бы не должно было... Народъ отшатеть отъ тягостей и лишеній, которыя принужденъ былъ терпѣть столь долгое время“.

Изъ всей этой фритредерской агитаціи явственно вырисовываются черты нѣкоторой весьма любопытной теоріи хозяйственнаго строя Россіи. Протекціонисты признавали необходимость въ Россіи фабрикъ; противники ихъ утверждали, что Россія страна земледѣльская и что фабрики намъ не нужны. Но значить ли это, что русскій крестьянинъ ничѣмъ не долженъ заниматься въ наше время, свободное отъ полевыхъ занятій? Отнюдь нѣтъ, начали наши фритредеры.

„Не заведенія фабричныхъ громадъ въ Россіи желать должно, стараться, сколько возможно, самихъ земледѣльцевъ въ свободное время упражнять полезными рукодѣліями“ („Духъ Журналовъ“, 19-я 1816 г., стр. 81).

Иными словами, не фабричный рабочій, а крестьянинъ-земле-

¹⁾ См., напр., Лодыженскій, стр. 178 и слѣд.

дѣлецъ и кустарь—вотъ чѣмъ долженъ быть въ Россіи промышленный производитель, по представленію Фритредеровъ той эпохи.

Мнѣніе о нежелательности фабричной организаціи промышленности и предпочтительности мелкаго производства, соединяющаго земледѣліе съ обрабатывающею промышленностью, нашло себѣ полное выраженіе въ любопытной статьѣ „Сравненіе состоянія мастеровыхъ на фабрикахъ съ состояніемъ земледѣльца“ („Ду. Журналовъ“, 1818 г., часть 3-я). Приведу обширныя выписки изъ этой статьи.

Авторъ сравниваетъ фабричнаго и земледѣльца и отдаетъ послѣднему предпочтеніе.

„Мастеровой принужденъ довольствоваться платою, которую даетъ фабрикантъ и которая бываетъ обыкновенно самая малая, особливо тамъ, гдѣ мастеровыхъ слишкомъ много. Въ Англіи плата сія столь мала, что если бы мастеровой не получалъ сверхъ оной отъ своего прихода вспоможенія, въ видѣ милостыни, то ему пришлось бы умереть съ голоду“.

„Главнѣйшее преимущество земледѣльца передъ ремесленникомъ есть то, что первый несравненно вѣрнѣе обезпеченъ пропитаніемъ своимъ, нежели послѣдній... Даже сукно, колеса, обувь у него свое собственное и своего издѣлія; а ремесленникъ все сіе долженъ купить... Земледѣлецъ работаетъ не взаперти какъ мастеровой на фабрикѣ, но всегда на чистомъ воздухѣ. Житіе нашихъ мужиковъ есть самое беззаботное и счастливое. Самый здоровый и веселый народъ есть земледѣльческій. Фабричные по большей части бываютъ хворы, чахоточны, калѣки, скоро пухнуть и преждевременно укорачиваютъ вѣкъ... Работы земледѣльца бываютъ весьма многоразличны и требуютъ большаго внимательности, осторожности и много ума... Никакой народъ не бываетъ смысленнѣе земледѣльческаго. (Сіе объясняетъ то, что всѣ иностранцы не могутъ довольно надивиться въ русскомъ народѣ, а именно, что русскій мужикъ имѣетъ такой природный умъ... Пусть русскій крестьянинъ сдѣлается батракомъ, какъ иностранецъ; куда дѣнется тогда его умъ!) Напротивъ, мастеровой на фабрикѣ цѣлый вѣкъ занимается одною какой-нибудь частицею фабричнаго производства... Раздѣленіе работъ много способствуетъ усовершенствованію издѣлій... но оно дѣлаетъ мастерового машиною; тутъ ему не о чемъ разсуждать, нечего соображать... У него тупѣетъ, человѣческая природа въ немъ унижается“.

Не менѣ любопытна психологическая характеристика крестьянина и фабричнаго, которую мы встрѣчаемъ въ той же статьѣ.

„Земледѣлецъ зарылъ въ землю зерно, но прозябанія его и плодотворенія ожидаетъ свыше... Земледѣльческій народъ есть умный набожный, а также и самый миролюбивый, крѣпкій и благоравный. Онъ вмѣстѣ и самый покорный царю... Онъ привязанъ къ родимой землѣ своей, которая его возростила... Мастеровой чего не ожидаетъ отъ Бога, а всего отъ машины; и ежели бы Господь не насылалъ на него болѣзней, то онъ едва ли бы когда вспомнилъ о Богѣ. Сообщество нѣсколькихъ сотъ или тысячъ мастеровыхъ, живущихъ и работающихъ всегда вмѣстѣ, не имѣющихъ никакой собственности, питаетъ въ нихъ духъ буйства и мтежа. Частые мятежи въ англійскихъ мануфактурныхъ городахъ служатъ тому доказательствомъ“.

Характеристика любопытнаго направленія Александровской школы, выразителемъ котораго являлся „Духъ Журналовъ“, была неполна, если бы мы не коснулись отношенія этого органа къ крѣпостному праву. Несмотря на свои симпатіи не только къ свободѣ торговли, но даже и къ политической свободѣ ¹⁾, „Духъ Журналовъ“ горячо защищалъ крѣпостное право. Въ цѣломъ рядѣ статей журналъ доказывалъ, что положеніе русскаго крѣпостного мужика несравненно лучше, чѣмъ нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго. Сохраненіе крѣпостного права, устанавливающаго семейную связь“ мужика съ помѣщикомъ, признавалось журна-

¹⁾ Въ 1-й книжкѣ журнала за 1819 г. помѣщена статья „Духъ времени“, въ которой очень краснорѣчиво доказывается, что духъ времени требуетъ владычества законовъ, „коренныхъ, неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей, и для подвластныхъ, при которыхъ самовластіе имѣть мѣста не можетъ“; но „уложеніе на бумагѣ есть только мертвая буква... Чтобы оно было всегда въ силѣ, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытіе и учредить при немъ блюстителей. Многочисленными опытами доказано, что всякое сословіе, подъ вліяніемъ правительства состоящее, не можетъ быть надежнымъ охранителемъ государственнаго уложенія. Природные блюстители онаго суть—народные представители. Они суть вѣрные охранители его неприкосновенности... безъ нихъ никакой новый законъ не можетъ быть изданъ, никакой налогъ наложенъ, никакое важное предпріятіе предпринято... черезъ нихъ народъ имѣетъ свой голосъ, который есть тогда по истинѣ гласъ Божій; при нихъ личность и ответственность каждаго останутся неприкосновенными; при нихъ никакое злоупотребленіе власти не укроется... все дѣлается гласно и предъ очами всѣхъ... Вотъ чего требуетъ духъ времени! Чего желаютъ народы!“

ломъ желательнымъ прежде всего въ интересахъ самого крестьянина, какъ гарантія отъ обезземеливанія. Русскій крѣпостной мужикъ имѣетъ свой клочекъ земли и пользуется заботами помещика; по мнѣнію журнала, онъ долженъ ежечасно благодарить Создателя за сохраненіе крѣпостного права. „Англичанинъ едва можетъ пропитать свою душу, ѣвши въ полсыта печеный картофельъ, а русскій въ сытость и ѣсть, и пить, и веселится иногда (какъ мило это „иногда“!) У насъ нѣтъ изящныхъ, чудныхъ рыбокѣлій, но почти нѣтъ нищихъ; народъ живетъ въ довольствіи вообще, а не частно“¹⁾.

Совпаденіе защиты свободной торговли и крѣпостного права отнюдь не было случайнымъ явленіемъ. И то, и другое вызывалось одной причиной: реальными классовыми интересами. Земельное дворянство, не имѣвшее фабрикъ, должно было относиться враждебно къ запретительной системѣ; отсюда вытекала и не благопріятная оцѣнка фабричной системы вообще, и прославленіе выгодъ земледѣлія, противопоставленіе благополучія нашего мужика-крѣпостного безземельному пролетарію Западной Европы. Съ другой стороны, тотъ же интересъ дворянина-помѣщика побуждалъ послѣдняго отстаивать крѣпостное право, на которомъ основывалось его хозяйство—то самое земледѣліе, которое признавалось въ теоріи удѣломъ Россіи.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ вполне понятныхъ экономическихъ интересовъ складывалась своеобразная общественная теорія, въ которой симпатіи къ западно-европейскимъ идеямъ (Смитъ и его школа, а затѣмъ Сисмонди были главными авторитетами „Духа Журналовъ“) соединялись съ неменьшей преданностью традиционнымъ національнымъ устоямъ, какъ крѣпостное право и натуральное хозяйство. Единственный родъ фабрикъ, который пользовался неизмѣннымъ сочувствіемъ „Духа Журналовъ“—это небольшія помещичьи фабрики, обрабатывавшія руками крѣпостныхъ продук-

1) „Духъ Журналовъ“ 1820 г. Книжка 6. Рецензія на книгу: „Опытъ теоріи налоговъ“. Прославленіе крѣпостного права выражено особенно ярко въ статьяхъ „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными“ („Д. Ж.“ 1817 г., книжка 49) и „О рабствѣ въ иностранныхъ европейскихъ государствахъ“ („Д. Ж.“ 1818 г., книжка 12). Въ первой статьѣ доказывалось, что всего лучше живется въ Россіи крѣпостнымъ барщиннымъ крестьянамъ, затѣмъ оброчнымъ, а казеннымъ и удѣльнымъ хуже, чѣмъ помещичьимъ, и указывается на опасность обезземеливанія крестьянъ. Во второй статьѣ благополучіе русскихъ крестьянъ противопоставляется бѣдствіямъ нѣмецкихъ.

бственнаго хозяйства помѣщика ¹⁾): Что касается до крупныхъ капиталистическихъ фабрикъ, то крѣпостники „Духа Журналовъ“ юмили ихъ съ большою энергіей при помощи аргументовъ, заставленныхъ у западно-европейскихъ критиковъ капиталистическаго строя. Въ „Духѣ Журналовъ“ нерѣдко помѣщались статьи, въ которыхъ описывалось тяжелое состояніе западно-европейскаго рабочаго, особенно англійскаго. Англія была постояннымъ предметомъ нападеній „Духа Журналовъ“. И экономическое, и культурное положеніе этой страны рисовалось самыми мрачными красками. По поводу волненій англійскихъ рабочихъ въ 1819 г. въ журналѣ была помѣщена обширная статья, въ которой доказывалось, что единственная причина этихъ волненій—бѣдность рабочихъ, вызываемая фабриками и конкуренціей машины съ ручнымъ трудомъ. Сисмонди пользовался особеннымъ сочувствіемъ редакціи, помѣстившей переводъ нѣкоторыхъ главъ его „Nouveaux Principes“ ²⁾.

Такимъ образомъ, по условіямъ русской жизни, фритредеры, которые на Западѣ были идеологами капитализма и буржуазіи, у насъ, напротивъ, явились идеологами земельного дворянства и защитниками крѣпостнаго права ³⁾. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. И въ Америкѣ, въ эпоху междуусобной войны,

¹⁾ „Духъ Журналовъ“ 1817 г., книжка 18. „Главныя правила для управленія большой вотчиной“. Въ этой статьѣ совѣтуется „мужиковъ своихъ, даже и самыхъ богатыхъ, не пускать въ оброкъ“, а занимать ихъ всѣхъ въ собственномъ хозяйствѣ, для чего устраивать небольшія фабрики.

²⁾ Свободная торговля защищалась и многими другими авторами той эпохи, напр., К. Арнольдъ: „Мнѣнія о системѣ тарифа въ Россіи“. (Спб. 1816 г.); Никол. Тургеневымъ: „Опытъ теории налоговъ“. (Спб. 1819 г.). Спиткинъ, авторъ магистерской диссертациі „Разсужденіе, долженъ ли быть позволенъ привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ?“ (Москва, 1818 г.), высказывается за средній путь; какъ истый мужъ науки, онъ беретъ себѣ девизомъ—*aurea mediocritas* и заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы избѣгать крайностей. Магистерскія диссертациі того времени напоминаютъ въ этомъ отношеніи современныя.

³⁾ Разумѣется, не всѣ фритредеры были крѣпостниками. Шторхъ, и нѣмъ болѣе Николай Тургеневъ, были энергичными противниками крѣпостнаго права, хотя и защищали свободную торговлю. Но они и не выражали собой крупнаго течения русской общественной жизни, каковое, несомнѣнно, выражалъ „Духъ Журналовъ“, предпринявшій такую энергичную и успѣшную агитацію въ пользу отмѣны запретительной системы.

рабовладѣльческой югъ былъ твердыней свободы торговли. Но и сторонники запретительной системы, защитники фабрикъ, какъ, напр., Мордвиновъ, точно такъ же относились къ крѣпостному праву довольно примирительно. Дѣло въ томъ, что въ это время какъ земельное, такъ и промышленное дворянство одинаково было заинтересовано въ сохраненіи этого соціального института. Очень многія дворянскія фабрики основывались на крѣпостномъ трудѣ, но если даже работа производилась въ нихъ и по вольному найму, то оброчная система всегда давала помѣщику возможность выгодно утилизировать своихъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., какъ извѣстно, главнымъ основаніемъ богатства графовъ Шереметевыхъ были оброчные крестьяне такихъ промышленныхъ селъ, какъ Иваново, Павлово, Ворсма и др. Понятно, что такіе помѣщики отнюдь не были расположены отказываться отъ своихъ правъ на „крѣщеную собственность“, быстро возрастающую въ своей цѣнности (Шереметевы крайне неохотно отпускали своихъ крѣпостныхъ на волю, хотя среди этихъ крѣпостныхъ были миллионеры, какъ напр., многіе фабриканты села Иванова; Шереметевы поступали такъ же, какъ поступаютъ англійскіе и американскіе капиталисты удерживающіе въ своихъ рукахъ городскія земли, сколько бы за нихъ ни предлагали—цѣнность крѣпостного фабриканта, подобно цѣнности городского земельного участка, обладала поразительной способностью самовозрастанія).

По этой причинѣ, какъ противники, такъ и защитники фабрики изъ дворянской среды одинаково дружелюбно относились къ крѣпостному праву, основѣ своего хозяйственного благополучія.

Фритредерская агитація, какъ извѣстно, увѣнчалась кратковременнымъ успѣхомъ: во исполненіе конвенціи Россіи съ Пруссіей и Австріей по регулированію торговли царства Польскаго, въ 1819 г. былъ изданъ знаменитый либеральный тарифъ, устранявшій совершенно запретительныя статьи и сильно понизившій пошлины на привозные товары. Не буду останавливаться надъ дѣйствіемъ этого тарифа на нашу промышленность; онъ продержался очень недолго, такъ какъ фабриканты, особенно суконные, которыхъ этотъ тарифъ очень чувствительно ударилъ по карману, сумѣли быстро добиться его отмены, и уже въ 1822 г. Россія вернулась къ прежней запретительной системѣ (по тарифу 1822 г. были запрещены къ привозу приблизительно тѣ же статьи, что и по тарифу 1816 г.). Этотъ результатъ насъ отнюдь не долженъ

удивлять, такъ какъ фабриканты, хотя и составляли ничтожное меньшинство, тѣмъ не менѣе были крупной общественной силой. Какъ я говорилъ, среди нихъ было немало, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи; самые богатые помѣщики (напомнимъ хотя бы графа Шереметева), имѣвшіе обширныя владѣнія въ великорусскихъ губерніяхъ, были непосредственно заинтересованы въ развитіи фабричной промышленности, такъ какъ ихъ собственные оброчные крестьяне получали свой доходъ отъ фабрикъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что русскія фабрики, выросшія подъ покровомъ запретительной системы, не могли выдержать конкуренціи англійскихъ фабрикатовъ, ввозъ которыхъ послѣ введенія въ дѣйствіе тарифа 1819 г. увеличился въ нѣсколько разъ; а такъ какъ съ поддержаніемъ этихъ фабрикъ были связаны могущественные интересы, то не удивительно, что общественное мнѣніе, представлявшее интересы земельного и служащаго дворянства, оказалось совершенно не въ силахъ отстоять тарифъ 1819 г., который промелькнулъ въ исторіи нашей торговопромышленной политики безъ всякаго слѣда. Фабриканты были несравненно сильнѣе заинтересованы въ сохраненіи своихъ фабрикъ, чѣмъ землевладѣльцы въ пониженіи цѣнъ фабрикатовъ, и потому фабриканты должны были побѣдить.

Вторая четверть этого вѣка, какъ извѣстно, была отмѣчена быстрымъ ростомъ нашей промышленности, въ особенности хлопчатобумажной. Центральный Московскій районъ въ эту эпоху сдѣлался огромнымъ промышленнымъ округомъ, поставлявшимъ мануфактурныя издѣлія для остальной части Россіи, сохранившей земледѣльческій характеръ. Не буду останавливаться на этомъ пунктѣ и ограничусь слѣдующей цитатой изъ извѣстной книги Аксакова. „Никакая правительственная мѣра въ Россіи не произвела такого переворота въ быту промышленномъ, какъ знаменитый тарифъ 1822 г. Московская, Владимірская, Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактурный округъ; цѣлое народонаселеніе получило иное, фабричное направленіе; сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе, сотни фабрикъ выбрасывали ежедневно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украина и Новороссійскій край представлялись готовымъ, обширнымъ рынкомъ“ 1).

1) И. Аксаковъ. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Спб. 1858 г., стр. 13.

По словамъ Гакстгаузена, въ 40-хъ годахъ „Москва стала центромъ фабричной дѣятельности и изъ дворянскаго города превратилась въ фабричный городъ. Значительная часть дворянства превратилась въ фабричныхъ предпринимателей... Если спрашиваете теперь,—кому принадлежитъ этотъ дворецъ?, то получите въ отвѣтъ: „фабриканту такому-то“, или „купцу такому-то“, а раньше „князю А. или Б.“ (Studien über die inneren Zustände Russlands, I, XIII, 60).

Неудивительно, что господствующее въ Александровскую эпоху мнѣніе, что Россія—страна земледѣльческая, должно было смѣниться инымъ представленіемъ о Россіи. Промышленные интересы приобрѣли болѣе важное значеніе, чѣмъ прежде. Въ эту эпоху у насъ появились крупныя капиталисты-промышленники, вышедшіе, по большей части, изъ среды кустарей. Въ дворянскихъ имѣніяхъ (особенно въ 30—40-хъ годахъ) также усиленно заводились фабрики. Измѣненіе экономическаго строя не замедлило отразиться и на идеологіи эпохи.

Я говорилъ выше, что для Николаевской эпохи особенно характерно разложеніе старинной фабрики и превращеніе ея въ фабричную контору (что не мѣшало абсолютному возрастанію числа фабрикъ). Подъ вліяніемъ этого, идеологія эпохи, признавая пользу развитія промышленности, преимущественно имѣла въ виду мелкую, сельскую промышленность. Въ это время окончательно сложилась въ руководящихъ классахъ нашего общества своеобразная теорія, которая заключаетъ въ зародышевомъ состояніи многія черты народничества нашего времени, осложненныя, правда, другими крѣпостническими элементами. Теорія эта, имѣвшая вполнѣ націоналистическій характеръ, одинаково раздѣлялась какъ официальными сферами, такъ и руководящими органами общественнаго мнѣнія. Въ особенности яркое выраженіе она получила у славянофиловъ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ „Москвитянина“ за 1845 г., когда журналъ этотъ перешелъ въ руки славянофильской группы и редакторомъ былъ И. Кирѣевскій, помѣщена статья „О мануфактурной промышленности Россіи“. Въ этой статьѣ вполнѣ опредѣленно выраженъ взглядъ славянофиловъ на промышленное развитіе Россіи.

Славянофилы отнюдь не отрицаютъ пользы развитія промышленности.

„Мануфактурная промышленность,—говорится въ этой статьѣ,—

имѣть то важное значеніе, что она всегда есть или можетъ служить орудіемъ улучшенія быта низшихъ классовъ народа“ (стр 60).

Но не всякая форма промышленности, по мнѣнію славянофиловъ, одинаково удовлетворяетъ народнымъ интересамъ. Наибольше желательна мелкая сельская (теперь бы мы сказали *кустарная*) промышленность, которая является особенностью Россіи.

„Промышленная дѣятельность у насъ преимущественно развилась не въ городахъ, какъ въ чужихъ краяхъ, но въ селеніяхъ, не истребивъ тутъ между производителями чистоты нравовъ и благодати семейныхъ связей“ (стр. 61).

„Сравнивая сіе положеніе нашей промышленности съ иностраннымъ, гдѣ повсюду интересъ производителя падаетъ жертвой интереса производства, нельзя не пожелать сохранить наши сельскія промышленныя дѣйствія, въ техническомъ отношеніи столь отстающія, но въ нравственномъ столь предпочтительныя предъ иностранными“... (стр. 62).

Вполнѣ естественно, что городъ, городская промышленность и городская жизнь отнюдь не пользуются симпатіей такихъ поклонниковъ патріархальной старины, какъ славянофилы.

„Для промысловъ вовсе не нужна городская жизнь, которая вообще ни въ историческомъ развитіи, ни въ характерѣ края и народа, не свойственна народному русскому быту. Городская жизнь едва-ли есть необходимость для развитія народа... Народъ долженъ остаться въ сельскомъ быту, но въ улучшенномъ, возрастающемъ состояніи, и продолжать заниматься, какъ теперь, въ семейномъ кругу ремеслами, промыслами, торговлей и мануфактурной дѣятельностью, отнюдь не сосредоточивая сихъ дѣйствій, какъ въ чужихъ краяхъ, въ столь часто развратномъ быту городскомъ“ (стр. 63—64).

Итакъ, повидимому, славянофилы относятся враждебно къ фабрикамъ? Не совсѣмъ. Признавая преимущества кустарной промышленности, по тому вліянію, какое сельская жизнь оказываетъ на нравственный складъ народа, славянофилы въ то же время признаютъ необходимость и фабрикъ — въ *городахъ*. Они отнюдь не враждебны капиталистическому способу производства, но лишь съ тѣмъ условіемъ, правда, совершенно невыполнимымъ, чтобы оно сохраняло патріархальный характеръ. Въ городахъ, по мнѣнію автора цитируемой статьи, должны быть сосредоточены крупныя фабрики, выдѣлывающія предметы роскоши; въ селахъ же

должна остаться мелкая крестьянская промышленность, изготовляющая предметы необходимости.

„Предназначеніе городской промышленности даже высокое; городскія заведенія не только должны дать примѣръ общимъ техническимъ улучшеніямъ, но и примѣръ благоустройства и нравственнаго улучшенія рабочаго класса“. „Хозяинъ фабрики есть отецъ семейства, работники фабрики — дѣти его. Изъ сихъ взаимныхъ отношеній истекають взаимныя права и обязанности“ (стр. 69). „Уже теперь въ Москвѣ и окрестностяхъ считается болѣе 20 первостатейныхъ заведеній, которыя въ отношеніяхъ техническомъ и нравственномъ должны бы служить примѣромъ всей промышленной Россіи. Въ нихъ болѣе двухъ тысячъ малолѣтнихъ получаютъ религіозное воспитаніе, и на семь примѣровъ мы можемъ убѣдиться, что промышленность Россіи можетъ и должна быть не только способомъ народнаго обогащенія, но и способомъ распространенія порядка, благоустройства, хорошихъ обычаевъ и нравственнаго воспитанія“ (стр. 70).

Въ виду всего этого авторъ энергично высказывается въ пользу тарифа 1822 г.

Такимъ образомъ по славянофильской теоріи и кустарная промышленность, и фабрика могутъ существовать рядомъ; но фабрика должна оказывать морализующее вліяніе на рабочаго — и лишь въ этомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія. Кустарное производство является наиболѣе желательной формой промышленности. Отношеніе фабриканта къ рабочимъ опредѣляется очень простой формулой: фабрикантъ—отецъ, рабочіе—его дѣти. Просто и ясно!

Въ цитированной статьѣ мало говорится собственно о фабрикахъ и фабричномъ рабочемъ. Дополненіемъ къ ней можетъ служить ранѣ помѣщенная въ томъ же „Москвитянинѣ“ статья П. Веретенникова „О фабричныхъ мастеровыхъ“ („Москвитянинъ“ 1841 г., часть V).

Авторъ начинаетъ съ противопоставленія русскаго фабричнаго рабочаго западно-европейскому. На Западѣ, особенно въ Англии, „рабочій народъ находится въ крайней бѣдности“. Что же касается до нашихъ рабочихъ, то „нѣтъ причины предполагать, чтобы они когда-либо доведены были до той степени бѣдности, которая существуетъ между ними въ Англии и иногда во Франціи. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, стоитъ только обратить вниманіе на то, что собственно фабричныхъ людей, т. е. не имѣющихъ другихъ способовъ пропитанія, въ Рос-

ин почти нѣтъ. У насъ фабричными работами занимаются крестьяне, имѣющіе землю для пашни и сѣнокосовъ... Фабрики у насъ способствуютъ только благосостоянію народному, доставляя средства трудомъ пріобрѣтать деньги для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ. Работники изъ большихъ семействъ идутъ въ свободное время на фабрики, гдѣ получаютъ за трудъ хорошую плату. Удинокіе, устроивъ хозяйство, берутъ отъ фабрикантовъ основы у домамъ и зимніе мѣсяцы не остаются праздными... Наши фабричные мастеровые ведутъ себя не только удовлетворительно, но даже хорошо“ (стр. 213—214). „Кому не случилось слышать, прощая мимо фабрикъ, какими веселыми пѣснями сопровождается работа нашихъ фабричныхъ. Можно ли гдѣ-нибудь, кромѣ святой Руси, имѣть рабочему средства, кромѣ лучшаго хлѣба и каши речневой, употребить въ день два фунта говядины? (!!!)“

Въ концѣ статьи авторъ еще съ удареніемъ повторяетъ свой тезисъ: „положеніе фабричныхъ у насъ въ Россіи несравненно лучше, нежели въ Англіи и Франціи“ лучше потому, что у насъ фабричный рабочій не прерываетъ связь съ земледѣліемъ и лѣтомъ опять превращается въ мужика.

Таково было отношеніе славянофиловъ къ фабрикамъ. Несмотря на предпочтеніе сельской промышленности, они не рѣшались отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ такому продукту „гнилого Запада“, какъ наша фабрика. Покровительственная система и тарифъ 1822 г. всегда защищался „Москвитяниномъ“. Отношеніе этого журнала къ нашему купечеству вообще было благосклонное. Торговый капиталъ, дѣйствительно, былъ такимъ стариннымъ явленіемъ русской жизни, купецъ былъ такой характерной фигурой Московской Руси, что защитники старины не могли не чувствовать къ нему нѣкоторой симпатіи. Въ этомъ смыслѣ характерна статейка Кокорева „Кулакъ и барышникъ“ („Москвитянинъ“, 1848 г., часть 5). Даже кулакъ представлялся Кокореву очень симпатичной фигурой, съ истинно русскими чертами ума и характера.

„Русскій человекъ несправедливо заклеилъ кулака его не очень лестнымъ прозвищемъ, несправедливо потому, что не отдавать должной чести труду и деньгамъ... Кулакъ—комиссіонеръ, сводчикъ и довольно горемычный... Истинный кулакъ согласится скорѣе претерпѣть, чѣмъ пуститься на плутни (стр. 3, 5, 9)“.

„Все есть у кулака“,—по мнѣнію Кокорева,—и умъ, и знаніе дѣла и добросовѣстность, и предприимчивость: одного ему не хватаетъ—капитала: на счетъ кармана маленько того“...

Такимъ образомъ, славянофилы, признавая предпочтительность кустарной промышленности передъ крупными фабриками, въ то же время крайне идеализировали эту самую фабрику и нашъ старинный капиталистическій классъ купечества и мелкихъ торговцевъ.

И это вполне понятно. Въ Москвѣ, которая въ это время ужъ превратилась въ центръ фабричной промышленности Россіи, нельзя было придерживаться архаическаго представленія Александровскаго эпохи о Россіи, какъ странѣ исключительно земледѣльческой. Промышленные и купеческіе интересы были слишкомъ сильны въ этомъ городѣ, и потому коренные москвичи, идеализировавшіе нашъ національный хозяйственный строй, не могли относиться совершенно отрицательно къ фабрикѣ. Мужичекъ, работающій нехитрыя издѣлія у себя въ избѣ, былъ гораздо ближе ихъ сердцу чѣмъ буйный фабричный рабочій; но вѣдь кромѣ фабричнаго рабочаго есть еще и фабрикантъ, сохранившій въ николаевскую эпоху всѣ черты „истинно-русскаго“ человѣка. Къ этимъ фабрикантамъ славянофилы чувствовали инстинктивную симпатію, потому къ фабрикѣ они относились безъ того категорическаго осужденія, которое отличало защитниковъ интересовъ земельнаго дворянства въ александровскую эпоху.

Весьма любопытно, что Пушкинъ въ 30-хъ годахъ все еще придерживался взглядовъ „Духа журналовъ“. Вотъ напр. что онъ пишетъ въ своихъ извѣстныхъ „Мысляхъ на дорогѣ“ (1833 г.). „Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: вселенныя станутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, сколько мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣлается о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г. Смита или объ иголкахъ г. Джаксона. Кажется, нѣтъ въ мірѣ несчастіе англійскаго работника: но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячь пять или шесть народу и лишашей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію. У насъ нѣтъ ничего подобнаго... Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступкѣ и рѣчи? О его смѣтливости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна, проворство и ловкость удивительны... Въ Россіи нѣтъ человѣка котораго бы не имѣлъ собственнаго жилища. Нищій, уходя съ

ться по міру оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ
аяхъ... Судьба крестьянина улучшается со дня на день“¹⁾.

„Библиотека для Чтенія“, едва ли не самый распространенный
журналъ николаевской эпохи, такъ же, какъ и славянофилы, энер-
чно защищала покровительственную систему и признавала не-
ходимость развитія фабричной промышленности въ Россіи, но
нѣтъ съ тѣмъ, подобно „Москвитяину“, отдавала предпочтеніе
старному производству передъ фабрикой. Въ этомъ журналѣ
нѣтъ помѣщенъ переводъ извѣстнаго сочиненія гр. Канкринна
экономія человѣческихъ обществъ“, о которомъ я буду говорить
же. Русскій мужикъ и его хозяйственное положеніе идеализи-
вались „Библиотекой для Чтенія“ не менѣе, чѣмъ „Москвитя-
номъ“. Объ этомъ читатель можетъ судить по слѣдующему об-
звцу:

„Ничто не препятствуетъ русскому мужику наслаждаться сча-
ливымъ бытомъ и довольствомъ въ жизни. Онъ имѣетъ участокъ
земли, который воздѣлывали его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ и кото-
рый онъ почитаетъ своей родиной... Нашему мужику не достаетъ
только нѣкоторой воздержанности отъ горячихъ напитковъ, стро-
гой нравственности въ семейномъ быту, ясныхъ понятій о своемъ
долгѣ и искусствѣ; иначе онъ былъ бы Крезомъ передъ иностран-
ными крестьянами и блаженнѣйшимъ созданьемъ въ земледѣльче-
скомъ мірѣ (!!!). Народный обычай равнаго раздѣла земель между
двѣми поселянами, жителями одного вѣдомства, есть признакъ на-
стоящаго доброжелательства и братскаго союза, которымъ можно
гордиться, и который носить на себѣ превосходный отпечатокъ
глубокаго христіанскаго чувства“²⁾.

Остановимся теперь на одной замѣчательной книгѣ, которая
играла очень крупную роль въ исторіи нашей общественной
жизни. Я говорю объ извѣстномъ сочиненіи прусскаго санов-
ника Гакстгаузена „Studien über die innern Zustände Russlands“
(Hannover, 1847). Гакстгаузенъ, человѣкъ очень образованный и
трудолюбивый, извѣздилъ въ теченіе года всю Россію, при чемъ пользо-
вался во время своего путешествія особой предупредительностью
властей, давшей ему возможность увидѣть много такого, что
было недоступно обыкновенному путешественнику. Неудивительно,
что книга его была явленіемъ, совершенно выдающимся въ скудной

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. 1882 г. Т. V. Стр. 222—23.

²⁾ „Библиотека для Чтенія“ 1837 г. Книга 6. Д. Издательство Свободно-
аемномъ трудѣ. Стр. 33, 34.

экономической литературы николаевской эпохи. Книга Гакстгаузена удостоилась одобрения императора Николая, была напечатана на счет суммъ, отпущенныхъ русскимъ правительствомъ... и въ то же время оказала огромное влияніе на выработку того радикально-романтическаго направленія нашей общественной мысли, которому суждено было играть столь широкую роль въ нашей исторіи. Извѣстно, какъ сильно содѣйствовалъ Гакстгаузенъ идеализаціи русской земельной общины. Герценъ познакомился съ нѣмецкимъ путешественникомъ еще въ Москвѣ, и его поразили „многіе взгляды Гакстгаузена на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще“¹⁾. Книга Гакстгаузена разочаровала Герцена, но тѣмъ не менѣе взгляды прусскаго барона на общину, артель и многія другія особенности хозяйственнаго строя Россіи были восприняты Герценомъ и вообще той школой общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, въ которой Герценъ и Чернышевскій являются самыми яркими именами.

Подобно славянофиламъ, Гакстгаузенъ видитъ главное преимущество Россіи передъ западною Европою въ томъ, что въ Россіи нѣтъ пролетаріата. „Во всѣхъ другихъ странахъ Европы глашатаи соціальной революціи ополчаются противъ богатства и собственности: уничтоженіе права наслѣдства и равномерное распредѣленіе земли—вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ утопія европейскихъ революціонеровъ въ этой странѣ получила въ народной жизни свое полное осуществленіе“ (Studien, I, XII).

Эта фраза рисуетъ намъ всего Гакстгаузена. Западно-европейскій консерваторъ нашель въ Россіи панацею отъ соціальныхъ бѣдъ, угрожавшихъ западной Европѣ. Крѣпостная Россія Николая I оказалась воплощеніемъ мечтаній французскихъ революціонеровъ—и какимъ удивительнымъ воплощеніемъ! Не только не угрожающимъ гибелью порядку, собственности и монархическимъ принципамъ, но, наоборотъ, являющимся самымъ крѣпкимъ оплотомъ реакціонной Европы, страной самой сильной власти и самаго образцоваго порядка.

Такой удивительный строй заслуживаетъ того, чтобы позаботиться объ его сохраненіи. Между тѣмъ введеніе европейскихъ формъ промышленности неминуемо должно повести къ его разрушенію. И Гакстгаузенъ высказывается противъ заимствованія за-

¹⁾ В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. II, 442.

одно-европейской промышленности, являясь такимъ образомъ *le royaliste que le roi* — большимъ націоналистомъ, чѣмъ славяно-илы. Кустарные промыслы Россіи приводятъ его въ восторгъ, въ болѣе, что онъ ошибочно приписывалъ имъ артельное устройство. „Промыслы въ Россіи, — говоритъ онъ, — по большей части принимаютъ общинный характеръ; жители одной общины дѣлаются, напримѣръ, сапожниками, другой — кузнецами, третьей — кожевниками и т. д. Въ этомъ есть большія преимущества. Такъ какъ рускіе живутъ большими семьями, то естественно возникаетъ семейное дѣленіе труда, столь необходимое для промышленности. Члены общины постоянно помогаютъ другъ другу капиталомъ и трудомъ, вообще покупаютъ нужные матеріалы и сообща же продаютъ изготовленные издѣлія. Общины ремесленниковъ посылаютъ свои вары въ городъ и на рынокъ, и повсюду имѣютъ свои собственные лавки. Онѣ не образуютъ замкнутыхъ цеховъ, какъ нѣмецкіе ремесленники, но остаются совершенно свободными въ предѣлахъ всей общины... Въ такихъ общинахъ не существуетъ никакого цехового или иного принужденія. Это — свободныя промышленныя ассоціаціи, напоминающія объ ассоціаціяхъ сенъ-симонистовъ. Такая промышленная организація доставляетъ этимъ общинамъ большія выгоды“ (I, стр. 182).

Въ такихъ радужныхъ краскахъ рисовалась Гакстгаузену наша кустарная промышленность. (Нечего и говорить, что Гакстгаузенъ въ данномъ случаѣ, противъ обыкновенія, сдѣлалъ грубую фактическую ошибку: наши кустари въ николаевскую эпоху, какъ и теперь, не составляли никакихъ ассоціацій и работали совершенно независимо другъ отъ друга). Неудивительно, что къ фабрикѣ онъ относится весьма неблагоприятно.

„Въ Россію ввели западно-европейскія предпринимательскія фабрики въ противоположность національнымъ фабричнымъ ассоціаціямъ; правительство побуждало дворянство къ введенію фабрикъ по заграничному образцу и превращало дворянъ въ фабрикантовъ, вмѣсто того, чтобы поощрять и направлять крестьянъ къ усовершенствованію, внутреннему улучшенію и большому распространенію національныхъ фабричныхъ ассоціацій... Почему было невозможно, при большомъ повиновеніи и естественной уступчивости русскаго простого народа, организовать среди государственныхъ, напримѣръ, крестьянъ хлопчатобумажную фабрикацію? Техниковъ и управляющихъ фабриками все равно приходилось выписывать изъ Англіи или Германіи... Правительство могло бы устроить зданія,

выписать машины... дать работникамъ ткацкіе станы, научить ихъ работѣ при посредствѣ свѣдующихъ руководителей и затѣмъ предоставить все дѣло стариннымъ русскимъ фабричнымъ ассоціаціямъ-общинамъ. Безъ сомнѣнія, первое время требовалось бы постоянное руководство, попеченіе, строгій надзоръ и вынужденное послушаніе, но, при большой податливости русскихъ и ихъ техническихъ способностяхъ, дѣло наладилось бы очень скоро, и эти новыя фабрики скоро слились бы съ уже существующими старинными русскими промыслами... Введеніе фабричной системы въ современной европейской формѣ отнюдь не было необходимо для Россіи (понятно, съ извѣстными исключеніями), и эта система оказала неблагопріятное дѣйствіе на нравственность среднихъ и достаточныхъ классовъ. Если бы вмѣсто этого подняли и правильно поставили естественную, уже существующую и національную промышленность русскихъ фабричныхъ ассоціацій, снабдили ее машинами новѣйшаго изобрѣтенія, то въ важнѣйшихъ отрасляхъ фабричнаго дѣла, тканѣ льна, шерсти, хлопка и шелка, правда не достигли бы производства модныхъ продуктовъ, но съ успѣхомъ добились бы изготовленія предметовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ большей части народа“ (I, 184, 189).

Читатель видитъ, что консервативный прусскій баронъ былъ большимъ утопистомъ. Русскій народъ покоренъ и привыкъ къ повиновенію: вмѣсто того, чтобы ожидать распространенія фабрикъ отъ частныхъ лицъ, не лучше ли устроить изъ государственныхъ крестьянъ артели, въ которыхъ работа будетъ производиться по командамъ и подъ надзоромъ чиновниковъ? Таковъ своеобразный сень-симонизмъ Гактсгаузена! Какого рода „фабричныя ассоціаціи“ мерещатся Гактсгаузену, объ этомъ читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго:

„Современная фабричная система въ Россіи, во всякомъ случаѣ, un fait accompli... Можно было имѣть многое противъ ея введенія, но теперь приходится позаботиться лишь о томъ, чтобы организовать ее на болѣе національныхъ основахъ и хотя бы отчасти превратить ее въ вышеуказанныя національныя фабричныя ассоціаціи. Въ устройствѣ фабрикъ, основанныхъ Петромъ I, какъ напримѣръ, фабрика Яковлевыхъ, сказывается правильная національная мысль. *Петръ основалъ свои фабрики на крѣпостныхъ отношеніяхъ.* Фабрикантъ имѣлъ право пользоваться рабочей силой приписанныхъ къ фабрикѣ людей, но въ то же время онъ обязанъ былъ заботиться о своихъ людяхъ, ихъ пищѣ, одеждѣ и

держаніи. Онъ не имѣлъ права прогонять рабочихъ, когда они или не нужны, но долженъ былъ содержать ихъ до смерти. *Этого управленія слѣдуетъ держаться до тѣхъ поръ, пока сохранится крепостное право.* Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ употребляются не крѣпостные, но вольнонаемные рабочіе. *Если фабрикантовъ обязали организовать рабочихъ по образцу общины, принять надъ ними полное и строгое помѣщичье попеченіе и всѣ соединенныя съ ними обязанности, ...если бы фабрики не имѣли права рассчитывать рабочихъ помимо извѣстныхъ, закономъ установленныхъ причинъ (напримѣръ, не имѣли бы права считать рабочихъ по случаю старости и болѣзни), то можно было бы частью избѣгать многихъ дурныхъ послѣдствій фабричной системы и въ особенности избѣгать развращенія фабричнаго бочаго“ (I, 190).*

Эта цитата вполне разъясняетъ сень-симонизмъ Гакстгаузена. Фабрично-русская форма фабрики, которой онъ такъ сочувствуетъ, не что иное, какъ посессионная фабрика, основанная на принудительномъ трудѣ! Неудивительно, что крѣпостная Россія зывала такое восторженное отношеніе къ себѣ нашего своеобразнаго сень-симониста. Поклонникъ общины и артели оказывается прежде всего поклонникомъ крѣпостного права. Врагъ западно-европейскаго капитализма, онъ предпочитаетъ бездушной нежной связи предпринимателя съ рабочими (cash nexus, по извѣстному выраженію Карлейля) восточно-европейскую власть помещика надъ крѣпостными!

Фабрика не пользовалась сочувствіемъ Гакстгаузена и по другимъ причинѣ. Благодаря фабрикамъ, крѣпостное право, по мнѣнію Гакстгаузена, теряло свой человѣческій характеръ. Дворянскія имѣнія переходили въ руки всякихъ рабчюус, и „старинныя узы взаимной любви и вѣрности, сохранявшіяся изъ рода въ родъ, привавшія человѣческій или, по крайней мѣрѣ, сносный характеръ крепостнымъ отношеніямъ, разрывались. Новые владѣльцы видѣли въ крѣпостныхъ только орудія, машины, доставлявшія имъ деньги“ (I, 117). Благодаря развитію промышленности и распространенію фабричной системы, крѣпостное право превратилось въ Россіи, по троумному выраженію Гакстгаузена, въ сень-симонизмъ наизанку: сень-симонисты требовали, чтобы каждый получалъ по своимъ способностямъ, а владѣлецъ оброчныхъ крестьянъ бралъ съ нихъ по ихъ способностямъ.

Въ прежнее время, говоритъ Гакстгаузенъ, когда Россія была

земледѣльческой страной, крѣпостныя отношенія были „виолѣ естественнымъ и даже, можетъ быть, необходимымъ явленіемъ русской жизни“. Положеніе крѣпостныхъ было сносно, и русская крѣпостная община представляла собой маленькую самоуправляющуюся республику. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россію проникла „западно-европейская культура и промышленность, фабрики и рудники“—все перемѣнилось. Крестьяне стали работать на фабрикахъ — вмѣсто того, чтобы обрабатывать, какъ члены общины свое поле. Крѣпостное право сдѣлалось противоестественнымъ явленіемъ и „становится все очевиднѣе и очевиднѣе, что въ современной формѣ его нельзя удержать, и даже вообще сохранить существованіе этого права. Всякій благоразумный человѣкъ въ Россіи это понимаетъ — но какъ уничтожить или преобразовать крѣпостное право безъ соціальной революціи? Въ этомъ заключается великій вопросъ дня!“ (I, 118).

Вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная промышленность, по мнѣнію Гакстгаузена, затрудняетъ ликвидацію крѣпостного права, ибо, благодаря росту фабрикъ, заработная плата въ Россіи повсемѣстно такъ поднялась, что землевладѣлецъ не можетъ работать наемными рабочими и нуждается въ трудѣ своихъ крѣпостныхъ (I, стр. XIII (Невозможность работать наемными рабочими, по причинѣ дороговизны труда, была обычнымъ аргументомъ крѣпостниковъ)).

Итакъ фабрика затрудняетъ ликвидацію крѣпостного права. Тезисъ довольно неожиданный въ устахъ Гакстгаузена, прекрасный понимавшаго связь юридическихъ и политическихъ формъ съ реальными экономическими отношеніями. Усвоеніе западно-европейской промышленности должно повести къ усвоенію и западно-европейской культуры, какъ заявлялъ самъ Гакстгаузенъ. Какимъ же образомъ фабрика можетъ поддерживать крѣпостное право? Но на слѣдующей же страницѣ нашъ врагъ фабрикъ приводитъ аргументъ, въ прахъ побивающій его тезисъ. „Подъ вліяніемъ чрезвычайно возрастающей промышленности, у низшихъ классовъ (русскаго) народа проявляется сильное стремленіе къ умственному развитію“ (I, стр. XV). А если такъ, то не можетъ быть и вопроса, въ какомъ смыслѣ вліяетъ развитіе промышленности на сохраненіе крѣпостного права. Стремленіе русскаго народа къ просвѣщенію вызываетъ опасенія Гакстгаузена, и онъ увѣщеваетъ правительство при помощи церкви направить стремленіе простонароднаго народа къ образованію по должному руслу.

Нельзя отрицать, что всѣ воззрѣнія Гакстгаузена очень послѣ

двательно и складываются въ стройную систему. Идеализаторъ русской общины ясно понималъ, что проникновеніе западно-европейскихъ хозяйственныхъ формъ и западно-европейскаго просвѣщенія несомѣстимо съ сохраненіемъ любезныхъ ему особенностей русскаго соціальнаго строя и потому даже энергичнѣе славянофилъ отстаивалъ самобытность Россіи и возставалъ противъ ка-кихъ-бы то ни было заимствованій съ запада.

Гакстгаузенъ является наиболѣе яркимъ представителемъ воз-вѣстной, господствовавшихъ въ консервативныхъ кругахъ русскаго общества николаевской Россіи. Большинство нашихъ руководящихъ экономистовъ того времени высказывалось, приблизительно, въ томъ же смыслѣ. Такъ, напримѣръ, профессоръ С.-Петербургскаго университета И. Горловъ точно такъ же признавалъ, что у насъ только раздробленная промышленность существуетъ въ очень обширномъ видѣ и значительно укоренилась въ народѣ... До настоящей мануфактурной системы—factory system, еще далеко, и мы не влагаемъ, чтобы эта система могла составить благоденствіе на-вѣда со своими огромными фабриками, со своимъ народонаселеніемъ Петербургскихъ, со своими законами о бѣдныхъ, съ своимъ богат-вствомъ фабрикантовъ и убожествомъ, невѣжествомъ рабочихъ. За-вѣтники мануфактурной системы видятъ только ея одну блестя-щую сторону, увлекаются примѣромъ Англій, съ ея огромнымъ производствомъ, но они забываютъ, что бѣдность и невѣжество людей, которые работаютъ эти сокровища, подвергаютъ опасности искусственное существованіе той же Англій“¹⁾.

Другой извѣстный экономистъ 40—50-хъ годовъ—Тенгоборскій, членъ государственнаго совѣта и одинъ изъ авторовъ либераль-наго тарифа 1857 г., пишетъ въ своей извѣстной книгѣ: „Etudes sur les forces productives de la Russie“ (Paris, 1852): „Кустарная промышленность приняла національный характеръ, она приспособлена къ нравамъ и обычаямъ нашего народа, способствуетъ патриархальной организаціи нашихъ сельскихъ общинъ—этому основанію нашего общественнаго строя, не отнимаетъ рабочихъ рукъ у земледѣлія, не мѣшаетъ семейной жизни крестьянина, не несетъ за собой крупныхъ неудобствъ и гибельныхъ послѣдствій концен-траціи рабочаго класса въ большихъ городахъ, не вызываетъ образованія пролетаріата—этой язвы современныхъ

¹⁾ И. Горловъ. Обзоръніе экономической статистики Россіи. Спб. 1849 г. стр. 201.

обществъ: эта промышленность прежде всего и больше всего заслуживаетъ сохраненія и особенной поддержки“ (II, стр. 196).

Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1847 годъ (№ 3) помѣщена статья Н. Жеребцова „О двухъ современныхъ экономическихъ вопросахъ“, написанная совершенно въ духѣ Гакстгаузена. Авторъ говоритъ, что на западѣ пролетаріатъ—язва государства; на западѣ передовые люди мечтаютъ устроить хозяйство по системѣ „общинности“. „Эта идея,—заявляетъ авторъ,—народившаяся въ восторженныхъ головахъ на западѣ Европы какъ отдаленная цѣль, практически существуетъ на востокѣ“. Имѣнію автора, не только крестьянское землевладѣніе, но и въ крестьянская промышленность характеризуется „общинностью“. Повидимому, авторъ (совершенно неправильно) полагаетъ, что въ старое производство имѣетъ артельный характеръ.

Совѣтъ иначе относились къ фабрикамъ западники этой эпохи. „Русскій социализмъ“—община и артель—далеко не вызывалъ въ нихъ въ сороковыхъ годахъ того восторженнаго чувства, какое отличало ношеніе славянофиловъ къ этимъ бытовымъ явленіямъ русской жизни. Западники признавали, „что русская община спасаетъ интересы народа въ настоящую минуту и даетъ ему средство бороться съ несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общиннымъ владѣніемъ они не признавали никакого всесвѣтнаго экономическаго принципа, который былъ бы годенъ для всякаго хозяйства“. Временное значеніе артели и общины западники подтверждали примѣромъ точно такихъ же установленій, являвшихся у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и думали, что съ развитіемъ свободы благосостоянія русскій народъ и самъ покинетъ эту форму труда и общежитія. Убѣжденія эти принадлежали и современной имъ экономической наукѣ, которая, вмѣстѣ съ ними, признавала общинный порядокъ... не болѣе какъ мѣропріятіемъ противъ голода съ стороны нищенствующаго, младенческаго народнаго быта, и не позволяла имъ питать никакихъ надеждъ на пріобрѣтеніе имъ въ будущемъ какого-либо политическаго и экономическаго значенія. Въ такомъ видѣ представлялся западникамъ „русскій социализмъ“¹⁾

Вполнѣ естественно, что и фабричная промышленность представлялась западникамъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ славянофиламъ. Одинъ изъ выдающихся членовъ кружка „идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“—Огаревъ, имѣвшій въ одномъ изъ своихъ имѣніи бумаж-

1) П. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки, отд. III, 128.

ную фабрику, былъ до такой степени увлеченъ мыслью о благодѣтельности фабрикъ для сельскаго населенія, что во всѣхъ своихъ имѣніяхъ хотѣлъ учреждать, „по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ, фабрики, основанныя на вольномъ трудѣ, которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда заработокъ“.

„Какъ я люблю этотъ народъ“,—писалъ Огаревъ одному пріятелю,—„какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ имъ его. Можетъ быть современемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о „комитетѣ поощренія фабрикъ и заводовъ“. Вотъ новые прожекты. Не знаю понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма“ 1).

Либеральные журналы, „Телескопъ“, Московскій Наблюдатель“ (при Бѣлинскомъ), „Отечественныя Записки“, Панаевскій „Современникъ“, мало высказывались по этому вопросу. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1849 г. (т. 65) помѣщено описаніе С.-Петербургской выставки мануфактурныхъ издѣлій, при чемъ восхваляются успѣхи нашей фабричной промышленности и выражается имъ полное сочувствіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ журналѣ появлялись статьи фритредерскаго направленія (напр. въ 1851 г., т. 74, статья „Измѣненія въ торговомъ положеніи Англіи“).

Въ „Современникѣ“ въ 1847 г. мы находимъ превосходныя статьи В. Милютина по поводу книги А. Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ“. Въ этихъ статьяхъ содержится рѣзкая критика ученія Смита съ точки зрѣнія Сисмонди и западно-европейскихъ социалистовъ. Но для насъ статьи эти не представляютъ большого интереса. Въ 1851 г. (книга 5) въ „Современникѣ“ была помѣщена обширная статья П. А. „Историческое значеніе капитала“, въ которой доказывалось на примѣрѣ Англіи культурное значеніе капитала, при чемъ авторъ замѣчаетъ, что „передъ голой истиной распадаются въ прахъ всѣ предположенія, будто бы успѣхи просвѣщенія и богатства доставляютъ выгоды только нѣкоторымъ“. Вообще, ни „Современникъ“, ни „Отечественныя Записки“ не относились враждебно къ развитію фабричной промышленности въ Россіи.

1) П. Анненковъ. Идеалисты тридцатыхъ годовъ. Вѣстникъ Европы. 1883, апрѣль, стр. 512. Въ одной заграничной брошюрѣ. „Крещеная собственность“ (1853 г.), Герценъ говоритъ о вредѣ фабрикъ для народа; но, повидимому, онъ имѣлъ въ виду только фабрики, основанныя на крѣпостномъ трудѣ. См. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, II, 442.

Перейду теперь къ отношенію правительства Николая I къ фабричному вопросу. Лучшимъ источникомъ для ознакомленія со взглядами на фабрику правящихъ сферъ крѣпостной эпохи являются сочиненія министра финансовъ Николая I—Канкринъ.

Наиболѣе характерно въ этомъ отношеніи его главное сочиненіе „Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften“ (Stuttgart 1845 г.), которое было въ извлеченіи переведено въ слѣдующемъ же году въ „Библиотеку для Чтенія“ Сенковского. Приведу нѣкоторыя выдержки изъ этого сочиненія.

„Работникъ въ семейной промышленности“,—пишетъ Канкринъ, „находится, безъ сомнѣнія, въ самомъ счастливомъ положеніи—мастерская фабрикація даетъ обществу всего болѣе опоры. Фабричная же промышленность производитъ наиболѣе, но и поражаетъ величайшую нищету. Когда въ Европѣ существовало почти исключительно мастерское производство... тогда государство имѣло поруку противъ приращенія пролетаріевъ и нищихъ; между трудящимися состояніями господствовало какое-то добронравіе, приличіе, высокое самосознаніе... Но все это измѣнилось съ того времени, когда фабричное производство получило столь многое и распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ. (Трашно посмотрѣть, до чего дошло это въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ фабрикъ у различныхъ народовъ, и еще страшнѣе подумать, до какой степени оно еще можетъ дойти... Здѣсь открывается обширное поле для размышленій: какъ помочь злу, какъ его облегчить? Къ сожалѣнію, бѣдствіе не уменьшаетъ числа пролетаріевъ, ограниченіе фабрикаціи его увеличиваетъ; новые пути сбыта почти невозможны; добровольная денежная помощь не приноситъ большой пользы, и такимъ образомъ всѣ средства оказываются слабыми и притомъ временными“ („Библиотека для Чтенія“, 1846 г., т. 76. „Экономія человѣческихъ обществъ“. Гр. Канкринъ. Стр. 16).

Министръ финансовъ Николая I говоритъ языкомъ Симонди или народниковъ нашего времени. Послушаемъ его дальше:

„Машины произвели дешевизну и увеличили потребленіе, не давъ собственно людямъ ни болѣе богатства, ни болѣе счастья... онѣ дѣлаютъ невѣрнымъ существованіе трудящагося класса и часто повергаютъ его въ бѣдствія“.

„Несмотря на необходимость въ предпринимателяхъ, чтобы дать ходъ дѣламъ общественнымъ, они все же могутъ считаться угнетателями работниковъ, которыхъ принуждаютъ трудиться въ свою пользу; это всегда удобоисполнимо, и такимъ образомъ

слабые и убогіе по большей части дѣлаются жертвами сильныхъ и богатыхъ“.

Это звучитъ даже социалистически. Машины—враги трудящагося класса! Предприниматели—угнетатели работниковъ! Слабые и убогіе — жертвы сильныхъ и богатыхъ! Почему же однако министръ крѣпостной эпохи такъ отрицательно относится къ фабрикамъ? Потому, что „фабричное производство порождаетъ въ низшемъ классѣ безнравственность, униженіе, тупость, бунты, домогательство высшей платы“.

Послѣдній аргументъ звучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ въ устахъ защитника „слабыхъ и убогихъ“. Во всякомъ случаѣ ясно, что Канкрину, какъ и славянофиламъ, фабрика несимпатична по соображеніямъ „моральнаго свойства“.

Но эти же соображенія заставляютъ Канкринна относиться иначе къ русскимъ и западно-европейскимъ фабрикамъ. Западно-европейскій пролетаріатъ совершенно справедливо внушаетъ ему только недоувѣріе. Совсѣмъ иное русскіе фабричныя рабочіе.

„Въ Россіи фабричныя и другіе работники приходятъ изъ селеній, что, между прочимъ, имѣетъ то величайшее достоинство, что препятствуетъ чрезмѣрному умноженію городского фабричнаго сословія, которое при застоѣ въ работахъ впадаетъ въ нищету. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ возвращается въ деревню и, если даже ничего не выработалъ и не уплатилъ податей, то имѣетъ, по крайней мѣрѣ, кровь и ежедневную пищу: фабричное сословіе не соединяется, чтобы вынудить увеличеніе платы... Оставленія работы, смятенія не улучшаютъ состоянія работниковъ фабричныхъ и еще менѣе ограждаютъ ихъ отъ несчастнаго состоянія: такіе беспорядки весьма обезпокоиваютъ жизнь общественную, а всего опаснѣе то, что невозможно предвидѣть, какъ далеко можетъ зайти въ своемъ озлобленіи такой народъ при подобныхъ обстоятельствахъ“. („Библ. для Чт.“ 1846 г. томъ 78).

Итакъ, преимущество русскаго фабричнаго передъ западно-европейскимъ въ томъ, что у насъ нѣтъ фабричнаго пролетаріата, склоннаго ко всякаго рода „смятеніямъ“. Такъ какъ капитализмъ естественно приводитъ къ образованію такого пролетаріата, то, понятно, консервативный министръ Николая I не могъ сочувствовать развитію у насъ крупной капиталистической промышленности.

Извѣстно, что Канкринъ былъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, по его мнѣнію, только „подстрекаютъ къ частымъ

путешествіямъ безъ всякой нужды и такимъ образомъ увеличиваютъ непостоянство духа нашей эпохи“. „Мы смотримъ,—замѣчаетъ онъ далѣе, — на умножающееся число желѣзныхъ дорогъ, какъ на истинный недугъ вѣка: однако же, отъ нихъ происходитъ и польза: именно та, что несмѣтные капиталы погибнуть, расплывутся между низшими классами, а тамъ отчасти образуютъ новые капиталы. Такимъ образомъ человѣчество освободится отъ излишнихъ капиталовъ, а это необходимо, дабы уравнивать великую несоразмѣрность богатства“. „Нѣтъ сомнѣнія, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы, для положенія преграды слишкомъ великому и неравномѣрному ихъ накопленію... чтобы возстановить нравственность отъ чрезмѣрныхъ богатствъ и дурныхъ отъ этого послѣдствій, чего ужасающій примѣръ представляютъ намъ римляне въ послѣднія времена своего существованія... Чрезмѣрность накопленія капиталовъ сопровождается вредомъ для общества“ (стр. 44, т. 76. 1846 г.).

Все это достаточно обрисовываетъ отношеніе графа Канкринна, какъ частнаго лица, къ развивавшейся фабрикѣ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ отражались взгляды Канкринна на практической дѣятельности министерства финансовъ.

Взгляды на фабричный вопросъ другого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля николаевской эпохи, графа Киселева, были вполне сходны со взглядами Канкринна. „Я всегда полагалъ и полагаю,—пишетъ Киселевъ въ одной официальной запискѣ,—что для Россіи важнѣйшая фабричная промышленность есть та, которая, находясь въ связи съ произведеніями мѣстной почвы, процвѣтаетъ отъ земли“ ¹⁾).

Итакъ бюрократіей николаевской эпохи фабрика признавалась опаснымъ продуктомъ, съ „вышей“ политической точки зрѣнія. Для бюрократіи того времени деревенскій кустарь былъ несравненно симпатичнѣе, чѣмъ „развращенный“ фабричный пролетарій. Только связь русскаго фабричнаго съ деревней нѣсколько смягчала отвращеніе бюрократіи къ этому типу, съ которымъ соединялось представленіе о всякихъ ужасахъ въ Западной Европѣ. Господствовавшая въ официальныхъ сферахъ доктрина отнюдь не благопріятствовала крупнымъ фабрикамъ и весьма одобрительно относилась къ мелкому, „народному производству“. Въ началѣ

¹⁾ Заблочкин-Десятковскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Пб. 1882 г. II, 200.

40-хъ годовъ въ официальномъ органѣ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, „Журналъ Мануфактуръ и Торговли“, была помѣщена любопытная статья, характеризующая взгляды тогдашней администраціи на фабричные порядки. Нѣкій фабрикантъ Жуковъ, „глубоко проникнутый сознаниемъ цѣли правительства обезпечить положеніе многочисленнаго сословія полезныхъ государству фабричныхъ рабочихъ“, представилъ въ департаментъ подробное описаніе порядковъ на своей фабрикѣ, и департаментъ рѣшилъ напечатать въ своемъ журналѣ это описаніе во всеобщее свѣдѣніе, „какъ достойный подражанія примѣръ“.

Въ чемъ же были заслуги Жукова? Въ томъ, что онъ обратилъ особое вниманіе „на нравственность рабочихъ“. Для отвращенія рабочихъ отъ „порчи нравовъ“, на его фабрикѣ было поставлено въ обязанность, „чтобы, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждый изъ рабочихъ непременно отправлялся въ домъ свой въ деревнѣ, подъ опасеніемъ высылки съ фабрики. Эта мѣра (понимаетъ Жуковъ) приноситъ нравственности рабочихъ величайшую пользу, потому что посредствомъ ея фабричный 1) не перестаетъ разнать себя крестьяниномъ; 2) поддерживаетъ съ благочестіемъ обязанности сына, мужа и отца; 3) не прилѣпляется къ столичной роскоши; 4) возобновляетъ въ деревнѣ понятіе о необходимости непрерывнаго труда и умѣренности въ пищѣ, питіи и одеждѣ; 5) вообще приноситъ изъ деревни примѣры покорности, смиренія и ободренія, являя себя довольнымъ и счастливымъ въ настоящемъ своемъ положеніи на фабрикѣ“... При увольненіи рабочихъ по праздникамъ съ фабрики, всѣ они обязаны 1) „быть у обѣдни, 2) послѣ обѣдни, отлучась со двора, имъ не позволено ходить ни по одиночкѣ, ни толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякій изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ случаѣ большинство партій не могло внушить имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отправляются куда рабочіе въ значительномъ числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или прикащикъ“ 1).

За поведеніемъ рабочихъ на фабрикѣ учрежденъ самый строгій надзоръ, „дѣлающій извѣстнымъ всякій добрый и худой поступокъ рабочаго“. Особые „старшіе“ изъ отставныхъ унтеръ-

1) О внутреннемъ устройствѣ и управленіи табачной фабрики г. Жукова. „Журналъ Мануф. и Торг“. 1840 г. Ч. I.

офицеровъ ежедневно ведутъ журналъ о поведеніи каждаго рабочаго, при чемъ каждый рабочій, открывшій какой-либо предосудительный поступокъ своего товарища, „непремѣнно вознаграждается или единовременной выдачей суммы, соразмѣрной важности открытія, или прибавкой жалованья... Доноситель же остается неизвѣстнымъ рабочимъ“. Всѣ эти мѣры, по словамъ Жукова, привели къ тому, что его рабочіе даже на улицѣ отличались отъ другихъ рабочихъ „своей скромной и довольной физиономіей, а болѣе по той радушной готовности и осторожности, съ которыми уступаютъ они дорогу проходящимъ“.

Такова была неподражаемая, „истинно-русская“, фабричная идиллія 40-хъ годовъ. Читая статью Жукова, не вѣрится, что это написано серьезно; и однако, несмотря на дѣтскую наивность почтеннаго „мануфактуриста“, все это было вполне серьезно и печаталось въ официальномъ органѣ, въ примѣръ прочимъ. Фабричнымъ рабочимъ рекомендовались умѣренность въ пищѣ, питьѣ и одеждѣ, „непрерывный“ трудъ, скромность, смиреніе и довольство своимъ положеніемъ. Таковъ былъ идеалъ, но дѣйствительность—увы!—никогда не соотвѣтствуетъ идеалу, и мы сомнѣваемся, чтобы самъ Жуковъ достигъ тѣхъ блестящихъ результатовъ въ нравственномъ воспитаніи рабочихъ, о которыхъ онъ сообщалъ департаменту.

Соображенія Жукова не такъ уже устарѣли, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и необходимость связи фабрики съ деревней находить и понынѣ, какъ извѣстно, много горячихъ сторонниковъ. Тѣмъ поучительнѣе познакомиться съ генезисомъ этихъ взглядовъ въ николаевскую эпоху, когда они высказывались съ полнымъ простодушіемъ и откровенностью.

Теперь является очень любопытный вопросъ—какъ же отразилась въ николаевскую эпоху антипатія правящихъ сферъ къ фабрикамъ и капитализму и симпатія къ „народной промышленности“ на практической политикѣ правительства? Мы видѣли, что николаевское правительство не препятствовало развитію кустарнаго производства—и только. Никакого содѣйствія развитію послѣдняго оно не оказывало, если не считать разныхъ мѣръ министерства государственныхъ имуществъ, не имѣвшихъ никакого пракческаго значенія. Зато оно сдѣлало очень много для поддержанія фабрикъ. Интересы фабрикантовъ *на практикѣ* находили себѣ какъ въ Канкринѣ, такъ и въ прочихъ правительственныхъ лицахъ этой эпохи самыхъ горячихъ защитниковъ. Доста-

очно вспомнить исторію фабричнаго законодательства того времени, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Самая ничтожная мѣра, принимаемая въ интересахъ рабочихъ, всегда обставлялась такимъ образомъ, что лишалась практическаго значенія—изъ опасенія какъ-нибудь затронуть интересы фабрикантовъ.

Запретительный тарифъ, прямая денежная помощь фабрикантамъ и заводчикамъ, устройство дорого стоящихъ образцовыхъ введеній (вродъ Александровской мануфактуры)—все это шло непосредственно на пользу фабрикантовъ.

Чѣмъ же объясняется такое несоотвѣтствіе слова и дѣла? А именно, что реальная политика диктуется не моральными соображеніями и симпатіями тѣхъ или иныхъ правящихъ лицъ, а реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Канкринъ не симпатизировалъ фабрикамъ и фабрикантамъ, и, тѣмъ не менѣе, управяемое имъ министерство вѣрно отражало интересы фабрикантовъ; какъ оно и должно было быть. Въ Николаевскую эпоху крѣпостная Россія начинаетъ перестраиваться на капиталистическій ладъ, соответственно этому усиливается вліяніе капиталистическаго класса—и это не могло отражаться на промышленной политикѣ правительства Николая I.

Еще большее значеніе въ томъ же смыслѣ имѣло то обстоятельство, что интересы государственнаго казначейства настоятельно требовали поднятія производительности народнаго труда, развитія производительныхъ силъ страны, иначе говоря, развитія промышленности. Политика покровительства крупному капиталистическому производству, которой традиціонно держалось наше правительство, диктовалась прежде всего интересами государственнаго казначейства. Классовые интересы крупныхъ промышленниковъ играли роль второстепенную. Правительство, стремившееся къ увеличенію политическаго и экономическаго могущества Россіи, не могло не стремиться къ развитію главнаго источника экономической мощи—промышленности. И потому фабрика, несмотря на типичную къ ней правящихъ сферъ Николаевской Россіи, была предметомъ ихъ самыхъ заботливыхъ попеченій.

ЧАСТЬ II.
ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

ГЛАВА I.

Развитіе фабричной промышленности въ новѣйшее время.

Вліяніе реформы 19 февраля на различныя отрасли фабричной промышленности.—Вызванный этой реформой рабочій кризисъ.—Періодическія колебанія нашей промышленности.—Упадокъ ярмарочной торговли.—Промышленные кризисы.—Мнѣніе г-на—она о связи кризисовъ съ неурожаями.—Ростъ чугуноплавильнаго производства.—Отчего зависитъ промышленный подъемъ новѣйшаго времени.—Современный промышленный кризисъ.—Его причины.—Движеніе курсовъ биржевыхъ бумагъ.—Дисконтный процентъ.—Откуда явилась нужда въ деньгахъ.—Застой въ разныхъ отрасляхъ промышленности зимой 1899—1900 года.—Состояніе сельхоздѣлательной промышленности.—Вопросъ о рынкѣ для русской промышленности.—Рынокъ въ странѣ съ развивающимся денежнымъ хозяйствомъ.—Ростъ числа фабричныхъ рабочихъ въ Россіи.—Концентраціи производства.—Что тормозитъ въ Россіи успѣхи капиталистическаго производства.

Несмотря на то, что ликвидація вотчинной фабрики началась задолго до великаго дня 19 февраля, уничтоженіе крѣпостнаго права не могло не вызвать временнаго кризиса въ нашей фабричной промышленности. Больше всего пострадали тѣ производства, въ которыхъ преобладалъ крѣпостной трудъ. Я уже говорилъ, что поразительно медленное развитіе чугуноплавильнаго и вообще горнаго дѣла на Уралѣ непосредственно вызывалось крѣпостной организаціей какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ заводовъ въ этой области, организаціей, доходившей до крайнихъ предѣловъ въ смыслѣ стѣсненія свободы дѣятельности рабочаго. Рабочій, получавшій даровой провіантъ и все содержаніе отъ завод-

ской администраціи, которая удерживала въ повиновеніи многу численное рабочее населеніе заводовъ и понуждала его къ трудѣмъ крайней строгости, совершенно отвыкъ отъ свободной дѣятельности и первое время послѣ освобожденія совѣмъ потерялъ голову. Получивши возможность бросить тяжелую заводскую работу, съ которой соединялось столько ненавистныхъ воспоминаній въ прошломъ, рабочіе цѣлыми массами бросали заводы и переселялись въ другія губерніи. Такъ, напр., изъ Богословскаго округа (Шермской губерніи) изъ всего числа населенія около 10,000 обоюго пола ушло около 3-хъ тысячъ взрослыхъ мужчинъ, т. е. около $\frac{3}{4}$ всего мужского рабочаго населенія. Бывшихъ заводскихъ рабочихъ такъ тянуло бросить постылые заводы, что усадьбы, домы и огороды продавались совершенно за безцѣнокъ, а иногда и отдавались задаромъ ¹⁾. Съ Березовскаго завода за одно лѣто ушло до 800 лучшихъ рабочихъ ¹⁾, съ Миасскихъ золотыхъ приисковъ около 2000 семействъ ¹⁾ и т. д. и т. д. Заводы внезапно лишились очень значительной части рабочихъ рукъ, а замѣнить ушедшихъ рабочихъ новыми было невозможно, такъ какъ населенныхъ мѣстъ вблизи не было и страна представляла собой почти необитаемую тайгу. Заработная плата сразу поднялась въ нѣсколько разъ и все-таки не могла притянуть рабочихъ на заводы.

Результатомъ такого положенія дѣль явилось значительное сокращеніе производства. Многіе заводы долгое время не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ реформой, а нѣкоторые совѣмъ прекратили дѣйствія. Такъ, Кувшинскій заводъ выплавлялъ чугуна ²⁾:

1858 г.	476 т. пудовъ
1862 „	313 „ „
1868 „	353 „ „

Верхнетуринскій заводъ въ 1858 г. выплавилъ 457 т. п., а въ 1868 г.—256 т. п., Баранчинскій въ 1858 г.—407 т. п., а въ 1868—316 т. п., Нижнетуринскій въ 1860 г.—150 т. п., а въ 1868 г. только 64 т. п., Верхнебаранчинскій съ 1865 г. совѣмъ прекра-

¹⁾ В. Безобразовъ. Уральское горное хозяйство. Труды комиссіи для пересмотра податей и сборовъ. Т. XIII, ч. V, стр. 104, 150, 238.

²⁾ В. Безобразовъ. Уральское горное хозяйство. Стр. 72.

ль производство. Выплавка чугуна въ Уральской области сократилась на многіе годы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сократилась выплавка чугуна во всей Россіи.

Производство чугуна.

	(Въ тысячахъ цудовъ) ¹⁾ .	
	Ураль.	Вся Россія (включая Финляндію).
1860 г.	14.513	20.468
1861 „	14.226	19.451
1862 „	10.467	15.268
1863 „	11.921	17.027
1865 „	12.329	18.281
1867 „	12.399	17.553

Изъ этихъ цифръ видно, что реформа 19 февраля нанесла тяжелейшій ударъ нашей желѣзодѣлательной промышленности; уральское горное хозяйство, благодаря усиленной правительственной текѣ и чрезвычайному примѣненію принудительнаго труда, оказалось почти неспособнымъ перейти къ новымъ началамъ производства съ вольнонаемными рабочими. Я говорилъ выше, какимъ образомъ для развитія нашей горной промышленности являлось крѣпостное право. Устраненіе этого тормоза на первыхъ порахъ привело къ противоположному результату. Раньше выплавка чугуна у насъ почти не возрастала, а послѣ 61 года стала прямо падать. Тѣмъ не менѣе, послѣдующая исторія нашего горнаго дѣла вполне доказала, какимъ важнымъ стимуломъ производства явились новыя экономическія условія, созданныя великой крестьянской реформой и всѣмъ, что за ней послѣдовало — постройкой желѣзнодорожной сѣти, удешевленіемъ и облегченіемъ кредита, распространеніемъ акціонерныхъ компаній, вообще перестройкой нашего хозяйства на западно-европейскій, иначе говоря, капиталистическій образецъ.

Фабричная промышленность гораздо менѣе пострадала отъ реформы, благодаря тому, что крѣпостной трудъ на фабрикахъ уже естественно отмиралъ къ эпохѣ юридической его отмены. Только на фабрикахъ солдатскаго сукна, принадлежавшихъ, какъ и раньше, преимущественно дворянамъ, крѣпостной трудъ находилъ весьма значительное примѣненіе. Упадокъ старинныхъ посессионныхъ и

¹⁾ Матеріалы для исторіи и статистики желѣзной промышленности въ Россіи. Общій Обзоръ. Спб. 1896 г., стр. 25.

вотчинныхъ суконныхъ фабрикъ начался задолго до крестьянской реформы. Измѣнившаяся техника производства требовала свободаго рабочаго, и фабрики, продолжавшія держаться обязательнаго труда, не выдерживали конкуренціи новыхъ, капиталистическихъ фабрикъ. Такъ въ Калужской губерніи уже съ конца 30-хъ годовъ число суконныхъ фабрикъ стало сокращаться. Въ 1839 г. въ этой губерніи было 15 суконныхъ фабрикъ, изъ которыхъ 11 принадлежали дворянамъ. Въ 1848 г. въ губерніи остается только 4 фабрики, при чемъ размѣры производства на купеческой фабриктъ Александра во много разъ превосходили производство всѣхъ трехъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ 1861 г. въ Калужской губерніи уже совершенно не остается дворянскихъ фабрикъ—дворянскія фабрики прекращаютъ дѣйствіе, а вмѣсто нихъ возникаетъ нѣсколько купеческихъ фабрикъ ¹⁾.

Въ Симбирской губерніи до 60-хъ годовъ значительно преобладали вотчинныя дворянскія фабрики, основанныя на крѣпостномъ трудѣ. Въ 1860 г. изъ 30 суконныхъ фабрикъ этой губерніи только двѣ принадлежали купцамъ. Крестьянская реформа нанесла тяжелый ударъ вотчиннымъ фабрикамъ этой губерніи. Къ концу 60-хъ годовъ въ рукахъ дворянъ осталось только 8 фабрикъ, на 10 дворянскихъ фабрикахъ производство совсѣмъ пріостановилось, другія были отданы въ аренду купцамъ, за число купеческихъ фабрикъ возросло до 10-ти ²⁾.

Воронежская губернія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ была однимъ изъ важныхъ центровъ фабричнаго производства сукна въ Россіи. Въ это время Воронежъ былъ фабричнымъ городомъ. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя Веселовскаго, „въ ту пору Воронежъ, по справедливости, можно было считать городомъ фабричнымъ. Вся его предгорная часть была усажена фабричными постройками“ ³⁾. Къ 1856 г. въ Воронежѣ осталось только три фабрики, а къ серединѣ 60-хъ годовъ — ни одного Воронежскаго суконнаго производства, основанное всецѣло на принудительномъ трудѣ, пало главнымъ образомъ вслѣдствіе конкуренціи московскихъ купеческихъ фабрикъ, работавшихъ вольно

¹⁾ Памятная книжка Калужской губерніи на 1861 г. Обзорніе фабрично-заводской промышленности Калужской губ.

²⁾ Симбирскій сборникъ, т. II, 1870 г. Суконныя фабрики и шерстяной мойни Симбирской губерніи.

³⁾ Памятная книжка Воронежской губ. на 1865—66 г., стр. 50.

емными рабочими. Освобожденіе крестьянъ нанесло только по-
дѣдній ударъ падающей промышленности.

Такую же картину постепеннаго паденія представляетъ и фаб-
ричное суконное производство города Казани. Какъ извѣстно чи-
телю, въ городѣ Казани существовала еще со временъ Петра
ромная посессионная фабрика, первоначально принадлежавшая
вляеву, а затѣмъ перешедшая къ Осокину. Эта фабрика начи-
нетъ быстро падать съ 40-хъ годовъ: въ 30-хъ годахъ на ней
работало около 1000 человекъ, въ половинѣ 50-хъ—450 чело-
векъ, а въ 60-хъ—260 человекъ. Цѣнность производства сокра-
тилась въ такой же пропорціи ¹⁾).

Точно такъ же совершенно упали помѣщичьи суконныя фабрики
въ Орловской и Смоленской губерніяхъ, и значительно сократи-
лись въ числѣ въ Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Самарской,
олтавской, Харьковской и Подольской губерніяхъ ²⁾. На ряду
съ этимъ появились новыя суконныя фабрики, принадлежавшія
лицамъ. Главнымъ центромъ суконнаго производства стала Москва
Московская губернія. Въ Московской губерніи было издавна
много вотчинныхъ и посессионныхъ фабрикъ, но на ряду съ
ними въ этой мѣстности еще въ крѣпостную эпоху возникло
много крупныхъ капиталистическихъ фабрикъ, которыя еще за-
долго до реформы начали вытѣснять старинныя фабрики съ при-
удительнымъ трудомъ. Реформа только ускорила гибель старин-
ныхъ фабрикъ, не сумѣвшихъ приспособиться къ новымъ усло-
віямъ производства. Вообще суконное производство несомнѣнно
спытало сильное потрясеніе отъ крестьянской реформы, какъ
можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ цифръ ³⁾.

ГОДА.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Ежегодное производство на сумму (въ тысяч. рубл.).
1860	432	94.721	26.204
1863	365	71.797	26.083

На другія отрасли промышленности освобожденіе крестьянъ
оувляло слабѣе, такъ какъ въ нихъ въ меньшей степени при-

¹⁾ Памятная книжка Казанской губерніи на 1863 г.

²⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, СПб.
1886 г. Шерстяныя издѣлія, 152.

³⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Шерстя-
ныя издѣлія, стр. 139.

мѣнялся крѣпостной трудъ. Тяжелый кризисъ хлопчатобумажнаго производства первой половины 60-хъ годовъ былъ вызванъ не крестьянской реформой, а совершенно иной причиною—огромнымъ сокращеніемъ подвоза хлопка, благодаря американской междоусобной войнѣ. И у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, хлопокъ и бумажная пряжа неизмовѣрно возросли въ цѣнѣ, а цѣна тканей поднялась гораздо меньше ¹⁾).

Затрудненія, пережитыя хлопчатобумажной промышленностью, повели къ временному оживленію льняной. Въ теченіе первой половины 60-хъ годовъ возникаетъ цѣлый рядъ крупныхъ механическихъ льнопрядильнъ (къ 1866 г. такихъ льнопрядильнъ считалось 20); вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось производство полотняныхъ фабрикъ. По словамъ Л. Весина, „наступленіе американской междоусобной войны и польскаго возстанія вывело наши льнопрядильни изъ критическаго положенія, въ которомъ онѣ находились“ ²⁾).

На шелковую промышленность крестьянская реформа оказала очень незначительное дѣйствіе, такъ какъ въ этой области работа и до реформы производилась почти исключительно вольнонаемными.

Привозъ въ Россійскую Имперію по Европейской границѣ шелка сырца, пряденаго и крученаго (въ пудахъ) ³⁾.

1859	7.319
1860	6.501
1863	7.129

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію развитія нашей промышленности въ пореформенное время. Общее представленіе о ходѣ этого развитія можно получить изъ нижеслѣдующей таблицы и діаграммы.

¹⁾ О хлопчатобумажномъ кризисѣ 60-хъ годовъ интересныя данныя у Я. Гарелина, Г. Иваново-Вознесенскъ, II, стр. 25—27.

²⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, т. II, стр. 24.

³⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, II. Шелковыя ткани, стр. 195.

Годы	Количество иностран. и среднеазіатск. хлопка, поступившаго на внутреннее потребление Рос. Имперіи (кромя Финляндіи) въ тыс. пуд. 1)	Количество иностран. бумажной пряжи, поступившей на внутреннее потребление Рос. Имп. (кромя Финляндіи) въ тыс. пуд. 1)	Количество чутуна, выплаваемого въ Рос. Имперіи (включая Финляндію) въ тысячахъ пудовъ 2)	Число (въ тысячахъ) рабочихъ на фабрич. и заводахъ, нѣмолженыхъ акціонъ, въ 50 губ. Европ. Россіи 3)	Общій сборъ хлѣбовъ въ 50 губ. Европ. Рос. до 1894 г. въ милліонахъ четвертей, пость 1894 г. въ десяткахъ мил. пуд. 4)	Цѣнность привоза товаровъ на Нижегородскую ярмарку въ милліонахъ рублей 5)
1860	2.840	145	20.468	—	—	105
1861	2.643	142	19.451	—	—	98
1862	850	97	15.268	—	—	103
1863	1.083	68	17.027	358	—	103
1864	1.637	105	18.301	355	—	111
1865	1.591	117	18.281	381	—	113
1866	2.952	130	18.568	397	—	127
1867	3.298	184	17.553	407	—	128
1868	2.556	160	19.807	414	—	126
1869	3.208	171	20.104	428	—	144
1870	2.801	254	21.949	442	280	143
1871	4.165	293	21.933	463	217	158
1872	3.606	319	24.375	492	240	178
1873	3.530	323	23.484	498	240	158
1874	4.666	343	23.213	487	270	180
1875	5.216	372	26.061	501	206	170
1876	4.708	340	26.957	491	237	169
1877	4.435	161	24.403	500	269	146
1878	7.183	508	25.476	559	280	142
1879	6.449	881	26.413	608	242	181
1880	5.743	577	27.364	648	229	200
1881	9.076	387	28.662	668	—	246
1882	7.755	361	28.237	682	—	224
1883	8.949	235	29.407	669	276	201
1884	7.373	172	31.106	665	293	206
1885	7.574	180	32.206	616	247	186
1886	8.388	177	32.484	635	289	184
1887	11.257	229	37.389	657	330	193
1888	8.362	281	40.716	707	334	190
1889	10.429	281	45.180	716	261	187
1890	11.483	238	56.560	720	293	181
1891	10.406	164	61.340	738	229	168
1892	13.797	127	65.432	742	266	144
1893	11.327	138	70.141	860	378	167
1894	15.399	148	81.347	—	380	187
1895	11.475	135	88.665	—	268	176
1896	12.861	117	98.951	—	273	177
1897	15.110	127	114.782	1124	227	165
1898	16.803	165	135.636	—	263	156
1899	—	—	165.156	—	302	173

1) Количество иностраннаго хлопка и пряжи опредѣлялось по ежегоднымъ изданіямъ департамента таможенныхъ сборовъ—„Государственная внѣшняя торговля Россіи въ разныхъ ея видахъ“ (за прежніе годы).

Теперь я попрошу отъ читателя немного вниманія и терпѣнія.

и „Обзоръ внѣшней торговли Россіи“ (за послѣдніе годы). До 1890 г. среднеазиатскій хлопокъ, ввозимый черезъ порты Каспійскаго моря, включается въ статистическихъ изданіяхъ д-та таможенныхъ сборовъ въ общую сумму азиатскаго хлопка; съ этого года среднеазиатскій хлопокъ не включается въ эту сумму и регистрируется особо. Чтобы опредѣлить общій привозъ въ Россію среднеазиатскаго хлопка до 1890 г. (не только черезъ Каспійское море, но и сухимъ путемъ), я прибавлялъ къ общей суммѣ азиатскаго хлопка, по даннымъ д-та там. сб., отправку хлопка по Оренбургской ж. д. со станціи Оренбургъ (цифры отправки я выбралъ изъ ежегодныхъ отчетовъ Оренбургской ж. д. за время 1877—1889 г.) Для опредѣленія же привоза среднеазиатскаго хлопка въ Россію съ 1890 г. я пользовался цифрами, приводимыми въ „Обзорахъ внѣшней торговли“, и суммировалъ эти цифры съ цифрами очищеннаго пошлиной иностраннаго хлопка за соответствующіе годы. Замѣчу, кстати, что при сличеніи съ подлинными „Обзорами“ своднаго изданія д-та таможен. сборовъ — „Статистическія свѣдѣнія о внѣшней торговли Россіи“ (С.-Пб. 1896 г.) обнаружилось, что въ этомъ послѣднемъ изданіи всѣ цифры подвоза хлопка и пряжи за 1861—69 показаны невѣрно, и кромѣ того, встречаются грубыя опечатки для послѣдующихъ годовъ.

2) До 1875 г.—по „Матеріаламъ для исторіи и статистики желѣзной промышленности Россіи. Общій обзоръ желѣзной промышленности“. С.-Пб. 1896 г. Отъ 1875 г.—по „Сборникамъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи“ за соответствующіе годы. Цифра 1898 г. взята изъ „Вѣстника Финансовъ“ 1899 г. № 21, стр. 524. Цифра 1899 взята изъ „Желѣзнаго дѣла Россіи въ 1899“. А. Матвѣева.

3) Цифры за 1863—1865 г. взяты изъ „Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ“ за соответствующіе годы, при чемъ изъ общихъ итоговъ сборника вычтены цифры рабочихъ Сибири, Кавказа, Финляндіи и Царства Польскаго. Отъ 1866 по 1877 г. включительно цифры имѣютъ лишь приблизительный характеръ и получены слѣдующимъ образомъ. Въ „Ежегодникахъ министерства финансовъ“ печатались (въ выпускахъ I, VIII и XII) цифры рабочихъ за соответствующіе годы, но не по всѣмъ родамъ производства, а лишь по главнѣйшимъ. Чтобы получить приблизительныя цифры рабочимъ *по всѣмъ производствамъ*, я прибавлялъ къ общимъ цифрамъ фабричныхъ рабочихъ въ „Ежегодникахъ“ число рабочихъ въ недостающихъ производствахъ, вычисляемое слѣдующимъ образомъ: я бралъ цифры рабочихъ по этимъ производствамъ въ 1865 и 1878 годахъ и путемъ сложныхъ процентовъ опредѣлялъ, сколько рабочихъ было въ данномъ производствѣ въ данномъ году, предполагая, что число рабочихъ возрастало равномерно. Предположеніе это, разумѣется, условно, но возможная отсюда погрѣшность не особенно важна, такъ какъ число рабочихъ, вычисляемыхъ такимъ образомъ лишь приблизительно, не превышало 20% всего числа рабочихъ, въ большинствѣ же случаевъ было менѣе. Нужно имѣть также въ виду, что нерегистрированныя производства относились главнымъ образомъ къ мелкимъ промысламъ, связаннымъ съ земледѣліемъ, которые

та таблица и прилагаемая діаграмма могутъ дать довольно отчет-

ливо подпадаютъ вліянію періодическихъ колебаній промышленности. Поэтому предположеніе о равномерномъ возрастаніи числа рабочихъ въ этихъ производствахъ изъ года въ годъ вѣроятно, чѣмъ предположеніе, что число рабочихъ въ нерегистрированныхъ производствахъ измѣнялось такъ же, какъ и въ зарегистрированныхъ; во всякомъ случаѣ, изъ научной осторожности, не желая искусственно усиливать періодическія колебанія числа рабочихъ, я долженъ былъ остановиться на первомъ ощущеніи, какъ менѣе благоприятномъ для тѣхъ выводовъ, къ которымъ я прихожу. Я указываю на все это въ виду того, что мой пріемъ вызываетъ возраженія г. Каблукова, не понимавшаго, что пріемъ этотъ продиктованъ научной осторожностью, заставляющей ученаго избѣгать всякихъ произвольныхъ допущеній, благоприятныхъ для защищаемыхъ имъ тезисовъ. Цифры за 1878—1884 г. взяты изъ официальныхъ „Свѣдѣній о фабричной и заводской промышленности Россійской имперіи“, за соответствующіе годы, полученныхъ мною изъ статистическаго отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ. Эти цифры имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ нихъ включены отчасти и рабочіе по мелкимъ производствамъ (благодаря этому, число рабочихъ за каждый годъ немного увеличено, на десять—двадцать тысячъ). Наконецъ цифры отъ 1885 года и дальше взяты изъ ежегодно выходящихъ „Сводовъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи“, изданіе департамента торговли и мануфактуръ. Цифры за 1892 и 1893 года пришлось опять вычислять, такъ какъ въ „Сводахъ“ за эти годы въ общій итогъ включены и рабочіе на горныхъ заводахъ и заведеніяхъ, обложенныхъ акцизомъ. Чтобы получить цифру рабочихъ въ предпріятіяхъ, не обложенныхъ акцизомъ и не принадлежащихъ къ числу горныхъ заводовъ, я вычиталъ изъ общей суммы рабочихъ число рабочихъ на горныхъ заводахъ и предпріятіяхъ, обложенныхъ акцизомъ. Подобныя же операціи мнѣ пришлось производить и для полученія цифры рабочихъ за 1897 г. Числа-же рабочихъ за 1894—96 г.г. отсутствуютъ въ моей таблицѣ потому, что за эти годы соответствующія данныя совсѣмъ не публиковались департаментомъ торговли и мануфактуръ. Я долженъ былъ ограничиться въ этой таблицѣ цифрами рабочихъ только указанной въ текстѣ категоріи (на фабрикахъ и заводахъ, не обложенныхъ акцизомъ и не принадлежащихъ къ числу горныхъ заводовъ) по отсутствію данныхъ о рабочихъ другихъ категорій за прошлые годы. Отсюда видно, сколько труда пришлось потратить на составленіе приводимаго въ текстѣ ряда цифръ, и все-таки цифры получились не вполне надежныя. Значеніе ихъ для опредѣленія дѣйствительной численности рабочихъ за каждый отдѣльный годъ не велико, далеко не все рабочіе регистрировались. Но, какъ увидимъ ниже, для характеристики *относительныхъ измѣненій* числа рабочихъ за разные годы онѣ вполне пригодны.

Быть можетъ не лишнее сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нашей фабричной статистикѣ вообще. Во-первыхъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „фабрикой“ и „заводомъ“, къ которымъ относятся приводимыя въ таблицѣ цифры? Съ 1885 г. основаніемъ для различенія фабрики и завода отъ за-

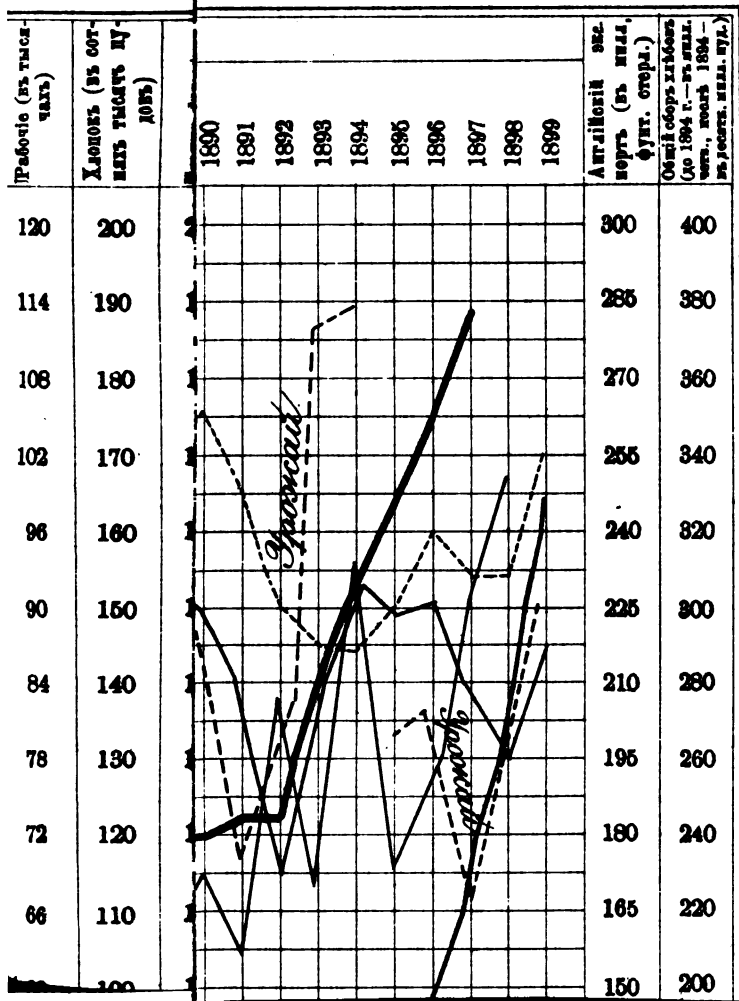
ливое представлѣніе о ходѣ нашего промышленнаго развитія послѣ крестьянской реформы.

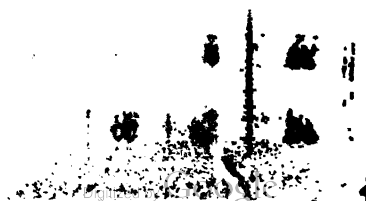
Верхняя черная линія на прилагаемой діаграммѣ выражаетъ собою измѣненіе числа рабочихъ на фабрикахъ (необложенныхъ акцизомъ) въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Извѣстно, что официальные свѣдѣнія о числѣ фабричныхъ рабочихъ крайне неточны и неполны; дѣйствительное число рабочихъ, безъ сомнѣнія, значительно превышаетъ показываемое въ отчетахъ. Тѣмъ не менѣе, общая цифра рабочихъ за разные годы все же является очень вѣрнымъ показателемъ роста нашей крупной промышленности, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія соответствующей кривой на нашей діаграммѣ.

Какого кустарнаго и ремесленнаго заведенія въ нашей официальной статистикѣ служить цѣнность производства: заведенія, производящія на сумму 1000 р. и болѣе признаются крупными и включаются въ итогъ фабрикъ и заводовъ, производящія на меньшую сумму не включаются въ этотъ итогъ и относятся къ мелкимъ заведеніямъ. До 1885 не проводилось такого различія между фабриками и мелкими промышленными заведеніями. Мелкія заведенія, какъ общее правило, не включались въ итогъ фабрикъ, но нельзя точно опредѣлить, какимъ признакомъ руководствовались официальные статистики при различеніи крупныхъ и мелкихъ заведеній. Можно думать, что мелкія заведенія за прежніе годы менѣе выдѣлялись изъ общаго итога, чѣмъ теперь. За 1878—1884 гг. какъ сказано, мелкія заведенія отчасти вошли въ этотъ итогъ; благодаря этому число рабочихъ за эти годы въ общемъ итогѣ увеличено, но незначительно—не болѣе, какъ на 20 тысячъ. Необходимо имѣть въ виду также слѣдующее: цифры рабочихъ до 1861 г. помѣщенные въ этой книгѣ на стр. 76—77 несравнимы съ приведенными въ таблицѣ, такъ какъ первыя относятся ко всей Россійской имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи, и кромѣ того онѣ включаютъ въ себя рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ и табачныхъ фабрикахъ; цифры же въ таблицѣ относятся только къ 50 губерніямъ Европейской Россіи и рабочіе на свеклосахарныхъ заводахъ и табачныхъ фабрикахъ въ нихъ не включены.

4) За 1870—1879 г. — по „Историко-Статистическому обзору Промышленности Россіи“, т. I, стр. 46 (цифры сбора хлѣбовъ въ Царствѣ Польскомъ вычтены); послѣ 1883 г.—по ежегодному изданію Центрального Статистическаго Комитета „Урожай такого-то года въ Европейской Россіи“. За 1881 и 1882 г. данныхъ объ общемъ сборѣ хлѣбовъ въ печатной литературѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не могъ ихъ найти. Послѣ 1894 г. общій сборъ хлѣбовъ выражается въ изданіяхъ Центр. Ст. Ком. въ пудахъ, а не въ четвертяхъ, какъ раньше; поэтому приведенныя въ таблицѣ данныя до 1894 г. и послѣ этого года не сравнимы между собой.

5) По официальнымъ „Отчетамъ о ходѣ торговли на Нижегородской ярмаркѣ“ за соответствующіе годы.

Эта кривая обнаруживаетъ три ясно обозначенныхъ колебанія. Одна волна достигаетъ своей вершины въ 1873 г.; затѣмъ слѣдуетъ небольшое паденіе, и число рабочихъ не растетъ до 1877 г. : съ этого года начинается новое поднятіе; въ 1882 г. волна достигаетъ апогея. Въ теченіе слѣдующихъ 3 лѣтъ число рабочихъ падаетъ. Слѣдующее поднятіе начинается съ 1886 г., при чемъ годъ 1891 г. вызываетъ только легкую приостановку поступательнаго движенія: число рабочихъ быстро растетъ и наиболѣе значительный ростъ замѣчается въ послѣдніе годы — за 1893 г. и особенно послѣ 1893 г.

Верхняя синяя кривая означаетъ собой движеніе ярмарочной торговли въ Нижнемъ. До половины 80-хъ годовъ эта кривая колеблется такъ же, какъ и кривая рабочихъ; начало 70-хъ и еще болѣе 80-хъ годовъ выражается въ ней рѣзкимъ поднятіемъ, а половина 70-хъ и 80-хъ годовъ — паденіемъ. Двѣ волны выражены гораздо сильнѣе, чѣмъ въ кривой рабочихъ. Совпаденіе колебаній обѣихъ кривыхъ, полученныхъ совершенно изъ разныхъ источниковъ, является доказательствомъ того, что колебанія эти выражаютъ извѣстную реальность. Какъ ни неточны цифры рабочихъ на фабрикахъ и цифры подвоза товаровъ на нижегородскую ярмарку за каждый отдѣльный годъ, но, взятыя за длинный рядъ лѣтъ, онѣ отражаютъ на себѣ дѣйствительныя измѣненія промышленности.

Начиная съ половины 80-хъ годовъ, кривая ярмарочной торговли быстро опускается книзу, въ то время какъ кривая рабочихъ такъ же быстро растетъ. Что же это значитъ? А то, что значеніе нижегородской ярмарки въ нашемъ торговомъ оборотѣ падаетъ. Архаическая форма торговли—ярмарка—сходитъ со сцены. Капиталистическая Россія усваиваетъ и болѣе культурныя, болѣе современные формы торговли. Нижегородская ярмарка перестаетъ быть „всероссійскимъ торжищемъ“, игравшимъ такую первенствующую роль въ торговомъ механизмѣ прежней Россіи. Обороты ярмарочной торговли достигаютъ своего апогея въ 1881 г. и уже безъ сомнѣнія никогда не достигнутъ цифры этого года. Паденіе ярмарочной торговли за послѣднее десятилѣтіе является однимъ изъ выдающихся симптомовъ быстрого экономическаго роста Россіи. Ярмарка отмираетъ вмѣстѣ съ отмираніемъ нашихъ старинныхъ бытовыхъ экономическихъ формъ—„самостоятельнаго“ кустарнаго производства, общины и проч. Всѣ эти формы гибнутъ отъ

одной основной причины—преобразования условий транспорта и объёма, и вытекающего отсюда развитія промышленнаго капитализма.

Не одна нижегородская ярмарка сходитъ со сцены. Поэзія украинскихъ ярмарокъ, такъ ярко описанныхъ Гоголемъ, также отходитъ въ область прошедшаго, вмѣстѣ со стариннымъ укладомъ нашей экономической жизни. Ярмарочная торговля издавна процвѣтала въ Украинѣ. Полтава, Нѣжинъ, Ромны были центрами ярмарочной торговли; мануфактурные товары московскаго промышленнаго района, для котораго Малороссія была однимъ изъ самыхъ важныхъ рынковъ, закупались на этихъ ярмаркахъ мѣстными торговцами и развозились по всей странѣ. Но уже съ 70-хъ годовъ старинныя украинскія ярмарки, вмѣстѣ со старинными центрами украинской торговли, начинаютъ падать. Параллельно съ этимъ быстро растетъ новый торговый центръ Украины—Харьковъ. Цѣлый рядъ ярмарокъ переводится въ Харьковъ; ярмарки слѣдуютъ въ немъ одна за другой почти въ теченіе всего года.

(Сумма проданныхъ товаровъ ¹⁾ (въ милл. руб.):

		1868—72 г.	1895 г.
Ромны:	Маслянская ярмарка . . .	3,0	0,4
„	Вознесенская „ . . .	2,2	0,3
„	Александровск. „ . . .	3,6	0,3
Полтава:	Ильинская „ . . .	15,0	1,4
Харьковъ:	Крещенская „ . . .	8,5	14,0
„	Троицкая „ . . .	2,9	1,8
„	Успенская „ . . .	2,5	7,0
„	Покровская „ . . .	5,3	8,3
Курскъ:	Коренная „ . . .	5,6	0,7
Всего . . .		48,6	34,2

То же самое отмѣчается и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ Россіи, а въ томъ числѣ и на важнѣйшей послѣ Нижегородской Ирбитской.

¹⁾ Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи. Спб. 1896 г. Стр. 425—427.

ГОДА.	Обороты Ирбит- ской ярмарки.
1887	56 милл. руб.
1889	49 " "
1891	45 " "
1893	48 " "
1894	49 " "
1895	48 " "

Чтобы оцѣнить значеніе всѣхъ этихъ цифръ, нужно помнить, что общіе размѣры торговаго оборота Россіи быстро растутъ, по-тому, если бы даже сумма ярмарочныхъ оборотовъ оставалась теперь такой же, какъ и раньше, это доказывало бы относительное паденіе ярмарочной торговли. Тѣмъ болѣе сильно это паденіе если даже абсолютные размѣры ярмарочной торговли сокращаются.

Нижняя красная кривая выражаетъ собой количество очищаемаго пошлиной иностраннаго хлопка, а также среднеазиатскаго. Кромѣ иностраннаго и среднеазиатскаго хлопка, у насъ потребляется также закавказскій хлопокъ, въ небольшихъ, впрочемъ, количествахъ—нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ въ годъ. Размѣры потребленія закавказскаго хлопка можно было бы опредѣлить по подвозу хлопка по Закавказской дорогѣ, но такъ какъ подробная статистика перевозки хлопка по желѣзнымъ дорогамъ (издаваемая департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ) начинается только съ 1890 г., а за прошлые годы отчетовъ Закавказской ж. д. достать я не могъ, то я и не ввелъ закавказскаго хлопка въ общій учетъ.

Легко видѣть, что кривая хлопка, въ противоположность кривой рабочихъ, колеблется очень сильно изъ года въ годъ. Но не нужно забывать, что эта кривая не выражаетъ собой количества *действительно переработаннаго* хлопка въ данномъ году, а только очищеннаго пошлиной или подвезеннаго. Подвозъ долженъ колебаться гораздо сильнѣе, чѣмъ самая переработка, такъ какъ на подвозъ сильно вліяютъ многія обстоятельства, мало вліяющія на размѣры производства, какъ, напр., измѣненія цѣны хлопка, измѣненія пошлины на хлопокъ и пр. Такъ, напр., быстрый скачекъ подвоза хлопка въ 1887 г. и слѣдующее затѣмъ паденіе его были вызваны слѣдующей причиной. Въ 1887 г. была повышена пошлина на заграничный хлопокъ; торговцы поспѣшили подвести хлопокъ въ усиленномъ количествѣ и очистить его пошлиной, чтобы

избѣгнуть платежа повышенной пошлины, и по этой причинѣ подвозъ хлопка въ 1888 сильно сократился. Но нѣтъ основанія думать, что въ 1888 г. и хлопчатобумажное производство сократилось. Если бы намъ было извѣстно количество хлопка, дѣйствительно перерабатываемаго на фабрикахъ, то многіе неправильныя скачки и паденія хлопковой кривой сгладились бы: зубцы внизъ и вверхъ закруглились бы: кривая стала бы колебаться не такъ часто, и колебанія ея приняли бы волнообразный характеръ.

Если мы все это будемъ имѣть въ виду, то легко замѣтимъ что въ общемъ кривая хлопка движется въ томъ же направленіи какъ и кривыя рабочихъ и ярмарочной торговли до 1886 годъ 1876 и 1877 годы знаменуются сильнымъ паденіемъ подвоза: затѣмъ, подвозъ начинаетъ быстро расти, и кривая образуетъ зубчатый выступъ, соответствующій рабочей волнѣ конца 70-хъ начала 80-хъ годовъ. Затѣмъ идетъ паденіе, и только съ 1886 вновь начинается энергичное повышательное движеніе, продолжающееся съ значительными колебаніями до новѣйшаго времени.

Нижняя синяя пунктирная кривая выражаетъ собой движеніе выплавки чугуна. Эта кривая мало колеблется. Только крестьянская реформа вызываетъ глубокое паденіе ея (паденіе хлопковой кривой въ томъ же году вызвано, какъ сказано, не крестьянскою реформой, но иной причиною, дѣйствіе которой совпало по времени,—американской междоусобной войной). Затѣмъ кривая чугуна почти не движется вверхъ вплоть до конца 60-хъ годовъ (съ 70-хъ годовъ начинается повышеніе, но крайне медленное 1877 годъ, какъ и въ кривой хлопка, отмѣчается паденіемъ. Д 1886 г. продолжается прежнее медленное повышательное движеніе. Въ этомъ году картина рѣзко мѣняется. Кривая дѣлаетъ огромный скачекъ вверхъ и почти вертикально повышается безъ всякихъ колебаній до конца разсматриваемаго періода.

Движеніе этихъ кривыхъ довольно отчетливо воспроизводитъ исторію нашей промышленности въ пореформенную эпоху. Очевидно, въ развитіи нашей промышленности замѣчались колебанія развитіе это имѣло періодическій характеръ, подобно развитію промышленности другихъ капиталистическихъ странъ. Если мы сравнимъ колебанія нашей промышленности съ колебаніями промышленности, напр., англійской, то увидимъ, что за послѣднее время эпохи промышленнаго оживленія и застоя совпадаютъ у насъ съ таковыми же эпохами въ Англии. Въ самомъ дѣлѣ, оживленіе въ англійской промышленности замѣчалось въ началѣ 70-хъ го

довъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ. Эпохи застоя — середина 70-хъ годовъ и середина 80-хъ. Чтобы убѣдиться въ параллелизмѣ колебаній нашей промышленности и англійской, достаточно сравнить колебанія числа нашихъ рабочихъ съ колебаніями черной пунктирной линіи — цѣнности вывоза продуктовъ Соединеннаго Королевства (Великобританіи и Ирландіи).

Параллелизмъ колебаній англійскаго экспорта и фабричныхъ рабочихъ въ Россіи поразителенъ. Можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ кривыми, относящимися къ одной и той же странѣ. Когда англійскій экспортъ поднимается, увеличивается и число рабочихъ на русскихъ фабрикахъ; когда падаетъ число русскихъ рабочихъ, падаетъ и англійскій экспортъ. Существенная разница заключается въ томъ, что англійская кривая за послѣдніе годы не обнаруживаетъ того энергичнаго повышательнаго движенія, которое замѣчается въ русской кривой.

Чѣмъ же вызываются колебанія числа рабочихъ, занятыхъ на русскихъ фабрикахъ?

Уже изъ одного того, что они соотвѣтствуютъ англійскимъ колебаніямъ, слѣдуетъ заключить, что причина ихъ не имѣетъ чисто мѣстнаго характера. У насъ обыкновенно думаютъ, что единственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ состояніе нашей промышленности, является „господинъ урожай“. Это мнѣніе нашло яркаго выразителя въ лицѣ г. Николая — она. Для этого экономиста, видѣвшаго во всей нашей пореформенной промышленной исторіи только быстрое паденіе, приближеніе къ какой-то фантастической экономической катастрофѣ, чуть ли не къ всеобщему разрушенію, грознымъ ангеломъ котораго явится всеуничтожающій капиталъ, урожай является едва-ли не единственной причиной „процвѣтанія“ нашей промышленности. Легко понять, какъ важенъ этотъ тезисъ для всей теоріи г. — она. Если колебанія нашей промышленности всецѣло объясняются колебаніями урожая, то, значитъ, земледѣльческое „народное“ производство и по настоящее время является фундаментомъ всего зыбкаго зданія нашего капитализма. А такъ какъ этотъ фундаментъ оказывается весьма ненадежнымъ и притомъ не улучшающимся со временемъ, но даже ухудшающимся подъ вліяніемъ разныхъ неблагоприятныхъ условій, въ прахъ разсыпавшихъ наши вѣковыя устои, то и капиталистической „надстройкѣ“ предстоитъ печальная участь погибнуть вмѣстѣ съ устоями.

На чемъ же основываетъ г. — онъ свой тезисъ, что „процвѣтаніе промышленности находится въ зависимости отъ урожая“ ¹⁾? А вотъ на чемъ. Г. — онъ сравниваетъ колебанія доходовъ крестьянъ и землевладѣльцевъ отъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, цифры производства товаровъ и число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи за 4 года—1886—1889. Оказывается, что изъ этихъ 4 лѣтъ, въ теченіе 3 лѣтъ 1886—1888 г. наблюдалось соотвѣтствіе между колебаніями земледѣльческихъ доходовъ и колебаніями промышленности. Въ 1889 г. такого соотвѣтствія не наблюдалось—крестьянскіе земледѣльческіе доходы упали болѣе, чѣмъ на 20⁰/₀, и были ниже средней за четырехлѣтіе, а производство товаровъ въ Россіи и число фабричныхъ рабочихъ возросло и было наибольшимъ за четырехлѣтіе ²⁾. И вотъ эти-то данныя, относящіяся *всего къ четыремъ годамъ*, изъ которыхъ можно заключить о чемъ угодно, но никакъ не о зависимости состоянія промышленности отъ урожая, являются единственнымъ статистическимъ обоснованіемъ тезиса г.—она.

Однако оставимъ г. —она въ сторонѣ и вернемся къ своей діаграммѣ.

Красная пунктирная линія на этой діаграммѣ выражаетъ колебанія общаго сбора хлѣбовъ съ 1870—1899 гг. (Напомню, что данныя о сборѣ хлѣбовъ до 1894 г. и послѣ него несравнимы, ибо выражены въ различныхъ единицахъ мѣры). Сравните колебанія этой кривой съ 3-мя остальными кривыми и скажите, можно ли на основаніи этого сравненія утверждать, что въ Россіи всемъ вертеть урожай? Промышленный застой середины семидесятыхъ годовъ совпадаетъ скорѣе съ хорошими, чѣмъ съ дурными урожаями: изъ 4 лѣтъ 1874—1877 гг. урожай 1874 г. былъ даже однимъ изъ наилучшихъ. Конецъ 70-хъ годовъ былъ несомнѣнно эпохой оживленія нашей промышленности. Было ли это оживленіе вызвано урожаями? Правда, урожай 1878 г. былъ очень хорошъ, но зато урожай 1879 г. былъ ниже средняго. Время отъ 1882—1886 гг. было эпохой депрессіи; между тѣмъ только одинъ годъ (1885) этой эпохи былъ неурожайнымъ, а 1884 и 1886 годы никакъ нельзя назвать неурожайными и все-таки промышленность

¹⁾ Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Стр. 189.

²⁾ Николай —онъ, 179. Въ таблицѣ г.—она опечатка: процентъ фабричныхъ рабочихъ для 1889 г. показанъ 102,8—слѣдуетъ читать 112,8.

да въ застоѣ. Напротивъ, неурожайная эпоха начала 90-хъ годовъ едва была въ силахъ не надолго приостановить ростъ об-
ихъ цифры рабочихъ и хлопчатобумажнаго производства.

Если мы обратимся къ кривой выплавки чугуна, то тутъ мы замѣтимъ ужь ровно никакой связи между колебаніями уро-
я и состояніемъ производства. Эта кривая вообще колеблется
иногда мало и только на самомъ концѣ разсматриваемаго періода
обыкновенно быстро идетъ вверху. Поразительное развитіе чу-
юплавильнаго производства, начиная съ 1888 г., очевидно,
идетъ внѣ всякаго вліянія урожаявъ.

Остановимся болѣе подробно надъ послѣднимъ пятилѣтіемъ.
къ мы увидимъ ниже, послѣдніе годы были временемъ небы-
наго подъема нашей промышленности, завершившимся крахомъ и
ошмысленнымъ кризисомъ. Могутъ ли этотъ подъемъ и кризисъ
ясняться вліяніемъ урожаявъ? Очевидно, нѣтъ. Подъемъ на-
нается въ особенно рѣзкой формѣ въ 1897 г. Извѣстно, что
97 г. былъ голоднымъ годомъ. По даннымъ Центрального Ста-
стического Комитета „сборъ хлѣбовъ въ 1897 г. былъ ниже
едняго на 15,2⁰/о“ ¹⁾. Однако, несмотря на голодъ, подъемъ про-
шленности продолжаетъ нарастать съ ускоренной быстротой какъ
теченіе 1897 г., такъ и слѣдующаго 1898 г. Этотъ послѣдній
дъ, по характеристикѣ Центрального Статистическаго Комитета,
урожаю „можетъ быть отнесенъ къ числу среднихъ“ ²⁾. Темпъ
дъма продолжаетъ ускоряться и достигаетъ лихорадочной бы-
роты въ 1899 г. Въ концѣ этого года слѣдуетъ кризисъ и про-
шленный застой, продолжающійся понынѣ. Быть можетъ этотъ
изисъ былъ вызванъ неурожаемъ? Обращаемся къ тому же
точнику. „Сборъ 1899 г.... превышаетъ средній сборъ за пяти-
тіе на 13,7⁰/о... и долженъ быть признанъ вполне удовлетвори-
льнымъ“ ³⁾. Итакъ небывалый по своимъ размѣрамъ промышлен-
й подъемъ происходилъ у насъ въ годы неудовлетворительнаго
и средняго урожая, а кризисъ произошелъ въ годъ хорошаго
южая. Факты русской жизни, какъ видитъ читатель, жестоко
цсмѣялись надъ теоріей г. —она, являющагося, кстати сказать,
разителемъ въ данномъ случаѣ взглядовъ господствующихъ,
къ въ нашей экономической литературѣ, такъ и среди людей
ѣактики. Ученое доктринерство легко гармонируетъ съ узкостью

¹⁾ Статистика Россійской Имперіи. Урожай 1897 г. II, стр. III.

²⁾ Урожай 1898 г. II, стр. VI.

³⁾ Урожай 1899 г. II, стр. 9.

кругозора, свойственной практическимъ людямъ. Истинная наука одинаково далека какъ отъ того, такъ и отъ другого.

Посмотрите на три кривыя — черную рабочихъ, пунктирную черную англійскаго экспорта и пунктирную красную урожая. Бѣкія кривыя колеблются болѣе сходно — русскихъ рабочихъ и англійскаго экспорта, или же русскіихъ рабочихъ и русскаго же урожая? Иными словами, чему болѣе соответствуютъ колебанія чистыхъ русскихъ фабричныхъ рабочихъ — мировымъ колебаніямъ капиталистической промышленности (кривая англійскаго экспорта), или колебаніямъ русскаго урожая? Я полагаю, что отвѣтъ ясенъ: можетъ быть сомнѣнія, что колебанія нашей промышленности какимъ образомъ не могутъ быть объяснены колебаніями урожая.

Изъ всего этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что урожай играетъ никакой роли въ состояніи нашей промышленности. Но на нѣкоторые роды производства урожай, несомнѣнно, вліяетъ очень сильно. Нельзя сказать, чтобы годовыя колебанія хлопчатобумажнаго производства всецѣло обусловливались колебаніями урожая: но, что эти послѣднія являются однимъ изъ существенныхъ факторовъ первыхъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ той же диаграммы, если только не забывать, что, во-первыхъ, вліяетъ урожай сказывается, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ каждаго года, и, во-вторыхъ, кривая ввоза хлопка не есть сама кривая хлопчатобумажнаго производства, почему многіе невольные скачки этой кривой не выражаютъ собой такихъ же колебаній производства. Зато на другія производства урожай почти не вліяетъ; къ числу таковыхъ относится, какъ видно изъ нашей диаграммы, одна изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности, значеніе которой должно все расти и расти — чугуноплавильное производство и, вообще, добыча металловъ.

Отчего же въ такомъ случаѣ зависятъ волнообразныя колебанія нашей промышленности? Какъ я говорилъ, уже изъ того, что эти колебанія, въ общемъ, совпадаютъ съ колебаніями англійской промышленности, должно заключить, что причины ихъ являются общаго характера. Въ развитіи нашей промышленности отражается періодичность, свойственная капиталистическому производству всего міра. Чередуваніе эпохъ оживленія и застоя промышленности является въ нашемъ пореформенномъ хозяйствѣ такимъ же типичнымъ явленіемъ, какъ и въ другихъ капиталистическихъ хозяйствахъ. Именно этой причиной — періодичности

витія, свойственной капиталистическому производству, и вызывается правильными волнообразными колебаніями числа рабочихъ на нихъ фабрикахъ и оборотовъ на Нижегородской ярмаркѣ.

Тяжелый міровой кризисъ 1857 года, пронесшійся ураганомъ всей Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, отразился, хотя значительно слабѣе, и въ Россіи. Конецъ 50-хъ годовъ былъ отмеченъ у насъ банкротствами банковъ, акціонерныхъ предприятий, торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, застоємъ торговли и паденіемъ производства — обычными симптомами промышленнаго кризиса. Вотъ, что пишетъ объ этомъ одинъ современный русскій писатель: „Образовалась акціонерная игра, слава Богу, должавшаяся недолго, въ которую вдалились и учредители и акціонеры еще тогда, когда дѣйствія обществъ ничѣмъ не доказали на практикѣ выгоды затѣянныхъ предприятий. Сначала казалось, что акціонерныя дѣла идутъ весьма хорошо и блика обратилась къ нимъ съ необыкновеннымъ довѣріемъ. Дѣла всѣхъ обществъ весьма легко перепродавались на биржѣ и часто замѣняли наличныя деньги или облигаціи. Но скоро все измѣнилось. Невыгодный балансъ (обычное явленіе въ эпоху, предшествующую промышленному кризису; подробности объ этомъ см. мою книгу „Промышленные кризисы“, М. Т.-Б.) произвелъ неурядный курсъ и вызвалъ большой спросъ монеты... Банки перестали выдавать ссуды подъ недвижимыя свободныя имѣнія дома. Акціи потеряли свою цѣнность и не могли уже по прежнему замѣнять денежныхъ знаковъ. Съ одной стороны, недостатокъ въ деньгахъ мгновенно и быстро усилился, а съ другой — потеря цѣнности акцій заставила акціонеровъ обратить вниманіе на дѣйствія правленій, — и тогда открылись ихъ ошибки, злоупотребленія и даже иногда расхищенія акціонерныхъ капиталовъ... Послѣдствіемъ всего этого было почти полное уничтоженіе цѣнъ на акціи. Акціи многихъ обществъ не покупались и не принимались въ платежи ни по какимъ цѣнамъ, тогда какъ собранныя на эти начальныя предприятия съ 1856 г. суммы простирались свыше 150 милл. р. с... Недостатокъ денегъ сдѣлался повсемѣстнымъ. Все это совокупно отразилось на многихъ другихъ отрасляхъ промышленности, особенно на мануфактурныхъ, и произвело повсемѣстный въ государствѣ застой торговли... Этотъ застой торговли отражается на множествѣ различныхъ мелкихъ промышленностей, съ коими сопряжена торговля этими товарами. Если бы правительство не открыло для купечес-

ства кредитъ въ московской конторѣ коммерческаго банка на болѣе льготныхъ основаніяхъ, то банкротства отъ совокупности всѣхъ описанныхъ обстоятельствъ произошли бы весьма значительныя многочисленныя, и внутренняя торговля наша была бы потрясена весьма сильно“ 1).

Это описаніе вполне воспроизводитъ обычную картину торговъ промышленнаго кризиса. Болѣе подробное описаніе дѣйствія кризиса конца 50-хъ годовъ на русскую промышленность мы находимъ у В. Безобразова: „Оживленіе промышленности и коммерческаго дѣла, съ окончаніемъ восточной войны, было для всѣхъ такъ очевидно, что нѣтъ надобности доказывать его... Коренное оживленіе нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ принадлежитъ 1854—1857 гг. Оно началось еще до заключенія мира. Оно проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ, необычайной бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннихъ ярмаркахъ, быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ... Апогей этого движенія внутри Россіи былъ въ 1855 и 1856 годахъ, о которыхъ рѣшительно всѣ участники нашей промышленной и коммерческой дѣятельности говорили, какъ о золотомъ времени. И простые рабочіе, и фабричныя и фабриканты, и купцы всюду говорили намъ объ этомъ времени „мы тогда озолотились“; фабрики не успѣвали готовить товаровъ, строились новыя фабрики и расширялись старыя, цѣна на всѣ товары и заработки росла непомѣрно... Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками; всеобщій промышленный и коммерческій застоій, дающій положенію нашихъ дѣлъ, съ 1858 и 1859 г., характеръ кризиса. Уже съ 1858 года начинаются во внутренней производствѣ и торговлѣ задержки, заминки, которыя въ 1859 году превращаются внутри Россіи въ значительный кризисъ. Съ начала этого года начинаютъ раздаваться жалобы на слабость сбыта на накопленіе непроданныхъ товаровъ, съ 1858 года начинаютъ плохія ярмарки, состояніе которыхъ съ тѣхъ поръ не улучшается а съ каждымъ годомъ ухудшается. Крушеніе акціонерныхъ компаній было бы излишне описывать: оно слишкомъ всѣмъ извѣстно немногія изъ акціонерныхъ предпріятій уцѣлѣли и то почти и

1) А. Шиповъ. Какъ и отчего исчезли у насъ деньги? Спб. 1860
Стр. 33—34.

ключительно тѣ, которыя существовали до войны. Мѣсто безграничнаго увлеченія акціонернымъ дѣломъ заступила или настоящая паника или полнѣйшее равнодушіе... Но акціонерный кризисъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя. Какъ внутреннее промышленное оживленіе, о которомъ мы говорили, составляло главный характеръ первой эпохи испытаннаго нами переворота, такъ промышленный и коммерческій застой, поразившій наше народное хозяйство во всѣхъ внутреннихъ центрахъ производительности и на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ, представляетъ собой самую серьезную сторону второй или, лучше сказать, нынѣшней эпохи кризиса“ 1).

Я не буду дольше останавливаться надъ описаніемъ кризиса конца 50-хъ годовъ, такъ какъ описаніе отдѣльныхъ моментовъ нашей промышленной исторіи не входитъ въ задачу этой книги. Приведу только нѣсколько цифръ, изъ которыхъ читатель можетъ судить объ акціонерной горячкѣ, предшествовавшей кризису.

Капиталь вновь
основанныхъ ак-
ціонерныхъ компа-
ній 2).

1856	15 милл. руб.
1857	300 „ „
1858	51 „ „
1859	67 „ „

Начало 70-хъ годовъ было эпохой самой безумной учредительской горячки въ западной Европѣ, особенно въ Австріи и Германіи. За этой горячкой послѣдовалъ знаменитый вѣнскій биржевой крахъ въ маѣ 1871 года, а затѣмъ кризисъ распространился и на Соединенные Штаты и охватилъ собой почти всю Европу. Точно такъ же и у насъ въ 1870—1872 г. замѣчалось значительное расширеніе производства, а затѣмъ послѣдовали кризисъ и банкротства торгово-промышленныхъ предпріятій. По словамъ Я. Гарелина,

1) В. Безобразовъ. О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. Москва. 1863 г. II, стр. 24.

2) Безобразовъ, II, стр. 22. Въ журналахъ того времени, особенно „Вѣстникъ промышленности“ и „Экономическомъ указателѣ“ содержится богатый матеріалъ по исторіи кризиса 1857 г. въ Россіи.

„конецъ 1872 г. и начало 1873 г. были ознаменованы банкротствами... Такой ходъ торговли объясняется не конкуренціей съ иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась въ томъ, что ситцевъ было наработано громадное количество, и ихъ нужно было сбыть во что бы то ни стало“ ¹⁾.

Максъ Виртъ даетъ такое описаніе дѣйствія мірового кризиса 1873 г. на русскую торговлю: „прежде всего банкротства разразились въ метрополиі русской торговли—въ Нижнемъ-Новгородѣ. Уже въ концѣ августа сдѣлалось извѣстнымъ, что трое купцовъ оказываются несостоятельными на сумму въ 1.170.000 р... Торговцевъ, оказавшихся несостоятельными на болѣе мелкія суммы, было очень много... Изъ Одессы извѣщали о многихъ крупныхъ и мелкихъ банкротствахъ, вызвавшихъ среди тамошнихъ коммерсантовъ настоящую панику, такъ что деньги совсѣмъ исчезли изъ обращенія. Въ числѣ фирмъ, обанкротившихся въ Одессѣ, была одна, пассивъ которой простирался до 1½ мил. руб.; другая оказывалась несостоятельной на 1.200.000 р. Въ остальныхъ банкротствахъ пассивы колебались между 100.000 и 1 милліономъ рублей. Перепуганные банки, которые передъ этимъ щедро расточали на право и налѣво свой кредитъ, стали усиленно стягивать обратно выданныя ими ссуды и этимъ только усилили общее смятеніе“ ²⁾.

Въ своемъ отчетѣ за 1876 г. Московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ указывало на печальное положеніе торговли и промышленности московскаго раіона. О размѣрахъ кризиса можно судить по росту несостоятельности въ районѣ Московскаго коммерческаго суда.

	Число несостоя- тельствъ.	Общій пассивъ.
1874	68	5.313 тыс. руб.
1875	56	10.900 „ „
1876	113	31.495 „ „

Общее положеніе рисуется въ отчетѣ такими словами: „въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія, что нѣтъ ни одной фирмы въ Москвѣ, которая не понесла бы болѣе или менѣе значительныхъ убытковъ и не была бы вынуждена къ болѣе или менѣе значительному сокращенію своихъ оборотовъ“ ³⁾.

По объясненію отчета, кризисъ былъ вызванъ слѣдующими

1) Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. II, стр. 60.

2) Исторія торговыхъ кризисовъ. 1877 г. Стр. 475.

3) Вѣстникъ Европы, 1877. XII. Внутреннее обозрѣніе.

стоятельствами: въ началѣ 70-хъ годовъ фабричное производство значительно расширилось, благодаря быстрому развитію желѣзнодорожной сѣти. Предложеніе скоро обогнало спросъ, но расширеніе кредитныхъ продажъ давало возможность фабрикантамъ сбыть товаръ продавцамъ. Спекуляція удерживала товарныя цѣны въ паденія, и производство продолжало расти, несмотря на все увеличивавшуюся трудность продавать товаръ потребителямъ. Урожаи 1872 и 1875 гг. дали толчекъ къ кризису: цѣны мануфактурныхъ товаровъ быстро упали, производство сократилось, и клѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, отъ которыхъ особенно пострадала мануфактурныя фирмы.

Внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы“ очень вѣрно отмѣчаетъ важнѣйшую причину, вызвавшую сначала расширеніе, а затѣмъ сжатіе нашего внутренняго рынка въ 70-хъ годахъ. И то другое объяснялось вліяніемъ на народный спросъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ періодъ желѣзнодорожной строительной горячки конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ было израсходовано больше милліарда рублей. Больше всего дорогъ строилось въ 1868—1871 г. Затѣмъ постройка вдругъ пала и хотя въ 1873 и 1874 она опять увеличилась, но въ слѣдующіе годы стала рѣшительно уменьшаться.

Параллельно съ этимъ измѣнился спросъ на товары. Пока желѣзныя дороги усиленно строились, спросъ на товары былъ боекъ, тогда постройка сократилась—упалъ и спросъ.

„Громадный оборотъ желѣзнодорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы, независимо даже отъ политическихъ обстоятельствъ... У насъ же, въ странѣ крайне медленнаго экономическаго развитія, онъ представлялъ нѣчто въ родѣ того „золотого дождя“, какой явился въ Германіи пятью милліардами франковъ французскою контрибуціи. Въдѣ основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1.544 милл. кред. руб. — также недалеко до пяти милліардовъ франковъ. И... сокращеніе строительства повліяло и у насъ на возникновеніе чего-то въ родѣ краха“¹⁾.

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1877, XII. Внутреннее обозрѣніе, 802. Сходнымъ образомъ объясняетъ кризисъ половины 70-хъ годовъ и И. Влюхъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи“. С.-Пб. 1878. Томъ V. Тѣми же причинами—педюличностью расширенія желѣзнодорожной сѣти—вызывалась въ значительной мѣрѣ періодическая смѣна оживленія и застоя промышленности въ Западной Европѣ и Америкѣ. См. мою книгу „Промышленные рисисы“.

Что касается до конца 70-х годовъ, то эта эпоха вполне имѣла характеръ спекулятивной и учредительской горячки. Ярмарка 1878 года по размѣру привоза была самой низкой въ 70-хъ годахъ, но зато по спросу на товары она была наилучшей. Благодаря тому, что товаровъ было подвезено мало, а спросъ на товары сильно оживился послѣ окончанія турецкой войны, товарныя цѣны чрезвычайно поднялись. „Нижегородская ярмарка 1878 года представлялась необыкновенно блистательно во всѣхъ отношеніяхъ. Подобной ярмарки не запомнили въ лѣтописяхъ Макарія. Сбытъ всѣхъ товаровъ былъ необыкновенно бойкій; почти по всѣмъ отраслямъ спросъ превышалъ предложеніе. Въ особенности были хороши расчеты; всѣ продажи дѣлались за наличныя, всѣ уплаты по прежнимъ обязательствамъ производились съ величайшей и правностью. Въ наличныхъ деньгахъ было неслыханное изобиліе. Все это „усилило до-нельзя возбужденіе въ нашемъ промышленномъ мірѣ... Это возбужденіе, какого давно не запомнятъ и нашей промышленности, необыкновенное усиленіе производства на всѣхъ прежнихъ фабрикахъ и заводахъ и расширеніе новыхъ достигли своего апогея въ срединѣ 1879 г., и онъ (апогей) продолжался до 1880 года“¹⁾.

О степени торговаго оживленія этой эпохи можно судить и тому, что, по словамъ Безобразова, прибыли торговопромышленныхъ фирмъ въ эту эпоху достигли огромныхъ размѣровъ. По официальнымъ отчетамъ нѣкоторыхъ акціонерныхъ обществъ, прибыли ихъ за этотъ періодъ достигли 40, 50 и даже 70% на акціонерный капиталъ.

„Чрезвычайное усиленіе производства, начавшееся еще въ 1878 г., продолжалось въ зимнемъ фабричномъ періодѣ 1879—80 г. Это усиленіе было таково, что хлопчатобумажная промышленность всего болѣе подвергшаяся промышленному возбужденію этой эпохи расширилась на 900 тысячъ (и можетъ быть до 1 милліона, какъ исчисляли знающіе люди) вновь поставленныхъ въ 1879 г. прядильныхъ веретенъ. Это расширеніе, когда все количество веретенъ исчислялись у насъ до 3¹/₂ милл., даетъ понятіе о томъ необыкновенномъ полетѣ, который приняла вся наша промышленность въ эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дѣло превзошло въ этомъ отношеніи всѣ прочія“²⁾.

¹⁾ Б. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. , стр. 277.

²⁾ Безобразовъ, I. стр. 279.

Такое возбужденіе должно было неизбежно повести къ реакціи. Ярмарка 1880 г. уже обнаружила превышеніе предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ. По словамъ Безобразова, она была „пестрой“—хорошей для однихъ товаровъ и дурной для другихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ вышеприведенной діаграммы, толчекъ 70-хъ годовъ былъ такъ силенъ, что ярмарка 1881 г. оказалась наивысшей по размѣрамъ подвоза. Ярмарка этого года вообще была хорошей. Счастливой развязкѣ ся очень помочь хорошій урожай 1881 г. Періодъ конца 70-хъ годовъ и начала 80-хъ характеризуется Безобразовымъ слѣдующимъ образомъ: „Затишье и почти застой въ промышленныхъ предпріятіяхъ до войны; чрезвычайное промышленное возбужденіе, начинающееся съ конца войны въ 1877 г. и достигающее своего апогея въ концѣ 1879 г.; реакція противъ этого возбужденія, возникающая въ началѣ 1880 г. и продолжающаяся приблизительно до второй половины 1881 г.; оживленіе дѣлъ съ середины 1881 г.“.

Основной причиной промышленнаго возбужденія конца 70-хъ годовъ Безобразовъ считаетъ усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ на военные расходы. „Въ сравненіи съ этой силой, всѣ прочіе факторы имѣли только второстепенное и подчиненное значеніе; они только видоизмѣняли и усложняли дѣйствіе главнаго агента, то усиливая его, то отчасти ему противодѣйствуя, но въ общемъ результатъ всѣ эти факторы (урожай, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, политическія событія и пр. М. Т.-Б.) не могли ни уравновѣсить дѣйствія этой главной силы, ни даже измѣнить его общее направленіе“. Въ частности, урожай, по мнѣнію Безобразова, играли нѣкоторую роль въ этой смѣнѣ возбужденія и застоя, но роль безусловно подчиненную.

Различіе эпохъ промышленнаго возбужденія конца 50-хъ и 70-хъ годовъ, по объясненію Безобразова, заключалось въ томъ, что въ 50-хъ годахъ спекуляція направилась преимущественно на устройство новыхъ акціонерныхъ предпріятій и имѣла болѣе биржевой характеръ, чѣмъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Эта послѣдняя эпоха особенно характеризовалась „лихорадочнымъ усиленіемъ производства по издавна существующимъ отраслямъ промышленности, преимущественно фабричной“.

Я никакъ не могу согласиться съ Безобразовымъ, что усиленные выпуски бумажныхъ денегъ были главнѣйшей причиной спекулятивной горячки конца 70-хъ годовъ. Эти выпуски могли только содѣйствовать оживленію промышленности. Продолжительный за-

стой половины 70-х годовъ привелъ къ сокращенію предложенія товаровъ, сравнительно со спросомъ, что и обнаружилось на ярмаркѣ 1878 г. Результатомъ этого явилось повышеніе товарныхъ цѣнъ; заключеніе мира дало толчокъ къ промышленному возбужденію, всегда наступающему послѣ періода депрессіи. Вообще очень трудно приурочить къ отдѣльнымъ причинамъ періодическую смѣну періодовъ оживленія и застоя, наблюдающуюся во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Застой, можно сказать, самъ рождаетъ оживленіе, а оживленіе, благодаря перепроизводству, приводитъ къ застою. Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ отличаются усиленіемъ производства, развитіемъ торговыхъ оборотовъ и оживленіемъ спекуляціи не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ—въ С.-Американскихъ Соед. Штатахъ, Англии, Франціи, Германіи. Точно такъ же во всемъ капиталистическомъ мірѣ половина 80-хъ годовъ была эпохой промышленнаго застоя.

Въ 1882 г. въ Парижѣ разразился крахъ Бонту, а въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1884 г. повторился желѣзнодорожный крахъ, подобный краху 1873 г., но только въ болѣе слабой формѣ. Годы 1882—1886 повсюду отмѣчаются сокращеніемъ производства и торговымъ застоємъ. Точно такъ же и у насъ послѣ ярмарки 1882 г. послѣдоваль цѣлый рядъ неудачныхъ, подвозъ товаровъ падалъ, производство сокращалось. Начался тяжелый промышленный застой, продолжавшійся до 1887 года.

О застоѣ начала 80-хъ годовъ имѣются весьма интересныя свѣдѣнія въ обширной статьѣ С. Приклонскаго, помѣщенной въ „Дѣль“ за 1883 г. Привожу обширныя выдержки изъ этой статьи.

„Зимою 1880—81 г. рабочіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности были поставлены въ самое бѣдственное положеніе. Въ Петербургѣ крупныя заводы, особенно механическіе, стали распускать рабочихъ... Такъ, напр., на огромномъ заводѣ Берда, гдѣ прежде работало 3—4 тысячи человекъ, теперь осталась 1000 рабочихъ, на Александровскомъ заводѣ, вмѣсто 800 осталось 350 рабочихъ, на Сампсоніевскомъ вмѣсто 1200—1500—только 450 человекъ; на заводѣ Нобеля вмѣсто 900—1200 — около 600; на остальныхъ механическихъ заводахъ точно такъ же произошло значительное уменьшеніе числа рабочихъ. Вообще миллионныя обороты заводовъ сократились почти на половину“.

По словамъ С. Приклонскаго, промышленный застой начался въ Московской губерніи еще съ весны 1880 г., при чемъ застой

принялъ болѣе острую форму послѣ Нижегородской ярмарки этого года. Съ зимы 1880—81 г. во всемъ Московско-Владимірскомъ районѣ произошло сильное сокращеніе числа рабочихъ. Особенно пострадали мелкія фабрики, многія изъ которыхъ принуждены были ликвидировать дѣла. Въ Александровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи отъ кризиса жестоко пострадала шелковая ткацкая промышленность. „Въ январѣ 1881 г. изъ 165 карасниковъ—владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, занятыхъ размоткою шелка—50 совсѣмъ прекратили работу, а остальные болѣе или менѣе значительно сократили производство, такъ что въ одномъ этомъ промыслѣ осталось безъ работы болѣе 9000 человекъ“. Цѣны на рабочія руки въ мелкихъ заведеніяхъ такъ понизились, что напр. плата дѣвушекъ-размотчицъ упала съ 18—25 р. за зиму до 6—8 р. за тотъ же срокъ. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ число безработныхъ также было весьма велико. „Средней руки фабриканты вслѣдствіе промышленнаго застоя сократили размѣръ рабочей платы. Крупные фабриканты не хотѣли открыто послѣдовать примѣру ихъ и старались достигнуть уменьшенія заработной платы путемъ увеличенія штрафовъ, которые были доведены до величайшей строгости. Долгое время фабриканты не рѣшались сократить число рабочихъ... но наконецъ, они не выдержали и даже такія солидныя фирмы, какъ наслѣдники Саввы Морозова, стали распускать рабочихъ... Положеніе фабричныхъ рабочихъ было до такой степени тяжело, что несмотря на затруднительность и даже полную невозможность найти работу на фабрикахъ, которыя тяготились слишкомъ большимъ составомъ рабочихъ командъ, все-таки нередко бывали случаи забастовокъ... На извѣстной ярцевской фабрикѣ Хлудова, въ Духовщинскомъ у., къ январю 1881 г. уже двѣ тысячи рабочихъ получили расчетъ и оставили фабрику, крайне недовольные мѣрами, принятыми фабричною администраціей съ цѣлью сокращенія заработной платы... Въ Костромской губ. зимою 1880—81 г. фабриканты сократили число рабочихъ на $\frac{1}{3}$. Отчаяніе въ средѣ рабочаго населенія, по словамъ „Московского Телеграфа“, было такъ велико, что требовалось особое искусство при расчетѣ рабочихъ, чтобы дѣло не дошло до бѣды“. Въ посадѣ Клинцахъ Черниговской губерніи число рабочихъ на фабрикахъ было сокращено на 40%, а заработная плата была понижена на 30—50%. „Въ Твери на фабрикахъ Морозова и Берга часть рабочихъ была распущена, а остальнымъ сокращена заработная плата на 20%... Въ Ржевѣ, по случаю остановки пряжи

пеньки, до 12 тысячъ прядильщиковъ были обречены на голодное существованіе... Въ селѣ Павловѣ многочисленные кустари, занимающіеся замочно-ножевымъ производствомъ, вынесли много тяжелыхъ лишеній по случаю безработицы“. Недѣльный заработокъ кустарей упалъ съ 2 р. 50 к. до 60—80 к. Работы были сокращены и на Мальцевскихъ заводахъ.

„Послѣ значительнаго сокращенія работъ и пониженія заработной платы зимою 1880—81 г.г. положеніе рабочихъ, занятыхъ неземледѣльческою промышленностью, нисколько не улучшилось до настоящаго времени. Правда, подъ вліяніемъ преувеличенныхъ извѣстій объ урожаѣ, промышленность нѣсколько оживилась осенью 1881 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало незначительное повышеніе заработной платы; но это улучшеніе въ бытѣ рабочаго населенія продолжалось самое короткое время и скоро опять смѣнилось прежней безработицей. Подъ вліяніемъ пониженія заработной платы въ 1882 г. произошелъ рядъ стачекъ фабричныхъ рабочихъ, не имѣвшихъ однако благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, такъ какъ рабочій рынокъ былъ переполненъ предложеніемъ труда“.

Застой 1882 г. охватилъ еще большій районъ, чѣмъ застой предыдущаго года. Такъ въ 1882 г. тяжело пострадала промышленность Царства Польскаго. Въ Варшавѣ лѣтомъ 1882 г. было около 20000 безработныхъ; безработица въ самой тяжелой формѣ отмѣчалась во всѣхъ промышленныхъ центрахъ сѣверно-западнаго края и Царства Польскаго.

Въ Московско-Владимірскомъ районѣ промышленный застой продолжалъ усиливаться, при чемъ кустарная промышленность страдала отъ него еще сильнѣе, чѣмъ фабричная.

Свою интересную статью г. Приклонскій заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. „Неизвѣстно, долго-ли еще протянется тотъ промышленный кризисъ, который вызвалъ сокращеніе работъ и уменьшеніе заработка почти по всѣмъ производствамъ. До сихъ поръ не видно впереди окончанія теперешняго тягостнаго для всѣхъ, а особенно для рабочаго класса, положенія дѣлъ... Теперешнее положеніе рабочихъ тяжело, а вслѣдствіе этого и всѣ недостатки рабочаго быта выступаютъ теперь съ поразительной рельефностью и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе общества и правительства. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется то обстоятельство, что въ наиболѣе тяжелую для рабочихъ годину, у насъ появились первые труды по изслѣдованію положенія фа-

ричныхъ работниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ первый опытъ браженія рабочихъ интересовъ путемъ фабричнаго законодательства... Долго замалчиваемый у насъ рабочіи вопросъ какъ вдругъ выросъ изъ земли и предсталъ предъ нашими глазами въ то время, когда продолжительный промышленный кризисъ ухудшилъ положеніе рабочихъ“¹⁾.

Застой продолжался, какъ сказано, до 1887 г. Корреспонденты земскаго земства указывали, что зима 1886—87 г. была чрезвычайно тяжелой для промышленнаго населенія и отличалась крайнимъ упадкомъ фабричныхъ заработковъ крестьянъ. „Цѣны на трудъ и спросъ на рабочія руки упали; многія фабрики стали; другія сожали производство“ — этими словами характеризуется Ежедневникъ Московскаго земства фабричная промышленность Московской губерніи въ концѣ 1886 года. Застой въ дѣлахъ былъ такъ силенъ, что многіе фабричные, совершенно отвыкшіе отъ землѣдѣнія, вернулись въ деревню и взялись за соху. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „фабричное производство почти что пріостановилось, а фабричный народъ жилъ дома безъ заработка“²⁾.

Новая эпоха промышленнаго оживленія начинается съ 1887 г. въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдуетъ заминка, соотвѣтствующая вѣковому застою начала 90-хъ годовъ. Съ 1895—96 гг. во всемъ капиталистическомъ мѣрѣ начинается небывалый подъемъ. То же наблюдается у насъ.

Періодическія колебанія нашей промышленности имѣли своей причиной у насъ, какъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ, періодическое созданіе новаго основнаго капитала. Періоды промышленнаго подъема были періодами грюндерства, періоды зстоя — періодами паденія учредительства. Эту періодическую мѣну подъема и упадка грюндерства можно ясно подмѣтить въ исторіи нашей акціонерной промышленности. Такъ въ интересной книгѣ „Обзоръ дѣятельности акціонерныхъ предприятий въ Россіи,“³⁾ входимъ слѣдующую характеристику періодической смѣны эпохъ акціонернаго грюндерства въ Россіи:

1) Дѣло. 1883 № 1. Хроника рабочаго труда въ Россіи. С. Приклонскаго.

2) Статистическій Ежегодникъ Московскаго губернскаго земства. 1887. устарыне, отхожіе и фабричныя промыслы. Стр. 18. Промышленный застой 80-хъ годовъ подробно описанъ также въ нѣсколькихъ Внутреннихъ обзорѣніяхъ „Русской Мысли“ въ 1882 г.

3) Вѣстникъ Финансовъ, 1900, № 29.

„Въ 1850 и 1851 гг. совѣтъ не было основано акціонерныхъ обществъ, и число послѣднихъ начинаетъ увеличиваться только съ 1853 г., причемъ въ 1857 и 1858 гг. учредительская дѣятельность достигла своего апогея за весь этотъ періодъ. Въ время, какъ въ 1851—55 гг. учреждено было только 18 акціонерныхъ обществъ, съ капиталомъ въ 16,4 мил. р., за пятилѣтіе 1856—60 гг. число учрежденныхъ обществъ повысилось до 10 а капиталъ ихъ до 317 мил. р. Въ слѣдующемъ пятилѣтіи 1860—65 гг. учредительская дѣятельность снова уменьшается... Учредительская дѣятельность, охватившая Западную Европу въ концѣ 60-хъ годовъ и съ новой силой вспыхнувшая въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, сопровождалась оживленіемъ акціонерной дѣятельности и въ Россіи... На одинъ трехлѣтній періодъ 1871—73 гг. приходится 227 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 347 м. р. Съ этого времени учредительская дѣятельность по многимъ падаетъ... въ 1879 г. въ паденіи учредительской дѣятельности наступаетъ перерывъ, продолжавшійся до 1881 г., но послѣ того понижающее движеніе вновь усиливается и рѣшительный поворотъ въ этомъ отношеніи наступаетъ только съ 1889 г., который служитъ началомъ небывалаго еще въ Россіи оживленія акціонерной дѣятельности“. Въ той же статьѣ приведена, заимствованная изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ слѣдующая любопытная статистика вновь основанныхъ въ Россіи акціонерныхъ компаній:

Годы:	Число вновь основанныхъ акц. компаній.	Годы.	Число вновь основ. акц. компаній.
1856	8	1869	21
1857	14	1870	33
1858	41	1871	60
1859	28	1872	61
1860	17	1873	106
1861	8	1874	50
1862	6	1875	48
1863	9	1876	41
1864	10	1877	25
1865	11	1878	13
1866	18	1879	20
1867	12	1880	30
1868	20	1881	45

Вторая половина 80-х годовъ была отмѣчена промышленнымъ астоємъ. Въ связи съ этимъ нарицательный капиталъ вновь основанныхъ въ Россіи акціонерныхъ компаній былъ въ тысячахъ рублей:

за 1880—84	231.575
„ 1885—89	175.360

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія акціонерныя предпріятія получили чрезвычайное развитіе. Однако первая половина 90-х годовъ отмѣчена паденіемъ учредительства, быстро возрастающаго въ концѣ 90-х годовъ. Вотъ соотвѣтствующія данныя о числѣ вновь основанныхъ акціонерныхъ компаній въ Россіи:

Годы.	Число вновь основанныхъ акц. компаній.	Годы.	Число вновь основанныхъ акц. компаній.
1889	29	1894	47
1890	39	1895	86
1891	24	1896	120
1892	31	1897	118
1893	50	1898	153

Наиболѣе рѣзко выразился этотъ подъемъ въ горнозаводской промышленности. Уже со второй половины 80-х годовъ начинаетъ быстро расти желѣзодѣлательное производство юга Россіи. Старинныя уральскіе заводы, игравшіе такую первенствующую роль въ горнозаводской промышленности крѣпостной Россіи, все болѣе и болѣе теряютъ свое прежнее значеніе. Выросшіе на почвѣ крѣпостного права, они оказались мало приспособленными къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ Россіи. Зато съ изумительной быстротой возникло огромное горнозаводское производство въ Донецкомъ бассейнѣ. Это производство, организованное вполнѣ на крупнокапиталистическій ладъ, составляетъ новѣйшій и самый пышный цвѣтокъ російскаго промышленнаго капитализма. Важнѣйшимъ факторомъ развитія донецкой горнозаводской промышленности была постройка донецкой желѣзнодорожной сѣти и въ особенности Екатерининской дороги, соединившей въ 1884 г. криворожскую руду съ донецкимъ углемъ.

До 1887 г. на югѣ Россіи работало только 2 желѣзодѣлательныхъ завода—Юза и Пастухова. Съ этого года заводы начинаютъ расти, какъ грибы. За короткое время возникъ цѣлый рядъ чудовищныхъ чугуноплавильныхъ заводовъ — Александровскій, Каменскій, Гданцевскій, Дружковскій, Петровскій, Донецко-Юрьевскій, Никополь-Маріупольскій, Таганрогскій и др. Число рабочихъ на

чугуноплавильномъ заводѣ Юза около 10 тыс. чел., на прочихъ немногимъ меньше.

Въ 1899 г. на югѣ было 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ и 29 дѣйствующими доменными печами и съ 12 вновь строящимися ¹⁾).

Всѣ эти заводы работаютъ, главнымъ образомъ, по казеннымъ заказамъ и притомъ преимущественно желѣзнодорожный матеріалъ. Тамъ не менѣе, вокругъ нихъ быстро появились болѣе мелкіе заводы, перерабатывающіе желѣзо въ разныя издѣлія. Такъ Александровскій заводъ вызвалъ устройство 4 болѣе мелкихъ заводовъ (трубчатыхъ и механическихъ); рядомъ съ Новороссійскимъ заводомъ основанъ литейно-механическій заводъ; другой механическій заводъ возникъ на станціи Дебальцево, и образовалась цѣлая сеть заводовъ въ разныхъ пунктахъ Александровскаго уѣзда. По словамъ г. Рагозина, такихъ маленькихъ заводовъ (маленькихъ, разумѣется, сравнительно съ вышеназванными гигантами заводскаго міра) въ 1895 году насчитывалось не менѣе 100 ²⁾).

Вотъ какъ характеризуется развитіе южнорусской металлургической промышленности въ интересныхъ статьяхъ „Вѣстника Финансовъ“ за 1896 г.

„Южнорусская желѣзодѣлательная промышленность въ настоящее время переживаетъ самый горячій моментъ своего развитія. Капиталы, затрачиваемые въ это дѣло, съ каждымъ годомъ прибываютъ; заводы съ громаднымъ производствомъ растутъ съ такой быстротой, которая мало свойственна нашей отечественной предпримчивости... Тамъ, гдѣ 3—4 года тому назадъ и не помышляли о какой-либо промышленной дѣятельности, теперь выстроили заводы съ доменными печами, производительность которыхъ достигаетъ 10.000 пудовъ въ сутки на каждую“ ³⁾).

Весьма характерно, что южнорусскіе заводы устроены преимущественно на иностранные капиталы. „Изъ существующихъ предпріятій“,—читаемъ далѣе ⁴⁾),—чисто русскими можно назвать

1) Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Спб. 1899. Часть II. стр. 61.

2) Евг. Рагозинъ. Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. С.-Пб. 1895. Стр. 71. Эта книга имѣетъ интересъ, какъ результатъ личныхъ наблюденій автора, хотя къ даннымъ, сообщаемымъ имъ, нужно относиться съ большой осторожностью. Авторъ, горячій протекціонистъ, защищаетъ интересы крупныхъ заводчиковъ, отождествляя съ этими интересами „благо Россіи.“

3) Вѣстникъ Финансовъ. 1896 г. № 22. Очерки южнорусской металлургической промышленности.

4) „Вѣстникъ Финансовъ.“ 1897 г. № 17. Стр. 263.

лько два—Сулинскій заводъ Пастухова и Александровскій Брянскаго общества. Прочіе же или принадлежать цѣликомъ иностранцамъ, или же вперемежку съ русскими. Такъ, заводъ Новоросскаго общества (Юза) принадлежитъ англичанамъ, Гданцевскій—ранцузамъ, Днѣпровскій Южнорусскаго общества—бельгійцамъ (главный акціонеръ Коккериль), Дружковскій Донецкаго общества—ранцузамъ“ и т. д.

На заграничныхъ рынкахъ акціи этихъ заводовъ, приносившихъ громадные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли иностранные капиталысты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы слово „днѣпровскій“ или „донецкій“, чтобы засчитывать на легкой сбытъ акцій за границей.

За короткое время цѣна на угольныя земли въ донецкомъ районѣ поднялась со 100—150 р. за десятину до 200—300 и даже 400 р. за дес. Были случаи продажи по 500—600 р. за дес. „Промышленное настроеніе“,—читаемъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ № 33 а 1897 г.,—„проникло во все слои населенія юга Россіи, отодвигая на второй планъ другіе интересы. Въ послѣднее время ростъ промышленности отмѣчается не десятилѣтіями, но двумя-тремя годами. За два года югъ Россіи положительно измѣнилъ свою фисіономію въ промышленномъ отношеніи“. Возникъ цѣлый рядъ новыхъ рудниковъ и заводовъ; изъ послѣднихъ можно указать заводъ Донецкаго общества близъ станціи Дружковки, обширный желѣзодѣлательный заводъ Русско-бельгійскаго общества близъ Юлынцева, металлургическій заводъ Угре близъ Таганрога, заводъ Донецко-Юрьевскаго общества близъ Луганска, и т. д. и т. д. Въ Харьковѣ возникъ огромный паровозный и машиностроительный заводъ. Машиностроительные заводы строятся и въ другихъ городахъ южной Россіи—Екатеринославѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Мариуполѣ. „Промышленность и торговля юга Россіи такъ растутъ, то ни желѣзныя дороги, ни южные порты не успѣваютъ удовлетворять требованіямъ промышленности и торговли“ 1).

Главнымъ предметомъ изготовленія южнорусскихъ заводовъ являются рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности. Заводы при самомъ своемъ возникновеніи запасаются казенными заказами на нѣсколько лѣтъ. Казна является важнѣйшимъ покупателемъ этихъ заводовъ (болѣе старыя изъ послѣднихъ возникали при непосредственной денежной поддержкѣ казны—частью въ видѣ единовре-

1) Вѣстникъ Финансовъ 1897 г. № 33. Стр. 474.

менной ссуды при устройствѣ заводовъ, частью—денежной преміей съ пуда выдѣлываемыхъ рельсъ). Теперь казенная поддержка выражается въ заранѣ обеспеченныхъ казенныхъ заказахъ.

Такимъ образомъ эти необыкновенные успѣхи по установившейся у насъ терминологіи „искусственные“. Это нисколько не подрываетъ ихъ значенія, ибо казна не перестанетъ строить желѣзныя дороги (наша желѣзнодорожная сѣтъ еще только въ началѣ), и, следовательно, не перестанетъ нуждаться въ рельсахъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностяхъ; значитъ, и рынокъ для нашей металлургической промышленности не исчезнетъ. Но кромѣ того и южнорусскихъ заводахъ растетъ, хотя и болѣе медленно, изготовление „торгового желѣза“—разныхъ желѣзныхъ издѣлій для широкаго рынка. Въ настоящее время изготовленіе желѣза и для желѣзнодорожныхъ надобностей отстываетъ на задній планъ потому, что спросъ на желѣзнодорожныя издѣлія, вслѣдствіе быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ еще недавно превышалъ предложеніе, и цѣны на рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности были очень высоки. На пудѣ рельсъ заводы еще очень недавно зарабатывали чистаго барыша 50—70 коп. Понятно, что заводы преимущественно и выдѣлывали рельсы; но паденіе цѣны рельсъ принудитъ заводы обратить больше вниманія на изготовленіе „торговаго желѣза“.

Въ общемъ ростъ нашего чугуноплавильнаго производства за послѣдніе годы былъ чрезвычайно великъ, какъ можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ ¹⁾.

Выплавка чугуна:

Въ милліонахъ пудовъ.

Годы.	Соед. Штаты.	Англія.	Германія	Россія.	Франція.	Бельгія..
1886	352,3	454,6	215,3	32,5	92,0	42,8
1899	844,2	576,7	489,8	165,2	156,6	74,4

За 13 лѣтъ выплавка чугуна въ Россіи увеличилась почти въ пять разъ. Даже абсолютно увеличеніе выплавки чугуна въ Россіи за это время (132,7 мил. пуд.) превосходитъ увеличеніе выплавки въ любой европейской странѣ, кромѣ Германіи. Въ 1886 г. на долю Россіи приходилось менѣе 3⁰/₁₀₀ мировой выплавки чугуна и

¹⁾ А. Матвѣевъ. Желѣзное дѣло въ Россіи въ 1899 г. Спб. 1900. Таблица I.

Россия стояла позади не только Соединенныхъ Штатовъ, Англии и Германіи, но и Франціи, Бельгіи и Австро-Венгрии. Въ 1899 г. на долю Россіи приходится уже почти 7% мировой выплавки чугуна и Россія стоитъ въ Европѣ позади только Англии и Германіи. Францію, Бельгію и Австро-Венгрію Россія уже обогнала.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ общими статистическими данными объ общемъ ростѣ нашей промышленности за послѣдніе два года (1898 и 1899), когда темпъ подъема сдѣлался лирично быстро. Послѣднія общія данныя относятся къ 1897 г. и по нимъ можно судить о силѣ новѣйшаго промышленнаго подъема. Нижеслѣдующая поучительная таблица даетъ отчетливое представленіе о ходѣ нашей промышленности за десятилѣтіе 1887—97 гг. (данныя относятся ко всей Россійской Имперіи и Финляндіи ²⁾):

Легко замѣтить, что наиболѣе быстрый подъемъ начинается послѣ 1893 г. Такъ, за 6 лѣтъ 1887—93 число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ возросло на 264.856, а цѣнность производства на 400.498 тысячъ рублей. Напротивъ, за 4 года 1893—97 гг. число рабочихъ возросло на 515.358, а цѣнность производства на 1.104.147 тысячъ руб. За первое шестилѣтіе средней годовой приростъ рабочихъ равнялся приблизительно 44 тысячамъ, а цѣнности производства—67 милліонамъ руб. За второе четырехлѣтіе средней годовой приростъ рабочихъ уже достигалъ 129 тысячъ, а цѣнности производства—276 мил. рублей.

Съ 1893 г. наблюдается быстрый подъемъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Особенно бросается въ глаза огромный ростъ цѣнности вырабатываемыхъ продуктовъ въ обработкѣ металовъ и горюч. дѣлѣ. Число горнозаводскихъ рабочихъ возрастаетъ однако гораздо слабѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Причина этого лежитъ въ быстромъ ростѣ производительности труда именно въ этой отрасли промышленности. Новые южные металлургическіе заводы требуютъ несравненно меньшаго числа рабочихъ для производства опредѣленнаго количества металла, чѣмъ старинные заводы на Уралѣ, хозяйство которыхъ сложилось на принудительномъ трудѣ и до сихъ поръ не можетъ вполне освободиться отъ

²⁾ По „Своду данныхъ о фабричнозаводской промышленности въ Россіи за 1897“. 1900. Сильное увеличеніе суммы производства и числа рабочихъ въ производствахъ по обработкѣ дерева съ 1896 г. объясняется, главнымъ образомъ, болѣе полной регистраціей лѣсопильныхъ заводовъ.

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

Г р у п п ы п р о и з в о д с т в а .	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.
Волокнистые вещества	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.
Питательные продукты	2.847	3.025	4.449	463.044	621.929	946.296	399.178	497.940	642.520
То же безъ мук. производства.	14.508	13.607	16.512	375.286	399.700	648.116	205.223	216.834	255.357
Животные продукты	9.229	10.181	10.588	225.826	247.260	359.158	176.849	187.451	207.582
Обработка дерева	4.425	3.350	4.238	79.495	78.422	132.058	38.876	44.228	64.418
Писчебумажныя производства.	1.093	1.191	2.357	25.688	38.876	102.897	30.703	39.913	86.273
Химическія производства	242	343	532	21.030	27.529	45.490	19.491	33.803	46.190
Керамическія производства	588	683	769	21.509	39.560	59.555	21.134	28.382	35.320
Горная и горнозаводская про- мышленность	2.380	2.031	3.413	28.965	34.472	82.590	67.346	75.474	143.291
Металлическія издѣлія	2.656	3.482	3.412	156.012	249.168	393.749	390.915	461.455	544.333
Производства, не вошедшія въ предыдущія группы	1.377	1.822	2.412	112.618	171.140	310.626	103.300	132.008	214.311
Итого по объѣмъ группамъ	772	799	935	50.852	74.201	117.767	41.882	52.867	66.249
То же безъ мук.колынаго про- изводства	30.888	30.333	39.029	1.334.499	1.734.997	2.839.144	1.318.048	1.582.904	2.098.262
	25.609	26.907	33.105	1.185.039	1.582.557	2.550.186	1.289.674	1.553.521	2.050.487

остатковъ крѣпостнаго права. Вполнѣ возможно, что техническій прогрессъ на уральскихъ заводахъ поведетъ къ значительному сокращенію спроса на трудъ со стороны этихъ заводовъ, ибо, по-топяю, спросъ этотъ, въ современныхъ размѣрахъ, въ значительной мѣрѣ основывается на отсталости техники уральскаго металлургическаго дѣла.

Итакъ промышленное развитіе послѣднихъ годовъ характеризовалось весьма энергичнымъ подъемомъ, особенно сильнымъ въ обработкѣ металловъ и горномъ дѣлѣ. Какъ выше сказано, наша кельзодѣлательная промышленность (важнѣйшая отрасль горнаго дѣла) работаетъ преимущественно желѣзнодорожныя принадлежности. Отсюда выясняется основная причина промышленнаго подъема конца 90-хъ годовъ. Причина эта заключалась главнымъ образомъ въ усиленіи желѣзнодорожнаго строительства, къ которому присоединилась учредительская горячка, особенно развивавшаяся за 1898—99 годы. Усиленіе желѣзнодорожнаго строительства началось съ 1893 г., при чемъ съ 1896 г. расширеніе желѣзнодорожной сѣти идетъ лихорадочнымъ темпомъ.

Вотъ соотвѣтствующія данныя за 1891—99 годы ¹⁾

Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).
1891	118	1894	2117	1897	2394
1892	490	1895	1839	1898	2865
1893	1691	1896	2272	1899	4692

Въ интересномъ докладѣ г. В. Михайловскаго, прочитанномъ въ 1897 г. въ статистическомъ отдѣленіи Московскаго юридическаго общества, „Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти“ сгруппировано очень много данныхъ, ярко обрисовывающихъ „безпримѣрную въ нашей экономической исторіи желѣзнодорожную горячку“ Какъ казна, такъ и частныя общества строили дороги съ лихорадочной быстротой. Министерство финансовъ было буквально завалено проектами новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ продолженіе послѣднихъ 7 лѣтъ наша желѣзнодорожная сѣть выросла болѣе, чѣмъ на половину. Ни въ одной европейской странѣ, въ періодъ самого оживленнаго желѣзнодорожнаго строительства, по-

¹⁾ Статистическій обзоръ желѣзныхъ дорогъ и внутреннихъ водныхъ путей Россіи. Спб. 1900. Изд. М--ва Путей Сообщенія. Эти данныя относятся ко всей Россійской Имперіи, включая Финляндію.

стройка дорогъ не шла такъ энергично. Такъ за послѣднее пятилѣтіе средняя длина ежегодно открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляла 2812 верстъ, а въ Германіи, въ періодъ желѣзнодорожной горячки 1870—80 г., открывалось, среднимъ числомъ, 1.496 километровъ, во Франціи, за то же время,—873 километровъ, въ Англии за 1840—50 гг.—931 кил. и т. д. Еще недавно наша желѣзнодорожная сѣть уступала по протяженіи французской и англійской, не говоря уже объ американской и нѣмецкой. Теперь же наша сѣть уступаетъ только американской.

Желѣзнодорожная горячка послѣдняго времени была значительно сильнѣе знаменитой горячки 70-хъ годовъ, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ

(в е р с т ы).

1870 г.	. 2960	1873 г.	. 1879
1871 „	. 2429	1874 „	. 1697
1872 „	. 831	1875 „	. 759

Болѣ двухъ лѣтъ тому назадъ, въ первомъ изданіи настоящей работы, я указалъ, чѣмъ долженъ завершиться весь этотъ удивительный подъемъ. „Мы идемъ къ промышленному кризису“,—писалъ я въ началѣ 1898 г., въ періодъ наибольшаго оживленія промышленности биржевыхъ вакханалій, когда самая мысль о кризисѣ казалась, какъ людямъ практики, такъ и доктринерамъ народничества, нелѣпой¹⁾. И, дѣйствительно, кризисъ наступилъ.

Чрезвычайно поучительно развитіе этого кризиса. Промышленный подъемъ конца 90-хъ годовъ, какъ извѣстно, имѣлъ міровой характеръ и былъ особенно рѣзко выраженъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Предшествующая эпоха промышленной депрессіи закончилась въ 1895 г. Застой торговли всегда приводитъ къ скопленію въ банкахъ свободнаго незанятаго капитала и пониженію ссуднаго процента. Низкій ссудный процентъ поощряетъ спекуляцію и благоприятствуетъ грюндерству, устройству новыхъ предприятий, расширенію основнаго капитала общества. Вытекающее отсюда оживленіе промышленности ведетъ къ уменьшенію свободнаго ссуднаго капитала и повышенію ссуднаго процента, что заканчивается кризисомъ. Таковъ естественный механизмъ періодической смѣны подъема и упадка, оживленія и за-

1) См. первое изданіе „Русской фабрики“. Спб. 1898 г. Стр. 325.

гоя, прилива и отлива капиталистической промышленности, согласно теоріи кризисовъ, данной мною въ книгѣ „Промышленные кризисы“.

Посмотримъ же, какъ измѣнялся ссудный процентъ за раз-
матриваемое время на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы.

Средніе учетныя нормы ¹⁾.

ГОДЫ.	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.
1895	2,20 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	3,15 ⁰ / ₀
1896	2 „	2,48 „	3,65 „
1897	2 „	2,78 „	3,84 „
1898	2,20 „	3,26 „	4,28 „
1899	3,06 „	3,75 „	4,98 „

И въ Лондонѣ и въ Берлинѣ учетный процентъ повышается въ удивительной правильности вплоть до 1899 г. Въ Парижѣ также наблюдается повышение учетнаго процента за 2 послѣдніе года. Тѣмъ не менѣе, вплоть до 1897 г. учетный процентъ въ Западной Европѣ оставался низкимъ, — что указывало на обиліе вободнаго капитала. Это обиліе свободныхъ капиталовъ на западно-европейскомъ рынкѣ и явилось основной причиной того широкаго притока въ Россію иностранныхъ капиталовъ, которое было такимъ выдающимся фактомъ нашего промышленнаго развитія послѣднихъ лѣтъ. Отливъ капиталовъ изъ странъ старинной капиталистической культуры въ болѣе юныя капиталистическія страны есть постоянное явленіе, сопутствующее періодическимъ похамъ промышленнаго подъема. Благопріятные фазисы промышленнаго цикла всегда сопровождаются подобной эмиграціей капиталовъ, являющейся однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ распространенія капиталистическаго производства по всему земному шару. Вопросъ этотъ, въ примѣненіи къ руководящей капиталистической странѣ, Англии, разобранъ мною въ названной работѣ „Промышленные кризисы“; къ которой я и отсылаю интересующагося читателя.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о размѣрѣ прилива за послѣдніе годы иностраннаго капитала въ Россію не существуетъ. По расчету г. Брандта, основной капиталъ иностранныхъ акціонерныхъ предприятий *только* въ металлургической и каменноугольной промышленности достигалъ въ 1897 г. 167.683.554 р.

1) Г. Е. Аванасьевъ. „Денежный кризисъ“. Одесса.

а весь капиталъ тѣхъ же предпріятій (облигаціонный, запасной резервный и пр.) равнялся въ томъ же году 223.483.861 руб. Основные капиталы всѣхъ бельгійскихъ предпріятій въ Россіи достигали къ 1 янв. 1899 г. 339.843.500 р. ²⁾ По этимъ даннымъ можно судить, какими крупными цифрами выражается участіе иностранныхъ капиталовъ въ нашей промышленности. Большая часть этихъ сотенъ милліоновъ иностранныхъ капиталовъ была помещена въ Россіи за самыя послѣдніе годы—послѣ 1894 года. Денежная реформа, проведенная съ такимъ успѣхомъ г. Витте въ огромной мѣрѣ облегчила притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, устранивъ колебанія русской валюты. Въ этомъ привлеченіи иностранныхъ капиталовъ и заключалась главная задача реформы.

Итакъ тѣсная связь между общимъ промышленнымъ подъемомъ послѣдняго времени въ богатыхъ капиталистическихъ странахъ Запада и подъемомъ у насъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы втянуты въ круговоротъ мірового капиталистическаго развитія; мы составляемъ часть огромнаго капиталистическаго цѣлага и законы цѣлага управляютъ и этой частью. Наша капиталистическая промышленность испытывала и раньше, какъ мы видѣли, періодическія колебанія. Но такъ какъ значеніе промышленности въ русскомъ хозяйственномъ укладѣ въ настоящее время чрезвычайно возросло, то соотвѣтственно возросло и значеніе этихъ колебаній.

Цѣлый рядъ конверсій, совершенныхъ нашимъ финансовымъ ведомствомъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ находился въ связи съ значительнымъ пониженіемъ въ Россіи ссуднаго процента. Конверсіи эти, установившія для Россіи норму доходности государственныхъ процентныхъ бумагъ не очень отличавшуюся отъ западно-европейской (около 4%) явились существеннымъ стимуломъ послѣдовавшей затѣмъ учредительной горячки, ибо наши капиталисты, помещавшіе раньше деньги въ государственныя процентныя бумаги, не могли удовлетвориться такимъ невысокимъ, сравнительно съ обычными огромными барышами нашихъ промышленниковъ, процентомъ. Замѣчу, кстати, что конверсіи государственныхъ процентныхъ бумагъ были въ тѣсной связи и въ Западной Европѣ съ промышленными горячками и кризисами.

Какъ показываетъ опытъ западно-европейскихъ странъ, про-

1) „Иностранные капиталы“. II. Стр. 235.

2) „Вѣстникъ Финансовъ“, 1899, № 40.

мысленнымъ кризисамъ обыкновенно предшествуютъ биржевые кризисы. То же самое наблюдалось у насъ. Биржевая спекуляція начинается развиваться на петербургской биржѣ съ конца 1893 г. Курсъ биржевыхъ бумагъ сталъ быстро возрастать, при чемъ максимумъ былъ достигнутъ около 1896 г. Вотъ, напримѣръ, средніе годовые курсы на петербургской биржѣ акцій нѣкоторыхъ важнѣйшихъ кредитныхъ, торговопромышленныхъ предприятий и желѣзныхъ дорогъ за 1891—96 годы ¹⁾.

Коммерческіе банки.

Наименованіе.	Г О Д Ы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
С.-Петербургскій	{в. 627	567	499	665	910	858
учетный и ссудн.	{н. 540	445	434 ^{1/2}	466	620	630
С.-Петербургскій	{в. 533	465	512	683	770	712
международный	{н. 437	420	435	486	615	618
Русскій для внѣшн.	{в. 298	291	331	466	550	555
торговли	{н. 238	249 ^{1/2}	270 ^{1/2}	327	420	468
Волжско-Камскій	{в. 766	812	920	1050	1400	1375
" "	{н. 700	690	790	890	1000	1195
Русскій торгово-	{в. 255	255	260	368	455	388
промышленный	{н. 215	200	227	230	335	320

Промышленныя предприятия и желѣзныя дороги.

Наименованіе.	Г О Д Ы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Россійская бумаго-	{в. 200	150	200	225	350	360
пряд. мануфакт.	{н. 170	150	160	200	250	330
1 Россійск. страхо-	{в. 1220	1210	1240	1500	1625	1600
вое общество	{н. 1050	1125	1100	1210	1380	1510
Путиловскіе зав.	{в. —	—	79	180	194	147 ^{1/2}
" "	{н. —	—	64 ^{1/2}	75	118	112
Брянск. рельсопр.	{в. 127	100	133	389	580	557
заводы 1 вып.	{н. 112	74	92	133	365	452
Русско-балтійскій	{в. —	—	—	1525	2500	2275
вагоностр. зав.	{н. —	—	—	750	1360	1900
Юго-восточныхъ	{в. 175 ^{3/4}	160	176 ^{1/4}	192 ^{1/4}	200 ^{1/2}	194
желѣзн. дорогъ.	{н. 124 ^{1/2}	128 ^{3/4}	150 ^{3/4}	162	178	163

¹⁾ По даннымъ „Обзора вексельныхъ курсовъ, учетнаго процента и

Курсы большинства бумаг падаютъ въ 1892 г. (голодь въ Россіи и начало промышленнаго застоя во всемъ мірѣ). Къ 1893 г. курсы нѣкоторыхъ бумагъ падаютъ, другихъ повышаются. Въ 1894 г. картина биржевого міра рѣзко мѣняется. Курсы всѣхъ бумагъ дѣлаютъ огромный скачекъ вверхъ. Произошла полная перемѣна биржевого настроенія. Биржевая спекуляція расправила крылья и смѣло устремилась впередъ. 1895 годъ былъ еще лучше предшествовавшаго. Огромныя состоянія наживались биржевой игрой. Всякій петербуржець легко могъ убѣдиться безъ помощи какихъ бы то ни было таблицъ въ быстромъ развитіи биржевой игры. Достаточно было пройти мимо зданія петербургской биржи, вокругъ которой въ началѣ 90-хъ годовъ не замѣчалось никакого движенія и площадь передъ которой представляло собой подобіе пустыни, и посмотреть на нескончаемый рядъ экипажей, который теперь стоялъ у подъѣзда биржи въ часы биржевыхъ собраний, чтобы убѣдиться въ происшедшей перемѣнѣ. Страсть къ биржевой игрѣ охватила обширные круги общества; оффиціальная биржа не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ принять участіе въ биржевой вакханаліи и нѣкоторые модные рестораны гостепріимно открыли свои двери для биржевыхъ игроковъ, для которыхъ на оффиціальной биржѣ не находилось мѣста.

Уже въ 1896 г. на биржѣ стала чувствоваться реакція. При сравненіи курсовъ биржевыхъ бумагъ за 1896 и 1895 г. видно, что многія бумаги нѣсколько понизились въ цѣнѣ. Въ 1896 г. былъ моментъ рѣзкаго паденія курсовъ, биржевого кризиса. Но такъ какъ общее состояніе промышленности въ это время отнюдь не благопріятствовало распространенію кризиса,—промышленный подъемъ только начинался и темпъ его быстро нарасталъ,—то паденіе биржевыхъ курсовъ произвело лишь мимолетное впечатлѣніе на вѣтбиржевыя сферы. Люди практики, со своей обычной ограниченностью кругозора, не обратили никакого вниманія на этотъ первый раскатъ приближавшейся грозовой тучи.

„Биржевой кризисъ 1896 г.“,—писалъ я въ 1898 г. въ первомъ изданіи „Русской фабрики“,—„обнаружившійся преимущественно на петербургской биржѣ, быть можетъ, возвѣщаетъ, хотя и отдаленно, начало реакціи“¹⁾. И будущее вполне оправдало мои слова.

цѣнъ государственныхъ и частныхъ бумагъ... за 1896 г.“. Буквы в. и н. въ приводимой таблицѣ означаютъ высшій и низшій курсы.

1) Русская фабрика, 325.

обратимся къ движенію курсовъ акцій банковъ за послѣдующіе годы—1897, 1898 и первую половину 1899 года ¹⁾).

		Курсы акцій на С.-Петербургской биржѣ.			
		1896 г.	1897 г.	1898 г.	Январь— июнь 1899.
-Петербургскій учетный и ссудный банкъ.	{ в.	858	729	755	809
	{ н.	630	630	645	687
-Петербургскій междуна- родный.	{ в.	712	649	635	597
	{ н.	618	538	565	528
русскій для внѣшней торговли	{ в.	555	460	445	450
	{ н.	468	385	385	399
Олжеско-Камскій.	{ в.	1375	1325	1300	1260
	{ н.	1195	1200	1207	1180
русскій торгово-промышлен- ный.	{ в.	388	385 ^{1/2}	383	381
	{ н.	320	315	327 ^{1/2}	330

Курсы большей части банковыхъ акцій съ колебаніями опускаются. Очевидно, 1896 г. былъ годомъ перелома въ движеніи биржевой спекуляціи. За предшествовавшее трехлѣтіе биржа была настроена крайне сангвинически. Повышательное движеніе рѣшительно торжествовало. Послѣ 1896 г. начинаетъ одерживать верхъ тенденція къ пониженію, при чемъ въ 1897 г. послѣдовало рѣзкое паденіе, а за послѣдующіе два года тенденція неопредѣленна. Курсы большинства банковыхъ акцій стоятъ въ первой половинѣ 1899 г. значительно ниже, чѣмъ въ 1896 г.

Поучительно сравнить это медленное понижательное движеніе биржевыхъ курсовъ за трехлѣтіе 1896—99 г. съ выше отмѣчен-нымъ столь же медленнымъ, но неуклоннымъ повышеніемъ на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы учетнаго процента. И то и другое было вызвано одной причиною — уменьшеніемъ свободнаго незанятаго капитала, который пересталъ съ прежнимъ обихомъ притекать въ банки и на биржу.

Биржевая реакція нисколько не отражалась на общемъ ходѣ промышленности. Въ то время, какъ на биржѣ оживленіе ослабѣвало, въ промышленности оживленіе расло и расло. Всѣ эти явленія вполне закономѣрны и представляютъ собою естественные моменты развитія промышленныхъ кризисовъ. Кризисъ, кото-

¹⁾ Данныя за 1897—99 г.г. взяты изъ „Сводныхъ балансовъ акціонерныхъ банковъ“, издав. комитетомъ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ подъ редакціей А. К. Голубева.

рый всё́мъ казался такимъ неожиданнымъ, въ дѣйствительности подготовлялся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Уже съ конца 1898 г. въ Россіи начинаетъ чувствоваться значительное стѣсненіе въ деньгахъ. Деньги внезапно становятся „дороги“! При томъ незнакомствѣ съ явленіями денежнаго обращенія, которое господствуетъ въ широкой публикѣ, неудивительно, что разные беззаботные публицисты, въ родѣ гг. Шарапова, Оля и др., подняли вопли о недостаткѣ денегъ въ обращеніи. Золотая валюта явилась козлицемъ отпущенія. И, дѣйствительно, фактъ значительнаго „вздорожанія“ денегъ былъ налицо.

Официальный дисконтный процентъ ¹⁾.

1898 годъ,

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (6-мѣсячные векселя).
Юль.	2	2½	4	5½
Августъ. . . .	2	2½	4	5½
Сентябрь. . . .	2	2½—3	4 —5	5½
Октябрь. . . .	3	3 —4	5 —5½	5½—6½
Ноябрь.	3	4	5½—6	6½
Декабрь. . . .	3	4	6	6½

1899 годъ.

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (6-мѣсячные векселя).
Январь	3	4 —3½	6 —5	6½—6
Февраль.	3	3½—3	5 —4½	6
Мартъ.	3	3	4½	6
Апрѣль.	3	3	4½	6
Май.	3	3	4½—4	6 — 5½
Юнь.	3	3 —4	4½—4	5½—6

Всякому сколько-нибудь образованному экономисту извѣстно, что повышеніе дисконтнаго процента (въ чемъ и видятъ „вздорожаніе“ денегъ) отнюдь не равнозначуще съ уменьшеніемъ или недостаточностью денегъ въ обращеніи. Высота учетнаго процента зависитъ отъ спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ. Высокій учетный процентъ указываетъ на то, что спросъ на ссудный капиталъ высокъ сравнительно съ предложеніемъ этихъ капиталовъ—и только. Количество денегъ въ обращеніи здѣсь рѣшительно не причемъ. Золотая валюта лишь постольку виновата въ повышеніи у насъ учетнаго процента въ 1898,—99 г.г., поскольку она

¹⁾ Афанасьевъ, 3.

Вилась однимъ изъ могущественныхъ факторовъ небывалаго подъема нашей промышленности, что въ свою очередь усиливало въ громадныхъ размѣрахъ спросъ на капиталъ.

Итакъ уже съ конца 1898 г. на русскомъ рынкѣ начинается сильное стѣсненіе въ деньгахъ. Учредительская горячка предшествовавшихъ лѣтъ повела къ тому, что возникло множество предпріятій, почти не обладавшихъ никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовавшихъ лишь при помощи кредита. Вотъ какъ описываетъ грюндерство подобнаго рода г. Афанасьевъ, близко знакомый съ дѣлами этого рода по своей должности управляющаго конторой Государственнаго банка въ Кіевѣ.

„Мнѣ приходилось наблюдать эти образовавшіяся предпріятія, и я могу представить слѣдующую схему ихъ образованія. Нѣсколько лицъ обладаютъ капиталомъ въ 200 т. р. Нужно для постройки завода составить капиталъ въ 500 т. р. Процедура составленія его такова: пишется уставъ и посылается на утвержденіе въ министерство. Уставъ утвержденъ съ тѣмъ, что общество можетъ начать дѣйствовать съ того момента, какъ оно внесетъ паевой капиталъ въ Государственный банкъ. Учредители обращаются въ какой-либо банкъ и просятъ ссудить имъ на одинъ день недостающую сумму въ 300 т. р., которую тотъ же банкъ внесетъ за счетъ учредителей въ Государственный банкъ“.

„Итакъ паевой капиталъ „собранъ“. Получается удостовѣреніе объ этомъ отъ Государственнаго банка и шлется депеша министру. Теперь учредители могутъ собрать общее собраніе и выбрать правленіе, которому поручается получить изъ Государственнаго банка внесенный туда складочный капиталъ. Его получаетъ тотъ же банкъ, который и вносилъ его. Но теперь владѣльцы акцій, они же и учредители, могутъ получить въ какомъ-либо банкѣ подъ акціи извѣстную ссуду, скажемъ, въ размѣрѣ 40%. Вотъ еще 200 т. р. готовы; далѣе, они могутъ въ долгъ заказать машины для завода и для этого получить кредитъ въ заграничномъ заводѣ въ 100 т. р. Далѣе, есть еще возможность продать сахаръ будущаго производства и получить, скажемъ за 100 т. пуд. по рублю на пудъ, 100 т. р. и употребить эту сумму на авансы земледѣльцамъ за свеклу. Такимъ образомъ, хозяинъ завода въ 500 т. р. имѣетъ въ дѣйствительности только 200 т. р., а остальное все въ кредитъ. Такихъ предпріятій въ области сахарной промышленности образовалось не мало, и всѣ они построены были на расчетъ, что, во-первыхъ, прибыль сахарнаго дѣла покроетъ про-

центы на занятый капитал и дать средства амортизировать и капитал, а во-вторых, на легкости и дешевизнѣ кредита. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ расчетъ увѣнчался успѣхомъ и соблазнилъ другихъ предпринимателей. Но очевидна вся шаткость такого положенія. Вздорожалъ капиталъ,—а слѣдовательно и кредитъ,—и картина мѣняется: вмѣсто дохода получается минусъ, положеніе предпріятія становится затруднительнымъ, а кредитоспособность его хозяевъ уже исчерпана и новыхъ займовъ уже дѣлать нельзя. Напротивъ, заимодавцы (преимущественно банки) начинаютъ сокращать тотъ кредитъ, который оказывали, такъ какъ начинаютъ чувствовать страхъ предъ шаткимъ положеніемъ предпріятія“ 1).

Совершенно такъ же обстояло дѣло и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въмъ известно, что важнѣйшей операціей большинства петербургскихъ и московскихъ банковъ сдѣлалось такъ называемое „финансированіе“ разныхъ торговопромышленныхъ предпріятій, снабженіе ихъ денежными средствами въ видѣ ссудъ подъ залогъ ихъ акцій и реализованіе этихъ акцій. Дисконтная операція отступила на задній планъ передъ этими новыми, болѣе выгодными операціями, благодаря которымъ банки приняли самое близкое участіе въ грюндерствѣ.

Сводные балансы акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита 2).

	(въ тысячахъ рублей).			
	Петербургскіе банки.		Московскіе банки.	
	Учетъ.	Ссуды.	Учетъ.	Ссуды.
Къ 1 января 1896 г. . .	86.819	155.014	32.082	64.987
„ „ 1899 „ . . .	170.584	177.786	78.435	85.273
„ 1 юля 1899 „ . . .	171.162	157.010	88.065	77.002

Значительно большая часть этихъ ссудъ выдавалась подъ весьма ненадежное обезпеченіе въ видѣ акцій и облигацій разнаго рода торговопромышленныхъ предпріятій. Ненадежность этого обезпеченія стала ясно чувствоваться при ухудшеніи настроенія биржи, которое особенно усиливается съ лѣта 1899 г. Ради собственной безопасности банки были принуждены прибѣгнуть къ сокращенію ссудъ этого рода; въ іюль 1899 г. ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ значительно сокращаются. Отказъ въ кредитъ явился тяжелымъ ударомъ для многихъ предпріятій, державшихся только

1) Афанасьевъ, 29.

2) Афанасьевъ, 13.

кредитомъ, и вотъ въ августѣ слѣдуютъ первые крупные крахи—Дервиза и Мамонтова, двухъ крупнѣйшихъ предпринимателей, обороты которыхъ считались десятками милліоновъ и которые принимали участіе въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ и машиностроительныхъ. Эти крахи вызвали панику на биржѣ и въ концѣ сентября послѣдовало общее крушеніе биржевыхъ цѣнностей, Особенно рѣзко было это крушеніе въ „черный день“ петербургской биржи—23 сентября. Официальный дисконтный процентъ поднялся въ сентябрѣ (за 6-мѣсячные векселя) до 7, а въ декабрѣ даже до 7¹/₂. Усилія министерства финансовъ прекратить панику на денежномъ рынкѣ и возстановить довѣріе на биржѣ оказались совершенно тщетными. Курсы большинства акцій продолжали съ колебаніями падать въ теченіе послѣдней четверти 1899 г. и первой половины 1900 г., послѣ чего на биржѣ наступило нѣкоторое улучшеніе.

Несмотря на то, что биржевая паника сопровождалась крушеніемъ нѣсколькихъ промышленныхъ фирмъ (особенное значеніе имѣло банкротство огромнаго вагоностроительнаго завода „Фениксъ“; всего же за время кризиса обанкротилось 3 вагоностроительныхъ завода), первое время преобладало мнѣніе, что переживаемый Россіей кризисъ не есть торговопромышленный, а лишь биржевой. Мнѣніе это особенно усердно поддерживалось министерствомъ финансовъ въ его официальныхъ органахъ—„Торговопромышленной Газетѣ“ и „Вѣстникѣ Финансовъ“,—а также въ газетѣ „Новое Время“. Даже наличность денежнаго кризиса рѣшительно отрицалась. Предполагалось, что биржевые крахи суть результатъ зловредной спекуляціи немногихъ биржевыхъ дѣльцовъ, для обузданія которыхъ принимались самыя энергичныя мѣры. Однако остановить понижительную тенденцію на биржѣ не удалось. Несостоятельности учащались и охватывали все болѣе и болѣе обширныя сферы, далеко распространившись за предѣлы биржевой публики.

Зима 1899—1900 гг. была посвящена ликвидаціи предшествовавшаго промышленнаго подъема. Изъ всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія о застоѣ торговли, банкротствахъ, безработицѣ. Приведу нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій.

Въ очень тяжелой формѣ промышленный застой выразился въ Лодзи и въ сѣверо-западномъ промышленномъ районѣ, особенно въ Бѣлостокѣ, гдѣ жестоко пострадала ткацкая промышленность. Такъ „Сѣверо-Западное Слово“ сообщало изъ Бѣлостока: „Фа-

КУРСЫ АКЦИИ КОММЕРЧЕСКИХЪ, БАНКОВЪ НА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВИРЯВЪ 1).

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА.

		1899 ГОДЪ.						1900 ГОДЪ.					
		Юль.	Авг.	Сент.	Окт.	Новбр.	Дек.	Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Юнь
Учетный и ссудный.	В.	700	687	686	684	693	679	665	658	640	582	546	504
	н.	652	654	640	670	669	635	645	632	575	554	500	467
Международный	В.	528½	502	486	460	466	458	430	429	420½	406	392	365
	н.	460	485	440	450	450	434	420	417	409	390	350	337
Русскій для выш-ней торговли.	В.	400	383	376	360	362	354	341	345½	331½	323	313	286
	н.	350	361	346	348	350	325	332	327	317½	312	287	251
Волжско-Камскій.	В.	1206	1190	1201	1210	1240	1240	1233	1228	1250	1245	1170	1150
	н.	1190	1180	1180	1193	1210	1210	1215	1216	1230	1170	1160	1133
Русскій торгово-промышленный	В.	332	283	276	255	253½	250½	245	244½	248	239	232	220
	н.	260	270½	235	247	234	223½	224	229	226	227	210	204½

1) По "Своднымъ, балансамъ акціонерныхъ банковъ."

брики, за немногими исключеніями, прекратили работы; многіе рабочіе бродятъ по городу въ поискахъ за заработками или хлѣбомъ. Неоднократно уже поднимался вопросъ объ облегченіи участи рабочаго люда, но до сихъ поръ остается открытымъ. Вообще, текущій годъ для Бѣлостока—тяжелый годъ. Нужна помощь основательная; нужно облегчить время кризиса для многихъ сотенъ людей, оставшихся безъ работы, а стало быть и безъ хлѣба“.

По словамъ „Края“ мѣстное общество въ Бѣлостокѣ было озабочено въ январѣ „вопросомъ о воспособленіи мѣстнымъ фабричнымъ рабочимъ, которые въ количествѣ до 2.000 человекъ остались безъ работы вслѣдствіе настоящаго финансоваго кризиса“ („Сѣверный Курьеръ“ 30 янв. 1900). Въ Лодзи кризисъ выразился въ очень острой формѣ. „Лодзь въ настоящее время переживаетъ промышленный кризисъ, отражающійся не только на мелкихъ, но и на крупныхъ фабрикантахъ“,—читаемъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. „Съ покупательскихъ рынковъ почти ежедневно приходятъ извѣстія о прекращеніи платежей. Многія фабрики сокращаютъ производство и увольняютъ рабочихъ. Въ особенности кризисъ отразился на ткачахъ, работающихъ у себя на дому для фабрикъ. Лодзинская еврейская община сочла необходимымъ ассигновать 20.000 руб. на вспомошествованіе оставшимся безъ работы ткачамъ-евреямъ. Настоящій кризисъ вызвалъ среди лодзинцевъ мысль учредить подъ надзоромъ фабричной инспекціи общество, которое поставило бы свєюю задачей оказывать материальную поддержку временно остающимся безъ работы“.

„Сыну Отечества“ писали изъ Лодзи въ началѣ 1900 г. о промышленномъ кризисѣ такія строки: „Кризисъ, какъ разрушительный ураганъ пронесся надъ Лодзью. Онъ никого и ничего не миновалъ, всѣхъ и все задѣлъ; до однихъ онъ чуть-чуть дотронулся и особеннаго вреда имъ не причинилъ, другихъ сильно изуродовалъ, а многихъ раздавилъ и похоронилъ подъ развалинами. Это цѣлое поле битвы. Стоитъ только пройти по Петроковской улицѣ, присмотрѣться къ этимъ сосредоточеннымъ, мрачнымъ лицамъ, съ блуждающими взглядами, чтобы увидѣть, сколько пострадавшихъ... Да, всѣ суетливые, мрачные съ опущенными внизъ головами, господа—люди, закрывшіе или закрывающіе фабрики и фабрички, всѣ они блуждаютъ, какъ тѣни, и не могутъ еще опомниться отъ постигшаго ихъ удара. А куда дѣлись рабочіе закрывшихся фабрикъ? — Никуда они не дѣлись, они тоже толпятся на лодзинскихъ улицахъ. Изъ нихъ болѣе 2.000 съ семьями зареги-

стровано образовавшимся бюро еврейскаго благотворительнаго общества, которое старается облегчить ихъ участь“.

Застой торговли все усиливался въ Лодзи вплоть до мая, когда прекратила платежи съ пассивомъ въ 3½ милліона рублей одна изъ крупнѣйшихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ края (фабрика И. Бари). По поводу этого банкротства „Сѣверо-Западное Слово“ сообщало, что отъ него пострадали преимущественно банкиры и прядильщики. „Этотъ крупный крахъ“,—писала газета,—„произвелъ въ промышленныхъ сферахъ громадную сенсацію, укрѣпивъ нашихъ фабрикантовъ въ печальномъ убѣжденіи, что воцарившійся уже болѣе года у насъ весьма серьезный торгово-промышленный кризисъ еще не такъ скоро минетъ. Результатомъ этого убѣжденія является крайняя воздержанность при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и сокращеніе до minimum'a своего производства. Многие фабриканты, напуганные перспективой дальнѣйшаго ухудшенія дѣлъ, совсѣмъ пріостановили работы до болѣе благопріятнаго времени. Усиленію кризиса соотвѣтствуетъ крайнее вздорожаніе дисконта. Это обстоятельство убиваетъ всякую предпримчивость. Всякая попытка смѣлаго фабриканта открыть фабрику, прядильню и т. п. разбивается о крайнее недовѣріе банкировъ и дисконтеровъ, въ услугахъ которыхъ, увы, рѣдкій лодзинскій производитель не нуждается“.

Застой торговли былъ такъ великъ, что газеты отмѣчали случаи голодной смерти. Такъ, въ мѣстной газетѣ „Rozwój Lódzki“ читаемъ слѣдующее:

„На-дняхъ на улицѣ замѣчена была молодая женщина, не болѣе 21 года. Она шла, шатаясь какъ пьяная, возбуждая насмѣшки прохожихъ, и у нея едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ѣла уже 7 дней. Въ тотъ же день упалъ безъ чувствъ на улицѣ мужчина, оказавшійся ткачемъ, лишившимся работы. Онъ не ѣлъ нѣсколько дней и не имѣетъ даже своего угла. Тогда же на улицѣ были подобраны совершенно истощенный отъ голода 12-тилѣтній мальчикъ, дѣвушка 21 года, и 55-тилѣтній старикъ. Въ одинъ день подобрано на улицѣ 5 человекъ! Сколько же ихъ осталось незамѣченными, голодающихъ дома и не рѣшающихся, а, можетъ быть, не имѣющихъ уже силъ выходить на улицу? Лодзи, какъ и многимъ другимъ промышленнымъ центрамъ, пришлось пережить всю тягость кризиса, сократившаго работу на фабрикахъ и заводахъ и выбросившаго на улицу цѣлыя толпы лишенныхъ заработка и хлѣба людей. Въ томъ же поло-

женіи находится и Бѣлостокъ и его фабричный районъ“. Въ іюнѣ „Сѣверный Курьеръ“ сообщалъ, что, по словамъ польскихъ газетъ, берлинскіе капиталисты рѣшили изъять свои капиталы, вложенные ими въ лодзинскія промышленныя предпріятія. Переживаемый Лодзью промышленный кризисъ былъ настолько тяжелъ, что, по словамъ „Гацефиры“, одинъ изъ лодзинскихъ раввиновъ началъ собирать пожертвованія для отправки разорившихся еврейскихъ купцовъ и оставшихся безъ работы рабочихъ въ мѣста ихъ прежняго жительства.

Почти столь же тяжела была первая половина 1900 г. и для Варшавы. Такъ, по словамъ „Волини“, „въ началѣ этого года вся коммерческая Варшава была напугана цѣлымъ рядомъ краховъ очень солидныхъ и пользовавшихся полнымъ довѣріемъ фирмъ. Въ маѣ, послѣ непродолжительнаго затишья, крахи снова возобновились съ прежней силой, при чемъ, по словамъ польскихъ газетъ, падаютъ преимущественно крупныя фирмы“.

Въ важнѣйшемъ велѣдѣ за Москвой центрѣ хлопчатобумажной промышленности Московско-Владимірскаго района, г. Ивановѣ-Вознесенскѣ, застой торговли обнаружился съ осени 1899 г. „С.-Петербургскіе Вѣдомости“ сообщали, что въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ „Фабрики и заводы съ 1 октября сократили свою работу и лишній контингентъ рабочихъ увольняютъ на всѣ четыре стороны... „Иди, молъ, батюшка“,—спокойно приговариваетъ богатый фабрикантъ,— „ты мнѣ теперь не нуженъ, дѣла тихи“... Да, это — фактъ, что дѣла то торгово-промышленномъ мірѣ тихи, вслѣдствіе чего волей-неволей фабриканты и сокращаютъ работу на фабрикахъ. Вопросъ этотъ,—какъ сообщаютъ „Сѣв. Краю“,—служить злобой дня въ торговомъ мірѣ: всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что денегъ нѣтъ, платежи туги. Всѣ удивляются, что деньги какъ будто бы куда-то исчезли. Этотъ денежный кризисъ въ особенности тяжело отзывается на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя такъ или иначе пользуются кредитомъ или построены на немъ.“

Изъ Нижняго Новгорода „Волгарь“ сообщалъ въ концѣ 1899 г., что въ это время въ нижегородскій биржевой комитетъ поступали въ большомъ количествѣ жалобы на неплатежъ денегъ разными пароходовладѣльцами за аренду судовъ, за взятыя матеріалы и проч. „Причиной такого явленія, по словамъ „Волгаря“,“ считается общій упадокъ въ дѣлахъ судоходства—кризисъ, особенно рельефно выразившійся въ навигаціи этого года по случаю безработицы и, главнымъ образомъ, чрезвычайнаго паденія фрахтовъ на Волгѣ“.

„Нижегородская биржа—пульсъ волжской промышленности— переживаетъ крайне тревожное состояніе: колеблются и падаютъ финансовыя столбы, дѣла которыхъ до сего времени считали непоколебимыми, про мелкихъ пароходчиковъ уже и говорить нечего: „пролеты“ ихъ проходятъ почти незамѣченными.“ („Новое Время“).

„Нижегородскій Листокъ“ писалъ въ февралѣ 1900 г., что „начавшійся осенью прошлаго года промышленный кризисъ коснулся и Нижняго. Осенью усиленно сокращали штатъ рабочихъ на сормовскихъ заводахъ и на заводѣ Доброва и Набогольцъ; сокращеніе это продолжалось до доброй половины зимы. Расчитывали рабочихъ и на заводѣ Курбатова. Къ заводскому кризису присоединился рядъ краховъ въ пароходномъ мѣрѣ, благодаря которымъ остались безъ работы цѣлыя группы судовыхъ рабочихъ, какъ, напр., масленщики, кочегары, слесаря и т. п. И рабочій людъ вполнѣ основательно и справедливо называлъ нынѣшнюю зиму „тяжелой.“ Безъ средствъ и безъ помощи извнѣ, рабочій людъ, предоставленный исключительно самому себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безработицы „спустилъ“ все и увязъ въ долгахъ. Первое вѣяніе весны оживило рабочую массу. Каждый день у садика противъ биржи у гостиницъ Обжорина и Готовкина, на Нижнемъ базарѣ можно встрѣтить толпы безработныхъ, чуть не „Христа-ради“ умоляющихъ взять „на ремонтъ“,—для мелкихъ слесарныхъ работъ на пароходахъ. У большинства вытянутыя лица, подтянутыя животы, прикрытыя жалкими лохмотьями. Но пароходчики въ нынѣшнемъ году не особенно спѣшатъ съ ремонтъ, и масса переживаетъ мучительные дни томленія и ожиданій“.

Изъ Тулы „Орловскій Вѣстникъ“ писалъ въ концѣ апрѣля, что „положеніе рабочаго населенія г. Тулы становится все болѣе и болѣе тягостнымъ. Фабрики и заводы сокращаютъ или вовсе приостанавливаютъ свою дѣятельность, уменьшается точно такъ же спросъ на рабочія руки: напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается. Многіе рабочіе давно уже перезаложили свои болѣе или менѣе цѣнныя вещи, даже кое что и изъ домашняго скарба, чтобы только не остаться безъ хлѣба“.

По словамъ „Каспія“ (ноябрь 1899 г.), денежный кризисъ въ Баку отразился сильно на всѣхъ предпріятіяхъ. „Такъ, напримѣръ, на механическихъ заводахъ заказовъ или нѣтъ, или же имѣются въ половинномъ размѣрѣ. Помимо того и по исполненнымъ заказамъ заводы часто не получаютъ денегъ. Такое положеніе вызвало сокращеніе штатовъ мастеровыхъ, и въ настоящее время въ го-

родѣ масса безработныхъ слесарей и токарей“. Тѣ же вѣсти шли изъ Баку и по свѣдѣніямъ „Прид. Кр.“ „Въ Баку,—пишетъ названная газета,—чуть ли не ежедневныя банкротства.“

Въ Донецкомъ районѣ, гдѣ грюндерская горячка была особенно сильна, такъ же сильна была реакція. По словамъ „Одесскаго Листка,“ съ сентября по мартъ въ этомъ районѣ прекратили платежи 18 бельгійскихъ предпріятій, преимущественно передѣлочныхъ. Пассивъ ихъ доходилъ до 4½ мил. руб. Воздорожаніе угля еще болѣе затруднило металлургическіе заводы, сокративши производство. По сообщенію „Приднѣпровскаго Края“ изъ Маріуполя (январь 1900 г.), „съ прекращеніемъ работъ на маріупольскихъ заводахъ, нѣсколько тысячъ расчитанныхъ рабочихъ, за неимѣніемъ заработка, разошлись съ заводовъ и увеличили собою толпу голодающаго пролетаріата.“

Въ концѣ 1899 г. кризисъ чрезвычайно обострился въ Кіевѣ въ сахарной промышленности. Банкротство нѣсколькихъ крупныхъ сахарныхъ заводовъ вызвало панику среди сахарозаводчиковъ, помогавшихъ одно время даже государственной помощи. По словамъ доклада правленія „Волжско-Камскаго“ банка, стѣсненіе въ Кіевѣ было едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ. („Биржевыя Вѣдомости“, 19 апрѣля 1900 г.).

Извѣстія о промышленномъ застоѣ, подобныя вышеприведеннымъ, поступали изъ всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Россіи втеченіе всей прошлагодной зимы. Положеніе ухудшалось, какъ выше сказано, вплоть до лѣта; весной послѣдовалъ цѣлый рядъ крупныхъ банкротствъ. Нѣкоторые изъ нихъ особенно выдѣлились своими размѣрами, какъ, напр., банкротство торговопромышленной фирмы І. Пализенъ съ пассивомъ около 7 мил. р. и банкирской конторы А. И. Кутузова съ пассивомъ около 6 мил. рублей. Эта банкирская контора принимала самое дѣятельное участіе въ грюндерской горячкѣ послѣдняго времени. Обанкротилось также нѣсколько другихъ менѣе крупныхъ банкирскихъ конторъ.

Рѣзкое паденіе товарныхъ цѣнъ послѣдовало значительно позже биржевыхъ краховъ; въ 1900 г. цѣны большинства предметовъ фабрично-заводской выработки стояли ниже, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, несмотря на повышеніе цѣны угля и нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ. На Нижегородской ярмаркѣ 1900 обнаружилось значительное паденіе нѣкоторыхъ сортовъ желѣза.

„Котельное желѣзо, — читаемъ въ „Промышленномъ Мирѣ“ 1900 г. № 37,—понизилось такъ чувствительно, какъ этого давно

уже не бывало съ уральскимъ желѣзомъ, а именно—на 20 к. въ пудѣ. Причины такого пониженія, по мнѣнію желѣзоторговцевъ, кроются въ ощущаемомъ избыткѣ этихъ сортовъ на рынкѣ и *1926-мск* отличавшемся еще съ конца прошлаго года, когда собственно и началось паденіе цѣнъ. Въ свою очередь, причины переполненія рынка котельнымъ желѣзомъ объясняются слабымъ на него спросомъ со стороны фабрикъ и заводовъ, куда главнымъ образомъ и идетъ этотъ сортъ желѣза, въ виду общаго промышленнаго за-тишья и въ частности благодаря приостановкѣ фабричнаго строительства, вызваннаго неблагопріятнымъ положеніемъ денежнаго рынка, стѣсненіемъ кредита и т. п.⁴

Въ только что вышедшемъ періодическомъ изданіи уполномоченныхъ Съѣзда Уральскихъ Горнопромышленниковъ „Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г.“ содержится любопытная характеристика вліянія переживаемаго кризиса на желѣзодѣлательную промышленность Россіи. По словамъ этого изданія, движеніе цѣнъ на желѣзо въ 1899 г. имѣло слѣдующій характеръ: „Въ первомъ періодѣ (съ начала года до осени) почти для всѣхъ рынковъ (Россіи) и для всѣхъ сортовъ чугуна и желѣза были высокія, болѣе или менѣе твердыя цѣны. Для нѣкоторыхъ же сортовъ желѣза, какъ, напр., балки и котельное желѣзо, цѣны съ самого начала года крѣпли и достигли высокыхъ размѣровъ. Сортовое и кровельное желѣзо и чугуны-сырецъ не сходили со своихъ цѣнъ, установившихся еще въ предшествовавшемъ году. Во второмъ же періодѣ года (съ осени) произошелъ поворотъ, цѣны стали падать и притомъ для тѣхъ сортовъ, которые пользовались особеннымъ спросомъ, наступило перепроизводство. Среднесортное желѣзо слегка поддалось въ цѣнѣ, почти то же самое и тонкіе листы котельнаго, а кровельное удержалось въ своей позиціи. Чугунъ тоже нѣсколько подешевѣлъ и вообще весь рынокъ получилъ понижающую тенденцію“¹⁾.

Въ 1900 г. цѣны желѣза испытали дальнѣйшее и значительное паденіе (при одновременномъ повышеніи, до весны 1900 г., цѣнъ желѣза на иностранныхъ рынкахъ). На паденіе цѣнъ многихъ сортовъ желѣза повліяло сокращеніе строительства въ концѣ 1899 г. и въ 1900 году. Такъ, этой причиной было вызвано крайне удрученное состояніе желѣзнаго рынка на Кавказѣ, возникшее подъ вліяніемъ реакціи въ нефтяной горячкѣ пред-

¹⁾ Желѣзное дѣло Россіи за 1899, стр. 28—29.

ствовавшихъ лѣтъ. Въ общемъ помянутое изданіе приходитъ такому заключенію: „Переживаемый кризисъ оказывается эввычайно сильнымъ и есть даже основаніе предполагать, что дствія его будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это можно было ждать, такъ какъ совершившіяся фіаско, не особенно пока огочисленные, могутъ повлечь за собою дальнѣйшіе крахи и ке крахи такихъ предпріятій, въ основѣ которыхъ имѣются заеки прочнаго и вѣрнаго существованія. А такъ какъ съ сущеюваніемъ заводовъ неразрывно связаны не только интересы итала въ нихъ затраченнаго, но и интересы примѣняющейся н ихъ рабочей силы, интересы потребителей ихъ производства, гакже интересы тѣхъ отраслей промышленности, продукты коыхъ металлургическія предпріятія сами потребляютъ, то очею, что послѣдствія кризиса, если только онъ приметъ большіе мѣры, могутъ быть громадными и крайне серьезными“ 1).

Итакъ, въ 1899 — 1900 г. Россія несомнѣнно пережила проошленный кризисъ. Кризисъ этотъ еще далеко ^{не} законся и предстоящая зима, вѣроятно, будетъ не менѣе тяжела, кь прошлая, тѣмъ больше, что все заставляетъ ожидать проошленной депрессіи во всемъ капиталистическомъ мірѣ. Проошленный циклъ мірового капиталистическаго хозяйства вступиъ въ свою неблагоприятную фазу. Періодъ небывалаго подьа, начавшіяся съ 1895 г., приходитъ или уже пришелъ къ цу, и предстоящіе 2—3 года будутъ, по всей вѣроятности, гичены въ капиталистическихъ странахъ Западной Европы и въ верной Америкѣ тяжелымъ промышленнымъ застоємъ. У насъ изисъ начался нѣсколько раньше и, выразившись въ очень острой рмѣ, быть можетъ будетъ раньше и ликвидированъ.

Переживаемый нами промышленный кризисъ можетъ служить екрасной фактической иллюстраціей къ моей теоріи кризисовъ. Всѣ висы этого кризиса протекаютъ въ полномъ согласіи съ моими ретическими построеніями. Задолго до начала кризиса я укаъ на неизбѣжность его наступленія; дальнѣйшее развитіе криа вполне подтвердило мое теоретическое предвидѣніе. Авторъ ше цитированной интересной и дѣльной брошюры о современъ кризисѣ, г. Афанасьевъ, повидимому не знакомый съ моей ріей, даетъ на основаніи фактическаго изученія, объясненіе изису, во всемъ согласное съ моимъ объясненіемъ кризисовъ

1) Тамъ же, стр. 37.

вообще. А именно, онъ приводитъ въ связь подъемъ промышленности послѣдняго времени съ необыкновеннымъ обиліемъ капитала на биржахъ всего міра, выраженіемъ чего служилъ низкій дисконтный процентъ. Быстрое расширеніе производства повело къ поглощенію этого свободнаго капитала—и дисконтный процентъ повысился. Такимъ образомъ возникла такъ называемая „дороговизна денегъ“, точнѣе говоря, дороговизна ссуднаго капитала, поведшая къ сокращенію кредита и крушенію всѣхъ малосolidныхъ предпріятій, основанныхъ исключительно на кредитѣ.

„Кризисъ наступилъ вслѣдствіе того, —говоритъ г. Афанасьевъ, что большой и быстрый ростъ промышленности потратилъ огромное количество капиталовъ, превративъ оборотные капиталы въ основные. Этотъ недостатокъ оборотныхъ капиталовъ сталъ замечаться не въ текущемъ только году, а давалъ себя знать исподволь путемъ дисконта“¹⁾.

Это объясненіе вполне укладывается въ мою теорію кризисовъ. Теорія эта можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: „Подъемъ промышленности вызывается тѣмъ, что скопившіеся за предыдущіе годы денежные капиталы, представляющіе собою покупательную силу въ связанномъ состояніи, расходуются, создаютъ новый спросъ на товары. Поэтому цѣны повышаются. Повышеніе цѣнъ, при благопріятномъ положеніи рынка, быстро переходитъ разумныя границы и вырождается въ спекуляцію, въ которой слѣдуетъ крахъ. Но даже если повышеніе цѣнъ не такъ столько значительно, чтобы вызвать крахъ, реакція неизбѣжна должна наступить. Дѣйствительно, ранѣе накопленный капиталъ долженъ же быть когда-нибудь израсходованъ... Дѣйствіе всего механизма можно сравнить съ работой паровой машины. Паръ пара въ цилиндрѣ играетъ накопленіе свободнаго денежнаго капитала; когда давленіе пара на поршень достигаетъ извѣстной предѣльной нормы, сопротивленіе поршня преодолевается, поршень движется, доходитъ до конца цилиндра, для пара открывается свободный выходъ и поршень возвращается въ прежнее положеніе. Точно такъ же скопляющійся свободный денежный капиталъ, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ, проникаетъ въ промышленность, движетъ ее, расходуетъ, и промышленность приходитъ опять въ прежнее состояніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ кризисы должны повторяться періодически. Капиталистическая промышленность

¹⁾ Денежный кризисъ, 30.

жна постоянно проходить одинъ и тотъ-же кругъ развитія... вышеніе дисконтнаго процента, наблюдающееся обыкновенно къ концу промышленнаго подъема, является вѣрнымъ признакомъ о, что свободнаго ссуднаго капитала въ странѣ слишкомъ мало и нуждь промышленности. Въ это время ко всеобщему удивленію оказывается, что деньги внезапно „вздорожали“; на самомъ дѣлѣ дорожаютъ не деньги, а ссудный капиталъ, и дорожаетъ онъ тому, что на ссудномъ рынкѣ осталось мало свободнаго, незанятаго капитала... Чередованіе, оживленія и застоя промышленности юдится въ непосредственной связи съ расширеніемъ основного капитала страны. Годы подъема промышленности суть вмѣстѣ съ тѣмъ годы созданія новаго основного капитала“¹⁾).

Легко видѣть, до какой степени объясненіе г. Афанасьева современнаго русскаго кризиса укладывается въ общую теорію кризиса, данную въ моей книгѣ. Всѣ фазисы развитія переживаемаго кризиса могли быть предвидены на основаніи теоріи, такъ какъ развитіе это шло необыкновенно типично и закономѣрно.

Современный кризисъ, вѣроятно, прекратитъ споры о томъ, капиталистическая-ли страна Россія или нѣтъ. Когда я указалъ въ своемъ изданіи „Русской фабрики“ на то, что и въ Россіи наблюдается чередованіе оживленія и застоя торговли, въ зависимости не отъ урожаевъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла, мое указаніе было встрѣчено недоувѣріемъ или рѣзкимъ отрицаніемъ.) переживаемый нами, послѣ прекраснаго урожая 1899 г., промышленный кризисъ является достаточно краснорѣчивымъ отвѣтомъ русской жизни доктринамъ народничества...

Вернемся, однако, назадъ—къ общей характеристикѣ промышленнаго развитія Россіи въ пореформенную эпоху. Еще недавно этотъ фактъ успѣховъ нашей капиталистической промышленности гордо отрицался вліятельной экономической школой, наиболѣе выдающимися представителями которой являются гг. В. В. и Николай—т. Теперь этотъ фактъ врядъ-ли будетъ оспариваться даже имъ. Особенно быстрымъ темпомъ растетъ наша промышленность послѣднее десятилѣтіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что однимъ изъ важныхъ факторовъ этого быстрого роста является таможенна политика послѣдняго времени.

Такъ слабое развитіе чугуноплавильнаго производства вплоть до 1887 г. и послѣдующій быстрый ростъ его въ значительной мѣрѣ объясняются тарифными причинами. Въ 1887 г. значительно

¹⁾ Промышленные кризисы. Изд. 2 стр. 171—173.

повышена пошлина на чугуны, желѣзо и сталь (по тарифу 1868 чугуны были обложены небольшой пошлиной въ 5 коп. съ пуда, но фактически значительно большая часть всего ввоза иностраннаго чугуна въ Россію поступала беспошлинно, благодаря представленію желѣзнымъ дорогамъ права беспошлиннаго привоза изъ-за границы рельсъ и другихъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ а также льготамъ по беспошлинному привозу чугуна, установленнымъ въ пользу разныхъ заводовъ. Съ 1881 г. всѣ эти льготы были отменены, а пошлины на чугуны были постепенно повышаемы и въ 1887 г. дошли до 25 к., въ 1891 г. до 30 к. (за пудомъ съ пуда по морской границѣ и до 35 к. по западной сухопутной). Рѣзкое поднятіе выплавки чугуна немедленно вслѣдствіе новыяшеніемъ пошлины находилось въ несомнѣнной связи съ этою послѣдней причиною. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ горнозаводскихъ производствахъ, особенно каменноугольномъ, въ которомъ наблюдается значительное увеличеніе добычи угля послѣ повышенія пошлины на иностранный уголь въ 1881 и 1887 г.г.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе и критика нашей таможенной политики. Замѣчу только, что изъ факта быстраго роста нашей промышленности въ новѣйшее время было бы очень ошибочно дѣлать одульное заключеніе въ пользу государственной поддствующей у насъ таможенной системы. Въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какъ связь между системой тарифа и состояніемъ промышленности, прежде всего не нужно упускать изъ виду, что *post hoc* далеко еще не есть *propter hoc*. Что протекціонизмъ далеко не всесиленъ и не обладаетъ чудодѣйственной силой создавать новыя отрасли производства, лучшимъ доказательствомъ этому служить наша промышленная исторія.

Чугуноплавильное производство принадлежало у насъ некогда къ наиболѣе покровительствуемому и опекаемому правительствомъ. Въ дореформенной Россіи ввозъ чугуна былъ запрещенъ, и сверхъ того правительство жертвовало громадныя денежныя суммы на поддержаніе частныхъ горныхъ заводовъ. И тѣмъ не менѣе эта отрасль промышленности находилась въ полнѣйшемъ застоѣ вплоть до освобожденія крестьянъ. Протекціонизмъ не только не развивалъ, но скорѣе убивалъ наше желѣзодѣлательное производство, приводя къ повышенію цѣнъ на желѣзо и къ полному застою торговли. Послѣ освобожденія крестьянъ, въ періодъ почти полнаго отсутствія тарифной охраны, чугуноплавильное производство раз-

алось, хотя и очень медленно. Наконецъ, со второй половины хъ годовъ начинается поразительно быстрое развитіе этого изводства. Наши протекціонисты видятъ причину медленности та выплавки чугуна въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ отсутствіи оженной охраны. По ихъ мнѣнію, если бы наше правительство ифами 1857 и 1868 г. не свернуло съ истиннаго пути протекцизма и не сдѣлало нѣкоторыхъ опасныхъ уступокъ „либераль“ фритредерамъ, то въ настоящее время Россія, по степени вптія своей промышленности, представляла бы собой чуть ли вторую Америку. Но почтенные апологеты крупнаго капитала скажутъ изъ виду, что безошлинный привозъ въ Россію рельсъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей благопріятствовалъ трой постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ, а именно въ расширеніи нашей желѣзнодорожной сѣти и *заключается главнѣйшая причина развитія нашей промышленности.*

Доказательствомъ того, что новѣйшій промышленный подъемъ *не только* таможенными перемѣнами, является его общій характеръ. Бумаготкацкая промышленность отъ нихъ нѣмко не выиграла, такъ какъ и до этихъ перемѣнъ пошлины болышинство хлопчатобумажныхъ тканей (особенно низшихъ цовъ) имѣли почти запретительный характеръ. Извѣстно, что ренной недостатокъ протекціонизма заключается въ томъ, что, оощряя“ одну отрасль промышленности, онъ задерживаетъ ввтіе другихъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Въ 1887 г. ла повышена пошлина на хлопокъ-сырецъ и на бумажную яжу. Повышеніе обложенія хлопка содѣйствовало росту хлопводства въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, но могло нко затруднить развитіе бумагопряденія и ткачества. А ошеніе обложенія пряжи должно было неблагопріятно повліять бумаготкацкую промышленность. Тарифомъ 1891 г. пошлина на ошокъ еще повышена; тѣмъ не менѣ хлопчатобумажное производство продолжало, хотя и съ колебаніями, расти. Быстрый ростъ оизводства отличается во всѣхъ отрасляхъ промышленности въ блицѣ на стр. 342.

Чѣмъ же вызывается этотъ ростъ? Главнѣйшимъ моментомъ о явилось, какъ уже сказано, *коренное измѣненіе условій транспорта* подѣ вліаніемъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ. нненіе расширенія желѣзнодорожной сѣти на развитіе товарнаго ѣвна врядъ-ли можетъ быть преувеличено. Всякая новая жезнодорожная линия есть новый обширный рынокъ, открывающійся

для русской промышленности, такъ какъ рынокъ для товаровъ м-гутъ служить только другіе товары. Въ другомъ мѣстѣ (въ кни „Промышленные кризисы“) я подробно развилъ теорію рынка которая мнѣ кажется единственно возможнымъ базисомъ для построения общей теоріи капиталистическаго процесса. Согласно эт-теоріи, капиталистическое производство само создаетъ для себя рынокъ. Единственнымъ условіемъ, требующимся для созданія нова рынка, является пропорціональное распредѣленіе производства. Правда это единственное условіе составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важное препятствіе для роста капиталистическаго производства, ибо полная пропорціональность распредѣленіи производства недостижима въ капиталистическомъ хозяйствѣ, и даже достижен-той грубой и несовершенной пропорціональности, которая требуется, чтобы ростъ капиталистическаго производства не прекр-тился, встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Однако, въ одномъ случаѣ затрудненія эти чрезвычайно сокращаются. Это имет-тогда, когда капиталистическое производство растетъ въ сре-натуральнаго хозяйства. Представимъ себѣ, напримѣръ, что общ-ственное производство слагается изъ двухъ отраслей произво-ства—производства сукна и производства хлѣба. Если продукт-обѣихъ отраслей предназначаются исключительно для сбыта, и въ такомъ случаѣ равенство спроса и предложенія обоихъ тов-ровъ, устойчивость ихъ цѣнъ возможны лишь въ случаѣ пропор-ціональнаго измѣненія размѣра производства каждаго продукта. Для того, чтобы нашелся добавочный рынокъ для удвоеннаго к-личества сукна нужно соответствующее увеличеніе производства хлѣба. Если же производство сукна выростетъ безъ соответствующаго роста количества производимаго хлѣба, то цѣна сукна пониж-зится—произойдетъ перепроизводство сукна. Такъ какъ произво-дители сукна и хлѣба не находятся ни въ какомъ соглашеніи другъ съ другомъ и не могутъ контролировать производства сво-ихъ товаровъ, то нѣтъ основанія ожидать, чтобы расширение про-изводства сукна сопровождалось пропорціональнымъ расшире-ніемъ производства хлѣба. Правда, цѣна является регуляторомъ капиталистическаго производства и восстанавливаетъ, въ концѣ концовъ, извѣстнаго рода грубую пропорціональность въ капита-листическомъ хозяйствѣ. Но регуляторъ этотъ весьма несовер-шененъ и восстановление пропорціональности нерѣдко достигается путемъ сокращенія производства. Въ случаѣ непропорціональнаго роста производства сукна послѣдуетъ паденіе его цѣны и проп-

дство сократится. Неорганизованность производства явится такимъ образомъ прямымъ тормазомъ его роста.

Предположимъ теперь, что суконное производство имѣетъ капиталистическій характеръ и продукты его предназначаются для рынка, въ то время какъ въ земледѣліи преобладаетъ натуральное производство. Въ этомъ случаѣ ростъ суконнаго производства нисколько не требуетъ соответствующаго роста изготовленія земледѣльческихъ продуктовъ. Для того, чтобы расширился сбытъ сукна, необходимо, чтобы земледѣлецъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, сталъ обмѣнивать большую часть своего хлѣба на сукно. Необходимость обмѣна возрастающаго количества хлѣба на сукно можетъ возникать изъ самыхъ разнообразныхъ причинъ — напр., вслѣдствіе упадка домашней промышленности, доставлявшей крестьянину предметы одежды. Ростъ суконнаго производства можетъ при этомъ совершаться при отсутствіи роста общей суммы производимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ; рынокъ для сукна можетъ возрастать вслѣдствіе того, что все большая часть земледѣльческихъ продуктовъ будетъ вовлекаться въ обмѣнъ — хотя общая сумма производства земледѣльческихъ продуктовъ будетъ оставаться стационарной или даже падать.

Далѣе, въ случаѣ преобладанія натурального хозяйства производительныя силы страны остаются на низкой ступени развитія, остаются мало использованными населеніемъ. Поэтому онѣ допускаютъ значительное расширеніе производства. Такъ, напр., пока населеніе рѣдко и хлѣбъ производится преимущественно для собственнаго потребленія, производство земледѣльческихъ продуктовъ въ случаѣ надобности (а такая надобность возникаетъ, напр., при расширеніи сферы мѣновыхъ отношеній) легко можетъ быть увеличено. Расширеніе производства хлѣба, какъ товара, поступающаго въ обмѣнъ на сукно, не наталкивается въ этомъ случаѣ на такія препятствія, какъ расширеніе капиталистическаго земледѣлія въ странахъ старинной культуры.

Эти два момента [1) возможность роста товарнаго обмѣна при стационарномъ или даже сокращающемся производствѣ и 2) большая легкость расширенія производства, въ силу чисто естественныхъ условій] и составляютъ основныя преимущества капиталистической промышленности въ молодыхъ странахъ съ преобладающимъ натуральнымъ хозяйствомъ сравнительно съ капиталистической промышленностью старыхъ капиталистическихъ странъ. По этой причинѣ условія рынка несравненно больше бла-

госприятствуютъ росту капиталистической промышленности въ Россіи, чѣмъ въ старыхъ капиталистическихъ странахъ Запада.

Сравнимъ, для примѣра, дѣйствіе новой проводимой линіи желѣзной дороги въ Россіи и въ Англіи. Въ Россіи новая желѣзная дорожная вѣтка открываетъ новый рынокъ для капиталистической промышленности. Крестьяне, жившіе въ районѣ этой вѣтки, бытъ можетъ раньше не покупали фабричныхъ продуктовъ; теперь же они получаютъ возможность пріобрѣтать эти продукты въ обмѣнъ на свои издѣлья. Тотъ рынокъ, котораго Англія ищетъ за тысячу верстъ въ отдаленныхъ странахъ Африки или Азіи, открываетъ для русскаго фабриканта въ непосредственномъ сосѣдствѣ, благодаря проведенію новой желѣзнодорожной линіи.

Напротивъ, въ Англіи новая желѣзнодорожная линія не открываетъ никакого новаго рынка, ибо населеніе соответствующаго района и раньше участвовало въ товарномъ обмѣнѣ. Капиталистическая промышленность старой капиталистической страны можетъ расти, такъ сказать, только за свой собственный счетъ, въ то время какъ юный капитализмъ растетъ и за счетъ другихъ, вѣтисняемыхъ имъ, формъ хозяйства.

Именно въ этомъ различіи и лежитъ ключъ къ пониманію того перемѣщенія капитала изъ старыхъ странъ въ новыя страны которое является такимъ могучимъ факторомъ распространенія капиталистическаго способа производства по всему земному шару. У насъ долгое время господствовало представленіе, будто ростъ капиталистическаго способа производства въ Россіи препятствуетъ недостатку рынка. Этотъ взглядъ является типичнымъ примѣромъ къ какимъ несообразностямъ можетъ приводить плохо понятая теорія. Теоретическимъ опроверженіемъ этого взгляда является теорія рынковъ, основанія которой изложены выше. Фактическимъ же опроверженіемъ его является общественный фактъ притока въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Дѣйствительно, еслибы въ Россіи рынокъ для продуктовъ капиталистической индустріи былъ ограниченнѣе чѣмъ въ Западной Европѣ, то потокъ капиталовъ долженъ бы былъ направляться изъ Россіи въ Западную Европу, ибо капиталъ, какъ и всякій товаръ, ищетъ наиболѣе выгоднаго рынка. Высокая норма прибыли, господствующая въ Россіи, является неоспоримымъ доказательствомъ несостоятельности вышеназваннаго взгляда. Только крайняя степень доктринерства, игнорирующаго реальныя факты жизни, могла вызвать мнѣніе объ отсутствіи рынка для продуктовъ капиталистической индустріи въ той странѣ.

въ которой барыши крупныхъ капиталистовъ промышленныхъ предпріятій достигаютъ иногда 100% съ годъ (какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ металлургическимъ заводамъ Донецкаго бассейна), и гдѣ 20% дивиденда не представляютъ ничего исключительнаго для акціонерныхъ предпріятій. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ни въ одной европейской странѣ рыночныя условія не складываются такъ благоприятно для роста капиталистической промышленности, какъ въ Россіи—и доказательствомъ этого является то, что ни одна европейская страна не представляетъ собой такого заманчиваго мѣста для размѣщенія иностранныхъ капиталовъ, какъ Россія. Высокая норма прибыли въ Россіи непрерываемо свидѣтельствуетъ объ обширности русскаго рынка.

Эта высокая норма прибыли всегда сопутствуетъ первымъ шагамъ капиталистическаго производства и зависитъ, главнымъ образомъ, оттого, что пока капиталистическое производство не становится господствующей формою промышленности, до тѣхъ поръ прибыль капиталистическаго производителя заключаетъ въ себѣ долю цѣнности, извлекаемой не только изъ производственнаго процесса (какъ въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ), но также и изъ процесса продажи. Такъ, напр., огромные барыши нашихъ металлургическихъ заводовъ основываются не на крайней эксплуатаціи занятыхъ въ металлургическихъ заводахъ рабочихъ, (или, по крайней мѣрѣ, не только на этой эксплуатаціи), но, главнымъ образомъ, на крайней эксплуатаціи покупателя. Населеніе обложено своего рода данью въ пользу немногихъ крупныхъ капиталистовъ,—въ этой дани, платимой всѣми покупателями, безъ различія класса и общественнаго положенія, кроется источникъ этихъ колоссальныхъ барышей. Но откуда же возникаетъ необходимость для покупателя уплачивать эту дань? Почему цѣна на чугуны такъ мало соответствуетъ его относительной трудовой цѣнности? Потому что количество чугуна, имѣющагося на русскомъ рынкѣ, слишкомъ мало сравнительно со спросомъ на этотъ продуктъ. Предложеніе продуктовъ нашей капиталистической индустріей далеко не достигаетъ спроса—рынокъ слишкомъ мало заполненъ этими продуктами,—и это даетъ возможность продавать эти продукты по цѣнѣ, дающей огромные барыши.

Русскій промышленный капиталъ питается не только соками эксплуатируемыхъ имъ рабочихъ, но и соками другихъ, некапи-

талистическихъ производителей, прежде всего земледѣльца-крестьянина. Земледѣлецъ, который покупаетъ плугъ или косу по цѣнѣ вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвуетъ въ созданіи высокой нормы прибыли Юзовъ, Коккерилей и прочихъ владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ, чѣмъ ихъ собственные рабочіе.

Въ этой возможности стричь овецъ, такъ сказать, вдвойнѣ, жечь свѣчу съ обоихъ концовъ, и заключается секретъ привлекательности Россіи для иностранныхъ капиталистовъ. Въ Россіи продавецъ-капиталистъ находится въ привелегированномъ, монопольномъ положеніи, которое не можетъ не утратиться съ дальнѣйшимъ ростомъ капиталистическаго производства. Рынокъ для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнѣе въ такихъ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Россіи, при обиліи естественныхъ богатствъ масса населенія еще не порвала съ прежними архаичекими формами хозяйства.

Приливъ иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпримчивости явился могучимъ стимуломъ нашего промышленнаго развитія послѣдняго времени. Въ нашей металлургической промышленности повторяется теперь то же, что раньше имѣло мѣсто въ другихъ отрасляхъ производства, освободившихся теперь отъ владычества иноземнаго капитала и ставшихъ достояніемъ „отечественныхъ“ капиталистовъ. Наиболѣе прочно укоренившееся отраслю капиталистической индустріи можетъ считаться у насъ хлопчатобумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы и др.) выступаютъ обыкновенно во главѣ „всероссійскаго“ купечества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ отечественный торговопромышленный капиталъ обращается за какой-нибудь новой поддержкой къ государству. Однако и въ этой, казалось бы, вполне національной отрасли нашего капитализма пионерами и „насадителями“ явились тѣ-же иностранцы. Не восходя уже въ глубь времени, къ началу нашей хлопчатобумажной промышленности въ концѣ прошлаго вѣка, еще такъ недавно полновластнымъ владыкой хлопчатобумажнаго прядильно-ткацкаго производства былъ нѣмецкій выходецъ Л. Кнопъ. Въ интересной брошюрѣ „Контора Кнопъ и ея значеніе“ (Спб. 1895) сообщается много весьма любопытныхъ подробностей о совершенно исключительной роли этой конторы въ нашемъ мануфактурномъ мірѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Контора Кнопъ была долгое время почти единственнымъ посредникомъ по приобрѣтенію изъ

нгли хлопчатобумажныхъ прядильно-ткацкихъ машинъ, и на этомъ новалось ея значеніе. Почти всѣ хлопчатобумажныя фабрики энтральнаго промышленнаго района Россіи были выстроены конторой Кнопъ, владѣлецъ которой скоро сдѣлался важнѣйшимъ піонеромъ цѣлаго ряда фабрикъ.

Устройство и оборудованіе новыхъ фабрикъ производилось при посредствѣ этой конторы весьма просто. Процессъ заказа и юруженія фабрики обыкновенно происходилъ такъ:

„Надумаль фабрикантъ строить ту или другую фабрику,—чиземъ въ названной брошюрѣ,—и является съ почтительнымъ ядомъ въ контору, куда уже ранѣе навѣдывался, будутъ ли съ имъ имѣть дѣла и впредь. Одного его имени конторѣ достаточно, гобы тотчасъ справиться: кака я него фабрика, не было ли проинности по отношенію конторы, сколько у него и его жены энегъ, гдѣ положены, сколько его фабрика приноситъ дохода ли убытка. Само собою разумѣется, что такой фабрикантъ удогоится пріема только въ томъ случаѣ, когда справка благопріятна“.

„Окончательные переговоры велъ самъ Романъ Романовичъ (управляющій конторой) и окончательная резолюція его выражается словами: „хорошо, мы тебѣ построимъ фабрику“. Обрадованный фабрикантъ въ такихъ случаяхъ иногда осмѣливался замѣтить, что онъ-де слышалъ о кое-какихъ новостяхъ или усовершенствованіяхъ, и просить, чтобы это было введено въ новую фабрику, но всегда получалъ сердитый отвѣтъ: „это не твое дѣло, въ Англии лучше тебя знаютъ“.

„Такимъ образомъ фабрика заказана, заказчикъ получалъ вой номеръ въ спискахъ конторы, и тогда контора сообщала своему агентству въ Англии, что для такого-то № въ Россіи слѣдуетъ оборудовать такую-то фабрику... Получивъ изъ Англии всѣ чертежи и указанія, какъ по расположенію машинъ и орудій, какъ и по ихъ движенію, контора отсылаетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получила, на строящуюся фабрику, если тамъ находятся директора англичане, которымъ будетъ поручена новая фабрика; если же такихъ англичанъ нѣтъ, то вручаетъ все это вновь назначенному ею же самою директору... Какъ только стройка подвигалась къ концу, появлялись англійскія машины въ полномъ ассортиментѣ, а съ ними и англійскіе монтеры. Послѣдніе были совершенно независимы не только отъ директоровъ и механиковъ фаб-

рикъ, но и отъ конторы Кнопъ. По дѣламъ своимъ они перепи сывались лично каждый съ своимъ заводомъ“ ¹⁾.

Кромѣ участія въ качествѣ пайщика или акціонера во многихъ фабрикахъ, фирма Кнопъ имѣетъ свои собственныя, въ томъ числ первую въ Россіи по технической высотѣ и размѣру производ ства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словамъ Шульце-Геверница, Кренгольмская бумагопрядильня величайша въ свѣтѣ. Она имѣетъ болѣе 400,000 веретенъ и представляетъ собой, по словамъ того же автора, „уголокъ Англій на русско почвѣ“ ²⁾. Шульце-Геверницъ полагаетъ, что издержки производ ства въ Кренгольмѣ не выше чѣмъ на германскихъ фабрикахъ. Вообще Кренгольмская мануфактура въ техническомъ отношеніи не уступаетъ лучшимъ германскимъ бумагопрядильнямъ.

Всѣ эти факты приводятъ Шульце-Геверница въ нѣсколько восторженное состояніе и онъ помѣщаетъ въ своихъ содержатель ныхъ этюдахъ о русской промышленности настоящій дифирамбъ Кнопу, видя въ его дѣятельности опроверженіе мнѣнія Ницше объ измельчаніи современной породы людей. Но даже при вполне хладнокровной оцѣнкѣ роли Кнопа, нельзя не признать эту роль весьма выдающеюся въ дѣлѣ „европеизированія“ нашего доморо щеннаго, грубаго и неповоротливаго капитализма. Англичане, которыхъ выписывалъ Кнопъ, сыграли роль шведовъ, которые учили русское войско побѣдамъ. Московскіе фабриканты и русскіе техники мало-по-малу начинаютъ усваивать высшую капиталисти ческую культуру, представителями которой на русской почвѣ являлись полуграмотные и пьянствовавшіе кноповскіе мастера — англичане, и фирма Кнопъ утратила свое полновластное влады чество въ главной твердынѣ нашей національной промышленности — хлопчатобумажной индустріи.

Металлургическое производство Юга является самымъ новѣй шимъ продуктомъ нашего капитализма, и здѣсь еще полновластно царятъ иностранцы. Безъ помощи иностраннаго капитала криво рожскимъ рудамъ еще долго пришлось бы мирно покориться подъ черноземными полями Приднѣпровскаго края. Точно такъ же въ металлургическомъ дѣлѣ Донецкаго бассейна пионеромъ явился англичанинъ Юзь, стоящій и понынѣ во главѣ желѣзодѣлательной промышленности южнаго района. Чѣмъ энергичнѣе будетъ прите-

¹⁾ Контора Кнопъ и ея значеніе, стр. 35, 36, 39.

²⁾ Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Переволь Б. А. Авилова. 1899. Стр. 39.

ать въ Россію иностранный капиталъ, тѣмъ скорѣе мы выйдемъ зъ теперешняго состоянія превышенія спроса на продукты капиталистической промышленности сравнительно съ предложеніемъ ихъ. Нашъ рынокъ слишкомъ мало еще использованъ капитализмомъ и потому опасаться хроническаго перепроизводства, которое дно время выступило грознымъ призракомъ на западно-европейскомъ горизонтѣ, пока нѣтъ никакихъ основаній.

Правда, приливъ иностранныхъ капиталовъ покончить въ болѣе менѣе близкомъ будущемъ съ той своеобразной и пріятной для ображеннаго ею больнаго болѣзнию, которую Роза Люксембургъ вѣтко назвала „гипертрофіей прибыли“. Этой болѣзнию нашъ отечественный капиталъ страдаетъ такъ давно, что ее стали считать почти неизлѣчимой. Современный кризисъ и паденіе цѣнъ желѣза вчинаетъ однако подавать надежду на прекращеніе этой болѣзни. ю время лѣтняго совѣщанія горнопромышленниковъ Юга съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, горнопромышленники заговорили о перепроизводствѣ въ Россіи желѣза и необходимости поддержать ихъ барыши при помощи средства, такъ дачно дѣйствующаго въ сахарной промышленности,—нормировки производства и вывозныхъ премій. Но можно быть увѣреннымъ, то государство откажетъ въ своей помощи мѣрамъ, направленнымъ въ поддержанію цѣны желѣза на теперешней ея ненормальной выотѣ, ибо, во первыхъ, казна сама является крупнѣйшимъ потребителемъ желѣза, а, во вторыхъ, дороговизна желѣза, какъ хорошо вѣстно нашему финансовому вѣдомству, является однимъ изъ существенныхъ тормазовъ нашего промышленнаго развитія. Нормировка чугуноплавильнаго производства явилась бы существенной адержкой дальнѣйшаго роста нашей промышленности и потому ожденія горнозаводчиковъ не могутъ рассчитывать на удовлетвореніе.

Вернемся однако къ статистической характеристикѣ промышленныхъ успѣховъ послѣдняго десятилѣтія. Еще не такъ давно въ нашей прогрессивной печати господствовали самыя странныя теоріи относительно характера нашего промышленнаго развитія. Такъ, цѣлый рядъ писателей—гг. В. В., Николай—онъ, Карыевъ, Каблуковъ и др.,—отстаивали съ большимъ жаромъ поразительное положеніе, будто число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи, о отношенію ко всему населенію (г. Каблуковъ утверждалъ даже, то и абсолютно) падаетъ. По обыкновенію, припутали Маркса и приписали ему чудовищный законъ, по которому ростъ промыш-

ленности сопровождается уменьшеніемъ доли населенія, занятаго промышленнымъ трудомъ (при чемъ однако забывали указать, какія доли населенія растутъ насчетъ этой падающей доли промышленныхъ рабочихъ). Въ первомъ изданіи „Русской Фабрики“ я долженъ былъ отвести немало мѣста опроверженію этого вполне самобытнаго тезиса. Я указалъ (и надѣюсь, доказалъ), что въ основаніи его лежитъ цѣлый рядъ статистическихъ ошибокъ. Г. В. В. сравнивалъ за разные годы данныя, относившіяся къ различнымъ группамъ фабричныхъ рабочихъ. Гг. Николай-онъ и Карышевъ сравнивали съ числомъ фабричныхъ рабочихъ за новѣйшіе годы данныя, выражавшія за прошлые годы число фабричныхъ рабочихъ *плюсъ* горнозаводскіе *плюсъ* кустари. Но всѣхъ превзошелъ г. Каблуковъ, помѣстившій на стр. 12 своей книги „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства“ двѣ цифры фабричныхъ рабочихъ въ 1865 г., расходившіяся болѣе чѣмъ на 100 процентовъ, и не замѣтившій противорѣчивости этихъ цифръ. Дальше идти было некуда.

Быть можетъ, по этой причинѣ послѣ появленія книги г. Каблукова полемика по данному вопросу затихла и главный авторъ означеннаго тезиса, г. В. В., въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ отказался отъ него въ „Сынѣ Отечества“ и призналъ ошибку Николая—она. Въ виду этого я не считаю себя обязаннымъ воспроизводить передъ читателемъ мою полемику по данному вопросу съ г.—ономъ, которая имѣлась въ первомъ изданіи настоящей работы ¹⁾, ибо споръ нашъ, повидимому, конченъ и названный тезисъ можетъ считаться окончательно опровергнутымъ.

Дѣйствительно, трудно было бы поддерживать этотъ тезисъ въ виду тѣхъ цифръ о ростѣ нашихъ фабричнозаводскихъ рабочихъ, которыя были приведены выше на стр. 342. Приростъ рабочихъ за десятилѣтіе 1887—97 г. опредѣляется, на основаніи этихъ данныхъ, слѣдующими цифрами:

Группы производствъ:

	Въ процентахъ.
Волокнистыя вещества	+ 69
Питательные продукты	+ 24

¹⁾ Интересующагося читателя отсылаю къ первому изданію „Русской Фабрики“, преніямы въ Вольно-Экономическомъ обществѣ по поводу моего доклада, изданнымъ подъ заглавіемъ „Статистическіе итоги развитія русской промышленности“, и моимъ двумъ полемическимъ статьямъ по поводу „Русской фабрики“ въ 1—2 и 3-й книжкахъ „Начала“ (1899).

Группы производствъ:

Въ процентахъ.

Животные продукты	+ 66
Обработка дерева	+ 181 ¹⁾
Писчебумажныя производства	+ 137
Химическія производства	+ 67
Керамическія производства	+ 113
Горная и горнозаводская промышленность .	+ 39
Металлическія издѣлія	+ 107
Производства, не вошедшія въ предыд. группы	+ 58

Итого по всѣмъ группамъ . . . + 59

Эти цифры не требуютъ комментаріевъ. Нѣтъ ни одной группы производства, въ которой-бы процентъ прироста рабочихъ не былъ значительно—иногда во много разъ—сильнѣе процента прироста населенія (населеніе Россійской Имперіи за десять лѣтъ должно было возрасти, приблизительно, процентовъ на 13—15⁰/о).

Но цифры фабричнозаводскихъ и горныхъ рабочихъ еще отнюдь не исчерпываютъ числа рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ производствѣ. Прежде всего къ нимъ слѣдуетъ присоединить рабочихъ, занятыхъ въ чрезвычайно важной отрасли нашей капиталистической индустріи, которой принадлежитъ руководящая роль въ развитіи нашего капитализма вообще, — въ желѣзнодорожномъ транспортѣ. Получаемъ слѣдующія цифры.

	Число горнозаводскихъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ.	Число рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ ²⁾ .	И т о г о .	Приростъ.
1887	1.318.048	218.077	1.536.125	
1897	2.098.262	414.152	2.512.414	64 ⁰ /о

Средній ежегодный приростъ рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ почти

¹⁾ Сильное увеличеніе числа рабочихъ по обработкѣ дерева объясняется увеличеніемъ регистраціи въ 1896 г. лѣсопильныхъ заводовъ.

²⁾ По „Статистическому Сборнику министерства путей сообщенія“ Вып. 57. Рабочіе на Закаспійской дорогѣ не включены въ итогу.

достигаетъ такимъ образомъ за десятилѣтіе 1887—97 г.г. $6\frac{1}{2}\%$ въ годъ (т. е. разъ въ пять выше процента прироста населенія).

Если вспомнить, что наибольшій ростъ нашей промышленности происходилъ за два послѣдніе года (послѣ 1897 г.), то нужно принять, что къ настоящему времени число рабочихъ въ крупномъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ приближается по официальнымъ даннымъ, къ 3 милліонамъ; но такъ какъ официальные данныя о числѣ рабочихъ, какъ давно извѣстно и какъ опредѣленно указывается въ послѣднемъ „Сводѣ“, далеко отстаютъ отъ дѣйствительности, то дѣйствительное число рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и желѣзныхъ дорогахъ должно теперь значительно превосходить 3 милліона. Но, разумѣется, эта цифра далеко не выражаетъ собой всего числа рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ промышленномъ производствѣ вообще, такъ какъ въ нее не входятъ рабочіе въ строительномъ производствѣ—штукатуры, плотники и пр., число которыхъ должно быть громадно (вѣроятно, болѣе милліона), рабочіе въ водномъ и сухопутномъ нежелѣзнодорожномъ транспортѣ, по нагрузкѣ товаровъ и судовъ, рабочіе на рыболовныхъ тоняхъ и многіе другіе.

Имѣя въ рукахъ эти данныя, странно вспомнить то еще очень недавнее время, когда мои гораздо болѣе скромные расчеты вѣроятнаго прироста фабричныхъ рабочихъ вызывали такое ожесточенное отрицаніе. Дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія.

То же слѣдуетъ сказать и по другому вопросу, по которому мнѣ приходилось полемизировать съ г. Карышевымъ—по вопросу о концентраціи производства. И эту полемику я не воспроизвожу въ настоящемъ изданіи въ виду того, что г. Карышевъ, выступившій въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1894 г. № 11 „Народохозяйственные наброски“) съ утвержденіемъ, что у насъ наблюдается не концентрація, а раздробленіе производства, впоследствии самъ отказался отъ этого тезиса (Ср. его статью въ „Извѣстіяхъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института“, 1898, кн. I—„Матеріалы по русскому народному хозяйству“). Г. Карышевъ вдался даже въ противоположную крайность—при помощи столь же неудачныхъ статистическихъ сопоставленій, на основаніи которыхъ онъ въ 1894 г. утверждалъ огромный ростъ мелкихъ фабрикъ, онъ сталъ въ 1898 г. утверждать, будто въ Россіи происходитъ „значительное сокращеніе числа мелкихъ фабрикъ“ и будто число фабрикъ въ Россіи быстро падаетъ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ г. Карышевъ былъ одинаково правъ. Само собою разумѣется, что онъ грубо заблуждался, да утверждалъ, что „размноженіе числа промышленныхъ единицъ направилось (въ Россіи), главнымъ образомъ, въ сторону вѣтвляющаго мелкаго типа предпріятій, расширение размѣра крупныхъ гнѣтно начало пріостанавливаться и въ результатѣ получилось пьчаніе среднихъ размѣровъ производства“ (Русское Богатство, 94 г. № 11, стр. 25). Но и новѣйшія его утвержденія столь же леки отъ истины.

Измѣненіе среднихъ цифръ рабочихъ или суммы производства одну фабрику не даетъ правильнаго представленія о размѣкь концентрации въ тѣхъ случаяхъ, когда эти среднія слагаются въ весьма разнородныхъ величинъ.

Единственное средство поближе подойти къ занимающему въ вопросу, это—не довольствоваться выводомъ „среднихъ“, а збить производство на группы приблизительно сходныхъ по вѣрамъ предпріятій и посмотрѣть, какъ измѣняется каждая уша за соотвѣтствующіе годы. Работа эта очень кропотливая, въ какъ приходится суммировать длинные ряды цифръ рабочихъ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Нижеслѣдующія данныя относятся къ хлопчатобумажному производству.

Шопчатобумажныя фабрики, имѣющія болѣе 100 рабочихъ, въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи ¹⁾.

Р а з р я д ы ф а б р и к ѣ .

Г о д ы .	По 5 тыс. рабочихъ и болѣе.		Отъ 1 до 5 тыс. рабочихъ.		Отъ 500 до 1 тыс. рабочихъ.		Отъ 100 до 500 рабочихъ.		В с е г о .	
	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.
86 .	—	—	26	40.844	27	18.059	115	23.097	168	82.004
87 .	1	8.946	40	83.583	44	32.591	118	28.212	203	153.332
94 .	8	54.981	60	119.013	48	33.462	108	27.050	224	234.506

1) Составлена для 1866 и 1879 гг. по даннымъ П. Масленникова къ вопросу о развитіи фабричной промышленности въ Россіи“, (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго общества, по отдѣленію статистики т. VI). Для 1894 г.—по „Перечню фабрикъ и заводовъ въ Россіи“: Пб. 1897 г. Подсчетъ фабрикъ и рабочихъ по „Перечню“ сдѣланъ для еня А. М. Роговинымъ. Необходимо оговориться, что общіе итоги „Перечня“ не вполне сравнимы съ итогами обычной фабричнозаводской

Эта таблица бросает яркій свѣтъ на внутреннія измѣненія нашей хлопчатобумажной фабричной промышленности по мѣрѣ роста. Читатель видитъ, что число рабочихъ, занятыхъ на крупныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, возросло за 28 лѣтъ почти въ 3 раза, а число самихъ фабрикъ увеличилось менѣе, чѣмъ на 50%. При этомъ число наименѣе крупныхъ фабрикъ (отъ 100 до 500 рабочихъ) нѣсколько сократилось, а сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ немного возросла. Болѣе значителенъ ростъ фабрикъ съ 500—1.000 рабочихъ; число ихъ и сумма занятыхъ на нихъ рабочихъ возросли больше, чѣмъ въ полтора раза. Крупныя фабрики отъ 1 до 5 тысячъ рабочихъ, по своему числу, болѣе чѣмъ удвоились, а по количеству рабочихъ почти утроилось. Наконецъ огромныхъ фабрикъ съ 5 тысячами рабочихъ и болѣе въ 1866 совсѣмъ не было, въ 1879 г. такая фабрика была только одна, въ 1894 г. ихъ было уже 8. Количество рабочихъ на самыхъ крупныхъ фабрикахъ за 15 лѣтъ 1879—1894 гг. *увеличилось болѣе чѣмъ въ 6 разъ.*

Въ 1866 г. на долю фабрикъ, имѣющихъ болѣе 1.000 рабочихъ приходилось 49% всего числа рабочихъ, въ 1894 г.—60%, а въ 1894 г.—74%. На долю среднихъ и мелкихъ фабрикъ, имѣющихъ менѣе 500 рабочихъ, въ 1866 году приходилось 28% общей суммы рабочихъ, въ 1879 г.—18%, въ 1894 г.—12%. Концентрація производства шла настолько энергично и быстро, что въ 1894 г. на 68 крупныхъ фабрикахъ было почти втрое болѣе рабочихъ чѣмъ на 156 остальныхъ.

Къ сожалѣнію, я не могъ настолько же детально анализировать измѣненіе размѣра фабрикъ въ другихъ производствахъ. Концентрація производства во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ нашей капиталистической промышленности, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ, напр., данныя о концентраціи углепродуцтвенности юга Россіи ¹⁾.

статистики, такъ какъ въ „Перечнѣ“ многія фабрики совсѣмъ пропущены и вообще общая сумма рабочихъ значительно уменьшена. Но для сравненія распредѣленія рабочихъ по отдѣльнымъ группамъ эти данныя все же годятся, такъ какъ указанные пропуски касаются главнымъ образомъ мелкихъ фабрикъ, не включенныхъ въ приводимую въ текстъ таблицу.

1) Вѣстникъ Финансовъ, 1895 г., № 51.

Г О Д Ы.	Вся добыча каменнаго угля въ сот- няхъ ваго- новъ.	Добыча угля (въ сотняхъ вагоновъ) копами, отправляющими въ годъ:					
		5 тысячъ ва- гоновъ и бо- лье.	5—1 ты- сячь.	1 тыс. до 300 ваг.	300—100 ва- гоновъ.	100—30 гоновъ.	Менше 30 ва- гоновъ.
1882—83	891	388	344	112	27	7	3
1883—84	961	446	362	112	31	8	2
1884—85	1.078	535	379	173	22	7	1
1885—86	1.298	605	547	113	27	5	2
1886—87	1.430	713	423	207	57	26	6
1887—88	1.458	713	473	193	43	27	9
1888—89	1.911	1.011	573	181	89	44	14
1889—90	1.969	1.123	504	170	122	40	10
1890—91	2.061	1.434	293	153	138	37	6
1891—92	2.533	1.948	207	234	105	32	6
1892—93	2.801	2.184	260	253	69	32	4
1893—94	3.147	2.481	286	268	88	20	4
1894—95	3.348	2.641	358	233	87	24	5

Въ 1882—83 гг. добыча угля на крупныхъ кояхъ съ про-
изводствомъ болѣе 5 тысячъ вагоновъ въ годъ составляла немного
болѣе 40% всей годовой добычи, а въ 1894—95 гг. уже 79%.
За 13 лѣтъ 1882—1894 гг. добыча угля на крупныхъ кояхъ
возросла почти въ 7 разъ, на среднихъ кояхъ (1—5 тысячъ ва-
гоновъ въ годъ) осталось почти безъ перемѣны, на мелкихъ (ме-
нѣе 1 тысячи вагоновъ) увеличилась немного больше, чѣмъ въ
2 раза. Въ 1882—83 гг. мелкія копи поставляли 17% всей годо-
вой добычи угля, а въ 1894—95 гг. только 10%.

Нѣкоторое представленіе о концентраціи производства въ на-
шей фабрично-заводской промышленности вообще можетъ дать
нижеслѣдующая таблица (стр. 377), заимствованная мною у
г. Ильина ¹⁾.

Изъ этой таблицы видно, какъ энергично шла концентрація
производства въ теченіе всего разсматриваемаго времени. Быстрѣе
всего росли и по числу, и по количеству рабочихъ, и по суммѣ

¹⁾ Развитие капитализма въ Россіи. Спб. 1899 стр. 403.

ГОДЫ.	Фабрики съ 1000 и больше рабочихъ.				Фабрики съ 500—999 рабочихъ.				Фабрики съ 100—499 рабочихъ.				В С Е Л О.			
	Число фаб-риктъ.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.	Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фаб-риктъ.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.	Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фаб-риктъ.	Изъ нихъ съ паров. двигат.	Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.	Число фаб-риктъ.	Изъ нихъ съ паров. двигателями.	Число рабочихъ.	Сумма произв. въ тыс. рублей.
1866	42	35	62801	52877	90	68	59867	48359	512	204	109061	99830	644	307	231739	201066
1879	81	76	156760	170533	130	119	91887	117830	641	354	141727	201542	852	549	390374	489905
1890	99	99	213333	253130	140	140	94305	148546	712	455	156699	186289	951	694	464337	587965
	Всего.				Всего.				Всего.				Всего.			

производства огромныя фабрики, имѣвшія болѣе 1000 рабочихъ. Въ 1866 г. на этихъ фабрикахъ находило занятіе 27⁰/₁₀₀ всего числа рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, въ 1879 г. — 40⁰/₁₀₀, въ 1890 г. 46⁰/₁₀₀.

Въ 1879 г., по расчѣту г. Ильина, крупныя фабрики, имѣвшія не менѣе 100 рабочихъ, составляли 4,4⁰/₁₀₀ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, регистрируемыхъ, какъ „фабрики и заводы“ нашей фабричной статистикой; на долю этихъ крупныхъ фабрикъ приходилось 66,8⁰/₁₀₀ всего числа фабричнозаводскихъ рабочихъ. Въ 1890 г. крупныя фабрики составляли уже 6,7⁰/₁₀₀ всѣхъ „фабрикъ и заводовъ“ и на ихъ долю приходилось 71,1⁰/₁₀₀ всѣхъ фабричнозаводскихъ рабочихъ.

Къ сожалѣнію, для самаго новѣйшаго времени нельзя привести столь же детальныя данныя о ходѣ концентраціи производства. Приходится довольствоваться грубымъ сравненіемъ измѣненія средняго количества рабочихъ на одно промышленное предпріятіе по матеріаламъ „Свода данныя о фабричнозаводской промышленности за 1897 г.“.

Родъ производства.	Среднее число рабочихъ на 1 промышленное предпріятіе	
	1887 г.	1897 г.
Обработка волокнистыхъ веществъ	140	144
Питательныя вещества (безъ мукомольнаго произв.).	19	20
Животные продукты	8	15
Текстильное производство	81	86
Химическое производство	36	46
Керамическое производство	28	42
Горная и горнозав. промышленность	147	160
Металлическія издѣлія	75	89
Произв., не вошедш. въ предыдущ. группы.	54	71
Всѣ роды производ. (кроме мукомольнаго).	50	62

Во всѣхъ отрасляхъ производства констатируется ростъ рабочихъ на 1 предпріятіе — что указываетъ на концентрацію производства ¹⁾.

¹⁾ Какъ ни плохо обработаны данныя „Свода“, все же они могутъ служить для общаго ориентированія въ направленіи нашего промышленнаго развитія. Но, разумѣется, большого довѣрія къ даннымъ подобнаго рода, какъ къ показателю степени концентраціи, имѣть нельзя.

О значеніи крупнаго торговаго и промышленнаго капитала въ нашемъ торговопромышленномъ оборотѣ вообще можно судить изъ нижеслѣдующихъ любопытныхъ цифръ, относящихся къ гильдейскимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, не обложеннымъ акцизомъ.

Предпріятія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи съ оборотомъ ¹⁾.

Г о д ы.	1 миллионъ рублей и болѣе.		Отъ 1 милл. до 250 тыс. рублей.		Отъ 250 тыс. до 150 тыс. рублей.		Отъ 100 тыс. до 10 тыс. руб.		Менѣе 10 тыс. рублей.		В с е г о.	
	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)	Число предпріятій.	Годов. оборотъ (въ милл. руб.)
1886	561	2.465	1.850	787	4.194	580	44.489	1.117	65.517	250	116.611	5.190
1887	645	3.560	2.055	912	4.414	612	45.157	1.136	68.661	257	120.932	6.477
1888	741	3.972	2.163	931	4.577	629	48.055	1.191	71.058	276	126.594	6.990

Изъ этихъ цифръ можно составить вполне опредѣленное представленіе о строѣ нашей торговли и промышленности. Оборотъ огромныхъ предпріятій, съ годовымъ оборотомъ болѣе 1 милл. руб. каждое, достигали въ 1886 г. 47% всѣхъ оборотовъ гильдейскихъ предпріятій, а въ 1888 г.—55%. Число такихъ предпріятій составляло около 1/2% всѣхъ гильдейскихъ предпріятій. Среднія и мелкія предпріятія, съ оборотомъ менѣе 100 тысячъ руб. въ годъ, по своей численности составляли болѣе 90% всего числа предпріятій; между тѣмъ оборотъ ихъ не превышалъ въ 1886 г. 26% всѣхъ торговыхъ оборотовъ гильдейскихъ предпріятій, а въ 1888 г.—21%. На долю ничтожнаго числа миллионныхъ предпріятій приходится болѣе половины всего гильдейскаго торговаго оборота.

Всѣ эти данныя достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ томъ, что вопросъ о томъ, „быть или не быть“ капитализму въ Россіи давно рѣшенъ жизнью. Быстрые успѣхи капиталистическо

¹⁾ По „Статистическимъ результатамъ раскладочнаго и трехпроцентнаго сборовъ“ за соответствующіе годы. Къ сожалѣнію, группировка предпріятій по размѣрамъ оборотовъ послѣ 1888 г. прекращена, почему можно сдѣлать сравненіе только за трехлѣтіе.

индустриі въ Россіи за самое послѣднее время (особенно во второй половинѣ 90-хъ годовъ) не представляютъ собой ничего удивительнаго. Какъ я говорилъ выше, Россія, во многихъ отношеніяхъ представляетъ крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности. Огромныя и далеко еще не исчерпанныя и даже почти не обследованныя минеральныя богатства, эксплуатація которыхъ на югѣ Россіи началась только на нашихъ казахъ; колоссальная территорія, слабо заселенная и представляющая достаточный просторъ для внутренней колонизаціи; многочисленное населеніе, быстро переходящее отъ натурального къ всеобщему хозяйству и замкнутое таможенной системой въ самооблѣвлюющій рынокъ, мало доступный для капиталистической индустриі другихъ странъ—все это создаетъ такія благоприятныя условія для русской капиталистической промышленности, которыхъ лишена любая капиталистическая страна Западной Европы. Конечно, гдѣ и развернуться капитализму, какъ не въ Россіи. Какъ развитія въ Россіи капиталистическаго хозяйства кажется столько естественнымъ, что онъ почти не требуетъ объясненія.

Гораздо труднѣе объяснить, почему успѣхи русскаго капитализма до послѣдняго времени были такъ невелики. Почему Россія теперь такъ далеко отстаетъ отъ всѣхъ другихъ капиталистическихъ странъ? Словомъ, что задерживаетъ ростъ нашего капитализма?

Если бы требовалось отвѣтить на этотъ вопросъ въ двухъ словахъ, то я бы отвѣтилъ: русская некультурность. Капитализмъ несетъ съ собой культуру, но онъ и предполагаетъ культуру. Такъ, бросается въ глаза низкая степень производительности труда въ Россіи. Несмотря на то, что русскій рабочій получаетъ гораздо меньше западноевропейскаго, трудъ въ Россіи обходится двали не дороже, чѣмъ на Западѣ. Шульце-Геверницъ, внимательно изучившій этотъ вопросъ, приходитъ къ заключенію, что еще и теперь по отношенію къ русской промышленности остается справедливымъ замѣчаніе Гакстаузена „рабочія руки дороги въ Россіи („la main d'oeuvre est chère en Russie“)¹⁾. Такъ, напр., по словамъ Шульце-Геверница, въ Англіи на 1000 веретенъ приходится 1 рабочіихъ, въ Россіи же, по расчету Менделѣева, 16,6 рабочихъ. Поэтому, получая въ 4 раза высшую плату, англійскій рабочій обходится дешевле фабриканту, чѣмъ русскій рабочій. „Всѣ компетентные люди, — говоритъ тотъ-же авторъ, — считаютъ главной

¹⁾ Крупное производство въ Россіи. Стр. 93. •

причиной медленной эксплуатаціи выдающихся естественны богатствъ Россіи невысокое качество русскаго труда“. Низкая работная плата, длинный рабочий день и безгласность рабоч составляютъ отличительную черту строя русской промышленно сравнительно съ Западомъ. Именно въ этомъ и заключается од изъ важнѣйшихъ причинъ технической отсталости русской промышленности.

Невѣжество и безграмотность русскаго рабочаго составляю не менѣ сильный контрастъ съ интеллигентностью рабочаго пада. Столь же велико различіе между русскимъ и западноевропейскимъ капиталистомъ въ отношеніи предприимчивости, зна дѣла и готовности стать выше рутинѣ. Дороговизна капитала въ Россіи есть также одно изъ слѣдствій некультурности русской жизни — ибо иностранные капиталы быстро восполнили недостатокъ капиталовъ на русскомъ рынкѣ, еслибы иностранныхъ капиталистовъ не отпугивали многія особенности наши внутреннихъ порядковъ. Административная регламентація и м лочныя стѣсненія, на которыя наша промышленность наталк вается на каждомъ шагу, вызываютъ огромное треніе, которое существенно тормозитъ наступательный ходъ нашей промышленности.

Еще и до настоящаго времени сохранила свое полное значен та оцѣнка условій русской жизни, задерживающихъ наше промышленное развитіе, которая была дана болѣе 40 лѣтъ тому назадъ величайшимъ русскимъ экономистомъ Н. Г. Чернышевскимъ въ статьѣ „Суевѣріе и правила логики“ („Современникъ“, 1859). Эти условія нашей общественной жизни Чернышевскій опред лилъ однимъ словомъ „азіатство“.

„Азіатство“—а отнюдь не недостатокъ рынка, мѣшаетъ намъ подвигаться столь же быстро по пути промышленнаго прогресса какъ, напр., Германія.

Но хотя „азіатства“ еще очень много въ русской жизни, все же мы европейцы и будущее принадлежитъ не „азіатству“. Наш культурная отсталость уменьшается, благодаря развитію того же капитализма. Никакія китайскія стѣны не могутъ задержать процессъ проникновенія къ намъ, вмѣстѣ съ западноевропейскими формами производства, и западноевропейской культуры. И поэтому наш прогнозъ таковъ: успѣхи русской капиталистической индустріи въ послѣднее время являются только слабыми начатками того мощнаго развитія русскаго капитализма, которое предстоитъ въ будущемъ.

ГЛАВА П.

Новѣйшее фабричное законодательство.

Проекты комиссій при с.-петербургскомъ генераль-губернаторѣ и при министерствѣ финансовъ подѣ председательствомъ Штапельберга.—Отношеніе фабрикантовъ петербургскихъ и центрального района къ законодательной охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ.—Отзывы разныхъ лицъ: Хлудовыхъ, графа Баранова и другихъ.—Проекты 70-хъ годовъ.—Постановленіе съѣзда машиностроителей 1875 года.—Законъ 1882 года.—Послѣдующіе законы.—Связь ихъ съ промышленнымъ кризисомъ 80-хъ годовъ.— Почему московскіе фабриканты противятся законодательному ограниченію времени работы, а петербургскіе настаиваютъ на таковой.—Ходатайство лодзинскихъ фабрикантовъ 1894 года.—Отношеніе московскаго общества содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности къ нормировкѣ рабочаго дня.—Законъ 2 іюня 1897 года.

Новѣйшая исторія нашихъ фабричныхъ законовъ начинается съ навсегда незабвенной эпохи 60-хъ годовъ.

Съ 1859 года въ канцеляріяхъ различныхъ вѣдомствъ стала усиленно разрабатываться вопросъ о средствахъ недопущенія къ фабричной работѣ дѣтей и ограниченія рабочаго дня несовершеннолѣтнихъ. Особая комиссія при с.-петербургскомъ генераль-губернаторѣ собрала въ 1859 году свѣдѣнія о малолѣтнихъ рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ и выработала „Проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ“. Эти правила по всему своему духу не имѣютъ ничего общаго съ проектомъ Закревскаго (о которомъ я говорилъ въ I части, глава V), хотя ихъ раздѣляетъ промежутокъ всего въ нѣсколько лѣтъ. Проектъ Закревскаго имѣлъ вполне крѣпостнической характеръ—петербургскій проектъ, напротивъ, блещетъ гуманностью и заботливостью объ интересахъ рабочихъ.

Проектъ прежде всего указываетъ мѣры предосторожности, которыя должны примѣняться фабрикантами для предупрежденія

несчастныхъ случаевъ съ рабочими и предъявляетъ къ фабрикантамъ различныя гигиеническія и санитарныя требованія. Квартыры рабочихъ должны быть опрятны, сухи, просторны, съ температурой воздуха 13—15° по Реомюру, помѣщенія для мужчинъ, женщинъ и дѣтей должны быть отдѣльны.

Наибольшее значеніе имѣетъ статья проекта, не позволяющая принимать на фабричную работу дѣтей моложе 12 лѣтъ и ограничивающая рабочее время несовершеннолѣтнихъ отъ 12—14 лѣтъ 10-ю часами въ сутки. Ночная работа несовершеннолѣтнихъ до 16-лѣтняго возраста запрещалась. Для надзора за исполненіемъ закона проектъ предполагалъ назначить особый инспекторатъ, имѣющій право посѣщать фабрики во всякое время дня и ночи, требовать свѣдѣній о платѣ рабочимъ, условіяхъ найма и проч. За неисполненіе предписаній закона фабриканты уплачиваютъ штрафы.

Этотъ любопытный проектъ интересенъ также и тѣмъ, что онъ былъ выработанъ при участіи петербургскихъ фабрикантовъ, трое изъ которыхъ вошли въ составъ комиссіи. Съ фактами такого рода намъ придется считаться неоднократно и ниже: крупные петербургскіе фабриканты поддерживаютъ многія мѣры законодательной охраны рабочихъ, въ то время какъ московскіе и провинціальныя фабриканты энергично имъ противодействуютъ.

Комиссія осмотрѣла петербургскія фабрики, и оказалось, что на бумагопрядильняхъ изъ 8.209 рабочихъ—616 малолѣтнихъ въ въ возрастѣ 8—14 лѣтъ. На шести бумагопрядильняхъ работа шла днемъ и ночью, на шести только днемъ. На послѣднихъ какъ взрослые, такъ и дѣти работали по 14 часовъ въ сутки. По словамъ комиссіи, „дѣти показывали, что въ послѣдніе часы работы, къ вечеру, они бывають до того утомлены, что работаютъ безсознательно, едва держатся на ногахъ, и, возвращаясь домой, не въ силахъ бывають ужинать, а спѣшатъ скорѣе заснуть“¹⁾. Неудивительно, что при такой непосильной работѣ „дѣти, работающія на бумагопрядильняхъ, вообще блѣдны, имѣють видъ изнуренный, малы ростомъ, такъ что 11 и 12-лѣтнимъ, пробывшимъ 2—3 года на фабрикахъ, часто на видъ нельзя дать болѣе 7 или 8 лѣтъ“.

Какъ-же отнеслись къ проекту комиссіи петербургскіе фабриканты? Комиссія предложила бумагопрядильнымъ фабрикантамъ

¹⁾ Проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ, 1860 г. Объяснительная записка, стр. 19.

два вопроса: 1) не находятъ-ли они возможнымъ не принимать въ фабрику дѣтей моложе 10 лѣтъ и 2) можно-ли прекратить ночную работу малолѣтнихъ? На первый вопросъ шесть фабрикантовъ отвѣтили утвердительно, пять — отрицательно. Противъ ночной работы малолѣтнихъ высказались всѣ бумагопрядильные фабриканты С.-Петербурга, кромѣ двухъ. Одинъ фабрикантъ заявилъ, что „хорошо было-бы на всѣ фабрики безъ исключенія положить запретъ ночью работать“. По словамъ комиссiи, „многіе фабриканты сознаютъ, что ночная работа не только вредна для здоровья дѣтей и взрослыхъ, но невыгодна для самого производства, потому что: 1) ночью нельзя имѣть достаточнаго надзора за рабочими; 2) работники не имѣютъ надлежащаго вниманія къ работѣ; 3) произведенія выдѣлываются ночью хуже, чѣмъ днемъ, нитки на прядильныхъ обрываются чаще; 4) машины портятся корѣе и служатъ меньшее время въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ дѣйствуютъ непрерывно; 5) ночная работа требуетъ лишнихъ издержекъ на отопленіе и освѣщеніе и 6) освѣщеніе фабрики ночью увеличиваетъ опасность пожара“ (Объяснительная записка, 57).

Правила о работѣ малолѣтнихъ выработанныя комиссiей, были общены всѣмъ директорамъ бумагопрядильныхъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ, а также директорамъ всѣхъ значительныхъ ткацкихъ. Возраженіе противъ правилъ комиссiи послѣдовало только отъ одного бумагопрядильнаго фабриканта.

Одиннадцать бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикантовъ бѣжали сократить работу на своихъ фабрикахъ до требуемой комиссiей нормы, „имѣя въ виду, что въ то же время послѣдетъ совершенное запрещеніе столь вредной для рабочихъ вообще, для женщинъ и особенно для малолѣтнихъ, ночной работы на всѣхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ“. Этимъ двенадцати фабрикантамъ принадлежало 494.640 веретенъ изъ 78.515 веретенъ на всѣхъ петербургскихъ бумагопрядильныхъ¹⁾.

Проектъ комиссiи былъ предложенъ затѣмъ на разсмотрѣніе мадѣльцевъ другихъ петербургскихъ фабрикъ; изъ 22 фабрикантовъ только 4 не согласились съ проектомъ. Такимъ образомъ громадное большинство крупныхъ петербургскихъ фабрикантовъ находило для себя выгоднымъ законодательное регулированіе работы малолѣтнихъ.

Такъ какъ рассматриваемый проектъ возникъ въ эпоху либе-

¹⁾ Проектъ. Объяснительная записка, стр. 59.

ральных вѣяній 60-хъ годовъ, то и правиламъ, выработаннымъ комиссіей, была придана самая широкая гласность. Проектъ былъ разосланъ губернаторамъ съ просьбой собрать отзывы о немъ всѣхъ компетентныхъ и заинтересованныхъ лицъ. Для насъ важнѣйшимъ образомъ мнѣнія фабрикантовъ. Петербургскіе фабриканты, какъ сказано, одобрили проектъ. Иначе отнеслись къ нему провинціальныя фабриканты.

Такъ братья Хлудовы, владѣльцы одной изъ крупнѣйшихъ бумагопрядиленъ Россіи (Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи) нашли крайне стѣснительнымъ предполагавшееся въ проектѣ запрещеніе ночной работы для малолѣтнихъ, въ виду того, что съ прекращеніемъ дѣтской работы должны остановиться занятія взрослыхъ рабочихъ. „Притомъ,—заявили Хлудовы,—дѣти, лишася заработковъ на фабрикахъ, не принесутъ своимъ родителямъ никакого матеріальнаго пособія, будутъ пребывать во вредной для ихъ возраста праздности и разстрогать свое здоровье, находясь, вмѣстѣ съ свѣтлаго и здороваго помѣщенія фабрики, въ душной атмосферѣ своей избы“.

Какъ вамъ нравится эта фраза о „вредной праздности“ дѣтей до 12 лѣтняго возраста и здоровомъ помѣщеніи фабрики? Нужно знать условія работы на нашихъ фабрикахъ томъ времени, весь ужасъ положенія несчастныхъ дѣтей, лишенныхъ всякой защиты и отданныхъ въ полное распоряженіе фабриканта заставлявшаго ихъ зарабатывать прямо на смерть, чтобы воплотить цинизмъ подобнаго заявленія.

Тульскіе фабриканты и заводчики также не нашли возможнымъ ограничивать работу малолѣтнихъ старше 12 лѣтъ; „примѣненіе этой мѣры,—говорили они,—съ одной стороны, въ высшей степени неблагоприятно отразится на ходѣ фабричной промышленности, а съ другой—не принесетъ никакой пользы и малолѣтнимъ, такъ какъ развитіе силъ ихъ, при легкости работы, не можетъ пострадать отъ ея продолжительности“.

Опять подобная-же циническая ссылка на интересы рабочихъ для оправданія воплію очевидныхъ собственныхъ интересовъ.

Тверской хлопчатобумажный фабрикантъ Шиловъ высказался противъ ограниченія работы малолѣтнихъ во имя „свободы народнаго труда“. Этотъ аргументъ, очевидно, былъ заимствованъ съ Запада. Извѣстно, какъ эксплуатировалась въ интересахъ фабрикантскаго класса „свобода труда“ буржуазными экономистами Западной Европы того времени.

Еще большую оппозицію со стороны фабрикантов встрѣтило предположеніе комиссіи учредить особый правительственный фабричный инспекторатъ. По мнѣнію Хлудовыхъ „надзоръ за фабриками долженъ быть ввѣренъ самимъ фабрикантамъ“ (!!)

Московскіе фабриканты Савва Морозовъ, Солодовниковъ, Третьяковъ, Проховъ и др. увидѣли въ предложеніи комиссіи оскорбительное для чести недоувѣріе къ фабрикантамъ. По ихъ мнѣнію, персоналъ, надзирающій за фабриками, долженъ быть подчиненъ мануфактурному совѣту, его московскому отдѣленію и мѣстнымъ мануфактурнымъ комитетамъ—иначе говоря, тѣмъ-же фабрикантамъ. Тверскіе фабриканты высказались совершенно въ томъ-же смыслѣ.

Извѣстный владѣлецъ цѣлаго заводскаго округа, Мальцевъ, даже призналъ назначеніе правительственной инспекціи стѣснительнымъ для фабрикантовъ.

Въ особенности пугало всѣхъ фабрикантовъ предоставляемое инспектору право во всякое время дня и ночи посѣщать фабрику. Фабрика есть домъ трудолюбія,—заявляли тверскіе фабриканты,—очная ревизія фабрикъ похожа на слѣдствіе и можетъ подать поводъ ко всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны ревизоровъ даже матеріальнымъ ущербамъ со стороны фабриканта... Подъ именемъ фабрикъ и заводовъ слѣдуетъ также разумѣть домъ, квартиру, гостиницу, судно, корабль и проч., гдѣ законъ охраняетъ ююкйствіе трудящагося, отдыхающаго, ликующаго гражданина, ватнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго. Что же такое фабрика фабрикантъ? Неужели они суть мѣсто беззаконія и личность, требующая внезапныхъ слѣдованій?“—восклицаютъ совершенно замортовавшіеся фабриканты.

Мануфактурный совѣтъ высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и фабриканты—противъ правительственной инспекціи фабрикъ.

Что касается до отзывовъ административныхъ лицъ, то они были весьма разнообразны. Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генераль-губернаторъ баронъ Ливенъ предлагалъ вообще шретьить ночныя работы. Напротивъ, владимірскій губернаторъ былъ всецѣло на сторонѣ фабрикантовъ. „Запрещеніе принимать молѣтннхъ на фабрики,—замѣчаетъ онъ,—поставитъ ихъ въ положеніе непроизводительныхъ членовъ семейства (это дѣтей до 12-лѣтняго возраста!). Если доселѣ чувство любви родительской не раждало малютокъ отъ посылки на фабрику, то нѣтъ никакого жнованія предполагать, что запрещеніе приѣма на фабрику вдругъ

разовьетъ это чувство и побудитъ родителей содержать малолѣтковъ на своемъ иждивеніи... Напротивъ, естественно, что они будутъ употреблены на работы и ближе всего по той-же отрасли промышленности, но только въ заведеніяхъ, ускользящихъ отъ контроля, или на которыя не распространяется запрещеніе. Въ настоящемъ случаѣ такими заведеніями будутъ ручные станки въ свѣтелкахъ и избахъ... Остается только рассмотреть, легче-ли меньше-ли вредны для здоровья работы въ свѣтелкахъ и избахъ чѣмъ на фабрикахъ? Люди, близко знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ, что первыя несравненно тяжелѣе и вреднѣе для малолѣтнихъ, чѣмъ работа на механическихъ фабрикахъ... При запрещеніи найма на фабрику малолѣтніе увеличатъ собою только число работающих по найму въ свѣтелкахъ и избахъ, а что тѣ и другія и сырѣе и смраднѣе самыхъ посредственныхъ фабричныхъ мастерскихъ, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для тѣхъ, кому хотя однажды случалось бывать въ нихъ во время работы“.

Указаніе владимірскаго губернатора на то, что условія работы въ кустарныхъ мастерскихъ еще хуже, чѣмъ на фабрикахъ было совершенно вѣрно. Но отсюда слѣдуетъ выводъ не о нежелательности ограниченія работы малолѣтнихъ на фабрикахъ (какъ утверждалъ губернаторъ), а обратный—о необходимости распространити ограничительныя правила для дѣтской работы на всѣ промышленныя заведенія, какъ крупныя, такъ и мелкія. Но для владимірскаго губернатора, защищавшаго интересы фабрикантовъ, ссылка на кустарныя заведенія была только предлогомъ отклонить всякое вмѣшательство правительства въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ.

Любопытенъ отзывъ тверскаго губернатора графа Баранова весьма характерный для разсматриваемой эпохи. Излагая мнѣніе фабриканта Шилова, выступившаго въ защиту „свободы народнаго труда“, графъ Барановъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „фабрикантъ хлопчатобумажный, слѣдовательно протекціонистъ, живущій не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающійся удержанія ея на безконечное время, возвышаетъ голосъ о свободѣ народнаго труда! Такіе тартюфовскіе приемы неизвѣстны, потому что извѣстно, что ни о народномъ богатствѣ, ни о воспитаніи дѣтей народа фабриканты не думаютъ, а заботятся единственно о своемъ карманѣ. Если-же ихъ производства и разливаютъ въ народѣ деньги, то, очевидно, имъ тутъ хвастаться не

мѣдуетъ, что они благодѣтели народа, они просто эксплуататоры то силъ и способностей, эксплуататоры въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ вовсе не заботятся ни о здоровьѣ, ни о нравственности рабочихъ. Развратнѣе фабричнаго населенія и молодежи, юлѣе коротающей свою жизнь, нигдѣ нѣтъ. Медицинской помощи въ большей части случаевъ нѣтъ, школъ также, а гдѣ и есть тѣ и другія, то заводятся безъ всякаго сочувствія, только для виду... Правительство должно принять мѣры противъ всѣхъ содержащихъ ремесленныхъ заведеній, похожихъ на американскія плантаціи, и противъ самихъ родителей, также похожихъ на американскихъ плантаторовъ. Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпости помѣщика естественно влечетъ за собою освобожденіе рабочихъ изъ крѣпости хозяевъ... Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя съ виду и очень покорные рабы“.

Если вспомнить, что эта тирада противъ „эксплуататоровъ“ и „плантакторовъ“ принадлежитъ губернатору, то нельзя не подивиться, какое это было либеральное время—даже губернаторы заговорили слогомъ народныхъ трибуновъ.

Большинство другихъ губернаторовъ высказалось противъ введенія особой фабричной инспекціи, рекомендуя поручить это дѣло такому испытанному органу надзора, какъ мѣстная полиція. Что же касается до графа Баранова, то онъ предлагалъ, чтобы рабочіе выбирали изъ своей среды особыхъ депутатовъ—представителей, съ которыми должны были сноситься фабричные инспектора. „Фабриканты не хотятъ знать,—заявляетъ Барановъ по поводу ихъ боязни инспекціи,—что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ такъ не уважается закономъ гражданская личность человѣка и его свобода, какъ въ Англіи, что нигдѣ не предоставлено столько свободной дѣятельности каждому гражданину, какъ тамъ, и что однако-же тамъ давно уже учреждены инспектора для фабрикъ... Фабриканты не желаютъ никакихъ инспекторовъ, а желаютъ ввѣрить надзоръ своей же братіи“¹⁾.

Проектъ комиссіи при с.-петербургскомъ генераль-губернаторѣ былъ положенъ въ основу работъ другой комиссіи, учрежденной также въ 1859 г. при министерствѣ финансовъ. Этой послѣдней комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Штакельберга, поставлена

¹⁾ Всѣ вышеприведенные отзывы разныхъ лицъ о проектѣ комиссіи 1859 г. взяты изъ „Трудовъ комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабрикъ и ремеслъ“ т. II, приложение XV.

была очень широкая задача—переработка всего нашего ремесленного и фабричного законодательства. Комиссія выработала проект новаго устава о промышленности, при чемъ проектировала очень широкія реформы, между прочимъ—уничтоженіе цеховъ. Я остаюся только на предположеніяхъ комиссіи относительно фабричнаго законодательства въ строгомъ смыслѣ слова. Комиссія Штакельберга въ общемъ относилась еще сочувственнѣе къ рабочимъ, чѣмъ учрежденная при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ. Наиболѣе важныя измѣненія и нововведенія комиссіи въ фабричномъ уставѣ касаются работы дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, и промышленнаго суда.

По проекту новаго фабричнаго устава, на фабрики не допускаются дѣти, не достигшія 12-лѣтняго возраста. Несовершеннолѣтніе отъ 12—18 лѣтъ не должны быть въ работѣ болѣе 10 ч. въ сутки; имъ запрещается ночная работа. Отвѣтственность за неисполненіе этихъ правилъ возлагается на хозяевъ промышленныхъ заведеній (§§ 112—114 исправленнаго проекта).

Для надзора за промышленными заведеніями назначается особый правительственный инспекторатъ, снабженный всѣми полномочіями, необходимыми для фактическаго осуществленія надзора (§§ 116—121).

Для разрѣшенія споровъ и несогласій, возникающихъ между хозяевами промышленныхъ заведеній и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленныхъ судовъ избираются отъ хозяевъ и рабочихъ той мѣстности, въ которой находится судъ, въ равномъ числѣ отъ тѣхъ и другихъ. Правомъ выбора пользуются всѣ рабочіе, имѣющіе не менѣе 21 года, занимающіеся не менѣе 1 года работой въ данной мѣстности и не опороченные по суду или общественному приговору. Могутъ быть избираемы рабочіе, имѣющіе не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, занимающіеся въ данной мѣстности работами не менѣе 5 лѣтъ, умѣющіе читать, писать и не опороченные по суду или общественному приговору. Предсѣдатель суда избирается членами суда или изъ своей среды, или изъ лицъ постороннихъ. Судъ вѣдаетъ въ числѣ прочихъ дѣлъ и рассмотрѣніе просьбъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, дѣла о стачкахъ между рабочими противъ хозяевъ, или между хозяевами противъ рабочихъ, о штрафахъ и и взыскаціяхъ за неисполненіе хозяевами промышленныхъ заведеній предписанныхъ правилъ, какъ-то: несоблюденіе постановленій о ночныхъ работахъ, о работѣ малолѣтнихъ, неогражденіе

пасныхъ частей механизмовъ и пр. Точно такъ же судъ вѣдаетъ въ споры между хозяевами и рабочими относительно несоблюденія условій найма (§§ 136, 138, 154, 161, 185).

Наказаніе за стачки рабочихъ оставлено проектомъ въ прежнемъ размѣрѣ (зачинщики—арестъ отъ 3 нед. до 3 мѣс., прочіе—въ 7 дн. до 3 нед.); но вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ устанавливалъ штрафы взысканій и за стачки хозяевъ, направленные къ пониженію заработной платы (§ 269).

Комиссія рѣшительно высказалась за исключеніе статьи 1865 Уложенія о наказаніяхъ, согласно которой неповиновеніе рабочихъ фабричной администраціи приравнивалось къ возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ. По мнѣнію комиссіи, „случаи возстанія или неповиновенія, о коихъ говоритъ статья 1865 Уложенія о наказаніяхъ (по Уложенію 1845 г. ст. 1791), могли возникать лишь изъ принудительныхъ отношеній рабочихъ къ владѣльцамъ или управляющимъ... Съ уничтоженіемъ крѣпостного и посессионнаго права владѣнія людьми, возмжность преступленій перваго рода устраняется сама собою, а вѣдательно, упомянутая статья 1865 не должна уже имѣть вѣста въ законодательствѣ“ ¹⁾ (хотя, статья эта относилась не только къ обязаннымъ рабочимъ, но и къ рабочимъ по вольному найму М. Т.-Б.).

Въ этомъ заключались важнѣйшія предположенія комиссіи Штакельберга въ области фабричнаго законодательства. Какъ видно, комиссія намѣтила очень широкія реформы, нѣкоторыя въ которыхъ далеки отъ своего осуществленія и въ настоящее время. Укажу хотя-бы на предположенный комиссіей промышленный судъ, члены котораго должны были избираться въ равномъ числѣ какъ изъ хозяевъ, такъ и изъ рабочихъ. Идея такого суда была заимствована комиссіей изъ французскихъ *conseils des prudhommes*. Но русскій проектъ отличался болѣе демократическимъ духомъ, чѣмъ французскій оригиналъ. Такъ по французскому закону того времени президентъ и вице-президентъ суда назначались императоромъ, по русскому же проекту — председателемъ выбирался самими членами суда. Затѣмъ секретарь французскаго *conseils des prudhommes* назначался префектомъ — въ русскомъ проектѣ судъ совершенно не зависѣлъ отъ администраціи.

Ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ 10 часами въ сутки

¹⁾ Труды комиссіи, I, стр. 482.

заимствовано комиссией из знаменитаго англійскаго билля 1847 г. о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Этимъ биллемъ установленъ 10-часовой рабочій день также и для женщинъ. Русскій проектъ въ этомъ отношеніи стоялъ ниже закона 1847 г., совершенно отказываясь отъ законодательной охраны взрослыхъ женщинъ. Но зато по англійскому закону на фабрики допускались дѣти отъ 8—13 лѣтъ съ работою $6\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки; по проекту же комиссіи дѣти до 12-лѣтняго возраста совсѣмъ не имѣли права работать на фабрикѣ.

Однимъ изъ очень существенныхъ преимуществъ проекта комиссіи, сравнительно съ нашимъ послѣдующимъ фабричнымъ законодательствомъ, было распространеніе правилъ охраны рабочихъ не только на однѣ крупныя фабрики, но и на всѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія, промышленныя заведенія съ участіемъ наемныхъ рабочихъ. Благодаря этому, мелкія ремесленныя и кустарныя мастерскія, на которыхъ, какъ извѣстно, эксплуатація труда принимаетъ наиболѣе тяжелыя для рабочаго формы, подчинялись общему фабричному надзору; между тѣмъ въ настоящее время мелкая промышленность, наиболѣе нуждающаяся въ такомъ надзорѣ, въ большинствѣ случаевъ совершенно отъ него ускользаетъ.

Но проекту комиссіи не суждено было осуществиться: фабриканты отнюдь не были расположены допускать столь широкое ограниченіе свободы эксплуатаціи народнаго труда. Энергичнымъ противникомъ проекта выступилъ органъ московскихъ фабрикантовъ—московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта. Особенно рѣзко высказывалось отдѣленіе противъ введенія фабричной инспекціи, которой фабриканты боялись пуще огня. „Учрежденіе инспекціи,—заявляло отдѣленіе,—вмѣсто ожидаемой пользы принесетъ вредъ тѣмъ, что уничтожитъ всякую связь между хозяевами и рабочими, послужитъ поводомъ къ злоупотребленіямъ и увеличитъ число жалобъ“. Точно такъ же отдѣленіе возражало и противъ многихъ частныхъ организаціи промышленнаго суда. Между прочимъ оно настаивало, чтобы предсѣдателемъ суда былъ непременно одинъ изъ представителей хозяевъ. 18-лѣтній возрастъ охраняемыхъ рабочихъ, по мнѣнію отдѣленія, былъ слишкомъ высокъ; эту норму слѣдовало бы понизить до 15-лѣтняго возраста. Исполненіе санитарныхъ и гигиеническихъ мѣръ, проектированныхъ новымъ промышленнымъ уставомъ, отдѣленіе находило крайне неудобнымъ для хозяевъ.

Судьбу проекта легко было предвидѣть. Онъ былъ благополучно положенъ подъ сукно, какъ и многія другія „благія начинанія“ 60-хъ годовъ. Фабриканты побѣдили, но нельзя сказать, чтобы работа комиссіи осталась совсѣмъ безрезультатной. Нѣкоторыя частности проекта комиссіи Штапельберга были осуществлены очень скоро. Такъ въ новомъ Уложеніи о наказаніяхъ 1866 была выпущена статья 1865 стараго Уложенія, противъ которой возражала комиссія. Мысль о недопущеніи къ фабричнымъ работамъ дѣтей до 12 лѣтъ и ограниченіи времени работы несовершеннолѣтнихъ была брошена въ общество и не пропала.

Исторія 70-хъ годовъ представляетъ намъ рядъ попытокъ административныхъ сферъ осуществить эту мысль, но попытки эти разбивались о сопротивленіе фабрикантовъ. Одна комиссія за другой при разныхъ учрежденіяхъ вырабатывала правила законодательной охраны малолѣтнихъ рабочихъ, но, по какимъ то таинственнымъ причинамъ, всѣ эти проекты постигаетъ одна судьба: они проходятъ нѣсколько инстанцій, одобряются подлежащими вѣдомствами и—остаются безъ движенія. Такъ, комиссія подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Игнатъева, учрежденная въ 1870 г., выработала проектъ устава о наймѣ рабочихъ, согласно которому наемъ въ работу дѣтей до 12 лѣтъ запрещался, работа несовершеннолѣтнихъ 12—14 лѣтъ была ограничена 8 часами днемъ и 4½ часами ночью, а для возраста 14—17 лѣтъ 10 часами днемъ, или 4 часами днемъ и 4 часами ночью. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось составить правила о содержаніи промышленныхъ заведеній, устройствѣ при фабрикахъ больницъ, объ обязанностяхъ хозяевъ относительно помѣщенія, содержанія, образованія несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и пр. Проектъ этотъ восходилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но законодательной санкціи не получилъ. Въ 1872 г. проектъ Игнатъева былъ переработанъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но не получилъ дальнѣйшаго хода. Въ 1874 г., для разсмотрѣнія того же вопроса—условіи найма рабочихъ и прислуги—была образована новая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валугева. Въ составъ этой комиссіи вошли, кромѣ представителей администраціи, дворянства и земства, также представители фабрикантовъ и заводчиковъ. Эти послѣдніе высказались противъ немедленнаго законодательнаго опредѣленія рабочихъ часовъ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ. Проектъ большинства комиссіи (меньшинство составилось главнымъ образомъ изъ заводчиковъ и

фабрикантовъ) понижалъ, сравнительно съ проектомъ Игнатъева, возрастъ охраняемыхъ рабочихъ съ 17 до 16 лѣтъ, но зато сокращалъ время для работы дѣтей 12—14-лѣтняго возраста до 6 часовъ, а отъ 14—16-лѣтняго возраста—до 8 часовъ въ сутки. Проектъ поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но не былъ утвержденъ. Чѣмъ же вызывались неудачи, постигавшія проекты ограниченія работы малолѣтнихъ? Исключительно сопротивленіемъ фабрикантовъ, и главнымъ образомъ московскихъ, съ московскимъ отдѣленіемъ мануфактурнаго совѣта во главѣ.

Въ 1869 г. московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта занялось детальнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о работѣ малолѣтнихъ и рѣшительно высказалось противъ проекта комиссіи Штакельберга. По мнѣнію отдѣленія, „единственное измѣненіе въ существующемъ порядкѣ, которое не стѣснило бы фабрикаціи, могло бы быть допущено исключительно при постановленіи слѣдующаго правила: „не дозволяется допускать къ работамъ малолѣтнихъ, не достигшихъ 11-лѣтняго возраста. Малолѣтніе отъ 11 до 15 лѣтъ не должны находиться на дневной работѣ болѣе 10 часовъ въ сутки... когда же работа производится днемъ и ночью, малолѣтніе отъ 11 до 15 лѣтняго возраста не должны заниматься ею въ теченіе сутокъ болѣе 8 часовъ“¹⁾.

Въ 1871 г. тотъ же вопросъ разсматривался комиссіей московскаго биржевого общества; комиссія подвергнула Игнатъевскій проектъ устава о наймѣ рабочихъ рѣзкой критикѣ и повторила, безъ всякихъ измѣненій, предложеніе 1869 г. московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта.

Новый проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1872 г. точно также встрѣтилъ возраженія биржевого старшины московской биржи Найденова. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи постоянной комиссіи московскаго биржевого общества и членовъ биржи, заводчиковъ и фабрикантовъ; совѣщаніе высказалось противъ проекта. „Столь крупный переворотъ, какъ проектированный,—заявило совѣщаніе,—можетъ безспорно причинить въ промышленномъ дѣлѣ большія затрудненія... Неизбѣжное при этомъ во многихъ случаяхъ уничтоженіе ночныхъ работъ, при значительности затратъ на устройство фабрики, равно какъ и возвышеніе заработной платы, вслѣдствіе уменьшенія числа малолѣт-

1) Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Западной Европѣ. С.-Пб. 1884, стр. 28.

нихъ (гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись) и замѣны ихъ взрослыми, увлечетъ за собой неминуемо чувствительное увеличеніе стоимости обработки, и тѣмъ повліяетъ даже на цѣну самыхъ произведеній въ интересахъ иностранной конкуренціи“¹⁾.

Аргументы патріотическаго свойства—интересы отечественной промышленности и т. п.—были обычнымъ и безошибочнымъ средствомъ для московскихъ фабрикантовъ направлять правительственную политику по желательному для нихъ руслу.

Проекту Валуевской комиссіи также не суждено было осуществиться благодаря оппозиціи фабрикантовъ, съ московскими во главѣ. Въ особомъ мнѣніи меньшинства повторялись обычныя жьлки на интересы промышленности, которые якобы пострадаютъ отъ „столь крупнаго переворота“, и предлагались полумѣры, липавшія предполагавшуюся охрану малолѣтнихъ всякаго практическаго значенія.

Однако все это объясняетъ, почему проекты ограниченія работы малолѣтнихъ не могли получить осуществленія въ теченіе 70-хъ годовъ; но нужно объяснить также, почему эти проекты тѣмъ не менѣе постоянно возникали.

А потому, что законодательнаго ограниченія работы малолѣтнихъ требовали могущественные интересы. Я говорилъ объ отношеніи петербургскихъ фабрикантовъ къ проекту Штакельберга. Въ 1867 г. Кольбе, управляющій крупнѣйшей русской бумагопрядильни и бумаготкацкой того времени—Крентольмской мануфактуры, имѣвшей до 6 тысячъ рабочихъ, 240 тысячъ веретенъ и 1647 механическихъ ткацкихъ станковъ,—вошелъ къ правительству съ ходатайствомъ о законодательномъ установленіи законной длины рабочаго дня. Интересна мотивировка Кольбе: „когда результатъ зимнихъ ярмарокъ“,—пишетъ Кольбе,—„оказывается хорошимъ, то работы, въ особенности въ малыхъ заведеніяхъ, производятся или днемъ и ночью, или одна денная работа увеличивается до 14-ти, даже до 15-ти часовъ. Увеличеніе задѣльной платы отвлекаетъ рабочихъ отъ другихъ занятій, даже отъ полезныхъ работъ. Если послѣ этого ярмарка въ Нижнемъ окончится неблагопріятными видами для сбыта пряжи, то на осеннее и зимнее время отпускается половина рабочихъ... При хорошихъ видахъ для сбыта пряжи съ работой днемъ и ночью въ прядильняхъ обыкновенно образуется черезъ 6 или 8 мѣсяцевъ изли-

1) Андреевъ, 32.

шество пряжи и потому—заминка въ цѣнѣ на оную. Малые производители по недостатку средствъ вынуждены бываютъ спускать свой товаръ съ убыткомъ и вредять этимъ не только себѣ, но всѣмъ другимъ основательнымъ прядильщикамъ“. Мелкіе фабриканты, поясняетъ дальше Кольбе, легко могутъ прекратить работу, когда обнаружится перепроизводство, но для крупныхъ фабрикъ это невозможно.

Въ виду всего этого, Кольбе ходатайствовалъ объ изданіи закона, запрещающаго работу на фабрикахъ дѣтямъ до 10-лѣтняго возраста, объ ограниченіи рабочаго дня для дѣтей 10—13-лѣтнихъ 8-ю или 10-ю часами, а для несовершеннолѣтнихъ 13—17 лѣтъ и женщинъ—12-ю часами въ сутки.

Подобнаго же рода ходатайства поступали и отъ другихъ фабрикантовъ.

Такъ въ 1875 г. особая комиссія отъ рижскаго биржевого комитета и рижскаго технического общества признала желательнымъ, чтобы дѣти принимались на фабрики лишь по достиженіи 10-лѣтняго возраста съ максимумомъ 6 часовъ работы до 13 лѣтъ и 12-часовой до 17 лѣтъ, съ запрещеніемъ имъ ночной работы.

Гораздо любопытнѣе обсужденіе вопроса о рабочемъ днѣ на сѣздѣ машиностроителей въ 1875 г. въ С.-Петербургѣ. Одинъ изъ членовъ сѣзда, крупный заводчикъ Голубевъ, заявилъ, что сокращенія числа рабочихъ часовъ требуютъ прежде всего интересы самихъ хозяевъ. Онъ высказался въ пользу сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ для взрослыхъ рабочихъ, при томъ условіи, чтобы число рабочихъ дней въ году было не менѣе 300. (Голубевымъ согласился и докладчикъ сѣзда по данному вопросу Звѣринцевъ ¹⁾). Другой крупный заводчикъ, Нобель, возражалъ противъ законодательнаго установленія 8-часоваго рабочаго дня, но вполнѣ признавалъ желательность сокращенія числа рабочихъ часовъ. По заявленію Нобеля, на его петербургскихъ заводахъ раньше работали 14 часовъ, затѣмъ стали работать 12 часовъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ работа была сокращена до 10½ часовъ въ день, при чемъ число праздниковъ, по взаимному соглашенію его съ рабочими, было уменьшено. Результатъ оказался вполнѣ благоприятный съ точки зрѣнія хозяйскихъ интересовъ. „Если

¹⁾ Труды сѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей 1875 г., стр. 110—111.

ругіе начнутъ работать 11 часовъ, я буду работать 10 часовъ“, — явилъ Нобель ¹⁾.

¹⁾ Въ результатѣ сѣздъ ходатайствовалъ (почти единогласно), чтобы число дѣйствительной работы въ день для поденныхъ или рочныхъ работъ на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ введеніяхъ было сокращено до 10 часовъ въ сутки... съ тѣмъ словіемъ, чтобы число обязательныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ ѣмъ было сокращено съ воскресеньями до 65 дней въ году.

Затѣмъ сѣздъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ изданіи закона работѣ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ ²⁾.

На первомъ всероссійскомъ торговопромышленномъ сѣздѣ 870 г. была принята резолюція, благоприятная охраненію работы малолѣтнихъ; а именно, сѣздъ постановилъ выразить желаніе, чтобы проектированное въ новомъ уставѣ о фабричной и заводской промышленности ограниченіе числа рабочихъ часовъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ и самое допущеніе послѣднихъ къ работѣ было согласовано съ узаконеніями, составленными въ позднее время по этому предмету въ другихъ государствахъ“. Но на этомъ же сѣздѣ раздавались энергичные голоса противъ законодательной охраны рабочихъ. Такъ, извѣстный г. Скальковскій заявилъ, что „на Западѣ возможно ограничить работу малолѣтнихъ, у насъ же нѣтъ... Въ Россіи подобная мѣра была бы тѣснительна и отразилась бы тяжело на самомъ рабочемъ классѣ, который чрезвычайно бѣденъ“. По мнѣнію г. Скальковского, дѣти занимаются на нашихъ фабрикахъ только легкими, неутомительными работами. На фабрикахъ дѣти находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ у себя въ деревнѣ.

Горячую тираду въ защиту „свободы народнаго труда“ (читай—свободы капиталистической эксплуатаціи) произнесъ фабрикантъ Сыромятниковъ. Но большинство, состоявшее, кстати сказать, изъ лицъ, никакого отношенія къ промышленности не имѣвшихъ—профессоровъ, чиновниковъ и вообще разнаго рода „интеллигентовъ“—всецѣло стояло на сторонѣ законодательной охраны рабочаго ³⁾.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ предыдущаго, многіе фабриканты признавали такую охрану вполне соотвѣтствующей ихъ

¹⁾ Труды, II, 3 засѣданіе 4 отдѣленія, стр. 39.

²⁾ Труды, II, Журналъ общихъ собраній, стр. 65, 66.

³⁾ Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій Всероссійскаго сѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и пр. 1870 г. С.-Пб. 1872 г.

интересамъ. Выдающуюся роль въ дѣлѣ осуществленія этой охраны сыграло петербургское Императорское русское техническое общество. Въ 1874 г. предсѣдатель постоянной комиссіи по техническому образованію технического общества, Е. Андреевъ, обратилъ вниманіе комиссіи „на два существенно важныя препятствія къ развитію у насъ образованія въ средѣ рабочаго класса; первое—состоящее въ чрезвычайной продолжительности рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ, второе—въ слишкомъ раннемъ возрастѣ поступления дѣтей на фабрики и мастерскія“¹⁾. Комиссія, по предложенію Андреева, разослала фабрикантамъ предложенные имъ вопросные пункты, имѣвшіе цѣлью выяснитъ распространеніе и фабрикахъ дѣтской работы и условія этой работы. Отвѣты были получены отъ 135 фабрикантовъ.

Оказалось, что на большинствѣ фабрикъ работали дѣти, иногда даже моложе 10-лѣтняго возраста. Число рабочихъ часовъ для дѣтей было такое же, какъ и для взрослыхъ, и достигало на нѣкоторыхъ фабрикахъ пятнадцати часовъ, а на одной даже семнадцати часовъ въ сутки.

Понятно, что при такой поистинѣ ужасной работѣ фабричныя дѣти оказались вообще страдающими малокровіемъ и разнаго рода спеціальными фабричными болѣзнями.

Собранный матеріалъ былъ переданъ для разсмотрѣнія особой комиссіи изъ членовъ общества, нѣкоторыхъ административныхъ лицъ и фабрикантовъ. Эта комиссія выработала проектъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ, въ основаніе котораго были положены слѣдующія начала: 1) „чтобы дѣти обоюго пола до наступленія 12-лѣтняго возраста вовсе не были допускаемы ни на какія работы на фабрикахъ, заводахъ или ремесленныхъ заведеніяхъ 2) чтобы во всѣхъ производствахъ или частяхъ производства, признаваемыхъ вредными или опасными для совершеннолѣтнихъ вообще, не были допускаемы лица не достигшія 17 лѣтъ, безъ различія пола“²⁾.

Рабочій день для малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ, по проекту комиссіи, долженъ быть ограниченъ 5 часами дневной работы. Ночная работа можетъ быть разрѣшена только въ нѣкоторыхъ особъ поименованныхъ производствахъ. Необходимо при этомъ, по мнѣ-

1) Е. Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и З. Европѣ, 43.

2) Андреевъ, 51.

ію комиссіи, стремиться къ тому, чтобы и работа взрослыхъ была ограничена 10 часами ¹⁾.

По иниціативѣ Андреева состоялась и вышеизложенная резолюція съѣзда машиностроителей 1875 г. Нельзя не отмѣтить, что въ томъ же смыслѣ ходатайствовало и земство. Такъ въ 1874 г. владимірское губернское земство постановило ходатайствовать о апрещеніи принимать на фабричныя работы дѣтей до 14-лѣтняго возраста и объ ограниченіи времени работы на фабрикахъ несовершеннолѣтнихъ 14—17-лѣтняго возраста 8 часами въ сутки ²⁾. Въ 1877 г. при владимірской губернской земской управѣ была образована особая комиссія для разработки вопроса „о неправильномъ отношеніи фабрикантовъ къ фабричнымъ рабочимъ“. Комиссія выработала тщательно составленные правила внутренняго распорядка фабричной работы и отношеній рабочихъ къ хозяевамъ (между прочимъ комиссія признавала необходимымъ, чтобы рабочіе получали не рѣже раза въ мѣсяцъ заработанную плату, чтобы фабричныя рабочіе свободны были покупать потребные имъ припасы и матеріалы, гдѣ пожелаютъ“ и пр. ³⁾.

Наконецъ, 1-го іюня 1882 г., въ министерство Бунге, черезъ 23 года послѣ перваго возбужденія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ вопроса о регулированіи фабричнаго труда малолѣтнихъ, былъ изданъ законъ, запрещавшій на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ работу дѣтей до 12 лѣтъ отъ роду (ст. 1). Работа малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ была ограничена 8 часами въ сутки; ночная работа малолѣтнихъ была запрещена, точно такъ же какъ работа въ воскресные и праздничные дни (ст. 2 и 3). На владѣльцевъ заведеній возлагалась обязанность предоставить возможность малолѣтнимъ рабочимъ, не копчившимъ курсъ въ низшихъ народныхъ школахъ, поступать въ таковыя, а для надзора за исполненіемъ закона былъ назначенъ особый правительственный инспекторатъ (ст. 5, I отд. и ст. 1, 6 II отд.).

Чтобы не затруднить хозяевъ слишкомъ рѣзкимъ, переходомъ къ новымъ условіямъ работы, законъ предоставилъ министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, допускать въ теченіе 2-хъ лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе закона отступленія отъ новыхъ правилъ работы малолѣтнихъ (отд. IV).

Законъ 1882 г. имѣлъ огромное принципиальное значеніе. Не-

¹⁾ Андреевъ, 54.

²⁾ Владимірскій Губернскій Земскій Сборникъ, 1874. XII. Стр. 394.

³⁾ Владимірскій Губернскій Земскій Сборникъ, 1878. XII. Стр. 28.

смотря на противодействие московских фабрикантов, правительство сдѣлало первый шагъ въ области огражденія интересовъ рабочихъ. Фабричный инспекторъ—эта новая фигура на фабрикахъ долженъ былъ внести новыя начала въ отношенія хозяевъ къ рабочимъ.

Какъ же отнеслись къ этому законодательному акту фабриканты? Очень различно. Представители петербургскихъ бумагопрядильныхъ подали въ министерство финансовъ отдѣльное заявленіе, въ которомъ заявили, что, по ихъ мнѣнію, „вполнѣ настало время и у насъ ввести фабричныя правила, ограничивающія время работы; ночныя работы въ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ мануфактурахъ вовсе не нужны; новыя постановленія должны бы подчинить всѣ мануфактуры одному и тому же правилу относительно продолжительности работы, чтобы поставить ихъ въ одинаковыя условія конкуренціи... они убѣждены, что не слѣдуетъ вовсе допускать къ работѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ... и предлагаютъ, чтобы дѣти 12--14 лѣтъ работали по 6 часовъ... По субботахъ фабрики должны останавливаться не въ 7 ч., а въ 5 часовъ... слѣдуетъ вовсе запретить ночную работу женщинамъ и подросткамъ до 18 лѣтъ. Вообще работа на фабрикахъ не должна быть болѣе 70 ч. въ недѣлю“¹⁾.

Такимъ образомъ петербургскіе бумагопрядильщики шли значительно дальше закона 1882 г. — они признавали для себя выгоднымъ совершенное запрещеніе ночной работы женщинъ, ограниченіе работы малолѣтнихъ 12—14 лѣтъ 6 часами въ сутки, а взрослыхъ мужчинъ — 70 часами въ недѣлю. Вообще изъ 48 бумагопрядильныхъ, давшихъ отзывъ на запросъ департамента торговли и мануфактуръ относительно неудобствъ немедленнаго примѣненія всѣхъ постановленій закона 1-го іюня, 18 заявило, что, „неудобствъ отъ предполагаемыхъ мѣръ не предвидится“, 3 прямо высказались за „обязательное запрещеніе фабричной работы до 12-лѣтняго возраста“, 4 высказалось за запрещеніе ночной работы вообще (т. е. и взрослыхъ рабочихъ) въ виду того, что она „1) вредна какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и не особенно производительна, а 2) часто влечетъ чрезмѣрное производство съ неминуемыми кризисами“²⁾.

Остальные бумагопрядильщики высказались противъ запрещенія ночной работы, а также и противъ недопущенія къ работамъ

1) Андреевъ, приложение, 8.

2) Андреевъ, приложение, 6.

дѣтей до 12 лѣтъ. Отзвы такого рода исходили почти исключительно изъ среды фабрикантовъ центральныхъ губерній.

Итакъ мы видимъ знакомое намъ раздѣленіе фабрикантовъ на 2 группы — петербургскихъ и московскихъ. Петербургскіе требуютъ ограниченія работы малолѣтнихъ и даже нормированія труда взрослыхъ мужчинъ, московскіе протестуютъ противъ вмѣшательства правительственной власти въ ихъ отношенія къ рабочимъ и энергично стоятъ за „свободу труда“.

Остановимся теперь на причинахъ этого постоянно обнаруживающагося антагонизма интересовъ петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Почему петербургскіе фабриканты выступаютъ сторонниками, а московскіе противниками фабричнаго законодательства?

Основной причиной этого, по моему мнѣнію, является различіе заработной платы въ петербургскомъ и московскомъ районѣ. Извѣстно, что заработная плата въ петербургскомъ районѣ значительно выше, чѣмъ въ московскомъ — прихѣрно на $\frac{1}{3}$ и даже болѣе. Центральный промышленный районъ населенъ настолько густо, что значительная часть его жителей уходитъ въ отхожіе заработки въ другія губерніи. Московскія и владимірскія фабрики никогда не страдаютъ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Напротивъ, фактъ дальняго отхода изъ Ярославской, Костромской, Тверской и другихъ центральныхъ губерній доказываетъ, что мѣстные заработки не удовлетворяютъ спросу на нихъ населенія.

Петербургскій районъ расположенъ на слабонаселенной окраинѣ Россіи. Значительная, если не большая часть рабочаго населенія Петербурга — крестьяне болѣе или менѣе удаленныхъ промышленныхъ губерній. Очевидно, для того, чтобы привлекать рабочихъ изъ этихъ губерній, Петербургъ долженъ давать имъ большую плату, чѣмъ та, которую они получаютъ у себя на мѣстѣ.

Это различіе заработной платы неизбежно приводитъ къ различію въ техникахъ производства. Петербургскія фабрики, какъ общее правило, снаряжены гораздо лучше въ техническомъ отношеніи, чѣмъ московскія, и вообще фабрики центрального района. То болѣе совершенная техника предъявляетъ и болѣшія требованія къ рабочему. Малопроизводительная ночная работа можетъ быть выодна на московскихъ фабрикахъ при низкой заработной платѣ; при болѣе высокой петербургской платѣ ночная работа оказывается невыгодной. Поэтому на петербургскихъ фабрикахъ преобладаетъ дневная работа, на московскихъ — работа круглыя сутки.

Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ выгоднѣе замѣна рабочаго машиной. Петербургскій фабрикантъ можетъ найти выгоднымъ замѣну малолѣтнихъ рабочихъ механическими приспособленіями при машинахъ, благодаря сравнительной высотѣ заработной платы петербургскаго района; московскому фабриканту такая замѣна можетъ грозить крупнымъ убыткомъ, вслѣдствіе дешевизны труда въ центральномъ районѣ.

Если далѣе мы примемъ въ расчетъ конкуренцію петербургскихъ и московскихъ фабрикъ, то намъ будетъ понятно, почему петербургскіе фабриканты нерѣдко прямо настаивали на ограниченіи законодательнымъ путемъ продолжительности рабочаго времени. Московскія фабрики, непрерывно работающія круглыя сутки, пользующіяся крайне дешевымъ трудомъ, подрываютъ производство петербургскихъ фабрикъ, съ болѣе короткимъ рабочимъ днемъ и болѣе высокой заработной платой. Законодательное сведеніе московскаго рабочаго дня до уровня петербургскаго весьма существенно улучшило-бы условія конкуренціи Петербурга съ Москвой, и потому Петербургъ выступаетъ съ гуманными проектами охраны рабочаго, а Москва упорно противится таковымъ проектамъ ¹⁾.

Вновь учрежденной инспекціи пришлось много бороться съ фабрикантами, чтобы добиться отъ нихъ исполненія требованій закона. По словамъ фабричнаго инспектора московскаго округа г. Янжула, „нѣкоторые фабриканты и директора иронизировали по поводу введенія въ дѣйствіе закона и мѣръ контроля со стороны небольшого, вѣроятно, инспекторскаго персонала, при чемъ прямо даже указывали на возможность тѣхъ или иныхъ уловокъ— даже при достаточномъ контролѣ—для избѣжанія закона... Другіе выражали твердое убѣжденіе, что дѣло никогда не дойдетъ до конца и что правительство непременно отмѣнитъ законъ ранѣе вступленія его въ силу, что правительство слишкомъ будто бы покровительствуетъ интересамъ рабочихъ, забывая фабрикантовъ, которые терпятъ и безъ того большія неприятности и неудобства и т. п.“ ²⁾.

¹⁾ Мое объясненіе причинъ различнаго отношенія петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ къ фабричному законодательству принимается и г. Литвиновымъ-Фалинскимъ въ его книгѣ „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“, стр. 114—115. Вообще, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ объясненія факторовъ, создавшихъ наше фабричное законодательство, г. Литвиновъ-Фалинскій строго слѣдуетъ моей книгѣ, не цитируя ее ни разу.

²⁾ Янжуль. Фабричный бытъ Московской губерніи. С.-Пб. 1884 г. XIX.

И нельзя не сказать, что иронія фабрикантовъ была вполне основательна. Инспектора по своей малочисленности не имѣли физической возможности не только осуществить дѣйствительный контроль за исполненіемъ закона на всѣхъ фабрикахъ своего округа, но даже осмотрѣть послѣднія. Такъ напр., г. Янжуль успѣлъ ознакомиться, ко времени представленія своего перваго отчета лишь съ 174 фабриками изъ 1500 бывшихъ въ его округѣ. Отчетъ Владимірскаго фабричнаго инспектора г. Пескова составленъ на основаніи осмотра всего 71 заведенія, въ число которыхъ входили къ тому же нѣкоторыя ремесленныя. Понятно, что при такихъ условіяхъ фабриканты могли совершенно игнорировать законъ.

Скажу нѣсколько словъ о положеніи нашего рабочаго класса, какъ оно обнаружилось въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ. Я не буду, разумѣется, подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, которому предполагаю посвящать особую работу. Отчетъ г. Янжула за 1884 г. сообщаетъ поразительные факты. Трудно повѣрить, если бы не несомнѣнные доказательства, до какихъ размѣровъ удлинялся рабочій день взрослыхъ и малолѣтнихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ. На рогожныхъ фабрикахъ работа шла обыкновенно отъ 16 до 18 часовъ въ сутки, безъ всякихъ смѣнъ. На сонъ, ѣду, отдыхъ рабочему *оставалось не болѣе 8—6 часовъ въ сутки*. И такой поистинѣ ужасной работой были заняты не только взрослые мужчины и женщины, но и дѣти, изъ которыхъ многія не достигали и 10 лѣтъ отроду! По словамъ г. Янжула, на рогожныхъ фабрикахъ встрѣчались малютки не старше 3 лѣтъ отроду, работавшіе вмѣстѣ со своими матерями. Неудивительно, что, по выраженію одного изъ хозяевъ рогожной фабрики, къ веснѣ (лѣтомъ работа прекращалась) всѣ рогожники до того ослабѣвали, что ихъ „и вѣтромъ качало“ ¹⁾.

Почти такъ же продолжительна была работа и въ булочныхъ; наиболѣе же частымъ терминомъ въ Московской губерніи являлся 12-часовой рабочій день, но во многихъ случаяхъ рабочій день удлинялся до 13, 14, 15, 16 часовъ и даже выше (какъ, напр., на указанныхъ рогожныхъ фабрикахъ).

Къ этому нужно прибавить, что число рабочихъ дней въ году на большинствѣ фабрикъ было очень велико. Воскресная работа представлялась явленіемъ самымъ обычнымъ. Отношенія

¹⁾ Фабричный бытъ Моск. губ., стр. 44.

хозяевъ и рабочихъ характеризовались крайнимъ произволомъ со стороны хозяевъ. Хозяева включали въ рабочій договоръ такіе пункты, которые лишали рабочаго всякой свободы. Система штрафовъ была развита до виртуозности. Самый размѣръ штрафовъ нерѣдко совсѣмъ не опредѣлялся заранѣе; въ правилахъ многихъ фабрикъ г. Янжуль встрѣтилъ лаконическую статью: „замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ *штрафуются по усмотрѣнію хозяина*“—и только.

Положеніе хозяина и рабочаго на фабрикѣ г. Янжуль характеризуется слѣдующимъ образомъ: „хозяинъ фабрики—неограниченный властитель и законодатель, котораго никакіе законы не стѣсняють, и онъ часто ими распоряжается по-своему; рабочіе ему обязаны „*безпрекословнымъ повиновеніемъ*“, какъ гласятъ правила одной фабрики“¹⁾.

Фабриканты считали себя въ правѣ, вопреки закону, запрещающему самовольно понижать рабочую плату до истеченія срока договора, уменьшать плату рабочимъ во всякое время, когда имъ вздумается. Штрафы съ рабочихъ, взимавшіеся по самымъ разнообразнымъ поводамъ, поступали въ полное распоряженіе хозяина; общая сумма ихъ достигала на нѣкоторыхъ фабрикахъ нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ и являлась немаловажнымъ источникомъ дохода для хозяина.

Кромѣ того рабочіе страдали отъ крайней неопредѣленности сроковъ расплаты. Сроки выдачи платы рабочимъ обыкновенно совершенно не опредѣлялись въ рабочемъ договорѣ, и хозяинъ выдавалъ деньги рабочимъ по своему усмотрѣнію, — 2 раза въ году (на Пасху и Рождество), три раза, четыре или чаще. Рабочіе должны были выпрашивать у фабриканта *заработанныя ими деньги*, какъ особую милость. На нѣкоторыхъ фабрикахъ практиковался даже такой порядокъ: деньги совсѣмъ не выдавались въ теченіе года (до окончанія срока найма) рабочему въ руки; если они ему были нужны для уплаты податей, то отсылались прямо волостнымъ старшинамъ или старостамъ²⁾.

Понятно что при такихъ порядкахъ рабочій могъ существовать только кредитуясь въ фабричной лавкѣ, неоплатнымъ должникомъ который онъ состоялъ весь годъ. Въ концѣ года, когда производился расчетъ, изъ его заработка вычитался долгъ лавкѣ, и

1) Фабричный бытъ Моск. губ., 83.

2) Янжуль, 91.

послѣ года работы, ему иногда приходилось получить въ свою пользу наличными деньгами круглую сумму въ нѣсколько рублей. Фабричныя лавки давали такой крупный доходъ фабрикантамъ, что нѣкоторыя фабрики ставили въ условіе найма рабочихъ обязательство брать припасы не иначе, какъ отъ хозяевъ. По словамъ г. Янжула, большая доля барыша нѣкоторыхъ фабрикантовъ вытекала именно изъ продажи товаровъ изъ фабричныхъ лавокъ, а не изъ фабричнаго производства (Янжуль, 108).

Нечего и говорить, что санитарныя и гигиеническія условія работы и жизни на фабрикѣ были (такowymi, впрочемъ, они остаются и теперь) ужасны. Только на нѣкоторыхъ фабрикахъ были особыя спальни—но что за спальни! Мужчины, женщины, дѣти спали вповалку на нарахъ, безъ различія пола и возраста въ сырыхъ, душныхъ и тѣсныхъ казармахъ, иногда въ подвалахъ, иногда въ каморкахъ, лишенныхъ свѣта. Но на большинствѣ фабрикъ и такихъ спаленъ не было. Рабочіе, послѣ 12, 13 и 14-часовой дневной работы располагались спать тутъ же въ мастерской на станахъ, столахъ, верстакахъ, на полу, подложивши подъ голову какую-нибудь рваную одежду. И это практиковалось нерѣдко въ такихъ мастерскихъ, пребываніе въ которыхъ, благодаря употребленію различныхъ ядовитыхъ красокъ и химическихъ веществъ, даже въ рабочее время было далеко не безопасно!

За закономъ 1882 года послѣдовалъ рядъ другихъ. 12 іюня 1884 г. былъ изданъ законъ о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, о продолжительности ихъ работы и фабричной инспекціи; въ этомъ же году министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, были составлены правила о производствахъ, въ которыхъ допускается ночная работа дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, а также правила о производствахъ, въ которыхъ работа малолѣтнихъ до 15-ти лѣтняго возраста безусловно воспрещается. 19 декабря 1884 г. была обнародована, утвержденная министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, инструкція чинамъ фабричной инспекціи и правила относительно исполненія постановленій закона владѣльцами промышленныхъ заведеній. 3 іюня 1885 г. вышелъ весьма важный законъ, воспрещающій для женщинъ и подростковъ, недостигшихъ 17-тилѣтняго возраста, ночную работу на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ (въ видѣ опыта на 3 года). Наконецъ, 3 іюня 1886 г. былъ обнародованъ законъ о наймѣ рабочихъ на

фабрики и заводы, а съ 1 октября того же года вошли въ дѣйствіе особыя правила о надзорѣ за фабричными заведеніями и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ.

Результаты этой энергичной законодательной работы были очень велики: отношенія хозяевъ и рабочихъ подверглись весьма тщательной регламентаціи, надзоръ фабричной инспекціи сдѣланъ болѣе дѣйствительнымъ, ночная работа женщинъ и дѣтей въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности уничтожена. Если сравнить исторію закона 2 іюня 1882 г. съ послѣдующей законодательной дѣятельностью въ той же области, то происшедшая перемѣна бросается въ глаза: на выработку закона 1882 г., представлявшаго мѣру весьма безобидную и почти не затрагивавшую интересовъ фабрикантовъ, потребовалось болѣе 20 лѣтъ. Законы 1885 и 1886 гг., въ несравненно большей мѣрѣ задѣвавшіе интересы фабрикантовъ, были обнародованы съ совершенно исключительной для нашихъ канцелярій быстротой. Очевидно, произошла какая-то перемѣна въ общественныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ ходъ нашей законодательной машины. Остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Я уже неоднократно указывалъ на противоположность интересовъ московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ въ дѣлѣ законодательнаго регулированія фабричной работы. Изданіе закона 1882 г. было побѣдой петербургскихъ фабрикантовъ надъ московскими. Медленность выработки этого закона всецѣло объясняется тѣмъ, что закону противодѣйствовали могущественные интересы московскихъ фабрикантовъ. Но вѣдь московскіе фабриканты должны были еще болѣе противиться законамъ 1885 и 1886 гг. Почему же эти законы были обнародованы съ такой быстротой?

Я уже говорилъ раньше, что начало и середина 80-хъ годовъ въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, были временемъ полнаго промышленнаго застоя. За промышленнымъ оживленіемъ конца 70-хъ годовъ послѣдовалъ кризисъ, особенно тяжело отразившійся на хлопчатобумажной промышленности. Работа на бумаготкацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикахъ повсемѣстно была сокращена, рабочіе цѣлыми тысячами увольнялись съ фабрикъ—число рабочихъ на многихъ фабрикахъ было сокращено на половину, нѣкоторыя фабрики совсѣмъ пріостановили работу. Это обстоятельство и послужило ближайшимъ поводомъ къ изданію новыхъ фабричныхъ законовъ.

Въ 1883 г. многія бумагопрядильныя и другія фабрики Пе-

въ Петербургѣ сократили работу и отпустили значительную часть рабочихъ. Это дало поводъ с.-петербургскому градоначальнику Грессеру пригласить прядильныхъ фабрикантовъ для выясненія причинъ сокращенія работъ. Приглашенные фабриканты объяснили, что сокращеніе производства вызывается кризисомъ. Единственнымъ средствомъ для устраненія кризиса, по мнѣнію фабрикантовъ, являлось „повсемѣстное воспрещеніе ночныхъ работъ“. Въ виду этого они подали 25 января 1884 г. Грессеру прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ изданіи закона, запрещающаго фабричныя работы несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ „съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать сокращенію производства, которое достигло въ послѣднее время столь значительныхъ размѣровъ, что переполнились товаромъ всѣ рынки“.

Грессеръ вполне согласился съ мнѣніемъ петербургскихъ фабрикантовъ и передалъ ихъ прошеніе въ министерство финансовъ. Прошеніе поступило на разсмотрѣніе московскихъ фабрикантовъ въ лицѣ ихъ органа — московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ. Какъ и слѣдовало ожидать, отдѣленіе признало предполагаемую мѣру „крайне неудобной“. Ночная работа составляла постоянную принадлежность московскихъ фабрикъ, и московскіе фабриканты не были расположены отъ нея отказаться.

Въ особой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, образованной для разсмотрѣнія этого вопроса подъ предѣлательствомъ бывшаго директора департамента полиціи, а затѣмъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ сенатора Плеве, московскіе фабриканты высказались противъ запрещенія ночной работы, которая, по ихъ мнѣнію, приведетъ къ тому, что въ Петербургѣ, Прибалтійскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ возникнутъ новыя прядильныя и ткацкія фабрики, снабженныя машинами новейшей конструкціи, что должно повести къ ухудшенію условій конкуренціи фабрикъ центральной Россіи.

Между тѣмъ промышленный кризисъ, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ правительственнаго надзора за отношеніями хозяевъ къ рабочимъ, повелъ въ концѣ 1884 и началѣ 1885 г. къ волненіямъ рабочихъ на нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерніи...

Дѣло двинулось. Несмотря на оппозицію московскихъ фабрикантовъ, 3 іюня 1885 года былъ изданъ законъ о воспрещеніи ночной работы женщинъ и дѣтей въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ производствахъ — хлопчатобумажномъ, полотняномъ и шерстяномъ

а чрезъ годъ еще болѣе важный законъ о наймѣ рабочихъ фабрики и заводы. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ значительно рас- ренъ штатъ фабричныхъ инспекторовъ.

Совпаденіе времени изданія названныхъ законовъ съ эпо- пы промышленнаго застоя было отнюдь не случайно. Застой, во- выхъ, уменьшилъ силу сопротивленія московскихъ фабрикантовъ. По словамъ Безобразова, „промышленныя обстоятельства и мени требовали по многимъ отраслямъ промышленности сокра- нія производства для пользы самихъ фабрикантовъ... Въ 1880 была вовсе прекращена ночная работа почти на всѣхъ круп- мануфактурахъ въ подмосковныхъ губерніяхъ. Если бы въ 1880 ходъ промышленныхъ дѣлъ былъ боекъ, то ночная работа, дозволенныхъ законами условіяхъ, не прекратилась бы. Послѣ ож- ления спросовъ и торговли въ 1887 г. многіе фабриканты у помышляли о возобновленіи ночной работы“¹⁾. Г. Песковъ со- щаетъ еще болѣе интересныя наблюденія по этому пункту „Огромное большинство фабрикантовъ и директоровъ, — говори онъ—съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать во время мои поѣздокъ по фабрикамъ, выказывали желаніе, чтобы правите- ство повсемѣстно воспретило на фабрикахъ ночную работу. и ихъ мнѣнію, при нынѣшнемъ промышленномъ кризисѣ отъ отмы- ночной работы скорѣе нужно ожидать оживленія промышлен- дѣтельности, чѣмъ упадка ея, ибо въ настоящее время не мал- число фабрикъ средней величины прекращаютъ свою дѣятел- ность единственно только потому, что при нынѣшнемъ плохой- сбытѣ товара онѣ являются просто лишними, такъ какъ ве- спросъ въ избыткѣ удовлетворяютъ дѣйствующія теперь день- ночь фабрики. По отмынѣ же ночной работы на первое время неизбѣжно послѣдуетъ, конечно, уменьшеніе количества произ- димыхъ фабрикатовъ и явится нѣкоторый недостатокъ въ пред- женіи; но пока дѣйствующія нынѣ фабрики не увеличатъ опять- размѣровъ своего производства... недостатокъ этотъ будетъ во- полняться бездѣйствующими теперь фабриками. А тѣмъ време- немъ, можетъ быть, пройдетъ господствующій теперь промышлен- ный кризисъ—и фабрики эти будутъ продолжать свою работу. и смотря на расширеніе дѣтельности теперь работающихъ и въ ущербъ фабрикамъ. Таково, повторяю, общее мнѣніе фабри-

Наблюденія и соображенія В. Безобразова относительно дѣйстви- новыхъ фабричныхъ узаконеній. Стр. 6. Digitized by Google

товъ“¹⁾. Во-вторыхъ, кризисъ повелъ къ рабочимъ волненіямъ.

Эти послѣднія повели къ изданію другого, еще болѣе важнаго фабричнаго закона 3 іюня 1886 г. Инициатива изданія этого закона принадлежала министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому. По отношенію министру финансовъ отъ 4 февраля 1885 г. (№ 281) графъ Толстой сообщилъ, „что изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ обнаружило, что онѣ взяли принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли-бы опредѣляться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Какой пробѣлъ въ законодательствѣ, обусловливая разнообразныя рядки на фабрикахъ, открывалъ широкій просторъ произвольности, клонящимся къ ущербу рабочихъ, распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несообразно высокіе штрафы, въ виду временнаго упадка промышленной дѣятельности, часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы до того, что рабочій лишался возможности уплатить лежація на немъ повинности и прокормить свою семью; высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ и недобросовѣтность приказчиковъ вызывали справедливый ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождалъ постоянные споры въ расчетахъ задѣльной платы... Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе беспорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска“ писалъ графъ Толстой „въ достаточной степени свидѣтельствовавшая о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе существовавшаго фабричнаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произвольность фабрикантовъ, способствовали-бы устраниенію въ будущемъ рискованныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ.“

Отношеніе это повело къ образованію комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве, которая и выработала проектъ закона, вскорѣ рассмотрѣнный Государственнымъ Совѣтомъ и Вы-

¹⁾ Фабричный бытъ Владимірской губерніи. С.-Пб. 1884. Стр. 59—60.

сочайше утвержденный 3 июня 1886 г. При обсужденіи закоу указывалось, между прочимъ, что:

„Волненія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ Московской и Владимирской губ. и произведенные ими на нѣкоторыхъ фабрикахъ безпорядки съ очевидностью раскрыли многія неприглядныя стороны фабричнаго быта, при чемъ причины, вызвавшія эти безпорядки не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими. Хозяева нѣкоторыхъ фабрикъ, пользуясь выгодами своего положенія, не стѣсняются нарушать условій, заключаемыхъ съ нанятыми ими людьми, и прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ для извлеченія преувеличенныхъ выгодъ. Уменьшеніе рабочей платы, въ противность заключеннымъ договорамъ, производятъ или открыто, или путемъ сокращенія числа часовъ и дней работы въ недѣлю. Затѣмъ вычеты и штрафы съ рабочихъ, обращаемыхъ фабрикантами въ свою пользу, достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ огромныхъ размѣровъ, составляя въ общей сложности до 40% съ выдаваемой заработной платы. Наконецъ, возлагаемая на рабочихъ обязанность пріобрѣтать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и продажа имъ этихъ предметовъ по высокімъ цѣнамъ встрѣчаются, какъ заурядныя явленія. Такое положеніе вещей естественно влечетъ за собою весьма вредныя послѣдствія для успѣховъ промышленности и прямо отражается на фабрикантахъ, ведущихъ дѣло добросовѣстно. Не имѣя возможности соперничать съ лицами, удешевляющими выдѣлку произведеній путемъ притѣсненія рабочихъ, такіе фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще при скорбиѣ оказывается положеніе рабочихъ. Угнетенные до крайности безвыходною задолженностью хозяину, они нерѣдко бываютъ поставлены въ невозможность не только уплачивать повинности, содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточныя средства на личное пропитаніе. Возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми явленіями своеволія и насилія“ ¹⁾.

¹⁾ Ср. составленную на основаніи официальныхъ источниковъ книгу г. Литвинова-Фалияскаго. „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“. Спб. 1900 стр. 61.

Законъ 1886 г. 2 іюня имѣлъ еще большее значеніе, чѣмъ конь предыдущаго года о запрещеніи ночной работы. Дѣйствительно, этотъ законъ кореннымъ образомъ измѣнилъ условія найма бочихъ и самое положеніе рабочаго на фабрикѣ, совершенно унижилъ прежнюю неограниченную „свободу труда“ и сдѣлалъ фабричнаго инспектора весьма вліятельной фігурой на фабрикѣ.

Наиболѣе существенныя постановленія закона 1886 г. были слѣдующія: законъ строго опредѣлилъ порядокъ и условія найма бочихъ, а также и расторженія рабочаго договора. Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного и двухъ разъ въ мѣсяць (смотря по условіямъ договора) (п. 12). Плата съ рабочими, вмѣсто денегъ купонами, хлѣбомъ, товарами иными предметами воспрещается (п. 14). При производствѣ бочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты на уплату ихъ налоговъ (п. 15). Завѣдующему фабрикой воспрещается взимать съ бочихъ проценты за деньги, выданныя имъ въ ссуду (п. 16). Запрещается взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ и пользованіе орудіями производства (п. 17). Договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдывающимъ фабрикой въ случаѣ дерзости или дурного поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ существеннымъ интересамъ фабрики или личной безопасности кого-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу фабричнаго управленія“ (п. 20). Рабочему предоставляется требовать расторженія договора въ случаѣ неполученія платы, побоевъ, тяжкихъ оскорбленій, нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ, а также вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на здоровье (п. 13 и 21).

Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ 1886 г., будучи вызванъ рабочими мнѣніями, значительно усиливаетъ уголовную репрессію за стачку. Виновные въ стачкѣ приговариваются: подстрекатели—къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ (III п. 2). Въ случаѣ неислія и угрозъ другимъ рабочимъ, не участвовавшимъ въ стачкѣ, также поврежденія фабричнаго имущества, наказаніе подымается на подстрекателей до тюремнаго заключенія отъ 8 м. до 1 г. 4 м., а прочихъ—отъ 4 до 8 мѣс. (III п. 4). За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма виновный подвергается аресту отъ 1 мѣсяца (IV п. 1). За умышленное поврежденіе орудій производства—аресту отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года (IV п. 2).

Для надзора за соблюденіемъ на фабрикахъ порядка и благо-

устройства законъ создалъ; въ болѣе промышленныхъ мѣстностяхъ особый органъ—фабричныя присутствія, изъ представителей мѣстной администраціи, суда, фабричнаго инспектора, земства и городскихскихъ управленій. Этими присутствіями предоставлено, кромѣ прочаго, право издавать обязательныя постановленія „о мерахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работы и при размѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи рабочей помощи рабочимъ“ (Правила, 5).

Обязанности фабричной инспекціи по надзору за фабриками сильно расширены. На инспекцію возложено, кромѣ общаго надзора за исполненіемъ закона, также „разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей, росписаній и правилъ внутренняго распорядка, составляемыхъ фабричными управленіями для руководства рабочихъ“ (Правила, 7, п. в); принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ недоразумѣній между фабрикантами и рабочими (7, п. 2); возбужденіе преслѣдованія судебнымъ порядкомъ виновныхъ въ нарушеніи правилъ (7 п. д.).

Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ фабричныя присутствія, наемъ рабочихъ долженъ совершаться лишь на основаніи утвержденныхъ присутвіемъ расчетныхъ книжекъ (п. 23—25); открытіе при фабрикахъ лавокъ для продажи товаровъ рабочимъ допускается лишь съ разрѣшенія инспекціи (п. 28). Штрафы могутъ налагаться только по указаннымъ въ правилахъ поводамъ (п. 30—39). Самые размѣры штрафовъ утверждаются фабричными инспекторами, утверждающими также правила внутренняго распорядка на фабрикахъ (п. 29). За нарушеніе фабрикантомъ всѣхъ этихъ правилъ онъ подвергается опредѣленнымъ денежнымъ взысканіямъ въ размѣрѣ до 300 рублей ¹⁾.

Такимъ образомъ прежняя свобода капиталистической эксплуатаціи смѣнилась тщательной регламентаціей взаимныхъ отношеній фабриканта и рабочаго. Внѣшнія формы рабочаго договора въ очевидныхъ существенныхъ пунктахъ изъемяются изъ свободнаго соглашенія договаривающихся сторонъ. Правительственный инспекторъ опредѣляетъ внутренній распорядокъ фабричной жизни и фабрикантъ отстаетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на задній планъ.

Столь крупное ограниченіе правъ фабрикантовъ не могло не вызвать неудовольствія послѣднихъ, Началась глухая

¹⁾ П. С. З. Собраніе III. томъ VI, 3769.

рѣба между фабричной инспекціей и фабрикантами. По словамъ Безобразова, „въ кругу владѣльцевъ промышленныхъ заведеній новыя законодательныя и административныя распоряженія по фабричной части вызвали много неудовольствій и даже ропота. При шихъ объѣздахъ фабричныхъ мѣстностей, — продолжаетъ Безобразовъ, — мы слышали въ этомъ кругу, за весьма немногими исключеніями, только болѣе или менѣе горькія жалобы на новые порядки. Эти жалобы намъ приходилось слышать даже со стороны самыхъ бросовѣстныхъ хозяевъ и распорядителей... недовольны и раздражены новыми порядками даже и тѣ, которые гораздо ранѣе стали добровольно ввести у себя сущность новѣйшихъ требованій законовъ и администраціи... Вообще рѣзко отличается въ этомъ отношеніи Московская и Владимірская губерніи, въ которыхъ введены правила 3-го іюня 1886 г., отъ губерній, въ которыхъ правила эти еще не дѣйствуютъ... Въ первыхъ губерніяхъ замѣчается сравнительно больше неудовольствія противъ новыхъ порядковъ, чѣмъ во вторыхъ. Положительное раздраженіе и ропотъ можно найти только въ первомъ разрядѣ губерній 1)“.

Фабриканты заявляли Безобразову, что „новыя фабричныя положенія составлены въ духѣ непріязни или антипатіи къ высшему капиталистическому классу и въ духѣ пристрастнаго покровительства нанимаемому, низшему рабочему классу“. Съ этимъ явленіемъ, до извѣстной степени, соглашается самъ Безобразовъ. По его мнѣнію, сравненіе закона 3-го іюня 1886 г. съ закономъ 1-го іюня того же года о наймѣ на сельскія работы показываетъ, какъ различно относится законодатель къ фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ. Послѣдній законъ имѣетъ въ виду охранить интересы нанимателей, а законъ 3-го іюня — рабочихъ.

Это въ извѣстной мѣрѣ справедливо. Фабричное законодательство было выгодно только для немногихъ крупныхъ фабрикантовъ, фабрички которыхъ вполнѣ стояли на уровнѣ современной техники; для всѣхъ прочихъ фабрикантовъ фабричныя законы были крайне вредны. Тѣмъ не менѣе несправедливость утвержденія, будто законъ 3-го іюня ограждаетъ интересы только рабочихъ, очевидна 2). Достаточно обратить вниманіе на характеръ карательныхъ мѣръ — нарушение закона: фабриканту угрожаетъ только легкое денежное взыскаііе — до 300 р., а рабочему во многихъ случаяхъ тю-

1) В. Безобразовъ. Наблюденія и соображенія. Стр. 8—10.

2) На это было указано въ свое время во Внутреннемъ Обзорѣніи „Вѣстника Европы“, 1886 г., октябрь.

ремное заключеніе. За самовольный отказъ отъ работы рабочій подвергается аресту до 1 мѣсяца, а фабрикантъ—только гражданской отвѣтственности за неисполненіе договора. Стачка хозяевъ не наказуема, а наказаніе за стачку рабочихъ сильно повышено. Законъ прибѣгаетъ къ строгимъ взысканіямъ съ фабрикантовъ лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія угрожаютъ опасности общественному порядку. Такъ, напримѣръ, если нѣкоторыя дѣйствія фабриканта вызываютъ на фабрикѣ волненія рабочихъ, то фабрикантъ можетъ быть приговоренъ къ аресту до 3 мѣсяцевъ и лишенъ права завѣдыванія фабрикой.

Запрещеніе ночной работы женщинъ и малолѣтнихъ не вызвало большой оппозиціи фабрикантовъ до тѣхъ поръ, пока продолжался промышленный застой. Но съ оживленіемъ торговли московскіе и владимірскіе фабриканты почувствовали всю горечь новыхъ постановленій. Московская консервативная—печатъ,—въ особенности „Современныя Извѣстія“ видѣла въ законахъ 1892 85 и 86 годовъ чуть-ли не социализмъ. Началась усиленная агитація противъ новыхъ законовъ. Министръ Бунге, виновный въ изданіи этихъ законовъ, подвергся обвиненіямъ въ непониманіи условій русской жизни, доктринерствѣ, увлеченіи тлетворными западноевропейскими теоріями.

Оставленіе Бунге своего поста оживило надежды фабрикантовъ.

Московское отдѣленіе общества для содѣйствія промышленности и торговли явилось выразителемъ пожеланій московскихъ фабрикантовъ и въ мартѣ 1887 г. подало, одно за другимъ, два ходатайства новому министру Вышнеградскому объ измѣненіи порядка правительственнаго надзора за фабриками.

„Съ самаго начала примѣненія новаго фабричнаго закона“, говорится въ первомъ ходатайствѣ московскаго отдѣленія, „возникли между фабрикантами и инспекціей разногласія и пререканія, которыя, обостряясь все болѣе и болѣе, не могли пройти безслѣдно въ взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ... Полемическія статьи въ газетахъ, официальные жалобы на фабричную инспекцію вслѣдствіе ея излишней требовательности, совершенно несогласной съ закономъ, не приносящей никакой пользы рабочимъ, въ защитѣ которыхъ она, какъ будто, выступаетъ—но только стѣсняющей и фабрикантовъ и рабочихъ, и затрудняющей самое производство породили видъ какой-то борьбы между инспекціей, какъ бы защитницей рабочихъ, и хозяевами фабрикъ, какъ бы ихъ эксплуататорами въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова“.

„...Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабриантами и рабочими построены на совершенно ложномъ представленіи противоположности интересовъ сторонъ... Московское отдѣленіе, напротивъ, видитъ въ сотрудничествѣ хозяевъ и рабочихъ а фабрикахъ союзъ, основанный на сходствѣ интересовъ и различіи способностей, дополняющихъ одно другое“. ¹⁾

Отдѣленіе приводитъ 20 обвинительныхъ пунктовъ противъ фабричной инспекціи, на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

Когда Вышнеградскій въ томъ же году посѣтилъ нижегородскую ярмарку, „всероссійское купечество“ подало министру обширную докладную записку, содержащую перечень всѣхъ пунктовъ неудовольствія со стороны купечества финансовой политикой Бунге, и, вмѣстѣ, программу требованій отъ новаго финансоваго курса. Въ числѣ этихъ пунктовъ было и указаніе на „неудовлетворительность какъ новаго фабричнаго закона, такъ и его исполнителей“. Министръ вполне согласился съ такой неблагоприятной оцѣнкой фабричныхъ законовъ Бунге и далъ обѣщаніе немедленно-же приступить къ исправленію этихъ законовъ ²⁾.

И министръ сдержалъ это обѣщаніе. 24-го апрѣля 1890 г. вышелъ новый актъ фабричнаго законодательства, въ существенныхъ пунктахъ измѣнившій ненавистные московскимъ фабрикантамъ законы 1882 и 1885 гг. Ночная работа малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ была вновь дозволена въ стеклянномъ производствѣ; фабричной инспекціи предоставлено право разрѣшать воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ. Ночная работа женщинъ и подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ также могла быть разрѣшаема въ нѣкоторыхъ случаяхъ фабричнымъ присутствіемъ, а гдѣ нѣтъ таковыхъ—губернаторомъ. Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено допускать въ теченіе известнаго срока къ фабричнымъ работамъ и дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ ³⁾.

Такимъ образомъ законъ 24-го апрѣля предоставлялъ административному усмотрѣнію все то, что при Бунге рѣшалось самимъ закономъ. Московскіе фабриканты могли вновь ввести ночную работу для женщинъ и дѣтей, не дѣлая перерывовъ даже по празд-

1) Наша фабрично-заводская промышленность. Москва. 1894 г. Стр. 61—64.

2) Русскій Вѣстникъ. 1887. Томъ 190. Современная лѣтопись.

3) П. С. З. Собр. III. Томъ X, 6743.

никамъ; все зависѣло отъ усмотрѣнія фабричной инспекціи и высшей мѣстной администраціи.

Мы не можемъ судить о практическихъ послѣдствіяхъ закона 1890 г., такъ же какъ и предшествовавшихъ законовъ 1885 г. и 1886, такъ какъ послѣдніе печатные отчеты фабричныхъ инспекторовъ относятся къ 1885 г. Мы не знаемъ, какъ пользовались губернаторы и фабричныя присутствія своимъ правомъ дозволить воскресную и праздничную работу малолѣтнимъ, ночную работу женщинамъ и подросткамъ. При существующемъ порядкѣ все опредѣляется усмотрѣніемъ администраціи. Отъ нея зависитъ ослабить или усилить дѣйствіе закона, свести на практикѣ эти законы къ нулю, или сдѣлать изъ нихъ вполнѣ дѣйствительное средство охраны рабочаго. Общее направленіе дѣятельности министерства финансовъ послѣ Бунге и измѣненіе личнаго состава фабричной инспекціи вызываетъ опасеніе, что первое гораздо чаще имѣло мѣсто, чѣмъ второе.

Однимъ изъ очень немногихъ печатныхъ источниковъ, касающихся практическаго примѣненія новыхъ фабричныхъ законовъ, является интересная книга помощника владимірскаго фабричнаго инспектора г. Микулина „Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3 іюля 1886 г.“ (Владимірь, 1893 г.). До какой степени право свободнаго договора фабричнаго рабочаго съ хозяиномъ до введенія новыхъ законовъ являлось фикціей, можно видѣть изъ того, что до 1886 г. въ условія рабочаго договора включались иногда пункты такого рода: рабочій обязуется не оставлять работу до истеченія срока договора, подѣ опасеніемъ уплаты штрафа вдвойнѣ противъ наемной платы за все недожитое время, а фабрикантъ оставляетъ за собой право уволить рабочаго „по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ“ во всякое время, уплативъ ему деньги по день дѣйствительнаго служенія. Въ особенности великъ былъ произволъ фабрикантовъ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ. Фабриканты штрафовали рабочихъ за что имъ вздумается и въ любыхъ размѣрахъ. Поводы къ штрафамъ были крайне разнообразны и иногда довольно курьезны: такъ, напримѣръ, рабочіе облагались штрафами за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за „сборище нѣсколькихъ человѣкъ въ одну кучу“ и т. п.

Инспекціи пришлось вести упорную борьбу съ фабрикантами. По словамъ г. Микулина, большинство крупныхъ и среднихъ фабрикантовъ отнеслись къ закону „явно враждебно, не желая соглашаться ни съ однимъ изъ его основныхъ положеній и требуя

предоставленія имъ полной свободы, существовавшей до сихъ поръ въ отношеніи условій, предлагаемыхъ ими при наймѣ своимъ рабочимъ“¹⁾. Особенно отстаивали фабриканты право, подѣ видомъ штрафовъ, произвольно понижать заработную плату. Убѣдившись въ серьезномъ намѣреніи инспекціи настаивать на исполненіи закона, фабриканты стали прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ уловкамъ, чтобы провести инспектора. „Во исполненіи требованій закона относительно регулярной и своевременной выдачи денегъ, таковая записывалась аккуратнѣйшимъ образомъ въ надлежащія книги, но фактически не выдавалась; „въ обходъ положенія закона, воспреещающаго производить рабочимъ расплату товаромъ и иными предметами, такія, если и производились, то записывались выданными чистыми деньгами; обходя требованіе закона отпускать харчи изъ лавки лишь по цѣнамъ, утвержденнымъ инспекціей, отпускаемые рабочимъ харчи записывались въ расчетныя книжки общими суммами безъ обозначенія каждаго предмета въ отдѣльности и его цѣны... не желая лишиться штрафныхъ денегъ съ рабочихъ, штрафы записывались фабрикантомъ, какъ бы выданные чистыми деньгами, или же, напр., вмѣсто штрафа за прогулъ рабочему записывалось неполное количество рабочихъ дней“²⁾.

Г. Микулинъ приводитъ разнообразныя уловки фабрикантовъ для присвоиванія себѣ штрафныхъ денегъ. Одна уловка такого рода (основанная на неправильной расцѣнкѣ работы) повела къ крупнымъ волненіямъ рабочихъ, потребовавшимъ вмѣшательства вооруженной силы; только послѣ этого неправильныя расцѣнки были уничтожены.

Контроль фабричной инспекціи чрезвычайно затруднялся тѣмъ, что всѣ рабочіе, подававшіе жалобы инспекторамъ, какъ общее правило, увольнялись съ фабрики хозяиномъ. При этомъ фабриканты ввели обычай оповѣщать другія сосѣднія фабрики объ увольняемыхъ рабочихъ; уволенный рабочій лишался возможности найти работу и на сосѣднихъ фабрикахъ. Такимъ путемъ фабриканты держали въ страхѣ своихъ рабочихъ и препятствовали имъ разоблачать злоупотребленія хозяевъ.

Со всѣмъ этимъ инспекція упорно боролась, и многія злоупотребленія хозяевъ были устранены. Безъ сомнѣнія, законъ 3-го

1) А. Микулинъ, стр. 55.

2) А. Микулинъ, стр. 70.

іюня 1886 г. улучшилъ положеніе рабочаго на фабрикѣ, но въ какой мѣрѣ — сказать невозможно по отсутствію данныхъ.

Въ 1893 г. и правила 3-го іюня 1886 г., возбуждившія ожесточенную вражду фабрикантовъ и реакціонной печати, были изменены, правда, въ малосущественныхъ пунктахъ, въ интересахъ фабрикантовъ; но основанія ихъ остались нетронутыми. Я не буду останавливаться на другихъ второстепенныхъ актахъ нашего фабричнаго законодательства и перейду къ послѣднему и самому важному изъ нихъ. До 1897 г. наше фабричное законодательство, подобно англійскому и многимъ другимъ, нормировало рабочее время только дѣтей и женщинъ. 3-го іюня этого года вышелъ чрезвычайно важный по своему принципиальному значенію законъ, ограничивающій продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ. Сущность новаго закона заключается въ слѣдующемъ: для всѣхъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи устанавливается максимальный рабочий день въ 11¹/₂ часовъ въ сутки. Если работа хотя отчасти захватываетъ ночное время, она не должна продолжаться болѣе 10 часовъ. Работа въ воскресенье и особо именованные праздничные дни запрещается. Изъ дѣйствія закона изъемяются лишь фабрики и заводы, принадлежащія морскому и военному министерству.

Подробная юридическая оцѣнка этого законодательнаго акта, равно какъ и изданныхъ въ развитіе его „Правилъ“, не входитъ въ нашу задачу. Намъ интересна въ данномъ случаѣ общественная обстановка, при которой создался этотъ законъ.

Я говорилъ выше, что уже въ 1867 г. управляющій Кренгольмской мануфактурой ходатайствовалъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ. Въ 1875 г. съѣздъ машиностроителей выработалъ проектъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня 10 часами. Въ 1883 г. нѣкоторые петербургскіе бумагопрядильные фабриканты опять возбудили ходатайство объ ограниченіи рабочаго времени. Однако всѣ эти ходатайства не привели ни къ какому практическому результату вслѣдствіе сопротивленія московскихъ фабрикантовъ всякому сокращенію рабочаго дня. Въ 1894 г. ходатайство о сокращеніи рабочаго дня опять возобновилось, и притомъ отъ фабрикантовъ нашей польской окраины — Лодзи. Извѣстно, какимъ опаснымъ конкурентомъ для Москвы являлась и является Лодзь. На лодзинскихъ фабрикахъ рабочий день всегда былъ значительно короче, чѣмъ на московскихъ, и почти не практиковалась ночная работа. Понятно, на-

сколько выгодно было бы Лодзи повсемѣстное запрещеніе въ Россіи ночной работы и сведеніе продолжительности рабочаго дня до уровня Лодзи. И вотъ, мы видимъ, что въ 1894 г. „Лодзинское тѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговли“ выработало проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Россіи. Согласно этому проекту, ночная работа должна быть запрещена на всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, кромѣ особо поименованныхъ, на которыхъ по характеру производства работа должна идти непрерывно. Время дѣйствительной работы не должно превышать въ рудникахъ и копанияхъ—10 часовъ въ сутки, на фабрикахъ, обрабатывающихъ металлы — 11 часовъ, на прочихъ—12 часовъ въ сутки. При работѣ въ двѣ смѣны (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда работа можетъ идти круглыя сутки) работа каждой смѣны не должна превышать 9 часовъ ¹⁾).

По словамъ фабричнаго инспектора петроковскаго округа г. Рыковского, большинство фабрикантовъ Петроковской губерніи, сократившихъ рабочій день съ 13 до 12 часовъ, заявили ему, что выработка товаровъ уменьшилась отъ этого лишь на 2,7%, а на одной крупной фабрикѣ, благодаря улучшенію машинъ и ускоренію ихъ движенія, выработка даже увеличилась на 2,3—7,3%. По мнѣнію г. Рыковского, „всѣ русскіе фабриканты могли бы безъ особеннаго труда сократить на 1—2 часа практикующейся 13—14-часовой рабочій день и увеличить производительность своихъ фабрикъ, если бы они обратили болѣе вниманія на технику своихъ производствъ“ ²⁾).

Предложеніе Лодзи возбудило общее вниманіе нашего промышленнаго міра. Въ 1895 г. московское „Общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности“ образовало комиссію, которая попыталась выяснитъ вопросъ о желательности нормированія рабочаго времени въ прядильно-ткацкомъ производствѣ путемъ опроса членовъ общества и постороннихъ фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ. Полученные отвѣты крайне любопытны и характерны. Они показываютъ, на-

1) Труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, 1895 г., ч. 23. Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени.

2) Труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, ч. 23. Проектъ законодательной нормировки рабочаго времени, стр. 137.

сколько мысль о необходимости сокращенія рабочаго времени на зрѣла даже среди старинныхъ враговъ фабричнаго законодательства—московскихъ фабрикантовъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ.

Ткацкій фабрикантъ г. Гусевъ заявилъ, что законодательно запрещение ночной работы и регулированіе времени работы вполне желательно: „малосильные фабриканты будутъ конечно говорить что сокращать невыгодно, надо сокращать дѣло, но такія фирмы хотя и необходимы въ смыслѣ развитія отечественной промышленности, въ то же время эксплуатацію свою развиваютъ неправильно и если бы такія фирмы сократились, то отъ этого едва-ли кому было худо; рабочій тамъ вырабатываетъ минимальное содержаніе, товаръ публика получаетъ сомнительный, да и откуда идутъ фальсификаціи, какъ не отъ такихъ фирмъ“¹⁾.

По мнѣнію директора бумагопрядильной фабрики г. Федорова, „необходимость сокращенія числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ вызывается прежде всего выгодами фабрикантовъ. Въ настоящее время бумагопрядильное производство достигло такого развитія, что отъ рабочаго требуется не сила, а пониманіе и ловкость—качества, которыя будутъ у рабочаго, стоящаго на высшей ступени, чѣмъ рабочій настоящаго времени. Уровень рабочаго долженъ быть поднятъ настолько выше, чѣмъ теперь, насколько выше нашъ рабочій—рабочаго времянь крѣпостнаго труда. Какъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія выразилось въ улучшеніи мануфактурной промышленности, такъ улучшеніе рабочаго быта вызоветъ подъемъ и улучшеніе ея въ настоящее время“. (Труды, стр. 20).

По словамъ помощника директора прядильно-ткацкой фабрики г. Зотикова, „при такомъ продолжительномъ рабочемъ днѣ, какъ 12 часовъ въ сутки, чрезвычайно трудно, а въ иныхъ случаяхъ и невозможно поддерживать въ рабочихъ строгое отношеніе къ своей работѣ; при этомъ очень трудно достигнуть выработки издѣлій высокаго качества“ (стр. 23). Поэтому г. Зотиковъ предложилъ ограничить максимальный рабочій день для мужчинъ 11 часами, для женщинъ 10¹/₂ часами.

Одинъ фабричный инспекторъ въ своемъ отзывѣ заявилъ, что нормированіе рабочаго дня „косвеннымъ образомъ должно будетъ содѣйствовать техническому прогрессу производства, ибо многія

¹⁾ Общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. Труды прядильно-ткацкаго отдѣла комиссіи по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени. Москва, 1896 г., стр. 19.

абрики роковымъ образомъ будутъ принуждены обратить особое вниманіе на усовершенствованіе технической стороны производтва“ (стр. 44). По его словамъ, между выработкой рабочихъ, работающихъ 12 и 9 часовъ, большой разницы не замѣчается. Крупнѣйшія бумагопрядильныя и льнопрядильныя фабрики въ районѣ инспектора уже ввели по собственному почину 18-часовую работу, мѣсто 24-часовой.

По словамъ г. Голгофскаго, директора бумагопрядильни, „большинство фабрикантовъ, если не всѣ, готовы ввести на своихъ фабрикахъ 18-часовую работу (въ 2 смѣны), но при разбросанности ашихъ фабрикъ и слабой солидарности между самими фабрикантами, соглашеніе ихъ въ этомъ направленіи едва-ли легко и скоро состоится, почему повсемѣстное проведеніе въ жизнь новыхъ положеній можетъ быть осуществлено только обязательнымъ для сѣхъ правительственнымъ законоположеніемъ“ (стр. 67).

Значительное большинство опрошенныхъ фабрикантовъ (центрального района) высказалось за уничтоженіе законодательнымъ путемъ ночной работы, введеніе 18-часовой въ двѣ смѣны и сокращеніе дневной до 11 часовъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы переходъ къ новымъ условіямъ работы былъ разсроченъ по крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ. Предсѣдатель комиссіи, производившей это обслѣдованіе, г. Алянчиковъ, одинъ изъ директоровъ Никольской Мануфактуры Морозовыхъ, закончилъ слѣдующими словами свое резюме отзывомъ опрошенныхъ лицъ: „Кто близко стоитъ къ фабричному народу, тотъ знаетъ, какая разница во всемъ обиходѣ имѣть рабочаго бодрого и развитого хоть немного, или переутомленнаго тушицу, который буквально не понимаетъ иногда самаго простаго приказанія, ломаетъ машину, портитъ и мѣшаетъ матеріаль, суется куда не слѣдуетъ, увѣчится, пьянствуетъ, прогуливаетъ и составляетъ предметъ неисчислимыхъ хлопотъ, требуетъ усиленнаго надзора, всякой переписки и надзора, хотя получаетъ меньше жалованья и работаетъ больше времени за него“. (Труды, 8).

Но были, разумѣется, и другіе гѣлоса, протестующіе противъ внимательства правительственной власти въ фабричныя распорядки.

Такъ одинъ изъ представителей фабричной администраціи, г. Савельевъ, представилъ обширный докладъ по данному вопросу, въ которомъ предсказываетъ всякіе ужасы отъ сокращенія рабочаго дня. По его расчету, сокращеніе времени работы на 1 часъ

принесетъ Россіи убытокъ въ 140 милл. руб. (Какъ это напоми-
наетъ знаменитый, осмѣянный Марксомъ, расчетъ англійскаго
экономиста Сеніора о разорительности для англійскихъ фабрикан-
товъ перехода къ 11-часовой работѣ: какъ видно и фабриканты
и ихъ защитники—одни и тѣ же, въ какой бы странѣ они не на-
ходились). Г. Савельевъ протестовалъ противъ сокращенія времени
работы, „ибо отъ убавки часу или даже трехъ часовъ рабочій не
получитъ значительнаго облегченія (?!), такъ какъ онъ живетъ въ
невозможно плохихъ гигиеническихъ условіяхъ и страдаетъ отъ
автоматизма работы, шума, что все вмѣстѣ взятое гораздо болѣе
значитъ, чѣмъ собственно мускульное утомленіе работою. ...Однимъ
сокращеніемъ рабочаго дня, этимъ пресловутымъ урегулированіемъ
рабочихъ часовъ, съ отмѣною ночныхъ часовъ, не поможешь горю“.
Вмѣсто этого авторъ рекомендуетъ улучшить жилища и питаніе,
„дать правильное упражненіе мускулатурѣ, моціонъ на свѣжемъ
воздухѣ въ специально устроенныхъ залахъ и коридорахъ“¹⁾.

Г. Савельевъ — большой шутникъ: на томъ основаніи, что
одного сокращенія рабочаго дня недостаточно для существеннаго
улучшенія положенія рабочаго, онъ высказывается противъ вся-
каго сокращенія времени работы, предлагая взамѣнъ этого устроить
какіе-то залы и коридоры для прогулокъ (!!!). Но когда же будутъ
работіе гулять въ этихъ залахъ, когда у нихъ не остается вре-
мени даже для спанья?

Согласно съ заключеніемъ предѣдателя, прядильно-ткацкій
отдѣлъ призналъ нужнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ
объ изданіи закона, запрещающаго ночную работу на всѣхъ пра-
дильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, и устанавливающаго для двухъ
смѣнъ работу въ 18 часовъ въ сутки, а односмѣнную въ 10 ча-
совъ для взрослыхъ и 6 для малолѣтнихъ, при чемъ переходъ отъ
существующаго порядка къ новому долженъ совершиться посте-
пенно въ теченіе 5 лѣтъ (Труды, стр. 127). -

Въ общемъ собраніи общества резолюція прядильно-ткацкаго
отдѣла была измѣнена и общество постановило ходатайствовать о
законодательномъ запрещеніи ночной работы, ограниченіи макси-
мальнаго рабочаго дня для всѣхъ вообще производствъ 12 часами,
а для нѣкоторыхъ и 11 часами (механическое пряденіе и ткаче-
ство и друг.), но при этомъ кустарныя ткацкія заведенія (съ чис-
ломъ рабочихъ менѣе 50 человекъ) должны быть изъяты изъ дѣй-

¹⁾ Труды прядильно-ткацкаго отдѣла, стр. 113.

вія закона о нормировкѣ, а самый срокъ прекращенія ночныхъ работъ продолженъ до 4 лѣтъ ¹⁾).

Комиссіи прядильно-ткацкаго отдѣла были доставлены очень любопытныя данныя о результатахъ сокращенія времени работъ на разныхъ фабрикахъ. На прядильныхъ сокращеніе часовъ работы затѣно улучшило качество товара, но количество часовой выработки нжи увеличивалось мало. Напротивъ, на ткацкихъ фабрикахъ, по казаніямъ фабрикантовъ, сокращеніе рабочаго времени оказало ромное вліяніе на количество часовой выработки товара.

Родъ фабрикъ ²⁾ .	Число становъ.	Работа:		Увеличеніе часовой выработки на станъ.
		Прежде.	Теперь.	
Умаготкацкая . .	2889	24	11	20 ⁰ / ₀
„ . .	721	24	12	21 „
„ . .	644	13	12	3 „
„ . .	676	24	13	27 „
„ . .	590	24	13 ¹ / ₂	24 „
„ . .	717	24	12	23 „
„ . .	1258	24	18	15 „
Шелкоткацкая . .	1110	13	11 ¹ / ₂	14 „
Перстоткацкая . .	1000	13	12	8 „

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сокращеніе времени работы совсѣмъ е уменьшило общей выработки товара и фабрикантъ остался въ истомъ барышѣ (такъ какъ при меньшемъ времени работы разне вспомогательные расходы уменьшаются).

Цѣлый рядъ фабрикъ центрального района, и притомъ самыхъ рупныхъ, по собственной инициативѣ сократилъ продолжительность своего рабочаго дня. По словамъ г. Алянчикова, „86⁰/₀ стѣхъ веретенъ крутильныхъ, 77,6⁰/₀ приготавительныхъ машинъ рядильныхъ и 78,4⁰/₀ ткацкихъ становъ уже перешли добровольно а болѣе короткое время, и нѣтъ ни одного примѣра, когда бы овершился поворотъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ невыгодности дѣланнаго шага; были отдѣльные незначительные случаи обратаго перехода, но лишь изъ желанія воспользоваться случайнымъ лагоприятнымъ положеніемъ рынка. Приведенныя цифры такъ велики, что если переходъ, ими указываемый, совершился добровольно, то нечего и сомнѣваться въ возможности его для осталь-

¹⁾ Труды торговопромышленнаго съѣзда 1896 г. III, вып. V, стр. 227—28.

²⁾ Вычислено по „Свѣдѣніямъ“ помѣщеннымъ въ приложеніи къ „Трудамъ прядильно-ткацкаго отдѣла“.

ной небольшой части, подъ условіемъ предоставленія ей необходимаго времени на подготовку. Самая важная однако статья—это прядильныя веретена; но и тутъ уже 43% сдвинулись съ мѣста, а 12% на пути къ перемѣнѣ; слѣдовательно, опять остается меньшая половина“ 1).

Вопросъ о вліяніи сокращенія времени работы на производительность труда былъ изслѣдованъ въ 1896 г. департаментомъ торговли и мануфактуръ черезъ фабричныхъ инспекторовъ. Отзыви старшихъ фабричныхъ инспекторовъ оказались въ общемъ весьма благоприятными для такого сокращенія. Такъ, напр., владимірскій старшій фабричный инспекторъ сообщаетъ: „резюмируя всѣ выше изложенныя цифровыя данныя, равно какъ и тѣ мнѣнія директоровъ фабрикъ, съ которыми приходилось по этому поводу говорить, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Переходъ отъ суточной работы къ дневной или смѣнной 18-часовой несомнѣнно повышаетъ производительность труда рабочаго въ единицу времени. 2) Таковое же повышение замѣчается и при сокращеніи дневной работы, въ особенности при переходѣ съ 13½ часовъ на 12 или 11. 3) Сказанное увеличеніе производительности далеко не одинаково для разныхъ производствъ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи раздѣлены на 3 группы: а) Въ первой будутъ тѣ фабрики, въ которыхъ главное значеніе имѣетъ совершенство машинъ, рабочій же стоитъ на второмъ планѣ. Таковы прежде всего прядильныя фабрики и затѣмъ ткацкія. б) Во вторую категорію должны быть отнесены такія, въ которыхъ совершенство и быстрота хода машинъ имѣютъ приблизительно одинаковое съ рабочимъ значеніе. Таковыми слѣдуетъ признать отбѣльныя, красильныя, ситценабивныя и тому подобныя заведенія; в) Наконецъ, въ третью слѣдуетъ помѣстить такія производства, въ которыхъ личный ручной трудъ рабочаго, степень его бодрости, вниманія и умѣніе имѣютъ первостепенное значеніе. Таковы, напр., нѣкоторыя отдѣленія механическихъ заводовъ, стеклянные и т. под. 5) Принимая во вниманіе только что указанныя подраздѣленія, можно считать, что продуктивность труда рабочаго въ единицу времени, происходящая вслѣдствіе отмены ночныхъ работъ при переходѣ на 18-часовую работу, или вслѣдствіе сокращенія дневного труда на 1—2 часа, возрастаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

1) Труды Высочайше учрежденнаго Всероссийскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. III, вып. V, стр. 234.

Для прядильныхъ фабрикъ	на 3— 5 ⁰ / ₀
„ ткацкихъ „	„ 7—10 ⁰ / ₀
„ красильно-набивныхъ и механиче- скихъ заводовъ	до 15 ⁰ / ₀

Для остальныхъ, въ которыхъ преобладаетъ ручной трудъ,— еще большей степени, не поддающейся, однако, учету“ ¹⁾.

По даннымъ другихъ фабричныхъ инспекторовъ, сокращеніе времени работы вліяетъ еще сильнѣе на производительность труда. Московской губерніи рабочій день былъ сокращенъ на 15-ти брикахъ. При этомъ на ковровой фабрикѣ Русской Мануфактуры, шерстоткацкой Бутикова, мѣднолитейномъ заводѣ Краснова бота была сокращена съ 12 до 11 часовъ въ день, и общая выработка рабочаго не понизилась, а на первой фабрикѣ даже по-силась. Прядильно-ткацкія фабрики Товарищества Реутовской мануфактуры и Высоковской Мануфактуры перешли отъ 24-часовой 18-часовой работѣ. Часовая выработка возросла на 16—20⁰/₀. Переходъ другихъ фабрикъ съ 13 къ 12-часовой работѣ, съ 24 къ 22 часамъ, съ 11¹/₂ и 11-ти къ 10 часамъ работы не сократилъ выработки рабочаго. Въ Волынской губерніи переходъ 2-хъ исчебумажныхъ фабрикъ Дитятковского Товарищества съ 2 смѣнъ, 11¹/₂ часовъ каждая, къ 3 смѣнамъ, по 8 часовъ каждая, привелъ къ увеличенію производительности труда на 25⁰/₀. „Заратная плата рабочаго осталась прежняя, такъ какъ фабрика платитъ поденно, и рабочій за 8 часовъ работы получаетъ столько же, сколько получалъ прежде за 11¹/₂ часовъ“ ²⁾. Фабрика джутовыхъ въшковъ Одерфельда въ Ченстоховѣ перешла съ 11¹/₂ часовъ въ двусмѣнной работѣ 18 часовъ въ сутки. Результаты оказались полнѣе благоприятны какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. Обѣ стороны выиграли: производство выиграло въ количественномъ и качественномъ отношеніи, накладные расходы распределяются на большее число единицъ товара, достигнута экономія въ мазкѣ и отопленіи; рабочіе выиграли въ отношеніи здоровья, *при чемъ заработокъ ихъ увеличился*“ ²⁾. Въ Тверской губерніи исчебумажная фабрика Кувшинова перешла отъ 24-часовой двухсмѣнной работы къ 24-часовой трехсмѣнной (т. е. отъ 12 часовъ

¹⁾ Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ. Изд. Д-та Т. и М. Спб. 1896 г. Стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 54, 134.

къ 8 часамъ для каждой смѣны). Средняя мѣсячная выработка рабочаго почти не измѣнилась.

Подобные же примѣры повышенія производительности труда при сокращеніи времени работы, которое нерѣдко оказывается въ годнымъ для самихъ фабрикантовъ, приводятся фабричными инспекторами и другихъ округовъ. Тѣмъ не менѣе большая часть московскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ все еще продолжаетъ держаться двусмѣнной работы, отъ 24—18 часовъ въ сутки, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ, приводимыхъ г. Ланговымъ¹⁾

	Число рабочихъ на фабрикахъ	
	Однокомплек- ныхъ.	Двуконплек- ныхъ.
С.-Петербургская губ. (текстильная промышленность)	83 ⁰ / ₁₀₀	17 ⁰ / ₁₀₀
Московская губ. (хлопчатобумажная промышленность)	31 „	69 „
Петроковская губ. (текстильная промышленность)	80 „	20 „

Петроковскіе фабриканты, въ огромномъ большинствѣ, были прямо заинтересованы въ запрещеніи ночной работы. Я уже говорилъ о ходатайствѣ лодзинскихъ фабрикантовъ; что касается до петербургскихъ, то они пошли еще дальше своихъ польскихъ собратьевъ. Въ 1896 году владѣльцы петербургскихъ бумагопрядильнень ходатайствовали о немедленномъ воспрещеніи всѣмъ фабрикантамъ работать свыше, среднимъ числомъ, 11 часовъ съ небольшимъ въ сутки²⁾. Для московскихъ фабрикантовъ такой быстрый переходъ къ дневной работѣ, понятно, былъ бы очень убыточенъ. Этимъ и объясняется, почему московское „Общество для содѣйствія развитію мануфактурной промышленности“ предлагало растянуть на 4 года срокъ введенія закона о прекращеніи ночной работы. Но многіе московскіе фабриканты, какъ я говорилъ, были противъ какого бы то ни было законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

Судя по прецедентамъ, можно было опасаться, что выработка закона о нормировкѣ рабочаго времени затянется у насъ еще на долгій срокъ. Однако эти опасенія не оправдались. Послѣдовалъ

¹⁾ Ланговой. Нормированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ. Спб., 1897 г., стр. 12.

²⁾ Ланговой, 13.

бстныя стачки рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ въ 1896 г. и январь 1897 г.; 2 июня 1897 г. былъ изданъ законъ, нормирующий рабочий день.

Законъ этотъ явился компромиссомъ между требованіями петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Онъ сократилъ рабочий день почти до нормы, предлагавшейся петербургскими фабрикантами, но, въ интересахъ московскихъ фабрикантовъ, не претилъ ночной работы, а лишь ограничилъ ее 10 часами. Такимъ образомъ законъ 2 июня, опасаясь нарушить интересы болѣе галыхъ московскихъ фабрикантовъ, далеко не удовлетворилъ ходатайства московскаго „Общества для содѣйствія развитію фактурной промышленности“, не удовлетворилъ требованіямъ передовыхъ московскихъ же фабрикантовъ.

Несмотря на свое огромное принципиальное значеніе, законъ июня 1897 г. заключаетъ въ себѣ столько существенныхъ недостатковъ, что практическое значеніе его подлежитъ серьезнымъ сомнѣніямъ. Недостаткомъ закона является сохраненіе ночныхъ работъ, хотя не только петербургскіе, но даже и многіе московскіе фабриканты высказывались въ пользу запрещенія ночной работы. Въ своемъ настоящемъ видѣ законъ можетъ повести къ тому, что фабрики, работавшіе раньше только днемъ, перейдутъ къ работѣ круглыя сутки съ двойной смѣной — что отнюдь не можетъ считаться шагомъ впередъ въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ. Если какъ по закону ночнымъ временемъ признается время отъ 11 часовъ вечера до 4 часовъ утра, то законъ особенно благоухаетъ 18 часовой двусмѣнной работѣ, что также не можетъ быть признано согласнымъ съ требованіями гигиены, ибо въ дѣйствительности ночь продолжается дольше шести часовъ. Затѣмъ бросающіеся въ глаза недостаткомъ закона является отсутствіе указанія въ законѣ на карательныя мѣры за его нарушеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительное ограниченіе продолжительности рабочего дня 11½ часами въ сутки было-бы существеннымъ выигрышемъ для рабочаго класса, ибо обычная продолжительность рабочего дня на нашихъ фабрикахъ значительно больше. Такъ, напр., въ некоторыхъ — весьма, впрочемъ, ненадежнымъ — расчетахъ, въ Московской губерніи у 67,3% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ рабочий день былъ до введенія закона 1897 г. болѣе продолжителенъ, въ петербургской — у 56%. Въ другихъ губерніяхъ (кроме Юлиши и Прибалтійскихъ провинцій) рабочий день во всякомъ случаѣ былъ не короче. Поэтому практическое значеніе закона

1897 г. не подлежало бы спору, если бы постановленія законъ о предѣльной нормѣ рабочаго дня не парализовались отсутствіемъ мѣръ наказанія и разрѣшеніемъ сверхурочныхъ работъ. Циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г., разрѣшившій въ неограниченномъ размѣрѣ сверхурочныя работы, почти лишаетъ законъ 1897 г. всякой силы.

Подведя итогъ сказанному выше объ условіяхъ развитія нашего фабричнаго законодательства, нельзя не прийти къ заключенію, что особенностью русскаго фабричнаго законодательства явилась выдающаяся роль при выработкѣ фабричныхъ законовъ **соображеній политическаго и полицейскаго характера**. Всѣ наши важнѣйшіе фабричныя законы возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній этого рода. Нельзя не признать чрезвычайно знаменательнымъ въ этомъ смыслѣ тотъ фактъ, что инициатива изданія весьма важныхъ фабричныхъ законовъ нерѣдко принадлежала у насъ министерству внутреннихъ дѣлъ и лицѣ его различныхъ органовъ. Другимъ существеннымъ фактомъ нашего фабричнаго законодательства явилась конкуренція московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, при чемъ петербургскіе фабриканты были сторонниками государственнаго вмешательства, а московскіе противниками его. Причины этого различія выяснены выше. Наконецъ, могущественный толчокъ къ изданію нашихъ основныхъ фабричныхъ законовъ былъ данъ промышленнымъ кризисомъ и застоємъ первой половины 80-хъ годовъ.

ГЛАВА III.

Заработная плата.

Въведеніе реформы 19 февраля на заработную плату.—Повышеніе платы и слѣдующее паденіе ея.—Рабочіе на ивановскихъ фабрикахъ по отзыву Гарелина.—Сравненіе заработной платы въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 50-хъ 80-хъ годахъ.—Паденіе реальной заработной платы.—Заработная плата московскихъ фабрикахъ.—Измѣненіе заработной платы въ новѣйшее время.—Современный фабричный рабочій по изслѣдованіямъ г. Девятова и другихъ московскихъ земскихъ статистиковъ.—Обособленіе фабричныхъ рабочихъ въ особый общественный классъ.—Обслѣдованіе Шестаковымъ рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.—Связь съ землей.—Въ какъ эта связь заключается у различныхъ группъ рабочихъ.—Значеніе этой связи съ землей.

Реформа 19 февраля создала совершенно новыя условія работы рынка. Первымъ послѣдствіемъ освобожденія былъ упадокъ фабрикъ и заводовъ, основанныхъ на крѣпостномъ трудѣ, крѣпощенные фабричные рабочіе, получивши свободу, или ушли съ фабрикъ, или, если оставались, то лишь на условіи значительнаго повышенія заработной платы.

По словамъ г. Голубева, „въ первый же годъ по освобожденіи крестьянъ рабочія руки вздорожали; сельское населеніе показало евидное стремленіе удалиться изъ фабричныхъ центровъ и родовъ въ деревню. Фабрикантамъ приходилось увеличивать держки производства, возвышать заработную плату; но и на увеличеніе ея рабочіе не поддавались; лучшіе изъ нихъ, работавшіе по 10 и 15 лѣтъ на фабрикахъ и скопившіе копейку, уходили въ деревню. Притомъ крестьяне промышленныхъ подмосковныхъ губерній, какъ извѣстно, перешедшіе на наименьшіе земельные надѣлы, старались въ первые годы по освобожденіи самостоятельно заняться издавна знакомымъ имъ производствомъ“¹⁾.

¹⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Пряжи и ткани изъ хлопчатой бумаги. А. Голубева. Стр. 98.

Но такое благоприятное для рабочих положение рынка длилось не долго. Уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, по словамъ того-же Голубева „сельское населеніе вновь, и въ большей противъ прежняго степени, начало обращаться къ фабричному труду, отчего произошел пониженіе заработной платы“.

Денежная заработная плата послѣ крестьянской реформы сильно повысилась, но еще болѣе значительное повышение цѣнъ на предметы потребленія рабочаго повело къ паденію реальной платы рабочаго.

По вопросу объ измѣненіи положенія рабочаго класса въ периферическое время, для насъ очень цѣнны указанія Я. Гарелина бывшаго въ прежнее время однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ села Иванова, и лучшаго знатока мѣстной промышленной исторіи. Приведу поэтому обширную выдержку изъ его неоднократно цитированной книги „Городъ Иваново-Вознесенскъ“.

„Блестящая пора большихъ заработковъ у ивановскаго рабочаго кончилась съ введеніемъ въ дѣло машинъ. Пока машинъ не было, или онѣ являлись отдѣльными нововведеніями, рабочій, можетъ сказать, царилъ на фабрикѣ—отъ него зависѣло, работая хорошо получать большія деньги и доставлять въ то же время и хозяину порядочный барышъ или, разозлившись на хозяина, портить его товаръ и все-таки не оставаться въ накладѣ въ случаѣ расчета потому что онъ могъ тотчасъ же явиться къ конкуренту своего прежняго хозяина и доставить тому возможность одержать верхъ надъ послѣднимъ. При прежней разрозненности и непониманіи хозяевами общности интересовъ это была весьма обыкновенная вещь. Правда, отъ рабочаго требовалась прежде всего честность но это понятіе, всегда условное, тогда въ особенности являлось условнымъ. Словомъ, хозяинъ былъ тогда въ извѣстной тягостной зависимости отъ рабочаго. Но вотъ являются машины и мало-по-малу завладѣваютъ всею дѣлою. Рабочимъ пришлось уже не хозяйствовать, а стать въ подчиненіе къ бездушнымъ машинамъ, съ которыми разговоровъ вести конечно невозможно было и которые вдобавокъ, срабатывали по меньшей мѣрѣ въ десять разъ больше чѣмъ могли сдѣлать всѣ рабочіе, находящіеся на фабрикѣ. Такимъ образомъ въ фабричномъ производствѣ стали царить машины успѣху которыхъ немало содѣйствовало и то обстоятельство, что время ихъ окончательнаго введенія на фабрикахъ совпало съ временемъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и слѣдовательно, съ временемъ наибольшихъ хлопотъ для всѣхъ освѣ-

жденныхъ отъ крѣпостного права. Рабочій сдѣлался теперь долнѣ зависимымъ отъ машины. Начинается совершенно новая юха въ его жизни“¹⁾).

По расчету Я. Гарелина, денежная заработная плата во всѣхъ видахъ труда, повысилась къ началу 80-хъ годовъ, сравнительно къ концомъ 50-хъ годовъ, на 15—50⁰/о. Между тѣмъ цѣна ржаной уки въ Иваново-Вознесенскѣ за то-же время возросла на 100⁰/о, аsla коровьяго—на 83⁰/о, мяса—почти на 220⁰/о. Ткачи на механическихъ станкахъ въ 1858 г. зарабатывали въ мѣсяць отъ 0 до 16 р. сер. Въ 1882—83 году тѣ же ткачи получали 12—18 р.; цѣна денежный заработокъ поднялся всего 15⁰/о—гораздо меньше, цѣна поднялась цѣна хлѣба. „Возможно-ли жить хотя-бы порядочно при такихъ условіяхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Гарелинъ.

Не нужно забывать, впрочемъ, что первая половина 80-хъ годовъ, къ которой относятся замѣчанія Гарелина, была эпохой промышленнаго застоя и сокращенія спроса на трудъ. Этотъ застой достигъ такихъ размѣровъ, что даже вызвалъ въ Московской губерніи, какъ я упоминалъ выше, возвращеніе мѣстныхъ фабричныхъ рабочихъ къ обработкѣ земли. То же самое наблюдалось и во Владимирской губерніи. „За послѣдніе 5 лѣтъ“,—говоритъ Гарелинъ,—идѣсь замѣчается поворотъ въ пользу обработки земли. Въ прежнее время, когда работа на фабрикахъ доставляла заработокъ несравненно большій, чѣмъ обработка земли, что объяснялось дешевизной хлѣба и настойчивой потребностью въ рабочихъ рукахъ на фабрикахъ, земледѣліе въ окрестностяхъ города (Иваново-Вознесенска) было почти совсѣмъ заброшено и городскія земли давали маленький доходъ. Но за послѣднее время цѣны на хлѣбъ повысились, между тѣмъ заработная плата на фабрикахъ упала очень низко, воздѣлываніе полей является весьма выгоднымъ, и начинается шить поворотъ къ земледѣлію“²⁾).

Этотъ „поворотъ къ земледѣлію“ былъ временнымъ явленіемъ, вызваннымъ промышленнымъ кризисомъ. Вторая половина 80-хъ годовъ и особенно 90-ые годы характеризуются усиленным ѣтствомъ мужика изъ деревни въ городъ.

Остановимся однако подробнѣе надъ вопросомъ объ измѣненіи заработной платы въ пореформенную эпоху. Я приводилъ цифры заработной платы въ разныхъ родахъ труда на хлопчатобумаж-

¹⁾ Городъ Иваново-Вознесенскъ. Часть 2, стр. 100.

²⁾ Гарелинъ, II. Стр. 70.

ныхъ фабрикахъ Иваново-Вознесенска. Въ прилагаемой таблицѣ читатель найдетъ заработную плату на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда ¹⁾.

Для удобства сравненія я сопоставилъ среднюю мѣсячную плату рабочимъ въ Шуйскомъ уѣздѣ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и въ 1883 году ²⁾.

	1856—58 гг.		1883 г.		Увеличеніе въ %.
	р.	к.	р.	к.	
Прядильщики	14	58	16	25	+ 12
Присучальщики	5	50	10	89	+ 98
Ставильщики	3	50	5	63	+ 61
Трепальщики	7	—	10	—	+ 43
Банкаброшницы	6	—	9	50	+ 58
Ленточницы	5	50	8	—	+ 45
Мотальщицы	9	—	11	25	+ 25
Ткачи механическіе	11	25	11	67	+ 4
Ткачи ручные	6	67	6	37	— 4
Сновальщики ручные	6	4	9	50	+ 57
Набойщики	9	67	12	74	+ 32
Растиральщики	—	98	1	60	+ 63
Рѣзчики	10	83	18	62	+ 72
Клеильщики	7	8	12	—	+ 69
Кузнецы	9	17	23	54	+157
Слесаря	12	17	21	9	+ 73
Столяры	11	25	28	68	+155

По всемъ отраслямъ труда, кромѣ ручного ткачества, наблюдается повышеніе платы. Размѣръ повышенія различенъ. Сильнѣе всего повысилась плата столяровъ и кузнецовъ—болѣе чѣмъ вдвое. Въ другихъ родахъ труда повышеніе было далеко не такъ значительно и въ среднемъ врядъ-ли достигало 50%. Особенно бросается въ глаза ничтожное увеличеніе платы самой многочисленной группы рабочихъ—ткачей и прядильщиковъ. Плата ручныхъ ткачей даже упала.

¹⁾ Эти данныя извлечены изъ отчета фабричнаго инспектора Владимірскаго округа П. Пескова „Фабричный бытъ Владимірскаго губ.“. Спб. 1884.

²⁾ Заработная плата присучальщикамъ, ставильщикамъ, банкаброшницамъ, ленточницамъ, мотальщицамъ, трепальщикамъ взята изъ показаній Гарелина (таблица стр. 203), плата прочимъ рабочимъ по даннымъ Бабурина (та-же таблица).

р ф а б р и к и.

РОДЪ:

Терентьева.

Кокушкина.

Рубачева
Василия.

Рубачева
Ивана.

Посылина.

Обойная
Щеколдина.

Средняя
плата.

К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.

Прядилъ

Присучъ

Присучъ

Трепалъ

Сортиръ

Холстоу

Крутилъ

Банкобъ

Ленточъ

Моталки

Ватерцъ

Ставилъ

Съемцъ

Тазовцъ

Слесаръ

Ученик

Токарь

Столяръ

Ученик

Кузнецъ

Молотъ

Маляръ

Паяль

Газовъ

		9	50	14							11	39
											7	75
											8	45
											6	4
											12	61
	25										7	
											10	67
											6	54
											4	38
											69	24
											6	
											54	7
											10	62
	50										6	25
											72	45
		13		12		12	21	14			12	74
				7	50						7	50
		15	50			19	53				18	62
						10					11	60
	50	7		11	75						10	8
											5	25
	25										11	35
											7	
	50										11	25
											8	50
											5	52
		8	50	12	50			19	50		11	98
	25	6		6	50						6	25
										28	28	
										7	75	7
											7	75
											22	50

Сопоставимъ измѣненіе денежной заработной платы съ измѣненіемъ цѣны хлѣба:

	Средняя цѣна пуда ржаной муки въ Москвѣ ¹⁾ .	Увеличеніе.
1856—58 г.	— р. 56 к.	95 ⁰ / ₀
1881—83 г.	1 „ 09 „	

Цѣна хлѣба повысилась гораздо значительнѣе, чѣмъ заработная плата огромнаго большинства рабочихъ. Принимая цѣну хлѣба мѣрою покупательной силы денегъ, слѣдуетъ заключить, что къ началу 80-хъ годовъ *реальная заработная плата рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда понизилась, въ общемъ, не менѣе, чѣмъ на 20—30⁰/₀.*

Какъ мы видѣли, это подтверждается и показаніемъ такого компетентнаго автора, какъ Гарелинъ. Сильнѣе всего упала заработная плата ручныхъ ткачей; реальная плата механическихъ ткачей и прядильщиковъ должна была сократиться почти вдвое. Заработокъ фабричныхъ мастеровыхъ—кузнецовъ и столяровъ, вѣроятно, возросъ.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой важный фактъ уменьшения реальной платы фабричныхъ рабочихъ въ Шуйскомъ уѣздѣ за два первыхъ десятилѣтія послѣ крестьянской реформы. Сравненіе статистическихъ данныхъ о заработной платѣ и цѣнахъ хлѣба приводитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Гарелинъ на основаніи личныхъ наблюденій.

Однако не нужно преувеличивать размѣры этого явленія. Во-первыхъ, начало 80-хъ годовъ было эпохой промышленной депрессіи, и это могло оказать извѣстное дѣйствіе на заработную плату (хотя, какъ увидимъ ниже, кризисъ повліялъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ главнымъ образомъ на сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ, а не на паденіе ихъ платы). Во-вторыхъ, важно имѣть въ виду, что заработная плата измѣнялась далеко не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ старинномъ центрѣ хлопчатобумажнаго производства, измѣненіе заработной платы могло идти и не совсѣмъ такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Въ крѣпостную эпоху заработная плата въ Ивановѣ и окрестностяхъ стояла значительно выше, чѣмъ въ другихъ менѣе про-

¹⁾ По „Хлѣбопекарному промыслу въ Москвѣ“. Для 1881—83 гг. взята цѣна обыкновенной муки.

мышленныхъ районахъ. Въ новѣйшее время положеніе измѣнилось. Изъ отчета владимірскаго фабричнаго инспектора г. Пескова мы узнаемъ, что „по всеѣмъ занятіямъ заработокъ въ Шуйскомъ уѣздѣ стоитъ ниже заработка въ остальныхъ частяхъ Владимірской губерніи. Причина тому, надо полагать, заключается въ избыткѣ въ Шуйскомъ уѣздѣ предложенія рукъ, происходящемъ отъ сравнительно большаго числа въ этомъ уѣздѣ и въ соѣднемъ съ нимъ—Ковровскомъ—жителей, исключительно живущихъ однимъ только фабричнымъ трудомъ; а также, сколько мнѣ извѣстно, и большей бѣдностью ихъ, въ сравненіи съ жителями остальныхъ мѣстностей губерніи“ ¹⁾.

Итакъ Шуйскій уѣздъ, выдѣлявшійся раньше зажиточностью населенія и высокой заработной платой, въ 80-хъ годахъ выдѣлялся въ другомъ отношеніи—бѣдностью жителей и низкой заработной платой. Потому мы имѣемъ полное основаніе принять, что въ другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи пониженіе реальной заработной платы во всякомъ случаѣ не было столь значительно; къ сожалѣнію, по отсутствію подходящаго цифрового матеріала, вопросъ этотъ не можетъ получить статистическаго освѣщенія.

Перейдемъ теперь къ Московской губерніи. У меня нѣтъ заслуживающихъ довѣрія данныхъ о заработной платѣ на московскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ Николаевское время.

Средняя мѣсячная плата вольнонаемнаго рабочаго въ Москвѣ въ 30—40-хъ годахъ была никакъ не менѣе 30 руб. ассигн. (см. ч. I, гл. VI). Въ началѣ 80-хъ годовъ на текстильныхъ фабрикахъ Московской губерніи взрослый рабочій вырабатывалъ 12¹/₂—20 руб. ²⁾. Это указываетъ на пониженіе не только денежной, но и реальной заработной платы въ Московской губерніи.

Подтверженіемъ этого служитъ вышеприведенный отзывъ Гакстгаузена о высотѣ заработной платы въ Россіи, сравнительно съ платой германскаго рабочаго. Не можетъ быть сомнѣнія, что современная плата фабричнаго рабочаго въ Россіи гораздо ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ. Въ настоящее время Россія выдѣляется среди всеѣхъ другихъ странъ Европы не высокой, но низкой платой. Если сколько-нибудь довѣрять цифрамъ заработной платы, принимаемымъ Гакстгаузеномъ (по его словамъ, обыкно-

¹⁾ Фабричной бытъ Владимірской губерніи. Стр. 81.

²⁾ Фабричный бытъ Московской губ. Стр. 110—111.

венный рабочий получалъ въ Россіи въ 40-хъ годахъ около 1 р. въ день, прядильщикъ 1¹/₂ р., ткачъ 2 р. ассигнац.), то фактъ весьма значительнаго пониженіи реальной заработной платы въ Россіи слѣдуетъ признать весьма вѣроятнымъ.

Можно было-бы предположить, что пониженіе заработной платы во Владимірской и Московской губерніяхъ всецѣло зависѣло отъ промышленнаго кризиса начала 80-хъ годовъ. Но это было-бы не вѣрно. По компетентному свидѣтельству г. Дементьева, „на крупныхъ мануфактурахъ (а всѣ приведенныя данныя о заработной платѣ относятся къ таковымъ) кризисъ отразился преимущественно въ сокращеніи работы съ безостановочной посмѣнной—день и ночь—на одну денную, т. е. выразился уменьшеніемъ числа рабочихъ, но не уменьшеніемъ заработной платы оставшихся на фабрикахъ... на заработокъ рабочихъ, получающихъ плату сдѣльно, кризисъ нигдѣ никакого вліянія не оказалъ, потому что уменьшилось лишь количество рабочихъ, но не расцѣнка работъ. Нѣсколько попытокъ фабрикантовъ уменьшить послѣднюю приводили къ такимъ крупнымъ столкновеніямъ ихъ съ рабочими, что пришлось оставить“ ¹⁾. Заработная плата, подъ вліяніемъ промышленнаго застоя, въ концѣ концовъ понизилась, но это пониженіе произошло *послѣ 1883 г.*— въ 1884 и 1885 г., что и повело къ извѣстнымъ волненіямъ рабочихъ въ Московской и Владимірской губерніяхъ.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что послѣ освобожденія крестьянъ заработная плата фабричныхъ рабочихъ измѣнялась въ другомъ направленіи, чѣмъ раньше. Въ крѣпостную эпоху заработная плата росла—послѣ освобожденія падала. И это вполне понятно. Быстрое развитіе капитализма, разрушеніе старинныхъ бытовыхъ устоевъ русскаго хозяйственнаго строя—не могли повести къ другимъ послѣдствіямъ. Въ слѣдующей главѣ я буду подробно говорить о характерномъ для пореформенной эпохи паденіи кустарныхъ промысловъ подъ вліяніемъ конкуренціи крупныхъ фабрикъ. Дифференціація деревни, уменьшеніе земельной обеспеченности мужика, благодаря быстрому росту населенія, исчезновеніе во многихъ мѣстахъ подеобныхъ заработковъ, раньше дававшихъ крестьянину возможность пополнять дефициты своего бюджета,—все это не могло не погнать мужика изъ деревни. Ростъ отхожихъ промысловъ, какъ я буду говорить ниже, наблюдается въ

¹⁾ Е. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва, 1897 г. Изд. 2. Стр. 120.

новѣйшее время во многихъ частяхъ Россіи. Какъ ни быстъ увеличивался спросъ на рабочихъ, благодаря развитію крупной промышленности, предложеніе рабочихъ рукъ росло еще быстрѣе. Въ результатѣ получилось паденіе заработной платы и ухудшеніе условій труда.

Первая четверть вѣка послѣ великой реформы 19 февраля была для Россіи въ экономическомъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ были 30-е и 40-е годы для Англіи. Развитіе капиталистическаго производства и вытѣсненіе ручной домашней работы машинной работой на фабрикахъ вызвало въ Англіи такой же кризисъ, какъ перенесла и Россія. Въ другомъ мѣстѣ (въ книгѣ „Промышленные кризисы въ современной Англіи“) я подробно описываю тяжелое положеніе англійскаго рабочаго класса (особенно ручныхъ ткачей-кустарей) во второй четверти этого вѣка. „Какъ общеправило, въ Англіи въ теченіе первой половины XIX столѣтія понижалась заработная плата всѣхъ рабочихъ, работа которыхъ не требовала долгаго предварительнаго обученія. Развитіе капитализма вызвало образованіе избыточнаго населенія, котораго не знала Англія прежняго времени. Сельскіе рабочіе, которые должны были бросить земледѣліе, мелкіе производители, которые не могли выдержать конкуренціи съ крупнымъ производствомъ, рабочіе вытѣсненные машинами, представители всевозможныхъ профессій процвѣтавшихъ при прежнемъ порядкѣ, и неприспособленные къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ—вся эта масса рабочаго люда лишилась своихъ прежнихъ заработковъ и должна была устремиться въ тѣ отрасли промышленности, которыя были для всѣхъ доступны. Образованіе избыточнаго населенія, выбитаго изъ обычной колеи, составляетъ необходимое слѣдствіе всякихъ крупныхъ промышленныхъ переворотовъ“ ¹⁾.

Все это столь-же примѣнимо къ пореформенной Россіи, какъ и къ Англіи первой половины вѣка. И въ Россіи сельское населеніе послѣ освобожденія крестьянъ стало уходить отъ земли, и въ Россіи крупное производство вступило въ жестокую борьбу съ мелкимъ; торжество фабрики надъ кустаремъ у насъ, какъ и на Западѣ, не могло не выразиться паденіемъ заработной платы фабричнаго рабочаго, тѣмъ болѣе, что условія самозащиты фабричнаго рабочаго у насъ совершенно инныя.

¹⁾ Промышленные кризисы въ современной Англіи. Спб. 1894 г. Стр. 67—68.

Итакъ капитализмъ приводитъ только къ обнищанію народной массы, къ ухудшенію положенія производителя? Дѣйствительно, опытъ всѣхъ капиталистическихъ странъ, такъ же, какъ и теорія, показываетъ, что *первыя стадіи* развитія капиталистическаго производства сопровождаются ухудшеніемъ положенія трудящагося класса. То же происходило и у насъ. Исторія идетъ не по розамъ. Но тотъ же опытъ, равно какъ и теорія, не менѣе убѣдительно говоритъ, что единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается *въ дальнѣйшемъ развитіи капиталистическаго производства*. Англія пережила тяжелый кризисъ въ эпоху борьбы машиннаго и ручнаго производства, но когда переходный періодъ кончился и машина побѣдила въ важнѣйшихъ отрасляхъ труда, когда кустари перестали конкурировать съ фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положеніе рабочаго класса стало улучшаться. ¹⁾

„Мы страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія“. Эта знаменитая фраза Маркса неоднократно цитировалась въ нашей литературѣ— и дѣйствительно, она наилучшимъ образомъ характеризуетъ въ сжатой формѣ положеніе всѣхъ странъ, находящихся на первыхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія. Единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ капитализма заключается въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Въ какой же стадіи находится Россія — пережила-ли она уже самое тяжелое въ этомъ переходномъ періодѣ, или самое худшее для нея еще впереди? Первое представляется болѣе вѣроятнымъ. Въ прилагаемой таблицѣ сопоставлена плата рабочимъ въ Московской и Владимірской губерніяхъ за 1883 и 1896 гг., за первый годъ—по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ гг. Янжула и Пескова, за второй — по даннымъ выпедшаго въ 1896 г. изданія департамента торговли и мануфактуръ, — „Продолжительность рабочаго дня и заработная плата рабочихъ въ 20-ти наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи“. Эти послѣднія данныя доставлены также старшими фабричными инспекторами. Чтобы сдѣлать цифры заработной платы въ 1883 и 1896 году сравнимыми между собой, я выбралъ изъ отчетовъ гг. Янжула и Пескова и названнаго изданія тѣ фабрики и тѣ роды труда,

¹⁾ Это признаетъ и Энгельсъ, въ предисловіи ко второму изданію своей извѣстной книги „Die Lage der arbeitenden Klasse in England.“

которые приводятся какъ за 1883, такъ и за 1896 годы. Та фабрикъ оказалось очень не много—но зато приводимыя можно сравнивать, не рискуя сопоставить совершенно разныя и несравнимыя между собой величины.

Изъ приводимой таблицы видно, что денежная зарплата почти по всѣмъ родамъ труда повысилась — въ среднемъ на 10—15%.

Этотъ выводъ можно повѣрить данными, приводимыми слѣдованіи г. Шестакова „Рабочіе на мануфактурѣ т-ва Циндель“ (Москва 1900) ¹⁾:

		Средній годовой заработокъ 1 муж- чины на фабрикѣ Циндель.
за	1886—90 гг.	236 р. 60 к.
„	1891—95 „	231 „ 60 „
„	1896—98 „	247 „ 30 „

Незначительность увеличенія заработка объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что за два послѣдніе года на фабрикѣ произошло значительное измѣненіе состава рабочихъ—было привлечено къ работѣ много чернорабочихъ, трудъ которыхъ оплачивается гораздо ниже, и были отпущены выше оплачиваемыя сверхурочныя часы. Поэтому правильнѣе взять для сравненія 1886—96 годы.

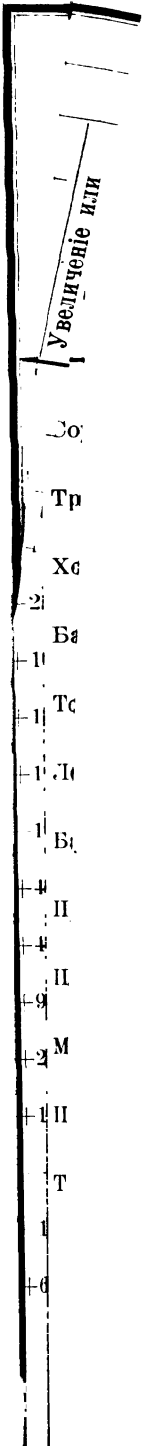
		Средній зар- ботокъ мужчинъ
1886 г.	235 р.	
1896 „	270 „	

Увеличеніе достигаетъ 15%—т. е. детальныя данныя г. Шестакова для одной фабрики вполнѣ подтверждаютъ выводы, полученные нами изъ приведеннаго сопоставленія заработныхъ платъ на разныхъ фабрикахъ. Повышеніе заработныхъ платъ за періодъ 1886—96 гг. было, во всякомъ случаѣ, невелико. Значительнѣе плата повысилась послѣ 1896 г. „Въ 1895—1896 гг. сообщается г. Шестаковъ, — поденная плата на фабрикѣ въ Циндель равнялась 59,65 к., по даннымъ же 1898—99 гг. она составляется уже 67,2 коп. Такимъ образомъ на протяжении этихъ трехъ лѣтъ поденная заработная плата увеличилась на 13% или почти на 13%“ ²⁾.

¹⁾ Шестаковъ, 3.

²⁾ Шестаковъ, 3.

Н а

Въ виду этого можно думать, что къ концу 90-хъ годовъ, сравнительно съ началомъ 80-хъ, денежная плата фабричныхъ рабочихъ въ Московскомъ районѣ повысилась на 20—25%. Но Московскій районъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ ростъ промышленности за послѣднее время былъ особенно силенъ. Въ быстро развивающихся промышленныхъ центрахъ Юга заработная плата, повидимому, возросла гораздо болѣе. Это констатируется на основаніи личныхъ наблюдений г. Брандтомъ въ его книгѣ „Иностранные капиталы“. Примѣромъ можетъ служить измѣненіе заработной платы на Юзовскомъ заводѣ. Въ 1884—85 гг. заработная плата на этомъ заводѣ по многимъ отраслямъ труда спускалась до 30—40 к. въ день и ни въ какой отрасли не превосходила 3 р. 70 к. въ день. Въ 1897 низшая плата (чернорабочихъ) на томъ же заводѣ не спускалась ниже 70 к. въ день, а высшая достигала 6 р. Средній заработокъ рабочихъ на этомъ заводѣ равнялся въ 1897 г.: для рабочихъ по производству капитальныхъ сооружений — 89 к. въ день, для рабочихъ поденныхъ—92 к. и для сдѣльныхъ—1 р. 34 к. ¹⁾ Средній мѣсячный заработокъ по всему заводу равнялся 27 р. 35 к. на человѣка. Повидимому, денежная заработная плата на желѣзодѣлательныхъ заводахъ Юга возрасла со времени начала восьмидесятыхъ годовъ почти вдвое.

Все это побуждаетъ насъ признать, что въ общемъ за новѣйшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась. Размѣръ этого повышенія, разумѣется, опредѣлить невозможно.

Въ задачу этой книги не входитъ характеристика современнаго положенія нашего фабричнаго рабочаго. Чтобы освѣтить этотъ предметъ съ такой полнотой, которой онъ заслуживаетъ, потребовался бы цѣлый томъ, который я и предполагаю выпустить въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ. Потому я совсѣмъ не буду касаться условій труда на нашихъ фабрикахъ въ настоящее время, и скажу только нѣсколько словъ о связи нашего фабричнаго рабочаго съ земледѣлемъ.

Что такое современный фабричный рабочій въ Россіи—крестьянинъ, сидящій на землѣ и восполняющій недостатки въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ случайной работой на фабрикахъ, или же пролетарій, тѣсно связанный съ фабрикой и живущій продажей своей рабочей силы? Обычный отвѣтъ гласитъ, что у насъ не существуетъ фабричнаго пролетаріата. Нашъ фабричный не

¹⁾ Брандъ, т. II стр. 264, 252.

похожъ на западно-европейскаго—у него всегда есть свой кровъ своя земля, куда онъ можетъ вернуться въ случаѣ нужды. Даже „вывариваясь въ фабричномъ котлѣ“, мужикъ остается тѣмъ-же мужикомъ, покорнымъ „власти земли“.

Недавно вышедшая превосходная книга г. Дементьева совершенно опрокидываетъ это воззрѣніе. Г. Дементьевъ произвелъ, по порученію московскаго губернскаго земства, тщательное обследованіе фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ въ 3-хъ уѣздахъ Московской губерніи — Серпуховскомъ, Коломенскомъ и Бронницкомъ. Результаты этого обследованія, по справедливому замѣчанію авторовъ приложимы, съ небольшими быть можетъ поправками, ко всему промышленному району центральной Россіи ¹⁾.

Къ чему же пришелъ г. Дементьевъ? Онъ самъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ главнѣйшій результатъ своей работы: „я предположительно наше мнѣніе и не случаенъ нашъ выводъ изъ ряда цифровыхъ данныхъ, заставляющій опровергать ходячее представленіе объ отсутствіи у насъ спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, потерявшихъ уже всякую связь съ землей. Нѣтъ сомнѣнія, классъ этотъ еще не великъ. Но дѣло не въ численности, а въ условіяхъ, быстро создающихъ его, со всѣми неразрывно связанными съ этимъ послѣдствіями“ ²⁾.

По обследованію г. Дементьева, сокращеніе числа рабочихъ въ лѣтнее время на небольшихъ фабрикахъ, пользующихся исключительно ручнымъ трудомъ, дѣйствительно объясняется уходомъ значительной части рабочихъ на полевые работы. Но зато сокращеніе рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, пользующихся машинами, зависитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ—и, главнымъ образомъ, отъ повышенія цѣны на рабочія руки лѣтомъ. Фабрики предпочитаютъ усиленно работать зимой при низкой платѣ рабочимъ и сокращать производство лѣтомъ, въ періодъ высокой заработной платы,

Число рабочихъ, уходящихъ на полевые работы съ фабрикъ (за исключеніемъ рогожныхъ), по расчету г. Дементьева, для взрослыхъ рабочихъ составляетъ 14,1% всѣхъ рабочихъ, для несовершеннолѣтнихъ—11,9%. По отдѣльнымъ родамъ производства процентъ рабочихъ, бросающихъ фабрику лѣтомъ, очень различенъ. Такъ среди ручныхъ бумажныхъ ткачей только 18% рабо-

¹⁾ Дементьевъ, Предисловіе къ 1-му изданію.

²⁾ Дементьевъ, Предисловіе къ 2-му изданію.

таетъ круглый годъ на фабрикъ. Мелкія бумаготкацкія фабрики совсѣмъ перестаютъ лѣтомъ работать. Почти то же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкихъ. На кожевенныхъ и овчинодубильныхъ заводахъ покидаетъ заводъ для полевыхъ работъ до 53,7% рабочихъ. Изъ рабочихъ на фарфоровыхъ и фаянсовыхъ фабрикахъ фабрику покидаетъ около $\frac{1}{3}$ рабочихъ. Изъ ткачей на суконныхъ фабрикахъ уходитъ на полевые работы 37,7%. Но здѣсь уже ясно сказывается вліяніе машиннаго производства: уходятъ исключительно ручные ткачи; изъ ткачей же, работающихъ на самоткацкихъ станкахъ, на полевые работы не уходитъ никто. „На бумагопрядильныхъ же и ткацкихъ фабрикахъ, работающихъ исключительно паровою силою, число рабочихъ, не разорвавшихъ связи съ землей, во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ ткацкаго, колеблется лишь отъ 4—7%. И если мы видимъ увеличеніе численности рабочихъ этого рода среди самоткачей до 12 %, то это только потому, что почти на всѣхъ самоткацкихъ фабрикахъ есть извѣстное количество запасныхъ ткачей, не только малолѣтнихъ или подростковъ, но и взрослыхъ“.

На красильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ значеніе машины какъ фактора, порывающаго связь фабричнаго рабочаго съ землей, также очевидно. А именно, на ручныхъ фабрикахъ этого рода около 36% взрослыхъ рабочихъ уходятъ на полевые работы, на механическихъ—только 8%. Изъ числа фабричныхъ мастеровыхъ — литейщиковъ, маляровъ, кровельщиковъ, паяльщиковъ и пр.—только 3,30% еще уходятъ въ деревню.

Всѣ эти данныя приводятъ г. Дементьева къ слѣдующему заключенію. „Во-первыхъ, что съ фабриками, работающими механическою силою, неразрывно связано отчужденіе рабочихъ отъ земли; во-вторыхъ, что на тѣхъ же, работающихъ механическою силою, фабрикахъ это отчужденіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большую спеціализацію представляетъ то или другое занятіе... Важнѣйшая причина, заставляющая рабочихъ порывать связь съ землей—это переходъ отъ ручнаго производства на механическое“¹⁾.

Но изъ этихъ 14% рабочихъ, на время покидающихъ фабрику, (если включить и рогожныя фабрики, то процентъ рабочихъ, покидающихъ фабрику, увеличится до 18), не всѣ уходятъ на столь продолжительные сроки, чтобы дѣйствительно не порывать связь съ землей. 12% всѣхъ рабочихъ, уходящихъ съ фабрикъ, уходитъ

¹⁾ Дементьевъ, стр 4—11, 26.

всего на срокъ 1—4 недѣли, 14⁰/₀ на срокъ 4—6 недѣль, и остальные 74⁰/₀—на срокъ болѣе продолжительный, при чемъ наибольшее число (около 30⁰/₀) на срокъ 2—3 мѣсяцевъ.

„Въ настоящее время лишь по очень немногимъ производствамъ фабрики сохраняютъ свой прежній, обычный когда-то для нашихъ фабрикъ, характеръ заведеній, гдѣ населеніе работало лишь въ теченіе того времени въ году, котороѣ остается отъ главнаго ихъ занятія—земледѣлія. Такой характеръ сохраняютъ рогожныя фабрики, на которыхъ рабочіе остаются преимущественно полгода и во всякомъ случаѣ не болѣе 8 мѣсяцевъ. Такой же характеръ сохранили еще мелкія фабрики, стоящія на рубежѣ кустарныхъ заведеній, каковы мелкія ткацкія, канительныя, фарфорово-живописныя и т. п. Но какъ только эти же фабрики расширяются до болѣе крупныхъ заведеній, хотя и ведущихъ свое производство исключительно ручнымъ трудомъ, такъ тотчасъ же начинается вліяніе капитализма: на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ четвертая часть рабочихъ уже вовсе не уходитъ на полевые работы и круглый годъ остается на фабрикахъ; еще сильнѣе въ этомъ смыслѣ вліяютъ фарфоровыя и въ особенности ситценабивныя фабрики. Переходъ ручного производства въ механическое и неразрывно связанная съ нимъ концентрація его въ крупныя промышленныя заведенія тотчасъ разобщаетъ рабочихъ съ землей настолько, что рабочіе, уходящіе на полевые работы, составляютъ здѣсь лишь исключеніе“¹⁾.

Г. Дементьевъ дѣлаетъ любопытныя указанія относительно мѣръ, которыя принимались и принимаются крупными фабрикантами для того, чтобы оторвать рабочаго отъ земли, сдѣлать его профессиональнымъ рабочимъ, исключительно посвящающимъ себя фабрикѣ. Такъ на многихъ фабрикахъ рабочій, оставившій фабричную работу зимой, не терялъ заработной платы, въ лѣтнее же время уплачивалъ высокій штрафъ (доходившій до мѣсячной заработной платы и болѣе). Но во многихъ отрасляхъ труда подобныя стѣснительныя мѣры, насильственно привязывающія рабочаго фабрикѣ въ лѣтнее время, совсѣмъ перестали практиковаться въ началѣ 80-хъ годовъ—очевидно потому, замѣчаетъ г. Дементьевъ, что въ этихъ отрасляхъ труда „фабрика уже выработала себѣ специальныхъ рабочихъ и заставила ихъ забыть связь съ землей“.

Интересна характеристика современнаго фабричнаго рабочаго.

¹⁾ Дементьевъ, 36—37.

даваемая г. Дементьевымъ. „Какія бы причины ни способствовали преобразованію прежняго земледѣльца въ фабричнаго рабочаго, но эти спеціальныя рабочіе уже существуютъ. Они только числятся крестьянами, но связаны съ деревней лишь податями, которыя носятъ ими при перемѣнѣ паспортовъ, ибо на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ въ деревнѣ ни хозяйства, ни сплосъ и рядомъ даже дома, обыкновенно проданнаго. Даже право на землю они сохраняютъ лишь юридически, и безпорядки на фабрикахъ въ 1885—86 гг. на многихъ фабрикахъ показали, что эти рабочіе сами считаютъ себя совершенно чуждыми деревнѣ, точно такъ же, какъ крестьяне деревни, въ свою очередь, смотрятъ на нихъ, потомковъ своихъ дворянъ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ. Передъ нами, слѣдовательно, уже сформировавшійся классъ рабочихъ, не имѣющихъ своего крова, не имѣющихъ фактически никакой собственности—классъ, ничѣмъ не связанный и живущій изо дня въ день. И онъ образовался не со вчерашняго дня. Онъ имѣетъ уже свою фабричную генеалогію и для немалой своей части насчитываетъ уже третье поколѣніе“¹⁾.

Г. Дементьевъ опросилъ поименно 18.576 рабочихъ, и оказалось, что у 55% отцы работали на фабрикахъ. А такъ какъ число рабочихъ у насъ быстро растетъ и составъ рабочаго класса долженъ по необходимости пополняться выходцами изъ деревни, то столь значительный процентъ рабочихъ, во второмъ поколѣніи работающихъ на фабрикахъ, указываетъ на рѣдкость обратнаго возвращенія изъ фабрики въ деревню. Разъ мужикъ попалъ на фабрику—онъ уже на ней и остается, и не только онъ самъ, но и его дѣти „вывариваются въ фабричномъ котлѣ“. Земля теряетъ надъ нимъ свою власть, и изъ земельного собственника онъ превращается въ пролетарія.

Къ сходнымъ результатамъ приводитъ и сравненіе возраста поступленія рабочихъ на фабрику, произведенное профессоромъ Эрисманомъ для фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи. Оказывается, что только около 9% рабочихъ, взятыхъ для сравненія, поступили на фабрику по достиженіи 25-тилѣтняго возраста, малолѣтнемъ же возрастѣ поступило на фабрику 63%, или по $\frac{2}{3}$ всѣхъ рабочихъ. Это наблюденіе заставляетъ Эрисмана заключить: „мы здѣсь имѣемъ дѣло, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,

1) Дементьевъ, 46.

съ настоящимъ рабочимъ сословіемъ, такъ сказать, съ истинными, а не случайными фабричными рабочими“ ¹⁾).

Несмотря на это, около 94% фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи состоитъ изъ крестьянъ. Но, очевидно, эти крестьяне, числящіеся „земледѣльцами“, на самомъ дѣлѣ являются тѣмъ избыточнымъ населеніемъ, которое деревня выбрасываетъ изъ тѣсныхъ рамокъ сельскаго міра; для многихъ изъ этихъ „крестьянъ“ ихъ принадлежность къ крестьянскому міру выражается лишь подневольнымъ положеніемъ по отношенію къ сельскому обществу, круговой отвѣтственностью по податямъ, зависимостью въ полученіи паспорта и пр.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи крестьяне составляютъ не такой значительный процентъ фабричныхъ рабочихъ. Такъ въ Богородскомъ уѣздѣ рабочіе не-крестьяне достигаютъ почти $\frac{1}{4}$ всѣхъ рабочихъ. Этотъ фактъ заставляетъ г. Погожева „признать несомнѣнный фактъ существованія въ Россіи довольно многочисленнаго пролетаріата“ ²⁾. Эти рабочіе не-крестьяне въ весьма значительной мѣрѣ потомки тѣхъ посессионныхъ фабричныхъ, о которыхъ мнѣ приходилось говорить въ III главѣ I части этой книги. Но дѣйствительная численность фабричнаго пролетаріата, какъ сказано, далеко превосходитъ численность рабочихъ не-крестьянъ.

Чтобы вполне оцѣнить значеніе приведенныхъ данныхъ, нужно имѣть въ виду, что наблюденія г. Дементьева относятся къ 1884—85 гг. Съ тѣхъ поръ много воды утекло; машина сдѣлала гигантскіе успѣхи, концентрація производства пошла впередъ, мелкія полукустарныя заведенія совершенно отступили на задній планъ передъ огромными механическими фабриками. Если въ началѣ 80-хъ годовъ менѣе $\frac{1}{5}$ фабричныхъ рабочихъ уходило на полевые работы, то теперь, безъ сомнѣнія, такихъ рабочихъ гораздо менѣе.

Впрочемъ, нельзя не согласиться съ г. Авиловымъ, указавшимъ въ интересной работѣ „Къ вопросу о связи съ земледѣліемъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ“, что возвращеніе на полевые работы является еще недостаточнымъ критеріемъ для опредѣленія степени

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Санитарный отдѣлъ, т. IV, ч. I. Стр. 289.

²⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ Санитарный т. III, в. XI.

очности связи фабричного рабочего съ землей. Связь эта мотъ выражаться и дѣйствительно выражается самыми разнообразными способами: посылкой денегъ фабричного рабочего въ деревню, содержаніемъ семьи въ деревнѣ, наконецъ возвращеніемъ деревню, въ случаѣ временной базработицы, болѣзни, увѣчья, и старости. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой формѣ связь землей нашего фабричного рабочего въ значительномъ большинствѣ случаевъ еще не порвалась и еще долго не порвется.

ульце-Геверницъ установилъ, на основаніи изученія условій жизни рабочихъ на фабрикахъ, любопытную схему, какимъ образомъ происходитъ разрываніе связи съ землей и превращеніе вѣстьянина, случайно работающаго на фабрикѣ, въ настоящаго фабричнаго пролетарія. На первой стадіи связь съ землей еще очень велика. Фабричные рабочіе (къ этому типу принадлежатъ преимущественно мелкія фабрики, расположенныя по деревнямъ) имѣютъ особенныхъ спаленъ и столовыхъ на фабрикахъ, спать въ попало въ самыхъ рабочихъ помѣщеніяхъ и ѣдятъ пищу, присимую изъ дому. Контингентъ рабочихъ составляется изъ крестьянъ близкихъ къ фабрикѣ деревень. Это еще въ полномъ смыслѣ слова мужики, исконные земледѣльцы, загнанные нуждой несвойственную имъ и тягостную для нихъ обстановку фабричной жизни, которую они покидаютъ при первой возможности, чтобы вернуться къ землѣ. На второй стадіи связь съ фабрикой уже интимнѣе, а съ землей слабѣе. Рабочіе живутъ въ особыхъ фабричныхъ казармахъ, столуются артелями и нерѣдко уходятъ на фабрику на полевые работы. Семья ихъ остается въ деревнѣ, въ главнымъ образомъ сосредоточены ихъ помыслы и симпатіи. На третьей стадіи и на фабрикѣ начинаетъ появляться семейная жизнь, рабочіе начинаютъ индивидуализироваться, оставлять артели, чтобы харчиться съ женой; появляются семейныя спальни. Но связь съ деревней не прекращается окончательно—рабочіе посылаютъ деньги въ деревню, имѣютъ тамъ свое хозяйство, нерѣдко возвращаются на побывку домой, отсылаютъ дѣтей. Наконецъ на четвертой стадіи фабричный рабочій становится полнымъ пролетаріемъ, живущимъ постоянно при фабрикѣ на наемной квартирѣ и въ фабричной камерѣ со всей своей семьей.

Всѣ четыре стадіи этого процесса существуютъ одновременно въ различныхъ фабрикахъ и отрасляхъ промышленности, при этомъ чѣмъ крупнѣе фабрика и чѣмъ большую роль играетъ въ ней примѣненіе машины, тѣмъ ближе она къ 4-й стадіи. Наиболѣе

типичной для современнаго русскаго фабричнаго является, по видимому, третья стадія. Въ цитированной работѣ г. Шестакова имѣются весьма интересныя наблюденія по этому пункту.

На ситценабивной фабрикѣ Цинделя въ Москвѣ, которую описываетъ г. Шестаковъ, въ 1898 г. было 2553 рабочихъ. Поименному опросу было подвергнуто 1417 мужчинъ. Оказалось, что 94,2% ихъ—крестьяне (процентъ крестьянъ на фабрикѣ Цинделя совпадаетъ, такимъ образомъ, съ среднимъ для фабрикъ Московской губерніи) 87% рабочихъ оказалось не старше 40 лѣтъ. На долю рабочихъ старше 45 лѣтъ приходилось лишь 6,8% рабочихъ. Очевидно, и на русскихъ фабрикахъ, какъ и на англійскихъ, рабочему старше 45 лѣтъ крайне трудно найти работу на фабрикѣ¹⁾.

Изъ числа крестьянъ-рабочихъ на фабрикѣ Цинделя, безземельныхъ было немного болѣе 9%, но изъ числа послѣднихъ немного менѣе половины (3,82% всего числа крестьянъ рабочихъ) сохранили еще нѣкоторую связь съ деревней въ формѣ владѣнія въ деревнѣ избыи или постройками.

Что касается крестьянъ—рабочихъ имѣющихъ надѣлы, то ихъ связь съ деревней еще не порвалась и выражается въ томъ, что ихъ семьи владѣютъ землей въ деревнѣ и въ большинствѣ случаевъ ведутъ земледѣльческое хозяйство. Но хозяйство это весьма жалкое. Въ среднемъ выводѣ рабочіе, имѣвшіе надѣлы въ деревнѣ, владѣли въ ней на вѣдока: 0,57 десятины земли, 1/7 лошади и менѣе 1/7 коровы. 22,7% рабочихъ—крестьянъ, имѣвшихъ надѣлы, совсѣмъ не имѣло скота—ни коровы, ни лошади. 14,3% тѣхъ же рабочихъ не вело самостоятельнаго хозяйства и сдавало землю въ аренду.

Общее число не ведущихъ самостоятельнаго сельскаго хозяйства (включая сюда некрестьянъ, безнадѣльныхъ и сдающихъ надѣлы въ аренду) равнялось 26,7%, всего числа рабочихъ, при чемъ не крестьянъ, какъ сказано, было 5,8%, безнадѣльныхъ было 8,6%, а сдающихъ надѣлы въ аренду—12,3% всѣхъ рабочихъ. Никакой связи съ деревней не имѣло 10,8% рабочихъ—некрестьянъ или крестьянъ, не имѣвшихъ въ деревнѣ ни надѣла, ни построекъ. У 10% рабочихъ связь съ деревней сохранялась въ весьма ограниченномъ видѣ. Эти рабочіе не вели самостоятельнаго сельскаго хозяйства, но владѣли въ деревнѣ постройками или землей. У остальныхъ 73,3% рабочихъ связь съ землей была гораздо сильнѣе: они

¹⁾ См. мою книгу „Промышленные кризисы“ 1900, заключеніе.

или не только мелкими, вѣрнѣе, ничтожными землевладѣльцами, но и, чрезъ посредство своихъ семей, земледѣльцами, хотя опять таки, разумѣется, въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Но личнаго участія въ полевыхъ работахъ огромное большинство фабричныхъ рабочихъ не принимало: на полевые работы уходитъ только 12,6% рабочихъ-крестьянъ. Этотъ процентъ, отнесенный ко всему числу рабочихъ, (крестьянъ и не-крестьянъ) даетъ 11,9% рабочихъ, уходящихъ на полевые работы. Такимъ образомъ мы получаемъ вѣдующее статистическое выраженіе степени связи съ землей рабочихъ на фабрикѣ Цинделя.

) Уходящіе на полевые работы и ведущіе самостоятельное сельское хозяйство.	11,9%
) Не уходящіе на полевые работы, но ведущіе при посредствѣ семей самостоятельное сельское хозяйство.	61,4 „
) Не ведущіе самостоятельнаго сельскаго хозяйства, но сдающіе надѣлы въ аренду.	12,3 „
) Не имѣющіе надѣла, но имѣющіе постройки въ деревнѣ.	3,6 „
) Не имѣющіе съ деревней никакой связи.	10,8 „
Итого	100 „

Рабочіе первой, довольно немногочисленной категоріи еще на оловину земледѣльцы; рабочіе второй, наиболѣе многочисленной категоріи сами являются постоянными фабричными рабочими и не знаютъ или отвыкли отъ земледѣльческаго труда, но семьи ихъ живутъ сельскимъ хозяйствомъ и земледѣльческіе интересы сохраняютъ для нихъ свое значеніе; рабочіе третьей категоріи совершенно отстали отъ земледѣлія, но еще получаютъ отъ него нѣкоторые оходы (или расходы, если арендная плата не покрываетъ лежащихъ на землѣ повинностей) и владѣютъ земельной собственностью; рабочіе четвертой категоріи порвали и съ сельскимъ хозяйствомъ съ землевладѣніемъ, но сохраняютъ свой уголь въ деревнѣ, гдѣ могутъ найти пріютъ въ случаѣ нужды; наконецъ послѣдняя группа представляетъ уже пролетаріевъ *pur et simple*.

По всей вѣроятности, данныя на фабрикѣ Цинделя типичны для Московскаго района, (подтвержденіемъ этого можетъ служить близость процента крестьянъ на фабрикѣ, процента рабочихъ, отцы которыхъ работали на фабрикѣ и процента уходящихъ на по-

левья работы, къ установленнымъ гг. Дементьевымъ и Эрисманомъ для болѣе обширныхъ фабричныхъ районовъ Московской губерніи). Если такъ, то слѣдуетъ признать, что связь съ землей фабричнаго рабочаго хотя и ослабѣваетъ, но все еще велика.

Эта связь является пока экономически необходимой, и поэтому она такъ упорно держится. Пока заработная плата нашего фабричнаго рабочаго такъ ничтожна, что содержаніе семьи при фабрикѣ для него невозможно, до тѣхъ поръ связь съ деревней не можетъ не сохраняться. Но съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта связь является, въ свою очередь, одной изъ причинъ, обуславливающихъ низкій уровень заработной платы нашего фабричнаго рабочаго; на западѣ фабрикантъ оплачиваетъ все содержаніе рабочей семьи, у насъ же, благодаря связи рабочаго съ землей, фабрикантъ оплачиваетъ только часть расходовъ по содержанію семьи рабочаго, а остальные покрываются самостоятельнымъ хозяйствомъ семьи рабочаго. Такимъ образомъ „связь съ землей“ — и причина и слѣдствіе низкой заработной платы. Отсутствие строгой дифференціаціи между земледѣльческимъ и промышленнымъ трудомъ составляетъ далѣе одну изъ могущественныхъ причинъ невысокаго уровня производительности труда русскаго рабочаго, что, въ свою очередь, является моментомъ, препятствующимъ повышенію заработной платы. Содержаніе двухъ самостоятельныхъ домашнихъ хозяйствъ — одно въ деревнѣ, другое на фабрикѣ, представляется само по себѣ крупнымъ экономическимъ зломъ для рабочаго и источникомъ многихъ личныхъ расходовъ, тяжело ложащихся на его скудный бюджетъ.

Къ этимъ экономическимъ невыгодамъ господствующаго у нашихъ фабричныхъ рабочихъ строя домашняго хозяйства (отецъ — на фабрикѣ, а семья въ деревнѣ) прибавляются огромныя неудобства чисто моральнаго свойства. Только крайне низкій уровень потребностей и привычка все претерпѣвать позволяютъ русскому рабочему мириться съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ семейные узы почти лишаются моральнаго содержанія и превращаются въ почти исключительно экономическую связь ¹⁾. Чѣмъ болѣе русскій рабочій будетъ чувствовать себя человѣкомъ и чѣмъ менѣе безгласнымъ рабочимъ скотомъ, тѣмъ тягостнѣе и невыно-

1) Въ небольшомъ очеркѣ г. Вересаева „Въ сухомъ туманѣ“ талантливо изображены неразрѣшимые конфликты, которые возникаютъ на этой почвѣ.

имѣ ему будетъ эта связь съ деревней. Полный разрывъ этой связи поэтому неизбеженъ, и чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ лучше. Но связь можетъ порваться лишь тогда, когда заработная плата рабочаго достаточно повысится, чтобы дать ему возможность содержать свою семью около себя.

Повидимому, получается такой безвыходный кругъ: для повышения заработной платы необходимо прекращеніе „связи съ землей“, а для прекращенія „связи съ землей“ необходимо повышение заработной платы. Но это противорѣчіе не неразрѣσιμο. Оно, какъ и многія другія противорѣчія русской жизни, можетъ и будетъ рѣшено—дальнѣйшимъ экономическимъ развитіемъ Россіи.

ГЛАВА IV.

Борьба фабрики съ кустаремъ.

Измѣненіе условій конкуренціи фабричной и домашней промышленности въ новѣйшее время.—Сокращеніе числа домашнихъ рабочихъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ.—Паденіе ручного ткачества въ разныхъ отрасляхъ труда.—Раздробленіе производства—чѣмъ оно вызывается.—Металлическіе кустарные промыслы.—Гвоздарный промыселъ.—Павловскіе замочки.—Почему въ Павловѣ кустарная мастерская становится мельче, а въ Загарѣ крупнѣе.—Упадокъ тѣсныхъ промысловъ.—Значеніе вздорожанія сырья.—Гончарничество.—Щеточный промыселъ Московской губ.—Развитіе новыхъ промысловъ подъ вліяніемъ фабрики. Экскурсія въ область англійскихъ экономическихъ отношеній.—Англійскіе кустарные промыслы.—Сходство положенія англійскаго и русскаго кустаря.—Взгляды англичанъ на способы борьбы со зломъ домашней системы.—Бѣгство мужика изъ деревни въ городъ.—Чѣмъ оно вызывается, по отзывамъ мѣстныхъ наблюдателей.—Вліяніе отхода на экономическое положеніе населенія въ Костромской губ.—Отходъ и грамотность въ Костромской и Ярославской губерніяхъ.

Въ дореформенной Россіи фабрика не только не замѣщала кустарной избы, но, наоборотъ, очень энергично содѣйствовала росту кустарнаго производства. Мелкое производство даже вытѣсняло крупное; это, впрочемъ, отнюдь не означало торжества „народной“ промышленности надъ капиталистической, такъ какъ и та и другая имѣли капиталистическій характеръ: на фабрикѣ производствомъ управлялъ промышленный капиталъ, а въ кустарной промышленности—торговый капиталъ. И торговый капиталъ въ ту эпоху нашей исторіи оказывался сильнѣе промышленнаго, побѣждалъ его; капиталистъ находилъ для себя выгоду руководить только сбытомъ продуктовъ, завѣдывать *рынкомъ*, оставляя самый процессъ производства въ избѣ производителя. Я указывалъ выше, что успѣхи кустарной промышленности всецѣло обуславливались техникой производства: въ то время машина почти не

роникала въ важнѣйшія отрасли народнаго труда. Отсюда естественно получается выводъ, что перемѣна условій техники, введеніе въ производство машины, должны были повлечь за собой и измѣненіе формы промышленности. Фабрика должна была получить зрѣвѣсь надъ кустарной избой. Этимъ въ общихъ чертахъ и характеризуется новѣйшая эволюція нашей кустарной промышленности. Въ настоящей главѣ я постараюсь очертить эту эволюцію, рисовать борьбу фабрики и кустаря, какъ она наблюдается въ наше время.

Разложеніе старинной ручной фабрики наблюдалось особенно рельефно въ ткацкой промышленности. На ткацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка,—полотняныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, работа производилась на ручныхъ станкахъ, при ничтожномъ употребленіи машинъ. Только суконное фабричное ткачество имѣло болѣе машинный характеръ. Поэтому и суконныя фабрики гораздо меньше, чѣмъ полотняныя, бумажныя и шелковыя, подверглись процессу азложенія или раздробленія на мелкія производственныя единицы. Литкалевое ткачество развилось во второй четверти этого вѣка съ поразительной быстротой во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ. Бумаготкацкія фабрики во многихъ случаяхъ превратились въ простыя фабричныя конторы,—заведенія исключительно посредническаго характера, совсѣмъ не занимавшіяся производствомъ, а только раздававшія основы и утокъ домашнимъ ткачамъ и принимавшія отъ нихъ готовый товаръ. Точно такъ же тканье шелковыхъ и полотняныхъ матерій на дому и въ свѣтелкахъ въ николаевскую эпоху было гораздо распространѣннѣе фабричнаго ткачества. Суконная фабрика лучше удержала свои позиціи, благодаря техническимъ преимуществамъ фабричнаго производства суконъ, на которомъ уже въ то время находили себѣ значительное примѣненіе машины.

Новый фазисъ промышленной эволюціи обозначился ранѣе и шльнѣе всего именно въ бумаготкацкомъ производствѣ. Если не забылъ читатель, уже въ концѣ 50-хъ годовъ фабриканты, жалуясь на утаиваніе матеріала ручными ткачами, грозили имъ механическимъ станкомъ, который положитъ конецъ „злоупотребленіямъ“ непокорныхъ кустарей. Это время настало очень скоро. Механической ткацкій станокъ появляется во Владимірской губерніи уже въ 40-хъ годахъ, но только въ 60-хъ и 70-хъ годахъ механическое ткачество бумажныхъ матерій начинаетъ принимать размѣры, серьезно угрожающіе кустарному ткачеству. Въ 1866 г. въ Россіи было только 42 механическихъ бумаготкацкихъ фабрики, въ 1876 г.—

уже 92. Общее представление о переѣнахъ въ формахъ бумаго-ткацкой промышленности можно получить изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

Число рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи ¹⁾.

ГОДЫ.	Работающихъ въ фабрич- номъ зданіи.	На дому.
1866	94.566	66.178
1879	162.691	50.152
1894—95	242.051	20.475

Мы видимъ, что число регистрируемыхъ рабочихъ въ фабричномъ зданіи быстро растетъ, а число регистрируемыхъ рабочихъ на сторонѣ—столь же быстро падаетъ. Въ 1866 г. цифра регистрируемыхъ домашнихъ рабочихъ достигала 70% работающихъ въ фабричномъ зданіи, а въ 1894—95 гг. домашніе рабочіе составляли только 8% этихъ послѣднихъ. До 60-хъ годовъ домашняя система разлагала фабрику. Съ этого времени фабрика стала замѣщать домашнюю промышленность.

Всѣ мѣстные изслѣдователи уже съ конца 60-хъ годовъ отмѣчаютъ паденіе миткалеваго ткачества. Но вплоть до 80-хъ годовъ мелкое кустарное ткачество еще преобладало надъ фабричнымъ. Такъ по расчету московскихъ статистиковъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, въ Московской губерніи, изъ всѣхъ тканей, производимыхъ ручнымъ способомъ, 20% вырабатывалось на фабрикахъ, и 80%—въ свѣтелкахъ и избахъ крестьянъ. Но уже въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кустарное ткачество было совершенно убито машиннымъ. Такъ по словамъ г. Вернера, „въ Серпуховскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ почти во всякомъ крестьянскомъ домѣ работали миткаль—въ настоящее время тамъ нѣтъ ни одного миткалеваго стана“ ²⁾.

По словамъ другого изслѣдователя г. Погожева, „Въ 1880—1881 гг. въ Можайскомъ уѣздѣ... изъ прежнихъ 29 мастерковъ (въ

¹⁾ Вычислено для 1866 и 1879 гг. по даннымъ П. Масленникова. „Къ вопросу о развитіи фабричной промышленности Россіи“, а для 1894—95 г. —по „Перечню фабрикъ и заводовъ“. Спб. 1897 г. (Послѣдній подсчетъ сдѣланъ для меня А. М. Роговинымъ).

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VII. Вып. III, стр. 9, 51.

371 г.) осталось ровно втрое меньше. Необходимо притомъ за-
бѣтить, что даже эти мастерки уцѣлѣли лишь благодаря тому, что
югіе изъ нихъ, оставивъ убыточную выработку дешевыхъ бу-
жныхъ матерій... стали выработывать полупелюшковые ленточки¹⁾.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 1871 г. было 158 ручныхъ ткац-
кихъ фабрикъ, на которыхъ работало почти 1.300 ч.; въ половинѣ
30-хъ годовъ число такихъ фабрикъ сократилось до 27. „Два
мѣстныхъ ткацкихъ фабриканта въ прежнее время имѣли нѣсколько
абричекъ въ разныхъ селеніяхъ, а теперь и тотъ и другой
редпочли выстроить по одной небольшой самоткацкой фабрикѣ...
[изъ прежнихъ 158 бумаготкацкихъ фабрикъ... не менѣе 30 фабри-
екъ завѣдомо для сосѣдей прекратились болѣе 10 лѣтъ тому
азадъ. Другія же фабрички частью превратились въ обыкновен-
ныя ткацкія конторы, раздающія крестьянамъ работу на дома;
частью, какъ предполагають мѣстные жители, работаютъ... въ
начительно меньшихъ размѣрахъ“²⁾.

Точно такъ же въ Можайскомъ уѣздѣ большинство прежнихъ
мастеровъ, закрывъ свои фабрички, частью стало работать въ ка-
чества простыхъ ткачей въ свѣтелкахъ у другихъ болѣе счастли-
выхъ мастеровъ, частью брать основы на домъ и работать у себя
въ избѣ, или же раздавать бумажныя основы своимъ односельча-
намъ по домамъ³⁾.

Относительно Волоколамскаго уѣзда г. Погожевъ замѣчаетъ:
„По словамъ многихъ весьма крупныхъ мастерковъ, мелкой про-
мышленности изъ года въ годъ становится все труднѣе бороться
съ механическими фабриками, работающими и дешевле и быстрѣе
ручныхъ ткачей“⁴⁾.

Если мы будемъ просматривать московскій Статистическій Еже-
годникъ, то мы натолкнемся на многочисленные факты упадка
кустарнаго ткачества въ 80-ые и 90-е годы. Такъ въ Ежегодникѣ
за 1887 г. читаемъ: „Кустарный промыселъ, въ недавнее еще
время сильно развитый въ разнообразныхъ видахъ въ уѣздѣ, на-

1) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Отдѣл. санит. стат. Т. III. Вып. VI. Можайскій уѣздъ. Стр. 8.

2) Сборникъ стат. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. ст. Т. III. Вып. VII. Дмитровскій уѣздъ. Стр. 5.

3) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. III. Вып. VI. Можайскій уѣздъ. Стр. 8.

4) Сб. стат. свѣд. по Моск. губ. Санит. отд. Т. III. Вып. VI. Волоколамскій уѣздъ. Стр. 72.

ходится на степени полного паденія, особенно рѣзко выдающагося въ ручномъ ткачествѣ. Въ рѣдкой мастерской не найти нѣсколькихъ становъ, не только не заправленныхъ, но сложенныхъ, какъ никуда негодная рухлядь. Число мастерскихъ годъ отъ году уменьшается. Цѣна на кустарныя издѣлія сбита до-нельзя. Такъ-называемые мастерки, работающіе на хозяевъ, когда работаютъ, когда нѣтъ. Статистика убавившихся въ сравнительно небольшой періодъ времени рабочихъ рукъ, кормившихся прежде кустарнымъ промысломъ, могла бы наглядно показать, какъ сильно и, кажется, безповоротно палъ этотъ важный въ крестьянскомъ быту промыселъ... Ручное ткачество въ Озерецкой волости съ 2.000 становъ упало до 1.100 становъ. И это сокращеніе занятыхъ рукъ, безъ преувеличенія, простирается на всѣ роды кустарнаго промысла, сопутствуемое пониженіемъ заработной платы, достигающей крайняго минимума, дальше котораго идти некуда¹⁾.

Относительно Бронницкаго уѣзда въ Ежегодникѣ за 1890 г. находимъ слѣдующее сообщеніе одного корреспондента-крестьянина, хорошо знающаго, по словамъ редакціи Ежегодника, мѣстныхъ условія: „Въ нашей мѣстности имѣются болѣе или менѣе крупныя кустари (ткачество бумажныхъ матерій), и всѣ они въ настоящее время остались какъ ракъ на мели, товаръ ихъ вовсе съ рукъ нейдетъ... Столбовымъ фабрикантамъ товара ихъ и даромъ не надо. Вслѣдствіе сего невольнo пришлось имъ на время прикончить свой кустарный промыселъ, да и ткачамъ не охота на нихъ почти даромъ работать“²⁾.

Характерно, что, какъ отмѣчаютъ составители Ежегодника, въ крупномъ фабричномъ ткачествѣ за зиму 1889—1890 г. дѣла шли прекрасно: паденіе мелкихъ кустарныхъ фабричекъ и свѣтлокъ вызывалось, слѣдовательно, исключительно неспособностью кустарнаго ткачества конкурировать съ фабричнымъ, а отнюдь не застоємъ ткацкой промышленности вообще.

По словамъ г. Вернера, подробно изслѣдовавшаго въ 1890 г. промыслы Богородскаго уѣзда, кустарное ткачество во многихъ мѣстахъ еще держится, но „что конкуренція (кустарнаго ткачества съ фабричнымъ) закончится полнымъ торжествомъ фабричнаго ткачества, едва ли въ настоящее время можно сомнѣваться.

1) Статистическій Ежегодникъ московскаго губернскаго земства, 1887. Промыслы, стр. 26.

2) Ст. Ежег. 1890 г. Промыслы, стр. 6.

ездя сь фабрикантиками, провѣря ихъ расчеты... мы убѣждаемся, что хозяйчики и мелкіе фабриканты не имѣютъ отъ производства никакой предпринимательской прибыли и довольствуются въ большинствѣ случаевъ только тѣмъ, что члены ихъ семейства имѣютъ постоянную работу на фабрикѣ“¹⁾.

Голодные годы 1891 и 1892, когда все хозяйство страны испытало тяжелое потрясеніе, отразившееся и на обрабатывающей промышленности сокращеніемъ спроса на мануфактурныя издѣлія, юбенно крестьянскаго потребленія, всею своей тяжестью обруились на мелкихъ хозяйчиковъ-кустарей. Въ Ежегодникѣ за 1893 г. читаемъ: „Въ бумаготкацкомъ производствѣ уже давно идетъ борьба между крупными и мелкими предпринимателями, зумѣтся, къ невыгодѣ мелкихъ; такіе критическіе моменты, къ только что пережитые 1891 и 1892 годы, бываютъ рѣшительными для многихъ мелкихъ предпринимателей; этимъ и объясняются, повидимому, разнорѣчивыя сообщенія нашихъ корреспондентовъ, говорящихъ, что одни фабриканты совсѣмъ прикрыли юи фабрики, у другихъ дѣла шли плохо, у третьихъ (болѣе состоятельныхъ) удовлетворительно“ (Ежегодникъ, Промыслы, гр. 6)²⁾.

Итакъ въ Московской губерніи исходъ борьбы крупнаго машиннаго ткачества съ мелкимъ кустарнымъ уже опредѣлился съ олною ясностью: торговая капиталистическая организація мелкаго ткачества, въ Николаевскую эпоху побѣдоносно вытѣсняя во многихъ пунктахъ фабрику, теперь оказывается несостоятельной и уступаетъ мѣсто фабрикѣ, вооруженной механическимъ ткацкимъ станомъ. Это вполнѣ понятно. Какимъ образомъ можетъ

¹⁾ Стат. Ежег. 1890 г. Промыслы Богородскаго у. Стр. 39.

²⁾ Въ Стат. Ежегодникѣ за 1895 отмѣчается то же явленіе — идущее впередъ поглощеніе бумажнаго кустарнаго ткачества фабричнымъ машиннымъ. Такъ изъ Бронницкаго уѣзда сообщаютъ, что „работа нанки сарпинки замѣтно уменьшается, такъ какъ заработная плата уменьилась“. Изъ Верейскаго уѣзда: „плата мастерамъ, въ сравненіи съ юшлымъ годомъ, понижена, хотя товаръ шелъ довольно ходко, не хуже юшлаго года“. Изъ Дмитровскаго у.: „бумажный товаръ былъ въ ходу... излева получили барыша больше, да съ рабочими-то подѣлиться не жель, ибо ихъ стало очень много; а притомъ машины. Сколько онѣ завыняютъ рабочихъ рукъ—опредѣлить трудно“. Все это даетъ основаніе оставителю статьи сдѣлать заключеніе: „общая болѣзненная напряженность промысла въ его борьбѣ съ механическимъ станкомъ продолжается“ г. Ежег. 1895 г. Промыслы, стр. 11—13.

конкурировать съ машиннымъ ткачемъ кустарь, когда ткачество гладкихъ бумажныхъ матерій на паровомъ станкѣ въ 20 слишкомъ разъ производительнѣе ручного? ¹⁾

Такимъ образомъ промышленное объединеніе рабочихъ на фабрикѣ замѣняетъ собой торговое ихъ объединеніе. Капитализмъ вступаетъ въ свою высшую фазу. То же самое замѣчается и въ другихъ центрахъ бумаготкацкаго производства. Во Владимірской губерніи въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ побѣда бумаготкацкой фабрики надъ кустаремъ была, повидимому, еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ Московской губ. Такъ относительно миткалеваго ткачества въ Александровскомъ у., г. Харизоменовъ сообщаетъ, „по отзывамъ ткачей, это производство въ послѣднее время быстро клонится къ упадку“. Раздача пряжи по домамъ прекращается по невыгодности ручного ткачества, и свѣтелки закрываются, „тканье миткаля бросаютъ, находя невыгоднымъ конкурировать съ самоткацкой фабрикой... За миткалемъ теперь сидятъ только женщины“ ²⁾. Въ прежнее время миткалевое производство существовало въ 40 селеніяхъ Александровскаго у.; въ началѣ 80-хъ годовъ только въ 15. Въ Покровскомъ уѣздѣ замѣщеніе кустарнаго миткалеваго ткачества фабрикой совсѣмъ закончилось—въ этомъ уѣздѣ, по словамъ Пругавина, производство миткаля на ручныхъ станкахъ совершенно исчезло ³⁾.

Точно также, по словамъ Я. Гарелина, и въ Шуйскомъ у. „ручная выдѣлка миткаля почти прекратилась вслѣдствіе того, что: 1) развелось большое число механическихъ ткацкихъ фабрикъ, и 2) плата за ручную выдѣлку миткаля упала до такой степени, что работать совершенно было невозможно“ ⁴⁾.

Во всей Владимірской губерніи въ 1882 году механическихъ становъ бумажныхъ матерій было 17.871, а въ 1890 году, по расчету г. Свирскаго, 26.690; такимъ образомъ за 8 лѣтъ число механическихъ становъ *увеличилось почти на 50%* ⁵⁾. Ручныя ткацкія фабрики и фабричныя конторы не исчезли, но число ихъ быстро сокращается. Такъ со времени 1882 г. число становъ на ручныхъ фабрикахъ *уменьшилось* къ 1890 г., по расчету того же автора,

¹⁾ Ст. Ежегодн. по Моск. губ. 1895. Промыслы, стр. 9.

²⁾ Промыслы Влад. губ. Вып. V, 1884 г., стр. 219.

³⁾ Промыслы Влад. губ. Вып. IV, 1882 г., стр. 70.

⁴⁾ Я. Гарелинъ. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Часть 2-я, стр. 60.

⁵⁾ В. Ф. Свирскій. Фабрики и заводы Владимірской губерніи. Изданіе Владимірской губернской земской управы. Владиміръ. 1890 г., стр. 19.

а 64%. Преимущества механическаго ткачества такъ велики, го, по словамъ г. Свирскаго, „становится непонятнымъ, какъ а ряду съ столь могущественнымъ соперникомъ до сихъ поръ ожетъ существовать этотъ падающій промыселъ (ручное ткачество). Обстоятельство это,—продолжаетъ г. Свирскій,—объясняется гчасти тѣмъ, что существуютъ нѣкоторые сорта тканей, производство которыхъ на механическихъ станахъ или затруднительно, ли маловыгодно. Кромѣ того одна изъ главныхъ причинъ, подерживающихъ ручное производство, -- это чрезвычайно малый аработокъ, которымъ довольствуются ткачи-кустари“ 1).

Въ третьемъ центрѣ бумаготкацкаго производства — Костромской губерніи, наблюдается буквально то же самое. Уже съ наала 60-хъ годовъ ручное ткачество въ Костромской губерніи тало падать. „Послѣ 1860 г., особенно же въ послѣдніе годы“,— итаемъ въ мѣстномъ статистическомъ изданіи, — „ручная выдѣлка умажныхъ издѣлій очевиднымъ образомъ стала клониться къ падку, вслѣдствіе введенія на большей части здѣшнихъ фабрикъ механическаго ткачества“ 2).

Такъ въ Одолевской и Новинской волостяхъ (Нерехотскаго у.) ткачествомъ занимались прежде на домахъ; но, съ появленіемъ и развитіемъ фабричнаго производства, большинство стало уходить на фабрики“. Въ селѣ Кошчевѣ (того же уѣзда) „изстари было развито ручное ткачество миткалей. Но такъ какъ это занятіе за послѣднее время значительно упало съ усиленіемъ механическаго производства фабрикъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, то почти всѣ свободные люди въ крестьянскихъ семействахъ стремились на эти фабрики“ 3).

Въ Ширяихской, Горковской и Горкинской волостяхъ преобладающимъ промысломъ было раньше ручное ткачество миткалей, но „въ 20 послѣднихъ лѣтъ ручное ткачество значительно софратилось здѣсь вслѣдствіе развитія механическаго производства сосѣднихъ фабрикъ“ 4).

1) Свирскій, 27.

2) Матеріалы для статистики Костромской губ. III, стр. 70.

3) Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Изданіе Костромскаго губернскаго статистическаго комитета. Вып. IV, 1881 г. стр. 49, 14.

4) Тамъ же, стр. 43. О томъ же самомъ сообщается и въ „Трудахъ куст. ком.“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Нерехотскаго уѣзда, Костр. губ. Ширяихская волость: „Ручное ткачество, съ развитіемъ по сосѣдству ткацкихъ фабрикъ, замѣтно упадаетъ“. Горковская волость:

Очень промышленную часть Костромской губернии составляет такъ-называемый Вичугскій районъ—юго-западная часть Кинешемскаго у. Въ этомъ районѣ также было констатировано въ началѣ 80-хъ годовъ сильное уменьшеніе раздачи основъ крестьянамъ по домамъ ¹⁾. Домашнее ткачество въ этомъ районѣ „замѣтно падаетъ въ послѣднее время. Нѣкоторыя только специальности остаются въ рукахъ кустарей, именно болѣе толстыя и разнообразныя по цвѣту матеріи; всѣ же болѣе тонкія и одноцвѣтныя матеріи становятся достояніемъ механическаго производства“... ²⁾. Въ Яковлево-Середскомъ районѣ (Нерехотскомъ у.) ручное миткалевое ткачество совсѣмъ упало, и промыселъ этотъ „по словамъ мѣстныхъ производителей, держится послѣдніи годы“ ³⁾.

Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губ., бумажное ткачество еще не такъ давно было самымъ распространеннымъ промысломъ. Но уже въ концѣ 70-хъ годовъ сообщали изъ этого уѣзда: „промыселъ этотъ въ здѣшней мѣстности падаетъ и падаетъ съ замѣтной быстротой: число станковъ, работавшихъ даже въ прошломъ (1878 г.) было на $\frac{1}{3}$ болѣе настоящаго“ ⁴⁾.

Точно такъ же паденіе кустарнаго миткалеваго промысла отмѣчалось и въ Тверской губерніи ⁵⁾; въ Рязанской губ.,—читаемъ въ мѣстномъ статистическомъ сборникѣ,—„открылись большія фабрики и кустарному производству издѣлій былъ нанесенъ смер-

„Вслѣдствіе увеличенія числа ткацкихъ фабрикъ, ручное ткачество падаетъ“. Игнатовская волость: „ткачество на фабрикантовъ падаетъ, вслѣдствіе увеличенія числа фабрикъ и уменьшенія заработной платы“. Кузнецовская волость: „по случаю развитія фабрикъ ткачество все уменьшается, ибо не можетъ конкурировать съ машинной работой“. Ногинская волость: „промыселъ этотъ (ткацкій) съ развитіемъ ткацкихъ фабрикъ замѣтно приходитъ въ упадокъ“ (Вып. XIII, стр. 326, 330, 334, 340, 344).

¹⁾ Матер. для стат. Костр. губ. Вып. 6, стр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 12, 87.

³⁾ Труды куст. ком. II, 1879 г. Калужская губ., стр. 18.

⁴⁾ „Ткацкій промыселъ вообще падаетъ. Въ прежнее же время онъ былъ значительно развитъ. Такъ въ деревнѣ Непейно до введенія машинъ было до 1.000 станковъ“ (Сборникъ ст. свѣд. по Тверской губерніи. Калязинскій уѣздъ, 1890 года, стр. 156). Въ селѣ Семеновскомъ и его окрестностяхъ въ 1851 г. было 450 бумажныхъ ткачей, въ 1863—360, а въ концѣ 70-хъ годовъ только 240 (Историко-статистическое описаніе Тверск. губ. В. Покровскаго. Тверь, 1879 г. III, стр. 84).

⁵⁾ Сб. ст. свѣд. по Рязанской губ., т. XI (1892 г.). Стр. 263.

ельный ударъ; кустари должны были покинуть свои свѣтелки и оступить рабочими на фабрики. Только въ Егорьевскомъ у. и гчасти въ Касимовскомъ ткачеству удалось сохранить домашній идъ производства“. Относительно Самарской губерніи мы имѣемъ казаніе на паденіе процвѣтавшаго раньше женскаго кумачеваго ромысла; паденіе это было вызвано главнымъ образомъ „невыодноостью производства ручныхъ кушаковъ въ виду конкуренціи ъ ними тонкихъ фабричныхъ“¹⁾.

Относительно сарпиночнаго производства Саратовской губ. Харизоменовъ сообщаетъ слѣдующее: „Не можетъ подлежать сомнѣнію, что сарпиночное производство въ формѣ домашней системы крупнаго производства продержится не долго, уступивъ свое мѣсто фабрикъ съ паровымъ двигателемъ и механическими ткацкими станками. Ткачи одноцвѣтныхъ матерій будутъ сосредоточены на фабрикъ, а кустарное производство останется только для ткачей разноцвѣтныхъ матерій, заказчикомъ которыхъ будетъ та же фабрика... Необходимость перехода къ фабричной формѣ обуславливается и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ послѣднее время... кустари находя ничтожнымъ 20—30-копѣечный дневной заработокъ ткача, бросаютъ станки“²⁾. Факты промышленной эволюціи Саратовской губерніи даютъ основаніе г. Харизоменову замѣтить, что „домашняя система крупнаго производства есть переходная ступень къ строго фабричному производству въ одномъ зданіи, снабженномъ усовершенствованными техническими орудіями“.

Итакъ, относительно направленія новѣйшей эволюціи бумажнаго кустарнаго ткачества не можетъ быть сомнѣнія: всѣ наблюдатели свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что въ настоящее время быстро происходитъ превращеніе домашней промышленности въ фабричную. При этомъ кустарное ткачество гладкихъ и одноцвѣтныхъ бумажныхъ матерій мѣстами почти вымерло, мѣстами вымираетъ; въ особенности это слѣдуетъ сказать о миткалевомъ ткацествѣ, которое во многихъ мѣстахъ перешло уже на фабрику, въ другихъ же доживаетъ свои послѣдніе дни. Недалеко то время, когда ручной миткалевый ткачъ будетъ у насъ такой же рѣдкостью, какъ и въ Западной Европѣ. Кустарное ткачество

¹⁾ Сб. ст. свѣд. по Самарск. губ. Николаевскій у., VI (1889 года). Стр. 125.

²⁾ С. Харизоменовъ. Обзорніе земской сельско-хозяйственной и кустарнопромышленной выставки 1889 г. въ Саратовѣ. Стр. 110, 114.

узорчатыхъ и разноцвѣтныхъ матерій еще упорно борется съ фабрикой, черная сила въ ничтожной оплатѣ труда кустаря. Дальнѣйшій прогрессъ техники долженъ привести большинство изъ этого рода ткачей на фабрику.

Перейдемъ къ другимъ отраслямъ текстильной промышленности. Я говорилъ, что суконная фабрика, вслѣдствіе большой сложности производства суконъ, гораздо менѣе бумаготкацкой подверглась вышеописанному процессу разложенія. Шерстяное ткачество поэтому является, сравнительно, мало распространеннымъ кустарнымъ промысломъ. Въ суконномъ ткацествѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, нашли себѣ примѣненіе машины. какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы, относящейся къ московскимъ фабрикамъ конца 70-хъ годовъ.

	Процентъ механическихъ фабрикъ въ общемъ числѣ фабрикъ.
Суконное производство	75,7 0/0
Шерстяное и полушерстяное	33,3 „
Бумаготкацкое	16,4 „
Шелковое	1,5 „

„Это обстоятельство, — по словамъ земскаго сборника, — не могло не оказать вліянія на ткацкій промыселъ: во всей губерніи мы не встрѣчаемъ нигдѣ выработку тонкихъ суконъ на домахъ или въ свѣтелкахъ; такая же участь скоро постигнетъ кустарную выработку гладкихъ шерстяныхъ тканей“ ¹⁾.

Во Владимірской губерніи, въ Александровскомъ уѣздѣ, имѣется обширный районъ кустарнаго производства суконъ, такъ-называемыхъ „опаринскихъ“. Исторія этого промысла рельефно очерчена г. Харизоменовымъ. Она сводится къ слѣдующему: фабрика шагъ за шагомъ отѣсняла кустаря отъ высшихъ сортовъ товара къ низшимъ, благодаря постоянному удешевленію продукта (вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій фабричнаго производства) и вздорожанію сырья — съ другой. Нѣмецкія сукна, которыя раньше вырабатывались кустарями, теперь производятся только на фабрикахъ. Но, съ другой стороны, та же фабрика вызываетъ образованіе и новыхъ промысловъ: такъ, убивши тка-

¹⁾ Сб. ст. свѣд. по Моск. губ., т. VII, вып. III, стр. 89.

ество нѣмецкихъ суконъ, она развила въ той же мѣстности при-
дѣнье суконной „кромки“—грубой пряжи для покровокъ тонкихъ
суконъ. Впрочемъ, и этому новому промыслу грозитъ паденіе:
машина быстро вытѣсняетъ въ этой области ручной трудъ, и въ
близкомъ будущемъ кустарямъ придется, по мнѣнію г. Харизоме-
юва, или бросить свои избы и пойти на фабрику, или же за-
яться другими промыслами, которымъ еще не въ такой степени
грозитъ конкуренція машины ¹⁾.

Въ Костромской губерніи однимъ изъ самыхъ старинныхъ про-
мысловъ Кинешемскаго уѣзда была выдѣлка такъ-называемыхъ
„решемскихъ“ суконъ, расходившихся исключительно среди кре-
стьянскаго населенія. Этотъ промыселъ возникъ внѣ всякаго
вліянія фабрики и долгое время „процвѣталъ“. Но уже въ поло-
винѣ 70-хъ годовъ мы узнаемъ о его упадкѣ, вызванномъ глав-
нымъ образомъ „увеличившимся производствомъ и дешевизной
тонкихъ фабричныхъ суконъ“ ²⁾, а также вздорожаніемъ шерсти
и конкуренціей другихъ шерстяныхъ издѣлій.

Валянье сапоговъ изъ шерсти принадлежитъ къ числу распро-
страненныхъ крестьянскихъ промысловъ. Въ Ярославской губерніи
и въ этой области кустарь страдаетъ отъ конкуренціи машины.
Такъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ сапоговальный промыселъ за
последнее время „уменьшается потому, что въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ заведены машины для битья шерсти... крупные производи-
тели при селѣ Макаровѣ устроили паровыя заведенія“ ³⁾.

Въ крестьянскомъ потребленіи до сихъ поръ преобладаютъ
самодѣльные сукна, приготовляемые для нуждъ семьи изъ собствен-
ной шерсти. Какъ извѣстно, обработка шерсти обыкновенно про-
изводится въ этомъ случаѣ особыми странствующими или осѣдлыми
ремесленниками—шерстобитами. Интересно, что и въ этомъ про-
мыслѣ чувствуется вліяніе машинъ. Такъ въ Нижегородскомъ
уѣздѣ въ теченіе 80-хъ годовъ стали возникать въ деревняхъ
особыя шерстобитныя заведенія съ машинами, „которыя значи-
тельно уменьшили какъ число кочующихъ шерстобитовъ-семенов-
цевъ, такъ и заработки ихъ“ ⁴⁾. То же самое отмѣчается въ ку-
старной обработкѣ шерсти и въ Вятской губерніи.

„Появленіе машинъ и крупныхъ заведеній уже наступаетъ.

1) Промыслы Влад. губ., II, стр. 70, 146.

2) Матеріалы для стат. Костр. губ., III, стр. 81.

3) Обзоръ Яросл. губ., 1896 г., II, стр. 6.

4) Нижегородскій Сборникъ, VII, 1887, стр. 234.

Такъ недавно по деревнямъ Верхосунской волости... одинъ предприниматель возилъ машину и билъ шерсть для желающихъ; затѣмъ въ с. Архангельскомъ, Нолинскаго уѣзда богатый крестьянинъ Тураевъ устроилъ крупное сапоговаляльное заведеніе, въ которомъ круглый годъ работаетъ до 70 наемныхъ рабочихъ¹⁾.

Точно такъ же въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи земскіе изслѣдователи отмѣчаютъ, что „шерстобитный промыселъ значительно сократился по причинѣ введенія въ употребленіе шерстобитныхъ машинъ конныхъ и водяныхъ“²⁾.

Въ Полтавской губерніи „распространеніе крупныхъ сукновалень значительно подрываетъ мелкую промышленность и понижаетъ заработки представителей личнаго труда“³⁾.

Шелкоткацкое производство имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ суконное. Мы видѣли, что процентъ фабрикъ съ механическими станками въ шелкоткацкомъ производствѣ Московской губерніи конца 70-хъ годовъ былъ ничтоженъ. Въ этой отрасли промышленности ручной трудъ гораздо легче можетъ конкурировать съ машиннымъ. Неудивительно поэтому что еще въ 70-хъ годахъ въ шелковомъ ткацествѣ кустарное производство (преимущественно въ свѣтелкахъ) царило неограниченно. „Только шелковое производство,—читаемъ въ земскомъ сборникѣ Московской губ.,—по своимъ техническимъ условіямъ, гарантируетъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ изготовленіе тканей ручнымъ способомъ“⁴⁾.. Но жизнь не оправдала этихъ надеждъ.

Уже въ 1885 году г. Дементьевъ сообщаетъ о паденіи шелковаго кустарнаго ткачества въ коломенскомъ уѣздѣ.

„Не беремъ утверждать, что кустарное шелкоткачество исчезло въ уѣздѣ вполнѣ, но замѣтимъ однако, что вездѣ при многократныхъ разспросахъ мы всегда получали отвѣтъ, что „это дѣло прикончилось“, фабриканты уже не раздадутъ болѣе основъ... Мелкое ткачество падаетъ... Въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ закрылось 14 свѣтелокъ съ 194 ткацкими станками... Намъ не разъ приходилось слышать въ селахъ отъ стариковъ о множествѣ брошен-

1) Матеріалы по описанію промысловъ въ Вятск. губ. I, 1889. Кустарная переработка шерсти, стр. 87.

2) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій. 1892 г., стр. 110.

3) Кустарные промыслы Полтавской губ. Полтава, 1885. Выпускъ II. Сукновальство, стр. 22.

4) Сб. ст. свѣд. т. VII, вып. III, стр. 9.

ныхъ шелкоткацкихъ станковъ; такъ, напр., въ селѣ Протопоповѣ было нѣсколько шелкоткацкихъ фабричекъ и почти въ каждомъ домѣ былъ ткацкій станъ; число послѣднихъ въ селѣ превосходило 100, а теперь здѣсь давно уже нѣтъ ни одного“¹⁾.

Относительно Серпуховскаго уѣзда г. Дементьевъ отмѣчаетъ въ 1888 г., что изъ 36 свѣтелокъ съ 501 станомъ, зарегистрированныхъ въ 1878—79 гг., въ 1887 г. осталось только 14 свѣтелокъ съ 261 станомъ. „Едва-ли не въ той же мѣрѣ“,—заключаетъ онъ,—„т. е. на половину, пало и кустарное ткачество (разныхъ, преимущественно бумажныхъ матерій) въ собственномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ, объѣзжая уѣздъ, мы на каждомъ шагу находимъ мелкія конторы для раздачи основъ кустарямъ, уже по нѣсколько лѣтъ прекратившими свои операціи... паденіе, повидимому, относится главнымъ образомъ къ ткачеству полубархата“²⁾.

Въ Статистическомъ Ежегодникѣ за 1887 г. сообщается, что ткацкій промыселъ во всѣхъ его видахъ быстро падаетъ. Въ Подчерковской волости, занимающейся преимущественно издѣліями бахромы галуновъ и позументовъ, за 4 года—1882—1886 г., производство сократилось на 794 стана. Ручное ткачество въ Озеречкой волости упало съ 2.000 станомъ до 1.100 станомъ (Ежег. Промыслы, стр. 26).

Въ Статистическомъ Ежегодникѣ за 1892 г. читаемъ слѣдующее сообщеніе изъ Гребневской волости Богородскаго уѣзда. „Товары, которые вырабатывались кустарями и давали заработокъ односельцамъ, какъ-то: атласъ, люстринъ, фуляръ, тафта и пр., теперь стали работать нѣмцы на самоткацкихъ станкахъ, при чемъ работаютъ преимущественно женщины“ (Ежег. Промыслы, стр. 6). По этому поводу составители Ежегодника замѣчаютъ, что кустарная промышленность „падаетъ въ конкуренціи съ капиталистическимъ производствомъ“. Московскіе статистики забываютъ, что домашняя система крупной промышленности, господствующая въ кустарныхъ промыслахъ, есть такая же капиталистическая форма промышленности, какъ и вытѣсняющая ее фабрика, но только безъ техническихъ преимуществъ послѣдней.

Въ 1892—93 годахъ сокращеніе мелкаго шелковаго ткачества

¹⁾ Сборникъ ст. свѣд. по Моск. губ. Отдѣлъ санитарной стат., т. III. Вып. XIII, Коломенской уѣздъ, стр. 4—6.

²⁾ Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. Отд. санит. ст., т. III, вып. XV. Серпух. уѣздъ, стр. 6.

продолжалось, отчасти благодаря вздорожанію сырого матеріала—шелка. „Къ веснѣ шелкъ сильно вздорожалъ, поэтому мелкіе мастерки прикончили работы у себя на дому, у крупныхъ же фабрикантовъ дѣла шли хорошо“ ¹⁾ Корреспонденты Ежегодника указываютъ, что отъ вздорожанія шелка пострадали именно мелкіе фабриканты, а крупные, имѣвшіе большіе запасы шелка, даже на этомъ нажились.

Ежегодникъ за 1895 г. отмѣчаетъ, что „съ введеніемъ механическихъ самоткацкихъ станковъ и для шелковыхъ матерій, ручное шелковое ткачество начинаетъ падать, но есть очень много такихъ шелковыхъ матерій, которыя на механическомъ станкѣ работать не могутъ“ (стр. 11).

Да, пока такія матеріи есть, но съ каждымъ шагомъ техники фабрика идетъ впередъ и захватываетъ все новыя области кустарной промышленности. И не нужно быть пророкомъ, чтобы съ увѣренностью предсказать въ не очень отдаленномъ будущемъ паденіе важнѣйшихъ отраслей шелковаго кустарнаго ткачества. Къ этому выводу приходитъ такой компетентный изслѣдователь кустарной промышленности, какъ г. Харизоменовъ: „Окончательная побѣда крупной промышленности надъ мелкой“,—пишетъ онъ по поводу шелко-ткацкой промышленности Александровскаго уѣзда, — „объединеніе работниковъ, разсыпанныхъ по многочисленнымъ свѣтелкамъ, въ стѣнахъ одной шелковой фабрики составляетъ лишь вопросъ времени, и чѣмъ скорѣе наступитъ эта побѣда, тѣмъ лучше для ткачей“ ²⁾.

Въ канительномъ промыслѣ точно такъ же машина бьетъ кустарей. Такъ по сообщеніямъ начала 90-хъ годовъ, въ Рождественской волости Бронницкаго уѣзда „ручной трудъ въ канительномъ производствѣ замѣненъ машиннымъ; содержатели всѣ поставили волочилыныя паровыя машины... Замѣна ручного труда машиннымъ, врядъ-ли ограничится одной Рождественской волостью“ ³⁾.

Льняное и пеньковое производства въ значительно меньшей степени приняли фабричный характеръ, такъ какъ сырой матеріалъ въ этомъ случаѣ добывается въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина, почему обработка льна и пеньки было исконнымъ

¹⁾ Ежегодникъ за 1893 г. Промыслы, стр. 1.

²⁾ Промыслы Влад. губ. III, стр. 125.

³⁾ Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1895 г. Промыслы, стр. 3.

домашнимъ производствомъ нашего мужика, занимавшимъ въ свободное зимнее время рабочія силы его семьи. И теперь домашнее качество для нуждъ семьи, безъ сомнѣнія, далеко превосходитъ по своимъ размѣрамъ промышленное ткачество. Но для насъ имѣетъ важность только кустарное ткачество, работа для сбыта, такъ какъ лишь съ послѣдней непосредственно конкурируетъ фабрика. Что касается до кустарной обработки льна и пеньки, то разнообразныя промыслы, относящіяся сюда, въ очень различной степени пострадали отъ конкуренціи фабрики. Полотняное ткачество (особенно выдѣлка среднихъ сортовъ полотна) быстро теряетъ кустарный характеръ и переходитъ на фабрику. Уже въ 60-хъ годахъ въ Костромской губерніи почти исчезло кустарное пряденье льна; полотно ткалось кустарями почти исключительно изъ фабричной пряжи по заказамъ фабрикантовъ. Въ 70-хъ годахъ и кустарное полотняное ткачество начало клониться къ упадку, благодаря развитію механическаго ткачества на фабрикахъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., Шунгенской волости) кустарное ткачество полотно держится довольно прочно, благодаря особому искусству кустарей ¹⁾. Но и въ этой мѣстности кустари страдаютъ отъ конкуренціи фабрикъ и пониженія цѣны полотна.

Совершенно такими же чертами характеризуется кустарное полотняное ткачество Костромской губерніи и въ „Трудахъ кустарной комиссіи“. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ (Николаевской волости) „промыселъ (льноткацкій) положительно падаетъ; причинъ тому много: недостатокъ матеріала, его дороговизна, соперничество фабрикъ, низкія цѣны производства, кулачество скупщиковъ и т. д.“ ²⁾. Въ Шунгенской волости „въ прежнее время... крестьяне устраивали сообща свѣтелки... Съ теченіемъ времени свѣтелки стали разрушаться—новыхъ совсѣмъ не строятъ, да и старыя плохо ремонтируютъ. За послѣднія десять лѣтъ разрушено до 20 свѣтелокъ... крестьяне стали находить несравненно выгоды ткать въ своихъ домахъ... Ткачеству конкурируютъ устроенные при фабрикахъ паровыя самоткацкіе станки. Очевидно, что ручная работа, хотя бы и на самолетахъ, съ машиной конкурировать не можетъ и, какъ только не будетъ спроса на нее, должна пасть, какъ пало ткачество въ сосѣднихъ волостяхъ: Апраксинской, Кариковской, Корниловской и др. Ткачество будетъ существовать

¹⁾ Матеріалы для ст. Костр. губ. III, 76, Статистическій Временникъ, III, стр. 128.

²⁾ Труды куст. ком. XV, 175.

только до той поры, пока хозяева не найдутъ возможнымъ замѣнить его паровой силой“ ¹⁾).

Въ центрѣ полотнянаго производства Ярославской губ., селѣ Великомѣ, кустарному ткачеству былъ нанесенъ сильный ударъ устройствомъ въ 1872 г. въ этомъ селѣ фабрики Локалова съ механическими станами. Мелкіе кустари прекратили работу. Несмотря на временное оживленіе кустарнаго ткачества въ концѣ 70-хъ годовъ, подѣ влияніемъ общаго промышленнаго подъема и усиленія спроса на полотно, промыселъ, по словамъ г. Исаева, клонится къ упадку. По справедливому замѣчанію г. Исаева, вѣрнымъ признакомъ упадка является значительное пониженіе заработка ткачей.

Теперь въ ткацкомъ промыслѣ Ярославской губерніи мы видимъ, съ одной стороны, кустаря, работающаго на контору; съ другой—крупныя фабрики съ новѣйшими машинами и приспособленіями. „Обѣ эти формы, въ которыхъ воплощается ткацкая промышленность Ярославскаго уѣзда“,—говоритъ г. Исаевъ,—„далеко не одинаково жизненны. Первая форма отживаетъ свой вѣкъ, и это отживаніе чувствуетъ не только кустарь, зарабатывающій меньше, чѣмъ ткачи предшествующаго поколѣнія, но и владѣлецъ конторы. Онъ чувствуетъ всю тяжесть соперничества фабрики. Онъ знаетъ, что борьба эта неравна, что въ недалекомъ будущемъ фабрика станетъ въ этой отрасли единственной формой производства“. Контористы сами признаютъ необходимость устройства самоткацкихъ фабрикъ. „Нѣсколько такихъ измѣненій—и въ изслѣдуемой области не останется ни одного ткача-кустаря. Производство полотна въ Ярославскомъ уѣздѣ постигнетъ такая же участь, какая постигла хлопчатобумажную промышленность во Владимірской губерніи“ ²⁾).

Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. „громадное въ прежнее время производство льняной пряжи и тканей... годъ отъ году все болѣе и болѣе упадаетъ и въ послѣднее время... количество издѣлій по этому производству для продажи сократилось на половину противъ количества, поступавшаго въ продажу лѣтъ 20-тъ тому назадъ“ ³⁾. Причина этого сокращенія заключается въ распространеніи фабричнаго полотна, вытѣсняющаго кустарное.

¹⁾ Труды куст. ком. IX. 2083, 2041.

²⁾ Труды куст. ком. VI, стр. 692, 693.

³⁾ А. Титовъ. Статистико-экономическое описаніе Ростовскаго уѣзда (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова. Часть II, приложеніе, стр. 95).

Многочисленныя данныя относительно упадка кустарнаго полотнянаго ткачества въ Ярославской губерніи за послѣднее время мы находимъ въ интересной работѣ г. Кириллова „Отхожіе промыслы крестьянъ Яросл. губ.“ (Издание Ярославскаго статистическаго комитета). Изъ всѣхъ волостей, гдѣ развито полотняное ткачество, корреспонденты сообщаютъ объ его упадкѣ. Такъ въ Ярославской волости ткацкій промыселъ „начался изстари, но еперь падаетъ вслѣдствіе конкуренціи фабрикъ, и помѣшать этому паденію нечѣмъ“. Въ Крестобогородской волости „ткацкій промыселъ падаетъ вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты ручнаго качества“. Въ Еремѣевской волости „промыселъ падаетъ вслѣдствіе конкуренціи фабрики“. Въ знаменитомъ селѣ Великомъ промыселъ ручнаго ткачества упадаетъ вслѣдствіе возникновенія паровыхъ фабрикъ“ и т. д., и т. д. Все это даетъ основаніе г. Кириллову сдѣлать заключеніе: „ткачество, которымъ промышляетъ большая часть крестьянъ Ярославскаго уѣзда, теперь, съ увеличеніемъ фабрикъ, совершенно убито“¹⁾.

Во Владимірской губерніи механической ткацкій станокъ также ювелъ къ сокращенію ручнаго полотнянаго ткачества. За время 1882—1890 г. число полотняныхъ механическихъ становъ въ этой губерніи возрасло почти на 72% (всего ихъ было въ 1882 г. — 385, а въ 1890 г. — 1.117), за то же время число ручныхъ становъ на фабрикахъ сократилось на 27,5% (въ 1882 г. ихъ было 339, а въ 1890 г. только 464), но въ дѣйствительности уменьшеніе было гораздо больше, такъ какъ многіе изъ оставшихся ручныхъ станковъ находились въ бездѣйствіи. Число кустарей ткачей, работавшихъ на сторонѣ, не на фабрикахъ, достигало въ томъ же году 2,213 человекъ²⁾; такимъ образомъ по числу рукъ кустарное производство полотна въ 1890 г. все еще преобладало надъ механическимъ, но промыселъ быстро клонится къ упадку, и механической станокъ съ такой быстротой завоевываетъ почву, что время полнаго исчезновенія ручнаго ткачества полотна во Владимірской губ. не за горами.

Разумѣется, въ губерніяхъ менѣе промышленныхъ, въ которыя механической ткацкій станокъ еще не успѣлъ проникнуть, кустар-

1) Обзоръ Ярославск. губ., выпускъ II, Ярославль, 1886 г. Стр. 9, 17, 18, 20, 4.

2) Всѣ эти цифры взяты у В. Свирскаго. Фабрики и заводы Владимірской губ., 32, 33.

ная обработка льна продолжает держаться прочно. Но не может быть сомнѣнія, что участь льноткацкаго промысла и въ такихъ губерніяхъ не будетъ иной, чѣмъ въ губерніяхъ центрального района. Весь вопросъ только во времени — чѣмъ быстрѣе будетъ идти промышленное развитіе Россіи, тѣмъ быстрѣе будетъ развиваться фабрика на счетъ кустарной избы.

Что касается до пряденья льна, то оно въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ ткачество, имѣетъ фабричный характеръ. Ручная льняная пряжа почти не употребляется въ центральномъ районѣ для изготовленія полотна, предназначеннаго для продажи. Полотно, изготовляемое кустарями, выдѣлывается почти исключительно изъ машинной пряжи. Ручное пряденье сохраняется только для цѣлей домашняго потребленія, такъ какъ машинная пряжа стоитъ немногимъ больше сырого льна, и трудъ пряденья совершенно не окупается.

Изготовленіе пеньковыхъ тканей въ еще большей степени, чѣмъ льняныхъ, имѣетъ характеръ семейнаго производства для собственныхъ нуждъ крестьянина. Но тамъ, гдѣ оно принимаетъ характеръ кустарнаго промысла, оно не менѣе льняного страдаетъ отъ конкуренціи фабрикъ. Такъ, напр., въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи „пеньковому промыслу при его настоящемъ положеніи грозитъ неминуемый упадокъ подѣ влияніемъ фабричной выдѣлки тѣхъ же издѣлій, продаваемыхъ дешевле ручныхъ“¹⁾. Очень распространеннымъ промысломъ является крученье канатовъ, веревокъ и вязанье рыболовныхъ сѣтей. Этотъ промыселъ широко распространенъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегамъ судоходныхъ рѣкъ и озеръ. Машина получила еще очень небольшое примѣненіе въ производствахъ этого рода, но тѣмъ не менѣе кустари уже начинаютъ чувствовать ея властную руку. Такъ канатопрядильный промыселъ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ и старѣйшихъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Этотъ промыселъ былъ очень распространенъ и въ г. Нижнемъ, гдѣ въ 60-хъ годахъ существовало множество мелкихъ прядильныхъ заведеній. „Жители Нижняго занимаются преимущественно пряденіемъ канатовъ и веревокъ“,—въ такой наивной формѣ характеризовалась нижегородская промышленность въ одной книжкѣ 60-хъ годовъ. Теперь же въ Нижнемъ мелкихъ прядильныхъ заведеній совсѣмъ нѣтъ—ихъ мѣсто заняло нѣсколько круп-

¹⁾ Труды кустарной комиссіи, II, 59.

ных канатныхъ фабрикъ. То же самое наблюдается и въ деревняхъ Горбатовскаго уѣзда.

Лѣтъ 20-ть тому назадъ горбатовскій прядильный промыселъ находился въ „цвѣтущемъ“ состояніи; теперь онъ падаетъ, а въ будущемъ грозитъ уменьшиться еще болѣе, если не уничтожится окончательно. Главная причина уменьшенія горбатовскаго промысла заключается, по словамъ мѣстныхъ изслѣдователей, въ конкуренціи канатныхъ фабрикъ, которыя въ послѣднее время стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вытѣсняя горбатовскія издѣлія. Только мелкая снасть, производимая и на фабрикахъ ручнымъ способомъ, еще долго останется въ рукахъ кустарей ¹⁾.

Крупныя канатныя фабрики развиваются и въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губ. ²⁾.

Вязанье сѣтей въ гораздо меньшей степени страдаетъ отъ фабричной конкуренціи. Нищенскій заработокъ, получаемый кустарями отъ этого промысла, мѣшаетъ проникновенію въ это производство машины. Изслѣдователи этого промысла обыкновенно указываютъ на крайне низкую заработную плату кустарей, работающихъ сѣти по заказамъ крупныхъ торговцевъ, но сравнительно рѣдко упоминаютъ о вторженіи въ этотъ промыселъ фабрики. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя указанія на послѣднее встрѣчаются и здѣсь. Такъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ. „производство уровъ (родъ рыболовныхъ сѣтей)... въ настоящее время значительно пало, вслѣдствіе замѣны уровъ сѣтями изъ машинной веревки, которыя хотя и дороже, но значительно прочнѣе“ ³⁾. Краснощеровъ сообщаетъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, что оставшковская ручная сѣть вытѣсняется машиной.

„Въ Ригѣ я уже не нашелъ и слѣда оставшковской сѣти... Иностранная машинная сѣть вытѣснила оставшковскую въ теченіе послѣдняго пятилѣтія на всемъ побережьѣ Рижскаго залива, но

¹⁾ Труды куст. ком. VIII, стр. 1236, 1237, 1262. На это же указываютъ и другіе изслѣдователи. „Будущее (канатнаго) промысла непривлекательно“ (Нижегородскій Сборникъ, 1890 г. IX, стр. 19). „По общимъ отзывамъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ канатопрядильнаго производства, въ общемъ промыселъ этотъ замѣтно клонится къ упадку“. М. Плотниковъ. Кустарные промыслы Нижегородской губ.. стр. 258.

²⁾ Очеркъ состоянія кустарной промышленности въ Пермской губ. Пермь. 1896 г. Стр. 162, 163.

³⁾ Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій. 1892 г. Стр. 109.

дальше, въ глубь Россіи, еще не пошла... Машинная фильдекосовая сѣтъ отличается чрезвычайной прочностью и легкостью¹⁾. Тѣмъ не менѣе, повторяю, въ общемъ промыселъ этотъ держится очень стойко и сохраняетъ характеръ типичнаго кустарнаго промысла—производство исполняется безъ помощи машинъ, производитель получаетъ нищенскую плату и находится въ полной кабалѣ у скупщика-торговца, снабжающаго его сырымъ матеріаломъ. Участіе наемнаго труда въ этомъ промыслѣ вообще незначительно. Производство имѣетъ вполне семейный характеръ — кустари не держатъ рабочихъ и учениковъ. Что же способствуетъ такой чистотѣ „народнаго“ типа этого промысла? А то, что ученики и наемные рабочіе „здѣсь положительно немислимы, если обратить вниманіе на годовую заработную сумму самихъ кустарей“²⁾. Иными словами, „слабость наемнаго элемента“ вызывается упадкомъ заработковъ кустаря.

Обратимся теперь къ очень распространенному промыслу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ — плетенью рогожъ и тканью рогожныхъ кульковъ. Казалось бы, ужъ этотъ промыселъ можетъ не опасаться крупнаго производства, такъ какъ машина не находитъ никакого примѣненія въ этой примитивной промышленности. Тѣмъ не менѣе этотъ промыселъ принадлежитъ къ числу падающихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе трехъ причинъ: 1) конкуренціи съ рогожными кулями холщевыхъ и джутовыхъ мѣшковъ, изготовляемыхъ фабричнымъ способомъ; 2) конкуренціи крупныхъ кулеткацкихъ мастерскихъ, возникающихъ въ послѣднее время; 3) повсемѣстнаго вздорожанія лѣса, удорожающаго сырой матеріалъ. Такъ въ Спаскомъ уѣздѣ Казанской губ. „кулеткацкое производство въ послѣдніе годы сильно сократилось... рогожные кули замѣнены мѣшками изъ холста и джутовой ткани... На сокращеніе производства повліялъ также недостатокъ липы и дороговизна мочала... Тканье циновокъ почти совсѣмъ прекратилось по причинѣ отсутствія своего лѣса и дороговизны покупнаго мочала“³⁾. Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ той же губерніи кулеткацкій промыселъ „падаетъ главнымъ образомъ потому, что въ употребленіе входятъ мѣшки холщевые“⁴⁾.

1) „Русское Богатство“, 1894. Іюнь, Красноперовъ, Промыслы осташей.

2) Нижегородскій Сборникъ. IX, стр. 222.

3) Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Спасскій, 109.

4) Матеріалы и пр. Козьмодемьянскій уѣздъ, стр. 86.

Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи „въ силу того, въ настоящее время рогожные кули стараются замѣнить болѣе годными холстяными или дерюжными... кустари-рогожники должны терять энергію и надежду на хорошій сбытъ своихъ издѣлій... И дѣйствительно, подрывъ этотъ уже кое-гдѣ выступилъ ружу, каеъ-бы въ свидѣтельство того, что промыселъ этотъ жилъ вѣкъ... Въ Мадаевской волости, бывшей когда-то одной изъ населеннѣйшихъ и промышленныхъ, въ настоящее время рожный промыселъ прекратился... Одной изъ причинъ упадка просла служить недостатокъ и дороговизна матеріала“ ¹⁾.

Въ Костромской губерніи рогожное производство падаетъ вслѣдствіе вздорожанія лѣса ²⁾; то же самое сообщается и въ Пермской губерніи ³⁾, Вятской ⁴⁾. Въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ исчезли крупныя рогожныя и кулеткацкія мастерскія, захватившія производство въ свои руки.

Теперь я остановлюсь на одномъ любопытномъ явленіи, крайне характерномъ для морфологіи описаннаго процесса. Смыслъ очередной эволюціи заключается въ превращеніи мелкаго производства въ крупное. Между тѣмъ болѣе детальное изученіе морфогическихъ измѣненій кустарнаго производства, при его превращеніи въ фабричное, обнаруживаетъ, на первый взглядъ, парадоксальный фактъ: одновременно съ ростомъ фабричнаго производства, въ сохраняющихся кустарныхъ производственныхъ единицахъ наблюдается не концентрація производства, а, наоборотъ, издробленіе его. Мы увидимъ ниже, что факты этого рода погоряются въ самыхъ разнообразныхъ производствахъ. Остановимся пока на бумаготкацкой промышленности.

Московскій земскій статистикъ г. Вернеръ отмѣчаетъ, что параллельно съ ростомъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, фабрикъ, наблюдается сокращеніе мелкихъ фабричекъ, свѣтелокъ, переходъ кустарнаго ткачества изъ свѣтелокъ въ избу. „Съ развитіемъ ткачества, — говоритъ г. Вернеръ, — увеличивается число болѣе или менѣе самостоятельныхъ производителей, рабо-

¹⁾ Нижегородскій сборникъ 1890 г., вып. IX, стр. 389. По той же причинѣ промыселъ падаетъ и въ Ардаатовскомъ уѣздѣ. Нижегород. сборн. VIII, стр. 46.

²⁾ Матер. для ст. Костр. губ. III, 88.

³⁾ Сборникъ Пермскаго земства 1889 г. № 6, стр. 22, 71.

⁴⁾ Статистическое описаніе Орловскаго у. Вятской губ. Вятка, 1876. стр. 168, 230—242.

тающих не у владѣльца свѣтелки, а въ собственныхъ домахъ самыя промышленныя единицы становятся мельче, и большая часть населенія находитъ возможность вести самостоятельное дѣло или вступать въ непосредственныя отношенія съ работодателями“¹⁾

Въ мѣстностяхъ съ большимъ количествомъ крупныхъ фабрикъ больше и одиночныхъ производителей; гдѣ крупныхъ фабрикъ меньше, тамъ меньше и одиночныхъ кустарей, работающихъ въ этомъ случаѣ въ маленькихъ фабрикахъ - свѣтелкахъ. Но этого мало: не только при размѣщеніи въ пространствѣ можно замѣтити, что рядомъ съ фабрикой идетъ и кустарная изба, и исчезаетъ свѣтелка, но то же самое замѣчается и во времени, при развитіи фабричной формы производства. Такъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ распространеніе механическаго ткачества на фабрикахъ привело къ тому, что одни мастера вынуждены были „значительно сократить размѣры своего производства и понизить до невѣроятнаго минимума заработную плату ручныхъ ткачей, тогда какъ другіе, закрывая свои фабрички и раздавая основы на дома крестьянамъ-ткачамъ, получаютъ немалую прибыль, пользуясь дешевой рабочей силой“. Такую фабричную контору, — говоритъ г. Погожевъ, — „устроить гораздо дешевле и выгоднѣе, чѣмъ выстроить и поддерживать отдѣльную фабричку“²⁾. При сравненіи числа рабочихъ, занятыхъ на мелкихъ фабричкахъ въ 1871 и 1879 г., оказывается, что среднее число рабочихъ на одну фабричку уменьшилось — *фабрички сдѣлались мельче*.

Мелкіе фабрикантики предпочитаютъ раздавать работу кустарямъ непосредственно по избамъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать ткачей въ свѣтелкахъ. Г. Погожевъ объясняетъ раздробленіе кустарнаго производства желаніемъ мастерковъ-свѣтелочниковъ избѣжать платежа земскихъ налоговъ, установленныхъ по несоразмѣрно высокой оцѣнкѣ ткацкихъ свѣтелокъ. Однако, какъ мы увидимъ ниже, совершенно подобное же явленіе наблюдается въ весьма многихъ промыслахъ, *гдѣ происходитъ превращеніе кустарнаго производства въ фабричное*. Такое общее явленіе не можетъ вызываться случайной мѣстной причиной, указываемой г. Погожевымъ.

Я уже говорилъ выше, что и въ Дмитровскомъ уѣздѣ наблюдается то же самое: свѣтелки сокращаютъ производство, но параллельно растетъ число отдѣльныхъ ткачей, работающихъ на

1) Сборн. ст. свѣд. по Моск. губ. Т. VП., вып. III, стр. 10.

2) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. Отд. sanit. ст. Волоколамскій у., стр. 71.

ду. Во Владимірской губерніи распаденіе свѣтелокъ обозначи-
 ъ еще ярче. По словамъ В. Пругавина, „не подлежитъ сомнѣ-
 нію фактъ постепеннаго уменьшенія количества свѣтелокъ въ этомъ
 уѣздѣ“ (Александр. у.). „По разсказамъ старожиловъ“,—замѣ-
 чаетъ далѣе Пругавинъ,—„первое время существованія промысла
 (маготкацкаго), производство бумажныхъ тканей сосредоточива-
 лось главнымъ образомъ на фабрикахъ и свѣтелкахъ—на домахъ
 ботали очень мало“. Въ началѣ же 80-хъ годовъ число становъ
 избахъ вдвое превышало число становъ въ свѣтелкахъ. „Осо-
 бнно сильно уменьшилось число ткацкихъ свѣтелокъ въ окрест-
 ностяхъ города Александра, при чемъ рѣшающее значеніе въ
 этомъ дѣлѣ имѣла бумаготкацкая фабрика Баранова“¹⁾.

Въ Костромской губерніи „число свѣтелокъ, съ упадкомъ руч-
 ного тканья бумажныхъ издѣлій, значительно уменьшилось въ
 послѣднее время, и большая часть крестьянъ работаетъ теперь
 въ дому“²⁾.

Аналогичные примѣры раздробленія кустарнаго производства,
 одновременно со стягиваніемъ его на крупныя фабрики, мы уви-
 димъ ниже. Чѣмъ же вызывается такое, на первый взглядъ, стран-
 ное явленіе? Вѣдь если забыть, что мелкія фабрички распадаются
 на отдѣльныя кустарныя избы въ тѣхъ именно промыслахъ, ко-
 рые доживаютъ свои послѣдніе дни въ качествѣ кустарнаго
 производства и не сегодня—завтра примутъ форму крупныхъ фаб-
 рикъ, то легко заключить отсюда о торжествѣ „народной“ про-
 мышленности надъ капиталистической, и провозгласить побѣду
 старая надъ фабрикой. Между тѣмъ эта кажущаяся побѣда мел-
 каго производства представляетъ собой въ дѣйствительности,
 показаніе его неспособности конкурировать съ крупнымъ
 вѣдомъ, какъ пониженіемъ выручки производителя. Дѣло вотъ въ
 чемъ. Крупное машинное производство борется съ кустарнымъ—
 дешевой продукта. Каждый новый шагъ машинной техники
 пагубенъ для кустарнаго производства и паденіе цѣны продукта. Такъ какъ техника
 ручнаго производства не прогрессируетъ, то удешевленіе продукта
 лечетъ за собой и уменьшеніе выручки производителя. Чѣмъ
 больше прогрессируетъ техника, тѣмъ больше страдаетъ кустарь,
 тѣмъ меньше выручаютъ кустари. Наконецъ цѣна продукта падаетъ
 такъ низко, что мелкіе мастера, находившіе раньше возможнымъ

¹⁾ Промыслы Влад. губ. I, стр. 34, 36, 39.

²⁾ Матеріалы для статистики Костромской губ. III, стр. 70.

устраивать небольших мастерских (свѣтелки) и нанимать отъ себя рабочихъ (или сдавать эти мастерскія въ наемъ послѣднимъ, какъ это нерѣдко практикуется во Владимірской губерніи), прекращаютъ производство, такъ какъ ихъ предпринимательская выручка не окупаетъ расходовъ по содержанию мастерской. Иногда предпринимательская прибыль совсѣмъ исчезаетъ (см., напр., приведенное на стр. 457 показаніе г. Вернера), свѣтелка закрывается, ткачи начинаютъ работать на дому за нищенскую плату, изъ которой ничего нельзя выкроить въ пользу мелкаго предпринимателя; производство раздробляется, но именно потому, что растеть крупное производство—фабрика, уничтожающая мелкія мастерскія и загоняющая кустарей въ избу, изъ которой болѣе счастливые изъ нихъ затѣмъ переходятъ на фабрику, а прочіе остаются безпомощными жертвами sweating system—системы выжиманія пота, которая безраздѣльно царитъ въ нашей такъ называемой кустарной промышленности.

Въ кустарной обработкѣ шелка въ Александровскомъ уѣздѣ наблюдается то же явленіе: усиленіе конкуренціи крупнаго производства—фабрики (а также и другія причины) приводятъ къ измельчанію мелкихъ кустарныхъ заведеній.

По словамъ В. Пругавина, „на основаніи разсказовъ старожиловъ можно заключить, что въ первое время возникновенія промысла (мотанія шелка) въ Александровскомъ уѣздѣ существовало много мотальныхъ свѣтелокъ съ значительно большимъ числомъ наемныхъ рабочихъ, чѣмъ въ настоящее время. Словомъ, производство тогда имѣло болѣе крупный размѣръ, чѣмъ теперь“¹⁾.

Подобное же измельчаніе кустарнаго производства наблюдается и въ позументномъ промыслѣ, сильно страдающемъ отъ фабричной конкуренціи.

„Многіе изъ прежнихъ мастерковъ, выработывавшихъ позументъ и галунъ, въ настоящее время или совершенно прекратили производство, или же работаютъ уже безъ участія стороннихъ наемныхъ рабочихъ, а нѣкоторые изъ мастерковъ теперь превратились въ простыхъ ткачей, работающихъ по фабрикамъ. Такъ... изъ 81 позументной фабрички (въ 1871 г.) въ настоящее время прикончились лѣтъ 7—10 тому назадъ около 14 фабричекъ, на которыхъ прежде работало слишкомъ 900 человекъ. Изъ этихъ 14 мастерковъ—четверо работаютъ на фабрикѣ Ижванова вмѣстѣ

¹⁾ Промыслы Влад. губ.

своими семьями, на 3 фабричкахъ производство прекращено въ дѣствіе смерти перваго основателя, остальные 7 мастерковъ ботають только своей семьей, безъ найма стороннихъ рабочихъ“¹⁾.

Полотняныя ткацкія свѣтелки также раздробляются, благодаря куренціи фабрики. Въ Шунгенской волости (въ центрѣ куарнаго ткачества Костромской губерніи) „число свѣтелокъ, неотря на развитіе ткачества, въ послѣднее время сократилось; выхъ свѣтелокъ уже не строятъ, старыхъ не исправляютъ... значительнѣйшая часть становъ помѣщается уже на домахъ, но щая цифра становъ въ волости, во всякомъ случаѣ, отъ этого уменьшилась“²⁾. Въ другой волости, Челпановской, кустарное вчество полотенецъ „сократилось почти на половину“, при чемъ обенно уменьшилось производство въ свѣтелкахъ. „Много свѣлокъ стало уже пустыми“, а въ другихъ часть становъ не ратаетъ. Въ Башутинской волости „число работающихъ становъ крatically въ мѣстной свѣтелкѣ съ 80 становъ до 18“. Положеніе кустарнаго полотнянаго ткачества въ Костромской губерни въ началѣ 80-хъ годовъ дало основаніе мѣстному статистику Пирогову сдѣлать заключеніе, что „вообще ткацкія свѣтелки редставляютъ отживающую форму въ ряду промышленныхъ заеденій“³⁾.

Въ селѣ Великомъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ крестьяне устраими для тканья свѣтелки. „Свѣтелки были необходимы потому, го возвышеніе запроса на полотна и заработковъ ткачей побудало многихъ нанимать 2—3 рабочихъ, а для 3—4 становъ въ бѣ не было мѣста. Въ послѣднія 8 лѣтъ мы замѣчаемъ обратде движеніе: у кого есть свѣтелка, тотъ работаетъ въ ней; вновь е свѣтелки не строятся, и не строятся потому, что недостаточный заработокъ дѣлаетъ невыгоднымъ наемъ рабочихъ; разрушиасъ свѣтелка—и ткачъ переноситъ станъ въ избу“³⁾.

Въ тѣсной связи съ домашнимъ ткачествомъ стоитъ красильный промыселъ—окраска въ разные цвѣта самодѣльныхъ крестьянскихъ тканей. Вполнѣ естественно, что промыселъ этотъ посеѣстно падаетъ. Въ немъ наблюдается также раздробленіе производства.

„По словамъ промышленяющихъ, хотя число красильныхъ заве-

¹⁾ Сборникъ ст. свѣд. по Московской губ. Санитарн. отдѣлъ. Дмитровкій уѣздъ, стр. 5.

²⁾ Матеріалы для ст. Костромской губ. IV, стр. 231, 228, 232.

³⁾ Труды куст. ком. VI, стр. 674.

деній 10 — 15 лѣтъ тому назадъ было почти такое же, какъ нынѣ, но зато количество работающихъ въ этихъ заведеніяхъ было гораздо значительнѣе настоящаго... Прежде въ каждомъ крупномъ заведеніи были наемные рабочіе, нынѣ же въ большае ствѣ случаевъ обходятся безъ нихъ“¹⁾.

Итакъ распаденіе производства наблюдается почти во всѣхъ отрасляхъ кустарнаго ткачества и связанныхъ съ нимъ промысловъ.

Перейдемъ теперь къ другой обширной группѣ промысловъ — обработкѣ металловъ. Здѣсь процессъ поглощенія кустаря фабрикой подвинулся далеко неодинаково въ различныхъ производствахъ. Въ однихъ онъ подвинулся уже очень далеко, въ другихъ только начинается. Такъ кустарнаяковка гвоздей находится въ послѣдней стадіи паденія. Этотъ промыселъ, какъ извѣстно, былъ сильно распространенъ въ обширномъ районѣ охватывавшемъ Новгородскую, Тверскую, Нижегородскую, Ярославскую губерніи съ прилегающими мѣстностями. Я говорилъ выше о „процвѣтаніи“ гвоздарнаго промысла въ Николаевскую эпоху. Пока русскому гвоздю не пришлось столкнуться съ машиннымъ, промыселъ быстро развивался, сохраняя характеръ типичной капиталистической домашней промышленности. Скупщикъ держалъ въ полной своей власти кустаря, но такъ какъ на продуктъ кустаря имѣлся постоянный и все возростающій спросъ, то и число кустарей возросло и заработокъ ихъ не падалъ. Это дало основаніе г. В. В. произнести патріотическую тираду въ своей книгѣ „Судьбы капитализма въ Россіи“ объ удивительныхъ качествахъ нашего самобытнаго кустарнаго гвоздя, не боящагося никакой иностранной конкуренціи. Однако г. В. В. оказался плохимъ пророкомъ. Уже въ 70-хъ годахъ на рынокъ появляется машинный гвоздь и быстро вытѣсняетъ ручной. Уже въ 1875 г. Тверское земство, усиленно борющееся въ то время съ капитализмомъ и насаждавшее всевозможныя артели, должно было приступить къ ликвидаціи гвоздарныхъ артелей, ссылаясь на невозможность ручному гвоздю конкурировать съ машиннымъ²⁾. И действительно, гвоздарный промыселъ, занимавшій раньше первое мѣсто въ ряду промысловъ Тверского уѣзда, начиная съ 70-хъ годовъ быстро падаетъ, благодаря машинному гвоздю. „Многіе

1) Нижегородскій Сборникъ. 1890 г. IX, стр. 27.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Тверского земства. Томъ II. Тверь. 1884, стр. 407.

гвоздари прекратили производство и стали искать заработковъ въ тверскихъ фабрикахъ“¹⁾),—читаемъ въ земскомъ Сборникѣ за 376 г.

По словамъ г. Покровскаго, относящимся къ концу 70-хъ годовъ „современное положеніе гвоздарнаго ручного производства представляетъ его намъ въ состояніи довольно сильнаго упадка“²⁾.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ промыселъ упалъ еще сильнѣе³⁾), какъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

Число кузницъ и рабочихъ въ 4 важнѣйшихъ центрахъ гвоздарнаго промысла въ Тверскомъ уездѣ (въ селахъ Васильевскомъ и Михайловскомъ и въ деревняхъ Орудово и Яковлево⁴⁾).

	1851 г.	1880 г.	1892 г.
Число кузницъ	157	96	69
Рабочихъ	1.248	689	378
На 1 кузницу рабочихъ	8	7	5

Число кузницъ все падаетъ; въ еще большей степени уменьшается число рабочихъ.

„Коренные кузнецы-мастера, — читаемъ въ земскомъ Сборникѣ,—перестаютъ ковать гвозди и ищутъ заработка на сторонѣ. Упадокъ промысла обуславливается причинами, съ которыми трудно бороться. Машинные гвозди вытѣсняють ручной гвоздь и держиваютъ этотъ видъ кустарнаго промысла отъ окончательнаго упадка только вслѣдствіе недостаточно усовершенствованной техники въ производствѣ машинныхъ гвоздей... Есть еще работы, для которыхъ требуется исключительно ручной гвоздь“⁵⁾.

Паденіе гвоздарнаго промысла въ 70-хъ и 80-хъ годахъ отмѣчается во всѣхъ центрахъ этого производства. Такъ въ Ярославской губерніи „гвоздарное дѣло въ послѣдніе (конецъ семидесятыхъ годовъ) года стало значительно падать: спросъ на ручные гвозди уменьшается, къ тому же и гвозди вырабатываются хуже,

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для статистики Тверской губ. III, 1876, стр. 52.

²⁾ Труды куст. ком. V, 377.

³⁾ Сборникъ стат. свѣд. по Тверской губерніи, Тверской уездъ. 1893, стр. 177.

⁴⁾ Сборникъ ст. свѣд. по Тверск. у., Вып. 2, стр. 291—92 и Труды ком. V, 376.

⁵⁾ Сб. ст. свѣд. по Тверской губ. VIII. Вып. I, стр. 177.

чѣмъ прежде. Опаснымъ соперникомъ кузнецовъ-гвоздарей явился на рынкахъ машинный гвоздь. Въ самомъ центрѣ кустарнаго промысла, въ Уломѣ, стали появляться болѣе сильныя капиталисты по гвоздарному промыслу, которые склоняются къ тому мнѣнію, чтобы, стянувъ кустарей-гвоздарей къ центру производства, настроить заводовъ съ паровыми машинами для обработки и производства гвоздей. Въ послѣднее время немало уже выстроено въ Пришекснинской области желѣзнодорожныхъ паровыхъ заводовъ рѣзających желѣзо на прутья, а затѣмъ они раздаются кустарямъ для выдѣлки изъ нихъ гвоздей“¹⁾.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ „еще въ концѣ 70-хъ годовъ строились новыя шиповки (гвоздарныя кузницы)... начиная же съ 1880 г., мы видимъ обратное“. Шиповки закрываются одна за другой. „Подобный упадокъ производства кузнецы объясняютъ главнымъ образомъ, сильной и успѣшной конкуренціей машиннаго гвоздя... Сами кузнецы при постройкахъ начинаютъ употреблять не свой гвоздь, а машинный“²⁾.

За время 1882—1887 г. въ нѣсколькихъ селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда 16 шиповокъ прекратили работу, и число кузнецовъ уменьшилось на 240 чел. Кузнецы должны были покидать деревню и отправляться въ отходъ. „Шиповки мало-по-малу закрываются, и толпы неволью праздныхъ кузнецовъ отправляются въ Нижній въ надеждѣ найти въ немъ хотя бы какой-либо заработокъ“³⁾.

О гвоздарномъ промыслѣ въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ концѣ 70-хъ годовъ читаемъ въ „Трудахъ кустарной комиссіи“: „Итъ 10—15 назадъ гвоздарный промыселъ былъ выгоднѣе, чѣмъ теперь. Въ то время еще не вошелъ въ употребленіе машинный гвоздь, который своей дешевизной и чистотой вытѣсняетъ отдѣлки въ настоящее время вытѣсняетъ постепенно русскій доморощенный гвоздь. Многіе кузнецы были вынуждены прекратить производство... Какая будущность предстоить кузнечному промыслу? (замѣчаетъ авторъ цитируемой статьи, г. Карповъ). Мнѣ кажется, что мѣстный кузнечный промыселъ (выковка гвоздя) рано или поздно долженъ прекратиться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе конкуренціи машиннаго гвоздя“³⁾.

¹⁾ Вѣстникъ Ярославскаго земства 1880 г., мартъ—апрѣль. Кузнецы-гвоздари Пошехонскаго у., стр. 161, 162.

²⁾ Нижегородскій Сборникъ, т. VII, 1887 г., стр. 190, 198, 211

³⁾ Труды куст. ком. IV, 1880, стр. 173.

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ „кузнечный промыселъ съ каждымъ годомъ падаетъ... Главная причина этого — дороговизна углей и конкуренція машиннаго гвоздя“ ¹⁾.

Относительно положенія этого промысла въ 90-хъ годахъ мы имѣемъ свѣдѣнія по Тверской (см. выше) и Нижегородской губерніямъ. Промыселъ находится въ крайнемъ упадкѣ. Такъ, по сообщеніямъ изъ Арзамасскаго уѣзда, промыселъ этотъ, существовавшій почти во всѣхъ селеніяхъ Ивашкинской волости, „въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ прекратился по причинѣ появившагося въ продажѣ машиннаго англійскаго гвоздя, противъ котораго ручной гвоздь, какъ по цѣнѣ, такъ и по достоинству, конкурировать не можетъ“ ²⁾... Въ Нижегородскомъ уѣздѣ „гвоздарный промыселъ, по общимъ отзывамъ, въ настоящее время находится въ упадкѣ“. Корреспонденты земства называютъ его „умирающимъ промысломъ“ ³⁾.

Причина повсемѣстно отмѣчаемаго упадка гвоздарнаго промысла, дававшего раньше занятіе многимъ десяткамъ тысячъ гвоздарей, заключается не только въ конкуренціи машиннаго гвоздя, но также и въ вздорожаніи угля (древеснаго). Мнѣ еще придется указывать на значеніе этого втораго факта—вздорожанія топлива и сырья въ эволюціи нашей кустарной промышленности. Гвозди съ каждымъ годомъ дешевѣютъ, благодаря конкуренціи фабрики, а стоимость производства ручнаго гвоздя повышается, благодаря вздорожанію угля—какъ же существовать промыслу при этихъ условіяхъ? ⁴⁾.

Упадокъ гвоздарнаго промысла сопровождался и раздробленіемъ производства. Такъ мы видимъ, что въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1851 г. на 1 гвоздарную кузницу приходилось 8 рабочихъ, въ 1880 г.—7, а въ 1892—только 5. Точно такъ же въ Нижегородской губ. въ 30—40-хъ годахъ гвоздарныя кузницы имѣли характеръ небольшихъ артельныхъ фабричекъ. Въ настоящее же время число рабочихъ на гвоздарныхъ кузницахъ значительно сократилось ⁵⁾.

¹⁾ Труды куст. ком. IX, 1883, IV отдѣлъ, стр. 248.

²⁾ Сельскохоз. обзоръ Нижегородской губ. за 1892 г. Вып. III, страница 79.

³⁾ Сельскохоз. обзоръ Нижегородской губ. за 1892 г. Вып. III, страница 86.

⁴⁾ Эволюція гвоздарнаго промысла недурно описана въ статьѣ г. Фомина „Очеркъ исторіи гвоздарной промышленности въ Россіи“. (Записки Харьковскаго университета 1897 г.).

⁵⁾ См. Нижегородскій Сборникъ, т. VII, стр. 198. Труды куст. ком. IV, 171.

Съ другой стороны, раньше гвоздарное производство сосредоточивалось въ небольшихъ мастерскихъ, теперь же главную роль играютъ крупные гвоздарные заводы (главнымъ образомъ въ Виленской, Лифляндской, Московской и Петербургской губерніяхъ). Раздробленіе кустарнаго гвоздарнаго производства является такимъ образомъ не болѣе, какъ обычнымъ симптомомъ поглощенія кустарнаго промысла фабрикой.

Въ гвоздарномъ промыслѣ крупное производство,—фабрика уже одержала полную побѣду надъ кустаремъ. Въ другихъ промыслахъ по обработкѣ металловъ мы наблюдаемъ тотъ же процессъ на различныхъ стадіяхъ. Въ нѣкоторыхъ производствахъ онъ почти такъ же подвинулся, какъ и въ гвоздарномъ, въ другихъ еще только въ началѣ, и мелкое производство (въ формѣ домашней капиталистической системы) держится еще весьма прочно. Возьмемъ, напр., косный промыселъ Владимірской губ., сосредоточенный въ деревнѣ Харитоново. До 60-хъ годовъ промыселъ этотъ быстро развивался подобно гвоздарному. Съ этого времени начинается упадокъ промысла, зависящій съ одной стороны, отъ вздорожанія угля, съ другой—отъ конкуренціи машинной рижской косы. Число кузнечныхъ заведеній въ Харитоновѣ уменьшилось (въ началѣ 80-хъ годовъ) съ 55 до 12 ¹⁾; теперь, вѣроятно, косное производство въ этой деревнѣ совершенно прекратилось. Фабрика убила кустарную мастерскую. Точно такъ же „ковка топоровъ въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губ. падаетъ сильно и переходитъ въ г. Осташковъ... Многіе изъ мастеровъ пошли въ работники къ своимъ односельчанамъ или къ фабриканту топоровъ Мосягину въ городѣ Осташковѣ“ ²⁾,

Кузнечно-слесарному промыслу въ Суксунѣ (Пермск. губ.), по словамъ мѣстнаго изслѣдователя г. Манохина, грозитъ близкая гибель. Кузнецамъ придется бросить свои кузницы и отправиться въ отхожіе промыслы ³⁾. „Кузнечному промыслу въ г. Тихвинѣ въ будущемъ предстоитъ уничтоженіе“, благодаря тому, что „тѣ издѣлія, которыя изготовляются кустарями... вскорѣ перейдутъ въ руки заводчиковъ“ ⁴⁾. Металлическіе промыслы села Безводнаго (Нижегор. губ.)—вытягиваніе проволоки и тканье металлическихъ

1) Труды куст. ком. X, стр. 2885.

2) Статистическое описаніе Ржевскаго у. Тверской губ. 1885, стр. 130.

3) Труды куст. ком. X, стр. 3017.

4) Труды куст. ком. VІІІ, 1403.

лотенъ также страдаютъ отъ фабричной конкуренціи ¹⁾. Кустарное латунномѣдное производство Лаишевскаго уѣзда Казанской г. (выдѣлка мѣдныхъ украшеній) не можетъ конкурировать съ тѣмъ дешевыми фабричными издѣліями ²⁾.

Въ другихъ случаяхъ кустарное производство металлическихъ издѣлій еще почти не встрѣчаетъ соперничества фабрики. Такъ, пр., интересный кузнечно-слесарный районъ представляетъ Бурмакинская волость Ярославскаго уѣзда. Здѣсь выдѣлываютъ самыя разнообразныя желѣзныя издѣлія—принадлежности конской сбруи, шлица, пряжки, оконныя задвижки, скобы и пр. За 5 лѣтъ съ 1875 по 1880 г. число слесарей и кузнецовъ возросло на 10% ³⁾. По словамъ г. Исаева, бурмакинскіе кустари еще не страдаютъ отъ конкуренціи фабрики. Тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчается одно обстоятельство, угрожающее будущности промысла, именно вздорожаніе угля, находящееся въ непосредственной связи съ вздорожаніемъ лѣса. За 30 лѣтъ цѣна угля удвоилась и продолжаетъ расти. Вздорожаніе угля вызываетъ тревожныя опасенія г. Исаева за будущность промысла. Но если вспомнить, что бурмакинцы отнюдь не обладаютъ талисманомъ противъ вторженія въ ихъ производство машинъ, то трудно усомниться въ томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и бурмакинцы придуть въ положеніе гвоздарей, принужденныхъ бросать свои шиповки и устремляться неизвѣстно куда въ отхожіе промыслы.

И дѣйствительно, изъ „Обзора Ярославской губ.“ 1896 г. мы узнаемъ, что бурмакинскіе промыслы уже падаютъ, вслѣдствіе пониженія цѣны издѣлій ⁴⁾.

Въ знаменитомъ селѣ Павловѣ, центрѣ слесарнаго производства Горбатовскаго у. Нижегородской губ., въ нѣкоторыхъ про-

¹⁾ Нижегородскій сборникъ, VII, стр. 339; также Всероссийская выставка 1896 г. Нижегородская губ. Вып. II, стр. 16. На то же указывается въ „Отчетахъ и изслѣдованіяхъ по кустарной промышленности въ Россіи“ (изд. М-ва Госуд. Имуществъ): „въ послѣднее время желѣзотягольное производство (въ селѣ Безводномъ) стало сокращаться въ виду появленія въ продажѣ желѣзной проволоки заводской выдѣлки... Будущность большинства кустарныхъ промысловъ села Безводнаго не обезпечена: за исключеніемъ цѣпного дѣла и выдѣлки уды, остальные производства, рано или поздно, получаютъ фабричный характеръ“. (Т. I, стр. 186, 190).

²⁾ Матеріалы для сравн. оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губ. Уѣздъ Лаишевскій. 1889, стр. 114.

³⁾ Труды куст. ком. VI, стр. 711 и слѣд.

⁴⁾ Обзоръ Ярославской губ. II, стр. 11.

изводствахъ господствуетъ уже фабрика, въ другихъ держится кустарная изба. Такъ въ ножевомъ и перочинномъ промыслѣ „борьба ведется уже между мелкою и крупною мануфактурой, не между мануфактурой и чисто-кустарной формой производства“¹⁾

На фабрикѣ столовыхъ ножей Кондратовыхъ (въ селѣ Вачѣ до 400 рабочихъ. На этой фабрикѣ примѣнены машины къ разнымъ операціямъ ножевого производства. Въ перочинномъ промыслѣ господствуютъ мелкія мастерскія съ наемными рабочими но есть и довольно крупныя фабрики. Что касается до самаго важнаго въ селѣ Павловѣ замочнаго промысла, то его эволюція очень интересна и поучительна. По словамъ г. Потресова, изучившаго на мѣстѣ этотъ промыселъ, „кардинальнымъ фактомъ въ исторіи замочнаго промысла является уменьшеніе какъ числа мастерскихъ съ наемными рабочими, такъ и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ“. Въ 1880 г. въ Павловѣ было 217 мастерскихъ съ наемными рабочими (по даннымъ г. Григорьева), въ 1890 г.—только 155 такихъ мастерскихъ, между тѣмъ какъ число замочниковъ безъ наемныхъ рабочихъ значительно возросло. Въ мастерскихъ съ наемными рабочими работало въ 1880 г.—528 раб., въ 1890 г.—345 раб. „Что число мастерскихъ съ наемными рабочими стало меньше, чѣмъ было 15—20 лѣтъ назадъ—это единогласный отзывъ всѣхъ опрошенныхъ мною жителей“,—замѣчаетъ г. Потресовъ (Докладъ С.-Петербур. Комит. о ссудосбер. кассахъ 1895 г.). По словамъ г. Потресова, опрошенные кустари объясняютъ этотъ фактъ такимъ образомъ: „на вопросъ, почему перестали держать рабочихъ, отвѣтъ былъ таковъ: не изъ чего держать рабочаго, рабочему нужно и передышку дать, и кормить его надо, нужно, чтобы хозяйство исправно было, а у насъ что? Не изъ чего попользоваться“...

Образцовое во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдованіе г. Потресова вполне выясняетъ основныя причины уменьшенія наемнаго элемента въ замочномъ производствѣ. Это — паденіе цѣнъ на замки (отчасти тому же результату содѣйствовало и изобрѣтеніе новаго способа пайки). Какъ естественное слѣдствіе этого паденія является ухудшеніе положенія кустаря и невозможность для него содержать наемныхъ рабочихъ.

Почему же падаетъ цѣна замка? Вслѣдствіе вытѣсненія съ

¹⁾ Матеріалы для оцѣнки земель Нижегородской губерніи. Вып. VII, стр. 63

инка павловскаго ручнаго замка машиннымъ. Павловскій замокъ, по словамъ г. Потресова, теряетъ одинъ рынокъ за другимъ. Крупныя замочныя фабрики Западнаго края бьютъ павловскаго старя дешевизной продукта и заставляютъ его распускать рачихъ и работать безъ помощи наемнаго элемента.

Въ замочномъ, какъ и гвоздарномъ промыслѣ слѣдуетъ отмѣтить то важное обстоятельство, что фабрика, вытѣсняющая кустарную мастерскую, отнюдь не всегда вырастаетъ изъ мѣстной и кустарной промышленности. Фабрика появляется нерѣдко со-внѣмъ въ другомъ концѣ государства — въ Ковнѣ, Ригѣ, Петербургѣ — кустарь этой фабрики никогда не видалъ, но зато онъ лично чувствуетъ ея вліяніе по паденію цѣны его собственнаго продукта. На рынокѣ появляется новый, фабричный продуктъ, кустарь изнемогаетъ въ борьбѣ съ грозной силой, выражающейся въ невинномъ видѣ улучшеннаго и удешевленнаго гвоздя ли замка. Эта борьба живыхъ людей—кустарей гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, и фабричныхъ предпринимателей на какой-нибудь русской окраинѣ или за границей является, кстати сказать, прекрасной иллюстраціей того *фетишизма товарнаго производства*, о которомъ говоритъ Марксъ въ первомъ томѣ „Капитала“. Одинъ товаръ борется съ другимъ; полемъ сраженія для нихъ является рынокъ, иногда одинаково далекій отъ мѣстъ производства—какая-нибудь Малороссія или далекая Сибирь. Рынокъ не знаетъ ни кустаря ни фабричнаго, а только замокъ одного или другого качества. Но за каждымъ изъ этихъ замковъ скрываются люди, извѣстныя соціальныя группы и отношенія; въ дѣйствительности борьба идетъ между живыми людьми и побѣда машиннаго замка знаменуетъ собой побѣду новаго соціальнаго строя.

Въ металлическихъ кустарныхъ промыслахъ Богородскаго уѣзда, по изслѣдованію г. Вернера въ 1890 г., наблюдается развитіе крупнаго производства. „Какъ въ Загарьи, такъ и въ Гусицахъ число мастерскихъ нѣсколько уменьшилось; уменьшеніе это произошло въ первомъ изъ этихъ районовъ отчасти отъ переноса кустарныхъ заведеній въ крупныя, отчасти вслѣдствіе сокращенія самыхъ мелкихъ заведеній, вынужденныхъ прекратить производство. Во второмъ районѣ на ряду съ сокращеніемъ числа самыхъ мелкихъ заведеній возникли и крупныя. Въ общемъ кустарныя мастерскія стали крупнѣе“¹⁾.

1) Статистическій Ежегодникъ Московской губ. 1890. Кустарные промыслы Богородскаго у., стр. 19.

Итакъ въ металлическихъ промыслахъ Богородскаго уѣзда наблюдается обратное явленіе, сравнительно съ отмѣченнымъ въ павловской замочной промышленности: производство въ кустарныхъ мастерскихъ не только не раздробляется, а становится крупнѣе. Чѣмъ же это объясняется? А тѣмъ, что поглощеніе мелкаго производства крупнымъ можетъ совершаться двоякимъ образомъ: во первыхъ, крупное производство,—фабрика можетъ возникать независимо отъ мѣстнаго кустарнаго производства и затѣмъ, вызывая пониженіе цѣны товара, дѣйствовать угнетающимъ образомъ на кустарные промыслы, производящіе аналогичные продукты; промыселъ въ этомъ случаѣ раздробляется и въ концѣ-концовъ нерѣдко уничтожается. Такимъ путемъ исчезаетъ, напр., гвоздарный промыселъ въ Тверской, Ярославской и Нижегородской губерніяхъ. Фабрики, убивающія этотъ промыселъ, выросли отнюдь не изъ гвоздарныхъ кузницъ, а возникли совершенно независимо отъ нихъ, совершенно въ другихъ географическихъ пунктахъ Россіи, и связь между ними и гвоздарнымъ кустарнымъ промысломъ устанавливается лишь при посредствѣ рынка. Раздробленіе промысла знаменуетъ собой невозможность для кустарной мастерской съ наемными рабочими конкурировать съ фабрикой, исчезновеніе предпринимательской прибыли кустаря. То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, когда фабрика, хотя и выросшая изъ мѣстнаго кустарнаго производства, уже достигла крупныхъ размѣровъ, замѣнила ручной трудъ машиннымъ и привела къ такому паденію цѣны товара, при которомъ кустарю „не изъ чего содержать рабочихъ“. Въ такомъ положеніи находятся владимірскіе, московскіе, костромскіе свѣтелочники-мастера. Свѣтелки пустѣютъ потому, что ручного кустаря бьетъ машина и загоняетъ его или на фабрику, или въ собственную избу.

Во-вторыхъ, крупное производство можетъ возникнуть изъ самой кустарной промышленности путемъ естественной эволюціи послѣдней. Если промыселъ не страдаетъ отъ конкуренціи фабрикъ, то болѣе крупныя кустарныя мастерскія, пользуясь выгодами крупнаго производства, вытѣсняють мелкія; производство принимаетъ все болѣе крупныя размѣры и кустарная мастерская превращается въ фабрику. Такимъ образомъ возникли ножевыя фабрики въ павловскомъ районѣ. Въ этомъ случаѣ кустарное производство концентрируется и среднее число рабочихъ на одну мастерскую возрастаетъ—промыселъ не отмираетъ, но переходитъ въ высшую форму.

Иначе говоря; концентрація или раздробленіе кустарной мастерской зависитъ отъ уровня техники въ фабричномъ производствѣ. Если превосходство фабрики не очень велико, то кустарная мастерская постепенно вырастаетъ въ фабрику. Если же превосходство это огромно, то кустарная мастерская распадается и промыселъ отмираетъ.

Павловскимъ замочникамъ грозитъ участь ярославскихъ и нижегородскихъ гвоздарей (если не возникнетъ, къ ихъ счастью, фабричное производство замковъ въ Павловѣ); напротивъ, загарскіе и гуслицкіе мѣдники Богородскаго у. не страдаютъ отъ конкуренціи фабрики и потому ихъ мастерскія могутъ безпрепятственно расти и превращаться въ небольшія фабрички, чтобы затѣмъ стать настоящими фабриками.

Такимъ образомъ, хотя и разными путями, совершается превращеніе кустарнаго промысла въ фабрику.

Въ общемъ же нельзя не признать, что въ обработкѣ металловъ кустарное производство держится сильнѣе, чѣмъ въ текстильной промышленности, хотя и здѣсь уже начался и болѣе или менѣе подвинулся процессъ поглощенія мелкаго производства крупнымъ.

Промыслы по обработкѣ кожи въ еще меньшей степени стянулись въ крупныя заведенія. Но конкуренція крупнаго производства чувствуется и здѣсь. Такъ кожевенный промыселъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи очень пострадалъ отъ устроенныхъ въ городѣ Пошехоньѣ кожевенныхъ заводовъ; число кустарей-кожевниковъ въ деревняхъ сократилось ¹⁾. Въ Ростовскомъ уѣздѣ той же губерніи промыселъ приготовления кожаной обуви падаетъ вслѣдствіе распространенія среди крестьянъ московскихъ кожаныхъ издѣлій ²⁾. Точно такъ же и въ Нижегородской губерніи кожевенный промыселъ падаетъ вслѣдствіе конкуренціи отчасти крупныхъ петербургскихъ кожевенныхъ заводовъ, отчасти мѣстныхъ ³⁾. Въ важнѣйшемъ центрѣ кустарнаго сапожнаго производства—селѣ Кимрахъ—крупное производство быстро развивается. Уже въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Кимрахъ появились машины; въ 1876 г. въ селѣ было болѣе 100 строчильныхъ

1) Вѣстникъ ярославскаго земства. 1875, июнь. Кустарная промышленность въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

2) Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. II. Приложенія, стр. 96.

3) Всероссийская выставка 1896 г. Нижегородская губернія, II, стр. 16.

машинъ ¹⁾. Крупные капиталисты Кимры держать въ рукахъ все кимрское сапожное производство; работа происходитъ частью въ мастерской хозяина, частью на дому. Число наемныхъ рабочихъ въ мастерскихъ увеличивается. Обычные спутники развитія крупнаго производства наблюдаются и въ кимрскомъ районѣ: многие сапожники бросаютъ свой промыселъ вслѣдствіе незначительности заработной платы и уходятъ на заработки въ города ²⁾.

Кустарные сапожники заштатнаго городка Черниговской губерніи Коропа были „стерты съ лица земли Варшавою“ ³⁾ (сапожными издѣліями крупныхъ варшавскихъ мастерскихъ). Промыселъ совершенно упалъ и „дальній отходъ получилъ громадное развитіе“.

Перейдемъ теперь къ самой разнообразной группѣ промысловъ, занимающей болѣе всего рукъ,—промысламъ по обработкѣ дерева. Промыслы этого рода принадлежатъ къ самымъ стариннымъ. Они повсемѣстно распространены, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ. Машина почти не проникла въ производства этого рода; казалось бы, кустарное производство именно въ этой области должно стоять наиболѣе прочно. И однако почти отовсюду мы узнаемъ, что лѣсные и древообрабатывающіе промыслы находятся въ упадкѣ и по одной причинѣ, вслѣдствіе вздорожанія сырого матеріала—лѣса.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и древообрабатывающіе промыслы страдаютъ отъ конкуренціи машинъ. Такъ ящичный промыселъ въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губ. „съ каждымъ годомъ падаетъ вслѣдствіе крупныхъ машинныхъ мастерскихъ въ Москвѣ“ ⁴⁾. Точно такъ же кустарное производство ящиковъ въ Ярославскомъ уѣздѣ „губится производствомъ ихъ на паровыхъ лѣсопильняхъ“ ⁵⁾. Колесный промыселъ села Плотинскаго Макарьевскаго уѣзда падаетъ, благодаря устройству въ селѣ Лысковѣ специальныхъ колесныхъ заведеній ⁶⁾. Дужное производство Нижегородскаго уѣзда

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для статистики Тверской губерніи. III, стр. 84.

²⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ., Калязинскій у., стр. 147. Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

³⁾ Земскій сборникъ Черниговской губ. 1891, №№ 6—7, стр. 163—164.

⁴⁾ Стат. Ежег. Моск. губ. за 1895 г. Промыслы, стр. 2.

⁵⁾ Обзоръ Яросл. губ. II, стр. 4.

⁶⁾ Нижегородскій Сборникъ, X, стр. 230.

падаетъ съ каждымъ годомъ и на поднятіе его нѣтъ надежды“, причемъ одной изъ причинъ этого паденія является „усиленная incurrentia привозныхъ въ Нижній дугъ“ (вѣроятно, продуктъ лупнаго производства) ¹⁾. Но случаи такого рода не часты; обья же причина упадка промысловъ иная — истощеніе и вздожаніе лѣса.

Возьмемъ, на примѣръ, богатую лѣсомъ Нижегородскую губерню. Лѣсные промыслы Ардатовскаго уѣзда, „издавна развившіеся въ дѣдствіе бывшаго обилія лѣса, теперь падаютъ, съ одной стороны, отъ недостатка послѣдняго, а съ другой — отъ повышенія цѣны на лѣсные матеріалы“. Такъ къ числу промысловъ, падающихъ по указанной причинѣ, относятся лапотный, колесный, саней, бондарный, рѣшетный, производство кошелей, деревянной посуды и друг. Отзывы мѣстныхъ изслѣдователей объ этихъ промыслахъ можно резюмировать словами одного изъ нихъ, г. Комарова: „производство всѣхъ означенныхъ деревянныхъ издѣлій затѣно клонится къ упадку, и недалеко, быть можетъ, то время, когда означенный промыселъ прекратитъ свое существованіе“ ²⁾.

То же самое констатируется и въ другихъ уѣздахъ Нижегородской губерніи—Васильскомъ, Княгининскомъ, Лукояновскомъ, Нижегородскомъ и друг. „Промыселъ обреченъ на гибель“, „промыслу грозитъ уничтоженіе“, — такими выраженіями характеризуется положеніе деревообрабатывающихъ промысловъ мѣстными изслѣдователями.

Въ Смоленской губ. бондарный промыселъ „сильно падаетъ, благодаря вздорожанію лѣса“ ³⁾. Въ Самарской губ. деревообрабатывающіе промыслы „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаются въ своихъ размѣрахъ, главнымъ образомъ въ дѣдствіе недостатка и дороговизны сырыхъ матеріаловъ“ ⁴⁾. Въ Костромской губ. „приготовленіе деревянныхъ издѣлій вообще падаетъ въ послѣднее время, по случаю возвышенія цѣны на лѣсной матеріалъ“ ⁵⁾. Въ Ярославской губерніи „приготовленіе всѣхъ вообще издѣлій изъ лѣса замѣтно уменьшается по случаю уменьшенія лѣса и дорогой цѣны онаго“ ⁶⁾. Въ Тверской губ. промыслы

1) Нижегородскій сборникъ, VII, стр. 301.

2) Нижегородскій сборникъ, VIII, стр. 193.

3) Сборн. ст. свѣд. по Смол. губ., Вяземскій уѣздъ, стр. 149.

4) Сборн. ст. свѣд. по Самарской губ., Ставропольскій у., стр. 175.

5) Матеріалы для стат. Костр. губ. III, стр. 87.

6) Обзоръ Ярославской губ. II, 89.

бондарный, смолокурный, плетение корзины и др. сократились отъ дороговизны матеріала ¹⁾. „Въ качествѣ обычнаго мотиву упадка промысла приводится недостатокъ матеріала для издѣлій—преимущественно лѣсного, служившаго основой для промысловъ. Даже въ Осташковскомъ у., наиболѣе лѣсистомъ сравнительно съ остальными, ощущается теперь нужда въ лѣсномъ матеріалѣ“ ²⁾.

Въ Казанской губ. бондарный промыселъ „въ настоящее время приноситъ мало выгодъ... какъ на главную причину упадка указывается на пониженіе цѣнъ на готовые издѣлія и на повышеніе цѣнъ на покупной лѣсъ“ ³⁾.

Отзывовъ такого рода можно было бы привести очень много, но и сказаннаго довольно для обрисовки основной тенденціи. Древообрабатывающіе промыслы падаютъ почти повсемѣстно — не отъ конкуренціи крупнаго производства, а, главнымъ образомъ отъ вздорожанія сырья.

По этой же причинѣ падаютъ угольный, дегтярный и смолокурный промыслы. Дегтярный промыселъ, впрочемъ, страдаетъ не отъ конкуренціи продукта крупнаго производства—нефти.

Вятская губ., въ качествѣ лѣсной губерніи, казалось бы, должна была менѣе всего страдать отъ истощенія лѣсовъ.— Однако вздорожаніе лѣса весьма осязательно чувствуется и здѣсь. Промыселъ по сухой перегонкѣ дерева въ Вятской губ. „постепенно клонится къ упадку“. Смолодегтярный промыселъ въ той же мѣстности сильно страдаетъ отъ конкуренціи нефти. „Надъ смолодегтярнымъ дѣломъ приходится поставить крестъ“ ⁴⁾, по выраженію вятскаго земскаго статистика, г. Кучина.

Мнѣ остается очень немного сказать о другихъ промыслахъ. Такъ промыслы по обработкѣ глины въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ характеръ мелкаго производства, конкуренція фабрикъ въ этой области выражается главнымъ образомъ въ конкуренціи фарфоровой и металлической посуды—продукта крупнаго фабричнаго производства, съ глиняной, изготавливаемой попрежнему ручнымъ способомъ мелкимъ производителемъ—кустаремъ. Такъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ардатскаго уѣзда гончарный промыселъ

¹⁾ Сельскохоз. обзоръ Тверск. губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2--6.

²⁾ Сельскохоз. очеркъ Тверск. губ. за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

³⁾ Матеріалы для сравнит. оцѣнки угодій Казанской губ. Спасскій у. стр. 108.

⁴⁾ Промыслы Вятской губ. III, 189.

падаетъ потому, что „все болѣе и болѣе распространяющееся употребленіе чугунной, металлической и фарфоровой посуды на много сокращаетъ спросъ на гончарныя издѣлія“. Промыселъ даетъ ничтожный заработокъ, и крестьяне его не бросаютъ окончательно только по неимѣнію другихъ болѣе выгодныхъ заработковъ и по доступности сырого матеріала — глины. Въ такомъ же положеніи находится гончарный промыселъ и въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Лѣтъ двадцать тому назадъ промыселъ былъ въ цвѣтушемъ состояніи; теперь же принадлежитъ къ числу падающихъ, благодаря развитію фабричнаго производства глиняной посуды въ Боровицкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи ¹⁾. Въ Гжелскомъ районѣ горшечное производство, имѣвшее кустарный характеръ, въ настоящее время почти совершенно вытѣснено фарфоровой и фаянсовой промышленностью, сконцентрированной на крупныхъ фабрикахъ ²⁾. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи гончарный промыселъ сокращается вслѣдствіе истощенія глины и вздорожанія лѣса ³⁾. Этотъ промыселъ точно такъ же падаетъ и въ Рыбинскомъ уѣздѣ ⁴⁾. Но вообще гончарный промыселъ принадлежитъ и по настоящее время къ числу очень немногихъ, въ которыхъ дѣйствительно господствуетъ „самостоятельное производство“ (что объясняется доступностью сырья и примитивностью техники производства). Для будущности гончарнаго промысла гораздо опаснѣе непосредственной конкуренціи фабрики вздорожаніе топлива ⁵⁾.

Остановимся на тщательно изслѣдованномъ щеточномъ промыслѣ Московской губерніи. Сравненіе этого промысла въ 1879 г. (годъ перваго обслѣдованія) и въ 1895 г. (годъ послѣдняго обслѣдованія) приводитъ къ очень любопытнымъ выводамъ. Промыселъ за это время значительно распространился, число лицъ, занимающихся имъ, возросло съ 835 до 1.424 человекъ, т. е. болѣе чѣмъ на 70%. Въ 1879 г. 56 щеточныхъ заведеній работали безъ помощи наемныхъ рабочихъ, въ 1895 г. число такихъ заведеній равнялось 185. Число мастерскихъ съ наемными рабочими въ 1879 г. со-

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ., III, 117.

²⁾ Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1890 г. Промыслы Богородскаго уѣзда, стр. 12.

³⁾ В. Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи. II. Приложенія, стр. 96.

⁴⁾ Обзоръ Ярославской губерніи, II, стр. 37.

⁵⁾ См. Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1894 г. Промыслы, стр. 2.

ставляло около $\frac{2}{3}$ всѣхъ мастерскихъ, а въ 1895 г.—около 40%. Число крупныхъ мастерскихъ, имѣющихъ болѣе 10 рабочихъ, сократилось вдвое. Средняя величина промышленной единицы въ 1879 г. была 5,5 работниковъ, а въ 1895 г. — 4,7 работниковъ. Иными словами, промыселъ раздробился — производство приняло болѣе семейный характеръ.

Казалось бы, эти данныя свидѣлствуютъ о торжествѣ чистаго „народнаго“ типа кустарнаго производства въ щеточномъ промыслѣ? На самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно обратнымъ. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя, г. Руднева, измѣненіе щеточнаго промысла сопровождалось распространеніемъ въ немъ работы изъ чужого матеріала, по заказамъ крупныхъ производителей, многіе изъ которыхъ перебрались въ Москву и перенесли тѣда свои мастерскія. Промыселъ сталъ доступенъ малосостоятельнымъ семьямъ именно потому, что онъ потерялъ всякое подобіе самостоятельнаго производства. Положеніе производителя при этомъ ухудшилось. Иными словами, и въ щеточномъ производствѣ мы наблюдаемъ много разъ констатированное нами явленіе—кажущееся торжество семейнаго производства надъ капиталистическимъ оказывается вѣрнымъ симптомомъ торжества капиталистической промышленности ¹⁾.

Итакъ упадокъ наиболѣе важныхъ кустарныхъ промысловъ подъ влияніемъ развитія крупнаго производства и вздорожанія сырья въ общемъ представляется несомнѣннымъ. Но не нужно представлять себѣ слишкомъ шаблонно, схематически процессъ промышленной эволюціи, приводящій къ побѣдѣ болѣе совершенныхъ въ техническомъ отношеніи формъ промышленности — къ побѣдѣ фабрики надъ примитивнымъ мелкимъ производствомъ на дому. Взаимодѣйствіе фабрики и кустарнаго производства и теперь, какъ и прежде, выражается не только въ поглощеніи послѣдняго первой.

По справедливому замѣчанію г. Харизоменова, фабрика „въ большинствѣ случаевъ, убивая одну отрасль кустарнаго промысла, параллельно развиваетъ другую... Если суконная фабрика убила (въ Опаринской волости) домашнее производство нѣмецкихъ суконъ, то та же фабрика дала опаринцамъ „кромку“, слѣдовательно, развила новую отрасль домашняго суконнаго производства“ ²⁾.

¹⁾ О щеточномъ промыслѣ въ 1895 г. см. Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1895 г. Щеточный промыселъ. С. Руднева.

²⁾ Промыслы Влад. губ. II, стр. 146.

Ючти на нашихъ глазахъ въ селѣ Кимрахъ возникла новая отрасль апожнаго производства—выдѣлка такъ называемаго гамбургскаго овара, благодаря устройству вблизи Кимръ большого кожевеннаго завода, открывшаго выдѣлку кожи по новому способу ¹⁾. Красноперовъ въ „Сборникѣ Пермскаго земства“ отмѣчаетъ тотъ же фактъ относительно кожевенныхъ промысловъ. „Кожевенное кунгурское производство“,—говоритъ онъ,—„есть типичный выразитель деи органической связи фабричной и кустарной промышленности... юму не доводилось слышать, что между крупной и мелкой промышленностью существуетъ антагонизмъ, что фабрика поглощаетъ и поглотитъ кустарную промышленность... а здѣсь, наоборотъ, мы видимъ, что фабрика вступаетъ въ правильный союзъ съ кустарной промышленностью, имѣя цѣлью не подавленіе этой промышленности, но развитіе ея силъ“ (Сборн. Перм. земства 1889 г. ѣ 6, стр. 3—4).

Вокругъ крупной промышленности г. Кунгура группируется шлый рядъ кустарныхъ промысловъ, какъ-то: отдѣлка кожъ, шитье ожаной обуви, изготовленіе шпильки для сапогъ, деревянныхъ апожныхъ колодокъ, приготовленіе золы для кожевенныхъ заводувъ и пр.

Фактъ развитія нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ подь влияніемъ фабрики отмѣченъ Красноперовымъ совершенно вѣрно, но то комментарий свидѣтельствуютъ только объ обычной недалноидности нашихъ народниковъ. Изъ того, что фабрика порождаетъ кустарные промыслы, Красноперовъ заключаетъ, что никакого антагонизма между этими формами промышленности не существуетъ. Юслѣднее совсѣмъ невѣрно: вызывая новые промыслы на одной стадіи промышленнаго развитія, фабрика на слѣдующей стадіи ступаетъ съ ними въ борьбу и уничтожаетъ ихъ, создавая новые промыслы, которымъ предстоитъ погибнуть подь влияніемъ онкуренціи крупнаго производства въ слѣдующей стадіи и т. д. т. д. Такимъ образомъ фабрика и крупное производство неклонно идутъ впередъ и завоевываютъ одну отрасль промышленности за другой, несмотря на возникновеніе подь влияніемъ фабрики новыхъ мелкихъ промысловъ.

Въ то время, какъ одни промыслы исчезаютъ или исчезли, ихъ мѣсто занимаютъ другіе; такъ, напр., во Владимірской губерніи,

¹⁾ Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности Россіи, , 225.

гдѣ фабрика особенно энергично вытѣсняетъ кустаря изъ болѣе важныхъ старинныхъ промысловъ (какъ, напр., ткацкій), развивается валяльнѣй промыселъ, въ нѣкоторой, хотя и далеко не полной степени замѣняющій первые ¹⁾). Къ числу развивающихся промысловъ принадлежитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и овчинношубное производство (хотя въ Ярославской губ. оно быстро падаетъ). Въ Московской губерніи въ нѣкоторыхъ деревняхъ распространяется патронный промыселъ (выдѣлка папиросныхъ гильзъ); то же самое констатируется и относительно Тверской губерніи. Нѣкоторые металлическіе промыслы и теперь, какъ и прежде, группируются вокругъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ и развиваются вмѣстѣ съ ростомъ фабричнаго производства ²⁾). Сапожный и портняжный промыслы также развиваются во многихъ пунктахъ, удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ производства. Въ Костромской губерніи, въ Кинешемскомъ уѣздѣ, до 60-хъ годовъ было развито кустарное ткачество сукна; съ этого времени суконное ткачество стало падать, благодаря конкуренціи фабрикъ; замѣнъ этого сталъ быстро распространяться новый сапоговаляльнѣй промыселъ. Въ 1895 г. въ Кинешемскомъ уѣздѣ считалось уже до 5000 рукъ, занятыхъ валяльнѣй промысломъ. Впрочемъ, въ настоящее время валяльное производство утрачиваетъ кустарный характеръ и стягивается въ крупныя заведенія. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя, „исчезаютъ болѣе мелкіе заводы, и на счетъ ихъ расширяются крупныя“. Можно было бы привести много примѣровъ кустарныхъ промысловъ, которые не только не падаютъ, но, видимо, растутъ, или даже возникаютъ вновь въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ.

Въ общемъ промышленная эволюція Россіи идетъ слѣдующимъ образомъ. Общій объемъ промышленности быстро растетъ и все большая доля населенія отвлекается отъ земледѣлія къ промышленности. Чѣмъ крупнѣе производство, тѣмъ ростъ его совершается энергичнѣе. Повидимому, число кустарей у насъ сокращается. Но ничего не было-бы невозможнаго, если-бы количество ихъ даже росло и въ то же время фабрика энергично вытѣсняла и поглощала кустарные промыслы. Это могло-бы зависѣть отъ того, что на мѣсто исчезающихъ промысловъ возникаютъ новые, съ которыми фабрика пока не конкурируетъ и

¹⁾ Промыслы Влад. губ. II, стр. 271.

²⁾ См. Труды кустр. ком. XIV, стр. 474.

горые она иногда непосредственно поддерживаетъ, давая имъ геріаль для обработки, удешевляя разнаго рода средства производства, создавая иногда усиленный запросъ на тѣ или иные едметы ручной выдѣлки и пр. Сила кустарной промышленности въ Россіи, представляющей типичную форму, со всѣми ея асами, такъ назыв. sweating system, заключается въ безграницной эксплуатаціи рабочаго, которую она допускаетъ. Именно этому не только въ Россіи, но и на Западѣ, такъ назыв. дошняя промышленность обнаруживаетъ, въ ущербъ интересамъ бочаго класса, значительную живучесть. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ домашняя промышленность болѣе передовыхъ странъ шада даже еще успѣшнѣе отстаиваетъ свое существованіе, мѣ русская кустарная промышленность. Такъ, напр., въ Англии, нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности наблюдается положительный ростъ работы на дому въ ущербъ фабрикѣ. Объясняется о тѣмъ, что различіе между условіями труда на фабрикѣ и на му въ Англии несравненно больше, чѣмъ въ Россіи. Въ силу ого своеобразное преимущество домашней работы—крайняя девизна труда—въ Англии является болѣе могучимъ орудіемъ конкуренціи домашней промышленности съ фабрикой, чѣмъ въ Россіи.

Разъ мы коснулись этого вопроса, то нужно остановиться на емъ подробнѣе. Самый фактъ устойчивости домашней системы вниманія пота не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе англійскіе фабричные инспектора въ своихъ ежедневныхъ отчетахъ. Такъ въ отчетѣ за 1894 г. указывается на зрастаніе домашнихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда) Стокпортѣ. Въ Дѣндонѣ фабричный инспекторъ предписалъ абриканту перестроить мастерскую; вмѣсто этого хозяинъ распутилъ рабочихъ и сталъ давать работу на домъ. Въ Сванси, ардиффѣ въ портняжномъ промыслѣ число рабочихъ, работающих на дому, возрастаетъ. На ряду съ этимъ, въ другихъ центрахъ быстро растетъ на счетъ ремесла фабричное производство. ю словамъ Макдональда, одного изъ сотрудниковъ Бутса, организатора извѣстнаго статистическаго обслѣдованія Лондона, результаты котораго были опубликованы въ книгѣ „Life and Labour of the People of London“, „общая тенденція портняжнаго ромысла въ Лондонѣ идетъ въ двухъ опредѣленныхъ и противоположныхъ направленіяхъ: первая тенденція—къ высокоорганизованной специализированной фабричной системѣ, вторая—къ стабильной домашней промышленности XVIII вѣка“.

Почему же одновременно растут насчетъ ремесла и фабрики и домашняя работа? (Замѣчу, что тоже наблюдается, какъ пока зала послѣдняя промышленная перепись, и въ Германіи: ремесло падаетъ, а на мѣсто его растутъ фабрика и домашняя система. Только въ текстильной индустріи Германіи падаетъ и домашняя система, вытѣсняемая фабрикой). Потому, что и машина и домашняя система являются различными методами достиженія одной и той же цѣли: пониженія издержекъ производства и повышенія прибыли. Машина является методомъ пониженія издержекъ производства путемъ повышенія производительности труда; домашняя система выжиманія пота—методомъ пониженія издержекъ производства путемъ увеличенія эксплуатаціи рабочаго. Результатъ съ точки зрѣнія капиталиста одинъ и тотъ же—увеличеніе барыша; съ точки же зрѣнія всего общества—діаметрально противоположный. Въ первомъ случаѣ производительность труда повышается, во второмъ—понижается.

Такимъ образомъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ имѣются тенденціи, прямо задерживающія промышленный прогрессъ: стремленіе къ достиженію наибольшей прибыли можетъ поддерживать такія формы промышленности, сохраненіе которыхъ и съ технической, и съ общественной точки зрѣнія является одинаково нежелательнымъ. Ядовитый продуктъ капитализма—домашняя система выжиманія пота обнаруживаетъ чрезвычайную живучесть и задерживаетъ увеличеніе производительности труда, замѣняя такое увеличеніемъ эксплуатаціи рабочаго.

Я не буду останавливаться надъ характеристикой условій работы нашихъ кустарей. Всѣмъ извѣстно, что нищенская плата, непомерно продолжительный рабочій день и крайняя эксплуатація дѣтскаго труда являются характерными отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менѣе извѣстно, что такъ называемый самостоятельный кустарь въ дѣйствительности находится въ полной зависимости отъ посредника — мастерка, свѣтлочника, скупщика,—который изъ него выжимаетъ буквально все соки, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наглый обманъ, плутовство, расплату не деньгами, а товаромъ по непомерно высокой цѣнѣ, закабаленіе кустаря въ неоплатнаго должника и пр. и пр. Приведу характеристику кустарныхъ ткачей изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи“. Характеристика эта приложима, въ общемъ, ко всей нашей кустарной промышленности, какъ это извѣстно всѣмъ знакомымъ съ дѣломъ.

„Обязательнаго времени для начала и окончанія работъ въ свѣтелкахъ нѣтъ... Продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ перерывовъ на отдыхъ и на принятіе пищи, колеблется между 14 и 15 часами въ сутки... Но во время великаго поста, когда мастеровъ торопятъ рабочихъ... работы продолжаются 16 и 17 часовъ въ сутки, не исключая праздничныхъ дней; въ эту пору нерѣдко въ 3 часа утра можно застать въ свѣтелкѣ ткачей, а до 12 часовъ ночи работаетъ большинство... Дѣти съ 6—7 лѣтняго возраста засаживаются мотать шнулы для ткачей... Заработки ткачей, вырабатывающихъ бумажныя ткани на ремизныхъ станахъ, колеблются между 14 и 30 коп. въ день... чистый заработокъ ткача будетъ 5 р. 10 к. въ мѣсяцъ... Безвыгодность промысла увеличивается еще тѣмъ, что ткачи почти никогда не получаютъ свой заработокъ наличными деньгами, а принуждены набирать его провизіей по возвышенной цѣнѣ“. Между тѣмъ „на самоткацкихъ фабрикахъ средней заработокъ какъ мужчины такъ и женщины равняется 13—14 р. въ мѣсяцъ“¹⁾.

Повторяю, совершенно сходными чертами характеризуются и другіе кустарные промыслы. Въ русской экономической литературѣ не существуетъ разногласія относительно того, что современное положеніе кустарей крайне тягостно. Но многіе думаютъ, что изъ этого тягостнаго положенія есть легкій выходъ: нужно только организовать кустарей въ артели, облегчить сбытъ кустарныхъ издѣлій при помощи земскихъ складовъ, удешевить кредитъ при помощи кустарныхъ банковъ—и дѣло въ шляпѣ. Наша точка зрѣнія иная. Мы не отрицаемъ, что означенныя мѣры могутъ улучшить положеніе той или иной болѣе зажиточной и экономически сильной группы кустарей. Поэтому мы не противъ этихъ мѣръ—мы стоимъ за нихъ. Но мы глубочайшимъ образомъ убѣждены, что никакіе артели, склады и банки не въ силахъ существенно улучшить положеніе массы кустарей, ибо все зло коренится не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ существѣ кустарной промышленности. Пока будетъ существовать кустарная промышленность, до тѣхъ поръ будетъ существовать и безпредѣльная эксплуатація кустарей. Только превращеніе кустарной промышленности въ фабричную покончитъ съ этой эксплуатаціей. Но, разумѣется, такое превращеніе совершится еще очень не скоро; и понятно,

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. VII. Вып. III.

пока кустарная промышленность существуетъ, нужно принимать мѣры помощи кустарямъ, несмотря на сознаніе, что значеніе этихъ мѣръ ограничено, подобно тому какъ, разъ существуетъ нищенство, нужно помогать нищимъ.

Чтобы убѣдиться въ неизбежной связи домашней системы промышленности съ угнетеніемъ, эксплуатаціей и выжиманіемъ пота изъ рабочаго, достаточно сравнить положеніе кустарей у насъ и на западѣ. Кажется, трудно найти двѣ европейскія страны до такой степени несходныя между собой, какъ Россія и Англія. А между тѣмъ изученіе англійской кустарной промышленности показываетъ, что англійскіе кустари многими чертами поразительно напоминаютъ своихъ русскихъ собратьевъ. Такая же организація промысла, такая же зависимость отъ скупщика, такая же бѣдность, такая же беспомощность, такой же непомерно длинный рабочій день и даже такая же невѣжественность.

Для примѣра остановимся на нѣкоторыхъ кустарныхъ промыслахъ Англіи, которымъ посвящено прекрасное изслѣдованіе Джона Бернетта „Report as to the Conditions of Nail-makers and Chain-makers in South Staffordshire and South Worcestershire“ (1886). Эти промыслы были также изучены комиссіей палаты лордовъ, изслѣдовавшей въ концѣ 50-хъ годовъ такъ назыв. sweating system (см. особенно Third Report from the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System. 1889) и королевской комиссіей по вопросамъ труда, (см. Second Report of the Royal Commission of Labour. 1892). Всѣ эти изслѣдованія вполне сошлись по своимъ результатамъ, и благодаря имъ, организація и весь строй обслѣдованныхъ кустарныхъ промысловъ—гвоздарнаго и цѣпнаго промысла въ центрѣ Англіи—выяснились съ совершенной полнотой.

Гвоздарный промыселъ является однимъ изъ самыхъ старинныхъ въ Стаффордширѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій этотъ промыселъ процвѣталъ въ селеніяхъ, окружающихъ Бирмингамъ. Въ настоящее время онъ находится въ упадкѣ по той же причинѣ, которая вызвала упадокъ кустарнаго гвоздарнаго производства и въ Россіи — благодаря вытѣсненію ручного гвоздя машиннымъ. Въ 1830 году въ центральныхъ графствахъ Англіи считалось не менѣе 50.000 ручныхъ гвоздарей. Около этого времени въ гвоздарное производство начала проникать машина. Число ручныхъ гвоздарей стало сокращаться. Въ 1866 г. ихъ насчитывалось не болѣе 20.000. Затѣмъ число ихъ продолжало уменьшаться, но

же не столь быстрымъ темпомъ. Къ концу 80-хъ годовъ и къ началу 90-хъ ихъ насчитывалось около 15.000. Машина захватываетъ все новыя области гвоздарнаго дѣла, но до настоящаго времени существуютъ нѣкоторые сорта гвоздей, которые выдѣляются исключительно руками.

Во всякомъ случаѣ ручные гвоздари, хотя и сильно сократившись по своей численности, все же существуютъ въ Англии. Цѣлыя селенія въ окрестностяхъ Бирмингама занимаются исключительно учнымъ гвоздарнымъ промысломъ. Само собой разумѣется, эти гвоздари не имѣютъ своей земли и своихъ домовъ: они живутъ въ аемныхъ коттеджахъ, при которыхъ обыкновенно имѣются небольшие огороды. Въ огородахъ разводятся овощи—главнымъ образомъ картофель. Большинство гвоздарей держитъ мелкій скотъ—собенно свиней. Лѣтомъ гвоздари занимаются иногда земледѣльскими работами по найму, напр., косьбой сѣна.

Желѣзо для гвоздей гвоздари получаютъ отъ iron-masters — хозяевъ-заказчиковъ, имѣющихъ склады желѣза и гвоздей, отъ посредниковъ-факторовъ, по мѣстному выраженію — „фоггеровъ“ (foggers), или же покупаютъ его сами. Послѣднее бываетъ рѣдко, но все же бываетъ.

Что же такое представляетъ собою „хозяинъ“? Хозяинъ—это важный баринъ, фабрикантъ или крупный торговецъ гвоздями. На гвоздарныхъ фабрикахъ выдѣляются машинами, какъ сказано, далеко не всѣ сорта гвоздей. Гвозди ручной выдѣлки куются для фабрикантовъ въ кустарныхъ кузняхъ.

„Фоггеръ“—мелкій капиталистъ, торговый посредникъ, то, что насъ называется „скупщикъ“, „хозяйчикъ“, „кулакъ“. Иногда фоггеръ имѣетъ свою кузню и даже самъ работаетъ въ ней; но чаще всего онъ не принимаетъ никакого участія въ производствѣ. Большинство фоггеровъ—мѣстные лавочники, трактирщики или просто скупщики гвоздей. Иногда они сами покупаютъ желѣзо, иногда же берутъ его у хозяевъ. Во всякомъ случаѣ они не комиссіонеры хозяевъ. Они сами отъ себя раздаютъ желѣзо гвоздарямъ и получаютъ отъ нихъ гвозди. Гвозди они перепродаютъ обыкновенно хозяевамъ, но иногда продаютъ ихъ и на сторону.

Вотъ эти-то фоггеры и являются настоящей язвой мелкаго гвоздарнаго промысла. Гвоздари относятся къ нимъ прямо съ ненавистью. Само собой разумѣется, что фоггеръ долженъ давать меньшую плату за ковку гвоздей, чѣмъ хозяинъ, — иначе, какая ему была бы выгода перепродавать гвозди? Но этого мало: фог-

геръ обыкновенно норовить еще притѣснить и надуть своего кліента-кустаря. Самый примитивный видъ надувательства, вполне безцеремонный и даже наивный по своей простотѣ, — фальшивые вѣсы. На плутни съ вѣсами указывалъ цѣлый рядъ свидѣтелей, опрошенныхъ комиссіей палаты лордовъ. Само собою разумѣется, что такіе грубые приемы надувательства, легко допускающіе провѣрку, не ускользаютъ отъ вниманія гвоздарей. Но кліенты фоггеровъ не изъ числа людей, умѣющихъ и имѣющихъ возможность защищать свои интересы. Они прекрасно видятъ плутни фоггера, но принуждены ихъ терпѣть, такъ какъ иначе фоггеръ откажется имѣть съ ними дѣло.

Другой обычный способъ притѣсненія фоггерами кустарей — расплата не деньгами, а провизіей, мукой, вообще товарами изъ лавки. Truck-system строго запрещается и преслѣдуется англійскими законами. Но какъ услѣдить за мелкими сдѣлками, совершающимися tête à tête между фоггеромъ и его жертвой, въ особенности, когда эта жертва менѣе всего склонна выводить на чистую воду незаконные приемы фоггера? Дѣло устраивается такимъ образомъ: фоггеръ платитъ кустарю наличными деньгами, но съ однимъ условіемъ — жена гвоздаря должна покупать всю провизію въ лавкѣ фоггера. А цѣны въ этой лавкѣ значительно выше обычныхъ. Опять-таки кустари прекрасно понимаютъ всю незаконность требованій фоггера, но та же властная сила нужды заставляетъ ихъ молчать.

Затѣмъ желѣзо, которое даютъ фоггеры, самаго худшаго качества, а цѣну за него они ставятъ, какъ за хорошее. Нерѣдко они прямо даютъ одинъ номеръ желѣза вмѣсто другого, къ большому убытку кустаря.

Само собою разумѣется, что фоггеры не признаютъ обычныхъ нормальныхъ цѣнъ на работу, господствующихъ въ данный моментъ. Крупные капиталисты, хозяева платятъ по такъ называемымъ „price-lists“, — нормальнымъ цѣнамъ, установленнымъ по соглашенію хозяевъ съ рабочими. Для фоггера нормальныхъ цѣнъ не существуетъ: онъ имѣетъ дѣло не съ рабочими, какъ общественной группой, а съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, и устанавливаетъ плату для каждаго кустаря отдѣльно.

Но если фоггеръ до такой степени притѣсняетъ кустаря, то что же заставляетъ послѣдняго обращаться къ нему? Нужда. Дѣло въ томъ, что крупные капиталисты-хозяева не любятъ имѣть дѣло съ плохими рабочими, съ пожилыми, одиночками. Они предпочи-

гаютъ получать гвозди большими партіями. Затѣмъ крупные заказчики нерѣдко сокращаютъ свои заказы, если сбытъ гвоздей ю тѣмъ или инымъ причинамъ идетъ плохо. Этимъ и пользуются фоггеры. Гвоздарю нуженъ заработокъ, а работы нѣтъ — фабрикантъ не даетъ заказовъ. Къ кому обратиться? Къ фоггеру, который тутъ же подъ бокомъ, въ деревнѣ. Самое лучшее время для фоггера—это застой торговли. Тутъ-то онъ и развиваетъ свою дѣятельность. Гвоздари наперерывъ ищутъ работы, крупные хозяева ея не даютъ, такъ какъ давать обычную плату рабочимъ имъ невыгодно—цѣны на гвозди низки, а платить ниже нормальной цѣны нельзя (хозяева имѣютъ дѣло со многими рабочими; сдѣлки съ ними совершаются открыто; пониженіе платы могло бы натолкнуться на сопротивленіе рабочихъ). Приходится обращаться къ фоггеру, который не смущается никакими нормальными цѣнами и всегда готовъ дать работу, но ужь, разумѣется, по такой цѣнѣ, которую находить для себя выгодной.

Всѣ плохіе рабочіе, старики, женщины, легко становятся добычею фоггера. Крупные хозяева нерѣдко жалуются, что фоггеры, продавая гвозди на сторону, сбиваютъ цѣны. Тѣмъ не менѣе сами хозяева охотно прибѣгаютъ къ услугамъ фоггеровъ, даютъ имъ заказы и покупаютъ у нихъ гвозди.

Фоггеры занимаютъ далѣе скупкой гвоздей небольшими партіями у тѣхъ кустарей, которые, не получая заказовъ со стороны, сами покупаютъ желѣзо и куютъ изъ него гвозди. Наконецъ кустари прибѣгаютъ къ услугамъ фоггера нерѣдко и потому, что магазинъ гвоздарнаго торговца или гвоздарная фабрика расположены далеко отъ деревни, а тащить на себѣ тяжелыя связки желѣза и гвоздей не легко, особенно для женщины. Фоггеръ же помѣщается ближе, и поэтому, какъ ни ненавидятъ его кустари, а все же приходится къ нему обращаться.

Посмотримъ же, каково положеніе этихъ кустарей. Вотъ какъ характеризуетъ его Бернеттъ: „Заработки гвоздарей чрезвычайно низки... а рабочій день чрезвычайно продолжителенъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи не замѣчается никакихъ попытокъ къ урегулированію. Санитарныя условія домовъ и мастерскихъ—самыя ужасныя; общій строй жизни — крайняя нищета и бѣдность; значительная часть ихъ живетъ прямо впроголодь“.

По словамъ Бернетта, обычный заработокъ женщинъ (значительная часть гвоздарей—женщины) 2 ш. 6 п.—5 ш. въ недѣлю. 2 ш. 6 п.—на наши деньги околя рубля—менѣе 20 коп. въ день

за работу, превышающую 12 час. въ сутки. Совѣмъ какъ у насъ!

Извѣстно, какое значительное повышеніе заработной платы наблюдалось въ Англии за послѣднія 50 лѣтъ. Въ гвоздарномъ промыслѣ мы видимъ обратное. Заработная плата, по словамъ Бернетта, со времени 40-хъ годовъ не только не повысилась, но даже значительно упала.

Гвоздари Стаффордшира отличаются невѣжествомъ, — значительная часть ихъ совѣмъ не умѣетъ читать и писать. Еще одна характерная черта: хотя они живутъ въ странѣ желѣза, но по бѣдности почти не употребляютъ на своихъ вѣсахъ желѣзныхъ гирь, а довольствуются... камнями.

Казалось бы, при той ненависти, какую внушаетъ стаффордширскимъ кустарямъ торговый посредникъ, скупщикъ, они могли бы такъ или иначе избавиться отъ него, хотя бы путемъ стачекъ. Замѣьте, что фоггеры не только притѣсняютъ кустарей — ихъ не любятъ и солидные хозяева, такъ какъ фоггеры не только снимаютъ плату за трудъ, но и за товаръ. Какой огромный прогрессъ мы видимъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни Англии за послѣднія 50 лѣтъ! Англійскіе рабочіе въ началѣ 40-хъ годовъ и въ концѣ этого столѣтія — вѣдь это прямо два разныхъ міра! Чертолько не достигъ за это время англійскій рабочій! И участія въ политической жизни страны, и завершения своей экономической организациі, и созданія колоссальныхъ кооперативныхъ предпріятій, охватившихъ собою сотни тысячъ населенія; наконецъ, какъ результатъ всего этого, онъ достигъ несомнѣннаго и весьма замѣтнаго улучшенія своего экономического положенія — повышенія заработной платы и сокращенія времени труда.

Но вотъ передъ вами англійскій кустарь. Заработокъ его со времени 40-хъ годовъ не повысился, а понизился. Число рабочихъ часовъ такое же, какъ и раньше, быть можетъ даже большее, чѣмъ раньше. По словамъ Бернетта, кустарі работаютъ отъ 12 до 14 часовъ въ сутки — врядь-ли ихъ рабочий день могъ когда либо быть продолжительнѣе. Избавиться отъ торговаго посредника кустарь оказывается не въ силахъ. По словамъ Бернетта, „за исключеніемъ truck-system (которая теперь развита меньше)“, „фоггеръ“ нашего времени тотъ же, что и „фоггеръ“ 46 лѣтъ тому назадъ; его отталкивающія черты скорѣе ухудшились, стали рѣзче за это время“.

Чѣмъ же объясняется тягостное положеніе, можно сказать,

полная беспомощность гвоздарей? Пусть отвѣтитъ намъ тотъ же безпристрастный и компетентный наблюдатель, отъ котораго я заимствовалъ большинство приведенныхъ фактовъ—Бернеттъ.

„Для гвоздарей, — говоритъ онъ, — работающихъ въ своихъ маленькихъ кузняхъ съ ранняго утра до поздней ночи, всякіе союзы крайне затруднительны. Каждый думаетъ только о себѣ и своей семьѣ и не заботится о другихъ. Индивидуализмъ процвѣтаетъ среди нихъ въ полной силѣ. Они изолированы другъ отъ друга во время работы и за прилавкомъ магазина должны вступать въ изолированныя сдѣлки съ тѣми, кто платитъ имъ за трудъ и нанимаетъ ихъ. Капиталистъ можетъ пользоваться однимъ рабочимъ противъ другого, и по этой причинѣ цѣны на трудъ опредѣляются ожесточенной конкуренціей изъ-за куска хлѣба. Эта конкуренція есть несомнѣнный и необходимый результатъ домашней системы промышленности (small domestic workshop system), въ которой лежитъ корень многихъ, если не всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ гвоздарь. Когда люди работаютъ другъ около друга на фабрикѣ, это естественно ведетъ къ какому-нибудь прямому или непрямому соглашенію между ними“ (Report, стр. 10).

Но, можетъ быть, придавленность гвоздарей объясняется все не самымъ существомъ домашней формы промышленности; можетъ быть, Бернеттъ не правъ, указывая именно на эту форму промышленности, какъ на источникъ всѣхъ или почти всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаютъ гвоздари? Гвоздарное производство—падающій промыселъ. Съ гвоздаремъ конкурируетъ машина. Не отъ этого ли зависитъ угнетенное положеніе рабочихъ? Прибѣгнемъ къ *experimentum crucis*. Возьмемъ кустарный же промыселъ, но развивающійся, не боящійся машины. Такимъ промысломъ является цѣпной промыселъ въ томъ же Стаффордширѣ.

Промыселъ этотъ—сравнительно недавняго происхожденія. Онъ появляется въ Стаффордширѣ въ первыхъ десятилѣтіяхъ этого вѣка. Какъ прежде, такъ и теперь, цѣпи изготовляются почти исключительно руками. Только очень толстыя цѣпи сгибаются машинами. Число кустарей-цѣпочниковъ не только не сокращается, но быстро возрастаетъ. За послѣднія 20 лѣтъ, по расчету Бернетта, число цѣпочниковъ болѣе чѣмъ удвоилось. Этотъ быстрый ростъ объясняется тѣмъ, что цѣпный промыселъ раскинутъ по тѣмъ же деревнямъ, что и гвоздарный,—многіе гвоздари, принужденные бросить гвоздарную работу, становятся цѣпочниками. Экономическая организація промысла совершенно та же, что и

гвоздарнаго промысла. Работа производится цѣпочниками въ такихъ же маленькихъ кузняхъ при коттеджахъ, по заказамъ хозяевъ или фоггеровъ, которые такъ же даютъ кустарей. Цѣпной фоггеръ ничѣмъ не лучше гвоздарнаго фоггера: тѣ же отталкивающія черты ничѣмъ не обуздываемой эксплуатаціи труда; такія же убогія, жалкія жилища; такія же полуразвалившіяся, тѣсныя кузницы; тотъ же непомѣрно-продолжительный рабочій день и такая же нищенская рабочая плата. Никакого существеннаго различія въ положеніи гвоздарей и цѣпочниковъ не замѣчается.

Въ производствѣ цѣпей около половины рабочихъ работаютъ въ домашнихъ мастерскихъ, половина—на фабрикахъ. Интересно сравнить положеніе тѣхъ и другихъ. Обратимся къ отчету Бернетта. „Что касается до цѣпныхъ фабрикъ,—говоритъ онъ,—то о нихъ много говорить не приходится. Санитарныя условія на нихъ вообще хороши, заработная плата такова, что рабочіе могутъ прилично жить, а число рабочихъ часовъ умѣренно... Фабричный цѣпной рабочій физически представляетъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ гвоздарь или цѣпочникъ въ мелкомъ производствѣ. Это различіе физическаго сложенія сразу бросается въ глаза и зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ меньшей продолжительности труда, большей платы и высшаго уровня жизни“. Бернеттъ приводитъ для сравненія описаніе одной цѣпной фабрики. Рабочій день на этой фабрикѣ не превышаетъ 9 час., а по понедѣльникамъ и субботахъ бываетъ значительно короче. Средняя заработная плата—25 и 30 шилл. въ недѣлю.

Но развѣ нельзя ничѣмъ помочь кустарямъ? Почему кустари не образуютъ рабочаго союза, почему они не пробуютъ прибѣгнуть къ помощи коопераціи и устройству кооперативнаго магазина для сбыта своихъ издѣлій, или кооперативной мастерской? Все это было перепробовано—и неудачно. Рабочіе союзы не могутъ объединить кустарей вслѣдствіе ихъ изолированности. Рабочій союзъ предъявляетъ довольно тяжелыя требованія къ своимъ членамъ. Во-первыхъ, члены должны дѣлать денежныя взносы въ кассу союза, а откуда взять на это деньги, если заработка едва хватаетъ на полуголодное существованіе? Во-вторыхъ, союзъ требуетъ, чтобы члены его не брали работы ниже опредѣленной платы. Послѣднее требованіе является непреодолимымъ препятствіемъ для организаціи гвоздарей и цѣпочниковъ. Всѣ попытки поднять заработную плату оказывались безуспѣшными, потому что среди кустарей всегда находились многіе, которые соглаша-

ь работать за меньшую плату, работать на какихъ угодно овяхъ, лишь бы не умереть съ голоду.

Что касается до коопераціи, то она оказывается столь же ю примѣнимой къ кустарному производству. Сердобольные люди, увствующіе тяжелому положенію кустарей, но мало понимающіе практическія трудности коопераціи, рекомендуютъ ее кустарямъ. Но люди практики и сами кустари не считаютъ подобныя предложенія серьезными. О кооперативныхъ предпріятіяхъ кустарей толковали уже много лѣтъ тому назадъ. Одна кооперативная мастерская дѣйствительно возникла, но успѣха не имѣла и прoderжалась недолго. Кооперація наталкивается, какъ и прежде, на недовѣріе кустарей другъ къ другу.

Однако, если положеніе фабричныхъ рабочихъ настолько лучше положенія кустарей, почему же кустари не идутъ на фабрику? Очень многимъ и весьма разнообразнымъ причинамъ. Во-первыхъ, и это самое главное, потому, что на фабрику ихъ не берутъ. Хозяева предпочитаютъ давать работу на домъ. Огромное преимущество домашней работы, съ точки зрѣнія предпринимателя, заключается въ томъ, что при домашней работѣ можно легко расширять и сокращать производство. Иными словами, когда спросъ на товаръ падаетъ, хозяинъ можетъ оставить рабочихъ безъ работы. На фабрикѣ это гораздо труднѣе, такъ какъ фабрика не можетъ долгое время стоять праздно, иначе капиталъ, трaченный на фабрику, не будетъ давать никакого дохода. Чѣмъ болѣе крупныя суммы затрачены на фабрику, тѣмъ убыточнѣе для хозяина прекращеніе производства—во многихъ случаяхъ фабриканты по цѣлымъ годамъ работаютъ прямо въ убытокъ, потому что прекращеніе работы было бы еще убыточнѣе. При домашнемъ производствѣ предприниматель не имѣетъ никакого основного капитала—онъ легко можетъ сокращать и даже прекращать производство. Легко понять, что эта выгода домашняго производства съ точки зрѣнія капиталиста есть огромная невыгода съ точки зрѣнія рабочаго. Затѣмъ, хозяинъ нерѣдко предпочитаетъ давать работу на домъ потому, что такой способъ найма рабочихъ облегчаетъ пониженіе заработной платы и удлиненіе рабочихъ часовъ. На фабрикѣ фабрикантъ подчиняется фабричнымъ законамъ, а при работѣ на дому онъ не стѣсненъ ничѣмъ.

Существуетъ много другихъ причинъ, поддерживающихъ различіе работы на дома. Доступъ на фабрику очень труденъ для старика. На фабрику попадаютъ только самые лучшіе рабочіе.

Работа на фабрикѣ не имѣетъ ничего общаго съ работой дома, — для кустаря, привыкшаго къ домашней работѣ, фабрика часто бываетъ недоступна уже потому, что онъ не знаетъ фабричной работы. Для женщинъ гвоздарныя и цѣпныя фабрики совсѣмъ закрыты. Но нельзя отрицать и того, что извѣстныя препятствіемъ для распространенія фабричнаго производства является нежеланіе многихъ кустарей идти на фабрику. Они предпочитаютъ жить нищенской жизнью въ деревнѣ, къ которой привыкли съ дѣтства, работать въ своихъ маленькихъ кузняхъ, начинать и кончать работу, когда заблагоразсудится. Работа на фабрикѣ отталкиваетъ многихъ кустарей своей желѣзной дисциплиной. Призракъ свободы, который они видятъ въ своихъ батейкахъ, кажется имъ привлекательнѣе той реальной, хотя и ограниченной свободы, которую они могутъ получить на фабрикѣ.

Какъ же относятся сами рабочіе, въ лицѣ своихъ наиболѣе интеллигентныхъ представителей, къ домашней промышленности? Пускай говорятъ они сами.

Вотъ, напр., показанія передъ комиссіей палаты лордовъ Джинса, секретаря федераціи рабочихъ союзовъ „Midland Counties Trade Federation“.

В.—Чѣмъ вы недовольны? дурнымъ устройствомъ кузницы?—Нѣтъ, мы недовольны домашней работой вообще.—В.—Вы противъ домашней работы?—О.—Да.—В.—Потому, что маленькія мастерскія находятся въ худшихъ санитарныхъ условіяхъ?—О.—Потому, что конкуренція сильнѣе въ домашнихъ мастерскихъ, чѣмъ на фабрикахъ. На фабрикахъ даютъ большую плату, чѣмъ въ домашнихъ мастерскихъ.—В.—Думаете ли вы, что сами рабочіе предпочли бы работать на фабрикахъ, а не въ домашнихъ мастерскихъ?—О.—Да, я такъ думаю.—В.—Думаете ли вы, что независимость, доставляемая работой у себя, свобода работать, какъ хочешь и когда хочешь, не соблазняетъ многихъ держаться за эту систему?—О.—Да, соблазняетъ людей безъ принциповъ (unprincipled men)—В.—Почему вы называете ихъ людьми безъ принциповъ?—О.—Потому, что, если человѣкъ не боится подрывать работу своего сосѣда, значитъ онъ не имѣетъ принциповъ.—В.—По вашему мнѣнію, большинство рабочихъ такъ же охотно работало бы на фабрикахъ, какъ у себя на дому?—О.—Да, теперь. Раньше они были другого мнѣнія.—В.—Стремитесь ли вы къ абсолютному уничтоженію этихъ семейныхъ мастерскихъ? (absolute abolition of these family workshops).—О.—Да.—В.—Вы думаете, что промышленность вообще и для рабочихъ въ частности лучше, чтобы работа совершалась на фабрикахъ?—О.—Да, я думаю, что это лучше для всего общества“.

А вотъ показанія Томаса Гомера, президента Society of the small Chain-makers. (У Гомера есть своя небольшая кузня. В)

союзъ, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ, около 500 членовъ—кустарей-цѣпочниковъ):

В.—Каково ваше мнѣніе относительно выгодъ или невыгодъ домашнихъ мастерскихъ сравнительно съ фабриками?—О.—Прежде фабрикъ было очень мало. Я могу припомнить только одну фабрику, и цѣпочники въ то время были очень враждебно настроены по отношенію къ фабрикамъ. Они боялись, что фабрики имъ повредятъ. Но потомъ большинство, по крайней мѣрѣ, убѣдилось, что фабрика гораздо лучше того порядка вещей, когда работа производится на дому“.

Интересно ознакомиться съ мнѣніемъ людей, которые, не принимая участія въ промыслѣ, въ то же время близко его знаютъ и съ полнымъ доброжелательствомъ относятся къ интересамъ рабочихъ. Вотъ показанія мѣстнаго священника м-ра Райлетта

В.—Думаете ли вы, что было бы полезно тѣмъ или инымъ способомъ остановить всю эту систему домашней промышленности и превратить ее въ фабричную?—О.—Разумѣется. Если бы можно было сдѣлать вѣчто подобное, это было бы огромнымъ выигрышемъ и для рабочихъ: и для промышленности.—В.—Если я понимаю васъ, вы хотите замѣнить работу въ мастерскихъ работой на фабрикѣ?—О.—Да.—В.—И для этого вы хотите запретить отдѣльному лицу работать у себя на дому и давать работу членамъ своей семьи?—О.—Да въ этихъ промыслахъ.—В. Имѣете ли вы въ виду эти промыслы или всякія производительныя занятія?—О.—Я имѣю въ виду всякія производительныя занятія.—В.—Вы думаете, что единственное средство помочь этимъ людямъ заключается въ содѣйствіи организациі фабрикъ на мѣсто мастерскихъ, благодаря чему рабочимъ будетъ легче вступать въ союзъ другъ съ другомъ и охранять свои интересы: они будутъ въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ... и избавятся отъ посредниковъ и фоггеровъ?—О.—Да ¹⁾.

Я прошу у читателя извиненія за эту длинную экскурсію въ область англійскихъ отношеній въ книгѣ, посвященной явленіямъ русской жизни. Но, быть можетъ, читатель и согласится со мной, что эта экскурсія не лишена интереса именно съ русской точки зрѣнія. Поэтому продолжаю говорить объ Англии.

Какъ средство борьбы съ домашней промышленностью, представители рабочаго класса, дававшіе показанія передъ комиссіей палаты лордовъ, рекомендовали подчинить ее фабричному законодательству. Правда, эта мѣра, съ англійской точки зрѣнія, представляется весьма крайней: приходится вторгаться въ частные дома, запрещать людямъ дѣлать то, что они хотятъ, въ своей собственной семьѣ. Священникъ Райлеттъ замѣтилъ по этому поводу: „Обыкновенно проводятъ различіе между лицомъ, рабо-

¹⁾ Third Report on the Sweating System.

тающимъ съ помощью своей семьи, и нанимающимъ рабочихъ съ стороны. Я не вижу основанія для такого различія. Я думаю, что лицо, работающее съ помощью своей семьи, должно подчиняться совершенно такимъ же правиламъ по отношенію къ урегулированію часовъ работы, какъ и работающіе съ помощью наемныхъ рабочихъ“ ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго насъ нисколько не должна удивить позиція, занятая по данному вопросу радикальнымъ меньшинствомъ королевской комиссіи по вопросамъ труда. Меньшинство это, во главѣ котораго стоялъ знаменитый организаторъ стачки лондонскихъ доковыхъ рабочихъ въ 1892 году, Томъ Мэнъ, отнеслось къ домашней работѣ съ рѣзкимъ отрицаніемъ.

„Сотни тысячъ семействъ (занятыхъ въ домашней промышленности),—читаемъ въ отчетѣ меньшинства,—образуютъ одну изъ самыхъ подавленныхъ и деморализованныхъ общественныхъ группъ. Основная причина исключительной придавленности рабочихъ въ этихъ промыслахъ заключается по нашему убѣжденію въ господствѣ въ нихъ системы раздачи работы на домъ. Не рекомендуя фактическаго запрещенія домашней работы, мы считаемъ дѣломъ высочайшей важности, чтобы всѣ практически осуществимыя средства были примѣнены для предупрежденія распространенія такихъ работъ. Между тѣмъ въ настоящее время работа на дому особо поощряется закономъ. Предприниматель, раздающій на домъ работу, избѣгаетъ обязательствъ, лежащихъ на фабрикантѣ“ (Final Report, 129).

Большинство комиссіи въ своемъ докладѣ совѣмъ не касалось вопроса о домашней работѣ; но меньшинство предложило подчинить фабричному законодательству домашнюю работу по найму и сдѣлать предпринимателя отвѣтственнымъ за нарушеніе закона. Если рабочій на дому работаетъ больше опредѣленнаго закономъ времени,—отвѣчать долженъ раздатчикъ работы, такъ же, какъ за нарушеніе фабричныхъ часовъ отвѣчаетъ не рабочій, а фабрикантъ. Чарльзъ Бутсъ, авторъ замѣчательнаго труда „Life and Labour of the People of London“, предложилъ еще болѣе радикальную мѣру: сдѣлать отвѣтственнымъ за всякое нарушеніе законовъ о работѣ хозяина того дома, гдѣ живетъ домашній рабочій. Во всякомъ случаѣ, рѣшительныя законодательныя мѣры противъ раздачи работы на домъ признавались меньшинствомъ комиссіи

¹⁾ Third Report on the Sweating System.

зусловно необходимыми. „Но деморализующее дѣйствіе домашней работы (demoralising effects of home work),—читаемъ далѣе докладѣ,—требуетъ по нашему мнѣнію болѣе нежели измѣненія въ законѣ. Мы совѣтуемъ, чтобы власти дѣлали всяческія илія для задержки развитія этой работы“. Члены меньшинства юнті одобрили постановленія лондонскаго полицейскаго управленія, внесшаго въ договоры о поставкѣ ему сукна пунктъ, по которому сукно обязательно должно быть изготовляемо на *фабрикѣ* поставщика. Подобные же пункты включаетъ въ договоры о поставкѣ и англійское министерство торговли—Board of Trade („Поставщикъ обязуется, чтобы всѣ предметы, указанные въ этомъ контрактѣ, были изготовлены на его собственной фабрикѣ, и чтобы работа отнюдь не давалась на домъ рабочимъ. За нарушеніе этого пункта... поставщикъ обязуется уплатить штрафъ въ 100 ф. ст.“. Совѣтъ Лондонскаго графства также запрещаетъ въ своихъ контрактахъ, подъ угрозой штрафа, поставлять продукты домашней работы. „Мы совѣтуемъ,—заявляетъ по этому поводу меньшинство комиссія,—чтобы такое условіе включалось во всякій общегородской договоръ о поставкѣ и чтобы за выполненіемъ его строго соблюдалось“¹⁾.

Это длинное отступленіе въ область англійскихъ экономическихъ отношеній должно было показать читателю, насколько легкомысленны разсужденія нашихъ народническихъ экономистовъ, мечтающихъ сохранить кустарную промышленность и избавить ее отъ того, въ чемъ заключается самая сущность этой формы промышленности—крайняго угнетенія домашняго рабочаго капитала. Если даже въ Англии задача эта оказывается абсолютно неразрѣшимой и лучшіе люди Англии единодушно приходятъ къ бѣжденію, что не существуетъ иного средства борьбы со зломъ „свѣтинга“, кромѣ уничтоженія работы на дому, то можно быть вѣрнымъ, что столь же трудной задача эта окажется и для насъ.

Паденіе заработковъ нашихъ кустарей, характерное для послѣдняго времени, вызываетъ ростъ „отхода“—оставленіе крестьяниномъ деревни и удаленіе его для работы въ другія мѣста—пре-

¹⁾ Объ отношеніи передовыхъ элементовъ англійскаго общества къ домашней системѣ можно судить по фабіанской брошюрѣ: Sweating, its cause and Remedy. Эта брошюра имѣется и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Рабочая кабала въ Англии“. Спб. 1900. Въ ней указаны и мѣры борьбы со зломъ „свѣтинга“.

имущественно въ городъ. Ростъ отхода отмѣчается во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ Тверской губерніи отходъ въ теченіе 90-хъ годовъ возросъ по всѣмъ уѣздамъ, при чемъ особенно знаменательно увеличеніе отхода женщинъ—наиболѣе консервативнаго и устойчиваго элемента деревни. „Безусловно каждое сообщеніе корреспондентовъ, — читаемъ въ томъ же обзорѣ, — констатируетъ дальнѣйшее расширеніе отхода“.

Куда же бѣжить мужикъ изъ деревни? На фабрики и въ городъ. „Перспектива стать подовымъ, приказчикомъ, лакеемъ кажется даже заманчивой передъ тяжкой долей земледѣльца, обремененнаго непосильными платежами“...

По словамъ земскаго корреспондента свящ. Аничкина, „прмышленники хоть иногда и въ убытокъ работаютъ, но всё бредутъ: въ городѣ лучше житье“. Другой корреспондентъ говоритъ „обученіе грамотѣ уничтожаетъ мѣстные промыслы, такъ какъ грамотные бѣгутъ на легкій заработокъ“. По словамъ третьяго, „многіе живутъ въ городахъ на заработкахъ потому, что считаютъ для себя за безчестье жить въ деревнѣ или у помѣщиковъ въ работникахъ“¹⁾. Отходъ женщинъ вообще растетъ быстрѣе, чѣмъ мужчинъ. Въ прежнее время, по словамъ „Обзора“, „отцы, мужья, сыновья и братья почитали зазорнымъ посылать въ неизвѣстныя дальніе края своихъ женъ, дочерей и сестеръ на заработки“²⁾, но теперь началось повальное бѣгство изъ деревни, и понятіе „зазорномъ“ измѣнилось.

Нельзя не согласиться съ изслѣдователемъ промысловъ Старицкаго уѣзда В. Гурвичемъ, что громадное преобладаніе (въ Старицкомъ уѣздѣ) отхожихъ промысловъ надъ мѣстными знаменуетъ собой „коренной переворотъ въ условіяхъ пореформеннаго хозяйства... Большинство отходящихъ на сторону промышленниковъ несутъ свой трудъ въ столицы, которыя являются у насъ, какъ извѣстно, главными центрами крупнаго производства... Таковъ характеръ отхожихъ промысловъ не въ одномъ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ., а и въ большинствѣ ея уѣздовъ... Послѣ этого едва-ли можно согласиться съ утверженіемъ извѣстной школы русскихъ экономистовъ, проповѣдующей, что капитализмъ у насъ наносное явленіе, что главной основой нашей экономической дѣ-

1) Сельскох. обзоръ Тверск. губ. за 1896. Промыслы, стр. 6, 7.

2) Сельскох. обзоръ Тверск. губ. за 1894. Промыслы, стр. 13.

льности продолжаетъ будто бы оставаться мелкое самостоятельное производство“¹⁾).

За короткое время 1893—97 г. отходъ изъ Тверской губернии личился, судя по количеству выданныхъ паспортовъ, на $15\frac{1}{2}\%$. (Смоленской губернии въ 1875 г. было выдано около 100,000 портовъ, а въ 1895 г.—уже 140.330. Въ Калужской губернии 10 выбранныхъ паспортовъ въ 1885 г. было 179,148, а въ 1895 г.—220,510²⁾). Въ Псковской губернии выдавалось ежегодно 1865—75 гг.—11.716 мужскихъ паспортовъ, а въ 1896 г. было дано 45.973 тѣхъ же паспортовъ.

Точно такъ же въ Нижегородской губернии растетъ отходъ по рѣ упадка кустарныхъ промысловъ³⁾. Отходъ увеличивается въ Смоленской губернии, Орловской⁴⁾.

„Главными причинами, вызывавшими и вызывающими ежегодно отходъ населенія на сторону,—читаемъ въ недавно вышедшей изъ Псковскаго Статистическаго отдѣленія „Промыслы крестьянскаго населенія Псковской губернии“ (1898),—являются: малое житіе или полное отсутствіе мѣстныхъ заработковъ и избытокъ рабочихъ рукъ, постоянно усиливающейся вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, въ связи съ малоземельемъ и высокими естественными цѣнами... Земледѣліе многимъ стало представляться неперспективнымъ. Приходилось завидовать рабочему, ранѣе протолкнутому себѣ дорогу въ Петербургъ, и вотъ въ послѣдніе годы видимъ не только усиленіе отхода въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше представлялъ обычное явленіе, но и возникновеніе отхода тамъ, гдѣ его прежде не было“.

Главнымъ мѣстомъ отхода для мужчинъ служитъ Петербургъ. Петербургъ псковичи „обыкновенно поступаютъ въ качествѣ рабочихъ на различные фабрики и заводы, или же поступаютъ въ дворники, ломовые и легковые извозчики“. Уходятъ также и въ разность, но любопытно, что за послѣднее время отходъ на фабрики сталъ вытѣснять торговый отходъ: „привычнаго отходу вязовца (Вязовская волость—центръ торговаго отхода) каждымъ годомъ стала все болѣе захватывать петербургская

¹⁾ Сборникъ ст. свѣд. по Тверской губ., IV, стр. 137—138.

²⁾ Энциклопедическій словарь Ефрона. 54 полутомъ. Статья Л. Кишлова. Отхожіе промыслы.

³⁾ Нижегород. сборникъ. VIII, стр. 5.

⁴⁾ Отхожіе промыслы въ Смол. губ. Смол. 1896. Сельскохоз. обзоръ Смол. губ. за 1891 г. Вып. II, стр. 109—193.

фабрика и подсчетъ отхожихъ рабочихъ по видамъ занятій по все вѣроятности покажетъ, что эта волость, прежде занимавшая сплошь торговлей, половину отхожихъ рабочихъ вѣ настоящее время посылаетъ на петербургскіе фабрики, заводы и другіе мѣста“¹⁾.

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ отхожіе промыслы были исконнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, отходъ естественно можетъ увеличиваться съ такой быстротой, какъ тамъ, гдѣ отходъ является новинкой. Такъ въ Костромской губерніи, въ которой еще XVIII вѣкѣ отхожіе промыслы были сильно развиты, отходъ въ однихъ уѣздахъ возрастаетъ, въ другихъ нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отходъ не можетъ возрасти уже потому, что и такъ „все взрослое мужское населеніе „до выгребу“ находится на стороне“²⁾. Тѣмъ не менѣе, даже въ такихъ изстари отхожихъ губерніяхъ, какъ Ярославская, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ наблюдается сильное увеличеніе отхода. Такъ въ Ростовскомъ уѣздѣ за время 1862—1879 г. число отхожепромышленниковъ выросло съ 11 тысячъ почти до 20 тысячъ, т. е. приблизительно, на 80%³⁾. Такое значительное увеличеніе отхода находится въ непосредственной связи съ крайнимъ упадкомъ въ этомъ уѣздѣ кустарныхъ промысловъ. Вообще же въ Ярославской губерніи, по словамъ г. Кириллова, съ конца 70-хъ годовъ „отхожіе промыслы не только не уменьшились, но приняли еще болѣе широкіе размѣры, которые увеличиваются съ каждымъ годомъ“⁴⁾.

Весьма интересно, что въ Ярославскомъ уѣздѣ за послѣднее время замѣчается измѣненіе рода отхода: раньше уходили преимущественно въ Питеръ для услуженія въ мелочныя лавки, трактиры и пр., теперь же все больше и больше привлекаетъ крестьянское населеніе фабрика. По словамъ мѣстныхъ корреспондентовъ, „отходъ на заработки, особенно фабричные, увеличивается съ каждымъ годомъ“, „на фабричныя работы, какъ лучше оплачиваемыя, начинаютъ переходить отъ другихъ видовъ отхода“, „фабричнымъ промысломъ, по выгоды заработка отъ него,

¹⁾ Промыслы крест. населенія Псковской губерніи, стр. 1, 3, 9, 14.

²⁾ Матеріалы для статистики Костр. губ. VIII. Д. Жбанковъ. Бабыя сторона, 31.

³⁾ А. Титовъ. Статистико-экономическое описаніе Ростовск. у. (Безыразовъ. II, стр. 105.

⁴⁾ Обзоръ Ярославской губ. Вып. II. Отхожіе промыслы крестьянъ Ярославль. 1896. Стр. 1.

естьяне увлекаются все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ и тавляютъ другіе промыслы“¹⁾).

Мы не будемъ останавливаться на сложномъ вопросѣ, какъ іяетъ распространеніе отхода, бѣгство мужика изъ деревни въ родъ, на весь строй деревенской жизни. Приведемъ только нѣ-олько мѣткихъ и любопытныхъ характеристикъ отхода костром-ого изслѣдователя г. Жбанкова.

„Не одинъ заработокъ увлекаетъ родителей (отдающихъ сво-къ дѣтей въ Петербургъ для обученія ремесламъ), но и сравни-льная легкость столичной работы: „и намъ-то привычнымъ тя-ело становится, не подъ силу ворочать въ деревнѣ; ворочаешь, рочаешь, а все ни сытъ, ни голоденъ въ деревнѣ-то“,—постоян-ій отвѣтъ родителей на вопросъ, почему они такъ усиленно про-жають своихъ дѣтей въ Питеръ. Многіе мальчики сами настаи-ють, чтобы родители отправили ихъ въ Питеръ; случается даже, го родители провожаютъ сына на сторону противъ своего же-анія, во избѣжаніе могущихъ быть потомъ упрековъ и ссоръ: вѣ нѣсколько разъ приходилось слышать сѣтованіе юношей на воихъ родителей за то, что ихъ не отпустили въ свое время ъ Питеръ. Вообще здѣшняя молодежь очень охотно идетъ въ Питеръ“.

„Разъ мальчикъ обучился въ Питерѣ, онъ уже неуклонно бу-еть ходить на сторону; большая легкость и выгодность столич-аго промысла, полное незнакомство у всѣхъ молодыхъ питерщи-овъ съ земледѣльческими работами, всевозможныя прелести сто-ичной жизни, и наконецъ привычка и примѣръ уходящихъ то-арщей, все это заставляетъ cadaго чухломца и солигаличанина одыматься весной и плыть по теченію обширной волны, направ-яющейся отсюда въ Питеръ, Москву и другіе центры... оказы-ають вліяніе на отходъ и мотивы высшаго порядка. Питерщики ораздо развитѣе живущихъ здѣсь, разговоръ ихъ нерѣдко не от-ичить отъ городского, обращеніе, скопированное съ столичнаго ѣщанства, умѣнье танцовать, щеголеватый костюмъ и т. д. Здѣш-ій прекрасный полъ положительно предпочитаетъ питерщиковъ, женихамъ, постоянно живущимъ здѣсь, достаются обыкновенно удшія невѣсты, несмотря даже на то, что они могутъ жить за-щточнѣе питерщиковъ. Всѣ деревенскіе жители называются сѣ-ыми, и, что странно, нисколько не обижаются на это названіе,

¹⁾ Обзоръ Ярославской губ. II, стр. 21.

и сами называютъ себя таковыми, сѣтуя на родителей, не отдавшихъ ихъ учиться въ Питеръ“.

„Крестьяне отхожихъ волостей Чухломскаго, Солигалицкаго и Галицкаго уу. въ общемъ живутъ гораздо зажиточнѣе и чище осѣдлыхъ крестьянъ. Дома, одежда, привычки, однимъ словомъ, весь складъ жизни въ какой-либо Костромской осѣдлой волости отсталъ въ своемъ развитіи на добрыхъ полсотни лѣтъ противъ сосѣдней Карповской (отхожей) волости. Самовары составляютъ принадлежность всякой бѣдной избышки, даже бобылки, а въ среднихъ домахъ по 2 и 3 самовара... Для одежды рѣдко употребляются ткани домашняго производства... На мужчинахъ жилеты, пиджаки, пальто... лѣтомъ постоянно встрѣчаются привезенные изъ Питера дождевые зонтики... Въ половинѣ домовъ вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья“ 1).

И послѣднее далеко не фраза, какъ читатель можетъ убедиться изъ нижеслѣдующей поучительной таблицы 2).

Уѣзды Костромской губерніи.	Число паспортовъ, выданныхъ въ 1880 г. на 100 ч. населенія.	Число грамотныхъ новобранцевъ на 100 ч. населенія въ томъ же году.	Уѣзды Костромской губерніи.	Число паспортовъ, выданныхъ въ 1880 г. на 100 ч. населенія.	Число грамотныхъ новобранцевъ на 100 ч. населенія въ томъ же году.
Чухломскій . . .	33,6	74	Юрьевоцкій . . .	6,4	33
Солигалицкій . . .	26,5	59	Макарьевскій . . .	6,0	21
Галицкій	24,7	53	Кинешемскій . . .	4,3	29
Кологривскій . . .	15,3	43	Нерехотскій	2,5	35
Буйскій	10,8	38	Варнавинскій . . .	1,3	17
Костромской	8,8	42	Велужскій	0,3	22

Подобная же связь грамотности съ развитіемъ промышленности и особенно отхода обнаруживается и при сравненіи всѣхъ земскихъ губерній Россіи вообще. По числу грамотныхъ новобранцевъ земскія губерніи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ 3):

1) Матеріалы для стат. Костромск. губ. VІІІ. Бабыя сторона, стр. 24, 25, 27, 66—68.

2) Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Вып. VІІ. Жбанковъ. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе населенія Костромской губерніи. Стр. 26 и 34.

3) Нѣсколько статистическихъ данныхъ о народномъ образованіи въ Ярославской губерніи. А. Р. Свирщевскаго. 1898 г.

Губерніи.	Проц. грамотн.		Губерніи.	Проц. грамотн.	
	новобранц.	въ 1896 г.		новобранц.	въ 1896 г.
рославская	85,5		Нижегородская	50,7	
Петербургская (безъ столицы)	80,5		Таврическая	47,9	
верская	73,2		Орловская	44,1	
ладимірская	71		Астраханская	43,1	
остромская	63,7		Вятская	42,9	
юсковская	62,9		Смоленская	42,6	
алужская	61		Рязанская	42	
ульская	59,4		Симбирская	41	
ювгородская	55		Саратовская	40,7	

Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ грамотныхъ новобранцевъ не больше 40. Мы видимъ, что наибольшее число грамотныхъ наблюдается въ Ярославской губерніи—губерніи съ наиболѣе энергичнымъ отходомъ. Вообще же промышленныя губерніи стоятъ по грамотности значительно выше земледѣльческихъ.

По отдѣльнымъ уѣздамъ Ярославской губерніи наблюдается такое же соотвѣтствіе между грамотностью и отходомъ, какъ и для Костромской губерніи. По словамъ г. Свищевскаго, если взглянуть въ цифры (грамотности новобранцевъ по уѣздамъ) и сопоставить ихъ съ данными о развитіи отхожихъ промысловъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ярославской губерніи, то обнаруживается любопытное совпаденіе наибольшей грамотности съ наибольшимъ развитіемъ отхода... первый по развитію отхода уѣздъ—Угличскій, въ теченіе 1892—94 гг. не далъ ни одного неграмотнаго новобранца. Напротивъ, уѣзды Мологскій, Ярославскій и Пошехонскій, отличающіеся наименьшимъ развитіемъ отхода, доставили наибольшій процентъ неграмотныхъ новобранцевъ. Отмѣченное совпаденіе не является какой-либо случайностью, а представляетъ собой выраженіе тѣсной причинной связи между совпавшими явленіями, объясняющей между прочимъ и то высокое мѣсто, которое Ярославская губернія занимаетъ среди другихъ губерній Европейской Россіи по степени распространенія грамотности въ населеніи. Отхожіе промыслы, особенно по такимъ специальностямъ, какъ торговая и трактирная дѣятельность... издавна привили ярославскому крестьянину сознание практическаго значенія грамотности, и такимъ образомъ послужили естественнымъ, въ самой крестьянской средѣ зародившимся основаніемъ и стимуломъ къ ея развитію и распростра-

ненію. Просвѣдительная дѣятельность земствъ, городовъ и правительства шла только навстрѣчу народному сознанію, только удовлетворяла уже созрѣвшія въ населеніи потребности, а не вызывала и насаждала ихъ¹⁾.

Это послѣднее наглядно иллюстрируется тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что первая по грамотности Ярославская губерніи по числу учебныхъ заведеній на 100 ч. населенія занимаетъ 5-е мѣсто, при чемъ впереди ея стоятъ такія малограмотныя губерніи, какъ Олонецкая и Казанская. Очевидно, экономическія причины оказываютъ на распространеніе грамотности болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ число образовательныхъ учреждений.

Значеніе отхода въ дѣлѣ распространенія грамотности является хорошей статистической иллюстраціей къ вопросу о роли „города“ и „деревни“, который вызываетъ столько споровъ въ нашей литературѣ.

„Перспектива стать половымъ, приказчикомъ, лакеемъ кажется даже заманчивой передъ тяжелой долей земледѣльца, обремененнаго непосильными платежами“. Это говорятъ не книжные люди, не теоретики, не „марксисты“, а земскіе корреспонденты, близко стоящіе къ мужику и не зараженные никакими новѣйшими тлетворными идеями. Ихъ отзывы нельзя заподозрить въ тенденціозности — а между тѣмъ трудно ярче обрисовать притягательную силу города и причины, побуждающія мужика бѣжать изъ родной деревни въ чужой и неизвѣстный городъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 2.

ГЛАВА V.

Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ въ новѣйшее время.

Фритредеры 60-хъ годовъ. — Отличіе ихъ отъ фритредеровъ крѣпостной эпохи. — Отношеніе къ фабрикѣ. — Симпатіи къ капитализму. — Взгляды „Современника“ на фабрику и кустарное производство. — Книги Корсака и Флеровскаго. — Артельныя увлеченія. — Обсужденіе фабричныхъ вопросовъ на 1-мъ Всероссийскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ. — Взгляды „Отечественныхъ Записокъ“ 70-хъ годовъ. — Отношеніе къ фабрикѣ г. Михайловскаго. — Книга г. В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи“. — Народничество. — Г. Николай — онъ и г. В. В. — Почему народничество не имѣетъ у насъ успѣха. — Отношеніе къ капитализму различныхъ направленій русской жизни. — Классовое представительство аграрныхъ интересовъ. — На чемъ основывается промышленная политика новѣйшаго времени.

Послѣдніе годы дореформенной эпохи отмѣчаются въ нашей экономической литературѣ оживленіемъ стараго спора о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ. Журналы конца 50-хъ годовъ полны статьями, написанными за и противъ свободной торговли. Всѣ либеральные журналы болѣе или менѣе сочувствовали свободной торговлѣ или, по крайней мѣрѣ, пониженію ввозныхъ пошлинъ на иностранные фабрикаты. Особенно энергичную фритредерскую агитацію велъ „Экономическій Указатель“, журналъ извѣстнаго экономиста Вернадскаго. Протекціонизмъ защищался „Вѣстникомъ Промышленности“ — органомъ, специально посвященнымъ промышленнымъ интересамъ. Полемика эта сама по себѣ не особенно интересна, такъ какъ аргументы какъ фритредеровъ, такъ и протекціонистовъ были весьма мало оригинальны и заимствовались изъ западноевропейской литературы того времени. Тѣмъ не менѣе споры о свободной торговлѣ весьма рельефно обрисовали любопытное новое теченіе въ нашей жизни, на которомъ нельзя не остановиться.

Въ этомъ смыслѣ весьма поучительно сравнить Фритредеровъ 50-хъ и 60-хъ годовъ съ Фритредерами Александровской эпохи. Фритредеры начала вѣка соединяли увлеченіе свободной торговлей съ не менѣе ревностной приверженностью къ нашимъ исконнымъ особенностямъ — крѣпостному праву, мелкому производству и земледѣльческому строю вообще. Капитализмъ менѣе всего пользовался ихъ сочувствіемъ. Ихъ авторитетомъ изъ западно-европейскихъ писателей былъ суровый критикъ капиталистическаго строя—Сисмонди.

Фритредеры 50-хъ годовъ представляли собой совершенно иное теченіе русской жизни. Достаточно сказать, что какъ „Духъ Журналовъ“ любилъ цитировать Сисмонди, такъ, „Экономическій Указатель“ усиленно переводилъ Бастіа и преклонялся передъ нимъ. Бастіа воплощалъ для „Экономическаго Указателя“ самое прогрессивное и передовое, чего достигла экономическая наука. Идеалы „Экономическаго Указателя“ не имѣли ничего общаго съ русскими самобытными устоями. Къ крѣпостному праву либеральные экономисты этого журнала относились съ такой же рѣшительной враждой, какъ и крайніе радикалы той эпохи. Они горячо защищали свободную торговлю, но по инымъ мотивамъ, чѣмъ экономисты „Духа Журналовъ“.

„Духъ Журналовъ“ относился съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ капиталистическому производству вообще и фабричному въ частности. По мнѣнію „Духа Журналовъ“, Россія должна оставаться страной земледѣльческой, какой она была искони; фабричная промышленность, насаждаемая покровительственными пошлинами, можетъ повести только къ „порчѣ нравовъ“ и разрушенію патріархальнаго строя, сложившагося вѣками.

Вернадскій, Горловъ, Бутовскій, Бунге и другіе болѣе или менѣе горячіе защитники свободной торговли въ эпоху 50-хъ и 60-хъ годовъ не только не считали капиталистическое производство зломъ, но, напротивъ, принадлежали къ поклонникамъ капиталистическаго строя. Свобода торговли пользовалась ихъ сочувствіемъ, какъ одно изъ проявленій промышленной и торговой свободы, которая такъ необходима для промышленнаго и культурнаго прогресса каждой страны. Защищая свободу торговли, они отнюдь не желали задержать промышленное развитіе Россіи и навсегда оставить ее земледѣльческой страной. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, возможно большее развитіе иностранной конкуренціи должно болѣе всего благоприятствовать развитію русской промыш-

енности, страдавшей отъ монополюной власти туземныхъ фабрикантовъ надъ внутреннимъ рынкомъ.

Отношеніе къ фабрикѣ этихъ новѣйшихъ фритредеровъ было овершенно иное. Они были чужды принципиальной враждебности къ капиталистическому производству, которая отличала фритредеровъ „Духа Журналовъ“. Фабрика въ ихъ глазахъ была наиболѣе прогрессивной формой промышленности, развитіе которой въ Россіи было вполнѣ желательно, но только развитіе „естественное“, не основанное на устраненіи международнаго соперничества. Протекціонизмъ, по ихъ мнѣнію, не могъ повести къ созданію въ Россіи вполнѣ жизнеспособнаго фабричнаго производства. Голько потому они и возставали противъ протекціонизма, — а отнюдь не вслѣдствіе симпатіи къ мелкому производству, вытѣсняемому фабрикой.

Я говорилъ выше, что въ Николаевскую эпоху господствующее отношеніе къ фабрикѣ какъ правящихъ сферъ, такъ и наиболѣе вліятельной части общества, было чисто отрицательное. И Канкринъ, и славянофилы, и присяжные представители экономической науки, какъ Горловъ и Тенгоборскій, признавали кустарную промышленность во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающей большаго сочувствія и поощренія, чѣмъ фабричная. Буйный фабричный рабочій заслонялъ въ глазахъ министра финансовъ императора Николая всѣ огромныя техническія преимущества фабрики.

Если мы будемъ сравнивать различныхъ писателей фритредерскаго направленія 60-хъ годовъ по ихъ отношенію къ фабрикѣ, то мы замѣтимъ между ними очень характерное различіе. Писатели, начавшіе свою литературную дѣятельность въ Николаевскую эпоху, еще не могутъ вполнѣ освободиться отъ недовѣрія къ фабрикѣ. Мелкій производитель кустарь, все-таки кажется имъ болѣе надежнымъ общественнымъ элементомъ, чѣмъ фабричный рабочій. Напротивъ, болѣе молодые и болѣе передовые писатели совершенно чужды антипатіи къ фабрикѣ и капиталистическому производству вообще.

Такъ, напримѣръ, я цитировалъ выше (стр. 295) разсужденія Тенгоборскаго о преимуществахъ кустарнаго производства передъ фабричнымъ, какъ избавляющаго Россію отъ „язвы пролетаріата“. Въ виду этого, — замѣчаетъ Тенгоборскій, — кустарная промышленность заслуживаетъ особаго поощренія. Вернадскій перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Тенгоборскаго „Etudes sur les forces productives de la Russie“, но къ цитированному мѣсту сдѣлалъ слѣ-

дующее характерное примѣчаніе: „Сознавая справедливость многихъ изъ замѣчаній автора, нельзя однако съ нимъ согласиться въ окончательномъ заключеніи. Сельская промышленность имѣетъ также много невыгодъ и уступаетъ городской; въ техническомъ отношеніи она производитъ и менѣе, и хуже городской, и потому уже особаго покровительства не заслуживаетъ. Насколько рабочіи заняты земледѣліемъ, настолько онъ теряетъ въ мастерствѣ, и его обезпеченіе терпитъ настолько, насколько онъ менѣе производитъ на фабрикѣ“¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Тенгоборскій опять касается „языка пролетаріата“, указывая на выгоды, происходящія отъ соединенія русскими крестьянами земледѣлія съ промысловыми занятіями. Къ этому мѣсту Вернадскій прибавляетъ: „Если земледѣлецъ на фабрикѣ — плохой работникъ, то и фабричный за сохою — также плохъ. И совершенство, и успѣхъ не въ соединеніи занятій, а въ ихъ раздѣленіи“²⁾.

Тенгоборскій указываетъ, что Россія не можетъ быть страной мануфактурной: „Такъ какъ Россія не въ состояніи сравниться или превзойти другія страны на поприщѣ мануфактурной промышленности и не имѣетъ всѣхъ условій, потребныхъ для того, чтобы сдѣлаться страной мануфактурной, то мы должны преимущественно стараться о распространеніи тѣхъ отраслей промышленности, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ положенію нашей страны, въ высшей степени земледѣльческой, и наилучше могутъ быть соединены съ нашей сельской промышленностью... вообще должно поощрять тѣ отрасли промышленности, для которыхъ наша почва производить въ изобиліи сырой матеріалъ. Это общее правило свойственно всѣмъ странамъ, но въ особенности Россіи“ (Тенгоборскій, стр. 19).

Это даетъ поводъ Вернадскому вполне опредѣленно разъяснить различіе своей точки зрѣнія — прогрессивнаго фритредера „эпохи великихъ реформъ“ отъ воззрѣнія фритредера крѣпостной эпохи: „И то, и другое требуетъ болѣе положительныхъ доказательствъ, нежели приводитъ авторъ: затрудненія для мануфактурной дѣятельности въ Россіи находятся не столько въ природѣ страны, сколько въ ея теперешнемъ положеніи, которое можетъ

1) О производительныхъ силахъ Россіи. Л. Тенгоборскаго. С.-Пб. 1858, стр. 10.

2) О производительныхъ силахъ Россіи, стр. 18.

временемъ измѣниться. Знанія и капиталы приобрѣтаются, общественное положеніе лицъ измѣняется, а потому можно согласиться съ авторомъ только въ смыслѣ настоящаго положенія вещей. Вторь ясно увлекается здѣсь заранѣе задуманной идеей. Осудать страну на одинъ только родъ промышленности, и притомъ гдальять всякую перемѣну въ этомъ родѣ покровительствомъ, начитъ исказжать научныя положенія. Политическая экономія не читъ воздѣлывать свое, а то, что по расчету лица предпринимающаго наиболѣе выгодно ему,—свое-ли суровье для производства, или чужое. Она требуетъ только, чтобы не толкать производителя, или его силы, въ противную отъ общихъ выгодъ сторону, т. е. не давать искусственнаго направленія труду; а въ этомъ отношеніи можетъ грѣшить одинаково и льняное, и бумажное производство“ ¹).

Интересно сравнить также перемѣну во взглядахъ Горлова. Въ концѣ 40-хъ годовъ Горловъ высказывался совершенно въ духѣ Гакстгаузена и Тенгоборскаго: „Мы не полагаемъ, чтобы (фабричная) система могла составить благоденствіе народа со своими огромными фабриками, со своимъ народонаселеніемъ мастеровыхъ, со своими законами о бѣдныхъ, со своимъ богатствомъ фабрикантовъ и убогостью, невѣжествомъ рабочихъ“ (цитировано выше на стр. 295). Въ концѣ 50-хъ годовъ, въ „Началахъ Политической Экономіи“ (С.-Пб. 1859) Горловъ высказывается по тому же поводу уже гораздо умѣреннѣе.

„Противники народныхъ промысловъ утверждаютъ совершенно неосновательно, что только бумажныя или шелковыя фабрики ведутъ къ промышленному успѣху и образованію. Мы полагаемъ, что собственно народному образованію онѣ даже менѣе способствуютъ, чѣмъ мелкая производительность и ремесленность, и что кожевникъ, имѣющій собственное заведеніе, находится въ лучшемъ положеніи къ приобрѣтенію образованія, чѣмъ работникъ, нанимающійся на бумажной фабрикѣ. Въ отношеніи къ матеріальному благосостоянію крестьянъ и вообще рабочаго класса, существованіе большихъ фабрикъ, снабженныхъ дорогими механизмами не всегда желательно, ибо съ ними не могутъ соперничать простыя, крестьянскія заведенія, и потому падаютъ, а крестьяне изъ независимыхъ содержателей превращаются въ простыхъ работниковъ“ ²).

¹) Тенгоборскій. Примѣчаніе на стр. 19.

²) Горловъ, I, 397.

Итакъ крупныя фабрики „не всегда желательны“. Это со-
всѣмъ не похоже на категорическое осужденіе фабричной системы,
высказанное тѣмъ же Горловымъ десять лѣтъ раньше. Изъ дру-
гихъ мѣстъ книги Горлова видно, что вообще взгляды автора
сильно измѣнились. Какъ извѣстно, Горловъ, подобно прочимъ
либеральнымъ экономистамъ того времени, горячо ратовалъ про-
тивъ общиннаго землевладѣнія. Начало частной собственности на
землю казалось ему гораздо лучше гарантирующимъ экономи-
ческой прогрессъ, чѣмъ общинная собственность. Возражая про-
тивъ защитниковъ общиннаго владѣнія, Горловъ не пугается даже
„призрака пролетариата“. Страхи передъ пролетариатомъ Горловъ
прямо называетъ „оптическимъ обманомъ“¹⁾.

Отъ всего этого вѣтъ совершенно новымъ духомъ. Фритре-
деры 60-хъ годовъ не имѣли такой рѣзкой классовой окраски,
какъ фритредеры Александровской эпохи. Относительно послѣд-
нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, интересамъ какого
класса они служили. Горячая защита такихъ противоположныхъ
по своему внутреннему смыслу вещей, какъ свобода торговли и
крѣпостное право, ярко обнаруживала дворянскій характеръ всего
теченія. „Духъ Журналовъ“ защищалъ интересы аграрнаго дво-
рянства,—это вполне ясно. Что же представляли собой фритре-
деры „эпохи великихъ реформъ“?

Чтобы понять внутренній смыслъ фритредерскаго движенія
шестидесятыхъ годовъ, нужно вспомнить общественно-экономи-
ческую обстановку того времени. Въ концѣ 50-хъ годовъ заклады-
вался фундаментъ новой Россіи, Россіи буржуазной и капитали-
стической, сбросившей съ себя узы крѣпостнаго права, которая
она переросла. Постройка желѣзныхъ дорогъ, преобразование си-
стемы кредита (точнѣе говоря, созданіе частнаго банковаго кре-
дита, такъ какъ дореформенная Россія почти не знала частныхъ
банковъ), устройство множества новыхъ акціонерныхъ компаній
для самыхъ различныхъ цѣлей, выдвинули у насъ новые обще-
ственные элементы — финансовыхъ дѣльцовъ, аферистовъ, бирже-
выхъ игроковъ, вообще всякаго рода искателей легкой и быстрой
наживы. Конецъ 50-хъ годовъ имѣлъ характеръ спекулятивной и
биржевой горячки, доходившей до настоящаго азіютажа. Выкупъ
крестьянскихъ земель выбросилъ на рынокъ огромные капиталы,
быстро перешедшіе изъ рукъ дворянства въ руки всякаго рода

¹⁾ Горловъ, I, 260.

енежныхъ и финансовыхъ дѣльцовъ. Спекулятивная горячка того времени охватывала далеко не однихъ профессиональныхъ биржевиковъ. По словамъ В. Безобразова, „горячечное промышленное возбужденіе направилось къ созданію новыхъ предпріятій, новыхъ отраслей производства, ... преимущественно въ кругу людей устроителей акціонерныхъ компаній), совершенно чуждыхъ коммерческому дѣлу“... „Спекулятивное возбужденіе (конца 70-хъ годовъ) ограничилось коммерческою общественной средой, которая при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ все-таки несравненно болѣе умѣла, опытна и благоразумна, чѣмъ была та общественная среда (дворянская, чиновная, военная, интеллигентная и проч.), которая бросилась въ промышленную спекуляцію послѣ первой Восточной войны“ ¹⁾.

Вотъ эта-то разнообразная по своему составу общественная среда составила главное ядро фритредерской либеральной партіи того времени; она преклонялась передъ буржуазнымъ строемъ Западной Европы и горячо сочувствовала всякой свободѣ, особенно же свободѣ въ области промышленности и торговли. Фритредеры 60-хъ годовъ, вродѣ названныхъ либеральныхъ экономистовъ, выражали собой не столько интересы аграрнаго класса (хотя и эта нотка весьма нерѣдко слышалась въ статьяхъ „Экономическаго Указателя“ ²⁾), сколько интересы финансоваго и биржевого міра. Экономическій Указатель, такъ энергично ратовавшій за свободу торговли, отводилъ видное мѣсто на своихъ столбцахъ биржевой хроникѣ и отчетамъ о дѣятельности акціонерныхъ ком-

¹⁾ Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи, I, 312.

²⁾ Въ обширныхъ статьяхъ А. Байкова „Вопросы о свободѣ торговли“ постоянно указывается на земледѣльческій характеръ Россіи. „При свободѣ торговли положеніе государствъ земледѣльческихъ самое выгодное и, слѣдовательно, Россія, какъ представительница этихъ государствъ, при осуществленіи идеи о свободѣ торговли имѣла бы, если не первенство, то, по крайней мѣрѣ, огромный вѣсъ въ системѣ міровой промышленности и торговли... Двѣ крайнія точки въ системѣ современной производительности Европы составляютъ два государства — Россія и Англія, первая, въ полномъ смыслѣ слова, земледѣльческая держава, вторая — мануфактурная. Обширность Россіи, качество земли ея, дѣлаетъ ее обильнымъ, можно сказать неисчерпаемымъ источникомъ сельскихъ произведеній... обработываніе этихъ самыхъ произведеній, сообщеніе имъ первой, необходимой для употребленія формы, должно быть естественнымъ занятіемъ Россіи“. Экономическій Указатель. 1857, т. I, стр. 416, 439.

паній, давалъ совѣты, какія акціи слѣдуетъ приобрѣтать, и вообще тѣсно примыкалъ своими статьями къ биржевому міру.

Вполнѣ понятно, что о принципиальной враждѣ къ фабрикѣ у этихъ фритредеровъ новаго типа не могло быть и рѣчи. Суровые крѣпостники Николаевской эпохи, относившіеся весьма недовѣрчиво ко всему не укладывающемуся въ узкія рамки бюрократической регламентаціи и стоявшіе прежде всего на стражѣ порядка, не могли сочувствовать капиталистическому строю и фабрикѣ: биржевые дѣльцы 60-хъ годовъ и ихъ идеологическіе выразители—либеральные экономисты, преклонявшіеся передъ геніальной мудростью Бастія, не могли относиться къ фабрикѣ съ осужденіемъ. Отстаивая свободу торговли, они направляли свои стрѣлы не противъ капиталистическаго производства, а именно въ его защиту.

Новая классовая окраска фритредерскаго движенія обнаружилась сочувственнымъ отношеніемъ къ этому движенію нѣкоторой части купечества. Извѣстно, что именно съ 60-хъ годовъ у насъ начинается быстро развиваться экспортная торговля хлѣбомъ. Экспортная торговля могла только выиграть отъ расширенія ввоза въ страну иностранныхъ товаровъ. Экспортеры должны были сочувствовать свободной торговлѣ, и дѣйствительно, Одесское отдѣленіе коммерческаго совѣта рѣшительно высказалось въ пользу свободной торговли ¹⁾.

Остановимся теперь на позиціи, которую заняли въ шумныхъ спорахъ за и противъ свободной торговли ²⁾ лица, одинаково чуждыя интересамъ какъ биржевиковъ и экспортныхъ торговцевъ, такъ и фабрикантовъ—крайніе прогрессисты „Современника“. Это послѣднее направленіе съ отвращеніемъ относилось къ биржевой вакханаліи разсматриваемой эпохи; освободительные идеалы Западной Европы были имъ гораздо ближе, чѣмъ либеральнымъ апологетамъ капитала, вроде Вернадскаго, Горлова и др. Какова же была ихъ позиція по отношенію къ фабрикѣ и капиталистическому производству вообще?

1) Объ этомъ см. К. Скальковскій и Д. Краевскій. Стоитъ ли поощрять русскую промышленность? С.-Пб. 1866. Стр. 15, 29.

2) О протекціонистахъ, органомъ которыхъ, какъ я сказалъ выше, былъ главнымъ образомъ „Вѣстникъ Промышленности“, я ничего не говорю, потому что ихъ общественная позиція, какъ защитниковъ интересовъ фабрикантовъ, была вполнѣ ясна и никакого недоразумѣнія возбуждать не могла.

Въ 1857 г. въ „Современникѣ“ появился довольно обширный сборъ книги одного изъ наиболѣе видныхъ протекціонистовъ того времени—А. Шипова: „Хлопчатобумажная промышленность важность ея значенія для Россіи“. Разборъ этотъ, принадлежій, безъ сомнѣнія, перу Н. Чернышевскаго, даетъ вполнѣ предѣленный отвѣтъ на нашъ вопросъ.

„У насъ вообще очень мало развита терпимость мнѣній,—заявляетъ авторъ разбора.—Такъ, напримѣръ, по вопросу о свободной торговлѣ, изъ ученыхъ, держащихся мнѣнія, что протекціонная система невыгодна, многіе воображаютъ, что противное мнѣіе могутъ утверждать только люди, имѣющіе въ виду свой личный интересъ, а не общую пользу; они даже готовы все челоѣчество и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи дѣлить а двѣ половины ради одного того, какъ думаютъ люди о свободной торговлѣ: одна половина челоѣчества — люди честные, мные, ученые; это всѣ тѣ, которые думаютъ, что тарифъ долженъ быть пониженъ; другая половина—невѣжды, корыстолюбцы—то всѣ тѣ, которые думаютъ, что должны быть охраняемы тарифомъ наши мануфактуры“ ¹⁾.

Каково-же отношеніе автора къ свободной торговлѣ и протекціонизму? Онъ поясняетъ это цитатой изъ книги экономиста 50-хъ годовъ Журавскаго „Описаніе Кіевской губерніи“. „По нашему мнѣнію“—писалъ Журавскій,—„надобно болѣе имѣть въ виду пользу значительнаго класса промышленниковъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія... Для фабричнаго производства Кіевской губ. нужно до 21.000 рабочихъ; приобретаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая среднимъ числомъ до 5 душъ на семейство каждаго работающаго, можно заключить, что до 100.000 душъ заинтересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивши теперь, что вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій, дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя-же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Современникъ 1857 г., томъ 63. Рецензія на книгу Шипова, стр. 48.

тѣмъ закроются и самыя фабрики, тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ фабрикъ лишились-бы куска хлѣба, ничего не выигравши отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій. Вся выгода была-бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ“, (тамъ-же, стр. 51).

Однако это не рѣшаетъ окончательно вопроса, нужны-ли Россіи фабрики, или нѣтъ. Въ отвѣтъ на это авторъ разбора опять отсылаетъ къ Журавскому: „Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о преимуществахъ большихъ или малыхъ хозяйствъ, такъ и въ фабричной промышленности представляется тотъ-же вопросъ: какая фабрикація, большая или малая, полезнѣе для производителей и для потребителей?“... Приведя въ примѣръ костромскія полотна, ліонскія шелковыя издѣлія, голландскія кружева и пр., Журавскій замѣчаетъ: „Все это произведенія домашней фабрикаціи, показывающія, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ловкость человѣческихъ рукъ и при самыхъ простыхъ снарядахъ можетъ съ выгодой соперничествовать съ многосложными и дорогими машинами большихъ фабрикъ. И если ручное производство по сю пору такъ мало облегчено и распространено, такъ мало сдѣлало успѣховъ въ искусственномъ отношеніи, то это отъ того, что всѣ усилія ученыхъ и техниковъ нашего времени направлены на изобрѣтеніе и улучшеніе большихъ машинъ, служащихъ для фабричнаго производства. На мелкихъ фабрикантовъ никто изъ нихъ не удостоиваетъ обратить вниманіе, никто не подумаетъ, какими-бы средствами сократить ручную работу, улучшить употребительные до нынѣ снаряды и машины, ввести новые, сдѣлать доступною для каждаго семейства въ маломъ размѣрѣ выработку предметовъ, возможную до нынѣ только для большихъ фабрикъ. Между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по огромному числу заинтересованныхъ въ немъ семействъ, и представляетъ обширное поле изобрѣтательности первоклассныхъ умовъ; изобрѣтенія, подобныя самопрялкѣ, сдѣлавшейся общеупотребительною у простого народа, могутъ быть важнѣй всякихъ усовершенствованій фабричныхъ машинъ. По крайней мѣрѣ это справедливо относительно нашего отечества, гдѣ большая фабрикація по сю пору обращается въ пользу достаточнаго класса производителей—капиталистовъ, и не менѣе достаточнаго класса потребителей ихъ произведеній, какъ-то: сахара, тонкихъ суконъ и полотонъ, столоваго бѣлья, шелковыхъ издѣлій, табаку, сигаръ и т. п.; всѣ эти

предметы или не нужны, или недоступны по цѣнѣ нашему простому народу, т. е. болѣе $\frac{3}{4}$ всего населенія государства“ (тамъ-же, стр. 53).

По поводу этихъ словъ Журавскаго авторъ рецензіи замѣчаетъ: „Признаемся, что въ вопросѣ о свободной торговлѣ и національномъ фабричномъ производствѣ мнѣніе Журавскаго, кажется намъ, совершенно справедливо. Признаемся, что мы въ томъ случаѣ всегда готовы стать на сторонѣ той партіи, которая успѣетъ доказать, что ея рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостояніемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніямъ той или иной партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложенное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели о возрастаніи фабричнаго производства, больше нежели объ увеличеніи заграничной торговли, надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямого покровительства. Что касается до вопроса о томъ, полезно-ли прямое покровительство фабрикамъ, то при разрѣшеніи его надобно было бы имѣть въ виду не столько отношеніе нашихъ фабрикъ къ заграничному производству подобныхъ товаровъ, сколько отношеніе къ благосостоянію класса людей, находящихся на нихъ работу, и еще болѣе отношеніе фабрикъ къ домашней выдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій“ (тамъ-же, стр. 56—57).

Въ этомъ характерномъ отрывкѣ вполне ясно выражается отношеніе „Современника“ къ фабрикѣ и мелкому кустарному производству. „Современникъ“ не былъ безусловнымъ противникомъ фабрики, такъ какъ и фабрика даетъ заработокъ населенію, но онъ рѣшительно предпочиталъ ей кустарную промышленность. Политическій радикализмъ 60-хъ и (какъ увидимъ ниже) 70-хъ годовъ по своей экономической программѣ не очень далекъ отъ точки зрѣнія „Духа Журналовъ“ и Канкринна.

Само собою разумѣется, экономическіе идеалы Канкринна и Чернышевскаго были такъ же различны, какъ и ихъ политическіе идеалы. Но при оцѣнкѣ современной экономической дѣйствительности Чернышевскій по многимъ вопросамъ могъ подать руку

Канкрину. Кустрное производство находило себѣ защитниковъ въ нихъ обоихъ.

Такимъ образомъ въ 60-хъ годахъ наблюдается по отношенію къ фабрикѣ слѣдующая общественная группировка: буржуазное теченіе, включавшее въ себя какъ фритредеровъ, такъ и протекціонистовъ, относилось съ полной симпатіей къ фабрикѣ и было на сторонѣ полной экономической европеизаціи Россіи. Напротивъ, радикально-утопическое теченіе, великимъ представителемъ котораго былъ Чернышевскій, относилось къ фабрикѣ отрицательно и во имя интересовъ труда стояло за сохраненіе отсталыхъ экономическихъ формъ крѣпостной Россіи.

Тѣмъ не менѣе существовалъ одинъ пунктъ, по которому наблюдалось почти полное согласіе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ той эпохи, именно—преклоненіе передъ принципомъ ассоціаціи или артели, какъ формы будущаго социальнаго строя. Отношеніе Чернышевскаго къ этому вопросу достаточно извѣстно. Но идеей артели увлекались въ 60-е годы далеко не одни крайніе радикалы. Увлеченіе это, можно сказать, было всеобщимъ. Различіе между радикальными и либеральными элементами заключалось лишь въ томъ, что радикалы требовали государственной помощи артелямъ, а либералы возлагали всѣ свои надежды на частную инициативу въ этой области и, оставаясь вѣрными себѣ, протестовали противъ всякаго насильственнаго вмѣшательства государства.

Возьмемъ, напр., книгу либеральнаго экономиста—нынѣ члена государственнаго совѣта—г. Э. Тернера „О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія“ (Спб. 1860 г.). Въ этой книгѣ мы находимъ слѣдующія характерныя строки: „Въ настоящее время мы вступаемъ на новое поприще въ жизни нашего отечества. Народъ, освобождаясь отъ тѣхъ оковъ, которыя связывали его свободную промышленную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ и отвѣтственность о своемъ благосостояніи. Съ развитіемъ городского и фабричнаго населенія, численность коего, вслѣдствіе предстоящей реформы, должна развиться въ весьма обширныхъ размѣрахъ, настоящій моментъ представляется намъ самымъ благопріятнымъ для введенія тѣхъ учрежденій для рабочаго класса, которыя оказались столь полезными въ другихъ странахъ—учрежденій, которыя, бросивъ корни на нашей почвѣ, будутъ развиваться наравнѣ съ развитіемъ рабочаго сословія и могутъ принести поэтому самые благотворные плоды, предупре-

ивъ самый зародышъ пауперизма въ будущемъ... Мы находимъ въ нашемъ отечествѣ весьма важные элементы, могущіе служить олезнымъ основаніемъ вновь вводимымъ учреждениямъ, которыя о многихъ случаяхъ будутъ только развитіемъ и усовершенствованіемъ уже *существующихъ у насъ* народныхъ обычаевъ. Мы идѣли, что главнымъ основаніемъ и главною силою всѣхъ существенныхъ учреждений на пользу рабочаго сословія является ассоціація. А именно идея ассоціаціи весьма распространена уже насъ въ народныхъ обычаяхъ, являясь во множествѣ разнообразныхъ проявленій, особенно-же въ артеляхъ... Какъ ни судить о нѣсколько коммунистической примѣси къ экономическому элементу ассоціацій въ нашихъ артеляхъ,—главное все-же то обстоятельство, что ассоціація составляетъ начало, сродственное нашему народному и національному быту. Если, несмотря на всѣ тѣ громныя затрудненія, которыя представляла свободному передвиженію личностей и свободному употребленію труда прежняя паспортная система и допотопное начало круговой поруки, не говоря уже о крѣпостномъ правѣ, люди все-же сходились на общую работу, на ассоціацію своего труда, то нельзя-ли надѣяться, что впослѣдствіи, когда всѣ эти преграды падутъ, ассоціаціонное начало разовьется еще гораздо болѣе въ Россіи, и на немъ зиждутся всѣ тѣ полезныя учрежденія, въ которыхъ мы видимъ залогъ будущаго самостоятельнаго обезпеченія работника, будущаго благосостоянія рабочаго класса. Содѣйствовать этому развитію могли-бы съ пользою образованные классы своими совѣтами, указаніями... Высшіе образованные классы, особенно-же самый промышленный классъ, принесли-бы значительную пользу развитію благосостоянія въ средѣ низшихъ классовъ своихъ соотечественниковъ, содѣйствуя развитію въ средѣ ихъ разумнаго ассоціаціоннаго движенія“. (Тернеръ, стр. 303, 304, 317, 318).

Замѣчательная книга Корсака „О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Россіи“ (Москва, 1861 г.), которую мнѣ приходилось уже много разъ цитировать, точно такъ же проникнута върой въ полную осуществимость въ Россіи артельной организаціи производства. Корсакъ былъ чуждъ славянофильскаго увлеченія экономическимъ строемъ Россіи. Съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго онъ указываетъ на неправильность идеализаціи нашего кустарнаго производства, при которомъ производитель является такимъ же слугою капиталиста-заказчика, какъ и фабричный рабочій. „Домашняя форма производства“,—замѣчаетъ

Корсакъ,—„не есть исключительное достояніе Россіи: она была вездѣ въ извѣстную эпоху экономическаго развитія и даже въ настоящее время сохранилась во многихъ странахъ Европы почти въ томъ же видѣ, въ какомъ и въ Россіи. Она всегда была свойственна нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, которыя поэтому трудно поддавались фабричному производству“ (Корсакъ, 304). Съ тонкимъ тактомъ Корсакъ противопоставляетъ кустарную промышленность, какъ домашнюю систему крупнаго капиталистическаго производства, ремеслу и мелкому самостоятельному производству на дому (тамъ-же, стр. 17). Огромныя техническія преимущества фабрики встрѣчаютъ у Корсака вполне вѣрную оцѣнку. И тѣмъ не менѣе нашъ авторъ прѣшается признать неизбѣжность развитія фабричной системы. Я уже упоминалъ въ началѣ этой книги, что политика Петра подверглась рѣзкому осужденію Корсака за то, что Петръ устраивалъ въ Россіи фабрики, а не артели кустарей. Свою книгу Корсакъ заканчиваетъ совершенно въ духѣ той эпохи—указаніемъ на огромную роль въ дѣлѣ преобразованія нашей кустарной промышленности ассоціаціи, артели.

„Даже на Западѣ, въ центрѣ фабричнаго производства, гдѣ фабрики поглотили уже родственную имъ мелкую промышленность, гдѣ мелкіе производители не имѣютъ того выгоднаго положенія, въ какомъ могутъ быть наши крестьяне, есть однако возможность даже простымъ работникамъ пользоваться всѣми выгодами фабричнаго производства на правахъ самостоятельныхъ хозяевъ. Возможность эта заключается въ *кредитѣ* и *ассоціаціи* мелкихъ ремесленниковъ, въ общественныхъ мастерскихъ и общественныхъ машинахъ. Мы вполне согласны, что нынѣшняя фабрика—совершеннѣйшая въ экономическомъ отношеніи форма производства въ настоящее время; но думаемъ также, что ея всепоглощающее могущество опасно, а за неимѣніемъ его сообщать ей это подавляющее вліяніе посредствомъ внѣшней помощи и вызывать его искусственно—еще опаснѣе. Неужели тѣ невыгодныя стороны, которыми отличается мелкое домашнее производство, неразлучны съ нимъ и чужды только одной фабрикѣ, и неужели фабричная форма не имѣетъ въ свою очередь темныхъ сторонъ другого рода? Послѣднія извѣстны каждому и говорить о нихъ считаемъ излишнимъ... Фабричныя отрасли домашняго производства, которыя теперь имѣютъ видъ самой вредной и невыгодной во всѣхъ отношеніяхъ такъ-называемой домашней системы, при помощи ассо-

аціи домашнихъ работниковъ, при помощи кредита и устройства общественныхъ мастерскихъ, могли-бы явиться въ видѣ новой фабричной формы, со средствами настоящей и съ благодѣтельными результатами, которыхъ послѣдняя лишена; эта новая форма могла бы такимъ образомъ быть противодѣйствующей силой темнымъ горонамъ современнаго фабричнаго производства. Въ ремесленныхъ отрасляхъ ассоціация для оптовой покупки матеріала и для розажи издѣлій, пособие кредита, распространеніе усовершенствованныхъ орудій, обученіе, выставки и пр., могли-бы спасти бѣдныхъ ремесленниковъ отъ убійственнаго вліянія кулаковъ и баышниковъ и побѣдить тотъ застой и ту рутину, которыя составляютъ теперь характеръ домашней промышленности. Мы согласны, что все это трудныя задачи, что, можетъ быть, придетъ когда-нибудь время, когда онѣ сами-собою найдутъ счастливое разрѣшеніе, но достигнуть цѣли длиннымъ путемъ страданій и тяжелыхъ кризисовъ, и достигнуть ея кратчайшей и безопасной дорогой—не одно и то же“ (Корсакъ, стр. 308, 310).

И этой вѣрой въ артель была проникнута не только литература того времени — ее раздѣляли и правительственныя сферы. Вотъ, напр., какъ высказалась по этому пункту коммисія по пересмотру уставовъ фабричнаго и ремесленнаго подъ предѣдательствомъ Штакельберга: „Что прежнее наше промышленное устройство представляло много стѣснительныхъ уродливыхъ сторонъ, что, покровительствуя меньшинству капиталистовъ и хозяевъ, оно шло наперекоръ интересамъ рабочаго люда — это не подлежитъ сомнѣнію. Но затѣмъ, съ устраненіемъ стѣсненій и запрещеній, какія именно формы слѣдуетъ придать нашей промышленности, какія именно требованія рабочаго класса желательно поддержать авторитетомъ закона?... Существованіе промышленныхъ артелей и ремесленныхъ союзовъ доказываетъ, что нашъ народъ не чуждъ понятій о преимуществахъ ассоціации въ дѣлѣ приложенія труда. Но такія артели и союзы, сколько извѣстно, возникли лишь въ немногихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Правда, что до сихъ поръ общественныя условія не благопріятствовали дѣлу ассоціации въ средѣ рабочаго класса, и что теперь только можно надѣяться на болѣе удовлетворительные въ семъ отношеніи результаты. Но во всякомъ случаѣ рабочій классъ не вдругъ, можетъ быть, нападетъ на счастливую мысль соединить свои разрозненные силы и денежные средства тамъ, гдѣ ассоціация труда и капитала особенно примѣнима, по размѣрамъ и свойству пред-

пріятія. Притомъ-же, въ этой формѣ производства важна не одна матеріальная сторона. Рабочая ассоціація была-бы полезна въ особенности у насъ не потому только, что при такой организаціи работъ люди могли-бы съ меньшими усиліями и затратами производить больше и лучше. Ассоціація обѣщала бы и ту несомнѣнную выгоду, что рабочіе, связанные общностью интересовъ, могли-бы основательно судить о своихъ нуждахъ и пользахъ въ дѣлѣ промышленности. Въ средѣ промышленныхъ обществъ, еслибы таковыя возникли, выработывались-бы безпристрастныя, здравыя понятія о промышленныхъ интересахъ и средствахъ къ ихъ упроченію“. (Труды комиссіи, Спб. 1863, I, стр. 221, 226, 227).

Это всеобщее увлеченіе ассоціаціей и артелью было навѣяно, безъ сомнѣнія, Западомъ. Достаточно вспомнить западно-европейскую литературу того времени, равно какъ и практическія послѣдствія кооперативнаго движенія въ Англіи, Германіи и Франціи, чтобы понять, почему русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ съ такимъ жаромъ отстаивали идею артели. Но по той же самой причинѣ — потому что это увлеченіе не имѣло корней въ условіяхъ русской дѣйствительности, несмотря на всѣ разглагольствованія о необыкновенной склонности русскаго мужика къ артелямъ — оно осталось въ Россіи практически совершенно безплоднымъ. Всеобщія восхваленія артелей не создали ни одной прочной артели и не повели къ возникновенію кооперативнаго движенія, сколько-нибудь похожаго на западно-европейское. Индивидуалистическій Западъ, съ его иными политическими и общественными формами, оказался гораздо болѣе приспособленнымъ для воспріятія артельного начала, чѣмъ общинная Россія ¹⁾.

Въ концѣ 60-хъ годовъ вышла сильно шумѣвшая въ свое время книга Н. Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ (Спб. 1869 г.). Книга эта произвела на публику сильное впечатлѣніе безотрадной картиной жизни русскаго мужика и рабочаго на всемъ протяженіи Россіи, которую съумѣлъ развернуть авторъ. Научнаго значенія книга Флеровскаго совершенно лишена, такъ какъ представляетъ собой чрезвычайно хаотическое собраніе фактовъ весьма различнаго достоинства, сопоставляемыхъ безъ

¹⁾ Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе весьма любопытнаго артельного движенія нашего общества 60-хъ и 70-хъ годовъ. Истинный характеръ этого движенія, принявшаго на практикѣ вопліи буржуазный характеръ, разъясненъ въ интересной статьѣ А. П-ра. „Нов. Сл.“ 1897. Ноябрь.

всякой критической оцѣнки и даже безъ общаго плана. Тѣмъ не менѣе, въ свое время она несомнѣнно вліяла на умы. Трудно разобратъся въ выводахъ Флеровскаго, такъ какъ, повидимому, они не были ясны ему самому. Во всякомъ случаѣ ясно, что важнѣйшія причины, къ которымъ сводить Флеровскій причины бѣдности русскаго рабочаго человѣка — это тяжесть налоговъ и особенно недостатокъ земельной обезпеченности. „Что касается обидныхъ мѣръ“, — говоритъ авторъ въ „заключеніи“, — „то, конечно, прежде всего наше вниманіе должно обратить на себя отношеніе къ землѣ. Тутъ мы видимъ, что нашъ крестьянинъ обнаружилъ несравненно болѣе такта и здраваго чувства, чѣмъ западно-европейскій. Онъ нашелъ великую истину, которую западно-европейскій работникъ никогда не повималъ. Онъ постигъ, что прежде всего надобно позаботиться о томъ, чтобы ни одного земледѣльца не лишитъ собственнаго хозяйства. Вести собственное хозяйство — не шуточное дѣло, къ нему нужно приспособиться, привыкнуть къ малыхъ лѣтъ. Западно-европейскому пролетарію не скоро это удастся, можетъ быть никогда не удастся, и на почвѣ Западной Европы мы можемъ снова увидать римскія латифундіи... Нашъ крестьянинъ достигъ того, о чемъ напрасно вздыхаютъ и американецъ, и англичанинъ, и всякій земледѣлецъ, достаточно умный, чтобы понимать неудовлетворительность мелкой собственности... Пока вся земля будетъ предметомъ собственности, до тѣхъ поръ будетъ существовать и крупная и средняя собственность; произвести самое выгодное экономическое положеніе можно только при всеобщемъ распространеніи безоброчнаго общиннаго владѣнія“ (Флеровскій, стр. 476, 482, 487).

Такимъ образомъ для Флеровскаго аграрный вопросъ заслонилъ все остальное. Развитіе фабричной промышленности въ центральному районѣ, по его мнѣнію, не только не привело къ улучшенію экономическаго положенія населенія, но, наоборотъ, только усилило крайности богатства и бѣдности. „Промышленная Россія — это страна бѣдности и богатства; тутъ одно семейство зарабатываетъ триста рублей въ годъ, а рядомъ другое умираетъ съ голоду. Нигдѣ борьба за существованіе не вызываетъ такихъ отчаянныхъ усилій, какъ въ промышленныхъ губерніяхъ; тутъ всякій пускаетъ въ ходъ всѣ средства, старается взять и искусствомъ, и трудомъ, и умомъ, и борьбой... Здѣсь составляются артели, тачки, здѣсь пробуются всѣ средства, которыми можно бороться съ капиталомъ и усилить свои доходы... Но если они (работіе

промышленнаго района) болѣе смѣлы въ жизненномъ бою, то и условія этого боя для нихъ болѣе тягостныя; они имѣютъ дѣло съ богатыми и могущественными капиталистами и еще болѣе богатыми и болѣе могущественными землевладѣльцами... Можетъ-ли быть цвѣтущее промышленное населеніе тамъ, гдѣ земледѣліе плохо, гдѣ земля безъ удобренія даетъ плохіе урожаи, а для удобренія мало скота, и на каждое вакантное мѣсто въ промышленно-сти являются три кандидата изъ земледѣльцевъ?“ (Стр. 357—59).

Сравненіе двухъ уѣздовъ Нижегородской губерніи—Ардатовскаго съ крупными чугуноплавильными заводами и Горбатовскаго съ мелкой кустарной промышленностью—приводитъ Флеровскаго къ заключенію, что мелкая промышленность гораздо лучше обезпечиваетъ населеніе, чѣмъ крупная. Это даетъ поводъ къ слѣдующей краснорѣчивой тирадѣ нашего автора: „Неужели можно равнодушно смотрѣть на то, что машины—этотъ важнѣйшій благодѣтель человѣческаго рода, это плодоносное орудіе, которое даетъ рабочему возможность при несравненно меньшихъ усиліяхъ производить не только вдвое и втрое, но иногда во сто разъ болѣе, эти машины дѣлаются бичомъ для рабочаго класса? Не только для работниковъ, для цѣлыхъ мѣстностей оказывается болѣе выгоднымъ производить мало и дорого, чѣмъ производить много и дешево“ (стр. 385).

Такимъ образомъ Флеровскій, еще больше чѣмъ Чернышевскій, усматривалъ одну отрицательную сторону въ развитіи фабричной промышленности. За аграрнымъ вопросомъ Флеровскій, какъ и другіе его современники, совсѣмъ не видѣлъ рабочаго вопроса. Вообще я долженъ оговориться, что фабрика вплоть до послѣдняго времени очень мало обращала на себя вниманіе нашего общества, особенно прогрессивной его части. Объ общинѣ у насъ накопилась огромная и въ высшей степени интересная и характерная литература; о фабрикахъ написано гораздо менѣе, и то, что написано, имѣетъ преимущественно фактическій и описательный характеръ, а слѣдовательно для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ мало интереса.

Отношеніе либераловъ къ фабричному вопросу весьма рельефно выразилось на дебатахъ перваго всероссійскаго торговопромышленнаго съѣзда, устроеннаго по случаю Всероссійской мануфактурной выставки 1870 г. Протоколы этого съѣзда очень живо воспроизводятъ ту, уже довольно отдаленную отъ насъ, эпоху. Медовый мѣсяцъ либерализма уже кончился, но либеральное настроеніе

бщества не только не ослабѣло, а скорѣе усилилось. Славословіе вободѣ промышленности и торговли занимаетъ видное мѣсто въ реніяхъ сѣзда.

Приведу нѣкоторыя выдержки изъ рѣчей на первомъ засѣданіи сѣзда. Г. Скальковскій внесъ предложеніе, чтобы желѣзныя ороги, проходящія по мѣстностямъ, богатымъ каменнымъ углемъ, непремѣнно употребляли для топлива каменный уголь, а не дрова, для того, чтобы спасти остатки лѣсовъ“. Въ отвѣтъ на это предложеніе чиновникъ министерства финансовъ фонъ-Бушенъ произнесъ слѣдующую тираду: „Я полагаю, что первое и главное условіе для развитія всякой промышленности, — есть свобода! (Непремѣнно! браво!) Повторять здѣсь подобную аксіому какъ ту, что свободный трудъ только производителенъ, что промышленность должна имѣть полный просторъ, чтобы брать и употреблять въ дѣло тотъ матерьялъ, который выгоднѣе и дешевле, и который поэтому можетъ служить для удешевленія самого произведенія— совершенно излишне. (Вѣрно! браво!) Я не раздѣляю мнѣнія о томъ, чтобы сѣздъ фабрикантовъ, который хлопочетъ о нуждахъ фабрикантовъ, долженъ былъ выразить свою дѣятельность въ томъ, чтобы просить подвергнуть отдѣльныя отрасли промышленности регламентаціи. Всякая регламентація вредна вообще въ промышленномъ дѣлѣ, и чѣмъ ея меньше, тѣмъ для дѣла лучше“ (Протоколы, стр. 16).

Г. Вешняковъ высказался не менѣе рѣшительно: „Прошли тѣ времена, когда промышленное законодательство во всѣхъ почти странахъ заключало въ себѣ не только опредѣленіе общихъ условій существованія въ государствѣ фабричной и ремесленной промышленности, но и стѣснительныя ограниченія относительно права заниматься тою или другою отраслью труда, и предписанія относительно обязательнаго размѣра, вида, качества и даже цѣны издѣлій. Нынѣ *свобода труда, свобода промышленности* сдѣлались девизомъ современнаго промышленнаго прогресса“¹⁾.

При обсужденіи вопроса объ улучшеніи экономическаго положенія рабочихъ одинъ изъ ораторовъ Ю. Шрейеръ особенно настаивалъ на распространеніи у насъ среди рабочихъ ссудосберегательныхъ кассъ. Онъ указывалъ на примѣръ Пруссіи, „гдѣ ра-

¹⁾ Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго сѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественной промышленностью 1870 г. Спб. 1872 г. Стр. 3.

бочіе достигли благосостоянія, благодаря усиліямъ только одного человѣка—это Шульце-Делича. Кому случалось быть въ Пруссіи, тотъ не могъ не подивиться колоссальнымъ результатамъ, добытымъ однимъ человѣкомъ, который посвятилъ цѣлую жизнь, цѣлые десятки лѣтъ на то, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, и положеніе это въ Пруссіи представляется весьма и весьма отраднымъ. Я имѣлъ случай,—прибавляетъ ораторъ,—лѣтъ 6 или 7 тому назадъ видѣть до какого рода самостоятельности и развитія успѣлъ Шульце-Деличъ довести своими трудами рабочихъ. Я полагаю, что русскій народъ не такъ неразвѣтъ, чтобы при появленіи можетъ быть даже не такого даровитаго дѣятеля, какъ Шульце-Деличъ, но все-таки при доброй волѣ, можно достигнуть весьма существенныхъ результатовъ“. (Протоколы засѣданія 6-го отд., стр. 91—92).

Очень интересную рѣчь сказалъ другой ораторъ съѣзда, Мясоѣдовъ, который, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: „Девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ рабочихъ,—сказалъ знаменитый англійскій мужъ Гладстонъ. И дѣйствительно, нужно сознаться въ томъ, что участь рабочихъ и вообще всѣ вопросы, касающіеся ихъ существованія и устройства, начинаютъ пріобрѣтать все больше и больше вліянія на всю цивилизацію. Но вмѣстѣ съ этимъ возрастающимъ вліяніемъ развиваются другія явленія, которыя прежде, безъ сомнѣнія, существовали и существуютъ давно, но не проявлялись прежде съ такой настойчивостью и энергіей, какъ въ настоящее время: это—борьба капитала съ трудомъ. Она происходитъ вслѣдствіе того, что трудъ, по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права, начинаетъ доказывать, что онъ прямо эксплуатируется капиталомъ... Но если на западѣ можно говорить вообще о рабочихъ, гдѣ есть особое сословіе рабочихъ, то это совершенно немыслимо въ Россіи, гдѣ они въ совершенно другомъ положеніи, нежели въ западныхъ государствахъ. У насъ, собственно говоря, нѣтъ рабочаго класса. У насъ есть работники на фабрикахъ, есть рабочіе, занимающіеся внѣ времени, занятаго земледѣліемъ, ремеслами“.

„Вотъ весь контингентъ нашего рабочаго сословія. Главной причиной того, что рабочій классъ у насъ не можетъ представляться въ томъ видѣ, какъ на Западѣ, есть то, что у насъ нѣтъ пролетаріата, что составляетъ предметъ зависти всѣхъ иностранныхъ государствъ. У насъ та среда, которая составляетъ рабочій классъ, вся почти занимается земледѣліемъ. Слѣдовательно, у насъ

бѣтъ здѣсь двухъ классовъ, а являются просто два разряда рабочихъ, изъ которыхъ одинъ работаетъ на фабрикахъ, а другой у себя въ деревняхъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе не представляетъ достаточнаго обезпеченія въ средствахъ жизни, и гдѣ, вслѣдствіе того, жители должны прибѣгать къ увеличенію своихъ заработковъ къ другимъ хозяйственнымъ емесламъ и промысламъ“... Переходя къ рабочимъ, занимающимся въ деревнѣ, Мясоѣдовъ говоритъ: „Кустарники, несмотря на то, что пользуются кажущейся самостоятельностью вслѣдствіе того, что каждый имѣетъ свой домъ, а многіе—даже земельные надѣлы, эксплуатируются не только въ такой же степени, какъ рабочіе на фабрикахъ, но можетъ быть еще хуже... Избавить этихъ кустарниковъ отъ рукъ капиталистовъ и кулаковъ можно только однимъ способомъ—съ одной стороны, доставивъ имъ возможность истинно самостоятельнаго труда, путемъ устройства такихъ учреждений, которыя доставили бы имъ возможность получать дешевый кредитъ, или тѣ денежные средства, которыя необходимы для закупки сырыхъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы они могли избавиться отъ полученія этихъ предметовъ отъ торговцевъ въ нагурѣ, а съ другой стороны, доставивъ имъ возможность ближайшаго сбыта этихъ предметовъ производства. Средствомъ, и могушимъ средствомъ можно считать то, которое служило началомъ разрѣшенія этого вопроса на Западѣ — это ассоціація, артель“... Свои предложенія Мясоѣдовъ формулировалъ такъ: „чтобы съѣздъ обратился къ правительству съ ходатайствомъ о томъ, чтобы были разработаны артельные начала, или чтобы были составлены узаконенія, специально опредѣляющія начала, на которыхъ могли бы создаваться у насъ хозяйственныя или промышленныя артели, а равно и положенія, опредѣляющія права ихъ, какъ относительно участниковъ въ предпріятіи, такъ и относительно постороннихъ лицъ“. (Протоколы засѣданій 6-го отд., стр. 95, 96, 101, 102 и 103).

Въ этомъ смыслѣ состоялась и резолюція съѣзда: съѣздъ призналъ желательнымъ, „чтобы въ видахъ возможности улучшенія быта рабочаго населенія въ Россіи распространеніемъ такъ называемыхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ артелей, каковы: общества потребителей, ссудосберегательныя общественныя кассы, товарищества взаимнаго кредита, общества, имѣющія цѣлью оптовую закупку сырыхъ продуктовъ для ихъ обработки и сбыта произведеній, и общества для производства предметовъ промыш-

ленности—было произведено правительствомъ изслѣдованіе этого вопроса и издано нормальное положеніе, опредѣляющее права и юридическую организацію такихъ артелей“ (17 резолюція съѣзда, б).

Остановимся теперь на отношеніи къ фабрикѣ и рабочему вопросу самаго вліятельнаго органа 70-хъ годовъ „Отечественныхъ Записокъ“. Въ февральской книжкѣ журнала за 1868 г. была помѣщена обширная статья З. Елисеѣва, „Производительныя силы Россіи“. Эта статья содержитъ въ себѣ много поучительнаго для характеристики взглядовъ журнала. Авторъ статьи полагаетъ, что „если фабрики, по словамъ фабрикантовъ, приходится содержать на народныя деньги единственно для того, чтобы онѣ бросили кое-какіе объѣдки нѣсколькимъ тысячамъ работающаго у нихъ народа, то гораздо лучше для этой цѣли учредить прямой налогъ на народъ. Онъ будетъ и гораздо умѣреннѣе того, что переплачиваетъ народъ за товары фабрикантамъ, и падетъ на него гораздо равномѣрнѣе, и, наконецъ, пропитывать народъ будетъ сытнѣе... Какъ ни трудно пропитываться мужику въ неплодородныхъ губерніяхъ, и какъ ни скудно его пропитаніе, но онъ имѣетъ то преимущество, что относительно своего пропитанія онъ стоитъ все-таки на своихъ ногахъ. Онъ не отвыкаетъ отъ крестьянскаго труда, способенъ ко всѣмъ чернымъ работамъ, имѣетъ здоровыя и крѣпкія руки. Когда земля будетъ не въ состояніи пропитывать его, онъ пойдетъ на крестьянскіе же заработки въ другія губерніи; въ случаѣ окончательнаго истощенія земли, онъ можетъ переселиться въ губерніи плодороднѣйшія и многоземельныя на тотъ же крестьянскій трудъ. Россія вѣдь не Англія! Въ ней пока столько земли, что всякая крестьянская сила для нея пріобрѣтеніе, находка, а не бремя. Фабричный—совсѣмъ другое дѣло. Это уже нѣкоторымъ образомъ баринъ. Если онъ долго и постоянно работаетъ на фабрикѣ... онъ дѣлается совсѣмъ неспособнымъ къ крестьянскому труду... Онъ остается годенъ только для фабрики. Мало-по-малу такимъ образомъ формируется цѣлое народонаселеніе мѣстности, въ которомъ всѣ лучшія силы привлекаются денежнымъ заработкомъ на фабрику“. (Производит. силы Россіи, стр. 457).

„Какая, спрашивается, участь готовится народонаселенію, воспитанному для такого фабричнаго дѣла, благосостояніе котораго поставлено въ полную зависимость отъ чужеземнаго продукта, а самое существованіе—отъ размѣровъ тарифа? Сегодня нѣтъ хлопка.

шелка на рынкѣ, завтра половина фабрикъ останавливаетъ свою работу; остальные, при множествѣ лишнихъ рабочихъ рукъ, даютъ рабочему столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. И цѣлыя волости, какъ пишетъ князь Мещерскій, разоряются въ конецъ, или вымираютъ. Такова перспектива существованія всѣхъ фабрикъ и рабочихъ, занимающихся производствомъ ситца и шелка въ нашихъ близстоличныхъ губерніяхъ... Въ настоящее время фабрики истощили, выродили и сдѣлали никуда негодными еще не очень значительныя массы народа. Что кризисъ фабричный, въ случаѣ закрытія всѣхъ фабрикъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, перенесется народомъ безъ особеннаго бѣдствія, это лучше всего доказывается опустѣніемъ Московско-Петербургскаго шоссе съ открытіемъ Николаевской жел. дор. Извозомъ, и исключительно однимъ извозомъ, жило на шоссе, по всей вѣроятности, около милліона народа, если не болѣе. Когда открылась желѣзная дорога, на шоссе работы не осталось почти никакой. Всѣ, занимавшіеся извозомъ, лишились своего прежняго пропитанія,—пострадали, но ничего... по міру не пошли. Мало-по-малу стали пріучаться къ земледѣлію, пріучаться къ другимъ заработкамъ, и вы можете ѣхать по шоссе и удостовѣриться, что бывшіе извозчики живутъ не хуже крестьянъ въ другихъ деревняхъ. Такъ точно перенесло бы крушеніе крѣпостныхъ фабрикъ и теперешнее населеніе, около нихъ питающееся. Но такъ ли легко черезъ 100 лѣтъ перенесется этотъ кризисъ,—мы сказать не можемъ“. (Производительныя силы Россіи, стр. 460, 461).

Это разсужденіе чрезвычайно любопытно. Авторъ идетъ гораздо дальше Чернышевскаго въ осужденіи фабрикъ. Чернышевскій признавалъ извѣстную пользу за фабриками потому, что, какъ ни какъ, а все онѣ доставляютъ заработки населенію. Елисеевъ не признаетъ и этого. По его мнѣнію, если бы фабрики въ Россіи были закрыты, то питающееся отъ нихъ населеніе легко нашло бы себѣ другія занятія; онъ поясняетъ это крайне неудачной ссылкой на гибель извознаго промысла на С.-Петербургско-Московскомъ шоссе послѣ проведенія желѣзной дороги. Но если такъ, то значить промышленные кризисы, замѣщеніе рабочаго машиной и вообще всѣ ужасы фабричной системы далеко не такъ ужасны. Если рабочій всегда можетъ найти себѣ работу, то что же гонить его на фабрику? Желая доказать ненужность фабрики. Елисеевъ незамѣтно для самого себя становится на крайне опти-

мистическую точку зрѣнія, которая приличествовала бы развѣ какому-нибудь Бастіа.

Тѣмъ не менѣ Елисеевъ не дѣлаетъ отсюда вывода о желательности немедленнаго закрытія всѣхъ фабрикъ. Для этого онъ былъ слишкомъ практичный человѣкъ. Елисеевъ совѣтуетъ путемъ соответствующей торговопромышленной политики направить наше промышленное развитіе по болѣе „естественному“ руслу. Такъ „мы думаемъ,—говоритъ онъ,—что правительство имѣетъ всю возможность рядомъ мѣръ способствовать, съ одной стороны, усиленію, улучшенію нашего льняного и пеньковаго производства, стѣсненію хлопчатобумажнаго производства въ мѣстахъ, неблагоприятныхъ для него по природнымъ условіямъ, привлеченію капиталовъ изъ этого производства, однихъ — къ производству льняному и пеньковому, другихъ—къ заведенію фабрикъ въ мѣстахъ обработки отечественнаго хлопка, къ усиленію разведенія сего послѣдняго и т. п. Усиленіе льняного и пеньковаго производства даже посредствомъ усиленнаго тарифа имѣло бы ту выгоду, что тарифъ этотъ не ложился бы такъ тяжело на народъ, какъ тарифъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, потому что въ льняномъ и пеньковомъ производствѣ была бы сильная внутренняя конкуренція, которой нѣтъ и не можетъ быть въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ. Усиленіе льняного и пеньковаго производства усилило бы, можетъ быть удвоило и утроило бы земледѣльческое разведеніе льна и пеньки въ Россіи. Такимъ образомъ деньги отъ русской промышленности шли бы, какъ то и должно быть, на поддержку отечественнаго земледѣлія, а не американскаго“ (тамъ же стр. 466).

Въ заключеніе Елисеевъ замѣчаетъ: „если благодѣтельный тарифъ поддержитъ старые наши крѣпостные фабрики и заводы, и дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность такимъ же размножаться безъ числа и на будущее время, то нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе недолгаго времени мало-по-малу все сѣверное народонаселеніе превратится въ закрѣпощенное къ фабрикамъ и заводамъ. Это, конечно, дастъ обезпеченное положеніе всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ землевладѣльцамъ сѣверныхъ губерній и вообще капиталистамъ, но уберетъ во всѣхъ отношеніяхъ всякую будущность у крестьянскаго населенія этихъ губерній и отниметъ у государства милліоны полезныхъ членовъ въ жертву частному корыстолюбію“ (тамъ же, 492).

Въ другой статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“ (1870, январь) „Отчего трудно поправляться нашему рабочему?“ разясняется

характеръ рабочаго вопроса въ Россіи: „Въ Россіи вопросъ о рабочихъ совершенно игнорируется. Мы знаемъ пока этотъ вопросъ только по его состоявію и движенію на Западѣ, но западная разработка вопроса не только не выдвигаетъ для насъ нашего собственнаго, домашняго рабочаго вопроса, а напротивъ, даетъ фальшивое освѣщеніе дѣлу и, такъ сказать, затираетъ его. Бытовое положеніе нашихъ рабочихъ и западныхъ весьма различно. Западный рабочій большею частью безземельный и бездомный батракъ, — нашъ рабочій имѣетъ землю и хозяйство. Это заставляетъ нашихъ патріотовъ потирать отъ удовольствія руки и указывать на положеніе нашего рабочаго какъ на завидное, въ сравненіи съ западнымъ пролетаріемъ. Положеніе, если хотите, дѣйствительно завидное въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, намъ нѣтъ нужды такъ тяжело задумываться надъ положеніемъ нашего рабочаго класса, какъ задумываются на Западѣ; не нужно приискивать точки опоры для развитія его матеріальнаго благосостоянія. Эта точка опоры—кусокъ земли и хозяйство—у него есть; нужно только позаботиться о томъ, чтобы его не спихнули съ этого фундамента его благосостоянія разные его благожелатели. Во-вторыхъ, какъ бы ни были тяжки и неблагоприятны условія его настоящаго существованія, мы, пока онъ твердо сидитъ на этомъ своемъ фундаментѣ, можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на временныя и поправимыя. Но это никакъ не даетъ намъ права игнорировать эти условія, смотрѣть на нихъ какъ на ничтожныя, и прославлять его положеніе какъ блаженное потому только, что у него есть клочокъ земли. Напротивъ, мы должны тщательно всматриваться въ условія, въ которыя поставленъ нашъ рабочій. Ибо условія эти могутъ быть такъ неблагоприятны и, день ото дня ухудшаясь все болѣе и болѣе, могутъ сложиться наконецъ такимъ роковымъ образомъ, что сорвутъ его и съ его фундамента. Вопросъ не въ томъ только: есть у рабочаго надѣлъ земли, или нѣтъ, а и въ томъ: обезпечиваетъ ли его та земля, которою онъ владѣетъ, въ его существованіи, или не обезпечиваетъ?.. Нужно предварительно изслѣдовать, насколько поземельный участокъ въ дѣйствительности облегчаетъ зависимость нашего крестьянина отъ капитала, отъ случайныхъ заработковъ, и всегда ли облегчаетъ?.. Вотъ корни русскаго рабочаго вопроса, въ которые до настоящаго времени пристально никто не заглядывалъ“ („Отчего трудно поправляться нашему рабочему“, стр. 497, 498).

Итакъ нашъ рабочій вопросъ заключается главнымъ обра-

зомъ въ сохраненіи полнаго земельного обезпеченія крестьянина. *Рабочій* вопросъ подмѣняется *крестьянскимъ* вопросомъ, какъ будто это одно и то же. *Рабочій* отождествляется съ мелкимъ собственникомъ.

Въ наиболѣе категорической формѣ отрицательное отношеніе къ фабрикамъ и капиталу вообще проявилось въ статьяхъ г. Михайловскаго. Г. Михайловскій пошелъ гораздо дальше Елисеева, который со своей практической сметкой не рѣшался доходить до крайнихъ выводовъ исповѣдуемой имъ теоріи. „Представляя элементъ труда въ обществѣ,—говоритъ г. Михайловскій въ одной статьѣ,—народъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ орудій производства. Ихъ предлагаетъ ему нужный челоѣкъ и за это получаетъ львиную долю продукта. Дѣло, значить, только въ томъ, чтобы сосредоточить орудія производства въ рукахъ представителей труда. Все, становящееся поперекъ дороги къ этой цѣли—будь это свобода, промышленность, желѣзная дорога, грандіозный финансовый планъ, самоуправленіе—подлежитъ уничтоженію, которое будетъ и выгодно и справедливо. Истинная свобода, правильно-организованная, полезная промышленность, не шулерская финансовая комбинація, нужная желѣзная дорога, истинное самоуправленіе—не могутъ стоять въ противорѣчій съ интересами народа, или, что то же, труда. ...Когда у насъ заходитъ рѣчь объ организаціи народнаго труда, раздаются обыкновенно голоса, громко и съ азартомъ отрицающіе государственную помощь... Они раздаются въ странѣ... гдѣ огромныя суммы, изъ взыскиваемыхъ съ податныхъ сословій, т. е. почти исключительно съ труда, уходятъ на субсидіи и гарантіи капиталистамъ-предпринимателямъ. Эти привилегіи, субсидіи и гарантіи никѣмъ не опротестованы, протесты считаются даже идиліями, тогда какъ при малѣйшемъ намекѣ на государственную помощь труду поднимаются азартные крики. Можно помочь крестьянскими деньгами и г. Губонину, и г. Варшавскому, и кому угодно, но только не крестьянамъ. Тутъ мы начинаемъ взывать о свободѣ, невмѣшательствѣ, о „казенной“ организаціи труда, о самопомощи и о другихъ прекрасныхъ вещахъ. И въ этомъ хорѣ не отказывается принять участіе и литература, журналистика“ (Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 г. Сочиненія Михайловскаго, изданіе 1896 г., т. I, стр. 660).

Итакъ необходима „организація народнаго труда“ на казенныя средства. На какіе же элементы должна опереться эта орга-

низация? Быть можетъ, на фабричныхъ рабочихъ? Совсѣмъ нѣтъ. „У насъ существуетъ мнѣніе,—замѣчаетъ г. Михайловскій,—что нашъ фабричный рабочій гораздо развитѣе, гораздо выше, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ умственномъ отношеніи, нежели крестьянинъ. Это мнѣніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно держится едва-ли не потому только, что нѣчто подобное дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ. Но если на Западѣ до нѣкоторой степенн дѣйствительно существуетъ указанное отношеніе между крестьяниномъ и фабричнымъ рабочимъ, то оно обязано своимъ происхожденіемъ отнюдь не фабричному режиму, а вліяніямъ совершенно иного свойства, какихъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ, именно вліянію широкой политической жизни, которая естественно концентрируется въ городахъ и едва достигаетъ деревень“ (тамъ же, стр. 681).

Затѣмъ г. Михайловскій цитируетъ рѣчь одного изъ ораторовъ торговопромышленнаго съѣзда, Губина, заявившаго, что „слово рабочій нельзя понимать у насъ въ томъ смыслѣ, какъ за границей. У насъ нѣтъ, или очень мало такихъ рабочихъ, которые бы родились на заводѣ... У насъ рабочіе не составляютъ рабочаго сословія“, и замѣчаетъ по этому поводу: „Указанный г. Губиннымъ общезвѣстный фактъ громадной важности долженъ бы былъ лечь въ основаніе всѣхъ преній о русскомъ рабочемъ вопросѣ... Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подь самымъ Петербургомъ... существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы, изъ шерсти *своихъ* овецъ. Гарантируйте имъ прочно это *свое*, и русскій рабочій вопросъ рѣшенъ. А ради этой цѣли можно все отдать, если какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ и трехпольномъ хозяйствѣ. Нельзя. Но изъ этого затрудненія существуетъ два выхода. Одинъ, одобряемый практической точкой зрѣнія, очень простъ и удобенъ: поднимите тарифъ, распустите общину, да, пожалуй, и довольно—промышленность, на подобіе англійской, какъ грибъ выростеть. Но она съѣстъ работника, экспроприруетъ его. Есть и другой

путь, конечно гораздо труднѣе, но легкое разрѣшеніе вопроса не значить еще правильное. Другой путь состоитъ въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ первобытномъ видѣ. Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины“ (тамъ же, стр. 703).

Не менѣе интересна и поучительна другая статья г. Михайловскаго, относящаяся къ 1873 г. Г. Михайловскій замѣчаетъ, что органы самого различнаго, направленія, какъ, напр., консервативный „Гражданинъ“ и либеральныя „Петербургскія Вѣдомости“ одинаковѣ признаютъ желательнымъ экономической прогрессъ страны, „требуютъ развитія кредита въ Россіи, радуются умноженію акціонерныхъ компаній, съ торжествомъ указываютъ на развитіе отечественной промышленности и т. д.“. „Петербургскія Вѣдомости“ рѣшили даже одобрить рѣшеніе правительства (до сихъ поръ, кстати сказать, неосуществившееся) „отказаться отъ устарѣлой системы законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ новыхъ акціонерныхъ обществъ и замѣнить ее болѣе скорой системой нотаріальнаго разрѣшенія“. Это даетъ поводъ г. Михайловскому къ слѣдующимъ любопытнымъ размышленіямъ. „Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно—трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣла, даютъ прискорбнѣйшіе результаты... Развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ. Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разоряетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету... Поэтому, всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности—ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа“ (тамъ-же, стр. 833, 834).

Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собой экономическую программу, въ которой „развитіе отечественной промышленности“ прямо объявляется равносильнымъ „нищетѣ и гибели русскаго народа“. Единственнымъ средствомъ спасенія русскаго народа отъ

„гибели“ является, слѣдовательно, прекращеніе промышленнаго развитія Россіи.

Если сравнить разсужденіе г. Михайловскаго о фабричномъ рабочемъ и крестьянинѣ съ таковыми же разсужденіями „Духа Журналовъ“, то сходство окажется весьма значительнымъ. Я уже отмѣчалъ, что Чернышевскій, въ вопросѣ о крупномъ и мелкомъ производствѣ, оказался въ полномъ согласіи съ господствовавшими воззрѣніями консервативныхъ экономистовъ крѣпостной эпохи. Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, передовые публицисты 70-хъ годовъ пошли еще дальше своихъ предшественниковъ, и г. Михайловскій прямо и открыто заявилъ себя противникомъ экономическаго прогресса страны. Дальше итти было некуда.

Эта своеобразная позиція нашихъ передовыхъ дѣятелей того времени, заставившая ихъ защищать экономическую реакцію, очень поучительна и вполне понятна. Экономическія условія русской жизни того времени были таковы, что тѣмъ, кому были дороги интересы трудящагося люда, трудящійся людъ представлялся не иначе, какъ въ образѣ мужика, и рабочій вопросъ отождествлялся съ крестьянскимъ вопросомъ. А такъ какъ экономическое развитіе ухудшало условія существованія мужика и превращало значительную часть крестьянства изъ мелкихъ собственниковъ въ пролетаріевъ, то нашимъ прогрессистамъ ничего не оставалось, какъ признать нашъ рабочій вопросъ — консервативнымъ и предать анафемѣ экономическій прогрессъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія — горячей преданности прогрессивнымъ идеаламъ при убѣжденіи, что экономическій прогрессъ страны каждымъ своимъ шагомъ затрудняетъ осуществленіе этихъ идеаловъ — являлась утопія. Передовые дѣятели того времени были осуждены, благодаря своей точкѣ зрѣнія, всего ожидать отъ государственной власти; только государство могло бы, по ихъ представленію, измѣнить ходъ нашего промышленнаго развитія — дать торжество тѣмъ началамъ, которыя погибали при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, созданныхъ крестьянской реформой, и задержать развитіе капитализма. Но можно ли было рассчитывать, что государственная власть возьметъ на себя осуществленіе такой экономической программы? Здѣсь и начиналась утопія.

Главнымъ образомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ были напечатаны статьи г. В. В., вышедшія потомъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ „Судьбы капитализма въ Россіи“. Книга эта представляетъ собой, несмотря на свои слабыя стороны, несо-

мнѣнно выдающееся произведеніе. Хотя попытка г. В. В. доказать невозможность развитія капиталистическаго производства въ Россіи закончилась полнѣйшей неудачей, тѣмъ не менѣе уже одно то, что г. В. В. сдѣлалъ эту попытку и далъ стройную теорію, выражавшую въ законченной формѣ господствовавшія экономическія воззрѣнія того времени, выдѣляетъ г. В. В. изъ всѣхъ русскихъ экономистовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Теорія г. В. В. настолько общеизвѣстна, что врядь-ли необходимо подробно излагать ея содержаніе. Г. В. В. исходитъ изъ опредѣленной теоріи рынковъ, которую онъ приписываетъ Родбертусу, хотя она принадлежитъ Сисмонди. Вообще эрудиція является слабымъ пунктомъ г. В. В., экономическое образованіе котораго весьма скудно. Но нельзя отрицать остраго ума въ его даже самыхъ рискованныхъ построеніяхъ.

По мнѣнію г. В. В., для развитія капиталистическаго производства необходимо внѣшній рынокъ по той причинѣ, что прибавочная цѣнность не можетъ быть реализована внутри того же капиталистическаго хозяйства, въ которомъ она возникла. Внѣшній рынокъ недоступенъ для произведеній русской фабричной промышленности, ибо русская промышленность не можетъ конкурировать благодаря своей технической отсталости, на свободномъ рынкѣ съ капиталистической промышленностью болѣе передовыхъ странъ Запада. Только подъ охраной таможенныхъ пошлинъ русская фабрика можетъ влечить свое жалкое существованіе. Но таможенный тарифъ не въ силахъ доставить нашей капиталистической индустріи необходимаго условія ея дальнѣйшаго роста — внѣшняго рынка.

„Нѣтъ ничего легче, — пишетъ г. В. В., — какъ принять явленіе мѣстное или частное за общечеловѣческое, увидѣть законъ тамъ, гдѣ есть лишь одна изъ формъ его проявленія. Такъ, напримѣръ, въ промышленной области мы встрѣчаемся на Западѣ съ рядомъ грандіознѣйшихъ фактовъ и безобразнѣйшихъ явленій. Съ одной стороны, безпримѣрное увеличеніе производительности труда, какъ результатъ организаціи крупнаго производства; съ другой — извращенное направленіе этой увеличенной производительности, вызвавшее въ концѣ концовъ обезземеленіе народа, пауперизмъ, эмиграцію и вырожденіе рабочаго. Такое извращеніе произошло потому, что развитіе общественной формы труда было произведено капиталистическимъ путемъ, и вездѣ, гдѣ повторится процессъ въ той же формѣ, явятся въ болѣе или менѣе оръскомъ видѣ

тѣ же и результаты. Спрашивается: есть ли необходимость для Россіи повторять всецѣло исторію западнаго промышленнаго развитія? Въ чемъ нужно видѣть законъ: въ развитіи-ли крупной промышленности, какимъ бы способомъ оно ни произошло, или же въ обобществленіи труда не иначе, какъ *капиталистическимъ способомъ*, въ неизбежности народному производству пройти сквозь тиски капиталистическаго?... Историческая особенность нашей крупной промышленности состоитъ въ томъ, что ей приходится расти въ то время, когда другія страны достигли уже высокой степени развитія. Это приводитъ къ двумъ послѣдствіямъ: во-первыхъ, она можетъ пользоваться всѣми формами, выработанными Западомъ, не переползая черепашиимъ шагомъ съ одной ступени на другую, т. е., повидимому, имѣетъ возможность развиваться очень быстро, во-вторыхъ, ей приходится конкурировать съ опытными, давно установившимися въ промышленномъ отношеніи странами, а соперничество съ такимъ противникомъ можетъ совершенно заглушить слабые ростки вновь возникающаго капитализма“¹⁾.

По мнѣнію г. В. В., характерной особенностью русскаго капитализма, сравнительно съ западноевропейскимъ, является то, что нашъ капитализмъ охватываетъ главнымъ образомъ область сбыта, а не производства продуктовъ. Производство остается мелкимъ, и сила капитала сказывается лишь въ томъ, что этотъ мелкій производитель попадаетъ въ полную зависимость отъ капиталиста — торговца. Поэтому нашъ капитализмъ не исполняетъ той исторической миссіи, которую онъ уже отчасти выполнилъ на Западѣ — воспитанія непосредственныхъ производителей, пріученія ихъ къ коллективному труду, выработки ихъ классоваго самосознанія. Не имѣя положительныхъ сторонъ своего западноевропейскаго собрата, русскій капитализмъ съ избыткомъ обладаетъ его отрицательными сторонами — не создавая новыхъ формъ производства, онъ вызываетъ обѣдненіе массы мелкихъ производителей, продолжающихъ по прежнему работать въ своей избѣ.

„Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній какъ появился, такъ и останется (въ Россіи) гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и поэтому не могущимъ оказывать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣлъ

¹⁾ В. В. Судьбы капитализма въ Россіи Спб. 1882. Стр. 13—14.

въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано вмѣшательствомъ крупнаго капитала... А если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашинымъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей“¹⁾).

Въ подтвержденіе всего этого г. В. В. приводитъ весьма разнообразную, но абсолютно никуда не годную статистику. Сопоставляя за разные годы цифры рабочихъ, относившіяся не къ однимъ и тѣмъ-же, а къ различнымъ производствамъ, г. В. В. пришелъ къ странному выводу о сокращеніи въ Россіи числа фабричныхъ рабочихъ. Тезисъ этотъ, какъ я уже указывалъ выше, утвердился въ нашей экономической наукѣ и держался вплоть до выхода перваго изданія „Русской Фабрики“. Но несмотря на столь продолжительное существованіе означеннаго тезиса, ошибочность его легко могла бы быть обнаружена при самомъ его возникновеніи, если-бы самъ г. В. В., равно какъ и всѣ его послѣдователи и критики того времени не были людьми совершенно незнакомыми съ фабричной статистикой Россіи.

Впрочемъ, статистическіе промахи г. В. В. нисколько не подрываютъ значенія его труда, которое заключалось въ выдвинутой г. В. В. своеобразной теоріи экономическаго развитія Россіи. Послѣ всего сказаннаго въ настоящей книгѣ мнѣ нечего доказывать несостоятельность этой теоріи. Теорія рынковъ, которая является фундаментомъ всего научнаго зданія, воздвигнутаго г. В. В., совершенно фантастична и не выдерживаетъ серьезной критики. Если же отбросить эту теорію, то никакихъ теоретическихъ аргументовъ въ пользу невозможности развитія въ Россіи крупнаго капиталистическаго производства въ столь шумѣвшей книгѣ г. В. В. найти невозможно. Остается статистика г. В. В., которая, какъ сказано, если что-либо и доказываетъ, то развѣ полное незнакомство автора „Судебъ капитализма“ съ статистикой.

Весьма любопытно впечатлѣніе, которое книга г. В. В. произвела на общество. Впечатлѣніе это было несомнѣнно очень сильно, и „Судьбы капитализма въ Россіи“ въ теченіе ряда лѣтъ были книгой, вызывавшей болѣе всего споровъ среди нашей интел-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 73.

лигенціи. Отношеніе критики къ книгѣ было въ общемъ весьма благосклонно; оно было бы еще благосклоннѣе, если бы г. В. В. не выразилъ въ предисловіи къ „Судьбамъ капитализма“ нѣкоторыхъ взглядовъ, рѣшительно расходившихся съ тѣмъ теченіемъ нашей общественной мысли, самымъ яркимъ выразителемъ котораго является Чернышевскій. Г. В. В., будучи непримиримымъ врагомъ капитализма на русской почвѣ и крайнимъ утопистомъ въ области пониманія хозяйственнаго процесса, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ обнаружилъ весьма оппортунистическіе взгляды. „Вмѣстѣ съ невозможностью развитія въ Россіи капиталистическаго производства,—писалъ г. В. В.,—теряетъ свои корни и подражаніе исторіи политическаго развитія Запада; послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ... Если въ Россіи нѣтъ господствующаго капиталистическаго производства, то нѣтъ и класса, подобнаго либеральной европейской буржуазіи, нѣтъ естественной опоры политической свободѣ“.

Крайне характерно отношеніе къ „Судьбамъ капитализма“ г. Михайловскаго. Съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, самымъ большимъ грѣхомъ г. В. В. является его слишкомъ снисходительное отношеніе къ капитализму. Г. В. В. допускаетъ, что на Западѣ капитализмъ исполнилъ великую историческую миссію—г. Михайловскій недоволенъ такимъ признаніемъ положительныхъ сторонъ капитализма. „Выходитъ,—ядовито замѣчаетъ г. Михайловскій,—что если бы русскій капитализмъ исполнялъ свою „историческую роль“, свою „прямую задачу“, иначе говоря, если бы онъ вваливалъ въ фабричный котелъ все больше народу, то г. В. В., пожалуй, и ничего бы противъ него не имѣлъ. Но нашъ капитализмъ, „не распространяетъ воспитательнаго вліянія крупной организаціи производства“. Откуда, однако, эта увѣренность, что фабричный котелъ имѣетъ дѣйствительно благотвѣльное воспитательное вліяніе? Г. В. В. обладаетъ этой увѣренностью, обладаетъ до такой степени, что не считаетъ нужнымъ какъ-нибудь мотивировать ее, обосновать въ глазахъ читателей... Въ сущности, „общественная форма труда“ при господствѣ капитализма, сводится къ тому, что нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. (И только? Непониманіе г. Михайловскимъ общественнаго значенія капиталистической формы производства достигаетъ во всей этой тирадѣ по истинѣ геркулесовыхъ столбовъ. Можно думать, что г. Михайловскій никогда и

не слыхалъ о существованіи такой, напр., книги, какъ „Капиталъ“ Маркса. М. Т.-Б.) Правда, мы видимъ иногда на Западѣ такую солидарность между рабочими, какую мудрено встрѣтить у насъ, но это объясняется отнюдь не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни... Если капитализмъ и имѣетъ какую-либо общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную. Допуская же, вмѣстѣ съ г. В. В., что миссія эта состоитъ именно въ воспитаніи рабочихъ для общественнаго труда, надо будетъ, кажется, признать, что капитализмъ въ Европѣ не исполняетъ своей „прямой“, своей „главнѣйшей общественно-исторической задачи“¹⁾.

Эта тирада обрисовываетъ намъ всего г. Михайловскаго. Его утопизмъ возвышается до полнаго игнорированія результатовъ европейской культуры и европейской мысли новѣйшаго времени. Конечно, образованный человѣкъ Запада, какъ-бы враждебно онъ ни относился къ капиталистическому строю, затруднился-бы выступить съ категорическимъ заявленіемъ, что „если капитализмъ и имѣетъ какую-либо миссію, то развѣ только отрицательную“. Это уже пахнетъ настоящимъ Востокомъ!

Впрочемъ, статьи г. В. В. встрѣтили и болѣе сильную критику. Очень интересна въ этомъ смыслѣ статья г. Русанова „Противъ экономическаго оптимизма“, появившаяся въ „Дѣлѣ“ за 1880 г. (№ 12) „Для Россіи рынка не хватитъ,—комментируетъ г. Русановъ взгляды г. В. В.—Была-бы охота да умѣнье, а то можно запрудить русскими издѣльями Среднюю Азію—благо здѣсь конкурентовъ не Богъ знаетъ сколько. Всѣ порыванія на Востокъ, всѣ экспедиціи, отправляемыя туда, встрѣчаютъ одобрительные кивки русскихъ капиталистовъ и торговцевъ, которые хлопочутъ только о томъ, чтобы узнать поскорѣй о судьбѣ подобныхъ экспедицій. Очевидно, Drang nach Osten не лишень для насъ, русскихъ, того-же смысла, какой имѣло открытіе новыхъ земель для западно-европейцевъ... Русскій капиталъ забираетъ и можетъ забрать окончательно въ свои руки 10-милліонную армію кустарей. Независимый кустарь есть въ настоящее время почти такая-же небывальщина, какъ жарь-птица... Кустарь, мелкій ремесленникъ—вотъ основная ячейка нашего капитализма... Стоитъ послушать, что говорятъ изслѣдователи кустарной промышленности, чтобы убѣдиться, въ какой степени эта промышленность является

¹⁾ Отечественныя Записки. 1883. Т. 269. Письмо въ редакцію. Посторонняго.

не самостоятельнымъ хозяйствомъ мелкихъ производителей, а однимъ изъ видовъ работы на кулака, наживающаго капиталы, подобно заправскому фабриканту. Между современнымъ типомъ кустарной промышленности и капиталистической формой производства существуетъ положительная аналогія. Кустарная промышленность превращается во внѣшнее отдѣленіе фабрики: кустарь очень часто обрабатываетъ за низкую заработную плату матеріаль, вручаемый ему благодѣтельными предпринимателями у себя на дому. Коли хотите, г. Колупаеву это еще болѣе на руку. Онъ не долженъ тратиться на устройство помѣщенія для работы, на покупку рабочихъ инструментовъ... Объединеніе рабочихъ-кустарей въ мануфактурѣ—вотъ естественная форма русскаго капитализма въ ближайшемъ будущемъ... Какъ ни какъ, а зависимымъ положеніемъ отъ скупщиковъ десяти милліоновъ кустарей нельзя игнорировать, строя оптимистическія иллюзіи о хилости нашего капитализма... Разъ мы заводимъ у себя послѣднія механическія изобрѣтенія Западной Европы, потребное количество продуктовъ будетъ добываться трудомъ одного, положимъ, человѣка, вмѣсто шести: пять человѣкъ будутъ лишены работы, хотя не потеряютъ чувства голода и т. п. Что станется съ ними? Несомнѣнно, имъ придется вытерпѣть ужаснѣйшій рядъ лишеній, который естественно сблизитъ ихъ между собою и сотретъ, словно губка мѣлъ, послѣдніе остатки полусознательнаго отношенія къ дѣйствительности. Это объединеніе, этотъ трезвый взглядъ на прелести возникающаго русскаго капитализма, сословное самосознаніе—все это подвинетъ ихъ къ практическому рѣшенію вопроса относительно народнаго благосостоянія. И несомнѣнно, что тогда рѣшать вопросъ будутъ... на основаніи словъ трудящагося человѣка, тщетно ищущаго исхода изъ своего невыносимаго положенія и не находящаго ничего, даже работы. Вотъ это объединеніе и трезвый взглядъ на вещи, формируемые ходомъ жизни въ томъ сословіи, которое составляетъ жизненный нервъ государства въ смыслѣ его прочности, въ сословіи непосредственныхъ производителей, и будутъ „пріобрѣтенія“, полученныя обществомъ отъ русскаго капитализма, развившагося до крупно-капиталистической формы производства“.

Г. Русановъ останавливается на своеобразной аргументаціи г. В. В., отрицавшаго возможность развитія крупнаго производства въ Россіи на томъ основаніи, что „идеаль (капиталистическаго хозяйства)—кучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, коман-

дующихъ среди необъятнаго пространства (напр., Россіи) тамъ и здѣсь сравнительно небольшими группами рабочихъ и милліоны эмигрирующихъ--представляетъ до того нелѣпую и безобразную картину, что нѣтъ возможности смотрѣть на нее иначе, какъ на логическое послѣдствіе какихъ-либо нелѣпыхъ посылокъ". На это г. Русановъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „То, что авторъ называетъ „безобразной картиной“ разыгрывалось во всей Европѣ: повсюду исчезали самостоятельные производители, во многихъ мѣстахъ они эмигрировали... Спора нѣтъ, что существованіе промышленнаго резерва — картина „безобразная“, но развѣ она отъ этого менѣе дѣйствительна? Если она „нелѣпа“, то вѣдь это значить, что нелѣпыя вещи совершаются въ дѣйствительности... Авторъ хотѣлъ подорвать кредитъ того положенія, будто всѣ страны непремѣнно должны прогнаться сквозь строй капитализма, а вмѣсто этого на лирѣ благородныхъ чувствъ побряцалъ о невозможности „нелѣпыхъ“ картинъ. Думать такъ можно только тому, кто вѣруеть въ гегелевскую разумность существующаго... Возможность для Россіи пользоваться механическими изобрѣтеніями самой послѣдней конструкціи не отнять у капитализма почвы для развитія, а, напротивъ, облегчить ему переходъ къ машинной промышленности, ибо фабриками и заводами немногихъ центровъ безжалостно раздавить 10-милліонную толпу теперешнихъ кустарей, которые къ тому времени войдутъ въ составъ мануфактуры, а частью будутъ, можетъ быть, работать по прежнему въ пользу капиталиста у себя на дому. Мы не хотимъ этимъ сказать, что намъ слѣдуетъ опустить руки, предоставляя случаю, времени и враждебнымъ вліяніямъ судьбы народа, но именно указываемъ, что „хилость“ русскаго капитализма болѣе чѣмъ сомнительна, что капитализмъ -- опасный врагъ народнаго благосостоянія, и что съ нимъ придется посчитаться крѣпко“.

Точка зрѣнія г. Русанова весьма близка къ экономическимъ взглядамъ другого экономиста 80-хъ годовъ—г. Николая—она, выступившаго въ октябрѣ 1880 г. въ журналѣ „Слово“ съ обратившими на себя общее вниманіе „Очерками нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“, переизданными затѣмъ въ дополненномъ видѣ въ 1893 г. Эта работа долгое время считалась у насъ образцомъ статистическаго искусства и знанія. Но позднѣйшая критика обнаружила, что статистика г.—она, несмотря на свой болѣе научный видъ, столь же неудачна,

какъ и статистика г. В. В. Отличительной чертой статистическихъ построений обоихъ этихъ авторовъ—и даже г.—она еще болѣе, чѣмъ г. В. В.,—является крайне некритическое отношеніе къ статистическимъ источникамъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, соединенное съ весьма небрежнымъ пользованіемъ этими источниками. Оба они не только вѣрятъ любой цифрѣ, помѣщенной въ официальныхъ изданіяхъ, какъ бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядомъ не вникаютъ въ имѣющіяся въ этихъ самыхъ источникахъ разъясненія относительно того, что именно изображаютъ эти цифры. Поэтому они нерѣдко сравниваютъ абсолютно несравнимое. Получаются фантастическія статистическія построенія, дошедшія до своего апогея въ трудахъ профессоровъ Карышева и Каблукова. ¹⁾

Въ виду этого о статистикѣ г.—она лучше умолчать. Теорія же г.—она представляетъ большой интересъ. На первыхъ же страницахъ своего труда г.—онъ ясно высказываетъ свою точку зрѣнія: „принципъ манифеста (19 февраля)—надѣленіе крестьянъ землею или, выражаясь шире, доставленіе самимъ производителямъ орудій труда, для наибольшаго развитія производительности, а слѣдовательно, для развитія условій, наиболѣе обезпечивающихъ экономической ростъ всего народа, принципъ этотъ... стоялъ въ безусловномъ противорѣчій съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западноевропейскихъ государствъ. Крымская война заставила Россію сблизиться съ Западной Европой, а слѣдовательно, съ ея хозяйственными условіями; въ результатѣ у насъ явилась борьба двухъ хозяйственныхъ формъ... Развитіе одной формы все болѣе и болѣе сближаетъ производителя съ произведеннымъ продуктомъ; развитіе другой, какъ разъ наоборотъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ продуктъ отъ производителя. Словомъ, одна форма совершенно исключаетъ другую... Манифестъ 19 февраля придерживается первой формы, такъ какъ въ ней видятъ залогъ развитія. Казалось, что для капиталистической формы у насъ и мѣста нѣтъ. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности же она тотчасъ по провозглашеніи законодателемъ первой формы, вступила съ ней въ борьбу“ ²⁾.

¹⁾ См. первое изданіе „Русской фабрики“ и пренія по моему докладу „Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи“; также г. Ильина „Экономическіе этюды“ и „Развитіе капитализма въ Россіи“.

²⁾ Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства, 1893 г. стр. 2—3.

Характеръ этой борьбы и ея возможные результаты рисуются г.—ону въ значительно иномъ видѣ, чѣмъ г. В. В. А именно, г. В. В. полонъ твердой увѣренностью въ призрачности успѣховъ нашего капитализма и стремится внушить эту увѣренность и своимъ читателямъ. Г. В. В. страдаетъ, по вѣрной характеристикѣ г. Русанова, непоколебимымъ „экономическимъ оптимизмомъ“. Напротивъ, г.—онъ смотритъ на экономическій процессъ Россіи весьма мрачно.

„Приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи у насъ мѣшаетъ „Положеніе“, надѣлившее производителей орудіями труда, капиталистическому же хозяйству способствуетъ вся пореформенная государственно-хозяйственная дѣятельность. Эти два взаимно уничтожающія направленія и составляютъ источникъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. Теченіе капиталистическое однако видимо пересиливаетъ. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все большая и большая часть производителей экспроприруется“ (Очерки, 71).

Г.—онъ признаетъ, подобно г. В. В., что капиталистическое производство на Западѣ исполнило и исполняетъ важную историческую миссію—обобществленія труда. Въ Россіи же капитализмъ принесъ съ собой только разрушеніе. „Голодь есть непосредственное послѣдствіе несоотвѣтствія формы, которую приняла наша промышленность за послѣднее тридцатилѣтіе. вмѣсто того, чтобы твердо держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ, унаслѣдованный нами... вмѣсто всего этого мы стали на путь, совершенно противоположный“ (Очерки, 322) „Задача, которую предстоитъ рѣшить русскому обществу, съ каждымъ, днемъ усложняется. Съ каждымъ днемъ захваты капитализма становятся обширнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ число занятыхъ рабочихъ и средства для ихъ существованія уменьшаются. Народное производство уступаетъ мѣсто капиталистическому... русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло воспользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ... Общинное землевладѣніе есть одно изъ основныхъ матеріальныхъ условій производства, на которомъ можетъ быть построено зданіе будущаго общественнаго хозяйства... научное земледѣліе и совре-

менную крупную промышленность намъ приходится привить къ общинѣ... Для общественно-хозяйственной организаціи иного пути нѣтъ: или развитіе или вырожденіе и смерть... Не остается иного средства... какъ направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединеніе не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ—что было-бы равносильно „увѣковѣченію всеобщей посредственности“—а на почвѣ созданія крупнаго, общественнаго, обмірщеннаго производства“ (Очерки, 344, 345, 346).

Г. В. В. и Николай — онъ являются типичными представителями того направленія въ нашей литературѣ, которое отрицаетъ какія-бы то ни было положительныя стороны въ развитіи на русской почвѣ капиталистическаго хозяйства. Въ этомъ заключается сходство гг. В. В. и —она. Но по своимъ положительнымъ идеаламъ, г. В. В. и г. —онъ существенно различаются другъ отъ друга. А именно: г. —онъ, вмѣстѣ съ гг. Михайловскимъ, Русановымъ и др., выражалъ собой демократически-протестующее теченіе русской общественной мысли, лишенное какой-бы то ни было рѣзкой классовой окраски, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальной связи съ какими либо практическими экономическими задачами.

Направленіе это отражало идеалы и настроенія нашей такъ называемой интеллигенціи, своеобразной общественной группы, созданной русскими условіями, не примыкающей прочнымъ образомъ ни къ какому экономическому классу и потому въ извѣстной мѣрѣ свободной отъ классовыхъ интересовъ. Отцомъ этого направленія можно считать Чернышевскаго. Общественными идеалами этого направленія были наиболѣе прогрессивныя идеалы Запада. И если представители этого направленія являлись у насъ нерѣдко идеализаторами русскихъ хозяйственныхъ особенностей, то это объяснялось отнюдь не приверженностью нашихъ идеалистовъ къ этимъ особенностямъ и не національными предразсудками. Нѣтъ, идеализація общины, артели и непримиримая вражда къ капитализму явились у этого направленія слѣдствіемъ незрѣлости нашихъ экономическихъ отношеній, позволившей искренно вѣрить, что община и артель могутъ непосредственно превратиться въ „высшую форму“ хозяйства.

Въ новѣйшее время самымъ блестящимъ выразителемъ этого идеалистическаго и утопическаго теченія можно считать г. Михайловскаго. Не будучи экономистомъ и вообще не обладая охотою

и привычкою къ строгому научному мышленію, г. Михайловскій доходитъ, какъ мы видѣли, до крайнихъ предѣловъ утопизма; ему ничего не стоитъ однимъ махомъ порѣшить вопросъ о капитализмѣ, не только въ русской, но и въ западно-европейской жизни. Но ужъ одна рѣшительность его приговоровъ наводитъ на мысль, что ни о какой классовой подкладкѣ идеаловъ г. Михайловскаго и говорить нечего. Если г. Михайловскій предпочитаетъ крестьянина-собственника пролетарію фабричному рабочему, то это отнюдь не потому, чтобы душѣ г. Михайловскаго интересы крестьянина были почему-либо ближе, чѣмъ интересы рабочаго. Г. Михайловскій одинаково мало знаетъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Предпочтеніе же его крестьянину объясняется моментами совсѣмъ иного рода: а именно, г. Михайловскій полагаетъ—быть можетъ и ошибочно,—что его собственный общественный идеалъ можетъ быть лучше осуществленъ крестьяниномъ, чѣмъ рабочимъ. И если бы г. Михайловскій убѣдился, что для осуществленія этого идеала фабричный рабочій является болѣе подходящимъ общественнымъ элементомъ, онъ, безъ сомнѣнія, не затруднился бы перенести свои симпатіи этому послѣднему.

Что касается до г. —она, то онъ, подобно г. Михайловскому, прежде всего, утопистъ. Все построеніе его знаменитыхъ „Очерковъ“ свидѣтельствуетъ объ этомъ утопизмѣ. Онъ приводитъ нескончаемые ряды цифръ для доказательства своего тезиса, что „капиталистическое теченіе пересиливаетъ“ въ Россіи. И вдругъ, въ результатѣ статистическаго анализа, долженствующаго доказать ростъ нашего капитализма, получается призывъ къ „русскому обществу“ создать „крупное, обобщественное, обмірщенное производство“. Откуда возьмутся въ русскомъ обществѣ силы для этого созданія? Почему русское общество пожелаетъ приняться за это созданіе? Какими средствами послѣднее можетъ быть осуществлено? Въ какой мѣрѣ проектъ созданія „обмірщеннаго“ производства согласуется съ политическими, правовыми, культурными и иными условіями русской жизни? Всѣмъ этимъ г. —онъ ни мало не интересуется.

Но будучи чистымъ утопистомъ по своимъ практическимъ пожеланіямъ, г. —онъ нерѣдко совершенно трезво смотритъ на дѣйствительность. Онъ не отрицаетъ роста нашего капитализма, упадка промысловъ и крестьянскаго хозяйства вообще. Оптимизмомъ по отношенію къ дѣйствительности г. —онъ всего менѣе грѣшенъ. Онъ даже грѣшитъ обратнымъ: онъ слишкомъ ортодок-

сально-марксистски изображаетъ борьбу крупнаго и мелкаго производства, преувеличиваетъ во многихъ отношеніяхъ вліяніе капитализма на разныя стороны нашей хозяйственной жизни.

Совѣтъ иное теченіе нашей общественной мысли представляетъ г. В. В. Идеалы г. В. В. отнюдь не отличаются такимъ широкимъ полетомъ, какъ идеалы г. —она или г. Михайловскаго. Мы видѣли, что въ предисловіи къ „Судьбамъ капитализма“ г. В. В. самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывается отъ всякихъ несбыточныхъ мечтаній. Въ „Очеркахъ теоретической экономіи“ г. В. В., не обинуясь, называетъ „практическія заключенія“ г. —она „утопіей“¹⁾. Стремленіе г. —она подорвать вѣру въ политику „малыхъ дѣлъ“—въ частности въ поднятіе крестьянскаго хозяйства путемъ кредита (по мнѣнію г. —она, кредитъ способствуетъ только развитію кулаковъ, „но никакъ не можетъ служить производителю, будь этотъ производитель единичнымъ лицомъ или общиной“. Къ крестьянскому банку г. —онъ относится совершенно отрицательно) встрѣчаетъ энергичную отповѣдь г. В. В. Для этого послѣдняго „малыя дѣла“ — излюбленная стихія. Идеалы его очень узки и близки къ дѣйствительности. Извѣстно, что г. В. В. присвоиваетъ себѣ и своему направленію названіе „народническаго“ (отъ котораго отрекшиса г. Михайловскій). Уже этимъ названіемъ г. В. В. желаетъ подчеркнуть, что по своимъ пожеланіямъ и идеаламъ онъ близокъ къ „народу“—иначе говоря, къ крестьянству, которое олицетворяетъ народъ въ глазахъ г. В. В. И дѣйствительно, нельзя не признать, что практическая политика народниковъ направленія г. В. В. является попыткой создать общественную программу на базисѣ практическихъ реальныхъ нуждъ средняго крестьянства. Практическое значеніе этой программы отчасти подрывается ходомъ экономическаго развитія Россіи, уменьшающимъ жизнеспособность хозяйства средняго крестьянина. Крестьянскій банкъ, кустарные банки, ссудо-сберегательныя товарищества, артели, земскіе склады и музеи, земскіе агрономы и пр. и пр. разнообразныя мѣры помощи крестьянину, выдвигаемыя народниками, конечно, имѣютъ извѣстное значеніе. Отрицать это можно только съ узко доктринерской точки зрѣнія. Но не нужно также и преувеличивать важность этихъ мѣръ, играющихъ, во всякомъ случаѣ, второстепенную роль въ ряду факторовъ, опредѣляющихъ экономическое положеніе того

1) Очерки теоретической экономіи. 1895. Стр. 219.

общественнаго элемента, для котораго мѣры эти предназначены — средняго крестьянства.

По своей экономической и общественной программѣ наше народничество (въ узкомъ смыслѣ — направленіе г. Михайловскаго я не причисляю къ народничеству) чрезвычайно близко къ такимъ партіямъ Запада, какъ крестьянское аргарное движеніе Германіи и разнаго рода антисемитическія группы. Я, разумѣется, отнюдь не думаю приписывать антисемитизма г. В. В. Но для всякаго знакомаго съ экономической программой антисемитовъ, близость экономическихъ задачъ и цѣлей антисемитизма на Западѣ и нашего народничества не подлежитъ сомнѣнію. Центральнымъ пунктомъ программы какъ антисемитовъ, такъ и нашихъ народниковъ, является защита мелкаго производителя отъ натиска крупнаго капитала.

Итакъ по своимъ ближайшимъ цѣлямъ направленіе, представляемое г. В. В., оказывается, повидимому, весьма жизненнымъ. А такъ какъ среднее крестьянство, идеологическимъ выразителемъ интересовъ котораго является наше народничество, составляетъ большинство русскаго населенія, то, казалось бы, народничество должно было быть самымъ вліятельнымъ направлениемъ русской жизни. Однако этого несомнѣнно нѣтъ. Напротивъ, народничество быстро утрачиваетъ у насъ кредитъ и почти лишилось уже всякаго вліянія среди нашей интеллигенціи. Въ то время какъ утопическое направленіе г. г. Михайловскаго и — она обнаруживаетъ большую живучесть и продолжаетъ господствовать надъ умами значительной части нашей интеллигенціи, г. В. В. стоитъ теперь совершенно одиноко. Въ чемъ же причина этого страннаго неуспѣха направленія, выступающаго подъ флагомъ ближайшихъ экономическихъ нуждъ большей части русскаго населенія?

Причина эта, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что общій строй русской жизни не благопріятствуетъ успѣху слишкомъ трезвенныхъ, реалистическихъ программъ. Если бы народники имѣли возможность обратиться со своей проповѣдью „малыхъ дѣлъ“ непосредственно къ крестьянству, то я не сомнѣваюсь, что проповѣдь эта была бы услышана. Но въ этомъ то и дѣло, что, по нашимъ условіямъ, г. В. В. приходится обращаться съ этой проповѣдью не къ крестьянству, а къ интеллигенціи, которая ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣетъ. Трезвенность г. В. В. отталкиваетъ интеллигента отъ себя, что если

по своимъ практическимъ задачамъ народничество весьма реалистично, то по своему пониманію процесса хозяйственного развитія Россіи оно весьма утопично.

Если г. — онъ является утопистомъ въ области хозяйственной политики, то г. В. В. меньшій утопистъ въ области теоріи хозяйственного процесса. Г. В. В. не видитъ вполнѣ очевиднаго факта огромныхъ успѣховъ капиталистическаго хозяйства Россіи и склоненъ начисто отрицать ихъ, обладая совершенно непоколебимымъ оптимизмомъ. Эта непоколебимая вѣра въ силу „малыхъ мѣръ“ и закрываніе глазъ передъ событиями и процессами огромной важности не помѣшала бы успѣху г. В. В. передъ крестьянской аудиторіей, которая ради, хотя бы и незначительной, пользы малыхъ мѣръ простила бы г. В. В. огромные промахи его теоріи. Но для интеллигенціи общая несостоятельность теоретической конструкціи г. В. В. въ связи съ его политическимъ оппортунизмомъ выступаетъ на первый планъ и заслоняетъ реалистическіе элементы его экономической политики.

Гг. В. В. и Николай — онъ могутъ считаться такимъ образомъ выразителями двухъ различныхъ общественныхъ направленій нашей жизни, общимъ для которыхъ является отрицательное отношеніе къ капитализму, а различіемъ — оппортунизмъ одного направленія и радикальный утопизмъ другого. Оба эти направленія имѣютъ рѣзко выраженный демократическій характеръ и этимъ отличаются отъ другихъ направленій нашей жизни, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ.

Буржуазно-либеральное направленіе никогда не играло у насъ большой роли, что и понятно, ибо наша буржуазія не имѣла основанія быть либеральной по той простой причинѣ, что и при господствѣ казенщины ей жилось отлично. Органомъ этого направленія можетъ считаться, въ извѣстной мѣрѣ, „Вѣстникъ Европы“. Говорю „въ извѣстной мѣрѣ“ потому, что направленіе этого журнала столь же мало обладаетъ рѣзкой классовой окраской, какъ и направленіе г. Михайловскаго и его единомышленниковъ. „Вѣстникъ Европы“ гораздо болѣе либераленъ, чѣмъ буржуазенъ. Онъ отражаетъ собой не интересы какого-либо опредѣленнаго экономического класса, а взгляды и общественные идеалы культурной и либерально настроенной части нашихъ имущихъ классовъ вообще. Буржуазность же „Вѣстника Европы“ сказывается лишь въ томъ, что онъ вообще стоитъ на сторонѣ господствующаго экономического порядка и лишеньъ принципиальной враждебности капитализму.

„Вѣстникъ Европы“ всегда давалъ энергичный отпоръ посягательствамъ фабрикантовъ на карманы потребителей, боролся съ протекціонизмомъ, отстаивалъ фабричное законодательство. Экономическая программа „Вѣстника Европы“ тѣмъ отличается отъ программы народниковъ, что съ точки зрѣнія „Вѣстника Европы“ и крупное капиталистическое и мелкое ремесленное, кустарное или крестьянское производство одинаково имѣютъ право на существованіе и развитіе. Между тѣмъ какъ гг. В. В. и — онъ заявляютъ себя „истинными“ марксистами, „Вѣстникъ Европы“, въ лицѣ своего главнаго экономиста г. Слонимскаго, велъ и ведетъ принципиальную борьбу съ Марксомъ и марксизмомъ. Это различіе весьма характерно. Г. Слонимскій совершенно чуждъ отрицательнаго отношенія къ современному экономическому строю въ его основаніяхъ. Его идеаль — западно-европейскій буржуазный строй, а средствомъ осуществленія этого строя въ Россіи является реформа нашего законодательства въ либеральномъ духѣ. Отстаивая фритредерство въ области международной экономической политики, „Вѣстникъ Европы“ выступаетъ энергичнымъ защитникомъ фабричнаго законодательства и борется съ законодательными и иными мѣропріятіями, направленными къ удовлетворенію классовыхъ интересовъ крупныхъ фабрикантовъ. По своей экономической программѣ „Вѣстникъ Европы“ занимаетъ середину между направленіемъ такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ, господствующимъ въ Германіи, и чистыми фритредерами, имѣющими теперь какое-либо значеніе на континентѣ только во Франціи. Главнѣйшей же задачей нашего времени „Вѣстникъ Европы“ признаетъ для Россіи не экономическія, а политическія реформы — и въ этомъ рѣзко расходится съ народничествомъ и въ то же время вполне сходится съ тѣмъ инымъ, новѣйшимъ направленіемъ нашей общественной мысли, котораго я не касаюсь въ этой книгѣ, и къ которому принадлежу и я.

Что касается до чисто классоваго теченія, враждебнаго протекціонизму и фабрикъ, то оно могло исходить только отъ аграрнаго класса. И дѣйствительно, въ средѣ нашего землевладѣльческаго класса не прекращалась оппозиція не только протекціонизму, но и всему новѣйшему направленію нашей торговопромышленной и финансовой политикѣ. Достаточно напомнить о томъ упорномъ сопротивленіи денежной реформѣ, имѣвшей цѣлью ускорить капиталистическое развитіе Россіи, которое пришлось преодолѣть нашему министерству финансовъ. Яркимъ образчикомъ этой чисто

аграрной оппозиціи росту промышленнаго капитализма является, напр., извѣстное ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества по поводу пересмотра таможеннаго тарифа въ 1890 г. Это ходатайство дышетъ духомъ фритредерскихъ журналовъ начала вѣка. Приведу для образчика нѣкоторыя выдержки изъ этого любопытнаго документа.

„Съ политической точки зрѣнія не расчетъ насаждать капиталистическія и демократизирующія производства, въ ущербъ искони народнымъ консервативнымъ, какъ не расчетъ распложать массы негодныхъ къ исполненію воинской повинности безземельныхъ и бездомовныхъ людей, которымъ терять нечего и которые давно не пользуются у насъ доброю славою. Уже въ 1812 г., по свидѣтельству очевидцевъ, простолюдины Московскои губерніи считались самыми развратными въ Россіи людьми. Достаточно и въ наше время просмотрѣть списки безсрочно отпущенныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ, чтобы подмѣтить весьма характерный фактъ: въ ту пору, какъ тамбовскіе земледѣльцы возвращаются изъ военной службы большей частью унтеръ-офицерами, ефрейторами, фельдфебелями и вахмистрами, московскіе фабричныя чуть не поголовно оказываются въ разрядѣ штрафованныхъ. Общеизвѣстны притомъ и факты разрушенія семейныхъ началъ въ фабричномъ нашемъ населеніи, и фактъ непомѣрнаго пьянства въ его средѣ... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ было дознано, что когда желѣзныя дороги упразднили гужевою промыселъ, то коломенскіе и серпуховскіе извозчики въ большинствѣ ушли на фабрики, распились и обдѣлали, тогда какъ тульскіе, орловскіе и курскіе купили на вырученныя за лошадей деньги землю и всецѣло отдались сельскому хозяйству... Тарифы съ безсрочно-высокими ставками равносильны систематическому разоренію потребительныхъ массъ, при которомъ самый ростъ народнаго богатства становится физической невозможностью“. Эти и другія подобныя соображенія названнаго удивительнаго „ходатайства“, не дѣлающаго во всякомъ случаѣ чести Вольно-Экономическому Обществу, приводятъ Общество къ заключенію, что „не только не усматривается поводовъ къ дальнѣйшему повышенію таможенныхъ пошлинъ, но наступила пора принять починъ и въ таможенномъ разоруженіи“ 1).

Само собою разумѣется, что подобнаго рода „ходатайства“ не

1) Ходатайство Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1890.

получили удовлетворенія. Тарифъ 1891 былъ торжествомъ протекціонистовъ. За протекціонистовъ была вся консервативно-націоналистическая печать, съ „Московскими Вѣдомостями“ во главѣ. Однако, хотя вліяніе классовыхъ интересовъ фабрикантовъ на направленіе нашей торговопромышленной политики не подлежитъ спору, было бы большою ошибкой считать эти классовые интересы единственной или даже главной причиной усиленія протекціонизма въ новѣйшее время. Вопросъ этотъ, по плану настоящей работы, относится ко второму тому „Русской фабрики“; тѣмъ не менѣе замѣчу уже и теперь, что и въ новѣйшее время, какъ и при возникновеніи нашей фабричной промышленности при Петрѣ I, русское правительство, поощряя ростъ фабричнаго производства, руководилось главнымъ образомъ такъ назыв. „государственными“ соображеніями — т. е. стремленіемъ увеличить платежныя силы населенія для пополненія государственнаго казначейства. Ростъ производительныхъ силъ есть единственно-возможная опора политическаго могущества. Поэтому усиленіе націоналистическаго направленія не можетъ не сопровождаться въ странѣ съ юной и неокрѣпшей промышленностью усиленіемъ покровительства національной промышленности. Въ этомъ ростъ націонализма—а не въ усиленіи вліянія чисто классовыхъ интересовъ фабрикантовъ—и слѣдуетъ видѣть важнѣйшую причину того поворота нашей торговопромышленной политики, которымъ были ознаменованы 80-е годы.

Эти бѣглыя замѣчанія о роли нашей фабрики и промышленнаго капитализма въ строѣ русской общественной жизни далеко не исчерпываютъ, разумѣется, затронутыхъ мною вопросовъ. Дальнѣйшее развитіе и обосновка сказаннаго въ этой главѣ отлагается мною до второго тома „Русской фабрики“, съ выходомъ котораго я постараюсь не замедлить.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

Due end of ~~FALL~~ ~~Quarter~~
subject to recall after — ~~Nov 1 2 3 4 5 6 7 8~~

REC'D LD JAN 6 - 71 - 1 PM '78

Sac. St. Coll.

INTER-LIBRARY
LOAN

MAY 14 1971

LD21A-60m-8,'70
(N8837s10)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley